

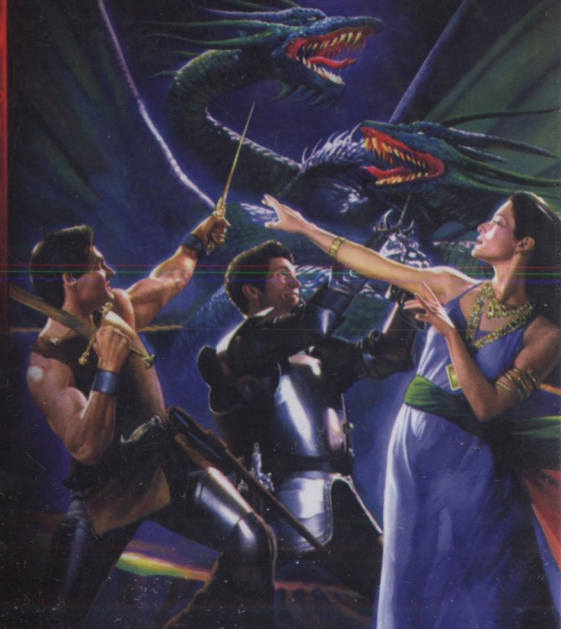
Вуаль Тысячи Слез

Эрик Ван
Ластбадер

Вуаль Тысячи Слез

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Эрик Ван
Ластбадер

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ERIC VAN

LUSTBADER

**The Veil of a
Thousand Tears**

ЭРИК ВАН

ЛАСТБАДЕР

Вуаль Тысячи Слез

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

В17

Серия «Золотая серия фэнтези» основана в 1999 году

Eric Van Lustbader
THE VEIL OF A THOUSAND TEARS

Перевод с английского Е. Рачковой

Серийное оформление А. Кудрявцева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 23.11.04. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 35,28. Тираж 6000 экз. Заказ № 3337.

Издание подготовлено при участии А/О ТИТУЛ.

Ван Ластбадер, Э.

В17 Вуаль Тысячи Слез : [фантаст. роман] / Эрик Ван Ластбадер; пер. с англ. Е. Рачковой. — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. — 670, [2] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-026670-7 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9660-0888-4 (ОАО «ЛЮКС»)

Раса ЛЮДЕЙ и раса покоривших их ТЕХНОМАГОВ...

Очень разные — и очень похожие...

Ненавидящие друг друга — но способные иметь ОБЩИХ ДЕТЕЙ...

Согласно древнему пророчеству, победители и побежденные смогут
выжить ТОЛЬКО ВМЕСТЕ...

Только — если рожденный от двух враждебных рас овладеет тайной
связи между Темной и Светлой магией, обретет древнее Кольцо Пяти
Драконов и отыщет Жемчужину магического Знания...

Пророчество ИСПОЛНЕНО.

Принц-«техномаг» Аннон, завладевший телесной оболочкой «человеческой»
волшебницы Рианы, следует по Пути Избранного.

Ведь только в теле этой женщины сможет от поднять таинственную
Вуаль Тысячи Слез, открывающую посвященному древнюю магию...

УДК 821.111(73)-312.9

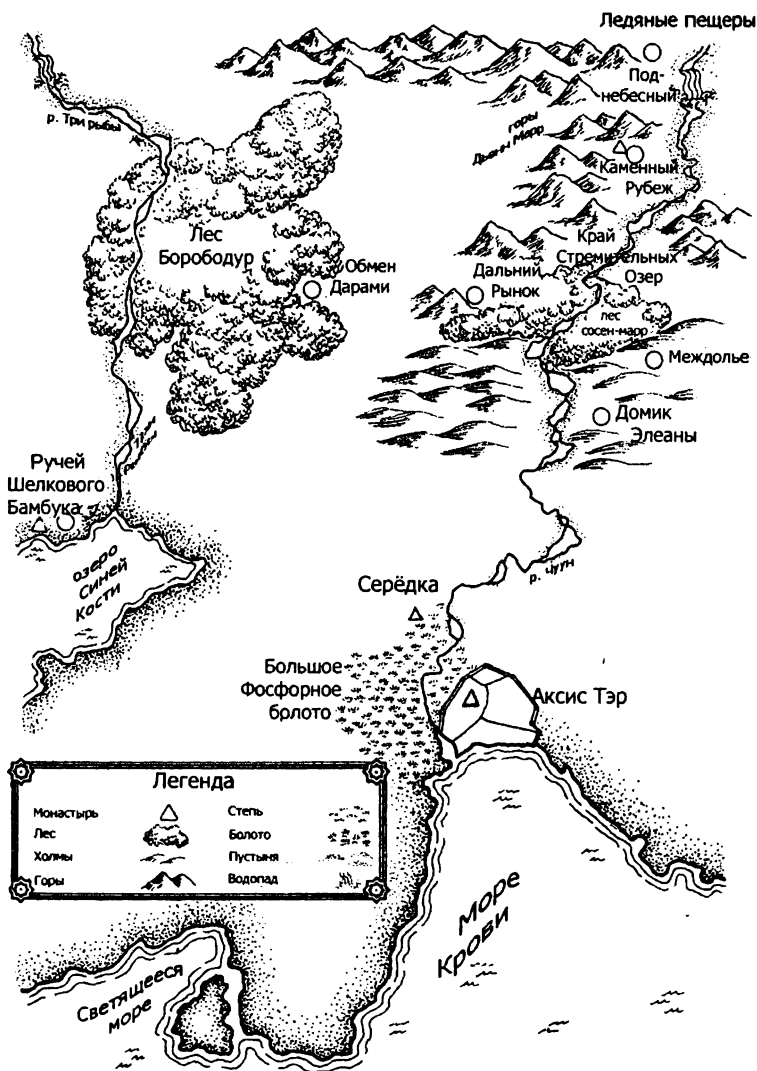
ББК 84 (7Сое)-44

© Eric Van Lustbader, 2002

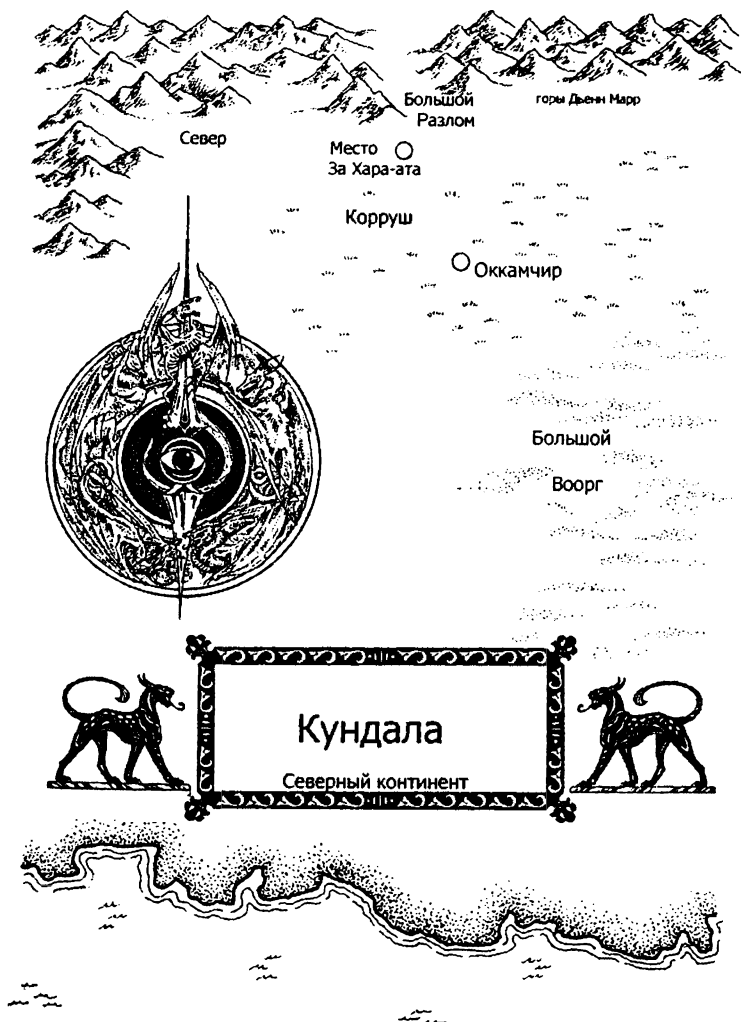
© Перевод. Е. Рачкова, 2005

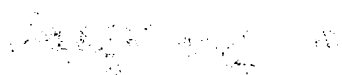
© ООО «Издательство АСТ», 2005

Дэвиду, Линде и Тому

Неведомые Земли

Книга первая

НЕВИДИМЫЕ ВРАТА

*Из пятнадцати Духовных Врат
Невидимые Врата — единствен-
ные, где обитает дух, который
сплетает нить судьбы и будуще-
го, именно здесь начинается на-
дежда и кончается мечта.*

«Величайший Источник»,
Пять Священных Книг Миины

1

ОТКРЫТЫЙ ПОРТАЛ

Риана и Джийан сидели одни в библиотеке монастыря Течного Течения. Стояла полночь. Колючие ветки сэсалового дерева шелестели на холодном ветру, и ритмичные толчки сотрясали землю под фундаментом монастыря, где мощные потоки лавы извивались, будто медные кудри Великой Богини Миины.

Монастырская библиотека с мраморными колоннами была неприступной, словно окруженный крепостными стенами замок. Рамаханский монастырь пустовал много лет до того, как Риана и ее друзья — кундалианская колдунья Джийан, рэнн-нон Реккк Хачилар, Элеана — вождь кундалианского Сопротивления и раппа по имени Тигпен укрылись здесь несколько недель назад. По всей стране за ними охотились отряды кхаггунов, которые однажды сумели ворваться в монастырь. Тогда спасло только колдовство Джийан. Разбудив товарищей, она велела замаскировать следы пребывания в монастыре, а потом повела в близлежащий лес. И там, в холодной тишине, они ждали, пока враги уйдут.

Сам монастырь с осыпающимися стенами, разграбленный в'орнами десятки лет назад, походил на пепелище. На грязных карнизах жили многоножки, тенистые углы облюбовали пауки, сотворив там настоящие узорчатые города. И давным-давно сквозь толстые плиты монастырской площади проросло эсаловое дерево, ставшее сильным и прекрасным; его ветви вились под притолокой восточного храма, пытаясь прорваться внутрь. Мощные узлы сероватых корней покрыли искусный орнамент каменных плит, будто доказывая, что жизнь побеждает смерть и тлен. Уцелела лишь библиотека, защищенная мощным заклинанием, которое Джийан сняла, чтобы они смогли войти.

Риана посмотрела на Джийан — высокую, стройную, словно золотисто сияющую. Лишь панцирь из почерневшего хризалида темнел на ее предплечьях и кистях. Даже сейчас Риане не верилось, что они снова вместе. В присутствии Джийан в ее сознании возникала путаница: она становилась не просто Рианой, шестнадцатилетней кундалианской девушкой, не помнящей ни дома, ни родителей, — в ней просыпался дух в'орнна Аннона Ашеры, старшего сына Элевсина Ашеры. Элевсин правил Кундалой, пока его заклятый враг прим-агент Веннн Стоггул и Морка Кинний, командир образцового отряда охраны Элевсина, не подняли мятеж.

Риана пристально вглядывалась в васильковые глаза Джийан.

— Каждый раз, когда ты на меня смотришь, я читаю в твоих глазах удивление.

У Джийан защемило сердце: она знала, что скрывается за словами Рианы, и будто слышала давно мучивший девушку вопрос: «Ты все еще любишь меня?»

— Как чудесно находиться здесь с тобой наедине, называть тебя Тэйаттт.

Тэй был маленькой пестрой четырехкрылой птичкой, одной из тех, что разводят и берут повсюду с собой гэргоны, в'орнновские техномаги.

— Крошка Тэй. Ты любила звать меня так, когда Аннон был ребенком.

Джийан почувствовала резкую боль в сердце и страх.

— А Аннону это не нравилось?

Риана ответила не сразу.

— Думаю, он не оценил твою любовь. Он просто не знал, что с ней делать.

— Как странно ты об этом говоришь...

— Я больше не Аннон, — развела руками Риана. — Аннон умер, на Кундале это известно каждому.

— А мы? Что знаем мы?

Риана взглянула на величественный купол библиотеки, инкрустированный кундалианской мозаикой. Сложенный из миллионов крошечных изразцов цветного стекла, подогнанных один к другому с искусностью, присущей лишь мастерам Кундалы, купол источал небесное сияние, будто в библиотеке постоянно восходило или садилось солнце. Под этим призрачным небом она чувствовала себя защищенной и от врагов Аннона, и от врагов Дар Сала-ат. Ведь Аннон был не только наследником Консорциума Ашероу. Он и та, кем раньше была Риана, — этот необыкновенный двойственный организм представлял собой Дар Сала-ат, избранницу Миины. Именно ей было предрешиено найти Жемчужину, древнюю реликвию Кундалы, чтобы освободить народ от рабства более развитых в'орннов, которое длилось уже сто один год.

— Сейчас, наедине, — наконец отозвалась Риана, — мы можем разделить мертвое прошлое, как две ведьмы, которые превращают простую воду в живую.

— Помешивая зелье в котле...

— Да, — слабо улыбнулась Риана, — пытаюсь сварить нечто особенное...

Краем глаза она заметила какое-то движение. Мимо восточного окна в свинцовой раме прошел вечно бодрствующий Реккк Хачилар. Его длинную лысую голову покрывал платок с головы поверженного Краэла, повязанный в виде шлема; в руках Реккк держал тяжелый боевой меч. Багровые доспехи неярко мерцали. Когда-то Хачилар был одним из кхагтгунов из воинской касты в'орннов, а потом, полюбив Джийан, порвал с ними, объявив себя рэннноном. В настоящий момент он исполнял волю уже мертвого гэргона, Нита Сахора, который хотел, чтобы Дар Сала-ат нашли и охраняли. Поэтому Реккк и поклялся защищать Риану.

— Нам подарили чудесную возможность, правда? — проговорила Джийан. — Второй шанс.

Тем временем Реккк и Элеана во дворе начали упражнения с мечами. Элеана была ровесницей Рианы, в ее тонких белых руках меч в'орннов казался слишком массивным, но его двойные лезвия так и сверкали, с силой рассекая ночной воздух. Под руководством Реккка мастерство Элеаны росло с каждым днем. Тренировки продолжались бесконечно, Реккк утверждал, что они лечат его раны, как телесные, так и душевные.

Сердце Рианы сжалось, когда она увидела их вместе. Аннон и Элеана любили друг друга, но теперь, как и все остальные, воительница считала его мертвым. А Риана, новая Риана, по-прежнему любила Элеану и понятия не имела, что делать с этим чувством.

Джийан, проследив за ее взглядом, обо всем догадалась.

— Хочешь ей признаться... Что ж, понятно.

— Я люблю ее и всегда буду любить.

— Твоя любовь побуждает тебя рассказать ей обо всем, — молчание Рианы было красноречивее ответа, — но ты не можешь. Рассказывать, кто ты на самом деле, очень опасно для вас обеих.

— Она ведь сумела поднять восстание, поэтому к тайнам и секретам ей не привыкать.

— Не к таким тайнам. Эта ноша будет Элеане не по плечу.

— По-моему, ты ее недооцениваешь.

Вдруг все услышали шум двигателей и испуганно замерли. Глаза поднялись к небу, потому что гул кхагггунских звездолетов, сверкающих металлом пушек, заглушил шорох ветра и щебет ночных птиц. Собравшихся охватил леденящий ужас, будто из атмосферы исчез пригодный для дыхания воздух. Они увидели бледные ионные следы, недолговечные, словно дым, и в неярком сиянии луны похожие на зловещие руны под трепещущими облаками. Медленно текли секунды, и вот гул унесся прочь. Сначала от него осталось лишь эхо, а потом и оно растворилось в тишине, от которой болели уши. Риана и Джийан облегченно переглянулись, и Риана снова взглянула на Элеану, любясь гибкими движениями девушки. Темные ресницы. Свет луны на высоких скулах. Плавный изгиб живота.

— Или дело не в этом? Ты ей не доверяешь?

— Дело не только в доверии, — осторожно сказала Джийан.

— Разве? — Слова Рианы прозвучали резче, чем ей самой хотелось.

— Я же тебе объясняла: в Пророчестве сказано, что у Дар Сала-ат будет три союзника. Один будет ее любить, второй — предаст, а третий попытается погубить.

— Не может быть, чтобы речь шла об Элеане. Кто угодно, только не она!

— И все же это она, — мягко ответила Джийан. — Ты не можешь представить того, что известно мне.

— Она беременна от Кургана. — Курган был старшим сыном Вэннна Стоггула и — когда-то — лучшим другом Аннона. — Очень скоро ей потребуется наша помощь и поддержка.

— Ты — Дар Сала-ат, у тебя найдутся дела поважнее.

— Она до сих пор помнит, как ее насиловал Курган. Что может быть важнее, чем боль ближнего?

— Судьба нашего народа.

— Судьба нашего народа состоит из боли. Ты должна это понимать лучше всех в Кундале.

Джийан в изумлении смотрела на Риану — золотоволосую, загорелую, с крепкими от скалолазанья мускулами. Она подумала, что эта красивая сильная девушка легко вырвется, если попробовать ее обнять.

— Прости меня, Тэйаттт, — попросила Джийан. — Я всю жизнь хранила тайны. Сначала скрывала свой дар от колдунов Осору, которым поклонялись рамахане. Потом скрывала от в'орннов то, что называюсь госпожой. Ведь они наверняка убили бы меня, если б узнали, кто я такая. И наконец, я хранила тайну о тебе, потому что попытались бы уничтожить и тебя. Из тайн состоит вся моя жизнь.

Свет двух из пяти лун Кундалы проникал через пять арочных окон библиотеки и, отражаясь от стеклянных изразцов купола, преломлялся в трех направлениях. Яркое освещенная луной Джийан, казалось, излучала колдовскую энергию. Ее белое одеяние напоминало по цвету снега, покрывающие неприступные вершины Дьенн Марра, горной цепи, лежащей на севере. Кисти и предплечья под густо-черным хризалидовым

панцирем были единственными частями ее тела, не сиявшими, как солнце. Хризалиды появились на руках Джийан после того, как она нарушила священный круг Нантеры, тщетно пытаясь спасти Аннона. Разве колдунья могла поступить иначе? Ведь он был ее сыном, которого она родила от регента Элевсина Ашеры. Джийан не рассказала об этом никому: ни Реккку, ни самому Аннону. Элевсин с самого начала убедил ее хранить все в тайне. Время от времени гэргоны посылали отряды кхагггунов для розыска детей, что рождались у кундалианских женщин, изнасилованных в'орннами. Хотя эти дети очень походили на в'орннов, геноматекки забирали их в «Недужный дух» в Аксис Тэре, где когда-то был кундалианский приют. Какие эксперименты проводили там над ними, не знал даже Элевсин.

Джийан покачала головой.

— И все же я не стану советовать тебе. Ты сама должна принять решение.

— Какое бы решение я ни приняла, — отозвалась Риана, — обещаю, что оно не будет опрометчивым.

— Большого я и не прошу, Дар Сала-ат.

Риана вернулась к книге, которую дала ей Джийан. Как и ее сестра-близнец, Джийан была рамаханой. Однако в отличие от Бартты, следовавшей Кэофу, магии Черной Грезы, до самой смерти на пожаре, она исповедовала магию Пяти Лун Осору. У Рианы тоже был Дар, ей передал его по наследству Аннон. Правда, Риана только познавала азы колдовства, но уже предвкушала, что станет такой же искусной колдуньей, как Джийан. Хотя Стоггул и Морка умерли и она одолела Малистру, злую колдунью Кэофу, врагов у Дар Сала-ат было превеликое множество. И намного опаснее поверженной Малистры, которая при жизни охотно помогала всем желающим стоять козни против Рианы. Когда волшебница погибла, враги Рианы ни на минуту не оставили своих замыслов и нашли других помощников. И все же сейчас Риану интересовало совсем другое.

Она отложила учебник с теорией и упражнениями по Древнему языку и подошла к Джийан. В воздухе вились пылинки, вспыхивающие в свете лампы. Одна из лун, цвета свежей тра-

вы, была полной и ярко светила в арочное окно. В паутину угодило какое-то насекомое.

— Ты так быстро выучила свой урок, Тэйатт? — Густые пряди цвета яркой меди упали на точеную шею Джийан и заскользили по плечам.

— Честно говоря, у меня накопилось слишком много вопросов, чтобы воспринимать знания. — Риана сложила руки на трапезном столе из аммонова дерева, который тянулся через всю библиотеку. — Если ты знаешь, то должна мне объяснить, почему я не смогла открыть дверь в Хранилище.

Джийан молчала целую вечность. Без всякого сомнения, она, как и Риана, думала о двери в Хранилище, которую миллиарды лет назад Миина воздвигла в пещерах под Средним Дворцом.

Там Миина укрыла Жемчужину до того времени, когда, согласно Пророчеству, она понадобится. По преданиям кундалиан, эту дверь может открыть только Дар Сала-ат при помощи Кольца Пяти Драконов. Одолев злую волшебницу Малистру, Риана попыталась открыть дверь, используя Кольцо, но ничего не получилось. Почему же?

Джийан собиралась заговорить, когда внезапно ее лицо искажилось от боли. Застонав, она схватилась за хризалидовый панцирь на правой руке.

— Джийан...

— Все хорошо, — прошептала колдунья, — боль уже проходит.

Лоб Джийан покрылся бисеринками пота.

— Я хочу помочь.

— Увы, одного желания мало... — В уголках глаз появились слезы. Джийан сильно побледнела и попыталась успокоиться. — Кольцо Пяти Драконов не помогло тебе открыть дверь лишь по одной причине. На место, где Миина построила Хранилище, она наложила охранное заклятие. Это звучит странно, и все же Портал между нашим миром и Бездной был взломан. Тогда к нам проникли демоны, изгнанные в Бездну миллиарды лет назад. Пока они находятся в нашем мире, дверь не удастся открыть даже тебе.

У Рианы защемило сердце.

— Тзелос...

— Да, ты дважды видела Тзелоса. Первый раз, когда на тебя наложили заклятие. Второй — в облике волшебного Аватара Кзофу. Мне кажется, что Тзелос уже появился здесь. Ведь он и есть демон из Бездны, попавший в наш мир.

— Как?

Глаза Джийан потемнели.

— Боюсь, тут виновата я.

— Ты?! Ничего не понимаю.

— Накладывать Нантеру было смертельно опасно, — начала Джийан, — и столь же опасно было открывать Портал.

Тщетно пытаясь спасти Аннона от врагов, Джийан и Барта на время открыли запрещенный Портал в бездну. Сущность Аннона, все то, что делало его таким необыкновенным, перенесли в тело Рианы, кундалианской девушки, умиравшей от дуурской лихорадки. Слившись воедино, они составили Дар Сала-ат, избранницу Миины. С того дня Риана стала надеждой Кундалы, от нее зависело будущее народов планеты.

— Но ведь ты говорила, что с помощью Нантеры Портал можно открывать. Правда, осторожно и лишь в самых крайних случаях.

— Это так, и к тому же я нарушила одно из правил безопасности. Я использовала волшебное заклятие в личных целях, чтобы достать твое тело. Сдержаться я не смогла и... — Джийан положила руку на сердце.

Риана заключила ее в объятия.

— Даже если ты права и все произошло так, как ты рассказываешь, случилось то, что случилось. И не важно, кто взломал печать на Портале. Сейчас необходимо его вновь опечатать.

Джийан покачала головой.

— Это не так просто, Дар Сала-ат. Когда Миина создала Бездну, чтобы заточить туда демонов и архидемонов, она устроила семь Порталов, на каждый из которых наложила разные волшебные замки. Так гарантировались надежность и безопасность. Если Пэфорос или его отпрыск смог бы взломать один замок, то любой другой надежно защитил бы нас. Лишь когда одновременно открываются все семь замков, демоны мо-

гут проникнуть в наш мир. — Джийан нервно зашагала вперед. — Поэтому опасен не Тзелос, а архидемон, который его сюда привел.

— Архидемон в нашем мире? — изумленно раскрыла рот Риана.

— Последствия могут быть катастрофическими, — проговорила Джийан. — Если мы не найдем архидемона и не сумеем его нейтрализовать, то трудно представить, что может произойти.

— Но если он здесь, кто-нибудь уже увидел бы этого... архидемона.

— Напротив. Архидемоны не в состоянии долго существовать в собственном облике, пока не откроются семь Порталов. Им нужны временные тела и души, которыми они смогут овладеть и манипулировать. Проникновение в тело происходит незаметно, и поначалу не возникает никаких подозрений. Легенды гласят, что власть, которую приобретают демоны над хозяевами временных тел, неограниченна. Действия одержимого время от времени кажутся странными, потому что архидемон не сразу получает доступ к памяти и знаниям хозяина тела. Однако окончательный захват — только вопрос времени.

— Нам нужно либо уничтожить обоих, либо вернуть их в Бездну, — заявила Риана, — иначе я никогда не открою дверь в Хранилище и не достану Жемчужину.

Джийан, сжимавшая пальцы, покрытые жутким панцирем, мрачно улыбнулась.

— Тебя нужно скорее учить колдовству. Мы с Тигпен поможем тебе. Священные тексты Миины «Величайший Источник» и «Книга Отречения», которые ты уже прочла, требуют разъяснения, дабы ты постигла внутренний механизм научного языка и колдовство как науку. Нужно изучить точный состав снадобий, формулировку заклинаний идей, теорий, шепота, теней и света. Усвоив всю информацию, ты начнешь практические упражнения. И так до тех пор, пока знания не впитаются в тебя и не станут частью твоей сущности.

На лицо Рианы легла тень.

— Меня могла бы научить Мать, — прошептала собеседница колдуньи, — но она мертва.

Риана носила бирюзовое шелковое платье, сшитое из одежд Матери после того, как ужасное заклинание Кэофу заставило Риану убить ее по ошибке. Да, убийство предсказало Пророчество, однако жить от этого было не легче.

Джийан потянулась было к Риане, но осеклась. Когда она смотрела на свое дитя, переродившееся в новой ипостаси, в душе смешивались надежда и боль раскаяния. Никогда Аннону не узнать, что он — ее сын и почему Джийан решилась соединить его дух с телом кундалианской девушки. А Риану она оставила с Барттой, которая относилась к ней ужасно. Джийан вновь сильно сжала покрытые панцирем пальцы.

— Мать первая сказала бы тебе, что одного учителя не хватит. — В голосе колдуньи пульсировала жалость к собственному ребенку, стремление самой перенести все испытания. — Наш путь будет долгим и тернистым, Дар Сала-ат. Однако мне необходимо скорее доставить тебя кое к кому. Ее зовут Джоннка. Она имари в «Сиянии», кашигтене северного квартала Аксис Тэра.

— Чему меня может научить жрица любви из саламуууного кашигтена?

Джийан слабо улыбнулась.

— В тебе снова говорит в'орнн. Я знаю, что ты спешишь, Тэйатт. И все же ты должна понять: нужно учиться и учиться. Легких путей нет, даже колдовских и магических. Как я говорила, путь Дар Сала-ат очень нелегок. До сегодняшнего дня ты жила и как знатный в'орнн, и как рамаханская девушка, запертая в монастыре Плывущей Белизны. И в том, и в другом случае ты была защищена от внешнего мира. Сейчас обе эти жизни кончились.

— Не понимаю...

Джийан раскрыла одну из своих книг и повернула так, чтобы Риана могла видеть текст, написанный на Древнем языке.

— Видишь, здесь сказано, что до того, как пришли в'орнны, были времена, когда в небе сверкала молния, и все волшебные существа Миины — раппы, нарии, первиллоны и даже йа-гаары и священные драконы — бродили по суше и небу, а на Кундале царили мир и гармония. — Колдунья перевернула страницу. — Мужчины и женщины имели равные права, обязанности и власть. Равноправие царило и среди рамахан.

— А затем жрецы подняли мятеж и лишили Матерь власти, — проговорила Риана, — они держали ее в плену больше века.

— Пока ты не разыскала и не освободила ее, — продолжила Джийан, чувствуя, что Риана волнуется. — Особенно важно то, что сейчас на Кундале мужчины считают себя выше женщин, так же как месаггуны смотрят свысока на своих тускуггун. Вот с этим ты и должна будешь бороться. — Колдунья захлопнула книгу. — От этих слов у меня стынет кровь. Ведь здесь говорится о самом страшном из того, что с нами сделали в'орнны. Ты понимаешь, о чем речь, Риана?

— О том, что они лишили нас свободы.

— Нет, не это самое страшное.

— Еще они перебили десятки тысяч кундалиан...

— И это ужасно, — кивнула Джийан. — И все же самое страшное — то, что происходит сейчас и каждый день. В'орнны используют против нас время, идеи и наше собственное сознание. Почему кундалианские мальчики смотрят сверху вниз на своих подруг? Потому что другого отношения к женщине они не знают. Каждый день к безбожному культу Кэры примыкают все новые обращенные. Как ты думаешь, откуда взялся культ Кэры? Конечно же, от в'орннов!

Риана испугалась.

— Ты уверена? Аннон об этом не знал.

— Я почти уверена, что об этом толком не знают и большинство в'орннов. Как бы то ни было, число последователей Кэры множится. С каждым новым поколением великое учение, которое Миина с таким трудом создавала и насаждала среди своих детей, вымывается из памяти, выедается едкой кислотой в'орннов. В монастыре Плывающей Белизны ты видела то же самое. Никто больше не преподает Осору, Священное Писание искажено до неузнаваемости. Самое ужасное, что рамаханы приемлют эти извращения. Они не видят правды, потому что моральные принципы уничтожены в стенах самого монастыря. А без морали правда не имеет никакой власти!

В глазах Джийан поднялись слезы, а Риана чувствовала ее боль, словно свою собственную. Все то, что оставалось в ней от в'орннов, восстало против этих слов, эмоций и доказательств того, что они сотворили. От внутренней дисгармонии Риана

так ослабла, что ей пришлось схватиться за край стола, дабы не упасть на сияющий пол.

— Пойми, Риана, — шептала Джийан, — время — лучший помощник лжеца. Ибо если ложь повторять долго, правда постепенно забывается. Ложь занимает место правды. История переписывается, и все теряется.

Риана думала о том, как Бартта, бывшая настоятельницей монастыря, убила свою подругу Асту и обставила все как несчастный случай. Она вспомнила, как Бартта мучила ее саму и в конце едва не убила. Бартта была злой, но ведь она искренне верила в ложь и извращения, которые проповедовала. Она была и преступницей, и жертвой.

Васильковые глаза Джийан спокойно разглядывали Риану. Между собеседницами словно пробежала искра — память Аннона позволяла им говорить на своем собственном языке. Такой язык может обладать огромной силой, потому что его основа лежит в крови, несущей неопровержимую правду каждой косточке тела.

— Все же в в'орнах кроется какая-то тайна, — шелестела Джийан. — Вот Элевсин, смелый и добрый, вот Реккк, тоже смелый и добрый... А интереснее всех, пожалуй, гэргон Нит Сахор, который отдал за нас жизнь.

— Однако настоящая тайна бьется в кундалианских сердцах, — возразила Риана. — Как ты могла вырастить Аннона и не возненавидеть его, как кровного врага, как смогла растить его и любить, будто свою кровь и плоть, как, рискуя собственной жизнью, спасла его от врагов Ашеров?

— Враги Ашеров были и моими врагами, — просто ответила Джийан.

После этих слов сила Джийан не вызвала никаких сомнений, и в душе Рианы рухнул последний бастион мужского естества.

— Я люблю тебя, Джийан, — призналась Риана. — Это замечательно, что из всех кундалиан именно ты станешь проводником Дар Сала-ат.

— Я люблю тебя больше жизни, Тэйаттт. — По щекам Джийан катились слезы. Она потянулась к сыну, но не почувствовала ничего, кроме электрических разрядов, исходяемых хризалидами.

— Вместе мы возродим учение Миины и вернем ему былую славу, — твердо сказала Риана.

— Боюсь, нам придется попотеть.

Риана чувствовала, что за пессимизмом Джийан что-то скрывалось. Она же знала, что в Джийан есть нечто от оракула. Затем мужское начало в'орннов взяло верх.

— Раз суждено, значит, так и будет.

Джийан улыбнулась сквозь слезы.

— Когда ты так говоришь, то напоминаешь мне Нита Сахора. Его смерть стала большой утратой для нас.

— Я встречала гэргона только раз, — сказала Риана, — но без его помощи ни за что бы не смогла пробраться к двери Хранилища вовремя и не успела бы помешать плану Тэмноса, которому не терпелось разрушить Кундалу.

— Ты бы оценила его мудрость, и, возможно, тебе бы понравился он сам. Жаль, что Сахор не похож на других гэргонов.

Тут в первый раз Риана увидела название книги, которую читала Джийан: «Тьма и ее составляющие». Она показала на манускрипт.

— Там написано про Тзелоса?

Джийан вновь невесело улыбнулась и раскрыла том. Риана увидела большой, на всю страницу, рисунок, сделанный с математической точностью. На нем изображалось чудовище, которое она видела в Иномирье. Рисунок одновременно завораживал и вызывал отвращение.

— Грязный эксперимент Пэфороса не удался, — злорадно провозгласила Джийан, — равно как и все остальные.

— Что он пытался сделать?

— Сотворить то, что подвластно только Создателю.

— Великой Богине Миине?

— Да, она способна дать жизнь, по крайней мере так написано. Но это не одно и то же. Даже Миина — не Создатель. Она не может произвести жизнь из простых составляющих Космоса.

— Но ведь она сотворила Кундалу?

— Нет! Она попросила Священных Драконов создать Кундалу, и они сделали это с помощью Жемчужины. Они принесли огонь и воздух, землю, воду и металл с далеких звезд. Когда

в незапамятные времена родилась Кундала, по мановению руки Создателя появился наш народ.

Риана обдумывала услышанное. Ей казалось, сама история хранится на толстых полках с книгами. Она слышала голоса предков-кундалиан, разбуженных от долгого сна разговорами о Создании. По щеке скользнул солнечный зайчик, отразившийся от мозаичного купола. Или ее коснулось дыхание предков? Под мозаичным куполом будто оживали надежды, страхи, мечты, сотканые из звезд континенты, темные блестящие моря. Снова и снова Риана чувствовала огромную всепоглощающую любовь к женщине, которая вырастила Аннона, спасла его от неминуемой гибели и была готова пожертвовать всем, включая собственную жизнь, чтобы спасти выращенного ею ребенка-в'орнна. Одной частью своей души Риана чувствовала, что никогда не сможет понять это чудо, а другой испытывала бесконечную благодарность.

Все как обычно. В'орннам нужны ответы на вопросы. Именно поэтому они и отправились покорять Космос. Именно поэтому гэргоны продолжали таинственные эксперименты. Они искали ответы на вопросы: «Кто мы? Откуда пришли? Куда идем?» Говорили, что гэргоны мечтают о бессмертии и хотят стать равными богу Энлилю, которого они отвергли и развенчали. Правда ли это? Точного ответа не знал никто. Гэргоны умели хранить секреты и изобретать различные уловки и отговорки. В какой-то мере они уже превратились в полубогов — сильных, властных, надменных.

Все, кроме Нита Сахора.

— А где была Миина? — с подростковой прямоотой спросила Риана. — Она видела Создателя?

— Она спала, — ответила Джийан, в словах которой звучала вера. — А когда она проснулась, мы уже были здесь с ее именем на устах.

Джийан хотела сказать что-то еще, губы уже приоткрылись, чтобы произнести следующие слова, но тут почувствовала резкую боль. Колдунья со стоном опустилась на колени и обхватила руками тонкую талию. Риана опустилась рядом с ней и обняла ее с той же нежностью, с какой сама Джийан обнимала маленького Аннона, когда он болел малярией.

В тот момент между ними легла тень. Выглянув в окно, они увидели сову с короной на голове, которая летела прямо к луне, размахивая сильными пятнистыми крыльями. «Это — знак, — с тяжелым сердцем подумала Джийан. — Миина подает нам знак».

А потом что-то случилось — то ли сова, разбив стекло, влетела прямо в окно, то ли лунный свет превратился в огромный поток энергии. Книги попадали со стола, их страницы взъерошились, будто перья испуганной птицы. Другие книги вылетали с полок, казалось, дух библиотеки протестует против внезапного нарушения покоя. Риану отбросило назад. Скользя по гладкому полу, она пыталась выпрямиться, но неизвестная сила швыряла ее из стороны в сторону. Риана ударилась о край тяжелого стула из аммонова дерева, упавшего набок, и его ножка больно впиалась ей в тело.

Она посмотрела на Джийан, которая почему-то выгнула спину и вытянула вперед руки, словно ее тащили вперед невидимые веревки. По библиотеке с завыванием кружились потоки холодного воздуха, так что, когда Риана повернулась и позвала Джийан, то не расслышала собственный голос. Сердце Рианы трепетало, она в ужасе наблюдала за происходящим, а Джийан поднялась в воздух.

От хризалидов, покрывавших ее руки, исходило жуткое сияние. Они больше не были черными, их цвет медленно переходил в пепельно-серый. Пока хризалиды светлели, тонкие чешуйки панциря откололись и закружились в бешеном вихре. Облетев библиотеку по периметру, они, словно белые снаряды, стали носиться на бешеной скорости, разрывая книги и мебель. Осколки хризалидов застревали в рифленых колоннах, резных перемышках над дверями, стенах. Риане пришлось нагнуться, когда один из осколков промчался в сантиметре от ее головы. Пролетая мимо, осколок свистел, словно лопасть пропеллера.

Риана попыталась подняться и тут же снова упала. Все тепло будто исчезло из библиотеки. Холод пробрал Риану до самых костей, покрывая их жемчужной изморозью, превращая костный мозг в сухой белый пепел. Стало трудно дышать, не хватало воздуха, как во время песчаной бури. Он словно распался на составляющие и превратился в какую-то темную смесь, пропитанную опасностью и злобой.

Наконец хризалиды полностью соскользнули с рук Джийан, обнажив покрасневшую кожу, вздувшиеся вены и переплетающиеся желтые артерии ужасающего вида.

Широко раскрытые глаза колдуньи казались невидящими. Их цвет из голубого стал молочно-белым с тонкими щелками зрачков. Лицо исказила гримаса, обычно появляющаяся у покойников. Среди длинных густых медового цвета кудрей возникли куски темного металла, которые сначала превратились в стрелы, а потом свились в некое подобие колючей, усеянной шипами живой короны. Страшные зубцы короны шевелились, мерцали в лунном свете и, искрясь и переливаясь, сплетались в омерзительные узоры.

Лунный свет лился через разбитое окно и выглядел призрачно-бледным, а освещенные им пылинки мелко дрожали. Риане казалось, что ей снится сон; руки и ноги вдруг стали очень тяжелыми, мысли текли вяло, как сок по замерзшему дереву. Будто во власти кошмара, она чувствовала себя испуганной и беспомощной. У нее хватило ума понять, что страх вызван именно беспомощностью, но какой от этого толк? В голове раздавался ужасный барабанный бой, предвещавший, что она снова теряет любимую Джийан.

Однако думать было некогда. Джийан пригвоздила ее взглядом странных и страшных глаз; рука, описав пологую дугу, опустилась, так что пальцы оказались на уровне лица Рианы. Риана увидела, что каждую кисть в центре пронзает винтообразная спица, похожая на те, из которых сплелась ужасная колючая корона. Однако не было ни крови, ни чего-то похожего на рану. Наоборот, ужасные спицы казались частью Джийан, равно как корона, которая, судя по всему, выросла прямо в ее череп.

Риана увидела, как обвитый сосудами указательный палец разогнулся, и из него пророс черный блестящий коготь. Риана чувствовала себя потерянной, оторванной от окружающего мира. В ответ на происходящий ужас открылся ее Третий Глаз, и она разглядела повсюду вокруг себя кровь, бесчисленные потоки крови, целый океан крови — жизнь, стекающую в древний каменный водосток, засоренный почерневшим мхом и илистыми останками времени. Этот момент Риана запомнила на всю жизнь. Вспоминая его, она будет просыпаться в холодном поту и му-

читься кошмарами. Джийан мертва, она превратилась в... В кого же? В какое мерзкое чудище превратилась Госпожа?

Риана решила сделать единственное, что могла в такой ситуации, — вспомнить контрзаклинание против магического воздействия хризалидов на Джийан. Но она знала очень мало заклинаний, и ни одно из них ни помогало. «Ты не готова, даже обладая такой огромной силой. Без достаточных знаний ты проиграешь своим врагам, — говорила Мать. — Поэтому следует быть очень осторожной. Нельзя никому рассказывать, кто ты, пока полностью не овладеешь магией».

Да. Мать была права, и Джийан тоже. Враги не теряли времени, готовя новую атаку. В отчаянии Риана произнесла несколько слов на Древнем Языке, вызывая Житницу Земли, самое сильное из целительных заклинаний Осору.

Почти в тот же момент она услышала шипение, как от жареного мяса. По коже поползли мурашки, а сердце лихорадочно забилося. Магическое заклинание сразило ее наповал. Риану спасло то, что она вызвала Житницу Земли. Это мощное заклинание сохранило ей жизнь.

То и дело теряя сознание, Риана едва ползла по полу библиотеки. Собрав оставшиеся силы, она увеличила действие заклинания, направляя его на себя, чтобы хоть как-то уберечься от яростной атаки.

И наконец она увидела его, стекающего с гниющих пальцев Джийан, — Тзелоса, извивающегося в бестелесной форме. Ибо из того, что когда-то было Джийан, родился демон из Бездны.

От запаха гниющей плоти Риана едва не лишилась чувств. Тзелос был черным, словно кипящий деготь. Тело с двенадцатью конечностями, членистое, как у насекомого; жирную грудь защищал жесткий панцирь. На длинной плоской голове чернокоричневого цвета, блестящей, словно обсидиан, выделялись мощные челюсти с пилообразными зубами. На Риану уставились двенадцать фасеточных глаз, сверкавших будто гранаты.

Сила целительного заклинания слабела, и Риана, с трудом поднявшись, приготовилась защищаться. Джийан зашевелилась, но внимание Рианы было полностью приковано к наступающему Тзелосу.

В тот миг краем глаза она заметила какое-то движение. Появилось пушистое существо с шестью лапами, треугольными ушками, длинным пушистым хвостом в полоску и умными темными глазами — раппа Тигпен.

— Тигпен, назад! — закричала Риана.

Раппа не обратила на нее внимания. Риана схватила брошенную лампу и с силой швырнула в Тзелосу. Лампа попала в цель и пролетела насквозь. Чудовище оказалось иллюзией, так же как и в прошлый раз, когда Риана по ошибке убила Матерь.

— Не обращай на него внимания, — сказала Тигпен, — используй Третий Глаз, чтобы понять, где иллюзия, а где реальность.

Риану колотил озноб, будто за шиворот опустили кусок льда. Джийан начала подниматься в воздух. Руки разметались по сторонам, голова — чуть запрокинута, челюсти — плотно сжаты. При помощи волшебного Третьего Глаза Риана почувствовала — в теле Джийан присутствует какая-то иная сила. Кто-то свернулся внутри колдуньи, словно огромная змея. Похолодев от ужаса, Риана поняла, что некто завладел духом Джийан.

Онемев от изумления, Риана смотрела, как Джийан, волосы которой шевелились, будто красные черви, подплыла к разбитому окну, направляясь прочь из библиотеки.

— Мы не должны отпускать ее! — закричала Тигпен.

— Нечто овладело ее духом! — ответила Риана. — Что происходит?

— Это Маласокка, — прошептала Тигпен, — заклятие Темной Стороны Души. Не знаю, как это происходит, и сомневаюсь, что знает кто-нибудь из живых. Насколько я понимаю, дух демона по капле вытесняет ее дух. Если мы не сможем остановить Джийан или она не услышит наш зов, если она исчезнет, то мы потеряем ее, Риана. Потеряем навсегда! — Тигпен скакала по полу, не обращая внимания на осколки, которые ранили ее нежные лапки. — Страшнее всего то, что она превратится в нашего врага. Хотя если разрушить ее тело, то демон вернется в Бездну...

— Я не смогу ее убить.

— Именно на это и рассчитывает тот, кто наложил Мала-сокку.

— Должен быть еще какой-то способ.

— Другого я не знаю. Демон пока уязвим, но это ненадолго.

— Все равно я не смогу ее убить!

Усы Тигпен задрожали — верный признак сильного волнения.

— Я люблю Джийан не меньше, чем ты, Дар Сала-ат, однако на свободе оказались страшные силы. Когда все закончится, ты наверняка пожалеешь, что не убила ее сейчас.

Риана вскочила на подоконник, с минуту неловко балансировала на краю, а потом пришла в равновесие и, оттолкнувшись, схватила Джийан за лодыжки. Тигпен, забравшаяся на подоконник вслед за ней, предостерегающе закричала. Джийан посмотрела вниз, дьявольские глаза засверкали, по рукам побежало холодное пламя. Риана вскрикнула и разжала пальцы. Джийан вылетела из разбитого окна. Спину колдуньи охватило пламя, и наконец она полностью превратилась в Тзелоса. Ее тело, раздуваясь, стало членистым, запульсировало и заблестело. Раздался заунывный гул, словно в воздух разом поднялась стая злобных насекомых.

Тзелос повернул плоскую треугольную голову. Что-то сухое посыпалось из пульсирующих отверстий вокруг фасеточных глаз, и Тзелос лязгнул страшными челюстями. Риана успела заметить, что, увидев демона, Реккк и Элеана подняли мечи. Новый отвратительный облик Джийан вызвал выражение ужаса на их лицах.

— Госпожа... — начала было Элеана, но закончить не хватило сил.

— Что за Н'Лууура сразила тебя, Джийан? — Лицо Реккка было мертвенно-бледным.

— Хризалиды сломались, — объяснила Риана.

— Мы должны ей помочь. — Темные глаза Тигпен оглядывали всех по очереди. — Ради всего святого, мы должны спасти ее сейчас же. Или все пропало!

Реккк выскочил в разбитое окно, бесстрашная Элеана — за ним. Тзелос поднялся на задние конечности и замолотил передними так, что полетели искры. Едва Реккк взмахнул мечом, как огромная пасть Тзелоса раскрылась, и он изрыгнул клейкое желтое вещество, прилипшее к лезвию меча. Меч стал двигаться медленнее, руку Реккка обожгла сильная боль.

С Элеаной случилось то же самое — ей пришлось поспешно опустить меч. Риана заметила, как дрожит Элеана, не видевшая перед собой ничего, кроме демона. Она заметила и то, что было неподвластно глазам Элеаны, — руку Джийан, которая опустилась, усеивая землю дождем хризалидовых искр. Испуганная птица выпорхнула из гнезда, рванулась к небу, но попала в вихрь искр и словно каменная упала на землю.

Хризалидовый смерч поднялся вровень с головой Элеаны, и Риана бросилась вперед, поставив девушке подножку. Элеана поскользнулась и упала, так что хризалиды пролетели в сантиметре над ее головой. Риана тут же подхватила Элеану и нежно обняла. На какой-то момент она не чувствовала ничего, кроме тепла и запаха девушки.

Над местом, где они лежали обнявшись, воздух закипел, и все тепло улетучилось. Затем Элеана и окружающий мир словно провалились в колодец. Риана чувствовала, как она перемещается, покидает телесную оболочку и погружается в Айяме — состояние глубокого транса Осору.

В Иномирье она стала свидетелем ужасной сцены — великой птице Рас Шамра, волшебной Аватаре Джийан, подрезали крылья и посадили ее в клетку. Это словно символизировало настоящую Джийан, которую захватили злые силы. Рас Шамра увидела Риану и издала душераздирающий крик, который сотряс весь волшебный мир до основания. Когда Риана приблизилась к клетке, Рас Шамра испугалась, закричала и начала биться о прутья, разбивая в кровь грудь.

— Остановись! Пожалуйста! — кричала Риана. — Я только хочу помочь тебе.

Но Рас Шамра и не думала успокаиваться. Едва Риана приближалась к клетке, как Аватара начинала неистово биться о прутья.

Риана приступила к обряду Вечной Звезды — заклинания, с помощью которого она когда-то освободила Матерь, — чтобы сломать прутья волшебной клетки. Риана посмотрела вверх, и слова заклинания застыли в горле. Великий Глаз, Око Айбала, открывался, и теперь она поняла, почему Рас Шамра так кричала. Птица пыталась предупредить ее. Риана поняла, что перед таким соперником и его мощным заклинанием она бессильна. Однажды это заклинание чуть не убило саму Джийан.

— Не сдавайся! — попросила она Аватару Джийан. — Я вернусь за тобой, не важно, сколько времени это займет.

Взглянув на Рас Шамру с тоской, Риана покинула Иномирье, успев услышать жалостный возглас Тигпен: «Исчезла!»

Элеана и Реккк обернулись на глухой звук, будто донесшийся из самого сердца Тигпен.

Раппа рыдала, прозрачные слезы катились по щекам и капали с пушистой морды.

— Она исчезла.

Это видели все. Демон Тзелос скрылся в ночном небе, прихватив с собой их любимую Джийан.

2

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

Дворец правителя в'орннов в Аксис Тэре, когда-то рамаханский Средний дворец, походил на разбуженный муравейник. Нескончаемые очереди министров, чиновников, просителей ползли по длинным светлым коридорам и наполняли просторные величественные залы, словно прибой, заливающий узкую бухту. Каждый из них надеялся хоть на несколько секунд внимания нового регента.

Игнорируя просителей так же, как обязанности и дела, Курган быстро поднялся по лестнице на этаж, где его никто не мог увидеть, и быстро и бесшумно зашагал по собственным покоям. Апартаменты регента недавно подверглись полной реконструкции. Во времена Элевсина Ашеры в просторных комнатах царил порядок, словно в кабинете чиновника-педанта. Круглый стол и стулья, за которым Элевсин встречался с министрами и проводил сделки, был уставлен подарками и сувенирами, скопившимися в ходе его карьеры, основанной на принципе разумного компромисса. Элевсина убили по приказу отца Кургана, Вэннна Стоггула, который на короткий срок стал регентом. Тогда же наняли целую толпу месаггунов и

тускуггун для перепланировки апартаментов. В результате апартаменты по роскоши значительно превосходили убранство покоев знатных правителей-баскиров. Несмотря на протесты семьи, Курган распродал значительную часть отцовской коллекции предметов искусства, и этот преднамеренный шаг, не выражавший ничего, кроме грубости и пренебрежения, новому регенту весьма понравился. Теперь апартаменты были полупустыми и напоминали спартанское убранство казарм кхаггунских боевых командиров. Полки с военными трофеями — оружием, снятым с поверженных иноземцев или собранным на полях сражений, происходивших за много световых лет отсюда, — поблескивая маслом и воском, висели на стенах аккуратными рядами.

И все же Кургану постоянно казалось, что он здесь задыхается. Хуже того, весь этот сонм министров, придворных баскиров, помощников, лакеев и прочих безмерно досаждал ему. Все они, превосходно научившиеся прикидываться занятыми, на самом деле не делая ничего, не вызывали у Кургана даже презрения — только зеленую тоску. Он увидел, с каким остервенением царедворцы отбивают друг у друга крошечные поместья, не стесняясь разорять друзей и соседей. Они напоминали голодных псов, ослепленных роскошью регентских палат и в то же время не упускающих возможности облаять или укунить друг друга. От этой мышинной возни веяло затхлым запахом безделья. Однако, как справедливо заметил звезд-адмирал Олннн Рэдддлин, Курган не мог разогнать их всех, ведь эти тунеядцы знали мельчайшие подробности жизни двора регента, которая оказалась поразительно сложной и запутанной. Насколько правитель успел заметить, протокольные условности сводили возможность перемен к минимуму. «Очень не пов'орнновски», — думал Курган. Ему постоянно казалось, что такой порядок насажден гэргонами, дабы регент не смог внести никаких собственных изменений и поправок.

Аксис Тэр был центром жизни Кундалы, но только Курган понимал, что это совсем некстати. В Аксис Тэре прочно поселилась горечь поражения, ведь когда-то он был кундалианской святыней, а теперь оккупация в'орннов осквернила его. Так вышло, что в'орнны расположились в двух самых священ-

ных местах города. Он как регент жил и работал здесь, в бывшем Среднем дворце, тогда как гэргоны превратили монастырь Слушающей Кости в собственный Храм Мнемоники.

Вообще-то Курган был страшно рад увидеть духовные раны, огромную боль в глазах кундалиан, которых пускали в город. Их унижения словно возвышали регента. Благодаря высоким технологиям и нововведениям в'орннов Аксис Тэр превратился в гудящий деловой город, который не признавал ни горя, ни страдания. Кундалиане то и дело поднимали мятежи, а Курган, пугая Олнна, лишь поощрял их. Он видел, каким отчаянием сопровождается создание элиты оборванцев-кундалиан, возникновение союзов, которые заключали бывшие противники, наспех сколоченных правительств в изгнании. Обрывки на первый взгляд невинной беседы, подслушанной на обочине рыночной площади, таили секреты, от которых бросало в жар и учащался пульс. Это была игра — раскрыть заговор, изболтать заговорщиков и арестовать их, когда они уже на грани успеха. А потом так приятно придумывать наказания за их преступления!..

За апартаментами регента тянулся длинный лабиринт комнат, коридоров, лоджий, еще не разведанных, оставшихся в первоизданном виде со времен казни рамаханских владык, что когда-то там жили. Курган прошелся по комнатам, украшенным в изысканном кундалианском стиле, смысл и суть которого давно забыты. Теперь повсюду валялись кубки и тарелки, лежала пыль и висела паутина. Обломки неизвестной, канувшей в Лету культуры. Через слуховые окна, отверстия в вершине купола и открытые лоджии проступали меланхоличные краски осени. С фресок хмуро смотрели лица, а скульптуры за долгие годы оккупации потеряли свой смысл и значение. Подогреваемый ненавистью к отцу Курган долго и тщательно планировал собственное восхождение, ни на минуту не задумываясь о том, что, собственно, представляет собой должность регента.

Какой глухой казалась тишина после победы! Ему не терпелось стать регентом. С помощью Олнна Рэддлина он придумал хитроумный план, который привел к тому, что отец и его бывший наставник, ранее союзники и друзья, уничтожили друг друга. Но теперь, когда мечта сбылась, каждодневная ру-

тина управления планетой просто убивала Кургана. Как же Элевсин Ашера справлялся с толпой лизоблюдов? Да, у него получалось то, что никак не удавалось самому Кургану. И за это регент ненавидел Элевсина еще сильнее.

Приторный запах впитался в мебель и ковры. Курган был уверен — даже облицованные мрамором стены, если подойти поближе, источают затхлый запах смерти. Не в силах бороться с меланхолией, регент шагнул на незнакомый ему балкон, украшенный витыми колоннами и едва поблескивающей изразцовой балюстрадой. Перегнувшись через перила, он взглянул на город — вспышки ярких красок, монотонное жужжание звездолетов, шелест опавших листьев, переплетение улиц, тянущихся во всех мыслимых направлениях, головы прохожих: бритые или в шлемах — в'орннов и с пышными густыми волосами — кундалиан, гул голосов, запахи специй, масла, жареного мяса и раскаленного металла. Прямо под балконом прошла молодая кундалианка, нагруженная тяжелыми тюками. Длинные блестящие волосы спускались до самых ягодич. Перекладывая тюки из одной руки в другую, девушка качнула бедрами, и волосы с плеча упали на спину. Курган почувствовал нарастающее желание. Ему очень нравились кундалианки определенного типа — единственное, что в нем было от отца. В'орнны, у которых вообще не было волос, считали длинные волосы кундалианок сильнейшим афродизиаком. Девушка повернулась к регенту лицом, и в памяти неожиданно всплыл образ кундалианки, которую они с Анноном встретили во время охоты. Из-за нее они с Анноном чуть не подрались, а Курган взял девушку силой.

Аннос был его лучшим другом, несмотря на неприязнь между их семьями. Или, возможно, они подружились так крепко и делили друг с другом все именно *благодаря* той неприязни. Ведь чувства протеста ни одному из них было не занимать. До памятного случая на охоте Курган считал Аннона довольно спокойным. Однако тогда надо было видеть дикий блеск в глазах друга. Он будто разом отбросил сдержанность и показал Кургану свое истинное лицо. Облокотившись о балюстраду, Курган вздохнул — молодая кундалианка растворилась в толпе прохожих. Мысли о девушке и Анноне вернули его к прошлой жизни, и регент снова впал в меланхолию. В таком

настроении он страшно скучал по Аннону. Пока его друг был жив, Кургану и в голову не приходило, что он будет так по нему тосковать. То, что он стал лучшим другом Ашеры, было жуткой иронией судьбы. Отца в дрожь бросало от этой дружбы. Только Курган из детей Стогггула мог довести отца до такого бешенства. Маретэн оказалась другой. Она была тускуггун, женщиной.

Курган услышал, как кто-то позвал его по имени, но не отозвался. Более того, даже не пошевелился. Он ждал, пока гэргон Нит Батоксс сам подойдет к нему через тускло освещенные комнаты. Регент чувствовал приближение гэргона даже спиной — стоило тому пошевелиться, как по коже Кургана ползли мурашки. Он знал, что у них очень много общего. Кроме планов и амбиций, которые они тщательно скрывали друг от друга, оба были завоевателями, жившими за счет своих побед. Гэргона и регента окружали останки кундалианских чудищ, павших от прикосновения их ионных мечей; по одному мановению руки или прихоти каждого из них вершились судьбы целых народов и исполнялись любые желания.

Приглашая гэргона во дворец, регент преследовал сразу несколько целей. Во-первых, его появление вызывало переполох среди окружения, а Курган так любил щекотать их нервы, а во-вторых, от гэргона будто исходил аромат власти и секретов, которые, кажется, скрывались прямо под блестящей мантией.

Как жаль, что Курган не может терпеть именно этого гэргона, который в ипостаси Старого В'орнна был его учителем и воспитателем. Ему пришлось присягнуть Ниту Батокссу, за что он себя ненавидел. Впрочем, долго соблюдать эту клятву Курган не собирался. Теперь, когда он стал регентом, надо нащупать слабое место в Товариществе гэргонов, чтобы впоследствии получить доступ к сокровищам новых технологий, которые они изобрели и ревностно хранили под семью замками. И в'орнны, и кундалиане корчились под ионной пятой гэргонов, чье господство Курган страстно мечтал низвергнуть.

Легко это не сделать, особенно с этим гэргоном, который держал правителя на коротком поводке. Нит Батоксс в ипостаси Старого В'орнна подготовил Кургана к регентству. Зачем? Что хотел от него гэргон? Курган прекрасно понимал,

что без руководства и помощи гэргона он оставался бы просто шестнадцатилетним баскирским парнем и учился бы управлять семейным бизнесом.

— Ты не спрячешься от меня, — проговорил Нит Батокссс, входя в темную комнату, — и ты прекрасно об этом знаешь. — Темная экзомантия излучала свет. Отлично защищенный ее гибкими сплавами гэргон напоминал насекомое. — Ты опять один. — Покрытая броней рука гэргона угрожающе двинулась вдоль стены. — Увиливаешь от работы?

Батокссс не походил ни на одного гэргона Товарищества, по крайней мере из тех, кого знал Курган. Однако чем же Нит, собственно, отличался от других, не мог понять никто.

Его длинное лицо было цвета бледного янтаря. Сложная схема из германиевых проводов и терция тянулась по гладкой, туго натянутой коже с макушки к затылку и вниз по вискам. В глазах обсидианового цвета горели рубиновые зрачки. В скулы были имплантированы нейронные стимуляторы, регулирующие биение сердец.

— Что тебе нужно? — грубо спросил Курган.

Двумя широкими шагами гэргон пересек разделявшее их пространство, лениво, почти презрительно поднял указательный палец и коснулся груди Кургана. Регент упал на колени, ноги стали ватными. Несмотря на ужасную боль, он не закричал, Старый В'орнн слишком хорошо учил его терпению.

— Ни тебе, ни любому другому в'орнну не позволено задавать мне вопросы, Курган Стоггул.

Нит Батокссс смотрел на правителя сверху вниз. У Кургана хватило ума не шевелиться, он не решился даже приподнять голову. Раздалось потрескивание гиперактивных ионов, и запахло верной смертью. Рука гэргона почти касалась головы Кургана.

— Думаешь, что сможешь использовать меня? Позже ты поймешь, как сильно заблуждался, — мягко сказал Нит Батокссс. Его голос был неспешным, вялым, будто воздух в жаркий летний полдень. — Ты высокомерен, как все юнцы. Наверняка думаешь, что хитрее всех.

Курган смотрел вниз и видел лишь инкрустированные терцием сапоги гэргона. Вертикальный ряд темных металлических когтей поднимался по центру каждого сапога. Сердца Кургана

бешено забились. Он внимательно следил не только за тем, что говорил Нит Батокссс, но и за тем, *как* он это говорил.

— Страх — мое оружие, Курган Стогггул. Никогда не забывай об этом. Я могу нащупать страх даже в самой сильной душе. — Внезапно Нит Батокссс присел и, прижав указательный палец к подбородку Кургана, поднял его голову. На этот раз Курган не почувствовал боли. Ионное пламя зашипело и несколько мгновений ровно горело. — Правда заключается в том, что ты прячешь свой страх глубоко внутри, где, кажется, его никто не сможет отыскать. Кроме меня. Я в состоянии вытащить его наружу.

«Никто не знает меня по-настоящему, — подумал Курган. — Кроме Аннона».

— Твои несчастья, Курган Стогггул, начнутся с того момента, когда ты забудешь, насколько хорошо я тебя знаю.

Гэргон приблизил длинное волчье лицо к Кургану, и до правителя донесся запах гвоздичного масла и горелого мускуса. Запах был таким сильным, что у Кургана тут же закружилась голова.

— Тогда в пещерах, в ночь Кольца Пяти Драконов, ты видел Дар Сала-ата? Скажи! — Голос Нита Батокссса немного изменился — тембр понизился, и казалось, будто звук отделился от тела.

— Нет, — ответил Курган, внимательно следя за изменениями голоса.

— Очень жаль. Я знаю, что Дар Сала-ат существует, — все тем же ужасным голосом продолжал Нит Батокссс. — Он был там в ту ночь, привлеченный Кольцом. Я чувствовал его силу, это он вызвал Малистру на волшебный поединок. А ты говоришь, что никогда его не видел.

— Это правда.

— А ведь я посылал тебя специально, дабы разыскать его.

— Там царил хаос. Реккк Хачилар прятался в доспехах хаар-кэута и крушил все вокруг. Меня сбили с толку.

— Мне необходимо выяснить, кто такой этот Дар Сала-ат, понимаешь?

— Нет, боюсь, что нет. — Кто-то будто подсказывал ему эту ложь. На самом деле Курган встречался в ту ночь с Дар Сала-атом в пещерах под регентским дворцом. К его ужасу,

Дар Сала-ат оказался молодой девушкой. Регент не знал ее имени, однако был уверен, что сумеет узнать ее в толпе. Этот секрет он собирался припрятать до тех пор, пока не сможет извлечь из него максимальную пользу.

— Дар Сала-ат — один из тех, кому суждено узнать, где находятся Семь Порталов.

— Что это за Порталы?

— Ты что, не можешь не задавать вопросы? — Блестящие глаза Нита Батокссса внимательно изучали лицо Кургана. — Необходимо узнать, где находятся эти Порталы, потому что они ведут... в страну сокровищ.

«Почему гэргон запнулся? — спросил себя Курган. — Потому что лжет? А если лжет, то зачем?»

— Я знаю, где находятся три Портала, остаются еще четыре.

— Зачем тебе нужно знать про все семь?

— Порталы открываются только одновременно, — криво улыбнулся Нит Батокссс. — Первый этап нашего плана состоит в том, чтобы найти семь Порталов. Затем мы перейдем ко второму этапу...

— Ты сказал «нашего», или мне послышалось?

Батокссс резко встал и подошел к балюстраде. Молчание достигло критического момента, и Курган был вынужден тоже подняться и посмотреть гэргону вслед. Ему показалось, и уже не в первый раз, что осанка Нита Батокссса изменилась, став не такой прямой, как раньше. Регенту привиделось, или гэргон на самом деле немного ссутулился, а одно плечо стало выше другого?

— Именно поэтому я и сделал тебя регентом, Курган Стоггул. Вообще-то ты слишком молод, чтобы править Кундалой. Хотя, насколько могу судить, я сделал правильный выбор.

— Порталы...

— Лишнего тебе знать не надо. Главное, каждый, кто укажет мне их расположение, будет щедро вознагражден. Молись, чтобы это был ты, Курган Стоггул.

Курган промолчал. Ему почему-то показалось, что они с гэргоном балансируют на высоко натянутой проволоке в темноте. Один неверный шаг или не к месту сказанное слово — и последует падение в черную пустоту.

Рука в ионной перчатке сжала балюстраду.

— Послушай, что я скажу, Курган Стоггул. Я хочу, чтобы восстановление За Хара-ата продолжалось. Нужно быстро поднять из руин древний город коррушей.

От слов гэргона по спине Кургана побежали мурашки.

— Да, Нит Батоксс. — Регент знал, когда нужно покорно согласиться. К тому же, может, и он там что-нибудь найдет — какую-нибудь древнюю тайну или ключ, с помощью которого раскроет секреты техномагов?

— Укрепи деловые отношения с Сорннном СаТррэном.

— Мне известно, что он — наш возможный партнер в намечающемся восстановлении, — отозвался Курган. — И что отец согласился отклонить кандидатуру Броннна Палллина, первого кандидата на должность прим-агента, чтобы назначить на эту должность молодого наследника СаТррэнов. — Кургану нравился Сорннн СаТррэн и то, что в борьбе за пост прим-агента тому удалось опередить наследника влиятельного консорциума Палллнов. Больше всего регент ценил в СаТррэне его амбициозность. Правда, собственные амбиции склонили Кургана к союзу с Олннном Рэдддлином. — Это все, что я про него знаю.

— Он на короткой ноге с коррушами, — жутким призрачным голосом продолжал Нит Батоксс, — и много раз бывал в За Хара-ате. Это может нам пригодиться.

«Пригодиться тебе или мне?» — подумал Курган.

— Могу я спросить, почему ты передумал? — вслух сказал он. — До недавнего времени ты был рьяным противником восстановления За Хара-ата.

— В этом повинен Элевсин Ашера. — Голос Нита Батоксса внезапно зазвучал как обычно. Повернувшись, он обжег Кургана горящим малиновым взглядом. — Элевсин был опасным еретиком, он стремился к равенству между в'орннами и кундалианами. Поэтому он и умер.

«Чем же был так опасен Элевсин Ашера? — про себя удивился Курган. — Какую опасность может представлять в'орнн для гэргона?» И тут его осенило.

— Это ведь не отец составил заговор, в результате которого был убит Ашера. Это сделал ты.

— Я манипулировал твоим отцом, — отозвался Нит Батоксс. — Ты удивлен?

— Вообще-то нет. Отец был слабым и малодушным.

— В отличие от тебя.

«Он что, издевается?» — подумал Курган и тайком от гэргона сильно сжал кулаки.

— А теперь иди, — махнул рукой Нит Батокссс, — тебе нужно многое успеть, прежде чем начнется Перевоплощение.

— Что вы желали услышать, регент?

— Для начала встань на колени, — велел Курган.

Он успел заметить, как вспыхнули глаза Джеррлина, прежде чем тот нехотя повиновался. Поверх преклонившего колени кундалианина Курган взглянул на толпу, набившуюся в главный зал. Люди стояли между золотой нефритовой и зеленой порфировой колоннами. Колонны были украшены каннелюрами, а капители изображали головы фантастических чудовищ.

Джеррлин был главой Общины Четвертого Аграрного района и считался очень уважаемым кундалианином. Все это, конечно, мало волновало Кургана. Единственное, что ему хотелось знать, — насколько активно Джеррлин участвует в движении Сопротивления.

— Теперь, — кивнул Курган, — можешь продолжать.

— Что вы желали услышать? — снова начал Джеррлин. — Только за этот месяц в нашей коммуне умерли тринадцать человек. А в прошлом месяце — пять. Неужели мы чем-то разгневали вас?

Курган подался вперед.

— Ты хочешь сказать, что я как-то виноват в этом?

— Конечно же, нет, — поспешно проговорил Джеррлин. — Но все смерти произошли по неизвестной причине и не были естественными. Вероятнее всего, здесь как-то замешаны кхаггуны.

— У тебя есть основания так утверждать?

— Жители моей общины в ужасе.

— У тебя нет доказательств. С таким же успехом кундалиан могли убить бойцы вашего Сопротивления. Экстремисты видят в вас пособников врага.

— На теле убитых мы обнаружили следы ионных ожогов.

— Тогда это точно дело рук бойцов Сопротивления. За прошлый год число нападений на охраняемые склады оружия в го-

роде и его окрестностях увеличилось. — Курган улыбнулся. — До сегодняшнего дня мы не задерживали нарушителей, но твои жалобы вынуждают меня пересмотреть этот вопрос. Если согласишься назвать имена тех, кто участвовал в нападениях на склады, я поговорю со своим звезд-адмиралом. Уверен, что он поможет вам навести порядок в общине.

— Тогда мои люди станут соучастниками преступления...

Со вздохом Курган откинулся на спинку кресла.

— Джеррлин, твое нытье начинает меня раздражать. Я подсказал тебе решение проблемы.

— Такое решение неприемлемо. Я глава самой большой общины северного континента. Мы поставляем пятьдесят процентов всей провизии.

— Мне известно, сколько провизии поставляет каждая из семи общин, Джеррлин. В конце концов, именно мы, в'орн-ны, разделили территорию и создали общинную систему, которая намного эффективнее того беспорядка, что существовал у вас ранее. Со времени завоевания каждая община утроила объем выпускаемой продукции. Цифры внушительные. Даже ты должен это признать.

— Да, но львиная доля дохода тратится на нужды в'орн-нов, а нам остается меньше, чем прежде. И еще налоги, которые мы платим...

— Ах, все дело в налогах! Вот мы и дошли до сути проблемы.

— Перед смертью ваш отец удвоил налоговую ставку. Это просто убивает нас.

— Нет, — поправил его Курган, — как я уже говорил, вас убивают бойцы Сопrotивления. Сделай то, что я прошу, и я не только наведу порядок в общине, но и подумаю о снижении налогов.

— Даже если бы я знал, то ни за что бы не предал... — покачал головой Джеррлин.

Курган вскочил.

— Тогда налоги удваиваются!

— Что?! — в ужасе воскликнул Джеррлин. — Регент, умоляю вас!..

— Это наказание за твою дерзость и язвительность. Что, решил поиграть с плохо информированным олухом? Я вовсе

не таков, как мой отец. И не вздумай возвращаться сюда со своими жалкими просьбами, пока не будешь готов принять мои условия.

Курган властно махнул рукой, пара хааар-кэутов сорвалась с мест и уволокла Джеррлина прочь.

Как только увели кундалианина, Курган жестом велел звезд-адмиралу подойти. Олллн Рэддлин был высок и болезненно худ. Когда длинное, бледное, с заостренными чертами лицо озаряла злобная улыбка, глаза адмирала становились похожими на галогенные лампы. Грозная внешность побуждала подчиненных к беспрекословному повиновению, но многие баскиры с недоверием относились к в'орнну, испытавшему на себе кундалианское колдовство. Рэддлин был храбрым воином и даже пожертвовал ногой, упорно преследуя врагов — Реккка Хачилара и его кундалианскую четтту Джийан. Именно Джийан своим ужасным заклятием лишила ногу адмирала кожи, мышц и сухожилий, оставив лишь голую кость. Спасла его другая кундалианская волшебница, Малистра. Теперь звезд-адмирал не скрывал эту ногу под доспехами. Усилием воли он превратил изуродованные чарами кости из символа позора в знак собственной храбрости. И многие рядовые кхагггуну обожали этого странного, хмурого, тщеславного командира, который был ненамного старше Кургана. А какие, интересно, чувства испытывали другие командующие, генералы и адмиралы, гораздо опытнее Рэддлина? Как им было не ненавидеть его и не завидовать молниеносной карьере, которую он сделал, оставив всех их далеко позади?! Курган решил внимательно следить за звезд-адмиралом. Олннн Рэддлин был вторым из двух в'орннов, знавших, что Курган стоял в центре заговора против собственного отца. Ради того, чтобы никто больше не раскрыл эту тайну, регент был готов убить даже друга и союзника. Потому лучше других понимал — цели и амбиции оправдывают средства.

«Любые средства хороши для достижения цели, — учил его Старый В'орнн, — но идти к цели, не гнушаясь средствами, значит всегда оставаться в одиночестве».

До поры до времени регент собирался относиться к Олннну Рэддлину с доверием, как к соратнику. Однако в момент,

когда слава и власть звезд-адмирала станут опасными, Курган без колебаний воткнет нож в сердце Рэддлина. Регент уже разработал план, который органично вписывался в общую схему противодействия гэргонам. Что больше всего ценят гэргоны? Застой, однообразие и бездействие. В таком случае они больше всего боятся внутренних изменений и перемен. Если настанут перемены и регент укажет гэргонам путь к спасению, то сможет хоть как-то ими манипулировать.

— Похоже, сегодня ты вдоволь поиздевался над общинниками, — сказал Курган, в голосе которого зазвучало уважение.

— Я только выполнял ваши приказы, регент, — ответил Олнн Рэддлин.

— А я просто следую основным правилам военной оккупации, которые, не сомневаюсь, хорошо тебе известны. Вернее, главному правилу: местное население следует держать в безотчетном страхе и постоянно терроризировать, дабы лишить способности мыслить, действовать или строить планы. Кундалиан необходимо приводить в постоянное смятение.

— Совершенно правильно, регент. Это одна из причин, по которым движение Соппротивления так неэффективно. Невозможно нормально вести боевые действия без жизнеспособной политики. Взрослые слишком озабочены мыслями о том, кто станет новой жертвой, чтобы произвести на свет полноценного лидера. А поскольку мы позаботились о том, чтобы дети кундалиан теряли контакт с религией и традициями, то и они разучились бороться за то, что им принадлежит.

Увидев самодовольную улыбку на лице Олнна Рэддлина, Курган тут же почувствовал, что должен ее стереть.

— Какой от этого толк, если кражи продолжаются? — резко спросил он. — Тревогу вызывает уже то, что мы отдаем кундалианскому Соппротивлению ионные пушки. А твоя неспособность задержать преступников расшатывает нашу репутацию непобедимых.

Получив нагоняй, Олнн Рэддлин словно встряхнулся.

— Регент, я тщательно изучил отчеты о кражах, и единственный правдоподобный вывод, который напрашивается сам собой, — Соппротивлению кундалиан помогает предатель-в’орнн. Самостоятельно кундалиане не смогли бы обойти модернизи-

рованную систему охраны, которую установили я и строй-генерал Локкк Визрррент.

— Мы с тобой оба недавно занимаем высокий пост, — заметил Курган, — и нужно доказать гэргонам, что они не напрасно доверяют нам. Необходимы результаты, а не оправдания.

— Да, регент.

Курган поднялся с регентского кресла и поманил Олнна еще ближе.

— Есть нечто, о чем ты должен знать, — мягко проговорил он. Курган понимал, что новость следует преподнести надлежащим образом. — Товарищество гэргонов пристально наблюдает за процессом имплантации окумммона в кхаггунов, чтобы придать им статус касты избранных, и, сказать по правде, они обеспокоены.

— Чем же, регент?

— Похоже, имплантат с трудом приживается в телах кхаггунов.

Это была чистой воды ложь, но частью плана Кургана было не допустить, чтобы кхаггуны и особенно Олннн Рэдддлин получили слишком большую власть.

— Признаюсь, регент, я об этом не слышал.

— Конечно же, нет. Гэргоны держат новость в тайне.

— Но ведь это напрямую касается нас! — воскликнул Олннн Рэдддлин.

— Поэтому ты и должен положиться на мудрость Товарищества, звезд-адмирал, — успокаивающе продолжал Курган. — Они, конечно же, ставят ваши интересы во главу угла. Так, все генералы уже получили окумммон. Однако фактом остается то, что с дальнейшей имплантацией решено повременить. Гэргон уверяет меня, будто это лишь временно, чтобы оценить результаты привыкания.

— Подобное очень напоминает дискриминацию.

— Тише! — Беседа приняла совсем другой оборот, чем планировал Курган. Ему хотелось, чтобы Олннн Рэдддлин понял, что регент полностью ему доверяет, а вместо этого Кургану приходится защищаться. — Звезд-адмирал, Нит Батокссс всего в десяти шагах от нас, — сказал правитель, как ему показалось, с достаточной долей убедительности. — Если он поймет, что я доверил тебе эту тайну, то, гарантирую, не обрадуется.

— Вы ведь не думаете, что он об этом узнает?.. — немного встревоженно спросил Олннн.

— Конечно же, нет, — соврал Курган. — Не забудь, именно я устроил так, что тебя назначили звезд-адмиралом. На собрании я буду твоим первым защитником. Однако противоречить Товариществу не решусь. Кроме того, геноматекки из «Недужного духа» говорят, что повод для беспокойства действительно есть. Ты же не хочешь, чтобы твои кхагггуны внезапно подверглись опасности, правда?

— Буду откровенен, регент, мне не нравится такой поворот событий.

— Мне тоже, друг мой. Советую запастись терпением. Возможно, они и перестанут беспокоиться, я сам прослежу за этим. В любом случае ты должен помнить одно: действия гэргонов предугадать невозможно.

Палата предков была просторной и занимала целый квадратный гектар в Аксис Тэре. Она была создана из моноволокна нейронной сети цвета высохшей крови в'орннов — индиго, цвета траура. Внутри, в самом центре, на драпированном терцевом подиуме в нейтральном поле из гиперактивных ионов лежали два сердца, одно маленькое и одно большое, мертвого регента Веннна Стогггула. Накануне помощники геноматтеков, дэйрусы, занимались подготовкой тела. Согласно декрету гэргонов, тело регента должно было лежать в переднем дворе регентского дворца, дабы все в'орнны могли отдать ему последний долг. Период траура длился шесть недель, а потом переходили к Перевосплещению. Сегодня, через девять недель после смерти, сердца подвергнут этому обряду.

По периметру палаты в свете тысячи галогенных ламп через равные промежутки стояли хааар-кэуты, личная охрана нового регента, в боевых доспехах. Без усталости, с глубоким презрением они разглядывали толпу скорбящих, будто ждали каких-то бесчинств или проявления недовольства, готовые разорвать хулиганов на части. Наблюдая за ними, Сорннн СаТррэн вспоминал лиммналов, шестиногих мохнатых зверей, которых использовали для охраны корруши — племя, жившее среди Великой равнины на севере кундалианского

континента. Лиммналов преждевременно отрывали от материнской груди, держали впроголодь и кормили теплой кровью, пока они не привыкали к ней настолько, что ради глотка были готовы разорвать на части кого угодно. Лиммналов готовили специально для нападения на врагов, и, хотя звери обычно казались вполне дружелюбными, стоило дать им свободу, как они тут же проявляли всю свою агрессивность. Точно как лиммналы, хааар-кэуты в ярких пурпурных доспехах буквально рвались в бой.

— Я торчу здесь уже десять дней, — прошептал один хааар-кэут другому.

— Баскирский обычай, — прошуршал в ответ другой. — Над звезд-адмиралом Кинннием Моркой мы провели обряд Перевоплощения уже через час после смерти.

— У нас, кхагггунов, нет времени на долгую скорбь, — снова проговорил первый.

— Мы живем ради битвы, — согласился второй, — а приходится заниматься *этим*.

Сорннн СаТррэн, улыбнувшись, поспешил дальше, мимо кхагггунов, надменно расталкивающих толпу. Кхагггунов стало больше, чем грибов после дождя, и, едва появившись в столице, Сорннн понял — это знак беды. С выражением глубокой скорби на лице он вошел в палату и направился к регенту. Курган стоял возле байена — резервуара с сердцами.

Внезапно Сорннн увидел здесь же зловещего гэргона. Рядом с магом не было ни души. К гэргону не рисковали приближаться даже хааар-кэуты, которые отводили глаза и еще мрачней смотрели на толпу плакальщиков, чтобы скрыть собственный страх. Все в'орнны, высшего или низшего сословия, одинаково боялись гэргонов.

Гэргоны были в'орннами другой разновидности — техномагами-отшельниками, которые проводили все свое время в лабораториях, пытаясь раскрыть тайны Космоса. Они стояли у истоков технологического прорыва в'орннов. Гэргоны руководили открытиями с пылом, граничащим с наваждением, и делились новыми технологиями с другими, только когда считали нужным. Хотя формально Кундалой правил регент, он делал лишь то, что нравится гэргонам. Как и все в'орнны выс-

шей касты, регент носил окумммон — полуорганическую нейронную сеть, созданную гэргонами и имплантированную в левое предплечье. При помощи окумммона гэргоны время от времени призывали регента к себе, терзая его же собственными страхами и подчиняя воле Товарищества, чтобы властитель выполнял указы и продолжал править по доверенности.

Сорннн взял с подноса проходящего мимо месэггуна тонкий кубок с огненным нумааадисом и стал не спеша пить. Он стремился оттянуть время и немного рассмотреть эту странную пару, ведь с ними предстояло работать. Курган Стоггул, наследник богатого, но несчастливого семейства Стоггулов, занимал большую часть мыслей Сорннна. Почти ребенок, Курган, однако, сделал молниеносную карьеру и получил высокий пост. Среди придворных баскиров было немало тех, кому хотелось свергнуть нового регента, убрать это временное недоразумение, которого — скорее рано, чем поздно — неизбежно раздавит машина истории. Но, повстречав молодого регента, Сорннн уже не разделял подобных мнений. Надменность и амбиции, несомненно, били в душе регента через край, однако в острых неправильных чертах лица можно было разглядеть живой ум. К тому же Курган не смог бы стать регентом без согласия гэргонов, которые, судя по всему, увидели в нем то, что укрылось от глаз баскирских недоброжелателей.

Продолжая рассматривать нового регента, Сорннн заметил, что в черных глазах гэргона сияют рубиновые зрачки. На секунду взгляд гэргона впился в пришельца, а потом скользнул мимо. Сорннн почувствовал озноб, будто с него содрали не только одежду, но и кожу с мышцами. Внутренне содрогнувшись, он опять перевел взор на молодого регента. По правде, Сорннн уже некоторое время готовил себя к этой встрече, с одной стороны, надеясь, что пройдет еще много лет, прежде чем она состоится, а с другой — желая, чтобы она поскорее произошла. Предусмотрительный Сорннн провел достаточно много времени, анализируя информацию, накопленную его семьей о Кургане Стоггуле. Почти сразу он понял, что иметь дело с сыном будет намного сложнее, чем с отцом. Тут уж ничего не поделаешь. «Коура», — как говорят корруши. «Так вышло».

* * *

Курган заметил Сорннна СаТррэна, когда тот еще только входил в палату. Сорннн был высоким, стройным и на вид довольно опасным. Глаза бледно-голубые, как у всех СаТррэнов, идеальной миндалевидной формы; руки с длинными проворными пальцами больше подходили фокуснику, чем воину. С едва скрываемым отвращением регент смотрел на яркую, в широкую полоску одежду Сорннна, сшитую на манер коррушского платья. Краски одежды поблекли от дорожной пыли.

— Простите, что я приехал в день Перевоплощения вашего отца, Курган Стогггул, — громко и отчетливо проговорил Сорннн. — Наверняка вы уже успели заметить, что я прибыл прямо от коррушей, дабы засвидетельствовать вам свое почтение. — Наверное, от диких малоцивилизованных коррушей, которые продавали его семье специи, Сорннн и научился абсолютному спокойствию.

Курган наклонил голову, его черные, вечно бдительные и ненасытные глаза напоминали беспокойных хищных птиц. Правитель был одет в униформу цвета индиго. Курган ненавидел яркие цвета и никак не мог заставить себя надеть пурпурную мантию регента.

— В такую минуту мне как никогда необходимо присутствие прим-агента.

— Слышал, что смерть Вэннна Стогггула была внезапной и трагической, — проговорил Сорннн, перебивая мысли Кургана. — Значит, у нас с вами много общего.

— В самом деле, ведь ваш собственный отец умер несколько месяцев назад, верно?

Сорннн грустно кивнул.

Бросив мимолетный взгляд налево, Курган увидел звезд-адмирала Олннна Рэддлина, который внимательно рассматривал молодого прим-агента. Адмирал будто составлял на Сорннна, как на врага, мысленное досье, пытаясь угадать его слабые и сильные стороны. Курган быстро обернулся к стоящим неподалеку слугам и приказал подать напитки. Через минуту слуги вернулись с подносами из украшенной гравировкой меди. Сорннн СаТррэн тут же поменял пустой кубок на полный. Когда произнесли тост за Прощание с Душой и выпили огнесортный нумаадис, Курган вновь обратился к Сорннну:

- В каких поселениях коррушей вам довелось побывать?
- Последние несколько недель я провел в Оккамшире.
- Это название кажется знакомым, — заявил Курган. —

Судя по докладам, которые мне присылают, корруши живут примитивно — пыль да навоз куомешалов. Вроде бы в их поселениях нет особого комфорта...

— Изысканной работы ковры, напитки, по сравнению с которыми нумааадис кажется водой, — улыбка Сорннна СаТррэна была искренней и обезоруживающей, — удивительные деревни из палаток, поворачивающихся по желанию вождя или подчиняясь капризам погоды. — Он остановился. — Не говоря уже о торговле специями, которая оказалась крайне выгодной.

Курган улыбнулся, на этот раз искренне.

— Наверное, ради этого можно смириться с жужжанием мух и вонью навоза куомешалов.

— Совершенно верно, регент.

— Ну, в таком случае не стану упрекать вас за то, что вы проводите там так много времени. С другой стороны... — Курган замолчал, увидев в толпе свою сестру Маретэн. Наверняка она устроит сцену, как было в день смерти отца. Вопрос только в том — какую.

— Да, регент, — выжидающе проговорил Сорннн СаТррэн, — с другой стороны?

Курган снова взглянул на прим-агента.

— С другой стороны, я мечтаю воскресить план Элевсина Ашеры по восстановлению За Хара-ата.

Улыбка Сорннна стала широкой, как центральный проспект Аксис Тэра.

— Замечательная новость, регент! Просто чудесная!

— На месте города сейчас происходят раскопки, верно?

— Да, уже много лет Бэйи Дас, одно из пяти коррушских племен, осторожно раскапывает останки древнего города. Их работа очень трудна и опасна, ведь приходится рыть внутри старых кремниевых шахт. А тут еще и набег враждебного племени — Джени Серии...

— Обязательно отправлю отряд кхагггунов для охраны месагггунов.

— Очень мудро с вашей стороны, регент, — похвалил Сорннн СаТррэн. — Но я бы посоветовал им не подходить близко к самым раскопкам, священному месту.

— Ну и темные же эти корруши! Впрочем, в этих вопросах эксперт — вы, и я последую вашему совету. — Регент кивнул. — Прекрасно, Сорннн СаТррэн. Я рад, что мы начали работать так продуктивно.

— Надеюсь, вы позволите сопровождать вас в первой поездке на землю коррушей?..

— Хм... я пока не планировал такого путешествия...

— СаТррэны — партнеры Стогггулов в строительстве За Хара-ата, так называемого Града Миллиона Самоцветов. Мне кажется, регенту было бы полезно посетить место раскопок.

На секунду Курган задумался.

— Ясно одно — убеждать вы умеете. — Правитель широко улыбнулся. — Отлично, необходимые приготовления поручаю вам. А сейчас, прим-агент, прошу извинить, скоро начнется Перевоплощение, мне нужно подготовиться.

— Ну конечно же! Благодарю вас за эту беседу, и позвольте еще раз выразить мое глубочайшее почтение вам и вашему покойному отцу.

— Как вы сами сказали, вы так быстро приехали издалека. Я никогда не забуду вашу преданность.

Сорннн СаТррэн церемонно поклонился регенту и ушел, взмахнув длинным коррушским нарядом.

Глубоко задумавшись, Курган пару минут смотрел вслед прим-агенту. Олннн Рэдддлин, закончив инструктаж хааар-кэ-утской охраны, подошел к правителю.

— Есть ли новости о том дезертире?

— Мы скоро найдем его, регент.

— Осторожнее, звезд-адмирал, мы не имеем права на новую ошибку.

— На этот раз все будет иначе.

Глаза Кургана впились в лицо Олннна Рэдддлина, союзника и опасного врага, личность весьма и весьма загадочную.

— Значит, предатели неизбежно предстанут перед судом, верно, звезд-адмирал?

Олннн кивнул.

Маретэн Стоггул дождалась ухода звезд-адмирала и подошла к брату. Высокая и стройная, с благородным лицом, умными широко расставленными глазами и чувственными губами, Маретэн казалась не менее раскованной, чем Курган, что нечасто встречается среди тускуггун. О таком теле мечтала добрая половина женщин, а все мужчины жаждали обладать ею. Однако Маретэн будто и не догадывалась о собственной привлекательности.

Вместе с другими женщинами она стояла в огороженной части палаты, за пределы которой им запрещалось выходить. Сестра регента была уже по уши сыта сплетнями и светскими беседами, обсуждением прочности терция и тритана, деформации и окраски ткани. Через веревочный барьер до Маретэн доносились обрывки разговоров мужчин, рассуждавших о торговых сделках, слабости конкурентов, соперничестве, злости, зависти и амбициях. Что за жизнь!

Она заставила себя улыбнуться, хотя ничего хорошего от встречи с братом не ждала. В отличие от большинства тускуггун Маретэн свято верила в то, что женщины и мужчины должны иметь равные права. Она не испытывала особых чувств к отцу и брату, которые из-за ее взглядов относились к ней даже хуже, чем мать и сестра. Маретэн очень рано стала независимой. В отличие от амбициозного Кургана или избалованной сестры Ораттони она не пользовалась репутацией семьи Стоггулов, даже когда отец стал регентом. Веннн Стоггул презирал ее, и она отвечала ему тем же. Маретэн открыто критиковала отца за то, что он отказался от своего первенца Терретта и сдал его в «Недужный дух» — отделение терапии для умалишенных, где старшего брата Маретэн лечил холодный бесстрастный дэйрус. Она одна из всей семьи навешала Терретта в ужасном стерильном доме для безумцев, куда ходила трижды в неделю. Сколько раз Маретэн умоляла свою мать пойти в «Недужный дух» вместе, упрашивала ее, а потом, отчаявшись, ругала за черствость.

— Он ведь твой сын! — кричала Маретэн матери.

— Я никогда так не считала, — лишенным эмоций голосом отвечала мать, — и не буду считать.

— Тогда я тоже тебе не дочь, — заявляла потрясенная Маретэн.

Маретэн знала, что где-то в глубине своего большого мозга Терретт очень радуется каждому ее посещению, хотя и нечасто это показывает. Когда она приходила, он вел себя совсем по-другому. Маретэн видела происходящее и без дэйрусов, которые хором твердили ей об этом.

Когда Курган повернулся к сестре, она ощутила молчаливое неодобрение матери, Оратттони, ее детей и других женщин семьи, покорно стоявших за шелковым шнуром цвета индиго, через который разрешалось переступить лишь мужчинам рода Стоггулов. Несмотря на всю язвительность, Оратттони не хватило мужества выйти с огороженной площадки, где из-за несправедливости обычаев пришлось стоять ей. Глаза сестры потемнели от ужаса и негодования, когда она увидела, на что решилась Маретэн.

— Ты спатила? — грубо спросил Курган.

Это были первые слова брата, сказанные ей со дня смерти отца.

— Терретт передает привет и сожалеет, что не сможет посетить церемонию Перевоплощения.

Лицо Кургана на мгновение исказила кривая улыбка.

— Ты сошла с ума, сестрица. Единственное, что может мой брат, — это пускать слюни. От более трудного занятия его голова разлетится на куски.

— Знаю, — Маретэн поклялась не выходить из себя, но ее просто душил гнев, — ты преднамеренно помешал мне привести его сюда.

— Конечно. Я не мог позволить Терретту опозорить семью перед всем Аксис Тэром.

— Он твой брат, старший брат. Веннн Стоггул был и его отцом. Он имеет право...

— Послушай, что я тебе скажу, — прошипел Курган, — у моего брата столько же прав находиться здесь, сколько у тебя — выйти из огороженного места. Он буйнопомешанный в'орнн, не более того. Я — единственный законный наследник моего отца, не забывай! — Регент свирепо посмотрел на сестру, будто ожидая, что она посмеет возразить. — Если не уйдешь за

перегородку сию же секунду, я прикажу хааар-кэутам отвести тебя туда силой и...

— И опозоришь семью перед всем Аксис Тэром? — Маретэн подняла руку, останавливая брата. — Придержи своих псов, я уже сказала все, что хотела.

— Твои слова мне безразличны, — надменно выпрямился Курган.

— Как обычно, братец, — кивнула Маретэн. Ее глаза были холоднее заснеженных вершин Дьенн Марра. — Ты не разочаровал меня.

Звезд-адмиралу Олннну Рэдддлину было необходимо размять заколдованную ногу, и он ходил взад-вперед, петляя среди по-праздничному одетых в'орннов. Каждая каста выражала траур по-своему: кхагггуны надели на левую руку нарукавник цвета индиго, баскиры — индиговые пояса, месагггуны вымазали индиговой краской лица, геноматекки и дэйрусы повязали вокруг голов индиговые ленты, а тускугггун, стоящие на огороженных участках, облачились в индиговые сифэйны.

Олннн мало ел, а спал и того меньше. Едва удавалось заснуть, как его начинали мучить кошмары, полные мерзких чудовищ, будоражащих криков и настойчивого бормотания, от которого адмирал просыпался в холодном поту, с бешено бьющимися сердцами. Нога болела постоянно, в кость будто втыкались тысячи иголок; пытка ужасная, даже для привыкшего к боли в'орнна. В те редкие минуты, когда нога не болела, она затекала и совершенно не гнулась. «Неподвижность — мука для в'орнна» — эта кхагггунская пословица теперь имела для звезд-адмирала как переносное, так и прямое значение.

Ищущие расположения Рэдддлину хааар-кэуты кланялись, когда он проходил мимо. К бывшему звезд-адмиралу Киннннну Морке они так не относились. Двигаясь довольно неуклюжей походкой, Олннн, по сути дела, крутился возле регента. Адмирал словно стремился получше присмотреться к тем, у кого есть власть, тем, кто жаждет власти, и тем, кто власти не имеет и не будет иметь, а поэтому завидует более удачливым. На самом же деле Рэдддлин просто искал строй-генерала Локкка Виэрррента.

Олннн родился в семье кхаггтунов и почти не помнил родителей. Он был младшим из четырех братьев, которые, как часто казалось, жили лишь для того, чтобы издеваться над ним, добывшим славу собственными силами в отличие от множества знакомых, пользовавшихся влиянием семьи. У Олннна не было ни влиятельного клана, ни какой-то поддержки вообще; братья, и живые и мертвые, его бросили. Один-одинешенек, адмирал черпал силы только в себе. Ребенком он не имел ничего. Зато сейчас, поднявшись на самый верх, он добился и получил почти все, о чем мечтал, все, чего жаждали и не смогли добиться те, кто считал себя выше его.

И все же звезд-адмирал жил в постоянном напряжении. С того момента, как Курган стал регентом, Олннн заметил, что между ними возникла определенная натянутость. Регент давал ему невыполнимые поручения и, когда Олннн не мог их выполнить, отчитывал его. А потом начались загадочные кражи с военных складов... Вопреки мнению регента Олннн был уверен — с кундалианами сговорилась семья СаТррэнов. В прошлом СаТррэны не раз вступали в союз с коррушами. Поэтому было логично предположить, что Сорннн СаТррэн может «сродниться» и с кундалианами. С другой стороны, Олннн увидел, что Сорннн очень понравился регенту... Значит, действовать следовало крайне осторожно. Нужно дискредитировать прим-агента, не подставляя себя под удар. Крайне важно было отвести в сторону подозрения правителя, а значит, следовало найти подставное лицо...

— Звезд-адмирал?

Обернувшись, Олннн увидел круглое, словно кундалианская луна, лицо Броннна Палллна, покрытое мелкими бисеринками пота.

— Я прождал здесь четыре часа, дольше, чем большинство баскиров, а регент так меня и не принял.

— Официально правитель еще в трауре, Броннн Паллнн, — заметил Олннн, вытягивая шею и надеясь увидеть строй-генерала Локкка Виэрррента. — К тому же у него много работы.

— Наши отцы считались...

— Думаю, разумнее отложить все посещения на некоторое время.

— Я терпеливо ждал целых девять недель, неужели это ничего не значит? — захныкал Броннн Паллн. — Я хочу убедить Кургана Стоггула, что его отец ошибся, назначив прим-агентом Сорннна СаТррэна, а не меня.

Разговор внезапно заинтересовал Олннна. Какие-то неведомые силы, похоже, услышали его желание найти козла отпущения и решили помочь. Тем более нужно помешать этому баскиру встретиться с регентом.

— Не думаю, что накануне Перевоплощения Веннна Стоггула благоразумно указывать регенту на ошибки его отца.

— Возможно, вы правы. Но должность прим-агента моя по праву! Веннн Стоггул обещал должность мне, а тут этот Сорннн СаТррэн...

— О непостоянстве характера Кургана Стоггула ходят легенды. Кажется, Броннн Паллн, не нужно рассказывать об этом вам.

— Да, в самом деле...

Олннн поднес к губам указательный палец и легонько постучал, изображая задумчивость.

— Однако ваши слова глубоко меня тронули.

— Правда? — Броннн Паллн выглядел крайне удивленным.

— Конечно. — Олннн положил руку на мясистое плечо Паллна и повел его прочь от регента. Тут-то Рэдддлин и заметил строй-генерала. — Давайте вернемся к этому вопросу через пару дней, когда все оправятся от горя, вызванного Перевоплощением.

— Конечно, звезд-адмирал, — Броннн Паллн немного дрожал и позволил отвести себя обратно к своей семье, — с великим удовольствием.

Олннн тут же забыл про баскира и зашагал к внушительной фигуре строй-генерала Локкка Визэрррента. Генерал командовал кхагггунскими силами в районе Быстрых Озер и обладал наибольшей властью среди военачальников. Это был устрашающего вида в'орнн, заметный даже среди кхагггунов. Его огромная квадратная голова будто целиком состояла из выступающей челюсти и густых кустистых бровей. В глубоко посаженных глазах горело то, что называют страстью к дисциплине. По возрасту Локккк годился Олннну в отцы. (Правда, соб-

ственных детей Виэррент не имел из-за того, что, как он сам говорил, «был женат на проблемах в'орннов».)

— Звезд-адмирал, как я рад видеть вас снова! — прогудел Локк так громко, что казалось, балки палаты закачались.

— Взаимно, строй-генерал! — Олннн пожал руку Виэррента. — К сожалению, мы стали видеться не так часто, как раньше.

— Я в вашем полном распоряжении, звезд-адмирал. Завтра рано утром прибуду в ваши апартаменты.

— Нужда в этом отпала, вам не придется делать никаких изменений в расписании.

Локк Виэррент насупил кустистые брови. Строй-генерал знал Олннна и не стал задавать лишних вопросов.

— Завтра я иду на обед к Доббро Маннксу, а потом, к девяти вечера, на собрание хоббников. Может, где-нибудь перед этим встретимся и выпьем?

— У вас есть на примете какое-то место? — Олннн не был слишком общительным и, кроме всем известного «Кровавого прилива» в Гавани, не знал в Аксис Тэре ни одной таверны.

— Судя по вашему серьезному настрою, нам лучше встретиться там, где поменьше кхаггтунов. Слышали о «Пряном Джексе»?

— Боюсь, что нет.

— Это в самом центре рынка пряностей. Таверну легко найти по красно-оранжевому навесу, так что вы не заблудитесь.

— Хорошо, завтра в восемь вечера.

— А, наследник СаТррэнов! Вижу, вы принесли в Аксис Тэр свежий коррушский ветер!

Услышав женский голос, Сорннн обернулся.

— Маретэн Стогггул... — Прим-агент очень хотел, чтобы его лицо не выражало никаких эмоций. — Когда мы с вами встречались в последний раз?

— На третий день после смерти вашего отца, — проговорила она, — вы помните?

— Тысяча извинений, — на лице Сорннна заиграла насмешка, — по правде, не помню.

— Я приезжала к вам в качестве представителя семьи Стогггулов вместе с деловыми партнерами вашего отца.

— Ах да! Ну, за две недели траура у нас побывало немало гостей.

— Вы так горевали!

— Да...

— Похоже, вы уже пришли в себя после пережитого.

— Трудно смириться с такой потерей, — сказал Сорннн. — Кто может заменить отца?

— Наверное, никто...

— Простите, я так бестактен! Ведь сегодня — Перевоплощение вашего отца!

— Оставьте соболезнования для кого-нибудь другого, — резко ответила Маретэн.

— Как ваши дела? — спросил прим-агент, прерывая неловкую паузу.

— Все в порядке, хотя работа в мастерской довольно однообразна.

— А работы вашего брата?

— Ах да! Работы Терретта раскупают охотно.

— А как он сам?

— По-прежнему.

— Очень жаль!

— Спасибо за беспокойство, Сорннн СаТррэн. — Маретэн слегка склонила голову, будто наблюдая за кем-то или чем-то через плечо. — Смотрите, — прошептала она, — сюда идет дэйрус.

Сорннн увидел внушительную фигуру дэйруса в серой тунике.

— Видите, как все морщат носы и отступают назад, когда он подходит ближе, — отметила Маретэн.

— Верно, — согласился Сорннн. — Дэйрусов не очень любят.

— Ну, это понятно. Их считают половыми извращенцами и, следовательно, отверженными.

— Это вас тоже беспокоит, Маретэн? Разве мало у вас других поводов для волнения? — Наблюдая за перемещениями Олннна Рэддлина, Сорннн понял, что адмирал тайком следит за ним.

— Вспоминая преступные эксперименты, которые геноматекки проводят в «Недужном духе» над несчастными детьми в'орннов и кундалиан, презирать дэйрусов лицемерно. — Маретэн скорчила гримасу. — Неужели дэйрусы хуже геноматекков лишь потому, что занимаются с сумасшедшими и мертвыми?

— Все боятся подхватить их «заразу», как говорят гэргоны, — сухо заметил Сорннн.

— Если бы это и вправду можно было назвать заразой! Что плохого в том, что мужчина любит мужчину? По-моему, такие мужчины любят друг друга сильнее, чем обычно любят женщин.

— Что это, Маретэн? — насмешливо спросил прим-агент. — Вы не верите в настоящую любовь?

— А я должна верить?

— Я думал, все тускуггун верят.

— А я думала, мужчины не знают, что это такое!

— А как же дэйрусы? Бедные глупцы! Если бы не их отклонение, они могли бы занять место рядом с уважаемыми геноматекками, вместо того чтобы целыми днями торчать среди мертвых, умирающих и ненормальных.

— Жестокое отношение к ним просто отвратительно! А эти рейды, которые время от времени...

— Таким образом гэргоны берегут другие касты от растления, — заявил Сорннн.

— Однако некоторые их методы и приемы — настоящее варварство! — Маретэн взяла кубок с нумаадисом с подноса, который нес проходящий мимо слуга. — Что нового у коррушей?

— У коррушей все по-прежнему. Не меняется практически ничего, несмотря на разорение, которое несет им наша оккупация.

Маретэн глотнула настойку — она словно огонь обожгла ей горло.

— Гэргоны считают, что эти племена недостойны их внимания.

— Они досаждают им не больше, чем блохи — слону.

— Вам лучше знать.

— Моя семья живет за счет торговли специями.

— Я подумала, — искоса взглянула на него Маретэн, — зачем вам вся эта морока с торговлей? Почему бы просто не привести туда ударный отряд кхагггунов и не отнять пряности? Мы ведь забрали у кундалиан все ценное.

— Далеко не все, я уверен. — Сорннн задумчиво поджал губы. Исподтишка наблюдая за Олннном Рэддлином, прим-агент окончательно убедился, что тот тайком преследует его,

словно неопознанный темный объект — кундалианское солнце. — Дайте подумать, как мне вам лучше ответить?.. Ну, объяснить будет трудновато...

— Под этим подразумевается, что гэргоны что-то планируют против коррушей.

— Разве я так сказал?

— Вы имели это в виду.

— Кажется, вы лучше знаете, о чем я думаю, — мрачно посетовал Сорннн.

— Как вы можете обвинять меня в подобном? Я всего лишь скромная тускггун. Разве у меня хватит ума понять, что вы думаете?

— В вас больше яда, чем в кундалианской агаве.

— А упрямства, говорят, еще больше.

— Вряд ли это преувеличение. — Прим-агент увидел, как усмехнулся Олннн Рэдддлин, проходя мимо.

— А вы такой же скучный и недалекий, как и большинство баскиров.

— Теперь я *правда* обиделся.

— Не принимайте близко к сердцу, — отворачиваясь, сказала Маретэн, — говорят, я довольно бестактна.

Нит Батокссс наблюдал, как Курган начинает обряд Перевоплощения, но его собственные мысли находились далеко отсюда. И разве могло быть иначе? Какой гэргон станет размышлять о повседневных проблемах в'орннов? Смерть интересовала Батокссса лишь как состояние, которого надо всеми силами избегать. Честно говоря, ему было неуютно здесь, в общественном месте, среди суеты, блеска и постоянного движения огромной толпы, вдали от своей лаборатории в Храме Мнемоники. Гэргону было не по себе от какофонии голосов; казалось, что он тонет среди беспрестанного шороха, беспорядочно бьющей энергии. Батокссс просто не мог сосредоточиться. Несмотря на защитные фильтры нейронной сети, входившей в состав биокостюма, он чувствовал себя ужасно. От досады гэргон скрипел зубами так, что болели челюсти.

Возможно, возбуждение имело какое-то отношение к бронзовому нейронному змею, ставшему частью его мозга. Это был змей кундалианской колдуньи Малистры. Хотя Дар Сала-ат

убила Малистру, змею удалось спастись, и он вернулся к хозяину. К сожалению, когда Нит Батокссс ввел змея в собственный окумммон, вернув его в первоначальное ионное состояние, техномаг понял, что змей поврежден. Гэргон имел доступ к сведениям о той битве, но не видел лица Дар Сала-ат. Это казалось ему непостижимым, и Батокссс еще болезненнее переживал поражение и скрежетал зубами.

Мучаясь от неприятных мыслей, гэргон смотрел по сторонам. Он увидел группу негромко переговаривающихся баскиров, месатггунов, только что отработавших смену на шахтах, ядерных электростанциях или подземных акведуках, тускуггун, покрывших головы сифэйнами — традиционными капюшонами, которые носят все приличные женщины. Он чувствовал, как они все его боятся, упивался этим страхом и успокаивал расшатавшиеся нервы. В'орнны и кундалиане были гэргону безразличны, он мог заставить их сделать все что угодно. Каждый из них был просто парой рук и ног, появившихся на свет, чтобы выполнять его приказы, и умиравших, когда становились бесполезными.

Думая о в'орннах и кундалианах, Нит Батокссс вспомнил о Кургане Стогггуле. Он помог ему быстро стать регентом, а за это Курган поклялся в вечной преданности. Вечной. Но Стогггул был очень амбициозным парнем и ставил перед собой высокие цели. Курган не знал, что такое жалость, и, не задумываясь, запачкал бы руки в чужой крови. Похоже, кровопролитие его даже притягивает... Однако готов ли он к заданию, которое гэргон для него приготовил? Ответ на этот вопрос Нит Батокссс хотел получить без промедления.

Правда, не сегодня. Сегодня он будет просто стоять в стороне и смотреть, чувствуя постоянное напряжение ионов в нейронной сети, которые принимали новую информацию, классифицировали мельчайшие детали и переправляли дальше непрерывно поступающий поток. Только не в основной слой рецепторных кристаллов, а в отдельный пульсирующий кристалл сине-белого цвета, надежно укрытый в секретном отделении лаборатории гэргона от всех, даже от якобы всевидящего ока Товарищества. Нит Батокссс ненавидел процесс приема информации, он превращал его в посыльного, оператора по об-

работке данных, библиотекаря. Это было унижительно и мерзко, но он выполнял это бесконечное задание безупречно, без единого слова протеста. Протестовать при таких обстоятельствах бесполезно.

«Я в ужасном, отвратительном настроении! — думал он. — А почему?»

Батокссс знал почему. Ответ на этот вопрос он знал так же точно, как и то, что проклятое кундалианское солнце с пурпурным пятном взойдет ровно через три часа двадцать три минуты семнадцать целых и девятьсот семьдесят три тысячных секунды. Батоксссу не хватало достойного соперника. Битву со своим давним противником Нитом Сахором он выиграл, сумев нанести тому рану, от которой Сахор скончался. Без Нита Сахора мир казался пустым, а каждый наступающий день — серым и бесполезным. Без противостояния Батоксссу было скучно и даже грустно. Представляете? Он почти что оплакивал своего злейшего врага!.. В другое время гэргон, наверное, посмеялся бы над абсурдностью этой идеи.

Он презирал Нита Сахора и все его убеждения. Сахор заслужил такую судьбу. Нит Сахор слишком увлекался кундалианскими легендами, кундалианской историей и магией. Он не мог отличить зерна от плевел, дешевых фокусов — от реальной действительности, не видел границы между фактом и выдумкой. И самое страшное, что Нит Сахор стремился изменить устои и традиции Товарищества. Он стал подвергать сомнению основные заповеди, которые все гэргоны считают верными и единственно правильными с того момента, как мыслительные программы инсталлируются в их мозг. Заповеди, на основе которых и была создана кристальная база данных. Заповеди, ставшие источником всех знаний и достижений в'орннов еще до того, как была разрушена их собственная планета. Нит Сахор считал заповеди подозрительными; он утверждал, что ядовитые испарения страшного пожара в древности помешали пересылке информации, и то, что осталось от заповедей, — либо недостоверная, либо не полная версия. Сахор осмеливался поносить даже Товарищество и саму расу в'орннов. Он был очень опасным предателем, ибо пытался свергнуть власть гэргонов. Под конец, ведомый собственными ил-

люзиями, он вступил в сговор с врагами — сначала с бывшим регентом Элевсином Ашерой, а затем с колдуньей Джийан и ее любовником, предателем Рекком Хачиларом.

От воспоминаний о Ните Сахоре и его вероломном предательстве кровь Нита Батоксса закипела. А потом гэргон снова почувствовал ужасную пустоту, ибо его собственная сила наиболее ярко проявлялась на фоне почти равного ему по силе противника. Теперь же врага нет, и его останки, если есть на свете справедливость, должно быть, отправились в ледяную Н'Луууру.

Зеленоватая луна робко светила в окна палаты предков, а кипящая энергия собравшихся согревала не хуже фотонного реактора. Ниту Батокссу воздух казался спертым от огромной очереди плакальщиков, нескончаемой змеей вползавшей в палату с одной стороны и выползавшей с другой. Вот бы вернуться в лабораторию и заняться экспериментами!.. Пришурившись, Батоксс наблюдал за толпой — как они едят, пьют, негромко переговариваются, тяжело дышат, будто огромное стадо глупой скотины. Как он всех их ненавидел! О чем они думают? Незначительные события их ничтожной жизни, повседневная суета, от которой все гэргоны, за исключением Нита Сахора, давно отказались. Гэргоны не боялись посмотреть в лицо вечности, а после этого все выглядит уже иначе. Необыкновенное по остроте и глубине, почти не поддающееся контролю ощущение — держать частицу Космоса в нейронной сети собственной руки, покрытой защитной оболочкой. Что это значит — управлять кусочком Космоса, разгадывать его тайны, затаив дыхание, следить за микроскопическими орбитами энергии, из которой состоит сама жизнь!

Однако из-за этих экспериментов Батоксс стал презирать все касты. Ну или почти все. Даже в этой толпе был некто, еще интересовавший гэргона. Взгляд Батоксса упал на Кургана — властолюбивого, гордого, опасного, такого, каким с раннего детства учил его быть он сам — гэргон, в ту пору именовавшийся Старым В'орнном. Рубиновые зрачки загорелись — Курган Стогггул был загадкой, достойной исключительного интеллекта Нита Батоксса и его научного любопытства. С момента рождения Кургану была предрешена особая судьба, но насколько особая — никто из в'орннов и представить себе

не мог. Нит Батокссс приложил все силы, чтобы Курган вырос особенным, не похожим на других.

Гэргон подошел к регенту, и они тут же остались одни. Вокруг выросла стена молчания. И в'орнны, и кундалиане отводили глаза. Их страх казался чем-то материальным, однако даже он не мог развеять раздражения, которое окутывало Батокссса, словно вуаль — плакальщика.

— Время пришло, — спокойно и мрачно проговорил гэргон. — Пора начать Перевоплощение.

Курган подошел к байену. Нит Батокссс смотрел, как правитель повернул ручку. Сердца мертвого регента начали пульсировать, будто возвращаясь к жизни, а потом принялись медленно таять, растворяясь в сине-черной жидкости, стекающей в Чашу души.

Тишина, подобно фотонной волне, накрыла собравшихся. Нит Батокссс слышал их тихое, как у испуганных животных, дыхание. Глаза были прикованы к Кургану, который поднял хрустальную чашу, и все увидели растворившиеся сердца. Посмотрев вокруг, регент прочитал молитву за Перевоплощение, которая кончалась знакомой всем фразой: «Жизнь — это смерть, а смерть — это жизнь».

Курган залпом осушил чашу.

3

ЗАГАДКИ

— Что же нам теперь делать без Джийан? — проговорила Элеана.

Реккк Хачилар, Элеана и шестиногая раппа Тигпен стояли рядом в свете трех лун.

— Спасать ее! — с железной логикой воина ответил Реккк.

— Это будет не так просто, — предупредила Тигпен.

Риана рассказала им о том, откуда взялись хризалиды Джийан.

— Но ведь Джийан — могущественная волшебница, — возразила Элеана. — Как она позволила захватить себя?

— Маласокка — очень опасное заклинание.

По названию заклинания Риана догадалось, что оно принадлежит языку Венча — прародителю старорамаханского языка. На нем еще говорили друуги — кочевые племена, населявшие бескрайние просторы Большого Воорга и считавшиеся потомками первых рамахан.

Усы Тигпен дрожали от возбуждения.

— Ручаюсь, ничего подобного на Кундале не видели уже много столетий. Хотя известно заклинание с незапамятных времен. Только смерть гостевого тела может нейтрализовать его. — Тигпен заглядывала в глаза друзей. — Возможно, нам следует смириться с тем, что мы потеряли нашу госпожу.

— Должен быть какой-то выход.

— Отправимся за ней следом, — твердо сказал Реккк. — Уверен, что мы вместе сможем...

— Как раз это у нас и не получится! — возразила Тигпен, прижав треугольные уши к голове, покрытой рыжеватою шерстью, и встала на крепкие задние лапы. — При первой же попытке она точно перебьет нас всех. Даже если кто-то и останется в живых, что тогда? Кто сможет ее убить?

— Что же ты предлагаешь? — Элеана уперлась руками в бока. — Я, например, не собираюсь просто сидеть и смотреть, как какой-то демон из Бездны уничтожает дух госпожи Джийан!

Усы Тигпен бешено задергались.

— Твоя преданность госпоже Джийан воистину трогательна, дорогая моя. Только дело не в том, что ты чувствуешь, а в том, насколько хватит этой преданности. — Она постучала длинными когтями. — Не забывая ни на минуту о положении госпожи Джийан, я не могу позволить вам подвернуть себя огромной опасности, которую представляет Маласокка. Ведь появление заклинания возвещает об ужасном возвращении демонов в наш мир.

— Откуда ты можешь знать...

— Я знаю. — Тигпен разжала челюсти, и тонкий желтый язык вытащил из ее рта маленький круглый предмет. Тигпен держала его между зубами так, чтобы все могли рассмотреть, что в глубине предмета рассеивающиеся облака составляют

нескончаемый узор. — Он показывает мне будущее. И не просто предсказывает, а точно показывает наиболее вероятное будущее, в котором вы с Рианой уходите вслед за Джийан и умираете рядом с ней.

— Кундалианская чушь! — воскликнул Реккк. — Не верю ни единому слову! — Он вложил свой меч в ножны. — Я отправляюсь за госпожой и найду способ ее освободить. — Было ясно, что он никого не слышит и даже толком не понимает, о чем говорит.

— Сейчас ты никуда не идешь, — остановила его Риана. От слов Тигпен у нее будто мороз прошел по коже. — Хотя бы потому, что не знаешь, где она.

— Риана права, — вздохнула Элеана. — Реккк, я не меньше твоего хочу отправиться за госпожой Джийан. Но пока у нас, кажется, нет другого выхода. Надо послушать Тигпен.

Ночь становилась все холоднее. По предложению Рианы друзья влезли через разбитое окно обратно в библиотеку и составили тяжелые грубые стулья из аммонова дерева вокруг длинного обеденного стола.

— Прежде чем услышать продолжение твоей истории, я хотел бы знать, как ты можешь видеть будущее, — проворчал Реккк. Тигпен, свернувшись калачиком на стуле, вздохнула.

— Как я уже сказала, это наиболее вероятное будущее из многих возможных.

— Из скольких возможных? — спросила Элеана.

— Из бесчисленного множества, дорогая моя.

Реккк был слишком возбужден, чтобы сидеть спокойно. Вскочив на ноги, он нервно зашагал по плиточному полу, подошел к камину и, сложив дрова в почерневший очаг, развел огонь.

— Объясняй! — потребовал он.

— Терпение, храбрый воин.

— То малое, чем я обладал, ушло вместе с Джийан, — начал Реккк, оторвавшись от камина, — поэтому прошу не тянуть с ответом.

Раппа вновь показала маленький шарик.

— Риана подтвердит, что в тех из нас, кто способен к Припрыжке, живет крошечное, похожее на маленького червячка существо. Его называют моноккул.

Элеана вскрикнула, ее лицо выражало отвращение.

— Это правда, Риана? — спросил Реккк, вытирая руки от сажи. — В тебе действительно кто-то живет?

— Да, это существо необходимо для Припрыжки. Во время нее тело накапливает самую разную энергию, в том числе и довольно вредную. Мононкул действует наподобие фильтра, способствуя превращению одной энергии в другую и очищая организм.

— Риана еще не знает, — вставила Тигпен, — что, когда организм припрыгивает, мононкул поглощает всю радиацию. Миры безграничны, они существуют как параллельно один другому, так и внутри друг друга. Когда организм припрыгивает, не существует таких категорий, как время и пространство, по крайней мере в обычном понимании. Все миры существуют одновременно. Поэтому неудивительно, что в процессе Припрыжки накапливаются остатки самой разной энергии. — Раппа катала шарик между пальцами. — Обломки прошлого или будущего врезаются в сам организм припрыгивающего. Они для нас довольно вредны, однако их нейтрализует мононкул. Но в отличие от радиации остатки энергии не могут быть переработаны, поэтому по отношению к ним выбирается альтернативный способ — он объединяет их вокруг себя.

Риана взяла шарик у Тигпен и внимательно на него посмотрела.

— В конце концов он принимает вот такую форму.

— Именно, — довольно кивнула Тигпен, — а потом покидает готовый предмет.

Огонь в камине разгорелся, а Реккк подошел к Риане.

— А как же будущее? И прошлое?

— Как мне объяснить? — Тигпен почесала за ухом. — Представляешь, как солнце отражается о водную гладь или свет лампы — о хрустальную вазу? Представь, как ты воспринимаешь эти отблески, — иногда кажется, что их видно, а иногда — нет. Именно так и устроен этот шарик.

Элеана тоже подошла поближе, чтобы рассмотреть любопытную вещь.

— И ты видишь здесь будущее, *такое будущее?*

Тигпен торжественно кивнула.

— Где-то когда-то случится именно так, как я сказала. Риана и Реккк погибнут от рук демона, в которого превратилась госпожа Джийан.

— Да пошел этот мононкул в Н'Луууру, — выругался Реккк. Элеана проницательно взглянула на раппу.

— В таком случае мы должны постараться, чтобы это будущее никогда не настало.

Тигпен выпрямилась на стуле.

— Моя дорогая, ты смогла понять самую суть. — Раппа посмотрела на Реккка. — А ты понимаешь, упрямый солдат? — спросила она.

— Я сильно ее люблю, раппа. *Это* ты понимаешь?

Тигпен аккуратно положила лапу на его руку.

— Лучше, чем ты можешь себе представить, смельчак.

— Ну тогда предложи что-нибудь другое, чем найти Джийан и сразиться с демоном, который овладел ею. От твоих прощещств у меня руки опускаются.

— Мы найдем Джийан, — сказала Риана, — только сначала нужно придумать, как изгнать демона, не убив ее. — Она видела, как Тигпен наблюдает за ней блестящими глазами. — Сильная рука и бесстрашное сердце не помогут уничтожить демона. Нужно использовать знания.

— Я не понимаю, Дар Сала-ат, — нахмурившись, проговорил Реккк.

— Единственное, что я знаю про демонов, — продолжала Риана, — это то, что они созданы из огня. Силой и храбростью их не одолеть. Наоборот, во время борьбы они становятся еще сильнее. Можно представить, будто они кровожадные грабители: чем яростнее от них отбиваешься, тем с большим напором они стараются вернуться. Однако, как и те грабители, они довольно ограничены, хотя глупыми их не назовешь. Вот только все, что не касается их непосредственно, выше понимания демонов.

— Дар Сала-ат абсолютно права, — заявила Тигпен, — зло повторяется снова и снова, следуя бесконечной модели. Зло безжалостно и неумолимо, обладая огромной властью. Но оно не имеет свободы и, если так можно сказать, запрограммировано. Поэтому все его действия механически примитивны и предсказуемы.

— Наконец-то мы заговорили о чем-то конкретном, — воскликнул Реккк, — о трещинах в броне противника.

— Сейчас мы говорим об абстрактном зле, поэтому ничего нельзя воспринимать буквально.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась Элеана.

— То, что я сейчас говорю, поможет нам остаться в живых. — Тигпен снова заглядывала в глаза собравшимся. — Природа зла, то, что Реккк так живописно назвал трещинами в броне, скрыта под огромной силой. Именно поэтому его механические, часто предсказуемые проявления нас так шокируют.

— Абсурд! — выпалил Реккк. — Каждый из нас не раз сталкивался со злом и отлично изучил его проявления.

— Ну конечно же! — согласилась Тигпен. — А теперь вспомни, Реккк, как Малистра смогла проникнуть в твоё сознание настолько, что ты попытался похитить Дар Сала-ат. И у тебя все получилось бы, если бы не находчивость Рианы.

— Это больше не повторится, — мрачно пробормотал Реккк. Похоже, он давно позабыл о пренеприятном инциденте.

— Реккк, я не сомневаюсь в чистоте твоих помыслов. — Тигпен постучала когтями по столу. — Однако в душе каждого из нас есть темная сторона. Ты ведь сам прошел испытание... Есть место, которое рамахане называют Белокостные Врата. Там скрывается весь гнев, отчаяние, зависть и другие отрицательные эмоции, которые мы испытываем. Суть в том, что демоны инстинктивно чувствуют, как открыть Врата и довести нас до такого состояния, когда эмоции, накопившиеся на темной стороне души, вырываются наружу. Чем ближе мы ко злу, чем больше мы с ним миримся, тем вероятнее, что Белокостные Врата откроются и из черной дыры польются нечистоты, заражая, оскверняя, ослепляя и сбивая нас с пути. Поэтому Риана права, когда говорит, что мы должны использовать знания. Мы должны точно знать, что делаем, прежде чем сразимся с демоном, который завладел душой Джийан.

— Так скажи нам, что делать! — прогремел Реккк.

— Увы, не могу, я ничего не знаю про Маласокку.

— А кто может знать? — спросила Элеана, испуганно поглядывая на неистово потрясающего кулаками Реккка.

— Никто из моих знакомых, — развела руками Тигпен. — Но оглянитесь вокруг, здесь собраны лучшие мысли великих рамахан.

— Ни я, ни Реккк не умеем читать на Древнем языке кундалиан, — напомнила Элеана.

— Но Риана и я... — Тигпен зацокала желтым языком.

— У меня другое предложение, — вмешалась Риана. — Джийан говорила, что для продолжения магического образования мне нужно встретиться с Джоннкой, имари из «Сияния» в Аксис Тэре. Держу пари, она сумеет нам помочь.

— Как раз это мы и не должны делать, — покачала головой Тигпен.

— Я за то, чтобы пойти туда, — резко сказал Реккк. — Я бывал в том кашиггене и помню его расположение. Сейчас это лучшее, что можно придумать.

Полосатый хвост Тигпен застучал по спинке стула.

— Послушайте меня хоть секунду! Нужно предполагать худшее — что Тзелос уже овладел памятью и мыслями Джийан. В таком случае существует большая вероятность того, что Тзелос станет искать Риану именно там. — Она снова вытащила маленький шарик. — Именно в «Сиянии» все и случится, Реккк, там вы и умрете вместе с Рианой. Мы не должны этого допустить. Нельзя идти туда.

Реккк зарычал и полез в разбитое окно.

— Думаю, вам с Рианой нужно искать собственный выход из положения. И чем скорее, тем лучше, — заявила Элеана, направляясь вслед за Реккком.

Некоторое время они стояли молча, наблюдая, как занимается заря. Прохладный ветер, первый вестник наступающей осени, развевал их одежду, обжигая руки и ноги.

— Бездействие сводит с ума, — наконец проговорил Реккк. — Где-то она страдает в заключении, терпит жуткую боль, борется за собственную жизнь...

— Не стоит себя мучить, — мягко произнесла Элеана.

Реккк запрокинул голову.

— Это единственное, о чем я в состоянии думать с тех пор, как исчезла Джийан, — заорал он, — и я буду думать об этом до тех пор, пока она не окажется рядом!

— В таком случае ты скоро сойдешь с ума.

— Отлично. Ничего другого я не заслуживаю.

— О чем ты говоришь?

— Я должен был защитить ее.

— Ерунда! Джийан — могущественная волшебница. И даже она не смогла себя защитить. Ты бы не смог помочь ей, Реккк. И ты прекрасно это понимаешь!

Он не ответил. Элеана подошла ближе и положила руку ему на плечо. Реккк нехотя обернулся.

— Дело ведь не в том, что ты не смог защитить Джийан, правда?

Реккк свирепо взглянул на Элеану, но тут же отвел глаза. Он попытался отвернуться, однако Элеана коснулась его щеки и заставила посмотреть ей в лицо.

— Поговори со мной, Реккк.

Вырвавшись, он, спотыкаясь, побрел по одной из аллей монастыря. Элеана бросилась за ним и, когда наконец Реккк остановился, подошла к нему. Он обнял ствол акации, ветки которой вились по стене восточного храма, расщепляя ветхие оконные рамы.

Элеана снова положила руку ему на плечо.

— Забавно, — хрипло прошептал Реккк, — что настолько безобидное дерево может пробить известь и камень. — Он покачал головой. — Мы ведь почти не замечаем деревья, правда? Они всегда где-то на заднем плане, мы о них и не думаем, просто принимаем как само собой разумеющееся.

— Реккк, — прошептала Элеана, — что случилось?

Подняв голову, он смотрел на шелестящие ветви акации.

— Это дерево похоже... — Реккк на секунду закрыл глаза, — на то место внутри меня... Как назвала его Тигпен?

— Белокостные Врата.

Он кивнул.

— Именно через него Малистра проникла в мою душу, извиваясь, будто змея. Я не знал, что в моей душе есть темная сторона, где-то на задворках сознания. Она овладела моей душой, заставила меня... — Реккк оторвал руку от ствола акации, словно по нему вдруг пустили ток.

— Реккк, пожалуйста...

— Ты что, не понимаешь? — Он обернулся к Элеане. — То же самое сейчас происходит с Джийан! Только страшнее, намного страшнее... У нее отнимают и тело, и душу, превращая во что-то... страшное, ужасное, злое.

— Мы найдем ее, Реккк, и обязательно спасем. Ты должен верить.

— Верить! — грубо рассмеялся Реккк. — Ты не знаешь, что чувствуешь, когда внутри тебя ползает что-то злобное, вгрызается в твой мозг, поработывает его. Это так ужасно! — Он сжал ее руку. — Молись, чтобы это не случилось с тобой, Элеана! Молись своей Великой Миине, чтобы она сберегла тебя от подобной участи.

Элеана подвела Реккка к каменной скамье.

— Ты очень устал. Давай посидим здесь немного и поговорим о чем-нибудь другом. Или лучше помолчим. — Она взяла его руку в свои ладони. — Давай поглядим, как встает солнце. Это так красиво! Мы станем смотреть на разноцветные облака и освободим наши сердца от боли.

— Перед нами задача не из легких, — объявила Тигпен, снимая книги с полок.

— Есть ли что-то, чего я еще не знаю?

Тигпен заметила, как изменился голос Рианы, когда она листала «Происхождение тьмы».

— С другой стороны, у нас большое преимущество — ты можешь очень быстро читать и воспринимать текст.

Риана услышала неясные звуки, раздававшиеся откуда-то из-под пола. Каждый монастырь строили на месте пересечения силовых ручьев, сеть которых опутывала территорию Кундалы. И каждая из точек пересечения была уникальной. Однако эти факты давно были преданы забвению. И все же по ночам Риана ощущала слабое журчание ручьев, похожее на дыхание смертельно больного.

Наконец она решилась озвучить подозрение, которое не давало ей покоя.

— Ты убедила нас не идти за Джийан, утверждая, что хочешь защитить меня, не так ли?

— Это одна из причин. Но если тебе кажется, будто я солгала...

— Может, хватит опекать меня, а?

— Нет, не хватит! — резко сказала Тигпен. — Ты ничего не знаешь о собственной судьбе. Ты Дар Сала-ат и еще...

Риана пристально посмотрела на раппу.

— Ты молода. Твой Дар только начал раскрываться, а власть — проявляться и давать первые результаты. К тому же ты — женщина. Трудно сказать, с какими трудностями это сопряжено. Мы ждали прихода Дар Сала-ата, надеясь, что он избавит нас от рабства. Но даже рамахане, которые верят в тебя сильнее других, ждали спасителя-мужчину. Когда ты объявишь о своей миссии, все испытают шок, и неминуемо появятся те, кто откажется тебе верить. Правда, известно, что у тебя будет могучий заступник.

— Снова пророчества! Почему же я раньше не слышала о могучем заступнике?

— Пророчества записываются только сейчас, а из поколения в поколение они передавались устно. Их существуют многие тысячи, они переплетаются, словно тропическая лоза. Значение одних пророчеств совпадает частично, других — полностью, а третьи и вовсе противоречивы. Так, например, существует пророчество, которое можно истолковать так, что Дар Сала-ат будет мужчиной. Хотя если все эти пророчества идут от Миины, то сложности, запутанности и даже парадоксы имеют смысл. Миина никогда не считала нас рабами и предоставила нам большую свободу. Именно поэтому пророчества требуют толкования, некоторые из них окажутся верными, а другие — ложными. Жизнь сложна, иногда парадоксальна. В любом случае будущее заранее неизвестно. Иначе зачем было бы жить? Тем не менее пророчества существуют, и их растолковывают провидцы. Но, как тебе известно, провидцы быстро сходят с ума и умирают.

— Наверное, мой могучий заступник — это ты.

— Я? — рассмеялась Тигпен. — Его называют Наватиром, он — сильный и безжалостный воин, а появится на свет в результате магического превращения. Его появление ознаменует следующий этап твоего развития, Дар Сала-ат. Что касается меня, я была и останусь раппой, существом, близким к Миине, сопровождавшим первых рамахан, пока нас несправедливо не обвинили в убийстве Матери и не вынудили скрываться.

Риана опустила глаза. Кто станет ее Наватиром?.. Она на время отставила вопросы и начала читать. Страницы книги замелькали перед глазами. Через некоторое время Риана с головой ушла в чтение, а потом внезапно текст будто растворился. Мысли стали легкими, и она увидела картину из прежней жизни, до того, как ее умирающее тело соединилось с духом Аннона и сорвалось в пропасть их совместной памяти...

Риана шла по обледенелому горному хребту. Сильный ветер швырял в нее пригоршни снега. На вершине мира, среди зазубренных вершин Дьенн Марра, она двигалась осторожными шагами. Разреженный горный воздух мало подходил для дыхания, и Риана старалась не дышать. Сердце бешено стучало — она одновременно чувствовала усталость и оживление. Резкий крик заставил ее обернуться, и Риана увидела птицу, летящую к ней в теплом воздушном течении. Птица со снежно-белыми крыльями и крапчатым черно-белым телом стремительно неслась к девушке. Она была большой, такой большой... (Аннос не видел подобных даже в книгах.) Птица была в три раза крупнее самой Рианы, но она не испугалась, когда крылатое существо приблизилось. Голубые глаза внимательно разглядывали девушку, и Риана внезапно почувствовала огромную любовь, тепло и спокойствие. Она говорила с птицей на языке...

Вздрогнув, Риана села. Она говорила с большой птицей на языке Венча! Что же она ей сказала? Больше девушка ничего не помнила, будто из книги воспоминаний кто-то специально вырвал несколько страниц. Риана потеряла виски, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь, но, как и обычно, ничего не вышло. Воспоминания, разрозненные картинки прошлой жизни появлялись сами собой, где и когда угодно. Риана будто собирала огромную головоломку. В ней было много отдельных кусочков, но как собрать их вместе, она не знала.

Риана взглянула на Тигпен, которая раскрыла первую книгу из стопки. Раппа сидела за трапезным столом, обернув вокруг себя хвост, и негромко напевала под нос. Ее вид заставил Риану встряхнуться, и девушка разозлилась.

— Тебе ведь все равно? — спросила она.

— Что? — подняла глаза Тигпен.

— Тебе все равно, что душа Джийан сейчас медленно разлагается.

— Моя дорогая Риана, — выпрямилась Тигпен, — конечно же, мне не все равно. Я очень переживаю. Только паника еще не помогала никому, не поможет она и Джийан.

— Ты так ужасающе спокойна!

— Я училась этому многие века. — Тигпен слезла со стула и подошла к Риане. — У всех рапп высокое давление. Это — результат того, что мы сотни лет были любимой едой йа-гааров. Увидев одного из них, мы тут же падаем в обморок. Не самое сильное качество в борьбе за выживание, сама понимаешь. Однако отсутствие одного качества всегда компенсируется присутствием другого, не правда ли? Мы должны были учиться держать давление под контролем. Иначе просто не выжить. Поэтому я стараюсь сохранять спокойствие, что и тебе советую. Очень помогает трезво мыслить, а это нам сейчас не помешает.

— Ты, конечно, права, но... — Рианой снова завладели воспоминания, и сердце болезненно сжалось. — Тигпен, Джийан говорила мне, что Тзелос может попасть в наш мир только вместе с архидемоном.

Глаза раппы расширились.

— Значит, у нас на одного врага больше! О Великая Миина!

Глаза Рианы стали злыми.

— Однажды я уже ее теряла, Тигпен, и лишь чудом смогла вернуть. А теперь, теперь... — Ее руки сжались в кулаки. — Клянусь, что сделаю все, чтобы спасти ее! — Голос Рианы задрожал, а глаза наполнились слезами. — Но как? Как?

— Терпение, Дар Сала-ат, мы только начали...

— В Н'Луууру терпение! — Риана рывком сбросила со стола все книги. Несколько долгих томительных секунд раппа и девушка смотрели друг на друга. — Мне нужен знак, Тигпен, — почти умоляла Риана, — что-то, что показало бы мне, как ее спасти.

Тигпен легко прыгнула на пол.

— Настало время великих испытаний. — Она начала собирать разбросанные книги. — Знак нужно искать в своей душе, Дар Сала-ат. — Раппа полезла под стол за последней книгой. — Это время...

Вдруг настала тишина.

— Тигпен?

Раппа вылезла из-под стола.

— Риана, посмотри сюда!

Встав на корточки, Риана полезла под стол. То, что нашла Тигпен, лежало в самой глубине. Риана взглянула на место внутри трапезного стола, к которому найденный предмет был прикреплен. Очевидно, он отделился только с наложением Маласокки.

Тигпен понюхала неизвестную вещь, и кончик ее носа нервно задрожал.

— В'орнновское творение. Что же это?

Предмет был размером с семенную коробочку тусклого, как пасмурный день, цвета.

— Дускаант, записывающее устройство кхаггунов.

Тигпен резко села.

— Это не может предвещать ничего хорошего. Что здесь происходит?

Риана подняла дускаант к свету, и он стал невидимым.

— Такая штуковина — прибор тайного наблюдения, разведки. Он крадет чужие секреты и записывает информацию.

Тигпен посмотрела на дускаант, как на пачку в'орнновской взрывчатки.

— Мы должны уничтожить эту ужасную вещь. Сейчас же.

— Нет.

Тигпен задрожала.

— Но...

— Ты же знаешь, что сюда не может проникнуть ни один в'орнн, даже гэргон. Отсюда следует логический вывод, что дускаант тайком пронесли сюда до того, как было наложено заклятие. — Риана перевернула дускаант и нажала на секретную кнопку ногтем. — Так, здесь написано, когда его сюда принесли и активизировали...

Тигпен согнулась над дускаантом и с растущим волнением стала читать в'орнновские цифры.

— Это случилось за пять лет до оккупации монастыря... Хм-м... а ведь его обитателей увели в в'орнновские камеры пыток девяносто лет назад. — Глаза Тигпен метали искры. — Как? Как могло сюда попасть подслушивающее устройство гэргона? Как это случилось?

— Ты и сама знаешь — как, — медленно и осторожно отозвалась Риана. — Существует лишь одно объяснение.

— Среди рамахан был предатель, — с расширившимися от ужаса глазами проговорила Тигпен.

— Кто-то очень могущественный, — кивнула Риана, — несомненно, знакомый с магией. — Собеседницы знали, что гэргон вступил бы в сговор лишь с тем, кто обладал огромной властью. — Именно поэтому мы не станем уничтожать прибор. Наверняка он поможет нам понять, кто оказался предателем.

— Игрушка гэргона способна убить нас. — Тигпен потерла щеку передней лапой. — Поэтому мы не станем ее обсуждать и никому о ней не расскажем. Мне кажется, проблем и без того предостаточно. Давай вернемся к чтению и оставим эту загадку до лучших времен.

Чуть позже появилась Элеана, принеся холодную еду и большие кружки с водой. В ее глазах застыл вопрос, который она боялась задать вслух. Никто не произнес ни слова, и, сильно побледнев, Элеана удалилась. Риана лишь на секунду подняла на нее затуманенные слезами глаза и снова углубилась в чтение. Книги сводили с ума — они символизировали знания, которыми она не обладала, хотя проштудировала оба тома Священного Писания Миины. Это было все равно что просматривать картинки, не зная, как прочесть сопровождающий их текст. Смысла некоторых ссылок Риана не понимала вообще. В другом случае она могла сделать какой-то вывод, но без четкого понимания основополагающих принципов и теорий, на которых строились объяснения, она сомневалась, что понимает все правильно. «Возможно, — предположила Риана, — дело в том, что эти книги написаны раньше, чем «Величайший Источник» и «Книга Отречения». Но что было до написания двух столпов религии Миины? Этого точно не знали ни Риана, ни Тигпен. Риана чувствовала себя ребенком, внезапно попавшим в мир взрослых. Ей требовалось столько всего узнать, столько бесценных знаний было в ее распоряжении... С ума сойти! Если бы только она могла понять, что читает!..

— Кажется, я что-то нашла, — объявила Риана ближе к вечеру. — Здесь говорится, что Маласокка может преобразовываться и изменяться.

— Ну, наконец-то мы хоть что-то имеем.

— Очевидно, демоны знакомы лишь с магией Кэофу, а Осору они не знают. Иначе они бы использовали сильные заклятия Глаз-Окна, а им они неизвестны.

— Но ведь Джийан — колдунья Осору.

— Да, — ответила Риана, — поэтому ее и захватили. Как только Маласокка завладеет духом Джийан, демоны получат ключ ко всем знаниям, включая Осору.

Усы Тигпен задрожали от страха.

— Тогда они поймут...

— Да, — кивнула Риана, — они поймут все.

— Постой, ведь в далеком прошлом, до того, как Миина заперла демонов в Бездну, заклинание Маласокка уже использовалось...

— Демоны имеют доступ к знаниям, лишь пока они находятся в гостевом теле. Едва покинув тело, они забывают узнанное.

— Ну, это хоть что-то. И все же... — Глаза Тигпен потемнели от тревоги, когда она озвучила вопрос, который обе собеседницы боялись задать. — Сколько у нас времени до того, как демон окончательно завладеет душой госпожи Джийан?

— Об этом здесь не говорится, и даже Маласокка упоминается лишь вскользь. — Риана продолжала читать. — Однако здесь отмечается, что, когда демон овладеет душой наполовину, повернуть процесс вспять намного труднее.

— Это значит, что мы можем помешать Маласокке?

Риана покачала головой.

— Здесь есть одно слово, «Маасра». — Девушка нахмурилась. — Странно, это не Древний язык и не Венча, как мне кажется.

— Есть какие-нибудь пояснения?

— Пока я не ничего не нашла.

— Значит, это таинственное слово — наш единственный ключ. — Тигпен потянулась и зевнула, высунув желтоватый язык. — Нам бы сейчас пригодился опытный лингвист.

— Где на Кундале можно найти такого?

Тигпен взяла кусок мяса и обнюхала его.

— Я знала одного, — сморщив нос, она положила лакомый кусочек в рот, — но, к сожалению, он умер.

4

БЕЗУМИЕ И БЕЗУМЦЫ

Юго-западный ветер вздымал темные, словно вино, волны моря Крови, напоминавшие цветом о его названии. На пристани подпрыгивали на стапелях утлые рыбацкие лодчонки, а дальше в море на якорях стояли большие корабли саракконов. Саракконы, дикие мореплаватели, живущие на южном полушарии кундалианского континента, поклонялись многим богам и богиням. Изогнутые носы их судов украшали изображения божеств — наполовину лица, наполовину морды чудовищ.

Из высокого южного окна «Недужного духа» Маретэн Стоггул отлично видела разгружавшиеся саракконские суда. Кундалиане особенно ценили киннгу, твердое декоративное дерево с необыкновенной полосатой древесиной, и экзотические фрукты, которые не росли в суровом климате северного континента. В обмен кундалиане продавали чудесные пряности, рулоны сотканной вручную ткани и бочки сладкого густого меда, который обожали саракконы. Но Маретэн знала и о других саракконских грузах, про которые обычно умалчивали, например, о лааге — сухих молотых листьях, которые, если их курить или просто жевать, имели наркотическое действие. Лаага вызывала сильное привыкание и была намного опаснее саламууна. С другой стороны, хотя саламуун не вызывал такого сильного привыкания, лаагу продавали дешевле и в любое время суток на темных улочках города. Во время правления Ашеры торговля саламууном держалась под строжайшим контролем, продавать этот наркотик разрешали лишь в притонах, имеющих специальную лицензию.

Вздыхнув, Маретэн отошла от окна ослепительно белой палаты для умалишенных и улыбнулась Терреттту. Выражение его лица ничуть не изменилось.

— Я видела твоего брата Кургана, — промолвила она, тщательно скрывая гнев, который буквально клокотал у нее внутри, — и рассказала ему, как ты сожалеешь, что не смог присутствовать на Перевоплощении. Я передала ему твой привет,

а он попросил меня передать тебе свои наилучшие пожелания. Тебя так не хватало на церемонии!

Терретт не ответил. Даже не показал вида, что слышит сестру. Он сидел в кресле, напряженно наклонившись вперед. Одежда болталась на истощенном теле. Черные, глубоко посаженные глаза ярко горели, словно от высокой температуры. Перед ним стоял чертежный стол с откидным верхом. На столе лежали большой лист бумаги и письменные принадлежности. Терретт рисовал резкими отрывистыми движениями руки и предплечья. Его достижения как художника были неоспоримыми, хотя откуда взялся этот дар, никто не имел ни малейшего понятия. Маретэн это не интересовало. Она проводила много времени в мастерской на улице Предчувствий, стараясь продать работы брата вместе со своими. Терретт рисовал все время, делая перерыв лишь на сон и еду. Это был его единственный способ самовыражения, его жизнь.

Черные глаза мельком взглянули на сестру, а потом снова метнулись к столу, где лежала начатая работа. Маретэн стало интересно, что же брат думает. На стене напротив висела огромная топографическая карта северного континента, которую она повесила после того, как Терретт сорвал три предыдущих рисунка. Те картины он уничтожил без всякой причины, по крайней мере Маретэн не знала почему. И это при том, что она без всякого преувеличения понимала Терретта лучше всех на свете, включая его собственную мать.

Она нашла карту случайно в маленькой антикварной лавке на улице Мечтаний. Карта была свернута в рулон и покрыта пылью, но Маретэн тут же купила ее и принесла Терретту. Его палата с голыми стенами выглядела так удручающе! Пока брат не сделал ни единой попытки испортить эту карту, хотя единственным проявлением того, что он вообще замечал ее, было то, что ее цветовая палитра отражалась в его новых рисунках.

Терретт начал пускать слюни, и Маретэн отошла от окна, чтобы вытереть его яркие губы. После этого он, естественно, опять принялся за рисование. Маретэн взглянула на лицо брата. Курган весь состоял из острых углов, а хитрые глаза сверкали, словно зеркала алчной души. Терретт, наоборот, обладал абсолютным спокойствием, на фоне которого его припад-

ки казались еще более жуткими. Всякий раз, когда Маретэн смотрела на него, она ненавидела свою семью. Они стыдились Терреттга настолько, что не желали признать даже сам факт его существования.

— Над чем ты работаешь сегодня? — спросила она, склоняясь над столом. — Так, это — море, небо и земля, — называла Маретэн, рассматривая рисунок. — А это что за круги? Солнце и звезды? Или, может, созвездие?

Семь кругов, располагаясь каждый раз по-иному, впервые появились на его работах несколько недель назад, сразу после того, как Маретэн принесла брату огромные листы бумаги, которых ему так не хватало. Никогда раньше в работах Терреттга не встречалось повторяющихся элементов. Именно это и выделяло его среди других художников, которые, как и писатели, постоянно обращаются к одним и тем же темам, трактуя их по-разному.

— Терреттг, — решила сменить тему Маретэн, — ты поговоришь со мной сегодня? — Она присела на стул и аккуратно вытерла слюни в уголке его рта. — Мне бы очень хотелось, чтобы ты со мной поговорил. — Сестра забрала у брата кисть и повернула его лицо к себе. — Может, ты попытаешься? Ради меня?

Несколько секунд Терреттг сидел, не двигаясь. Наконец он открыл рот и стал беззвучно поднимать и опускать нижнюю челюсть.

— Правильно! — обрадовалась Маретэн, изо всех сил сдерживая желание обнять его. По собственному горькому опыту она знала, что он не выносит физического контакта. — Поговори со мной, я ведь знаю, что тебе хочется.

— Вода, — выдавил Терреттг, — синяя.

Сердце Маретэн радостно забилося.

— Да! — воскликнула она. — Вода синяя! Вон там за окном, смотри! — радостно кричала Маретэн, показывая в окно.

— Вода, — продолжал Терреттг, — черная...

Маретэн нахмурилась.

— Вода черная? Ну, она бывает черной ночью. Ты это имел в виду? Ты рисовал море ночью?

Глаза Терреттга пытались выразить больше, чем он был в состоянии сказать. Агония эмоций на секунду исказила его лицо. Рот судорожно открывался и закрывался, производя нечленораздельные звуки; без остановки текли слюни.

— Вода, — снова проговорил он, когда Маретэн попыталась вытереть его губы. Трясущийся указательный палец стал тыкать в круги на полуготовом рисунке.

— Терретт, что ты пытаешься мне сказать?

Непослушные губы шевелились, в то время как безумец отчаянно пытался произнести хоть слово. Но единственное, что у него получилось, — глухое рычание. В глазах стояли слезы, он сжал руки в кулаки и заколотил по вискам.

— Нет, Терретт! — Маретэн попыталась схватить его за руки. — Нет!

Лицо Терретта покраснело, глаза закатились. Маретэн едва успела отскочить, как брат бросился на нее, промахнулся, снова бросился, упал, потеряв равновесие, и забился в эпилептическом припадке. Глаза были мутными, как у мертвеца.

Маретэн закричала, и в дверях тут же появился дэйрус.

— Вам лучше уйти, — сказал он, моментально поняв, что случилось.

Очень высокий и сутулый, дейрус был не просто худым, а тощим. Глубоко посаженные глаза казались бледными и водянистыми, будто он долго смотрел на солнце. Щеки впали, как после долгой тяжелой болезни. Длинные пальцы тощих рук сплошь покрывали бурые пятна от странных жидкостей, с которыми он постоянно возился. Маретэн уже несколько раз встречалась с этим дейрусом, его звали Кирллл Квандда.

Терретт был быстр как молния, и все же он не мог сравниться с дэйрусом, который оказался на удивление сильным. Дэйрусу пришлось скрутить руки брату Маретэн за спиной. От его прикосновения Терретт взвился словно ужаленный, глаза бешено вращались в глазницах, из рычащего рта вылетала слюна.

— Когда он в таком состоянии, вам опасно здесь находиться, — заявил дэйрус, пытаясь утихомирить Терретта.

— Его зовут Терретт, и не нужно делать вид, что его здесь нет, — довольно резко проговорила Маретэн.

В собственной резкости она ничуть не раскаивалась — слишком часто дэйрусы выплескивали затаенную обиду за то, что их считают ниже геноматекков, на тех, кто от них зависел, и вели себя с пациентами непростительно грубо. Возможно,

тому способствовала пятилетняя стажировка, которую они проходили под руководством своего гэггона. Однако, несмотря на то что дэйрусы безмерно раздражали Маретэн, ей никогда не приходило в голову пожаловаться отцу. Если не считать ежемесячных отчетов о состоянии Терреттта, она вообще почти не контактировала с отцом.

— Прошу прощения, — проговорил Кирлл Квандда, отводя Терреттта подальше от Маретэн, — но ваш брат... э-э... Терретт не желает принимать лекарства. — Дейрус направил спрей с лекарством, которое обычно вводилось подкожно, прямо в глаза брата Маретэн. Очевидно, из сетчатой оболочки глаза лекарство быстрее попадало в мозг. Маретэн не раз слышала о том, как отчаявшиеся наркоманы брызгают в глаза дистиллированный настой листьев лааги. Жестокое выражение постепенно исчезло из глаз Терреттта, он задышал спокойнее.

— Почему с ним такое происходит? — спросила Маретэн, вытирая с лица брата кровь и слюну.

В бешенстве Терретт до крови искусал нижнюю губу.

— Ему сейчас нужен отдых, — сказал Кирлл Квандда, и в его голосе Маретэн, как ни старалась, не услышала злобы, — я провожу вас, и мы сможем поговорить.

Маретэн подняла на дейруса усталые глаза. Приступ брата, казалось, лишил ее последних сил.

— Скажите, Кирлл Квандда, как долго вы занимаетесь Терреттом?

— Меня недавно перевели сюда, госпожа.

— Пожалуйста, не называйте меня так.

Кирлл Квандда испугался.

— Не понимаю! «Госпожа» — вежливая форма обращения.

— Это слово придумали мужчины для того, чтобы женщины знали свое место. Звучит унижительно. — Маретэн встала. — Мне пора идти.

Ярко освещенный коридор был устрашающе, не по-кундалиански пустым. Бледные гипсовые стены, медные крепежные детали — все выглядело невыразительно и пресно. Да, была своя привлекательность в гладкости и плавности элементов декора — их специально прорубали так, чтобы мельчайшие частицы осадочных пород распределились равномерно и в одном направле-

нии. Натренированный глаз художницы позволял Маретэн мгновенно подмечать мельчайшие подробности. Овальные люки над головой пропускали дневной свет. Дэйрус провел Маретэн мимо палат, похожих на ту, где жил Терретт. В некоторых из них она заметила красивые искристые облака, отмечавшие границу ионного защитного барьера. Больные беспокойно металась по палатам или напряженно смотрели в одну точку. Их пустые глаза, казалось, высасывали из Маретэн всю волю к жизни.

Бледные водянистые глаза Кирлла Квандды будто улыбнулись.

— С каждым днем Терретт рисует все лучше и лучше, правда?

— Давайте лучше поговорим о нем самом.

Дейрус вздохнул, будто заранее опасался, что она затронет именно эту тему.

— Мне бы хотелось чем-нибудь вас обрадовать...

В коридоре стояли другие дэйрусы и несколько вооруженных хкагтунов. Ускорив шаг, они прошли мимо палаты для буйных.

— Я бы с удовольствием сообщил вам хоть какие-то новости. — Квандда развел руками. — Но, к сожалению, мне нечего сказать. Состояние вашего брата не изменилось за десять лет пребывания в нашем заведении. Ни лекарства, ни процедуры не дают никакого результата. Приступы случаются периодически. Чем конкретно они вызваны, нам не совсем ясно, хотя основными негативными факторами остаются стресс и общее утомление.

— Понимаю, — с тяжелым сердцем проговорила Маретэн. Дэйрус не сказал ничего нового, но хотя бы потрудился преподнести это иначе, чем остальные. — Неужели необходимо постоянно пичкать его лекарствами?

— Боюсь, что без регулярных подкожных инъекций приступы приобретут неконтролируемый характер. Терретт может поранить себя, как в том случае, после которого ваша семья определила его сюда. Нужно думать и о тех, кто будет с ним жить.

— Я очень благодарна, что его не перевели в общую палату.

— Следует признать, что это было не так легко организовать. Кое-кому из администрации... не нравится его нынешнее положение.

— А что вы сами об этом думаете, Кирллл Квандда?

— У меня дома висят две картины Терреттта.

Они дошли до лестницы — широкой, типичной для напыщенного кундалианского стиля, украшенной золотисто-черным ониксом. Ее освещало потолочное окно в форме глаза. Маретэн посмотрела назад в коридор. Настал неприятный момент прощания, она знала, что может отправиться куда угодно, а Терреттт заперт здесь навсегда.

— Что, у него вообще нет никакой надежды?

Дэйрус промолчал.

— Я отлично понимаю, что гэргоны запрещают вам приглашать какую-либо информацию о пациентах, но он мой брат, и я люблю его. У него, кроме меня, никого нет.

Кирллл Квандда покачал головой.

— Я дэйрус. Если о нашем разговоре узнают, мне придется...

— Дорогой Кирллл Квандда, помимо вас, мне никто не поможет. — Маретэн облизала пересохшие губы. — Вы говорите, что вы — дэйрус. Тогда, может быть, однажды вам понадобится моя помощь, так же как сейчас я нуждаюсь в вашей.

Маретэн потянулась и взяла Квандду за руку, а он завороченно следил за ее движениями.

— Вы не боитесь прикасаться ко мне?

— Почему я должна бояться?

Кирллл Квандда коротко рассмеялся, тут же осекся и поманил Маретэн из коридора в маленькую, тускло освещенную комнатку, уставленную запертыми металлическими шкафами. В комнатке не было ни души. Дэйрус аккуратно закрыл за собой дверь.

— Состояние вашего брата, — зашептал он, — не соответствует общепринятым принципам генной терапии. Анализы показывают, что его ДНК в полном порядке. В строении мозга, естественно, есть патология. Но когда мы пытаемся внести коррективы, ничего не получается. — Квандда взглянул на дверь, будто опасаясь, что может ворваться кхаггун или еще хуже — гэргон. — Его состояние будто постоянно изменяется для того, чтобы помешать лечению. — Дейрус попытался улыбнуться. — Здесь кроется какая-то тайна, которую, боюсь, мы не в силах раскрыть.

— Наверняка есть какой-то... — Маретэн покачала головой. — Ведь он же, в конце концов, Стоггтул и великий хуждожник...

В этот момент зажужжал напульсник-коммуникатор Кирлла Квандды, и голос геноматекка резко и властно позвал собеседника Маретэн по имени. Дэйрус невесело улыбнулся.

— Очень жаль, но сейчас мне пора идти. Хорошего дня вам, Маретэн Стоггтул. — Квандда повернулся на каблуках и быстро вышел из комнаты.

Маретэн подошла к двери и, выглянув в коридор, увидела отряд кхаггунов. Некоторые довольно небрежно держали на руках младенцев, другие охраняли группы маленьких детей-полукровок.

В зал вошел гэргон и помахал рукой. Кирлла Квандда и властный геноматекк встали во главе группы детей, которые гуськом проходили в зал, где их поджидал техномаг. «Что они делают с этими детьми?» — подумала Маретэн.

Тут-то ее и заметил кхаггун. Он подошел к ней.

— Сюда посторонним вход воспрещен, — строго сказал кхаггун.

Маретэн машинально шагнула назад и тут же разозлилась на себя за то, что так легко испугалась.

— Приказываю вам сию же минуту уйти, — заявил кхаггун.

Что оставалось делать Маретэн? Она спустилась по главной лестнице и только тогда заметила, что у нее на запястье, словно татуировка, запеклась кровь Терретта.

Сияющий и блестящий звездолет клана СаТррэнов ждал у регентского дворца. Курган наблюдал, как Сорнни СаТррэн и два его дневальных заканчивают последние приготовления к ночной поездке по землям коррушей. Расхаживающий взад-перед регент остановился, и следом за ним замер вооруженный до зубов эскорт хааар-кэутов. Наблюдая, как Сорнни занимается мелкой повседневной работой, Курган снова понял, как сильно он сам отделился от обычной жизни в'орннов. Правитель почувствовал странное желание участвовать в общей беседе, обрывки которой он подслушал. Министры, баскиры, кхаггуны — все обрывали разговор на полуслове, стоило регенту только приблизиться. Атмосфера безотчетного страха,

которую он сам создал, приносила богатые плоды, но сейчас, в центре сотканной им самим паутины величия, Курган чувствовал себя одиноким, лишенным друзей-сверстников и настоящей жизни, необходимой молодому растущему в'орнну. В результате собственных интриг он преждевременно занял высокий пост, на который обычно назначают в'орннов гораздо более зрелого возраста, уже умудренных жизненным опытом, умеющих справляться с одиночеством.

Затем, чуть слышно пробормотав: «В Н'Луууру всех и все!», Курган выбросил из головы тяжелые мысли и подошел к звездолету цвета яркой меди, длиной примерно десять метров, с узкой кабиной для главного пилота и штурмана. В задней части была еще одна кабина для пассажиров, просторнее и роскошнее, а также отсек для багажа и провизии.

Сорнни СаТррэн поприветствовал поднявшегося на борт регента и не сказал ни слова протеста, увидев сопровождавших Кургана хааар-кэутов. Через три часа, пролетая над кундалианской провинцией, выше стогов скошенного сена, аккуратных полей гленнана и овсюга по обе стороны дороги, Сорнни пригласил правителя пообедать. Из окна они видели кундалиан, собиравшихся на один из своих многочисленных праздников.

Сначала регент и прим-агент разговаривали о пустяках, а потом по просьбе Кургана Сорнни начал подробный рассказ о коррушах.

— Не стану притворяться, что время, проведенное среди пяти племен, не изменило меня, — сказал он наконец.

— Кажется, Кундала изменила нас всех, — вытирая губы, проговорил Курган.

— Как она изменила вас, регент?

На земле крестьяне воткнули в почву разноцветный шест, надели маски с рогами и пустились в пляс вокруг костра, разложив рядом инструменты. Однако, заметив приближающийся звездолет, они тут же перестали плясать и побросали маски в огонь. Сильно испугавшись, крестьяне быстро собрали инструменты и принялись за работу.

— Я думаю о нас, о нашем долге пребывания на Кундале, о каком-то застое от того, что мы так долго живем на одном месте. У нас нет ни настоящей родины, ни стимула искать новое отечество.

— А вам никогда не казалось, что мы наконец-то обрели наш дом?

— Где? Здесь? На Кундале?

— Именно, — кивнул Сорнни. — Похоже, в'орнны уже перестали считать образ завоевателей романтическим. Именно к такому выводу я прихожу после бесед с друзьями. Я вижу расу, которая устала от бесконечных путешествий. Именно оттого, что мы всем и везде чужие, мы так агрессивно относимся к коренному населению планет, где живем. Единственное чувство, которое мы не желаем испытывать, — жалость к себе. Поэтому и уничтожаем тех, кто способен на подобные чувства.

— Некоторые посчитали бы такие слова предательством.

— С чего бы это? Я ни словом ни посягнул на в'орнновские заповеди. Просто заметил, что меня беспокоит всеобщая апатия. Не сомневаюсь, что подобные переживания выдают во мне патриота, — усмехнулся Сорнни. — К тому же меня мало беспокоит то, что думают другие. Я давно убедился: чужая душа — потемки.

Теперь пришла очередь Кургана засмеяться.

— Я понял вас, Сорнни СаТрэн. Думаю, эта неожиданная поездка к дикарям принесет немало сюрпризов.

Они продолжали путь на север, а потом — на северо-восток. Легкая летняя дымка сменилась осенней прохладой, и с каждым днем все отчетливее чувствовалось дыхание кундалианской зимы. В воздухе витал аромат хвои елей-куэлло и опавших листьев, которые дожди медленно превращали в перегной. То и дело попадались замерзшие лужи, словно извещающие о скором приближении холодов.

Аккуратные геометрические очертания полей сменились открытыми шрамами карьерных разработок — результата обширной в'орнновской программы по добыче лортана. Прибыльная система карьеров тянулась далеко на запад, словно мамонтовые бивни, а вместе с ними и крошечные деревеньки, где жили оборванные кундалианские рабы, трудившиеся в шахтах под руководством месагггунов и кхагггунов.

Лортан, вязкая порода, залегала прямо под пахотным слоем. Эту невзрачную черную глину в'орнны и месагггуны превращали в верадийум.

С левой стороны проплыло приплюснутое солнце. Лыдистые вершины Дьенн Марра сверкали в его робких лучах. С приближением зимы количество снега в горах значительно увеличилось. Горные пики были как на ладони, где-то там, на северо-востоке, находились монастырь Плывающей Белизны и многоярусное селение Каменный Рубеж. Перед ними тянулась Великая северная равнина, где издавна жили корруши.

Внезапно сгустились сумерки. На западе собрались яркие, неподвижные облака. Небо было ярко-оранжевого цвета; все вокруг будто объял огонь. Подлетая к деревне Им-Тэра, Курган был ошеломлен безграничными просторами коррушских земель. Огромные расстояния и пустое пространство давили на регента. Курган не мог объяснить, что он чувствовал. Правитель не поверил Сорннну СаТррэну, когда тот предупреждал о подобном ощущении, и все же эта сумеречная степь внушила Кургану какой-то животный страх.

Они миновали Им-Тэра, крошечную, зловещего вида деревушку, состоящую всего из нескольких палаток. Деревня показала Кургану отвратительно грязной. «Наверняка здесь полно паразитов», — подумал он. Внизу не было видно никакого движения, лишь хлопал брезентовый клапан палатки, да на небольшом расчищенном участке без присмотра горел костер.

Сидевший рядом с регентом Сорннн СаТррэн внезапно поднялся и, перегнувшись через сиденья, прошептал что-то пилоту. Секундой позже прим-агент снова опустился на сиденье, а звездолет резко рванул вниз.

— Не хочу пугать вас, регент, и хотел бы предостеречь от опрометчивых поступков ваших хааар-кэутов, — спокойно, но настойчиво проговорил Сорннн. — Однако, боюсь, что-то случилось.

Курган посмотрел вперед.

— Нет, взгляните вниз.

Курган увидел стаю больших иссиня-черных птиц с огромными крыльями. Он заметил, что одна из птиц камнем упала на землю и тут же вновь взлетела, держа что-то в клюве.

— Это чшеины, коррушские птицы-падальщики, — объявил Сорннн. — Они питаются любой падалью, хотя больше всего им нравится мясо коррушей.

Курган взглянул на место, над которым кружили чшеины.

— Ничего не вижу.

— Когда мы приземлимся, — продолжал Сорннн, — очень важно, чтобы вы ни при каких обстоятельствах не выходили из кабины. Эскорт позаботится о вашей безопасности.

— Что случилось? — спросил Курган. — Что произошло? — Хотя он не испугался, ему все-таки было бы спокойнее с ионным автоматом в руке.

Им-Тэра, жалкая деревушка номадов, лежала всего в километре на юг.

— Видите вон там? — показал Сорннн. Они стали снижаться над вершиной невысокого холма, и Курган тут же заметил многоярусные могильники, а под ними — осыпающиеся древние стены, разрушаемые сильными корнями какого-то растения. С одной стороны краснело что-то напоминающее руну, но края предмета трепетали на сильном порывистом ветру. — Видите красные пятна? Это тела Бэйи Дас, племени, которое занималось археологическими раскопками За Хара-ата.

Штурман повернул к правителю продолговатое лицо.

— Убиты примерно час назад, — коротко объявил он. — Тела еще не обглоданы.

Сорннн взял ионный автомат и с удивительной меткостью сразил несколько птиц. Их крики эхом раздавались в гулкой пустоте.

— Надеюсь, у вас есть разрешение на хранение автомата, — проговорил Курган, стараясь скрыть восхищение тем, как метко стреляет Сорннн из быстро летящего звездолета.

Штурман достал из багажного отделения красно-желтый паспорт-кристалл на автомат и протянул кхаггуну для проверки, но тот лишь отмахнулся.

Через несколько секунд они приземлились. Сорннн выскочил первым, за ним — вооруженный автоматом пилот. В кабине управления штурман пересел на место пилота, чтобы при первых же признаках опасности подняться в воздух. Хаа-ар-кэуты Кургана встали возле правителя, готовые в любую минуту открыть огонь на поражение.

Очень осторожно Сорннн и пилот стали осматривать местность. С одной стороны нашли затоптанный грязный пандус,

который они отнесли вниз, в руины За Хара-ата. На некоторое время прим-агент и его спутник исчезли. Как ни вглядывался Курган, разглядеть он ничего не мог. Ветер выл и стонал среди руин, Кургану слышались в этом вое целые куплеты траурной песни о таинственной смерти и многовековом разрушении. К счастью, хааар-кэуты казались спокойными и сохраняли бдительность. Все воины уже не раз участвовали в межпланетных миссиях, и Курган был уверен — они отдадут жизнь, чтобы спасти его.

Наконец появились Сорннн и пилот. Они несли тяжело раненного корруша племени Бэйи Дас. Из глубокой раны в голове туземца текла кровь, поэтому Сорннн и пилот поднимали его по пандусу с огромной осторожностью.

Как только раненого подняли на борт, штурман достал аптечку первой помощи и стал осматривать корруша.

— Он говорит, что на них напали, — сообщил Сорннн, опускаясь рядом с Курганом. — Это были бандиты Джени Серии, самого воинственного из пяти коррушских племен. Остальные племена постоянно подвергаются их нападениям. Особо здесь.

— Почему именно здесь? — спросил Курган.

— Пойдемте, я вам покажу, — предложил Сорннн, поднимаясь. — Джени Серии давно ушли, теперь здесь безопасно.

Хааар-кэутский эскорт тем не менее настоял на том, чтобы сопровождать Кургана в кундалианскую преисподнюю. Спустившийся по земляному пандусу регент был поражен масштабом раскопок и признался в этом Сорннну.

— За Хара-ат — огромная цитадель, — объявил СаТррэн. — Многие источники свидетельствуют, что она была намного больше Аксис Тэра, а раскопки это только подтверждают. Изпод земли уже извлекли три яруса города, хотя, конечно, не полностью. Раскопки шли даже на глубине трех километров. И изучить удалось далеко не все, что извлечено на свет.

Кончился пандус, и начались давно мертвые улицы За Хара-ата. Невероятно, но они были вымощены бронзой, тускло сверкавшей в сгущавшихся сумерках. Стены и окна, двери и эстакады, углы и перекрестки... все выглядело то ли недостроенным, то ли застывшим в предсмертной агонии. Город продолжал рас-

сыпаться. Вездесущий коррушский ветер мел по мертвым улицам с силой и энергией, которые здесь казались неуместными.

— Именно это я и хотел вам показать, — проговорил Сорнни; опустившись на колени прямо в уличную пыль. Курган смотрел, как прим-агент протер пальцами руны, высеченные из лазурита и королевского сердолика. — Видите древние символы? Видите, как они осквернены экскрементами? И вот, смотрите, еще. Сожженные кости. Это кости основателей За Хара-ата, которые с тщательностью и благоговейным страхом откопали Бэйи Дас. Джени Серии не верят ни во что, у них нет религии. За Хара-ата был святым городом, а они отвергают святость как понятие. И все же город притягивает их будто магнит, и они разрушают и оскверняют его с необъяснимой ненавистью, за которой скрывается невежество.

Курган вспомнил обеденный разговор.

— Согласно вашей антинаучной теории, — немного язвительно проговорил он, — они не так уж не похожи на нас, в'орннов.

— Общепризнанно, что философские теории не имеют научного подтверждения, — отозвался Сорнни, поднимаясь с колен, — однако они довольно часто служат поводом для оживленных дискуссий среди любителей пораскинуть мозгами. — Прим-агент повернулся к Кургану. — А вы как считаете, регент? Есть ли между нами сходство?

— Согласен, основной составляющей психики в'орннов является гнев, — нехотя признался Курган.

— Тогда следующий вопрос — «почему?». Думаю, вы согласитесь, что ответ на него является определяющим.

Внимание Кургана привлек какой-то черепок, который пыльный смерч с грохотом нес по бронзовой улице. Как и все в мертвом За Хара-ате, этот осколок имел некое особое значение. Он напомнил регенту, что на этих улицах живет нечто неясное и тревожное, будто город до конца не смирился с собственной смертью или был разбужен Н'Лууура знает какой таинственной силой. Курган, довольно скептически относящийся к магии, все-таки почувствовал — на этих мостовых по-прежнему обитает что-то древнее и неизвестное. Именно так он и сказал Сорннну.

— Должен признать, что вы поразили меня, регент, — воскликнул Сорннн. — Не буду притворяться, что знаю всю историю до конца, но Бэйи Дас утверждают: нечто, о чем вы говорите, и правда существует. Еще корруши рассказывают, будто иногда оно выходит из своего древнего убежища и убивает.

— А вы когда-нибудь видели тела его жертв?

— Можно сказать, что видел. Правда, не исключено, что того корруша убили разбойники Джени Серии. Но если так, их обряды выглядят по-иному, и они намного менее понятны, чем у других племен. Тело, которое показали мне Бэйи Дас, было без крови и костей.

— Это невозможно!

— Я бы тоже так сказал, регент, если бы сам не видел тела. Казалось, кто-то просто выпил из него всю жизнь. Осталась лишь кожа и обезвоженная плоть.

Курган снова огляделся по сторонам — не испуганно, а с оживленным интересом. Он еще раз удивился, зачем Нит Батоксс так сильно хочет восстановить За Хара-ат. «Воскрешение», — так называл гэргон этот проект. Что же скрывается среди древних руин? Какую силу надеется обнаружить здесь Нит Батоксс? Курган сейчас радовался, что Сорннн СаТррэн уговорил его приехать сюда. Здесь, в руинах За Хара-ата, он чувствовал очарование древнего города и понимал, что на шаг приблизился к раскрытию тайны гэргонов.

Ночь в «Сиянии» выдалась суматошной, Миттелвин просто разрывалась на части. Старый провидец-в'орнн, который развлекал клиентов, поджидавших свободных имари, снова заболел. Местный геноматекк сказал, что у него хронический цистит, но Миттелвин знала правду. Ей были слишком хорошо известны признаки наркотической зависимости. И ведь никто вокруг не говорит о вреде наркотиков... Напротив, все это яростно отрицают.

Одна из имари отсутствовала из-за смерти родственника, другую избил разбушевавшийся кхаггун. Декретом гэргона хулиганское поведение в кашиггенах запрещалось строго-настро-го, однако особого результата этот указ не принес. У Миттелвин был свой способ разрешения подобных ситуаций. Когда

она пришла в кашигген, Джоннка выглядела так, будто упала со звездолета. Миттелвин тут же велела Лэйсу, огромному мессаггуну, который работал на нее, найти обидчика, связать и привести в кашигген. Ей было не важно, к какой касте принадлежит клиент. Пока он находится в ее кашиггене, он обязан подчиняться правилам, которые установил сам гэргон, — или подвергнется наказанию. Об этом сообщалось каждому новому посетителю.

С тех пор как Миттелвин стала дзуоко, она кое-что узнала о том, как нужно наказывать и как запугивать до смерти. Она подошла к кхаггуну, которого Лэйс швырнул в кресло, повязав по рукам и ногам, и встала перед ним, расставив прекрасные длинные ноги. Затем Миттелвин стала медленно поднимать подол длинного платья, пока кхаггун не увидел, что под ним ничего нет. Глаза кхаггуна будто приклеились к ногам дзуоко, ноздри расширились, он вдыхал сладкий запах ее плоти. Она села к нему на колени и, обняв за голову, смачно поцеловала в губы. Одновременно Миттелвин стала тереться о его тело промежностью. Половой орган кхаггуна начал набухать, поднимаясь ей навстречу.

«Мужчины так примитивны, — подумала Миттелвин, — кажется, у них мозги не в голове, а в головке».

Дождавшись, когда возбуждение кхаггуна достигнет предела, она наклонила голову к бедру посетителя и сделала что-то весьма и весьма некрасивое. Глаза кхаггуна почти вылезли из орбит, и он громко и пронзительно закричал. Миттелвин нравилось заставлять кричать кхаггунов — расу, которую приучали терпеть боль. Этот пример еще раз показывал, что в своей профессии она достигла совершенства. (А это удавалось далеко не каждой имари. Многие из них, не выдержав трудного и мучительного процесса обучения, начинали искать другую работу.)

— Тот, кто обидит имари, будет строго наказан и изгнан из всех кашиггенов, — объявила Миттелвин, — а тот, кто убьет имари, не проживет ни дня.

В глазах кхаггуна стояли слезы, в страшной агонии он дрожал всем телом. Он испытывал не только боль, но и огромное унижение, — именно это Миттелвин прочитала в его глазах.

— Следовательно, ты изгоняешься не только из нашего кашиггена, но и из всех кашиггенов города, — проговорила она

тихо, почти нежно. — Ты выплатишь Джоннке компенсацию за причиненный ущерб. Если не сможешь расплатиться сам или не расплатишься полностью, ответственность перейдет на твою семью. Если нарушишь одно или все наши предписания, я лично прослежу, чтобы твоя голова оказалась вздернутой на кол.

Миттелвин поднялась, взяла Джоннку за руку и поцелуями стерла кровь с ее лица, плеч и спины. Затем они обе вышли из комнаты, оставив Лэйса следить за кхагггуном.

Миттелвин относилась к своим имари как к дочерям и считала это частью собственной работы. По темному коридору она повела Джоннку в ванную, сняла с нее одежду и разделась сама. Затем они вместе вымылись, словно две подружки. Миттелвин использовала весь свой талант, чтобы залечить раны и ушибы Джоннки. Девушка тихо стонала и не могла сдерживать слез. Миттелвин нежно ее поддерживала, пока та не успокоилась окончательно.

После душа дзуоко нанесла на раны смягчающую мазь и внимательно осмотрела ушибы на лице. Миттелвин убедилась, что кости не повреждены, но Джоннку вдруг стала бить сильная дрожь — она никак не могла оправиться от пережитого ужаса. Миттелвин усадила ее в кресло, закутала в толстое махровое полотенце, пригладила волосы, а потом прошла к низенькому шкафу во всю длину противоположной стены ванной, где висели чистые платья и халаты. Встав на колени, она принялась вынимать стопки аккуратно сложенной одежды в поисках чего-то особенного. Ей хотелось найти что-нибудь яркое и веселое, дабы подбодрить Джоннку.

Позади нее Джоннка сидела так тихо, будто боялась, что любое движение причинит ей боль. Постепенно, так незаметно, что она ничего не почувствовала, вокруг нее сгустились тени, пульсируя, словно в них таилось что-то воздушное, призрачное и живое. Тени продолжали пульсировать в сгущающейся темноте, а потом оттуда появились три пары краснорубиновых глаз, тонкая голова и членистое тело огромного насекомого. Вокруг рта, шеи, груди и талии Джоннки обвились ворсистые побеги. В этот момент Джоннка испытала ужас и обжигающую боль, исчезая в жуткой паутине, пока Тзелос захватывал ее тело.

Борьба за контроль над телом была яростной, хоть и очень недолгой. Когда Миттелвин обернулась, держа в руках чистые платя, дух Джоннки оказался сломлен. Связанный и безмолвный, он томился внутри ее мозга.

5 АУРА

Убедившись, что Тигпен заснула, свернувшись клубочком на стуле, Реккк разбудил Риану. Та задремала, не дочитав сложный абзац книги под названием «Теория знаков и символов». Риана боролась со сном до последнего, но, в третий раз перечитывая абсолютно непонятный абзац на чистейшем Древнем языке, она просто отключилась.

В окна лился холодный утренний свет. Тускло блестели осколки битого стекла, жужжали насекомые, зловеще гудели бороздящие небо звездолеты.

— Пойдем, — прошептал Реккк, едва Риана открыла глаза, — у меня есть предложение.

— Нужно разбудить Тигпен, она наверняка...

Реккк покачал головой.

— Я хочу поговорить наедине, Дар Сала-ат. Только ты и я.

Риана кивнула и поднялась. Глаза сильно чесались, а тело до сих пор болело от схватки с демонами. Гадать, зачем ее разбудил Реккк, долго не пришлось — он заговорил, едва они вышли на улицу.

— Думаю, мы с Джийан были по-настоящему близки.

Риана не ответила. Они шли по каменной дорожке, и капельки росы тут же покрыли их сапоги.

— Мне кажется, что именно я должен решать, как нам спасти Джийан. Не знаю, как ты, а я по-прежнему считаю: лучшее и единственно правильное решение — идти в «Сияние» и просить Джоннку о помощи.

— Ты же слышал, как Тигпен рассказывала о будущем, что нас ждет в случае, если мы пойдем туда.

— Я не верю, будто она видела что-то такое, о чем стоит говорить... Впрочем, давай на время забудем о моем скептицизме. Хорошо, пусть Тигпен видела будущее. Так ведь она сама признала, что видела «один из многих возможных вариантов будущего». Значит, существуют и другие варианты, а не только тот, что увидела раппа.

Терпение Рианы таяло с каждым часом, она чувствовала раздражение Реккка и страх Элеаны. Потеря Джийан оказалась для них страшным испытанием, да и ей тоже становилось все тяжелее и тяжелее.

— Что ты предлагаешь?

Она знала, что ответит Рекк.

— Ты переместишься в «Сияние», — проговорил он, — и возьмешь меня с собой.

— А если это ловушка, и Тзелос уже ждет нас там?

— Будем действовать по обстоятельствам.

— Звучит опрометчиво.

— По-моему, нет. У нас несколько преимуществ. — Рекк выглядел мрачнее тучи. — Во-первых, помни, ловушка эффективна лишь в том случае, если жертва о ней не знает. Во-вторых, Тзелоса не назовешь незаметным. Мы его сразу увидим.

Риана пыталась найти другое, менее рискованное решение, но, по-видимому, его просто не существовало: либо «Сияние», либо дальнейшее бездействие.

— Когда ты бы хотел отправиться?

— Как насчет прямо сейчас? — усмехнулся Рекк.

Элеана чувствовала — они уйдут. Ей приснилось, что она гуляет вместе с Рианой, только Риана была не Рианой, а кем-то другим, пугающе знакомым. И на душе было так легко! В том странном сне она смеялась в ответ на что-то, сказанное Рианой. Даже во сне Элеана удивилась: отчего ей так хорошо с Дар Сала-ат, как она может смеяться, когда с госпожой Джийан случилась беда? Но сон был не про госпожу Джийан, она вообще о ней позабыла, гуляя с Рианой или с тем другим, в кого она превратилась. Элеане снилось, что она взяла Риану за руку, и лицо той расплылось в улыбке. Яркий солнечный свет бил прямо в глаза, они гуляли по лесам у подножия Дьенн

Марра, знакомым Элеане с детства. От солнца или от самого леса исходила какая-то аура, все было просто отлично. Хотя лишь на один момент. Потом окружающее исчезло, аура померкла, и Элеана тут же проснулась. Сердце судорожно билось, она часто дышала.

Вскочив, Элеана побежала по монастырю, зная, что Риана и Реккк уже ушли. Она влетела в библиотеку и вздохнула с облегчением, увидев, что раппа спокойно спит на стуле.

— Тигпен! — позвала она. — Проснись! Проснись! Они ушли!

— Кто ушел? — потягиваясь, спросила Тигпен.

— Риана и Реккк! Я все обыскала, их нигде нет.

Тигпен замерла, так и не успев зевнуть до конца. Нос ее нервно зашевелился, ноздри расширились.

— Чувствую запах Припрыжки! — Она глухо зарычала. — Клянусь пятью головами Пэфороса! — Раппа соскочила со стула и метнулась к раскрытому окну, а оттуда — на улицу. Приложив нос к земле, она глубоко вдохнула. — Они переместились в Аксис Тэр, в «Сияние», — раздраженно объявила Тигпен. — Идиоты!

— Идиоты? — изумленно отозвалась Элеана.

— Да, идиоты! Я четко объяснила им, что случится в результате этого опрометчивого поступка! Неужели они совсем меня не слушали? — Раппа покачала головой, густой мех встал дыбом, отчего она стала выглядеть в два раза больше. — Непостижимо, о чем думают эти обычно нормальные двуногие! Что на них нашло — внезапное помутнение рассудка, приступ глупости или повальное сумасшествие? Ради Миины, как это называется?

— По-моему, все понятно, — ответила девушка. — Это любовь.

— Любовь? — Нос Тигпен сморщился, будто она почувствовала неприятный запах. — Ну, в таком случае я вдвойне рада, что не подвержена этому пагубному чувству.

— Ну же, Тигпен, я тебе не верю. — Элеана присела рядом с ней, положив руки на колени. — Неужели тебе все равно, что случится с Рианой?

— Конечно же, не все равно! Она — Дар Сала-ат, и мой долг...

— Я спрашивала не о том.

— Ты тратишь время понапрасну, — фыркнула Тигпен.

— Правда? — Элеана пригладила пушистый мех на голове раппы. — Ты ведь не станешь отрицать, что привязалась к Риане?

Тигпен подозрительно посмотрела на девушку.

— Это так. Но я не вижу связи между...

— Она тебя любит, нуждается в твоём совете. Ты ей как нянька.

— Тогда почему она проигнорировала мой совет? — раздраженно спросила Тигпен. — Почему взяла Рекка и переместилась туда, где ее ждет ловушка?

— Ты имеешь в виду, зачем она намеренно подвергла себя опасности? — Элеана поцеловала Тигпен в пушистую щеку. — Когда мы их увидим, ты непременно спросишь ее об этом.

Олннн Рэддлин надел неприметный дорожный плащ, а затем обратился к своему спутнику:

— Так, значит, вы держали маленького Кургана на руках?

— Это было давно, — уныло проговорил Броннн Паллн, — с тех пор было выпито немало нумаадиса. — Вытянув толстую жилистую шею, он стал неодобрительно оглядывать прокуренный зал таверны, в котором они сидели. — Сюда, в сердце мрачного портового района, я стараюсь никогда не заходить. Почему мы встречаемся в этой зловонной саракконской таверне? И кстати, как она называется?

— «Кровавый прилив».

— В самом деле «Кровавый прилив», — сварливо проговорил Броннн Паллн. — Если бы я мог встретиться с регентом, то это наверняка бы происходило в его роскошном дворце.

— Простите меня за резкость, но, к сожалению, вы не сможете встретиться с регентом.

Броннн Паллн тут же мрачно взглянул на адмирала.

— Я не встречу с регентом? Позвольте спросить почему? Я глава богатого и уважаемого клана, который на протяжении многих поколений шел рука об руку со Стоггулами. Ну и хорошо, пожалуйста, пусть! Конечно, с тех пор, как этот юный выскочка подлизался к Веннну Стоггулу и его сыну, меня считают чуть ли не мелким баскиром...

— Сорнни СаТррэн был достаточно ловок, чтобы заключить сделку со Стогггулом, а вы — нет, — сказал Олнни, будто вонзая нож в кровоточащую рану, и перешел на шепот: — Раскрою вам секрет, Бронни Паллн. Я ненавижу Сорннна СаТррэна так же сильно, как и вы.

Потолки в таверне были низкими, поэтому в зале царил полумрак. Филигранные светильники источали неяркий свет. Деревянные стены, украшенные портретами кундалианских портовых инспекторов, живших двести лет назад, покрывали сажа и темные пятна. Вдоль одной из стен тянулась барная стойка с медным покрытием и невысокая платформа, где иногда выступали бродячие музыканты или актеры, у которых хватало смелости развлекать собравшихся. Здесь же каждую ночь чемпиона каллистота чествовали вульгарными песнями все побежденные.

Олнни сидел спиной к стене за столиком в самом углу зала. С этого места он видел всех, кто входил и выходил из таверны. К тому же он мог тайком наблюдать за Радой, хозяйкой таверны «Кровавый прилив», очень красивой тускуггун с длинным, конической формы черепом, блестящим от ароматического масла. Она осмелилась опустить капюшон сифэйна на плечи, оставив голову непокрытой, хоть и не полностью — Рада носила тонкую диадему из терция и верадиума. Многие принимали ее за вольноотпущенную лооорм, ведь из тускуггун только шлюхи отваживались обнажать голову в общественных местах.

Сидевший напротив звезд-адмирала Бронни Паллн чуть приободрился и расправил полные плечи. Глаза баскира заблестели.

— Означает ли это, что у меня есть союзник?

«Он очень осторожен», — подумал Олнни, попивая сладкий мед и смакуя отчаяние спутника. В воловьих глазах Броннна Паллнна читалась вся его слабость, прямо как в досье, которое на придворного собрали помощники звезд-адмирала. «Да, — думал Олнни, — Бронни Паллн — как раз тот тип в'орнна, которого я искал на роль козла отпущения, — слабый, ведомый, уступчивый. Жуткий сноб и завистник. Пожалуй, он сделает все, что ему прикажут». Броннну повезло родиться и быть единственным сыном Коуна Паллнна, весьма предпри-

имчивого и зажиточного баскира. Но вот отец умер, и Броннн Паллн оказался наследником преуспевающего Консорциума, не имея ни малейшего понятия, как им управлять. Скорее всего то же самое понял и Веннн Стоггул, потому что, вступив в союз с Броннном Паллном, отец Кургана заключил уйму выгодных сделок с самыми доходными предприятиями Паллна в обмен на рекомендации по строительству рынка пряностей и капитальному ремонту «Недужного духа». Хорошие проценты он наверняка надеялся получить и с Кольца Пяти Драконов, которое продал ему Сорннн СаТррэн в обмен на пост прим-агента.

— Сорннна СаТррэна хотел назначить прим-агентом еще отец регента, — начал Олннн. — Сам же регент предпочитает вас, однако он не может себе позволить необдуманные поступки. Консорциум СаТррэнов очень уважаемый и влиятельный, а регент только-только занял свой пост. Думаю, вы меня понимаете... — Байка собственного сочинения доставила Олнну массу удовольствия.

— Конечно же, звезд-адмирал, регенту нужно укрепиться на посту.

— Именно так.

— Вот видите, обстоятельства сложились не в мою пользу.

— В таком случае нужно найти какой-то выход.

— Истинная правда, звезд-адмирал! Но какой? У вас есть план?

Олннн Рэддлин едва сдержался, чтобы не рассмеяться этому дураку прямо в лицо. Манипулировать Броннном Паллном оказалось проще простого.

— Ну, план-то есть... Только для его осуществления нужно будет потрудиться.

В таверну ворвались трое саракконов, а за ними — прохладный ветер осенней ночи. Моряки топали по протертым деревянным половицам высокими шагреневыми сапогами, а медные, лазуритовые и нефритовые подвески на длинных бородах гремели. Громкие голоса влились в гул, царящий в трактире.

Мутные глаза Броннна Паллна алчно вспыхнули.

— Что нужно делать, звезд-адмирал? — Баскир жадно хлебнул сладкий мед, будто обмывая грядущую победу. — Я весь внимание.

— Хорошо, потому что успех плана целиком и полностью зависит от вас.

— От меня, звезд-адмирал? Я не уверен, что...

Олннн Рэдддлин растянул губы в улыбке.

— Амбиции — добродетель в'орннов вроде нас, согласны?

Лицо Броннна Палллна просветлело.

— Ну конечно же, звезд-адмирал, конечно! Амбиции были своего рода девизом моего отца. Девизом, который я перенял.

— Вот это правильно. Амбиции — это то, что нужно! И разумная доля изобретательности.

— Тогда скажите, что я должен делать!

Олннн заказал еще меду и не упустил возможности полюбоваться прекрасными длинными ногами Рады, которая нагнулась, чтобы подобрать кубки, брошенные на пол пьяными саракконами.

Увидев приближающуюся к ним официантку, адмирал поспешил обратиться к Броннну Палллну.

— Найдите способ дискредитировать Сорннна СаТррэна, — прошептал он.

— Звезд-адмирал?

Олннн подождал, пока официантка поставит на грязный жирный стол кубки с медом, и опять обернулся к Броннну Палллну. Вокруг стоял невообразимый гам, но звезд-адмирал зашептал еще тише.

— Слушайте внимательно, дважды я повторять не буду. — Лицо Олннна казалось безучастным, хотя Броннн Паллн, сгорая от нетерпения, едва не залез на стол. — Как я уже сказал, регент не может позволить себе обидеть Сорннна СаТррэна. Однако если станет известно, что Сорннн СаТррэн замешан в чем-то противозаконном, то...

— У СаТррэна безукоризненная репутация!

Олннн Рэдддлин нервно потер висок. Ему страшно захотелось придушить Броннна Палллна прямо здесь и сейчас. Вместо этого он снова потер висок, сделал несколько глубоких вдохов и лучезарно улыбнулся.

— Как звезд-адмирал кхагггунов я имею доступ к информации, скрытой от остальных. Кое-что из услышанного меня особенно заинтересовало. — Олннн смотрел, как Броннн Паллн

заглатывает наживку целиком. — Кхагтгунское командование подозревает, что краденые ионные пушки кундалианскому Сопротивлению поставляют кто-то из знатных баскиров.

— Неужели, звезд-адмирал?

— Не стоит изображать такое изумление, Броннн Паллн. Элевсин Ашера — не единственный в'орнн, поддавшийся пагубному влиянию Кундалы, Н'Лууура знает почему! Так или иначе, мы отслеживаем предателя уже несколько лет.

Броннн Паллн потер руки.

— Вы хотите сказать, что это — Сорннн СаТррэн, звезд-адмирал?

— Именно, — отчетливо проговорил Олннн.

Баскир развел пухлыми потными руками.

— А что здесь могу сделать я?

«Просто придушить его будет недостаточно», — решил Олннн.

— Сорннн СаТррэн очень умен. До сегодняшнего дня ему удавалось не попадать в поле нашего официального расследования. — Адмирал терпеливо ждал, пока Броннн Паллн переварит сказанное. — Но вы лицо неофициальное. Когда я встретил вас на церемонии Перевоплощения, то сразу подумал, что как глава влиятельного баскирского Консорциума вы имеете связи, которых нет даже у меня.

— Пожалуй, верно.

— Все, что требуется от вас, — это предоставить мне доказательства.

Огромный баскир постучал по толстым губам лопатообразным пальцем.

— А когда Сорннна СаТррэна отстранят от должности?..

— Тогда пакуйте чемоданы, — без запинки соврал Олннн. — Слова самого регента: «Это будет день великих перемен».

Реккк Хачилар вернулся в «Сияние», хоть, говоря по-честному, кашигген ему очень не нравился. Именно там он впервые встретился с Нитом Сахором — сначала в ипостаси госпожи Каннны, а позже — в ипостаси самой Джийан. Хотя Реккк был благодарен Ниту Сахору за помощь, однако нельзя сказать, чтобы он очень по нему скучал. В обществе гэргонов

воину всегда было не по себе, но что такое страх, он смог понять, лишь по-настоящему столкнувшись с одним из них. Реккк не считал себя трусом, и все же в обществе в'орнна, облик которого менялся по его собственному усмотрению, ему было просто жутко. Когда разговариваешь неизвестно с кем, трудно решить, как себя вести, чтобы подспудно не сообщить о себе что-нибудь лишнее. «Нет уж, — думал Реккк, — сейчас, когда Нит Сахор умер, стало намного спокойнее».

Он стоял в роскошной Облачной палате кашиггена и вспоминал саламуууновыи экстаз, который испытал вместе с Нитом Сахором. Под влиянием наркотика у Реккка развязался язык, и он рассказал гэргону о смерти своей матери, отчего после ему было не по себе. Он до сих пор не смог оправиться от пережитого потрясения. Кхагггунская подготовка не только научила его скрывать собственные чувства и переживания, Реккк вообще чуть не разучился испытывать какие-либо чувства. Кхагггунов так готовили неспроста, в бою чувства — далеко не самое нужное для воина; они мешают трезво мыслить и затуманивают сознание. Саламууун будто прорвал плотину давно сдерживаемых эмоций, и Реккк смог признаться Джийан в любви. Теперь эта любовь привела его сюда, чтобы он сделал первый шаг и спас Джийан от одного из самых страшных демонов. Воин лишь опасался, что эта любовь заманила его в ловушку, где он погибнет вместе с Рианой.

Реккк увидел, как в Облачную палату вошла Миттелвин. Эта комната получила свое название благодаря потолку, покрытому эмалью в изысканном кундалианском стиле.

— Я вас помню, — проговорила дзуоко, — вы приходили сюда в прошлом сезоне с госпожой Каннной.

Реккк коротко кивнул.

— Осмелюсь заметить, что сегодня вы выглядите намного лучше, чем в тот день, — дежурно улыбнулась Миттелвин. — «Израженный, но не сломленный», — так бы я описала ваше тогдашнее состояние.

— Это Риана, — представил спутницу Реккк, от всей души желая сменить тему разговора.

Миттелвин оценивающе посмотрела на Риану.

— Очень красивая девушка, которая скоро превратится в женщину. — Дзуоко улыбнулась теплее. — Чем мы можем вас

развлечь? — задала она обычный вопрос, постоянно звучащий в кашиггене.

— Нам нужно встретиться с одной имари.

— Ну конечно же, у нас много разных...

— Мы ищем конкретную имари.

Миттелвин взглянула на него внимательнее.

— Здесь, в «Сиянии», мы готовы исполнить любое желание. — Она красиво переплела свои длинные пальцы. — Какую имари вы желаете? — Миттелвин снова лучезарно улыбнулась. — Могу предложить нескольких имари, каждая из которых достигла третьей категории.

— Нам нужна Джоннка.

Миттелвин покачала головой.

— Боюсь, я не...

— Пожалуйста, — спокойно попросила Риана, — это для нас очень важно.

Миттелвин взглянула на кундалианскую девушку — в Риане чувствовалась какая-то сила и необыкновенная целеустремленность.

— Мы не станем ее сильно утомлять, — продолжала Риана, — даю вам слово.

Миттелвин посмотрела прямо в светлые глаза девушки, и ей понравилось то, что она увидела.

— Хорошо. Правда, вам придется подождать, пока она приведет себя в порядок. Надеюсь, вы меня понимаете...

— Конечно! — быстро согласилась Риана. — Спасибо вам, дзуоко.

— Не за что, — кивнула Миттелвин. — Прошу, устраивайтесь поудобнее, я прикажу принести прохладительные напитки и закуску.

Спускаясь по узкому коридору, Миттелвин подумала: что нужно кхаггуну и кундалианской девушке от Джоннки? Откуда они вообще про нее узнали? На обычных клиентов они не похожи.

Нахмурившись, Миттелвин повернула налево. Красивые филигранные светильники старинной работы освещали стены теплым светом, превращая ее собственную тень в овал. Дзуоко строго-настрого запретила себе думать о том, что приводит

клиентов в кашигген, но этот кхаггун ее действительно заинтриговал. Во-первых, она отлично знала, что тот, кто увидит рэнннона, должен без промедления сообщить в штаб регента. Миттелвин ни секунду не сомневалась, что Курган Стогггул и звезд-адмирал Олннн Рэдддлин с удовольствием насадят голову мятежного рэнннона на пику, а потом выставят на всеобщее обозрение перед дворцом. Если она на него донесет, то наверняка получит щедрую награду. И все же ничего подобного Миттелвин делать не собиралась. Ей не нравился наследник Стогггулов, а от мысли, что совсем зеленый юнец получил такую власть, дзуоко становилось страшно. Из этого не могло выйти ничего хорошего. В лучшем случае регент просто не справится со своими обязанностями, а в худшем — причинит многим народам непоправимый вред.

Еще более странным было то, что с кхаггунном пришла кундалианская девушка с необычайно сильной волей и глазами провидицы. Кхаггун относился к ней не как к представительнице низшей расы, а как к равной. Именно этот факт поразил дзуоко больше всего. Да, Миттелвин была вынуждена признать, что Реккк Хачилар заинтересовал ее необычайно.

Наконец она добралась до конца коридора и, постучав, вошла в комнату. К ее удивлению, Джоннка уже встала, успела умыться, причесаться и одеться. На лице не осталось ни одного синяка или припухлости.

— Вы пришли сообщить, что меня ждут клиенты? — с необычной резкостью спросила Джоннка.

— Откуда ты знаешь? — быстро спросила Миттелвин, которая заметила (или ей только показалось?), что глаза молодой имари как-то странно блестят. Блеск тут же исчез.

— Я... я не знаю, — моментально смутившись, пролепетала Джоннка. — Я проснулась с мыслью, будто нужно сделать что-то срочное. Подумав, что мне просто надо в туалет, я сходила в уборную. Но ощущение не исчезло, и я вернулась сюда.

— Ты выкупалась?

— Не помню...

— Причесалась и надела лучшее платье.

— Кажется, да, но... я точно не помню...

Миттелвин пристально посмотрела на имари.

— Все твои синяки прошли. Как это возможно?

Джоннка не ответила. Теперь Миттелвин окончательно убедилась: что-то здесь произошло. Глаза девушки потускнели. Наверное, она заболела.

— Пожалуй, лучше повременить с этими клиентами.

— Нет! — Джоннка схватила Миттелвин за рукав, но тут же поняв, что грубо нарушила протокол отношений между дзуоко и имари, выпустила руку и чуть слышно прошептала: — Пожалуйста, простите меня, дзуоко, я не хотела вас обидеть. — И затем, уже совсем другим тоном, спросила: — Те клиенты называли меня по имени?

Миттелвин не ответила, продолжая разглядывать девушку. Ее вдруг охватил безотчетный страх.

— Эти клиенты могут прийти в другой раз.

— Но я хочу видеть их сейчас же, — грубо возразила Джоннка.

— Почему?

Джоннка испугалась.

— Что почему?

— Почему ты хочешь видеть их сейчас же? Какая тебе разница?

Выражение лица имари быстро изменилось, в глазах промелькнуло что-то уверенное и стремительное, будто, справившись с водоворотом эмоций, она приняла решение.

— Никакой разницы, — безразлично произнесла имари. — Скажите им, чтобы приходили в другой раз, если вам так хочется.

— Да, я так хочу, — твердо объявила Миттелвин, раздосадованная и испуганная необъяснимо наглым поведением Джоннки. Что же случилось? Наверное, во время побоев ей повредили какие-то внутренние органы. В таком случае Миттелвин заставит кхагггуна заплатить дополнительную компенсацию, дабы ни ему, ни другим было неповадно!

— Жди меня здесь, — коротко велела она. — Хочу, чтобы тебя осмотрел геноматекк.

Миттелвин повернулась к двери и уже взялась за ручку, когда, обернувшись, увидела, что из ноздрей, открытого рта и кожных пор Джоннки что-то выделяется.

Дзуоко так и застыла, парализованная ужасом, отказываясь верить собственным глазам. Огромное насекомое сомкну-

ло страшные челюсти вокруг шеи Джоннки. Вспыхнуло пламя, будто Джоннка загорелась, и брызнула кровь. Последнее, что увидела Миттелвин, — это плоская треугольная голова, метнувшаяся вперед, чтобы слизать капельки крови ужасным языком.

Насвистывая, Олннн Рэдддлин медленно содрал с тела кундалианина кусочек кожи. Этот кундалианин был одним из целой сотни, задержанных кхаггтунами Рэдддлина в ходе серии облав, нацеленных на поимку Реккка Хачилара и Джийан. И звезд-адмиралу уже опротивели крики, мольбы о пощаде и мерзкий запах страха.

— Ты видел их? — спросил он кундалианина. — Если да, то где именно?

Затем следовала пауза, будто адмирал вежливо ждал ответа. Когда ответа не было, звезд-адмирал снова отдираал кусочек кожи. Несчастный кричал, на пол пыточной камеры в пещерах под дворцом регента капала кровь, а Олннн Рэдддлин вновь пытался вычеркнуть из памяти такие минуты...

Вдруг в воздухе сначала появилась молочного цвета аура, а потом над адмиралом будто склонилась Малистра. Она что-то напевала на языке, которого Олннн Рэдддлин никогда не слышал. Может быть, от невыносимой боли в ноге у него начались галлюцинации?.. Когда колдунья Джийан обратила против адмирала оружие Малистры, мир словно исчез, превратившись в сплошную стену боли настолько невыносимой, что он едва мог вспомнить этот миг. Когда на твоём собственном теле кожа, мускулы, связки, сухожилия медленно растворяются — нет, такую боль не выдержал бы даже кхагггун.

— Где они? — механически повторил адмирал. — Предатель рэнннн Реккк Хачилар, кундалианская колдунья Джийан — они ведь не призраки и не могли просто исчезнуть с лица Кундалы. Как минимум им нужны еда и убежище. Ты наверняка что-то слышал или знаешь того, кто слышал. Это твой последний шанс.

Снова тишина. Кровь текла по скамье и капала на пол со звуком, напоминающим биение сердца. Олннн Рэдддлин не без труда оторвал еще кусок кожи с прослойкой жира. Это

был седьмой кундалианин, которого он сегодня допрашивал. В соседних камерах кхаггуну допрашивали других. Целый рассадник боли, крови и страха...

Тем не менее молочная аура не исчезала, заставляя вспоминать прошлое. Олннн знал, что наверняка бы умер, если бы не вмешательство Малистры. Колдунья буквально вернула его из мертвых, и между ними установилась какая-то связь. А когда Малистра погибла, вместе с ней погибла и частичка души адмирала. С каждым вдохом он все острее ощущал ее отсутствие и даже радовался, что боль в ноге никогда не пройдет. Олннн дорожил этой болью, сильной и всепоглощающей, надеясь, что Малистра не оставила его навсегда. Бессонными ночами, когда его воспаленные глаза бесцельно смотрели в потолок, он чувствовал — она живет в его теле, движется по внутренним органам, превращая мозг в реку, по которой можно плыть. Звезд-адмирал постоянно чувствовал присутствие колдуньи в костях искаленной ноги, ощущал ее пульсацию, представлял, как она скрывается внутри него...

Олннн повернул горизонтальный вертел, который был установлен прямо перед глазами кундалианина. Куда бы ни посмотрел несчастный, взгляд непременно падал на кусочки его кожи, нанизанные на вертел, будто готовые к жарке. Это орудие пытки Олннн придумал и стал лично использовать вскоре после назначения на пост звезд-адмирала. Он увидел его во сне, хотя почти все ночи с тех пор, как Малистра помогла ему воскреснуть, были бессонными. Олннн снова заметил молочную ауру и разглядел склонившуюся над ним Малистру. Ее руки двигались по его телу или прямо над ним, перемешивая густой тягучий воздух словно похлебку. Интересно, что она делает?

Кундалианин вздохнул, больные измученные глаза уставились на Олннна. Новое изобретение еще ни разу не подводило. Вопрос был лишь в том, как долго продержится жертва. Время этого кундалианина пришло.

— Северный квартал, — прошепелявил заключенный окровавленным ртом. (Во время пытки он столько раз кусал губы и язык...) — Рэнннон и кундалианка. Я слышал, их видели на Цветочной улице.

* * *

— Я кое-чего не понимаю, — сказала Риана Реккку, пока они ждали возвращения Миттелвин. — Ведь почти все кашигены кундалианские и считаются местами развлечения, верно?

— Насколько я знаю — да. — Реккк стоял напротив выхода из Облачной палаты так, чтобы наблюдать за коридором, в котором исчезла дзуоко. Время от времени он выглядывал в коридор, не опуская ладони с рукояти меча. Реккк казался сосредоточенным и, слушая Риану вполуха, был готов мгновенно отразить любую атаку.

— Когда в'орнны стали здесь курить саламууун, они назначили свою дзуоко, но все имари были и остаются кундалианками.

— Угу.

— «Дзуоко» происходит от «дзее», что на Древнем языке означает «старшая».

— И что? — Реккк явно не был в настроении заниматься сравнительной лингвистикой.

— Это кундалианское слово, — Риана ожидала какой-то реакции, но ее не последовало, — которым называют тускуггун. — Она снова выжидательно посмотрела на воина. — Реккк, ты меня слушаешь?

— К чему все это? — свирепо взглянул он на Риану.

— Кажется, кашигген — единственное место, где в'орнны и кундалиане вполне мирно сосуществуют.

— Это женские проблемы, — пробурчал Реккк. — Почему бы тебе не спросить у Миттелвин, когда она придет? — Он опять бросил взгляд на темный коридор, будто надеясь увидеть там Миттелвин. — Если она *вообще* вернется...

— Странно, что на всей Кундале единственное место, где...

— Мне кажется странным, что ее так долго нет!

— Это так. Но, может, ты ответишь на мой вопрос?

— Наверное, так удобно гэргонам, — промолвил Реккк. — Все знают — они нередко ходят в кашигены. Хотя что гэргоны тут делают, не известно ни одному в'орнну.

— Ты говорил, что приходил сюда с гэргоном.

— Да, с Нитом Сахором. — Реккк сделал несколько шагов по коридору. — Тогда все было иначе — он привел меня сюда

с конкретной целью. А вообще я, так же, как и ты, не имею ни малейшего понятия о развлечениях гэргонов.

Услышав шорох легких шагов, они переглянулись. Кто-то шел по коридору. Риана почувствовала сильное напряжение Реккка и сама схватилась за рукоять кинжала. Увидев Миттелвин, Реккк немного успокоился.

— Все готово, — объявила дзуоко, поманив их за собой.

Они шли гуськом — впереди Миттелвин, следом Реккк и последней — Риана. И с каждой минутой девушка все сильнее убеждалась в том, что здесь произошло нечто страшное. Как только они вошли в «Сияние», Риана, призвав на помощь то небольшое, что знала из Осору, наложила Сеть Распознавания. С помощью этого заклинания можно было выделить Каа — энергетическую ауру волшебных Аватар и демонов, подобных тому, что овладел Джийан. Однако Сеть Распознавания была столь чувствительной, что реагировала и на сравнительно слабые ауры неволшебных существ. Теперь с помощью заклинания Риана ощущала ауру Миттелвин, а потом девушка поняла: это аура не дзуоко, а чего-то невидимого, сначала двигавшегося рядом с Миттелвин, а потом — немного позади.

Миттелвин тут же повернула по коридору налево. Всего несколько метров отделяло ее и гостей от комнаты, похожей на подсобное помещение. Аура Миттелвин слабела, дзуоко быстро шагнула в грязный узкий проем, бесшумно открыла вторую дверь направо и вошла в крошечную темную комнатку.

Из сломанного крана мерно капала вода. В ту же секунду слабая аура Миттелвин вообще померкла. Нашупав галогенную лампу, Риана поспешно зажгла ее. Они находились в подсобке: ведра, швабры, банки с эмалью, мраморные плиты — все аккуратно расставлено по полкам. Справа стоял контейнер с грязным бельем, а рядом лоток, по которому тряпки спускали в подвал, где стирали вдали от глаз клиентов и посетителей. Вдоль левой стены тянулись высокие, от пола до потолка, шкафы. Внезапно внимание Рианы привлекло пятно, расплывающееся на дверце шкафа.

Полная дурных предчувствий, она с силой распахнула дверцу — прямо на нее упало нагое тело Миттелвин, желтоватое и ссохшееся, будто дзуоко умерла много лет назад.

* * *

Риана бросилась прочь из подсобки и побежала по главному коридору. Куда делись Реккк и Миттелвин или, точнее, тот, кто занял место Миттелвин? Риана ругала себя за то, что не поделилась своими опасениями с Реккком, но все произошло слишком быстро. У нее было лишь предчувствие, да и что она могла сказать Реккку, дабы не вызвать подозрений у демона?

— Реккк! — звала Риана. — Реккк, где ты?

Раздвижные двери в конце коридора вылетели из пазов, и девушка увидела Тзелоса. Ключья одежды Миттелвин слетели с его членистого тела. Передними костлявыми лапами он держал Реккка. Тзелос бросился на девушку, и она с ужасом увидела, что страшные челюсти уже вцепились в Реккка.

На секунду Риана поверила, что будущее, которое увидела Типпен, скоро настанет. Демон тут же воспользовался ее замешательством — с ошеломляющей скоростью он наступал по коридору прямо на Риану. Понимая, что физическая сила здесь не поможет, она стала произносить заклинания из своего небогатого арсенала. Однако ни одно из них не влияло на Тзелоса!

Извивающаяся клешня Тзелоса попыталась схватить Риану, но она ловко увернулась. О себе девушка не думала, стремясь лишь вырвать Реккка из лап демона. Обхватив Реккка за пояс, Риана навалилась на него всем своим весом. В ответ Тзелос, подняв треугольную голову, тут же вонзил зубы в Реккка, который болезненно вскрикнул. Риане пришлось отказаться от замысла.

Тзелос с новой силой бросился на девушку. Острым лезвием кинжала Риана отсекла клешню, которая промелькнула опасно близко. На ее месте тут же выросла новая. Тзелос начал трясти головой, а Реккк закричал от боли. Его крики заставили Риану собраться. Тзелос наступал, не зная ни жалости, ни усталости. Места для маневра у девушки практически не оставалось, что было на пользу демону. Пришло время изменить ситуацию.

Когда Тзелос атаковал, Риана прыгнула на него и по членистому, как у насекомого, телу вскарабкалась вверх. Вокруг нее обвилось сначала одно щупальце, потом другое. Быстро перевернув кинжал, Риана заколотила рукояткой прямо по ру-

биново-красным глазам демона. Был ли в этом какой-то толк, она не знала, но прежде, чем Тзелос успел отреагировать, вытащила Реккка из зубастой пасти. Реккк упал на пол. Риана собиралась прыгнуть следом, и тут ее удержали щупальца. Страшные зубы, казалось, вот-вот вонзятся в плоть девушки... Наконец Риане удалось вырваться, она рухнула на пол и стала оттаскивать Реккка подальше от чудовища.

Демон вздрогнул, приходя в себя после атаки Рианы, и бросился к ней. Положение Рианы немного улучшилось, и все же что делать дальше, она не знала. Казалось, еще миг, и демон их настигнет.

В этот самый момент у девушки за спиной послышался какой-то шум. Не переставая тащить Реккка по коридору, Риана успела заметить дородного месаггуна с ионным автоматом на изготовку, тяжело шагавшего им навстречу. Риана предостерегающе вскрикнула, но было уже поздно. Из широкого дула автомата вырвался тонкий извивающийся поток голубого света, попавший прямо в голову Тзелоса. На секунду заряд разрушительной энергии в'орнов обвился вокруг головы демона, а потом Тзелос раскрыл пасть и проглотил голубой поток. Через мгновение он выплюнул заряд, ставший угольно-черным, прямо в месаггуна, у которого не было времени понять, что случилось. Месаггун закричал; его тело зашипело, будто поджариваясь. Коридор наполнился тошнотворным запахом горелого мяса, и Риана стала задыхаться. Истекая потом, она продолжала волочить Реккка по коридору, увеличивая расстояние между ними и Тзелосом.

Месаггун исчез, от него осталась лишь кучка пепла, а Тзелос опять переключился на Риану и Реккка. Он бросился к ним гораздо быстрее, чем прежде. Риана изумилась, как такое неуклюжее на вид существо может двигаться с подобной скоростью.

В отчаянии она произнесла заклинание Вечности, одно из двух существующих заклинаний-гибридов. Относящееся частично к Осору, частично к Кэофу, это заклинание Глаз-Окна было практически неизвестно нынешним кундалианским колдуньям. Перед лицом опасности проснулась интуиция. Риана сама не понимала, зачем произносит это заклинание, она выбрала его подсознательно. Заклинание Вечности позволяло заг-

лгнуть в будущее и, подобно всем заклинаниям Глаз-Окна, обладало необыкновенной силой. Оно открывало секретные двери, отыскивало тщательно скрытые предметы и пропавших людей, воссоздавало события прошлого.

Но Риана была еще довольно неумелой колдуньей и не смогла правильно сфокусировать заклинание. В темной вспышке она увидела не Тзелоса, а лицо Джийан, искаженное гримасой боли. За ее спиной высилась гряда гор, довольно мрачных на вид, однако странно знакомых. Руки и ноги Джийан были прикованы... К чему?

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Теперь под действие заклинания попал Тзелос. Слабое место демона Риана увидела почти тотчас же.

Только было уже поздно — Тзелос подобрался совсем близко. Вот он схватил Риану... и она услышала, как кто-то зовет ее по имени. Тигпен! Тигпен рядом!

— Быстрее! — закричала Риана. — Посмотри на... — Девушка задохнулась от того, что изо рта демона хлынуло нечто очень липкое, покрывшее ее клейкой паутиной. — У демона на... — снова начала Риана, но паутина уже покрыла ее лицо. Ей не удавалось набрать в легкие достаточно воздуха. Она отчаянно сопротивлялась, и тут инстинкт снова подсказал ей единственно правильный выход. Риана вспомнила тренировки по скалолазанию на большой высоте, где воздух был слишком разреженным. В горах она научилась запасать в легких количество воздуха, необходимое, чтобы продержаться до того места, где можно снова дышать. И все-таки паутина густела, сжимала, душила Риану... Она смогла лишь содрать ее с лица и прокричать то, что хотела:

— Тигпен, на его груди! Внизу слева! Там есть светлое пятно!

— Держись, Дар Сала-ат! — крикнула Тигпен, пулей проносясь мимо левого уха Рианы.

Обнажив острые как бритвы клыки, раппа вонзила их точно в светлое пятно на грудной клетке Тзелоса, одновременно впившись когтями. Отступив, Тзелос завыл так жутко, что Риане захотелось закричать.

Она тут же почувствовала, как чьи-то руки сдирают с нее удушливую паутину.

— Ты в порядке, Дар Сала-ат?

Это была Элеана.

— Кажется, да, — ответила Риана.

Она увидела, как качается, постепенно мутнея и растворяясь в воздухе, фигура Тзелоса. Вот демон исчез, и Тигпен отскочила назад.

— Что там с Реккком? — спросила Риана. — Боюсь, он серьезно ранен!

— Да поможет ему Миина! — Элеана присела возле Реккка и прикоснулась к его окровавленной шее. Когда воительница вновь посмотрела на Тигпен и Риану, лицо ее было бледнее мела и мокро от слез. — Он умирает.

6

АПЕЛЬСИНОВАЯ СЛАДОСТЬ

Когда Сорнни СаТррэн остановился возле ларька с ярким навесом на бульваре Импульса, за ним следили. Когда он купил маленький пакетик апельсиновой сладости, за ним следили. Когда он не спеша шел по улице и грыз сочный фрукт, за ним следили. Когда он остановил кхаггунский трехмоторный экипаж, за ним следили. А когда он проезжал перекресток с улицей Предчувствий, за ним следили еще пристальнее.

Было довольно пасмурно, к полудню густые облака полностью заволокли небо. Едва пробило три, как Маретэн Стоггул вышла из мастерской и аккуратно заперла дверь. Увидев примерно в двадцати шагах впереди Сорнни СаТррэна, она пошла следом по улице Предчувствий. Сорнни шел не торопясь, и тем, кто так пристально за ним следил, было трудно понять — направляется он куда-то конкретно или просто прогуливается.

Пройдя примерно полмили, прим-агент остановился у красновато-черной вывески «Гаммы» — симпатичного, хоть и малоизвестного кафе. Будто приняв внезапное решение, он, кру-

то развернувшись, прошел между двумя каменными колоннами в тускло освещенный зал кафе. На широких жаровнях из чеканной бронзы, стоявших по углам зала, плясали отблески света. Сорннн присел за столик в самом темном углу. К нему тут же подошел официант в малиновой форме, и прим-агент сделал заказ.

Маретэн следила за маневрами Сорннна, стоя в самой гуще толпы, плывущей вверх и вниз по улице Предчувствий. Она огляделась по сторонам, будто решая, что делать дальше. Маретэн всматривалась в лица спешащих мимо баскиров, тускуггун, нагруженных пакетами со специями, рулонами ткани, тонкими свертками терция и титана. Она наблюдала за отлаженными действиями кхагггунов, прочесывавших толпу в поисках смутьянов, мошенников и активистов кундалианского Сопrotивления. Над головой девушки пронесся звездолет, взъерошив волосы на головах кундалиан, зашевелив платья и туники, поднимая в воздух легкие струйки песка. Рядом шумел мясной рынок. Маретэн поспешно отвернулась от знакомой тускуггун, прежде чем та смогла ее узнать. Мимо пробежала ватага мальчишек; весело смеясь, они швыряли камнями в кундалианских слуг. Бурный поток прохожих тек мимо, однако Маретэн уже не обращала внимания на детали — пройдя мимо стоявших на улице столиков, она вошла в затемненный зал кафе «Гамма».

Маретэн прошла прямо в уборную и пробыла там некоторое время. Она слышала шум с кухни, мерный звук капель и биение своего сердца. В уборную вошла пожилая тускуггун. Взглянув на вошедшую, Маретэн принялась тщательно мыть руки. Когда обе женщины вышли обратно в зал, Маретэн скользнула за столик к Сорннну СаТррэну. Он уже заказал для девушки коктейль «Вересковая королева», ее любимый. В бокал прим-агент положил кусочек апельсиновой сладости, который Маретэн тут же выловила и с наслаждением съела. Но больше всего она наслаждалась тем, что может побыть с ним наедине. Маретэн с улыбкой рассматривала грубое, обветренное лицо Сорннна, покрытое темным загаром, стараясь запомнить каждую черточку. Она словно боялась, что больше никогда его не увидит.

Над ними выжидающе склонился официант.

— Давай побыстрее что-нибудь закажем, — сказал Сорннн, — у меня сегодня еще много дел.

— По крайней мере мы можем побыть вдвоем.

Когда они сделали заказ и официант удалился, глаза Сорннна тут же потемнели и стали серьезными.

— Маретэн, я хочу быть уверен — тебе все это не надоело?

— Что не надоело? Ты?

— Ну, это было бы ужасно! — рассмеялся он. — Я имел в виду то, что нам приходится встречаться тайком и изображать холодность, когда мы встречаемся на людях.

Она знала, что Сорннн имел в виду церемонию Перевоплощения.

— Что ты, мне нравится притворяться.

— У тебя здорово получается!

— В такой семье, как моя, волей-неволей научишься притворяться. — Маретэн пристально смотрела на спутника сквозь голубоватое стекло бокала. — К тому же мне интересно наблюдать, как ты ведешь себя на людях. Скрытая, затерянная в толпе, я люблю смотреть, как ты сидишь в одиночестве. Ты всем и везде чужой. Я понимаю, это оттого, что ты ждешь меня. И ты притягиваешь как магнит, когда мне следует проявлять сдержанность... Я с трудом дожидаюсь нашей следующей встречи.

— Ты выбрала не ту профессию. — Сорннн улыбнулся, и кожа вокруг его глаз смешно сморщилась. — Тебе следовало бы стать актрисой.

— Да, но женщин в театр не пускают.

Он взял ее за руки.

— Ну, это смотря где.

Принесли обед — фаршированные жареные многоножки и салат из капустной травы.

— Это еще одно качество, которое так нравится в тебе, — мягко проговорила Маретэн. — Что может сказать мне другой мужчина? Кто еще станет относиться ко мне как к равной? Только не мой отец или брат...

— Это из-за Кургана мы вынуждены встречаться тайком? Неужели он что-то узнал?

— Нет, я говорила с ним на Перевоплощении, он ничего не подозревает.

— И все же я знаю: шпионы регента везде.

— Почему ты так думаешь?

Глубоко задумавшись, Сорннн закусил нижнюю губу.

— Помнишь, я рассказывал тебе о горбатой летучей мыши, коррушском ночном зверьке? Как же он летает в крошечной тьме? — Прим-агент приложил кончик пальца ко лбу и снова отвел. — Подобно летучей мыши я чувствую стену раньше, чем могу увидеть.

— Ты имеешь в виду Кургана?

— Он изо всех сил старался вести себя как союзник. Даже как друг. Но я ему не верю.

— Уверена, это мудрое решение. Если он понял, что у тебя есть сила, власть и ум, — тем хуже для тебя. Я его знаю, ему не нужны соперники.

— Я? У меня и в мыслях не было с ним соперничать.

— Очень сомневаюсь, что тебе удастся убедить Кургана. Он такой же параноик, как его отец.

— В таком случае мне нужно продумать тактику защиты!

— Не шути с ним, любимый! — Маретэн с силой сжала руку Сорннна. — Не надо недооценивать регента. Ему всего шестнадцать, но он мудрее любого зрелого в'орнна. Курган намного хитрее, умнее и честолюбивее, чем был мой отец. Он мало похож на него, и от этого — во сто крат опаснее. Так было с тех самых пор, как я себя помню. Отец хотел отомстить Ашерам, а Курган — всем на свете!

— Одна древняя коррушская поговорка гласит: «Чем выше поднимаешься, тем больше падать, а когда упадешь, то останешься наедине со своими грехами».

Маретэн нежно коснулась щеки возлюбленного.

— Пожалуйста, Сорннн, отнесись к моему предупреждению серьезно.

— Уверяю тебя, я серьезен, как никогда.

— Ты не представляешь, как тяготит меня принадлежность к семье Стоггулов! Им всем неплохо преподать урок.

— Ты сама прекрасно понимаешь, почему они чураются тебя, Маретэн. Они представляют тускуггун...

— Лишенными свободы, бессильными и бесправными. С нами обращаются чуть лучше, чем с кундалианками.

— Ну, ты немного преувеличиваешь!

— Значит, так нужно, чтобы выразить то, что я думаю. — Маретэн гордо вскинула голову. — Всю жизнь мужчины смотрели на меня как на умственно отсталую. Мои мысли поднимались на смех и даже считались опасными.

— Твои мысли и правда опасны. Ты требуешь равноправия для тускуггун. А в нашем обществе доминируют мужчины, Маретэн, никогда не забывай.

— Но ты же не считаешь это правильным?

Сорнни придвинулся поближе к Маретэн и устроился поудобнее.

— С самого детства отец брал меня с собой в походы на землю коррушей. Я быстро привык к длинным тяжелым переходам, пыли, ветру, отсутствию привычных в'орннам удобств. Не просто научился обходиться без них, но и полюбил простую кочевую жизнь. Я влюбился в землю коррушей, она казалась мне волшебной — необъятные просторы, огромное небо, переменчивый климат, дрессировка лиммналов, катание на куомешалах. Я научился ткать ковры, раскапывать руины, чтить традиции прошлого, спать под пологом звезд. Дух коррушей навсегда изменил меня. Я такой, какой есть, и таковым останусь.

— Я тоже не хочу, чтобы ты менялся, — проговорила Маретэн, — ты лучше и добрее всех.

— Помнишь, как мы встретились?

— Прошлой весной на конгрессе Консорциумов, — кивнула Маретэн. — Несколько моих картин использовали для оживления дизайна.

— Я заметил тебя еще в зале, в самой гуще толпы. На тебе был небесно-голубой...

— Да, голубой костюм мужского покроя.

— Ты произвела настоящий фурор.

— Это был вызов.

— Конечно же, вызов. Поэтому тебе и приказали уйти.

— Если ты тускуггун, величие семьи Стоггтулов на тебя не распространяется.

— Увидев тебя, я решил, что должен встретиться с этой необыкновенной тускуггун, не имея ни малейшего понятия, из какой ты семьи.

— А когда ты узнал, что я — Стогггул, то...

— То все равно пошел за тобой, не так ли?

— Так.

— Честно говоря, я никогда не причислял тебя к Стогггулам. Маретэн скептически посмотрела на Сорннна.

— В это нелегко поверить.

— Я был очарован настолько, что оказалось все равно — из какой ты семьи!

Маретэн невольно рассмеялась.

— Ты шутишь!

— Я люблю тебя, Маретэн.

Она заглянула в его красивые глаза.

— Моя любовь подсказывает, что однажды ты научишься управлять своей внутренней силой. Однажды ты снова наденешь небесно-голубой костюм, и тогда в'орнны не смогут так легко от тебя отмахнуться.

В животе Маретэн образовался комок. В Сорннне что-то было, какая-то тайна, которая одновременно и притягивала, и пугала. И чем дольше Маретэн его знала, тем сильнее ей хотелось разгадать его тайну. Неужели и он... При одной этой мысли ее бросало в дрожь.

— Именно это я и почувствовал в ту ночь, — продолжал ее возлюбленный. — Поэтому ты так меня очаровала. Ты стала *ва тарабиби*.

— Что это значит? — чуть слышно произнесла она, хотя ее сердце давно знало ответ.

— Моя любимая.

При выходе из «Сияния» их встретил шквальный огонь ионных автоматов. Узкая аллея в северном квартале Аксис Тэра была высвечена фосфоресцирующими прожекторами.

— Кхаггуны! — закричала Элеана.

Риана, которая помогала ей выносить из кашиггена Рек-кка, была все еще во власти заклинания Вечности.

— Это отряд Олннна Рэддлина, — объявила она, — я чувствую.

— Что же делать? — прошептала Элеана, когда они ползком пробирались к входной двери, единственному подходя-

щему укрытию. — С раненым Реккком на руках нам не убежать и не спрятаться.

— Без проблем! Мы переместимся обратно в монастырь.

— Ну уж нет! — запротестовала Тигпен. — Припрыжка задумана для движения между мирами, а не в пределах одного. Это небезопасно! Побочные эффекты накапливаются, и скоро общая способность к Припрыжке ухудшается. А для тех, у кого нет моноккула, последствия и вовсе могут привести к летальному исходу. Реккк умирает, Элеана беременна — я не могу разрешить Припрыжку. Поэтому мы все остаемся.

Заряд, выпущенный из ионного ружья, разбил окно, рядом с которым они прятались, и их осыпало дождем щепок, штукатурки и мелких камней.

— Олннн Рэдддлин не дает нам другой возможности! — твердо проговорила Риана. — Если Реккк останется тут хоть на секунду, то точно умрет.

— А как же ты, Дар Сала-ат?

— Последние девять недель мы день и ночь прятались от кхаггунов. Последние девять недель мы только и делали, что таились и зализывали раны, — так жестко проговорила Риана, что Тигпен, собиравшаяся возразить, закрыла рот на полуслове. — Раз здесь Олннн Рэдддлин, думаю, у нас есть шанс дать ему отпор и хотя бы временно вывести врагов из равновесия.

Тигпен смотрела на девушку с явным неодобрением.

— Не представляю, что ты задумала, Дар Сала-ат, но чувствую, что это сопряжено с огромным риском.

— Свободное пространство необходимо нам как никогда, — заявила Риана. — Думаю, ты согласишься — нельзя бесконечно прятаться в монастыре Теплого Течения.

— Даже если и так, — проворчала Тигпен, — ты же знаешь, что я не могу оставить тебя. Я обязана сопровождать Дар Сала-ат.

— Именно поэтому ты и будешь делать то, что я скажу, — ответила Риана. От очередного выстрела разрушилась часть крыши. Стены покачнулись, и всем стало ясно — из этого временного убежища нужно убираться. И поскорее.

— Не время спорить! Нам с Элеаной лучше остаться здесь. Без Реккка мы сможем действовать гораздо свободнее. Я знаю

Осору, а Элеана сражалась с Олннном Рэдддлином раньше и знакома с его тактикой. Это идеальный шанс, второго такого не будет. Так что бери с собой Реккка и припрыгивай.

Тигпен осмотрела окровавленное лицо Реккка, приподняв сначала одно веко, а потом — другое.

— Он точно не переживет Припрыжку.

Риана засунула в горло два пальца и стала про себя петь старую как мир песню из «Основ Припрыжки», которую выучила в библиотеке монастыря.

— Что, ради Кундалы, ты делаешь? — воскликнула встревоженная Тигпен.

— Отдаю Реккку свой моноккул.. — Риана вытащила из рта червеобразного симбионта.

— Дар Сала-ат, я же говорила тебе — каждый моноккул создан специально для конкретного носителя.

— Не нужно так пугаться, — посоветовала Риана. Она аккуратно открыла рот Реккка, положила моноккул и, нажав на подбородок, сомкнула челюсти воина. — Во время Припрыжки моноккул защитит Реккка от вредных излучений и, надеюсь, сохранится в его теле до моего возвращения.

— До *возможного* возвращения, — мрачно проговорила Тигпен. — Осторожнее, Дар Сала-ат, молодые не ценят жизнь...

Внезапно мрачное увещание Тигпен заглушил зловеющий гул.

— В Н'Луууу их всех! Звездолет! — закричала Риана. — Времени нет! Бегите! Бегите!

Она отвернулась, чувствуя, как предательски дрожат поджилки, а легкий ветерок, ласкавший затылок, свидетельствовал о том, что Припрыжка началась.

— Что же нам делать? — задыхаясь, спросила Элеана. — Мы зажаты с обеих сторон, а тут еще и звездолет... Теперь о крыше можно забыть.

Содрогнувшись, стены прихожей, в которой они прятались, начали рушиться.

— Иди за мной и не оглядывайся, — прокричала Риана.

Лавируя между огнями прожекторов, они побежали по ярко освещенной и усыпанной щебенкой аллее, пока не уперлись в медно-бронзовую дверь кашиггена, покореженную ионным огнем. За несколько секунд Риана успела открыть дверь и снова закрыть ее за собой и Элеаной.

— Думаешь, это хорошая идея? — спросила Элеана, когда они пробирались через Облачную палату. — Ведь Олннн Рэддлин убьет нас здесь, как слепых котят в бочке. Это в лучшем случае. А в худшем — нас ждет новая встреча с Тзелосом. Так или иначе, боины не избежать.

— У кхагггунов есть поговорка, которую очень любят солдаты, — невесело усмехнулась Риана. — Они говорят: «От бойни до победы один шаг».

— Может, наконец расскажешь, какой у тебя план?

— План?

На лице Элеаны отразился ужас.

— Ты же сказала Тигпен, что...

— Мне нужно было как-то убедить ее, чтобы она вместе с Рекком припрыгнула в безопасное место. Я пытаюсь что-нибудь придумать на ходу.

Теперь они бежали по пустому коридору. Все посетители и работники кашигтена либо погибли, либо покинули помещение. За спиной слышался рев ионных автоматов, смягченный закрытой дверью. Еще несколько минут, и Облачная палата рухнет, а кхагггуны Олннна Рэддлина ворвутся в кашигген.

— Расскажи мне про звезд-адмирала, — попросила Риана.

— Он умный, настойчивый, безжалостный, никогда не сдается. Любит хитроумную тактику. Для выполнения какого-нибудь стратегического плана, не задумываясь, рискнет жизнью своих солдат.

— Другими словами, он импульсивный и кровожадный.

Элеана кивнула.

— Рекку удавалось использовать эти качества против адмирала.

Из главного коридора Риана свернула налево и побежала к подсобке. Труп Миттелвин по-прежнему лежал там, где она его впервые увидела.

— Сюда! — закричала Риана, направляясь к лотку для белья. Схватившись за кромку, она стала осторожно опускаться в желоб. — За мной!

Элеана молча полезла следом.

В подвале было темно, но запаха плесени не чувствовалось. Очевидно, Миттелвин содержала хозяйственные отсеки в том же строгом порядке, что и весь кашигген.

Риана произнесла маскирующее заклинание.

— Теперь они не смогут увидеть ни лоток, ни желоб, — прошептала она Элеане. — Это только временно, и все же мы успеем.

— Успеем что? — шепотом спросила Элеана.

Она шла вслед за Рианой, которая зажигала одну галогенную лампу за другой. Теперь беглянки стояли в помещении, напоминавшем длинный туннель. С одной стороны была скала, с другой — железная дверь с ржавым замком.

Элеана ударила мечом по замку один раз, потом еще, но огромные петли заржавели так, что они обе едва смогли раскрыть дверь. Заглянув за нее, Элеана чуть не заплакала от разочарования — в комнате произошел обвал, тонны камней и песка наполняли помещение чуть не до самого потолка. Тупик.

Риана разочарованно отошла от двери, хотя тут же и осталась.

— Чувствуешь запах?

— Какой?

— Сырости. — Риана положила руку на скалу с левой стороны. — Странно, Миттелвин была очень педантичной тускутгун и ни за что бы не позволила собственному подвалу превратиться в болото. — Тут ее осенила какая-то мысль, будто она внезапно услышала журчание мощных ручьев, текущих под фундаментом.

— Что такое, Дар Сала-ат?

Риана опустила руку на корточки, нащупывая ладонями едва ощутимую вибрацию. Казалось, ручьи бьют довольно сильно, будто что-то тянет их на поверхность. Приложив к стене ухо, девушка точно узнала звук бегущей воды.

— Похоже, подземный ручей течет прямо под нами.

— Не понимаю, — покачала головой Элеана, — как это может нам пригодиться?

«Тзелос, — вспоминала Риана. — Где же я читала о демонологии? Уж конечно, не в «Источнике всего сущего». Может, во втором томе, в «Книге Отречения?»» Она закрыла глаза, и эйдетическая память услужливо показывала ей страницу за страницей, пока наконец девушка не увидела нужный абзац.

Риана тут же открыла глаза.

— Да, пожалуй, у нас есть шанс.

Приказав Элеане сидеть там, где стена была влажнее всего, Риана стала мерить шагами расстояние от того места, куда они вылезли из желоба, до того, где сидела ее спутница.

— Что ты делаешь? — спросила Элеана.

— Пытаюсь выяснить, как быстро кхаггуны до нас доберутся.

— Ты что, шутишь? — Под глазами Элеаны залегли темные круги. — Нет, ты не шутишь.

— Прости, — сказала Риана, — мне не следовало позволять Реккку втягивать себя в эту авантюру. Теперь мы рискуем тобой и твоим ребенком.

— Дар Сала-ат, пока нас держат в заложниках на своей собственной планете, риск в жизни присутствует постоянно.

— Но это...

Элеана положила руку на запястье Рианы.

— Если это поможет освободить Кундалу от в'орннов, то, думаю, любой риск оправдан.

Риана вздохнула.

— Как ребенок?

Элеана положила руку на живот.

— Чувствую, как он пинается, а иногда я его даже баюкаю.

— Хочешь узнать, мальчик это или девочка?

— Не знаю. Я... А ты можешь определить?

— С помощью Осору думаю, что да.

— А магия не повредит ребенку?

— Конечно, нет, — улыбнулась Риана, — обещаю.

Элеана кивнула.

— Тогда давай попробуем. — Она внимательно посмотрела в лицо Рианы. — Дар Сала-ат, зачем это тебе? Почему тебя это интересует?

Риане снова захотелось ей признаться, кто она на самом деле, но предупреждения Джийан вкупе с чувством долга заставили ее промолчать. Но до чего же это было невыносимо! Положив ладонь на небольшую выпуклость живота, она почувствовала запах Элеаны, так хорошо знакомый Аннону. Запах, который преследовал его и днем, и ночью... Тепло тела Элеаны, такого близкого и доступного, действовало возбуждающе. Риана представила трепещущее прикосновение ее языка, закрывала

глаза и спросила себя: зачем так мучиться? Даже если она в конце концов расскажет обо всем Элеане, неизвестно, как таотреагирует. Аннон умер, его не вернешь. С какой стати воительница должна любить Риану так же, как любила Аннона?

— Это мальчик, — объявила она. — Точно мальчик.

Она почувствовала, как волосы Элеаны коснулись ее щеки, и кожу обожгло теплое дыхание.

— Спасибо, Дар Сала-ат, — зашептала ей на ухо Элеана, — что не осудила меня за то, что я отказалась делать аборт и убивать ребенка, который наполовину в'орнн. Я так тебе бла... — Элеана осеклась на середине слова.

Над головой заскрипели половицы. Это означало, что отряд кхаггунов ворвался в «Сияние».

— Интересно, почему меня постоянно выворачивает от запаха апельсиновой сладости? — проговорил Нит Батокссс. — А пью я ее каждое утро.

— Почему? — изумился Нит Исстал. — Если вы ее не любите...

— По правде говоря, ненавижу.

Лаборатория казалась стерильной. Это была ромбовидная комната без окон в самом сердце Храма Мнемоники. Длинное, органичной формы здание располагалось на вершине единственного в городе холма в северном квартале Аксис Тэра, и до самой оккупации в'орннов служило центром кундалианской религии и культуры. Возвышавшееся над городом сооружение всегда казалось устрашающим, особенно с тех пор, как его облюбовали гэргоны.

Храм освещался вращающимися по овальной орбите тринадцатью каплевидными лампами, от которых исходил холодный, голубоватый, как в гигантском холодильнике, свет. Много веков назад стены храма были оштукатурены кундалианскими мастерами, любовно покрывшими каждый сантиметр огромного зала фресками. Теперь фрески были скрыты плюшем, который по непонятной причине разросся под этим холодным светом.

Нит Исстал лежал обнаженный в центре лаборатории, поддерживаемый ионными потоками и приборами, свисавшими, словно сталактиты, с вогнутого потолка. На жидкокристалли-

ческих экранах приборов мелькали данные о работе систем организма, которые непрерывно снимались полуорганическими сенсорами, окутывающими тело техномага. Абсолютно гладкое лицо гэргона было гермафродитным — в зависимости от угла зрения Исстала можно было принять и за женщину, и за мужчину.

Нит Батокссс возбужденно расхаживал по лаборатории.

— Видишь эти зеленые листья и побеги, густой плющ, обвивающий стены лаборатории?

— Признаюсь, я часто удивлялся, зачем они вам. — По безволосому телу Нита Исстала тянулась нейронная сеть, тонкая как шелк. Сеть заканчивалась в модуляторе на черепе гэргона. — Можно мне встать?

— Да, конечно. — Нит Батокссс написал в воздухе формулу, и сенсорная сеть исчезла. Лицо Нита Исстала запульсировало, становясь то мужским, то женским. — Я закончил имплантацию германиево-терциевой схемы в твой мозг. Как только я ее активизирую... — Он застучал по голографическим кнопкам.

— Да, — вздохнул Нит Исстал. — Я понимаю, — проговорил он тоном, от которого слова прозвучали как «я все понимаю». Отныне гэргон считался полноправным членом Товарищества. — Я чувствую, как уравниваются мужское и женское начало.

— Достижение сексуальной гармонии и определенной стабильности всегда приходит со зрелостью. — Нит Батокссс оглядывал молодого протеже. — Жаль тех в'орннов, которые всю жизнь проводят однополыми. — Техномаг протянул Ниту Иссталу руку и помог встать. — Представляешь?

— Если честно, то нет! Это кажется таким ужасным... — Нит Исстал снова посмотрел на зелень. — Нит Батокссс, могу я повторить свой вопрос? Плющ, обвивающий вашу лабораторию, апельсиновая сладость, которую вы пьете по утрам, при этом ненавидя ее запах... Как это можно объяснить?

Нит Батокссс сорвал с лозы два листочка и, положив на ладонь, протянул Ниту Иссталу.

— Что ты видишь?

Нит Исстал внезапно помрачнел.

— Боюсь, я провалю этот экзамен.

— Понятно, ты нервничаешь, — успокаивал его Нит Батокссс. — Считай, что это не экзамен, а урок.

Нит Исстал кивнул и глубоко вздохнул.

— Я вижу... э-э... — Он пожал плечами. — Два листка апельсиновой сладости.

— На самом деле это гораздо большее. — Нит Батокссс подошел к плющу. — В них — воплощение К'эоннно. — Техномаг говорил о теории Порядка и Хаоса, основополагающей в философии гэргонов. — Видишь листочки? — Батокссс сорвал с лозы целую пригоршню и бросил на колени Нита Исстала. — Настоящий лиственный дождь, не хватит и дня, чтобы пересчитать все. Посмотри внимательно, каждый лист — пятидольный, в этом и заключается теория Порядка. А теперь взгляни снова — у каждого из листочков собственный сетчатый рисунок, воплощающий хаос индивидуальности. Прямо под нашим носом находится подтверждение теории К'эоннно. Именно поэтому стены лаборатории обвивает лоза апельсиновой сладости, и я пью ее сок каждое утро. Это напоминает мне о том, что наша вера в основополагающий порядок и стабильность является единственно правильной. Стабильность и Гармония — абсолютные синонимы. Никогда не забывай первое правило К'эоннно!

Батокссс хлопнул покрытыми защитным панцирем руками, и в воздух полетели ионные брызги.

— Теперь одевайся побыстрее. Слышу звуки колокола! Пора начинать собрание.

Времени оставалось в обрез. Риана пыталась собраться с мыслями, чтобы решить, что делать.

Шаги приближались, и, затаив дыхание, она разобрала обрывки разговора кхагггунов, которые обсуждали детали штурма. Риана стала припоминать подходящие заклинания Осору. Атмосфера накалялась.

— Что происходит? — хрипло прошептала Элеана.

— Кхагггуны обыскивают подсобку. Я снимаю заклинание, которое наложила на желоб. Через секунду они его увидят.

— Что? Что ты делаешь? — встряхнула ее за плечи Элеана. — Ты сошла с ума? — Она схватилась за меч.

— Нет! — закричала Риана. В душе что-то перевернулось, сигнализируя, что часть ее существа переместилась в Иномирье. — Слушай, ни в коем случае не хватайся за меч. Просто следуй за мной, хорошо?

— Нет уж, я не собираюсь...

С победоносным криком по желобу скатился кхаггун.

— Вот они! — заорал он.

За первым воином последовали другие, и вот в подземную прачечную набились шестеро кхаггунов из отряда Олнна Рэддлина.

— Ну, кто тут у нас прячется? — фальшиво просюсюкал один, обнажая меч.

— Две красотки, — ухмыльнулся второй. — Неожданная удача, позабавимся с ними и убьем.

Третий кхаггун нацелил автомат прямо на беглянок.

— Вы обе, поднимайтесь! — прорычал он.

Элеана молчала, вызываясь оглядывая солдат.

— Ну-ну, вы только посмотрите! — прошипел первый кхаггун. — Сейчас мы их немножко поджарим, потом обдерем, а потом...

Третий кхаггун подошел вплотную.

— Я сказал, поднимайтесь! Живо!

— Делай, как он велит, — прошептала Риана. Она уже различала очертания Иномирья, и ей было немного не по себе от того, что третий глаз отмечал какую-то разницу, неуловимые изменения, чуть слышный шепот на пороге сознания, какое-то волнение, тревожившее священную тишину Иномирья. Времени на размышление не было, и Риана послала в чисто белое небо сигнальную ракету. Именно так делала Джийан. Хватит ли этого? Она надеялась, что хватит.

— Но...

— Помни, что я тебе говорила! — проговорила Риана, поднимая Элеану на ноги. Сигнальная ракета стремительной дугой понеслась через Иномирье.

— И что теперь? — Элеана с отвращением рассматривала злобные ухмылки на лицах кхаггунов. — Подождем, пока нас изнасилуют? Позволь мне по крайней мере использовать меч, и я заберу с собой парочку этих подонков.

— Нет, не вынуждай их открывать огонь.

В Иномирье было что-то не так, белоснежный горизонт омрачала Тьма. Риана взяла Элеану за руку.

— Как только я подам сигнал, не медля беги к двери.

— Зачем? Нам оттуда не выбраться. Дверь закрыта крепче, чем...

— Заткнитесь, вы обе! — рявкнул кхагггун, автомат которого был нацелен прямо на женщин. — Ну-ка тихо!

Во Тьме начали различаться цвета. Разглядев шесть пар рубиново-красных глаз, Риана едва успела ретироваться в реальный мир. Она чувствовала чье-то приближение. Темное пятно за спинами кхагггунов сгустилось, запульсировало, постепенно принимая очертания...

— Спаси нас, Миина! — испуганно вскрикнула Элеана. — Тзелос снова нас отыскал!

Кхагггуны либо не слышали, либо не захотели поверить ее словам.

— Беги! — закричала Риана. — Беги!

Когда они бросились в глубь комнаты, державший их на мушке кхагггун попытался выстрелить, но другой тут же остановил его.

— Нам приказано доставить их к звезд-адмиралу живыми, — напомнил он. — Они ведь и так в ловушке.

Последовав разумному совету товарища, кхагггуны дружно бросились в погоню.

Именно на это и рассчитывала Риана. Вспомнив расстояние от места падения из желоба до самого влажного места на стене, она отсчитывала секунды. Когда, по ее подсчетам, кхагггуны оказались на нужном месте, Риана произнесла заклинание, призывающее Тзелоса. Бешено ревуший демон не замедлил появиться. Услышав рев, кхагггуны изумленно обернулись и в ужасе не могли поверить своим глазам. Один из них тут же открыл огонь, другие последовали его примеру.

На миг Тзелоса полностью охватило ионное пламя. Затем ужасная пасть распахнулась и проглотила заряд целиком. Через секунду демон выплюнул заряд на обидчиков. Кхагггунов швырнуло на стену с такой силой, что древняя известка осыпалась прямо на глазах. Внезапно в комнату хлынул поток воды.

— Вперед!

— Как?..

— Ты хорошо плаваешь? — Риана подтолкнула Элеану к расселине и прыгнула следом.

Риане стало жутко, вода казалась ледяной, а течение сносило обратно к подземной прачечной, где притаился Тзелос.

Элеане пришлось не легче. Подскользнувшись на илистом дне потока, она столкнулась с Рианой. Риана тут же почувствовала, что ее тянет назад. Вокруг тела обвилось сначала одно, а потом другое волосатое щупальце, которые неумолимо тащили девушку в подземное логово Тзелоса.

7

ТЭЙ

Товарищество гэргонов встречалось на ежедневном собрании в Храме Мнемоники. Когда-то это был центральный храм, где рамахане молились богине Миине. Здесь на заляпанном потрепанном порфире они приносили варварские жертвы воображаемому божеству. Именно тут, на ониксовых сиденьях амфитеатра, напоминающего по форме раковину, жрецы, развесив уши, слушали верховную жрицу, Матерь, рассказывавшую им байки, которые она сочиняла на ходу. Ниту Батокссу казалось, что до завоевания в'орннов все происходило именно так.

Он проводил Нита Исстала на его место в огороженном секторе, а потом прошел на свое в большом зрительном зале в секторе напротив. «Одного у кундалиан не отнимешь, — подумал гэргон, — они знали толк в акустике и умели строить концертные залы». Почему же тогда их музыка больше напоминала кошачьи концерты или визг циркулярной пилы, оставалось для техномага тайной.

В амфитеатр потянулись другие гэргоны, и Батоксс почувствовал внутри какое-то движение, будто осенний ветер, прогонявший лето, освобождал его тело от лишних мыслей.

Перед глазами появлялись и исчезали черные пятна, которые сначала ослепили его, но постепенно он к ним привык. Небольшое раздражение, и вот гэргон почувствовал приток энергии, заставившей тело вибрировать, пока синапсы и нервные окончания не приспособились к увеличенной нагрузке. С каждым разом он переносил обновление все легче и легче; с каждым разом он ждал его все с большим нетерпением. И каждый раз все ощущалось иначе.

Вечность!

Ведь так и было задумано; верно? Да, именно так. И теперь бессмертие принадлежало ему, и только ему.

Батокссс поворачивал голову и вращал рубиновыми зрачками, пока наконец не увидел Нита Сэттта.

— Какие новости? — шепотом спросил он.

Нит Сэттт наклонил голову.

— Ничего хорошего! Ох уж эти племена с их фундаменталистскими взглядами.

— Сама природа фундаментализма должна сделать их более управляемыми.

— Да, правильно, — зашептал в ответ Нит Сэттт. — Только все дело в Перрнотдт, она вынуждает нас к слишком поспешным действиям. Чтобы добраться до нее, придется дестабилизировать целый регион.

— Нет!

Услышав громкое восклицание, несколько гэргонов обернулись. Не обратив внимания на их обеспокоенные взгляды, Нит Батокссс все-таки заговорил тише.

— Вам четко приказано не дестабилизировать регион. Неужели не ясно?

— Боюсь, что нет. — Голос Нита Сэттта от раздражения зазвучал по-другому. — Мы — гэргоны, Кундала принадлежит нам. Я просто не понимаю, в чем тут проблема. Если необходима информация от дзуоко, нужно взять ее силой и ломать одну кость за другой, пока она не заговорит.

— Она *никогда* не заговорит, — прошипел Нит Батокссс. — Во всяком случае, точно не заговорит по принуждению. Ее ведь уже пытали однажды.

— Жаль, что это был не я.

— Да вы настоящий зверь! — проговорил Нит Батокссс, и его слова эхом разнеслись по огромному залу. Он быстро взглянул на собеседника и продолжил говорить медленно и доходчиво, словно объясняя сложный материал непроходимо тупому ученику. — Мы должны быть умнее. — Батокссс улыбнулся, обнажив зубы. — Надо придумать причину, по которой она захотела бы отыскать Маасру, а не укрывать. Тогда она невольно выведет нас на нее.

Нит Исстал захлопал глазами.

— Как вы это себе представляете?

— На ваше счастье, пусковой механизм уже заведен. После собрания возвращайтесь в Агашир. Не спускайте глаз с Перрнотт и следите за развитием событий.

— Хорошо, Нит Батокссс, будет сделано.

— Именно так, как я велел?

— Именно так.

Улыбнувшись, гэргон коснулся блестящей верадиумовой макушки Нита Сэттта. Проходя к своему месту, он мельком увидел в противоположном конце амфитеатра надменного Нита Нассама, который в ту же секунду стал спускаться к бывшему кундалианскому алтарю.

Одновременно с ним поднялись два других гэргона и двинулись вслед за Нассамом. «Странно, что они столпились рядом с этим окровавленным обломком примитивной цивилизации», — подумал Батокссс. Однако теперь, ощущая приток новой энергии, он удивлялся гораздо меньше. Сейчас скопление гэргонов возле алтаря казалось правильным, ведь техномаг ощущал скрытую энергию в огромном куске порфира.

Три гэргона назывались катализаторами, олицетворяя Порядок, Хаос и К'эоннно, они менялись с каждым собранием. Катализаторы призвали собравшихся к молчанию, а потом начали Песнь Создания об огромном атоме и двадцати частях, из которых состоит весь Космос.

Позже гэргоны заговорили хором: «Спаси нас от темноты, спаси от невежества, от ложных убеждений». Небольшая пауза, во время которой они смотрели на вращающийся атом, созданный их совместной энергией. «Забери нас из темного мира в наш новый дом!»

И вот началось собрание.

С минуту в зале царила мертвая тишина. Дискуссия велась в форме уравниний, которые высвечивались на потолке зала, взрываясь, как выстрелы ионных пушек. Уравниения вопросов, а следом — уравниения ответов. Положительные и отрицательные формулировки метались по залу от одного члена Товарищества к другому.

Три стоящих у алтаря гэргона должны были поддерживать ход беседы и разбирать ментальные заторы, возникавшие, если два гэргона хотели выразить свое мнение одновременно.

Нит Батокссс видел, что катализаторам все труднее регулировать поток уравниний, которые становились более язвительными и резкими по мере того, как гэргоны разделились на фракции, делая консенсус практически невозможным. Наблюдая за назревающим скандалом, техномаг почувствовал ликование, овладевшее всем его существом от того, что он получил еще одно подтверждение (будто он в нем нуждался!) правильности и праведности избранного пути.

В прежние дни уравниения Нита Сахора всегда успокаивали спорщиков и помогали достичь компромисса.

Но Нит Батокссс тайком заботился о том, чтобы компромисс был недолговечным, старые размолвки не забывались, а вражда передавалась от отца к сыну. Можно сказать, что он ночью шаг за шагом уничтожал все хорошее, что Нит Сахор делал за день.

Покой и Стабильность.

Нет, ничего подобного. Каждое собрание приводило Товарищество все ближе к настоящему выяснению отношений. С каждым собранием Нит Сахор сильнее погружался в собственные исследования. И однажды страх и неуверенность овладели темными коридорами Храма Мнемоники, расколов когда-то незыблемое единство гэргонов. Апатия и сомнения стали сильнее проявляться в атмосфере собраний. Последним препятствием на пути растущей слабости Товарищества оказался Нит Сахор, ум и воля которого могли снова объединить гэргонов. Теперь, стараниями Нита Батокссса, он был мертв. Маячок черного света, горевший в душе Нита Батокссса, показывал, что конфликт между гэргонами перешел в латентную

стадию и пора брать инициативу в свои руки. Все техномаги беспрекословно подчинятся ему.

— *Тихо!*

Уравнение Нита Батокссса заставило всех замолчать, и ему как раз хватило времени, чтобы подняться и пройти между рядами сидений к порфиловому алтарю. Гэргон сделал знак, и потолок храма запестрел формулами.

— *Мелкие пререкания продолжаются слишком долго,* — сказал он собравшимся с помощью уравнений. — *Дни, недели, месяцы, года прошли в бессмысленных ссорах. Мы что, постепенно становимся баскирами?* — В ответ на его формулу повисла мертвая тишина, хороший знак. — *Сначала мы спорили из-за кундалиан. Ведь некоторые считали их особенной расой, не похожей на те, что мы уже покорили. Затем мы пререкались из-за низложения клана Ашеры. Нашлись те, кого заразила вера Элевсина Ашеры в то, что мы не просто так прибыли на Кундалу, что мы преследовали иные, более высокие цели, что Кундала стала нашим домом и нам следует учиться у кундалиан. Каким уравнением я должен ответить на это? Учиться у низших видов? Разве такое возможно? Что это за ересь? Однако, оглядываясь по сторонам, я вижу тех, кто сначала поверил в этот бред.*

Затем начались дебаты из-за лидерства в других кастах. Кое-кто из вас писал уравнения против выдвижения на пост регента представителя клана Стогггулов. Помню даже пару теорий, возникших в этой связи. Теперь мы не можем прийти к согласию из-за Стогггула Кургана, который наследовал отцу. «Курган слишком молод», — говорят одни. «Он слишком неопытен», — восклицают другие. Правда, сейчас, кажется, желание пререкаться постепенно проходит. Наш брат, Нит Сахор, умер. Не боясь опровержений, скажу, что он был блестящим теоретиком, этого у него не отнимешь. И все же он глубоко заблуждался. Вслед за Элевсином Ашерой Сахор относился к кундалианам как к равным, считал, что нужно восстановить За Хара-ат, так называемый Град Миллиона Самоцветов, чтобы в'орнны и кундалиане могли бы жить там вместе. Восстановление За Хара-ата очень важно, но по иной причине, чем представлял себе еретик Ашера. Под оборванными палатками и куомешаловым навозом находится бесценное сокровище предков нынешних кундали-

ан. Теперь мы можем серьезно заняться раскопками. Или не можем? Споры продолжаются, семена сомнения относительно правильности нашего пути, посеянные Нитом Сахором, дали недурные всходы. Ересь пережила его самого.

Я больше не намерен сидеть здесь и смотреть, как вы ссоритесь, словно чумазные дети других каст. Если вам нужно именно это, то лучше просто уйдите, Товариществу вы не нужны. С этого момента у нас будет одно мнение, одна теория. Во имя Покоя и Стабильности мы придем к единому мнению!

Поднялся Нит Исстал.

— На собраниях всегда существовал плюрализм мнений, — написал он, и тут же вслед: — Может, мудрее дать возможность высказаться каждому?

— Ты слишком молод, Нит Исстал. — Над амфитеатром появилось уравнение Нита Батокссса. — Ведь это твое первое собрание?

— Это так, — написал в ответ Нит Исстал, — но моя семья издревле участвует в собраниях, и меня воспитывали в строгих традициях священных правил. Ведь эти правила истекают из понятий стабильности и покоя?

— Его логика безупречна, — заметил Нит Нассам, и последовали сотни уравнений аналогичного содержания.

— Может, он и молод, но уже достаточно мудр, — пришло послание из глубины амфитеатра.

Окрыленные смелостью молодого гэргона, отважившегося высказать свое мнение, доселе молчавшие техномаги с воодушевлением вступали в спор.

— Существует еще одна теория, которой не следует пренебрегать, — поднялся Нит Ректор, и над амфитеатром засверкали ионные огни уравнения, написанного его элегантным почерком. К теориям и уравнениям Ректора прислушивались все. Уравнения других гэргонов померкли в ожидании новых символических знаков.

Нит Батокссс окинул Ректора непроницаемым взглядом. Этот гэргон был одним из самых молчаливых и старых участников собрания. И одновременно — тайным соратником Нита Сахора. Батоксссу не удалось собрать веских доказательств измены Ректора. Теперь на поиск таких свидетельств был пу-

щен Нит Истал. Впрочем, прекрасно поставленный спектакль уже приносил первые плоды. Яды следует медленно извлекать на поверхность, а потом — уничтожать. Самые зловредные яды обычно проникают в тело глубже других.

— *Всем известно, что атмосфера Кундалы когда-то обладала мощным электрическим полем. Когда мы только приближались к этой планете, силу заряда зафиксировали все бортовые журналы. Однако едва мы приземлились, как поле исчезло. В небе, в котором когда-то сверкали молнии, теперь не происходит ничего, даже во время сильнейшего шторма.*

— *Да, да, — писал Нит Батокссс. — Товариществу знакома теория Нита Сахора о том, что наше прибытие каким-то образом разрушило магнитное поле Кундалы.*

— *Нет, не разрушило, — наставительно ответил Нит Ректор. — В одной из своих самых оригинальных теорий Нит Сахор утверждал, что наше присутствие на Кундале вызвало переход электрической энергии в статику. Все знают, что электронные поля находятся в постоянном движении. Во вселенной не существует примера того, чтобы какой-то вид одним своим присутствием влиял на магнитное поле атмосферы планеты. И Нит Сахор сделал вывод, что прибытие в орбиту на Кундалу было значимым. Нет, я неправильно выразился. Его можно назвать революционным. Нит Сахор вывел серию теорий, которые прогнозировали иной путь развития нашей цивилизации и доказывали, что с прибытием на Кундалу наш путь коренным образом изменился. Нит Сахор твердо верил, что Кундала таит немало секретов, которые удивят и затронут каждого из нас.*

— *Опасные еретические бредни, которые отвергло это самое собрание, — резко парировал Нит Батокссс.*

— *Если мне не изменяет память, это собрание пока ничего не отвергало, — непреклонно продолжал Нит Ректор. — Несостоятельность теорий Нита Сахора еще следует доказать. Или признать их верность. А так Ниту Сахору не дали шанса доказать правомерность своих теорий. Его просто изгнали с собрания, словно опасного преступника или паршивого пса.*

— *А кто-нибудь вступился за него тогда? — написал Нит Батокссс. — Например, вы, Нит Ректор, или вы, Нит Хвелль, или вы, Нит Иммон?*

— Его смерть — трагедия для собрания и всех в'орннов, — написал Нит Рекктор.

— Легко скорбеть о еретике, когда он уже мертв, — резко парировал Нит Нассам.

— Я не пытаюсь найти оправдание своему поведению, — невозмутимо ответил Нит Рекктор. — Однако факт остается фактом — мы прибыли на эту планету уже сто два года назад. За это время электрическое поле атмосферы Кундалы не восстановилось, и не было предпринято ни одной попытки его восстановить. Мне кажется, что это...

— Смотрите, как Нит Рекктор манит нас пальцем! Он считает себя умнее нас, утверждает, что мы должны поверить в не имеющую доказательств ересь и должны положиться на... Как же называл это Нит Сахор? Вера? Да, на веру! Что мы должны верить, будто эта ересь в один прекрасный день окажется фактом!

— Это только вы утверждаете, что все это ересь, Нит Батокссс!

— Вы требуете, чтобы мы отвергли К'эонно, основу основ нашего понимания Космоса? Вы только посмотрите! Посмотрите! Он пишет, что мы прибыли на Кундалу сто два года назад. Сто два каких года? В'орнновских? Нет. Он пользуется кундалианской терминологией! Проклятие этой планеты околдовало его так же, как и Нита Сахора.

— Думаю, собрание сыто по горло вашими оскорблениями, Нит Батокссс!

— Наоборот! Собрание еще не услышало и половины того, что я хочу сказать! — Нит Батокссс чувствовал, как черный маячок направляет растущий поток энергии в одну точку. Его тело завибрировало от того, что энергия хлынула в указательный палец призывно поднятой руки. — Нам надоели секретные исследования, тайные эксперименты. Мы сыты по горло извращениями основополагающих теорий и идеалов.

— Давайте проголосуем! — Уравнение Нита Рекктора повисло над амфитеатром.

Ответом было малое количество уравнений. Остальные гэргоны решили от молчаться.

— В этом случае голосование неприемлемо, — написал Нит Батокссс. — Считаю его завершенным.

Небольшое волнение в глубине зала мгновенно утихло под зловещим взглядом Нита Нассама. По залу расплзалась тишина, не нарушаемая ни единым шорохом.

На лице Нита Ректора читался ужас. Лишь теперь он понял, в какую страшную ловушку угодил.

Палец Нита Батоксса полыхнул черным огнем. Стрела ионного огня, изогнувшись под потолком зала, вонзилась в Нита Ректора, повернула его на сто восемьдесят градусов, сбила с ног и швырнула лицом на черную стену. С минуту гэргон висел, пригвожденный к стене, колышась, словно мотылек. Затем новая стрела за считанные секунды разорвала его на части.

Воцарилась полная тишина. Означала ли она одобрение или страх, Нит Батоксс не знал. Да его это не особо волновало. Техномага устраивало и то, и другое. Оба варианта подходили идеально.

Вода все прибывала, и с каждой минутой от сильных брызг становилось труднее дышать. Риана отчаянно молотила кинжалом по щупальцам и слышала, как от каждого удара кричит Тзелос. Это было важно, потому что во время атаки в монастыре, когда она обрубала щупальца демона, он, казалось, не чувствовал боли. Приободренная тем, что ей удалось вспомнить нужный абзац из «Книги Отречения», Риана продолжала атаковать Тзелоса и слушать его вопли. Вот конец последнего щупальца повис, словно вялая нить, а поверх него хлынул мощный поток воды, в котором отражалась мощь бьющих под землей ручьев. Тзелос задрожал.

— Риана, осторожно!

Услышав возглас Элеаны, Риана повернулась и увидела, что страшная треугольная голова с жуткими челюстями движется прямо на нее. Пасть открылась и...

— Заливай в его пасть воду! — закричала Риана.

— Воду? Зачем?

— Делай, как я говорю! — скомандовала она.

Голова демона была совсем близко, челюсти сомкнулись в сантиметре от щеки девушки. От зловонного дыхания Риану замутило. Но тут Элеана зачерпнула воды и стала заливать ее в разверстую пасть Тзелоса.

Раздался оглушительный рев. Демон затрясся, словно в ознобе, потому что энергия подземных ручьев разъедала его, как кислота. Именно об этом и говорилось в том отрывке: «Энергия мощных потоков воды может вызвать разложение тела демона». Тзелос начал съеживаться, он распадался изнутри. С пронзительным криком демон бросился на беглянок в последний раз, и вот его сухую оболочку смыло мощным потоком.

Риана и Элеана снова плыли вперед. Извиваясь, будто гибкие русалки, они боролись с течением, задерживая дыхание, рассекали воду мощными гребками. Позади осталось сто метров, и девушек начало сносить течением. Вокруг кромешная тьма, от холодной воды постепенно немели мышцы, наваливалась усталость. И это еще не самое страшное. У обеих кончался воздух, дышать было нечем. Призвав на помощь свой Дар, Риана попыталась определить, куда их влекут ручьи, проследить за изгибами и поворотами потока.

Однако в этот самый момент она заметила, что Элеана медленно тонет. Риане пришлось вернуться, обнять спутницу за талию и подталкивать вперед. Длинные сильные ноги Элеаны больше не могли работать, глаза закрывались, и Риана чувствовала: еще секунда — и воительница потеряет сознание. Как только это случится, вода заполнит ее носоглотку и легкие. Собственные легкие Рианы уже полыхали огнем.

Голова закружилась, сознание помутилось, и внезапно она оказалась посреди сильного снегопада. Впереди мелькали остроконечные пики Дьенн Марра. На самом верху Риана увидела пещеру, у входа горел костер. В неверном свете пламени девушка разглядела высокую худошавую фигуру. Сначала она подумала, что это — очередная картинка из прошлой жизни Рианы, но потом по росту и лысой голове поняла — перед ней мужчина-в'орнн. В'орнн подошел к выступу скалы и вытянул руки в стороны, словно крылья. Сквозь сильный снегопад она наконец разглядела его лицо и тут же узнала.

Это был Реккк!

Конечно, это только видение. Только видение чего — настоящего или будущего?

Губы Реккка шевелились, но слов Риана не расслышала. Внезапно он подался вперед всем телом и начал падать со ска-

лы в снежную бурю. Риане хотелось закричать, хотя, естественно, она не издала ни звука. Ей хотелось поймать Рекка, однако она не могла пошевелиться.

Охваченная ужасом Риана могла только смотреть, как он разбивается насмерть.

В тот же миг видение исчезло. Пытаясь не поддаваться панике, она снова стала отслеживать русла ручьев и увидела прямо перед собой гранитный выступ. Течение несло их мимо этого утеса, и Риана, боясь поверить в удачу, принялась из последних сил бороться с волнами. Ей казалось, что они кружатся возле спасительного огонька, что на утесе горит огонь. Да так оно и было — среди гранита действительно был неяркий мерцающий огонек. Попытавшись сориентироваться, Риана заметила, что освещенный участок находится прямо над гранитным выступом.

Собрав последние силы, девушка постаралась вырваться из бурного потока. Обессилев, она едва не потеряла сознание, но резкая боль в плече от столкновения со скалой быстро привела ее в чувство.

Наконец она выбралась из воды и поползла вместе с Элеаной к свету. Риана постоянно ее тормозила, не давая потерять сознание, и чувствовала, что напрягся каждый мускул тела. Они ползли выше. Перед ними открылся освещенный участок, и Риана смогла осмотреться.

Поверхность утеса усеивали ямы и трещины, образуя жуткий галлюциногенный орнамент, как на огромном куске тканого полотна. Может, она просто... Может быть, они вовсе не поднимаются к свету... Да, они тонут, вода наполняет их легкие, лишая последнего шанса выжить...

Сделав глубокий вдох, Риана всплыла на поверхность, подтягивая за собой Элеану, и снова сделала несколько вдохов. Закашлявшись, Риана повернула голову и в ужасе увидела бледное посиневшее лицо Элеаны. Глаза девушки были закрыты, она не дышала. В отчаянии Риана огляделась по сторонам. Они оказались в центре огромной каменной цистерны где-то на окраине города. Риана закричала, но ответа не услышала. Вокруг не было никого. Элеана была без сознания, и у самой Рианы не осталось сил.

* * *

Олннн Рэдддлин стоял по колено в воде, упершись руками в бока, когда Курган проскользнул через желоб в подземную прачечную. Звезд-адмирал руководил отрядом дэйрусов-патологоанатомов, которые возились с телами мертвых кхаггунов.

— Их сожгли, — проговорил Курган, разглядывая мертвых, — поджарили до румяной корочки.

Подземная прачечная оглашалась эхом от голосов рабочих, отчетов, диктуемых в накопители данных, обрывков разговоров сменяющихся бригад дэйрусов.

Курган долго вслушивался и наконец обратился к Олннну Рэдддлину:

— Что же здесь случилось, звезд-адмирал? Сначала я получил доклад, что вы загнали беглецов в ловушку. А потом слышу, что шесть моих кхаггунов мертвы, тогда как рэнннн Реккк Хачилар и его кундалианская счеттта исчезли.

— Согласно предварительному отчету дэйрусов, кхагггуны поражены огнем ионных автоматов.

— Огнем ионных автоматов? — Курган подошел к отверстию в стене и стал всматриваться в видневшиеся над водой черные стены. — Похоже, здесь взорвалась водородная бомба.

— Ворованные водородные бомбы и самодельная взрывчатка кундалиан оставляют характерный энергетический отпечаток, — твердо возразил Олннн Рэдддлин. — Дэйрусы уверяют, что здесь не было ничего похожего.

Курган взглянул прямо в лицо Олннна Рэдддлина.

— Это весьма досадная неудача. Ни один из нас не может позволить рэннннну уйти от правосудия. — Регент шагнул к адмиралу и заговорил тише: — Н'Лууура заведи его, Реккк Хачилар был кхагггуном, а потом предал нас и теперь этим бравирует. То, что он сделал, нельзя оставить без наказания.

— Мы найдем его, регент, обещаю вам.

Курган подошел еще ближе.

— Найди рэннннну и кундалианскую ведьму. Немедленно! Мы оба совсем недавно пришли к власти. Поэтому я не хочу, чтобы информация о том, что здесь случилось, вышла за пределы этих стен. Не нужно, чтобы об этом стало известно всем и каждому. Эта... бойня может быть истолкована как проявление нашей слабости. А подобного допускать нельзя.

— Я понял, регент. — Олннн Рэдддлин кивнул в сторону копошавшихся над трупами дэйрусов. — Я подключил к делу своих лучших специалистов.

— Нет, ты ничего не понял, — прошипел Курган. — Плевать я хотел на погибших кхагггунов и твоих дэйрусов. Ты лично несешь ответственность за случившееся, Олннн Рэдддлин. Я не стану долго терпеть это унижение. — Голос регента зазвучал глуше. — Если подобные инциденты будут продолжаться, будь уверен, я найду козла отпущения. И голову одного весьма известного в'орнна скоро все увидят на пике перед регентским дворцом. Знаешь, чью голову?

— Я звезд-адмирал, — с ледяным спокойствием проговорил Олннн.

— Неплохо бы помнить, кто назначил тебя на этот пост.

Лицо Олннна Рэдддлина было непроницаемо, словно неприступная крепость.

— Я помню об этом каждую секунду, регент.

С минуту Курган стоял неподвижно, а потом внезапно улыбнулся.

— Ну конечно же, ты прав, дружище. Просто этот... промах, случившийся так скоро после моего назначения на пост регента, немного меня расстроил. Понимаешь?

— Естественно, регент.

Курган улыбнулся еще шире.

— Ну же, Олннн! Мы ведь вместе воевали, вместе интриговали и вместе убивали. Я всегда был для тебя просто Курганом. Олннн Рэдддлин довольно чопорно кивнул.

— Вот и славно! Власть и время — это единственное, что имеет цену, Олннн.

Олннн Рэдддлин только собрался что-то ответить, как активизировался окумммон Кургана. Регент на секунду отошел, чтобы принять тайное послание Товарищества гэргонов. Секундой позже он снова взглянул на Рэдддлина.

— Звезд-адмирал, приказываю вам и вашему воинскому контингенту немедленно очистить помещение, — четко проговорил он.

— Регент?

— Делай, как я говорю!

Когда подвал покинули все, даже хааар-кэуты, Курган снова наладил связь с гэргоном.

— Все в порядке, Нит Батокссс, — мягко проговорил он, — я один.

— Хочу взглянуть на тела поближе. — Голос гэргона доносился из окумммона Кургана.

Регент подошел к груде обгоревших тел.

— Протяни руку, — велел Нит Батокссс.

Протянув вперед ладонь, Курган почувствовал легкое покалывание, а из окумммона повалил густой туман. Через секунду из тумана появилось голографическое изображение гэргона. Он склонился, пристально разглядывая тела. Все происходило настолько бесшумно, что на секунду Кургану показалось — со связью что-то не так. Внезапно изображение гэргона повернулось и с внушающим ужас видом стало изучать выбоину в стене.

— Вода, — произнесло изображение Нита Батокссса, будто докладывая Товариществу гэргонов. — Сколько воды! — Гэргон поднял палец и поманил к себе Кургана. — Регент, ползайте в эту брешь.

— Что я должен найти?

Голограмма окинула его горящим взглядом.

— Делай, как я велю! Сейчас же!

— Да, Нит Батокссс. — Подойдя к стене, Курган прошел сквозь голографическое изображение. Слегка нагнувшись, он засунул в брешь руки по самые плечи. К своему удивлению, правитель нащупал у самой стены что-то твердое, даже хрупкое. Небольшое усилие, и он вытащил неизвестный предмет из расселины.

— Аааааххх! — Изображение Нита Батокссса издало вздох, больше похожий на стон или плач.

Курган не мог понять, что же он держит в руках. Зато, очевидно, это хорошо понимал гэргон. Нечто было черным и сухим, как обгоревшие кхаггуны. Однако предмет казался в пять раз больше любого из них, будучи одновременно легким, как сноп гленнана. Больше всего находка напоминала существо, скрючившееся в позе эмбриона. Голова, если ее можно было так назвать, выглядела непропорционально великой для остальной части окоченевшего тела.

— Как же это случилось? — вслух спросил Нит Батоксс.

Курган подметил еще одну деталь. Кем бы или чем бы ни было найденное существо, к классу двуногих оно не принадлежало. Это регент видел и без разъяснений гэргона. Ясно, это не кундалианин и не в'орнн. Что же тогда остается?

За спиной правителя изображение Нита Батокссса нервно сжало кулаки.

— Есть только один-единственный вариант, — шептал он, будто не замечая Кургана. — Дар Сала-ат!

Цистерна стояла в восьмиугольном дворе, заваленном щебенкой. Вокруг высились серые мрачные стены с хмурыми гранитными горгульями, лица которых смотрели внутрь. Рельефные мышцы скульптур были напряжены, словно фигурки готовились броситься на любого, кто осмелится посягнуть на их территорию. По обеим сторонам двора тянулись крытые арочные переходы. Ни деревца, ни травинки не росло в утрамбованной грязи.

Все это зрение Рианы зафиксировало в считанные доли секунды, до того, как она начала ритмично нажимать на грудную клетку Элеаны. Из рта девушки хлынула вода, стекая струйками по губам, и все же она не зашевелилась. Риана стерла капельки дождя с лица и попыталась выбросить из головы образ мертвого Реккка. Прочитав молитву на языке Венча, она нагнулась над Элеаной, сжала пальцами нос и начала с силой вдвухать ей в рот воздух. Девушка дула без остановки, не давая страху и отчаянию полностью овладеть ее существом.

Именно на скользком борту цистерны, где сейчас лежала Элеана, закончилось их мучительное путешествие под водой.

Риана вслушалась. Ребенок был жив, она чувствовала его ауру, силу и что-то еще. Возможно, частичку будущего, в котором мальчику придется сражаться с собственными демонами. В нем бурлила кровь Стогггулов, выдвигая собственные требования. В физическом облике ребенка было нечто необыкновенное. Хотя что именно, Риана определить не могла. Однако он будет выглядеть иначе, чем Стогггулы, которые появлялись на свет до него. Сквозь мощную призму Осору девушка видела: талант мальчика может служить как добру, так и злу. В любом

случае он родится и проживет всю жизнь под знаком Перемен. Промелькнув в усталом мозгу Рианы, мысли о ребенке исчезли, потому что Элеана начала биться в конвульсиях.

Третьим глазом Риана чувствовала тонкую и хрупкую мембрану, отделявшую ребенка от смерти. Плод медленно исторгался из живительной материнской утробы. Травм, которые только что перенесла Элеана, вполне хватало, чтобы потерять ребенка. Риана понимала, что если она промедлит, то произойдет выкидыш. И всего за несколько секунд любые следы Кургана Стоггула исчезнут из организма Элеаны и ее собственной жизни! На миг злость Аннона Ашеры на то, что сделал с Элеаной Курган, опалила девушку раскаленным пламенем, выжигая остатки здравого смысла.

Риана взяла себя в руки, призвав всю свою сознательность. Она наложила Житницу Земли, самое сильное заклинание из своего небогатого арсенала. Риана не знала всех свойств этого заклинания, не знала, поможет ли оно в конкретном случае Элеаны. Ей оставалось верить, что это лучше, чем ничего. Она направила заклинание на тело Элеаны и почувствовала, как его сила нежно баюкает измученную девушку.

Внезапно Элеану перестали бить конвульсии, плод успокоился, его сердце забилося ровнее.

И все же Элеана не пришла в сознание. Глубоко вздохнув, Риана прижалась губами к уху спутницы.

— Не сдавайся же! — пылко шептала она. — Борись, не сдавайся!

Ответа не последовала. Элеана едва дышала, а ее сердце бешено билось.

Риана усилила действие врачующего заклинания, снова фокусируя его действие на Элеане. О собственной усталости она позабыла, о страхе тоже, стремясь спасти подругу.

— Я не позволю тебе сдаться, Элеана! Я слишком тебя люблю и не дам умереть! Я пойду за тобой к самым воротам Н'Лууры, если...

Вздвогнув, Элеана сделала глубокий вдох и кашлянула. Риана осторожно поворачивала голову Элеаны из стороны в сторону. Из рта девушки вылились остатки воды. Грудь поднялась и через секунду опустилась.

— Хорошо! Хорошо!

Риана слушала, как бьется сердце Элеаны — с каждой минутой все сильнее и ровнее. Сердце кундалианки билось в унисон с сердцами ребенка-в'орнна. Риана поднялась и, пробежав по заброшенному двору, стала рыться в кучах мусора и много лет не очищаемых урнах. Наконец она нашла кусок паруса. Он казался довольно жестким и грязным, но Риана была довольна и этим. Вернувшись к цистерне, она обернула Элеану парусом и перенесла под арку, где было посуше. Опустившись на колени возле Элеаны, Риана почувствовала, как действует Житница Земли: благодаря заклинанию дыхание девушки постепенно приходило в норму.

Итак, Риану снова спасли тренировки по скалолазанию. У нее, шестнадцатилетней кундалианской девушки, в душу которой магическим способом имплантировали сознание Аннона, была амнезия. Она не помнила ни родителей, ни деревню, в которой родилась и выросла. И тем не менее Риана твердо верила, что родилась высоко в горах Дьенн Марр. Иначе как объяснить ее успехи в альпинизме и легкое привыкание к высокогорному климату? Откуда взялись эти внезапные обрывки воспоминаний, в которых всегда были горы?

Наблюдая, как дышит Элеана, Риана в очередной раз поймала себя на том, что поражена собственным обликом девушки. Дисгармонию порождало то, что, несмотря на биологические потребности Рианы, перешедшая к ней любовь Аннона не ослабела ни на йоту. Она понятия не имела, что делать с этим чувством к Элеане. Риану лишь восхищала огромная и всепоглощающая сила любви, которая побеждала половые и видовые различия и даже смерть. Техномагия гэргонов меркла в сравнении с мощью любви.

Элеана была так красива, что Риана не смогла удержаться. Уступив зову плоти, она опустилась рядом с Элеаной и прижалась к ее полураскрытым губам. Тут же почувствовав ее тепло и запах, отдающий ароматами ромашки и корицы, Риана на секунду положила голову на влажный изгиб шеи спутницы. Запах волос Элеаны пьянил и сводил с ума.

Они долго лежали в этой позе, которая казалась Риане воплощением гармонии. Ей казалось, что весь Космос существует

отдельно от них. Наконец она села и, взяв в руки ладони Элеаны, стала греть их теплом дыхания.

Дождь печально стучал по наклонным крышам галереи. На карнизе чирикали птицы и серьезно разглядывали беглянок. Риана поднялась и немного прошлась по галерее, пытаясь понять, где они находятся. Кажется, они все еще в северном квартале Аксис Тэра. В этой части города Аннон не бывал.

Что это за здание? Оно выглядело огромным и отталкивающим. Гротескные фигуры на вершине зубчатых стен могли быть сделаны только рукой кундалианского скульптора, но эти чудища не имели с кундалианами ничего общего. Особенно поражали престранные лица — будто к головам кундалиан присоединили звериные морды.

— Необычные фигуры, правда?

Риана испуганно вздрогнула. Из-за скрытой за грудой ящиков двери появился низкорослый, очень полный кундалианин. Волосы у него были необыкновенно густыми даже для уроженца Кундалы.

— Я звала на помощь, — обратилась к нему Риана, — почему вы не отвечали? Нам нужна была помощь!

Кундалианин прищурился и стал похож на одну из горгулий на парапете. У него был высокий выступающий лоб, маленький, испещренный прожилками нос, губы, красные словно зимний закат. Волосы стояли дыбом, будто от гиперактивного ионного заряда. Блекло-зеленый костюм был слишком ему велик. К тому же пришелец постоянно дергал себя за рукава, отчего они вытянулись до самых кончиков заскорузлых пальцев.

— Помощь еще нужна?

— Нет, мы справились сами.

— Так что же у вас случилось? — Кундалианин сильно хромал, одна нога казалась короче другой. — Что вы здесь делаете? — спросил он с подозрением. — Музей давно закрыт.

— Музей? Так это музей?

Кривоногий кундалианин кивнул.

— Он закрыт уже много лет.

— Тогда что здесь делаете вы?

— Вообще-то я — зритель, — ответил он. — Хотя вас это совершенно не касается.

— Меня зовут Риана, а это — Элеана.

— Вы ведь чуть не утонули в моей цистерне! — Прищурившись, он смотрел на девушку сквозь капли дождя. — Как вы сюда попали?

Риана закусила губу — она не знала, можно ли доверять зрителю.

— Нам пришлось спасаться бегством. За нами гнались кхаггуны.

— Ага! — Лицо зрителя расплылось в улыбке и моментально преобразилось. Он протянул похожую на лапу руку. — Меня зовут Миннум, я в основном занимаюсь прошлым. Вот так. — Риана почувствовала, что его ладонь покрыта волосками. — Сейчас я не занят, как вы уже заметили. — Кундалинин прищурился. — Не то чтобы работы было много с самого начала...

— Это в'орнны закрыли музей?

— В'орнны! — Миннум оглушительно рассмеялся. — Да музей до сих пор существует только благодаря в'орннам, разрази меня гром. И особенно постарались двое из них.

— Кто же именно? — полюбопытствовала Риана.

— Ну, вообще-то мне нельзя говорить... Они держат это в тайне. Во всяком случае, так они мне сказали. — Лицо Миннума помрачнело. — Хотя один из них уже мертв. Печальная история. Погиб в самом расцвете сил, сражен подлой вражеской рукой. А другой... — Он снова тяжело вздохнул. — Разрази меня гром, но и другого я не видел уже около месяца. Очень странно, ведь раньше мы встречались почти каждый день! — Прищурившись, он пристально посмотрел в сторону Рианы. — Так как вы попали в цистерну?

— Мы спасались от кхаггунов.

Зритель проникательно взглянул на Риану.

— Бьюсь об заклад, вы не друзья нового регента.

— Он изо всех сил старается нас поймать.

Миннум кивнул.

— Я презираю его, этого Стоггула. Он такой же притворщик, как и его презренный отец. Знаете, ведь это его папаша приказал убить Элевсина Ашеру. Да, именно он. — Миннум сделал паузу, чтобы посмотреть, как отреагирует на это имя

риана. — Ты ведь слышала об Элевсине Ашере? Он когда-то был регентом.

Риана кивнула, не решаясь произнести ни слова.

— Ну, Элевсин был одним из двух в'орннов, которые спасли музей от бандитов и мародеров. Он любил бродить здесь среди экспонатов. Хоть он и был в'орнном, у него оказался такой замечательный характер! Всегда слушал мои рассказы. Кажется, его правда интересовала кундалианская история.

Элевсин никогда не рассказывал Аннону о своем увлечении.

— Как же ему удавалось проводить здесь так много времени?

Миннум ухмыльнулся.

— Я сам его об этом спрашивал. — Он почесал нос и стал рыться в карманах. — Знаешь, Элевсин мне кое-что подарил, своего рода сувенир. Теперь, когда его убили, я вдвойне счастлив, что получил его, — Миннум достал кусок какого-то сплава, величиной и формой напоминающий слезу, — но это всего лишь безделушка.

Он повертел безделушку в руках, и Риана едва не задохнулась от волнения — перед ней стоял Элевсин Ашера, таким, каким его запомнил Аннон: одетый в белые обтягивающие брюки, золотую сетчатую блузку и белый с золотой оторочкой пиджак до пояса. В пронзительных глазах регента Риана тут же заметила отражение лица Аннона, такого, каким он когда-то был. По телу пробежала легкая дрожь, и сердце заболело от того, что она увидела его снова — гордого и величавого, символ Консорциума Ашеров.

— Ты готова поклясться, что видишь его, ведь так? — спросил Миннум. Он завертел блестящей капелькой быстрее, и Элевсин начал ходить. — Кажется, что он дышит и находится рядом с тобой. Это голографическое изображение — достижение техномагии гэргонов. Откуда у Элевсина эта штуковина, можно только гадать. Но он ею пользовался, чтобы приходить сюда. — Смотритель музея оценивающе поднял голову. — Отличная вещица, хоть и далеко не идеальная. В ней имеется изъян, тот же, что и у голографических изображений гэргонов. Какой именно, я не скажу. Попробуй догадаться сама.

Заставив себя сосредоточиться, Риана прошла рядом с голограммой.

— Наверное, мне нужно понаблюдать за ним подольше.

Голограмма Элевсина Ашеры опять начала двигаться, и тут Риана догадалась.

— Его ноги не касаются земли.

— Да, совершенно верно. — Миннум был очень доволен. — Я спрашивал об этом самого Ашеру, и он ответил, что атмосфера Кундалы как-то препятствует ионным вспышкам. Гэргоны, конечно, пытались наладить работу механизмов, но у них ничего не вышло.

Миннум щелчком выключил голограмму и спрятал слезинку в карман.

— Так или иначе, Элевсин Ашера был не единственным из в'орннов, кто живо интересовался кундалианской историей. Сюда приходил даже гэргон. Нит Сахор. Но, думаю, такой малышке, как ты, неизвестно...

— Я встречалась с Нитом Сахором, — возразила Риана. — Он умер месяц назад, именно поэтому...

— Нит Сахор умер? — Брови Миннума сгустились, словно снеговые облака. — Отродясь не слышал более наглой лжи! Если бы гэргон умер, я бы об этом знал. У меня есть Дар, и говорю тебе, Сахор еще жив.

— У вас есть Дар? — возбужденно переспросила Риана. — Вы умеете колдовать?

— Равного мне не сыщешь на всей Кундале! Если, конечно, не считать техномагов... Впрочем, их я в расчет не беру. — Миннум искоса взглянул на Риану. — Если бы таких, как я, было больше, мы бы называли себя *сефирорами*.

— «Сефирум» — это слово из языка Венча, — быстро ответила Риана. — Оно означает «Тайное общество».

Миннум почесал небритую щеку.

— Откуда такая крошка могла об этом узнать?

— Трудно сказать, — отозвалась Риана.

Смотритель музея изучал Риану долго и внимательно, а затем негромко усмехнулся.

— Давай забудем все сказки про сефироров и невероятно умных девочек, ладно? Кстати, мне пора готовиться к следующему визиту Нита Сахора.

— Говорю же, Нит Сахор умер.

Миннум сердито посмотрел на нее.

— Почему ты твердишь об этом?

— Мои друзья видели, как его убили, а тело сожгли.

— И это твое доказательство? — насмешливо спросил Миннум. — Что для гэргона тело, скажи мне? Абсолютно ничто! Я никогда не видел Нита Сахора в одном обличье дважды. Как тебе кажется, в скольких ипостасях он сюда являлся? — Смотритель растопырил короткие, покрытые пятнами пальцы и начал считать. — Так, дай вспомнить...

— Когда я его видела, он был тяжело ранен.

Миннум отреагировал на удивление спокойно.

— Тем не менее он не умер. Если бы такое случилось, то я бы знал.

— Откуда?

— А откуда ты знаешь, что сейчас день?

— Глупый вопрос, — пробормотала Риана.

— Не глупее твоего, — парировал Миннум. Он показал на горгулий. — Скажи, какие они?

Риана посмотрела наверх.

— Они... страшные.

— Правильно, — похвалил Миннум.

— А какими же еще они могут быть?

— Может, кошмарными? Напоминающими о зле, которое таится внутри каждого из нас?

— Не верю.

— Просто ты слишком молода, чтобы это понять. Дело в том, что в нас живут добрые и злые импульсы. Каким из них следовать — личный выбор каждого. — Миннум сплюнул в дождь. — Расскажу тебе кое-что. Эти горгульи сделаны из камня, который не встречается нигде на Кундале.

— Похоже на обычный гранит.

— Да, если не знать того, что он в два раза плотнее и в три раза тяжелее. Внутри фигурок имеются прожилки неизвестного металла и вкрапления кристаллов, образовавшиеся под воздействием очень высоких температур. — Смотритель искоса взглянул на Риану. — Думаю, это метеориты. Одной Богине известно, что за инструменты использовали мастера.

— И все равно они ужасны.

— Забавно, но они очень нравились Ниту Сахору. А когда давно, задолго до появления в'орннов, эти горгульи пугали саму Богиню.

— Ерунда какая-то! — воскликнула Риана. — Ведь это же музей!

— Это Музей Ложной Памяти, — пояснил Миннум. — За долгие годы я смог понять, что большей части населения лучше не знать, что здесь хранится.

— Как это понимать? — спросила Риана. И в этот же самый момент она услышала, как ее зовет Элеана. Обернувшись, девушка увидела, что Элеана села, а секундой позже заметила — Миннум исчез. — Иду! Уже иду!

Риана поспешила к подруге, но на полпути ей послышался голос Миннума, который прошелестел: «Ты ведь еще вернешься, правда?»

— Где мы? — Лицо Элеаны осунулось и побледнело. — Мы погибли?

— Нет, Элеана, мы живы.

— Какое ужасное место... я думала... возможно, мне только показалось... — Она тяжело глотнула. — Я была уверена, что мы утонули.

— Так почти и случилось. Как ты себя чувствуешь?

— Сильно устала, замерзла, но, кажется, все в порядке, — вздохнула Элеана. — Ты спасла моего малыша. — Она положила руки на живот. — Чувствую, как он шевелится. О!.. — рассмеялась Элеана, и щеки тотчас порозовели. Она взяла ладонь Рианы и положила ее себе на чрево.

Риане показалось, что от желания она сейчас лишится чувств.

— Он плавает, изо всех сил работает ножками. Наверное, знает, что я тоже плыла, и все еще старается помочь. — Элеана взяла в руки ладони Рианы и поднесла к губам. — Спасибо, Дар Сала-ат.

Даже в таком тусклом свете было видно, какая гладкая у Элеаны кожа. Воспоминания о первой встрече Аннона с Элеаной, когда они с Курганом прятались в сэсальной рощице и подглядывали, как она купается в ручье у подножия Аксис Тэра, все еще жили в памяти Рианы. Она прекрасно помнила водопад темных волос и плавный изгиб бедер, которые по-

стоянно будоражили ее воображение и лишали покоя. Риана отвернулась, устыдившись поцелуя, который она тайком сорвала с нежных губ Элеаны.

— Только бы с ребенком ничего не случилось, только бы с ребенком ничего не случилось, — скороговоркой повторяла Элеана.

Дождь барабанил по крыше, заливал карнизы, застилая двор серой пеленой. По земле извивались быстрые ручейки дождевой воды. Ветер окреп и с оглушительным свистом обрушился на дворик.

Внезапно Риану вновь охватил леденящий ужас, она дрожала так сильно, что у нее начали стучать зубы. Порывистый ветер пробирал насквозь.

— Иди сюда, — позвала Элеана. — Зачем мокнуть под дождем?

Она распахнула грязный кусок паруса и, притянув к себе Риану, обмотала ткань вокруг их обеих.

— Ты замерзла, — пробормотала Элеана. — Обними меня, так ты согреешься быстрее. — Их тела прижались друг к другу, и Элеана положила голову на плечо подруги. — Знаешь, когда я приходила в себя, случилось что-то странное. Мне казалось, что я слышу голос Аннона, будто он стоит возле меня. Правда, странно? Хотя, может, и нет. Конечно же, я понимаю, что он умер. И все-таки почему-то иногда... — На секунду она притихла, собираясь с мыслями. — Может быть, дело в вере. Я верила Аннону — он много раз доказывал, что у него доброе и чуткое сердце. А ведь нас учили, что когда в кого-то веришь и отдаешь частицу самой себя, то в другом человеке зажигается искра. Именно так у меня и было с Анноном. Дар Сала-ат, можешь считать меня душой, но иногда кажется, что Аннон не умер, что он где-то далеко и однажды вернется ко мне.

Риана дрожала всем телом.

— Я вовсе не считаю тебя душой, Элеана, — приглушенным голосом проговорила она. Риана едва дышала, а грудь будто сжало тисками.

— Моя любовь к нему пылает, словно огонь.

Губы Рианы изогнулись, как для поцелуя. Она чувствовала, что слова признания теснятся в горле, требуя выхода нару-

жу. Риана заставила себя отстраниться и огромным усилием воли подавила раздражающие душу чувства.

— Что случилось? — спросила Элеана. — Дар Сала-ат, я чем-то обидела тебя?

— Нет, конечно же, нет.

Внезапно увидев, что сверху на стене что-то движется, Элеана испугалась. Сначала ей показалось, будто ожила одна из жутких горгулий. Потом они с Рианой различили быстро машущие крылья — прямо на них летела какая-то яркая птица.

— Смотри! — закричала Элеана. — Это тэй!

В самом деле, одна из пестрых четырехкрылых птиц, которых разводили гэргоны, летела в их сторону. Вряд ли тэй разглядел беглянок под галереей, и уже совсем невероятным казалось то, чтобы эта птица чего-то от них хотела. Тем не менее тэй спускался прямо к ним.

Теперь Риана увидела — птица несет что-то в клюве. Подлетев поближе, тэй выронил небольшой плотно запакованный сверток, что-то прочирикал и улетел прочь.

Упав на землю, сверток покатился прямо под ноги Риане, которая несколько секунд тупо на него смотрела, а затем подняла. Сверток почти ничего не весил. Риана перевернула его — гладкая поверхность была черного цвета, а по середине проходил тонкий серебряный волосок.

— Как ты думаешь, что это? — спросила Элеана, тотчас насторожившись.

— Не знаю, — ответила Риана, — меня лишь интересует этот тэй.

— Это игрушка гэргонов, — предупредила Элеана. — Помни, у Нита Сахора было много врагов. Может, они нас отыскиали.

Риана покачала головой.

— Если бы они знали, где мы, то, без сомнения, давно бы притащили в Храм Мнемоники. — Она потянула за волосок. — Я его открою.

— Дар Сала-ат, не думаю, что это будет...

Слишком поздно! Риана уже дернула за волосок. Они ничего не услышали, зато почувствовали, будто что-то лопнуло, и сверток быстро раскрылся. Причем не просто раскрылся, но и стал многократно увеличиваться в размерах.

— О богиня Миина! — прошептала Элеана.

Да и что еще можно было сказать? Перед ними во всем своем волшебном великолепии лежало огромное серое пальто Нита Сахора.

8

ПЕПЕЛ

Однажды Курин показал Кургану ракушку. Снаружи она была абсолютно непримечательной — что-то жесткое, изогнутое, покрытое наростами и наплывами, невыразительного серого цвета. Но когда ее раскрыли, внутренняя сторона оказалась волнистой, нежного, словно утренний рассвет, розового цвета, шелковистой, с глубоким молочным отливом, сияющей сотней крошечных радуг.

Примерно такое же зрелище открывалось перед Курганом сейчас, у главного входа в Храм Мнемоники. Всего в нескольких шагах осталась угловатая передняя, которую стерегли кхаггуны в черно-серой форме службы охраны. На улице лил дождь, тяжелые капли били в узкие длинные окна из хрусталя. Регент будто попал в совершенно иное место, словно в ту самую ракушку, как ему показалось. Так или иначе, Курган теперь входил в самое логово гэргона, как и хотел Нит Батокссс, призывая правителя.

Окумммон регента, полусинтетический бионический имплантат, подавал сигнал, едва только его хотел видеть Батокссс. Впрочем, такую связь поддерживали между собой все гэргоны. Разница состояла в том, что окумммон, первоначально предназначавшийся Кургану, Нит Батокссс сделал особенным.

Спускаясь по коридору — длинному узкому помещению неопределенной формы без единого источника освещения, — Курган невольно вспомнил разговор с Анноном Ашерой, его лучшим другом, которого он сдал звезд-адмиралу Кинннию Морке. Обезглавленное тело Аннона привезли в Аксис Тэр и передали отцу Кургана, занимавшему в ту пору пост регента.

Друзья охотились на многоножек, и Аннон заявил, что ненавидит окумммон за то, что аппарат подчиняет его другой касте. Курган же сказал, что Аннону следует гордиться окумммон. Ведь таким образом его причислили к касте избранных. Какой смысл всю жизнь прозябать среди рядовых в'орннов?

Но с тех пор, как Курган понял, что Нит Батокссс — не кто иной, как Старый В'орнн, его доверенный воспитатель, тайком готовивший его к регентству, с тех пор, как Нит Батокссс заставил его присягнуть на верность гэргонам, с тех пор, как ему имплантировали особенный окумммон, правитель понял, что Аннон был прав. Нейронная сеть гэргонов превратила его в раба.

Каждую ночь Курган просыпался от ужасного зуда в левом предплечье, унять который было невозможно. Сколько раз он сидел, свесив ноги с кровати с треугольным кинжалом, подаренным Старым В'орнном, в руках, сколько раз он обещал себе, что вырежет эту жуткую игрушку из собственного тела! Регент так и не исполнил задуманного, хотя острое лезвие не раз надрезало кожу. Останавливала вовсе не трусость, а осторожность и расчетливость. Кургану не хотелось будить подозрения Нита Батокссса. Ведь правитель мечтал не только уничтожить именно этого гэргона, обманувшего доверие регента, но и контролировать все Товарищество, так же как оно контролировало в'орннов.

И все же Курган старался не думать о своих замыслах сейчас. Каждое Призывание было серьезным испытанием. Каждый раз оно превращалось в сложный экзамен, а не просто в ответы на вопросы, которые и без того были непростыми. Гэргоны великолепно умели запугивать. Иногда Ниту Батоксссу удавалось проникать в мысли регента и выведывать самое сокровенное. (За это умение Курган охотно отдал бы левую руку!) Потом гэргон предъявлял узнанное Кургану. Скорее всего, чтобы узнать, из какого теста правитель, легко ли им манипулировать, можно ли загнать в угол.

Спускаясь дальше по коридору, Курган про себя улыбнулся. Наверняка Нит Батокссс удивлен: регент ничего не боится. Ничего и никого, даже самого гэргона.

Внезапно ему послышался какой-то звук, точнее, легкий шелест ветра в верхушках сэсаловых деревьев. Хотя нет, звук был ритмичнее, как шум волн, бьющихся о борт корабля. Не

успел регент об этом подумать, как оказался на покачивающейся палубе корабля. Курган огляделся. Он был в открытом море, на горизонте — ни признака земли. Небо цвета лазури, яркое солнце превращало вершушки волн в сверкающие ятаганы. Над регентом поскрипывали деревянные мачты и перекладыны, раздавалось похлопывание мокрых снастей и шуршание надутого паруса.

— Добрый день!

Обернувшись, Курган увидел саракконского капитана Куриона в сапогах из шагреновой кожи. Моряк твердо стоял на палубе и улыбался. Они познакомились с Курганом на каллистоте. Хотя в первый же день знакомства Курион полез в драку, он и правитель расстались добрыми друзьями.

— А где экипаж? — спросил Курган.

— На корабле нет никого, кроме нас с вами, — ответил Курион. — Рад видеть вас снова, дружище. Все хотелось спросить, что же вы не пригласили нас на Перевоплощение? Вы что, стыдитесь дружбы с саракконами?

Курган на секунду задумался.

— Хорошо, Нит Батокссс, — ответил он наконец, — признаю, представление меня впечатлило. Только не надо думать, что я стану играть в твои игры. Просто кажется, что...

Внезапно сильнейший порыв ветра надул паруса, корабль накренился, а застигнутый врасплох Курган зашатался, потерял равновесие и полетел за борт. Он упал в океан на глубину примерно четырех метров. Все случилось так быстро, что регент даже не успел сориентироваться. Холодная вода оглушила его, словно сотня кулаков. Едкая, соленая, она попала в рот и нос, Курган начал задыхаться. Он убеждал себя, что все это лишь искусная имитация, а не реальность, что он даже тонет не по-настоящему, но почему-то легкие отказывались верить. Сомнений не было: регент тонул. Пусть все это театр, да только умирает-то он по-настоящему...

Курган заработал ногами, выталкивая себя на поверхность. Засмотревшись на кривоватое отражение солнечного диска, он увидел всплеск. Рядом с ним что-то упало в воду. Веревка!

Барахтаясь еще интенсивнее, регент схватился за конец веревки. Несколько сильных рывков, и канат потянули вверх. И правителя вместе с ним.

— Как рыба в сети! — воскликнул Курион, едва Курган, кашляя и отплеываясь, показался на поверхности воды. — Держись крепче.

Сараккон заработал лебедкой, и промокший, перепачканный, задыхающийся Курган стал подниматься над поверхностью воды. Когда он поравнялся с бортом, Курион схватил регента за пояс и перекинул через борт на палубу. Курган сидел, прижав колени к груди, чихая и отплеываясь морской водой.

Он вытирал ладонями глаза, а Курион присел возле него на корточки.

— Что, достаточно убедительно?

— Скажи мне одно, — попросил Курган, заглядывая в светлые глаза моряка, — я и правда мог утонуть?

— Да, — равнодушно ответил Курион, играя подвесками из лазурита и нефрита на длинной бороде. — В любом случае все мы когда-нибудь умрем.

— За исключением тебя, гэргон.

Курион нахмурился.

— Вы точно путаете меня с кем-то, друг мой.

— Да хватит тебе, — грубовато проговорил Курган. В глубине души он понимал: окружающее — прекрасно поставленный спектакль гэргона. И все же море выглядело так естественно... — Ты должен был показать мне воплощение моих страхов, Нит Батоксс, — стараясь не поддаваться панике, произнес Курган. — А я не боюсь воды. Так что ты ошибся, и я одолел тебя в игре в иллюзии.

Фигура Куриона побледнела и исчезла, на его месте появился Нит Батоксс.

— Тем не менее этот образ создан путем манипуляции гиперактивными ионами. И не моего тела, а *твоего*. Это образ — часть твоего сознания.

— Что? Еще одна ложь гэргона? Не верю, что ты можешь читать мои мысли.

— Ну, все не совсем так. Просто окумммон обеспечивает бесперебойную связь между нами и позволяет мне Призывать тебя, когда захочется. Подобным образом происходит общение со всеми регентами. Призывая их, гэргоны показывают правителям воплощение их страхов. Даже тем, — его губы ра-

стянулись в ледяной улыбке, — кто считает, будто вообще ничего не боится.

— И это ты называешь страхом? Говорю же, я не боюсь утонуть.

— Тебе следует бояться совсем другого, — вздохнул Нит Батокссс, — и занятно, что ты до сих пор не можешь понять, чего именно.

— Я устал от гэргоновских загадок.

— Любопытно устроен твой мозг! Признаюсь, не встречал ничего подобного. — Нит Батокссс вытянул вперед руку в перчатке, и у Кургана заслезились глаза. Когда все прошло, регент вновь находился в комнате без единого окна в Храме Мнемоники.

— Твое честолюбие не знает предела, именно это я и использую. — Нит Батокссс неприятно осклабился. — Отчасти поэтому я поддержал твою кандидатуру на пост регента и устранил всех гэргонов, которые возражали.

— Что ты имеешь в виду? — Сердце Кургана едва не остановилось. — Ты убил тех гэргонов?

— Масштабы моей власти выше твоего понимания. — Гэргон снова заговорил тем жутким бесплотным голосом, от которого Курган бросало в дрожь.

Регент промолчал, он просто не знал, что ответить. Правитель не мог решить: говорит ли Нит Батокссс правду или он невменяем. До Кургана наконец дошло, что у гэргона, судя по его поступкам, раздвоение личности.

Нит Батокссс заскрипел зубами.

— Пойми же, *регент*, без моей непрерывной поддержки ты не усидишь на своем посту. А поддержка эта зависит от твоего понимания того, кто командует, а кто подчиняется. — Улыбка техномага была холодной и расчетливой. — Конечно, тебе, Стоггулу, понять это непросто, и иногда мне кажется, что и вовсе невозможно. Но я поставил на тебя слишком много, Курган Стоггул. И поэтому прослежу за тем, чтобы ты это осознал, можешь мне поверить. — Батокссс поднял палец. — Гэргоны не любят давать советы, но я, кажется, неисправим. Это признак странной привязанности к тебе. Так что в следующий раз слушай внимательно то, что я скажу. Честолюбие опасно, оно

может незаметно овладеть сознанием. — Гэргон схватил Кургана за руку и постучал по окумммону. — И еще кое-что. Если ты решишь злоупотребить властью, данной тебе Товариществом, я легко узнаю. И уничтожу тебя без промедления!

Курган изумленно смотрел на Нита Батокссса. Гэргон блефовал, он не мог догадаться, что регент мечтает подчинить себе Товарищество. Курган тут же приказал себе успокоиться и в присутствии гэргона изображать преданного слугу.

Правитель кивнул.

— Я изо всех сил постараюсь держать честолубие под контролем, Нит Батокссс.

Не многим в'орннам довелось услышать смех гэргона. Звук был непередаваемый. Кургану показалось, будто ему натирают песком кровоточащие раны. В животе тут же образовался комок.

— Ты и я связаны крепче, чем тебе кажется, — проговорил Нит Батокссс. — Кундала, планета, которую мы покорили, погибнет, но не так, как ты думаешь. А ведь именно ты и я обречем ее на смерть...

Так же быстро, как когда-то в город, длинное пальто Нита Сахора перенесло их с Элеаной обратно в монастырь Теплого Течения. Риана считала, что пальто состоит из полусинтетической нейронной сети, но как именно одеяние работало, она не знала. Не понимала Риана и того, как пальто чувствует, куда их нужно переместить. Она с ним не говорила и не общалась каким-то иным способом. Риана просто обернула его вокруг себя и Элеаны так, как показывал Нит Сахор в ту роковую ночь, когда она в отчаянии перенеслась в город, чтобы найти Кольцо Пяти Драконов в пещерах под регентским дворцом. Едва пальто сомкнулось вокруг их тел, как Риана почувствовала, что перемещается и падает. Когда полы пальто распахнулись, они стояли в монастырском лазарете.

Девушка держала Элеану под руку и, как только они прибыли, помогла ей опуститься на древнюю, покрытую подушками каменную койку. Элеана была еще очень слаба и испытывала постоянное головокружение. Риана принесла ей воды.

Лишь когда Элеана опустошила кубок, они поняли, что в лазарете есть кто-то еще. В противоположном конце комнаты

на каменной плите среди подушек лежал Реккк Хаҗилар. Над ним склонилась Тигпен, поддерживающая передними лапами голову воина, а над ужасной раной в груди, там, где Реккка коснулись челюсти Тзелоса, парил тэй. Четыре крыла работали столь быстро, что слились в одно неясное пятно.

— Как Элеана?... — начала было Тигпен.

— Отдохнет, и все будет в порядке, — устало ответила Риана и, чтобы предотвратить дальнейшие вопросы, добавила: — Долго рассказывать.

— Хорошо, что вы обе вернулись, — коротко сказала Тигпен. — Дар Сала-ат, возьми, он больше не может находиться в теле умирающего. Пожалуйста, забери его.

Риана вытащила моноккул из горла Тигпен и вернула его на место.

Трепещущие крылышки тэя создавали в лазарете нечто вроде гармоничного звучания. Словно под воздействием чистейших звуков, извлекаемых камертоном, в воздухе образовалось то, что Риана могла описать как волну. Она ее не видела, но могла слышать и, что еще важнее, чувствовать; каждая кость ее тела вибрировала с оптимальной частотой. Риана давно не чувствовала себя так хорошо и, взглянув на Элеану, поняла — та испытывает то же самое.

Вдруг пальцы Элеаны впились в ее руку, и она увидела, как что-то густо-черное появилось из-под крыльев тэя. Сначала это был круг, потом ромб, потом овал и под конец — трапеция. Легкий хлопок, и трапеция начала расширяться, точно так же, как пальто Нита Сахора в Музее Ложной Памяти. Словно вторая кожа, трапеция меняла цвет — сначала из черной превратилась в прозрачно белую, а затем приобрела рыжеватый оттенок, как тело Реккка.

— Ты тоже можешь устроиться поудобнее, — с некоторым облегчением сказала девушке Тигпен. — С Реккком придется повозиться.

Риана принесла себе стул и заставила Элеану прилечь на койку. Сначала подруга сопротивлялась — у нее было сердце воина, и, увидев, как сильно ранен Реккк, она разволновалась. Но потом сильнейшее утомление и страх за ребенка заставили ее прилечь.

Тэй внезапно перестал бить крыльями и, отщипывая крошечные кусочки от новой «кожи» Реккка, начал перемещать их по телу. Риана поняла, что делает птица, — она перестраивала нейронную сеть, натянутую на рану Реккка, преобразовывая ее согласно индивидуальным особенностям тела. Отец Аннона, Элевсин Ашера, рассказывал ему истории о чудесах врачевания гэргонов. Истории были удивительными, и Аннон приходил в восторг. С другой стороны, они казались столь невероятными, что Аннон заподозрил — отец придумывает их сам. Теперь одна из подобных историй разворачивалась перед глазами Рианы, и она поняла, что Элевсин ничуть не преувеличивал.

Нейронная сеть начала пульсировать, как живая, а грудная клетка Реккка стала подниматься и опускаться. Тэй запел красивую ранящую душу песню, а на поверхности нейронной сети появились отметины. Следы отметин тянулись через всю поверхность раны. И что самое удивительное — казалось, будто тэй манипулирует невидимыми зондами и другими инструментами.

Во время перемещения в монастырь пальто каким-то образом отогрело беглянок и высушило их одежду. Однако Риана чувствовала себя очень грязной, но знала, что не уйдет из лазарета, пока не убедится — жизнь Реккка вне опасности.

Сидя рядом с Элеаной, Риана не могла отвести от подружки глаз. Ей было неловко от незадаанных вопросов, брошенных тайком взглядов и слов. Мозг лихорадочно работал. Как вести себя с Элеаной? Как скрывать страсть и любовь, которые росли с каждым днем?

— Ты думаешь, это та же птица?

— Что? — Голос Элеаны вырвал Риану из плена нерадостных мыслей.

— Тэй. — Элеана повернулась и посмотрела на девушку пристальнее. — Думаешь, это та же птица, что принесла нам пальто Нита Сахора?

— Да, — ответила Тигпен.

— И как же так получилось?

— Это же тэй, милочка. — Тигпен внимательно следила за ходом операции. И мелодия, и тональность песни изменились. Склонившаяся над Реккком Тигпен держала его голову средними лапами, а передние лежали на груди.

Внезапно Риана поняла, что Тигпен реагирует на песню тэя, — каким-то образом они общались. Риана поднялась и встала рядом с раппой.

— Осторожно, — предупредила Тигпен.

Риана почувствовала напряжение, которое словно бурный поток омывало тело Реккка.

— С каких это пор раппы считаются экспертами в общении с четырехкрылыми птицами гэргонов? — спросила она.

— Видишь, какова Дар Сала-ат, Элеана, — проговорила Тигпен. — От нее ничего не скроешь.

— Но она права, — мягко заметила Элеана. — Откуда тебе известно про тэя?

— Ответ прост — мне ничего не известно. — Глаза Тигпен странно блестели. — Просто за последний месяц я подружилась с этой птицей.

— Подожди! — приподнялась на локте Элеана. — Помню, как на похоронах Нита Сахора в вершинах деревьев я видела вспышки яркого света — красного, зеленого, синего, золотого. — Элеана опустила голову. — Это был тэй, Тигпен? Это был именно этот тэй?

Тигпен растерянно кивнула.

— Значит, я не ошибаюсь, это очень особенный тэй?

Раппа подняла голову, ее глаза горели.

— Вокруг много сильных врагов, — мягко проговорила она. — Поэтому некоторые знания лучше держать при себе.

Тэй настойчиво зачирикал.

— Да, да, конечно, сейчас лучше помолчать, нужно сосредоточиться, — твердо сказала Тигпен. — Ситуация критическая, жизнь Реккка висит на волоске.

Элеана широко раскрыла глаза.

— Операция ему поможет?

— Тебе лучше сейчас отдохнуть, — спокойно заметила раппа. — Пусть тэй...

— Нет! — В тихом голосе Элеаны звучала сила. — Я не лягу спать, пока его жизнь не будет в безопасности.

Тэй поднял голову, окинул Элеану пронзительным загадочным взглядом и коротко чирикнул.

— Я здесь, Реккк, — шептала Элеана. — Я не оставляю тебя. — Ее глаза наполнились слезами. — Обещай, что тоже не бросишь меня одну, ладно? Обещай мне, Реккк. Обещай!

Риана вспомнила, как на залитом лунным светом дворе Реккк и Элеана упражнялись с мечом. Ей было стыдно признаться даже себе, что она чувствовала ревность. Аннон так хотел, чтобы Элеана смотрела лишь на него, уважала только его и у него училась. Как странно, что глава кундалианского Сопротивления так привязалась к кхаггуну. Странно и обидно! Риана чувствовала себя обманутой. Ведь если бы Аннон был жив, все внимание Элеаны досталось бы ему...

Риана закричала зубами. Она ненавидела себя. Как можно ревновать Элеану к Реккку Хачилару, жизнь которого в опасности? Мучимая отвращением Риана отвернулась. Ей казалось, что она недостойна быть Дар Сала-ат. Может, все это ошибка? И она просто странница, обычная кундалианская девушка, в тело которой вживили в'орнна в отместку за все их смертные грехи? Риана чувствовала, как в ее глазах закипают слезы, и презирала себя еще больше.

А потом к ее собственной агонии добавились шум, голоса, говорящие что-то одновременно, непонятные слова, хлеставшие ее словно град. Риана встала и, пошатываясь, пошла к выходу.

— Риана! — окликнула ее Элеана. — Ты куда?

Она не могла ответить. Совершенно внезапно ее начала колотить дрожь с такой силой, что Риана закричала. В полутемном коридоре она упала на колени, поднялась и как пьяная побрела вперед. Риана кружила по большим и крохотным комнатам, не разбирая дороги, пока наконец не спустилась по ступенькам во двор.

Дождь перестал, но поросшие мхом камни были скользкими и повсюду сверкали лужи. Риана упала в одну из них и, не сумев подняться, поползла к краеугольным камням монастыря, где и затаилась, заливаясь слезами и бесконтрольно дрожа.

Вдруг сквозь острую, терзающую ее сознание боль она услышала голос, зовущий словно издали, пробирающийся к ней будто сквозь двадцать тысяч саженей моря Крови, голос настолько знакомый, что в висках начало бешено стучать и захотелось плакать.

— Джийан!

Риана не понимала, что зовет ее вслух: инстинктивно используя магию Осору, она открыла ворота в Иномирье и начала искать Джийан.

Иномирье кишмя кишело призрачными сознаниями. Риана их никогда раньше не видела и испугалась. Она припомнила небольшие изменения, которые заметила во время последнего погружения в Айяме. Чуть слышный шепот быстро превратился в рев. Какая сила его вызвала и что он предвещал? Какофония голосов напоминала бурную реку, через которую Риане нужно было пробраться. Извиваясь, как морской аспид, она быстро пробиралась сквозь толпу. Это оказалось легче, чем Риана представляла, — ведь все создания были лишь тенями, а звуки, оглашавшие Иномирье, оказались единственными их проявлениями.

«Что за сила взбудоражила Иномирье этими голосами?» — удивлялась Риана, разыскивая Джийан. А потом она увидела нечто, отчего мурашки поползли по спине, — в толпе призраков она различила четкие очертания неких существ. Риана понимала, что перед ней точно не призраки кундалиан. Они были бесформенными: кто-то с широкой плоской головой, другие — с ссутуленными мясистыми плечами, третьи с шестью ногами и огромными торчащими ушами. Они были жуткими — страшно нелепыми и смутно знакомыми.

Риана коротко вскрикнула. Она поняла, что это горгульи, которые сидели на парапете Музея Ложной Памяти. Сначала Риане казалось, что она спит. Но потом девушка поняла, что не может видеть во сне Иномирье. Так что это был не кошмар, а реальность.

Впрочем, едва задумавшись об этом, Риана поспешно выбросила проблему из головы — она услышала голос Джийан, слабый и трепещущий, зовущий на помощь. Отбросив прочие мысли, Риана наложила Сеть Распознания. С помощью этого заклинания можно было выделить Каа — энергетическую ауру волшебной Аватары. Но в Иномирье, кроме нее, не было ни одного волшебного существа. Риана пыталась нащупать ауру Аватары Джийан — великой Рас Шамры. Странно, однако девушка еще не знала, каким будет ее собственная Аватара. Джийан обещала, что Риана это узнает на церемонии в Иномирье,

когда станет настоящей колдуньей. Сейчас ее присутствие означало золотой куб, вращающийся против часовой стрелки.

Будто опытный рыбак, Риана затянула Сеть Распознавания потуже и почувствовала, что стремительно пересекает вздымающуюся массу гротескных фигур. Внезапно призраки расступились, и Риана побежала по бесконечной блеклой равнине в одиночку.

Далеко впереди она увидела гору, круто вздымающуюся к неприметному белому небу. Подойдя ближе, Риана с ужасом заметила в горах ущелье, на фоне неба казавшееся кроваво-красным. Присутствие цвета означало, что в Иномирье использовали сильное заклятие Кэофу.

Желудок Рианы болезненно сжался. В центре равнины возвышалось нечто ужасное — Рас Шамра, волшебная Аватара Джийан, была привязана вниз головой к перевернутому равностороннему треугольнику, черному и чешуйчатому, как коготь хищника, воткнутому концом в землю.

— Джийан!

Крик Рианы разнесся эхом по равнине, разгоняя призрачные создания.

Она еще быстрее понеслась по высокогорной равнине, где даже звук перемещался странно, словно приглушенный барабанный бой и почему-то не по прямой линии.

— Джийан!

Голова Рас Шамры повернулась медленно, будто с трудом.

— Риана, наконец-то! Ты нашла меня!

— Я здесь, Джийан! Я освобожу...

— Нет! — Рас Шамра судорожно дернулась, ее отчаянный крик остановил Риану. Лишь теперь девушка заметила, что какая-то жуткая паутина, блестящая, как поток кипящей лавы, проросла сквозь левую ногу и крыло Аватары. — Ты не сможешь освободить меня. По крайней мере пока не сможешь.

— Позволь мне хотя бы попробовать. Знаю, что смогу...

— Послушай, Риана! Это — козни архидемона Хоролаггии, и у тебя не хватит знаний противостоять ему.

Риана похолодела — Джийан захватил архидемон!

— Наберись терпения, — посоветовала Рас Шамра, — что-бы одолеть его. Тебе нужно учиться.

— Но как? Джоннка умерла, я не знаю, к кому обратиться.

— Ничем не могу тебе помочь.

— Почему? — запаниковала Риана.

— Помнишь, что случилось в прошлый раз, когда я попыталась тебе помочь? Не понимаю как, но об этом узнал Хоролаггия. Он послал своего любимца, чтобы уничтожить вас с Реккком. — Рас Шамра покачала головой. — Тебе придется самой придумать план действий.

— Это невозможно!

— Ты должна верить! Ты же знаешь, кто ты!

Риана понимала, что пытается сказать ей Джийан: она — Дар Сала-ат.

— Теперь послушай, — быстро заговорила Рас Шамра, — из-за Кольца Пяти Драконов архидемон знает, что ты существуешь, однако пока не ведает, в какой именно ипостаси. Хоролаггия отдаст все, чтобы это выяснить. Ты должна действовать крайне осторожно. Если будешь торопиться, он тебя уничтожит.

— Но твоя жизнь...

— Я поклялась защищать тебя, Дар Сала-ат. Моя жизнь принадлежит лишь мне и никому другому.

— Ты лжешь, Джийан! Твоя жизнь значит намного больше, чем ты говоришь. Я не позволю тебе умереть, клянусь!

— Пожалуйста, не надо клясться, Риана! Эта клятва может погубить и тебя, и всех нас. Ты — единственная надежда Кундалы. Нет ничего важнее спасения нашего народа. Только ты можешь вытащить нас из пропасти, в которую мы упали.

Риана покачала головой — ее сердце и душа были непреклонны.

— Ты столько раз защищала меня, Джийан. Ты спасла мою жизнь. Теперь моя очередь спасти тебя.

— Осторожнее, Дар Сала-ат! Не позволяй бурному нраву Аннона брать верх над тобой!

— Ты хочешь, чтобы я стояла здесь сложа руки?

— Что бы ты ни думала, у тебя недостаточно сил, дабы выстоять против страшнейшего из архидемонов! — Рас Шамра быстро повернула голову. — Спаси нас, Миина! — В ее голосе читался страх.

— Что случилось? — задыхаясь, спросила Риана. — Что происходит?

Красноватое пятно в ущелье разрасталось, будто сами горы кровоточили.

— Хоролаггия приближается! Ради Миины, Дар Сала-ат, уходи!

— Не уйду, пока ты не скажешь, что с тобой происходит.

— Паутина давит на меня, постепенно превращая в Хоролаггию. Или его в меня... Впрочем, это не важно... А важно то, что до зимнего солнцестояния, когда паутина покроет меня полностью, еще есть время.

У Рианы перехватило дух.

— И что же случится тогда?

— Не спрашивай, прошу тебя!

— Нет, ты должна мне объяснить! Я не уйду, пока...

— Я перестану существовать такой, как ты меня знаешь, — вздохнула Рас Шамра. — Хоролаггия овладеет моей памятью, умениями, всем моим существом. Даже моим Даром. — Рас Шамра плакала, хотя изо всех сил старалась сдерживать слезы. — Это часть плана архидемона по овладению нашим миром.

— Это же чудовищно! Как мне остановить его, Джийан?

Рас Шамра заговорила быстрее, слова стали неразборчивыми и лились одним потоком.

— У плана есть вторая часть. Они знают, какую ты представляешь опасность, и стараются изо всех сил помешать твоему обучению, чтобы у них было время объединиться и набраться сил.

Внезапно небо покрыли волнистые малиновые облака, злобно загрохотал гром.

— О Великая Миина! Маасра! Найди ее, Дар Сала-ат. Она поможет тебе и освободит меня! Быстрее, пока...

Было уже слишком поздно. Во вспышках света между кровавыми перистыми облаками Риана увидела Аватару и похолодела от ужаса — на них спускался дракон, ужасный, будто воплощение кошмара. Белый, как снега на вершине Дьенн Марра, гибкий, как змея, с огромными крыльями и грязными желтыми когтями каждый размером с Риану. Длинную плоскую голову со злыми красными глазками венчали снежно-белые рога, а вдоль живота и спины тянулись линии белоснежных шипов.

Демон снижался, и Риана заметила, что его тело покрыто неровными изогнутыми чешуйками. Скорее всего смертельно ядовитыми, ведь, осыпаясь с его тела, они взрывались, падая на равнину Иномирья.

Риана была в полнейшем замешательстве. Она всегда считала, что существуют лишь пять драконов, помощников Миины, которые, используя Жемчужину, создали Кундалу из волшебства и космической пыли. Пять драконов были священными, и поэтому их нельзя было выбирать Аватарой.

Времени разгадывать загадку не было. Увидев Риану, дракон закричал так, что кровь стыла в жилах. По-прежнему не обращая внимания на предупреждения Джийан, Риана прочитала заклинание Вечной Звезды, самое сильное из тех, что она знала, направив его силу на монстра.

Жуткий белоснежный дракон раскрыл пасть и выпустил вихрь ядовитого пепла и песка, который разбил Вечную Звезду на тысячи медленно гаснущих кусочков. Мгновением позже он высосал из Рианы всю силу. С магией такого высокого уровня девушка сталкивалась впервые.

Попавший в эпицентр урагана, ее куб-Аватара вращался все медленнее, теряя золотое сияние. Задышающаяся и потерянная Риана беспомощно смотрела, как, выпустив когти, к ней мчится дракон. Она пыталась вспомнить какое-нибудь другое заклинание, но у нее ничего не получалось.

В ушах слабо звучал голос Джийан, направлявший Риану. Каким-то образом он подготовил ей путь отступления, очистив его от ядовитого, лишаящего сил и воли пепла. Риана больше не упрямилась и отступила, чувствуя, как постепенно слабеет сила заклęcia Хоролаггии.

Белоснежный дракон заревел, его глаза налились смертельной злобой. Он выставил переднюю лапу с ужасающего вида когтем, нацелившись на Рас Шамру, которая жалобно вскрикнула.

Риана бросилась назад и тут же услышала душераздирающий крик Джийан:

— Нет, беги быстрее!

Сломленная и испуганная Риана подавила свой воинский порыв и прочитала заклинание, которое открывало ворота.

Припрыжка заняла секунду, и вот девушка снова на Кундале. Промокшая и дрожащая, она прижалась к краугольному камню монастыря, безутешно всхлипывая.

— Что это за место? — спросила Маретэн. — Ты никогда меня сюда не приводил.

— Я никого сюда не приводил, — ответил Сорннн.

Они находились в клинообразной комнате, затерянной среди бесконечных коридоров и огромных безжизненных залов одного из складов в южном квартале Аксис Тэра. (Этот квартал все называли Портовым районом.) Воздух был тяжелым и ароматным от запаха сотен сортов специй. Непрекращающаяся пульсация вечернего города была в грязные квадратные оконца, но внутри склада стояла тишина, если не обращать внимания на уютное поскрипывание половиц.

Сама комната выглядела непримечательной — ни краски, ни штукатурки. Вид у нее был нежилой. Лишь грубые полки размещались вдоль одной из стен, несколько стульев и в центре комнаты — ковер такой красоты, что Маретэн не удержалась и опустилась на колени, чтобы провести пальцами по густому ворсу и рассмотреть поближе завораживающий узор ярких блестящих цветов.

Ее внимание привлекло еще кое-что, стоявшее в тонкой хрустальной вазе на круглом пепельно-сером столике. Цветущая ветка апельсиновой сладости ярким пятном выделялась на бесцветном фоне. Увидев этот знак, Маретэн поняла — к ее приходу долго и тщательно готовились.

Сорннн положил длинный ящичек из тусклого металла, который нес на плече, в угол, поверх такого же ящичка.

Затем он наполнил бокалы жидкостью нефритово-зеленого цвета, а Маретэн сидела, оглядываясь по сторонам, словно ребенок. Внизу, когда они проходили по главному складскому помещению, она бездумно провела пальцем по пыльной поверхности контейнера. Сорннн взял ее за руку, вытер пыль и стал целовать ее пальчики, от чего по спине Маретэн поползли мурашки.

— Здесь только мы вдвоем, — проговорил он, присаживаясь рядом. — В этой комнате мы можем быть волшебниками и

фокусниками, солдатами и ворами, поэтами и художниками. Можем сделать с нашей жизнью все, что пожелаем.

Они торжественно подняли бокалы, будто подтверждая справедливость этих слов.

— *Нэфитта*, — сказал Сорнни. — На коррушском это означает «дышать».

Напиток был густым, с привкусом гвоздики, корицы и жженой апельсиновой корки.

— Мне нравится, — проговорила Маретэн, все еще наслаждаясь послевкусием.

Сорнни увидел, что она разглядывает комнату.

— Это коррушский ковер.

— Он прекрасен.

— Да, они ткут прекрасные ковры. — Сорнни опять наполнил бокалы, и они снова выпили, на этот раз растягивая удовольствие.

Сорнни поднялся и подошел к полкам, где стояли старые и потускневшие сувениры из стекла, керамики, камня и бронзы, которые он купил, обменял или получил в дар от простых коррушей и их вождей; каждый из сувениров был по-своему ценным, и все без исключения были красивыми. Выстроенные аккуратно, в строгом порядке, с огромной любовью, сувениры напоминали прим-агенту о земле коррушей. Дух этого племени горел в душе Сорнни даже в далеком, отравленном политическими кознями Аксис Тэре. Когда он рассказывал Маретэн о каждом сувенире по очереди, его голос становился мягким, вкрадчивым, словно ее присутствие влияло даже на интонации. Маретэн была готова слушать его завораживающую речь бесконечно. У Сорнни был голос певца; он произносил каждый слог в особенной манере; его голос мог застигнуть врасплох и заставить позабыть обо всем. А потом Сорнни запел, негромко, будто стеснясь, коррушскую песню о степях. И хотя Маретэн не поняла ни слова, ее тронула его застенчивость, а меланхоличная песня привела в восторг.

И вот Сорнни повернулся к возлюбленной лицом и протянул руку, помогая подняться.

Маретэн отхлебнула нэфитты и посмотрела прямо в его глаза, а Сорнни начал медленно расстегивать ее платье и раз-

матывать ткань. Будто сторонний наблюдатель, она смотрела, как постепенно, полоса за полосой, обнажается сверкающая плоть. В глазах Сорннна она видела свое собственное отражение, и ее тело тут же откликнулось на зов. Маретэн затрепетала и почувствовала, как по коже разливается тепло, словно от солнечного света, согревающего плоть.

Она вдыхала дивные запахи коррушских пряностей, и ее артистическое воображение, подогретое любовью, помогало представить собственную жизнь там, в неизвестном мире, вдали от душного гнетущего Аксис Тэра. Она почти окончательно поверила в то, что его сильные загорелые руки смогут перенести ее к коррушам, туда, где у нее не будет никаких обязанностей: ни работы, ни живописи, ни бедного больного брата, ни убеждений, которые могут принести славу или смерть. Стремительный полет фантазии, и Маретэн снова вернулась к реальности.

Обнаженная, она подняла руки.

— Да, иди ко мне, — прошептал он.

Он протянул к ней руки, и она вошла в его объятия. Пустой бокал Маретэн упал на ковер и стал раскачиваться из стороны в сторону. Нетронутый бокал Сорннна стоял на полке рядом с графином с нэфиттой.

Сорннн ласкал Маретен, чувствуя, с какой легкостью она освобождает его от одежды, как влажные сочные губы касаются его тела, как она сладострастно стонет в его объятиях. Больше он ждать не мог. Они немного полежали на роскошном пушистом ковре, хотя Сорннн уже не мог сдерживаться. И по ее учатившемуся пульсу он понял, что она тоже сгорает от желания.

Сквозь пыльные окна проникал неяркий свет. Тот самый сумеречный свет, в котором еще ребенком Маретэн отбросила понятия хингатты и отдала себя живописи. Ей всегда нравилось работать в сумерках, и первые полотна родились из загадочных форм сумеречного света. Теперь за окнами клинообразной комнаты на втором этаже склада догорал осенний день, и его мягкий красновато-желтый отблеск, словно движимый рукой фокусника, плясал на голых стенах в такт движению тел.

Сорннн приподнял Маретэн, прижав спиной к прохладной неровной стене. Заглянув в широко раскрытые глаза, он овладел ею и увидел, как от каждого движения ее зрачки рас-

ширяются, а потом сокращаются вновь. Он слышал, как стонет Маретэн, слышал и звук собственных сердец. Кровь Сорннна бурлила, словно ветер над бескрайним морем степной травы, кипела, как попавшая в костер вода.

Когда она закричала, притягивая его к себе и ритмично сжимая бедра, Сорннн сменил позицию. Он встал, упершись спиной в стену, и смог войти в нее так глубоко, что Маретэн не хотелось открывать глаза. Прижавшись лицом к его мускулистому плечу, она, казалось, забыла обо всем. Потом Маретэн начала слизывать с тела Сорннна капельки пота, взглянула ему прямо в глаза и начала двигаться сама, раскачивая его тело вдоль каменной стены, как только что делал он. Сорннн почувствовал, как напрягаются его чресла. Ничего подобного раньше он испытывал. Сорннн ощутил силу Маретэн и ее власть над ним. И немного испугался. Он боялся за нее, не зная, к чему приведут их отношения.

А потом все мысли растворились в безрассудном стоне наслаждения. Сорннн отдался своим чувствам, своей любимой, потому что выбора у него не было, потому что любовь стала его миром, потому что он сам хотел этого...

Сорннн поставил свой бокал на середину ковра, и они с Маретэн по очереди выпили. Затем они просто сидели и слушали, как скрипят половицы. Внимали этому тихому выразительному звуку, показывавшему, как далеки они от уличного шума.

— Я хочу поехать с тобой, — сказала Маретэн, когда бокал опустел, — хочу увидеть землю коррушей. — Она полулежала в объятиях Сорннна, облокотившись на плечи. — Хочу увидеть красоту, которую видишь ты, которая живет в тебе. — Она взяла его за руку, соскребла красную пыль с внутренней стороны его ногтя и поднесла свой палец ко рту. — Вот теперь коррушская пыль есть и во мне.

— Там опасно, Маретэн.

— Мне все равно. — Она чувствовала, что он говорит о чем-то другом. Случайно раскрылась тщательно скрываемая Сорннном тайна. — Ты же знаешь.

Он действительно знал. Однако чувство вины заставило его возразить.

— Я не хочу сознательно подвергать тебя опасности.

Сорнни проговорил это таким серьезным тоном, что она рассмеялась.

— Я тоже не хочу рисковать тобой. Кажется, опасность — неотъемлемая часть наших отношений. В любом случае мы сталкиваемся с определенной опасностью каждый день, на каждом шагу, без этого нельзя. В этом твое призвание. — Маретэн не смеялась над ним, не осуждала; она просто делилась с любимым самым сокровенным.

— Я сам выбрал эту опасность, а ты...

— Ну как же мне объяснить тебе, Сорнни? Я готова делиться с тобой все!

— Даже не зная, что за этим последует?

Маретэн провела пальцем по внутренней стороне стакана и прикоснулась к губам возлюбленного.

— Так же, как и ты, я уверена в своем призвании.

Она сама так сказала, но Сорнни не знал — можно ли ей верить. Все сводится к банальному доверию. Ему хотелось открыться ей, но разве это было возможно? Слишком много опасности, слишком много риска. И от чего погиб его собственный отец, разве не от?.. Однако нужно было с чего-то начинать, а потом либо разрывать отношения, либо продолжать. Необходимо действовать осторожно, очень осторожно, именно так его учил отец. *Доверие всегда ведет к горечи и разочарованию, ведь так, отец?*

Сорнни подошел к полкам и что-то достал. Маретэн восхищенно смотрела на его стройное мускулистое тело. Он разжал кулак — на ладони лежала маленькая вытертая серовато-коричневая птичка из камня.

— Это — фулкаан, — пояснил Сорнни, — волшебная птица, которая сидела на плече Джихарра, пророка Гази Канов, самого влиятельного из пяти коррупских племен. Фулкаан был другом Джихарра, его защитником и посыльным.

— От него исходит какая-то сила, — заметила Маретэн, осторожно водившая по поверхности фигурки подушечкой указательного пальца.

— Эта фигурка очень старая. Ее подарил моему отцу Макктууб, капудаан, то есть вождь Гази Канов. Отец верил, что фулкаан действительно существует, ему вбил это в голову Макктууб,

который клялся, что это — правда. — Сорннн сидел на корточках. — Кажется, всю свою жизнь отец гонялся за утраченными мифами и легендами. В этом он очень походил на Элевсина Ашеру. Именно поэтому они и подружились. — Сорннн замолчал. Он смотрел на фулкаана, будто пытаясь его оживить. — Элевсин Ашера очень интересовался жизнью коррушей.

— И За Хара-атом, — тихо сказала Маретэн, сердца которой бешено бились.

Сорннн кивнул.

— Земля Пяти Встреч в переводе со старокундалианского языка.

— Восстановление За Хара-ата, города, в котором в'орнны и кундалиане смогут жить вместе, было мечтой Элевсина Ашеры.

— За Хара-ат означает намного больше. Именно мой отец первым взял Элевсина Ашеру на место раскопок старинного города. Отец был убежден, что это священное место — За Хара-ат. Он смог убедить в этом Элевсина Ашеру.

— А тебя? — Крыло древнего фулкаана впилося в ее ладонь. — Ты сам в это веришь?

— Эта фигурка с места раскопок. — Сорннн погладил фулкаана по голове, будто живого. — Как и отец, я верю, что это руины За Хара-ата. Я верю, что мы нашли священное место, где обитает древняя сила.

— Я тебе верю. — Маретэн заглянула в его сияющие глаза и улыбнулась так, как улыбалась только ему. — Волшебники и фокусники, солдаты и воры, поэты и художники... Интересно, какую из дорог выберем мы?

Четыре пушистые, маленькие, но сильные лапы обернули ее в пальто Нита Сахора, и Риана тут же почувствовала, что согревается.

— Что случилось, Дар Сала-ат? — спросила Тигпен. — Ты вроде бы сидишь с нами в лазарете, а через секунду тебя и след простыл.

Риана прикрыла веки, но, вспомнив то, что пережила, вздрогнула и снова открыла глаза.

— Я услышала голос Джийан из Иномирья, она звала меня. — Риана говорила шепотом, все быстрее и быстрее. — Я видела ее, она зарастает волшебной паутиной и...

— Успокойся, Дар Сала-ат, ты все расскажешь попозже, когда придешь в себя.

— Но Джийан...

— Слушай, что тебе говорят, коротышечка!

Риана вздохнула. Тигпен очень давно не называла ее коротышечкой, с тех самых пор, как она стала Дар Сала-ат. Девушка послушно кивнула.

— Как Реккк?

— Кажется, там какие-то проблемы. Тэю нужна твоя помощь.

— Похоже, начался сепсис, — объяснила Тигпен, когда они вошли в лазарет. — Тэю не удастся остановить его распространение.

— Что он хочет...

— Я ему сказала, что, возможно, ты сможешь помочь. — Тигпен прыгнула на каменное ложе, где лежал Реккк. — Дар Сала-ат, пожалуйста, подойди!

Риана заметила, как поднялась Элеана, очевидно, надеясь получить от нее какое-то объяснение столь внезапного ухода. Однако Риана полностью сосредоточилась на Реккке.

— Забудь про Осору, — советовала Тигпен, — лучше вспомни что-нибудь из Кэофу.

— Я знаю немного, — признала Риана, — хотя и прочла «Книгу Отречения». У меня мало опыта в том, что касается черной магии.

— Сейчас может помочь все.

Тигпен умела скрывать эмоции, но Риане показалось, что в голосе раппы звучит отчаяние. «Неужели дела так плохи? — подумала она. — Неужели Реккк на краю гибели?»

Риана закрыла глаза и, призвав на помощь эйдетическую память, попыталась вспомнить Священную Книгу Кэофу страницу за страницей. Беда была в том, что она не знала, как перевести бесконечные абзацы в форму заклинаний. В магии теория не имела никакого значения без возможности применить ее на практике. Тем не менее Риана продолжала напрягать свою чудесную память, и если ей казалось, что в тексте есть заклинание, она пыталась его использовать. Пару раз у

нее даже что-то получалось, но на Реккка волшебные формулы не действовали.

— Дар Сала-ат, — прошептала Тигпен, — у Реккка немного времени.

— Я стараюсь как могу, — заявила Риана.

— Старайся быстрее!

Эти несколько слов выразили все отчаяние раппы и злость на Риану за то, что из-за нее Реккк попал в ловушку, о которой Тигпен предупреждала. Мысли Рианы стали разрозненными и путанными, как в тот момент, когда Малистра связала ее заклятием Мушиного Глаза. «Реккк умирает из-за меня, — подумала Риана, — помоги мне Миина».

— Тигпен, я не знаю, что делать.

В тот самый момент Элеана поднялась и положила руки на плечи Рианы, согревая ее своим теплом.

— Я верю в тебя! Мое сердце говорит, что Дар Сала-ат найдет способ его спасти!

И только воительница так сказала, как мысли Рианы пришли в порядок. «Кажется, — подумала она, — я принялась за его лечение не с того конца».

— Тигпен, — позвала Риана, — попроси тэя снять ионное поле вокруг Реккка.

Тэй взволнованно зачирикал.

— Тэй говорит, что если так сделать, то Реккк точно умрет.

— Мне нужно обнаружить силу, которая его убивает, — напряженно сказала Риана, для которой все внезапно встало на свои места. — Пока действуют технологии в'орннов, я просто бессильна.

— Я не позволю тебе...

— Сколько он еще протянет? — перебила Риана, мозг которой лихорадочно работал.

— Минут пять, может быть, десять, не больше. Яд смертельно опасен.

Хватит ли времени? Риана не знала.

— Скажи тэю, что я не смогу помочь, пока действует поле.

— Он понял, — голос Тигпен наполнился грустью, — поле уже снято.

Риана это почувствовала и тут же принялась за дело.

— Тэй будет следить за жизненными функциями Реккка. Как только они начнут угасать, он восстановит действие ионного поля.

Риана едва ее слышала. Она произносила проникающее заклинание — простое, но эффективное, позволяющее узнать химический состав яда, оставленного Тзелосом. Из-за пристрастия демона к различным метаморфозам яд представлял собой чрезвычайно сложную смесь, которую было трудно разложить на отдельные компоненты. Сначала следовало понять, чем были эти компоненты раньше, до того, как демон видоизменил их структуру.

— Три минуты истекли, Дар Сала-ат, — объявила Тигпен.

Риана сосредоточилась еще сильнее. Лоб и верхняя губа заблестели от капелек пота, который, покаявая кожу, струился по спине. Она не имела права на промах или ошибку. «Забудь обо всем, — повторяла она про себя, — сосредоточься на определении токсина».

— Прошло почти пять минут. — Голос Тигпен доносился словно издалека.

Риана еще не успела разложить яд на составляющие, а времени было в обрез. Она начала читать алфавит Венча. Знание этого языка досталось ей от прежней Рианы. Где она выучила этот древний язык, было тайной, которую очень хотелось разгадать; ведь сейчас на Венче говорили лишь друуги, таинственные кочевники, которые были первыми рамаханами. Они ушли еще до того, как в монастырях появилось зло. Перебрались в Большой Воорг, огромную и дикую пустыню к востоку от территории коррушей, где до сих пор живут в полной изоляции. Разыскивая Кольцо Пяти Драконов, Риане пришлось наведаться к друугам, и она собственными ушами услышала их песни на языке Венча. Однажды она уже пробовала читать алфавит, отчаянно пытаясь наложить заклинание Вечной Звезды. Теперь Риана должна была сделать это снова. Беда была в том, что она не знала, в каком порядке следует читать алфавит.

— Дар Сала-ат, — ее мысли прервал мрачный голос Тигпен, — жизненные показатели Реккка колеблются на опасном уровне.

Риана продолжала читать алфавит. Волшебство Венча состояло не просто в буквах алфавита, а в том, как их использо-

вать. Именно в этом и крылась суть магии языка Венча, как и любой другой, — в умении сочетать и комбинировать. Анализ яда был готов примерно на три четверти.

— Тэй волнуется. Еще немного — и он восстановит поле.

Отвечать времени не было. Анализ яда не закончен, а времени не осталось совсем. Риана стала нараспев читать буквы Венча попеременно с названиями уже известных составляющих яда.

— Реккк слабеет, Дар Сала-ат.

Еще чуть-чуть! Она чувствовала, как зарождается решение. И так же, как когда она использовала заклинание Вечной Звезды, Риана ощутила холодок интуиции. Доверившись ей, она выбирала буквы алфавита Венча и произносила их нараспев. Слова появлялись в воздухе, как подгоняемые ветерком облака, как дымка росистым утром, как тень от пламени факела. Или сама Риана, или ее заклинание изменяли структуру яда, проникая в тело Реккка, образуя на ране сначала защитную мембрану, а потом — мощное противоядие, тотчас распространившееся по организму.

— Реккку лучше! — радостно закричала Тигпен.

Словно сквозь дымку Риана услышала прекрасную песню тэя, в которой звучала радость.

— Рана заживает!

Риана допела заклинание и почувствовала, как по телу разливается усталость. Она пошатнулась и рухнула в объятия Элены, которая подхватила ее и прижала к себе.

— Я знала! Знала, что у тебя получится! — восклицала она.

Оставив Реккка на попечении тэя, Тигпен подошла к Риане, прыгнула ей на колени и свернулась клубочком.

— Дар Сала-ат, — прошептала она, — что это было за заклинание?

Ответа Риана не знала, но вдруг ей на ум случайно пришло название волшебства.

— Колодец Незнания, — проговорила она, — очень древнее заклинание.

— Это часть Глаз-Окна? — настойчиво расспрашивала Тигпен.

«Вполне возможно», — подумала Риана. Заклинание Глаз-Окна было исконно рамаханским. Мощное сочетание Осору и Кзофу, это волшебство запрещали на протяжении многих ве-

ков из-за того, что оно слишком часто использовалось в корыстных целях. Даже Матьер редко использовала заклинание Глаз-Окна.

Тигпен повернула голову и посмотрела Риане в лицо.

— Если хочешь, можешь меня погладить.

Риана взглянула на раппу. Большие треугольные уши прижались к пушистой, поросшей черно-рыжей шерстью голове, а усы судорожно дергались. Неужели она так нервничала?

— Не думала, что ты меня об этом попросишь, — проговорила Риана.

Теперь забеспокоилась Тигпен.

— Мне очень нравится, когда меня гладят.

— Зря я не послушалась тебя, Тигпен.

Усы задергались еще сильнее.

— Дело не в том, что ты не послушалась, а в том, что ты *не поверила*. — Полосатый, похожий на ершик хвост изогнулся и коснулся тыльной стороны ладони Рианы. — Вполне естественно то, что Реккк не поверил в кундалианскую магию. Но ты позволила ему заразить тебя скептицизмом.

— Я была не права. Прости!

Темные влажные глаза Тигпен внимательно изучали Риану.

— Милая Дар Сала-ат! Мне не нужно, чтобы ты извинялась. Я просто хочу, чтобы эта ошибка тебя чему-то научила.

— Ты была со мной так резка...

Рука Рианы, подталкиваемая полосатым хвостом, легла на пушистую спинку Тигпен.

— Я опасалась за твою жизнь, Дар Сала-ат, — мягко проговорила Тигпен. — Ты до сих пор не понимаешь, кто ты есть и кем станешь. Да ты и не должна понимать. Но я-то это знаю.

Риана гладила густой мех, а Тигпен мурлыкала. Вдруг зачирикал тэй, раппа резко села и обратилась к Риане с Элеаной:

— Реккку нужно отдохнуть и вам обеим тоже. Пойдемте на кухню, я приготовлю вам ужин, который вы не скоро позабудете. — Она повела их вниз по каменному коридору. — Вы наверняка проголодались. А после сможете обо всем мне рассказать.

Позднее, сытые и спокойные, они сидели за кухонным столом в буфетной. Риана и Элеана подробно изложили все, что

случилось после того, как Тигпен с Реккком переместились обратно в монастырь.

— Вы были на волосок от гибели! — воскликнула Тигпен. — Очень смелая стратегия, Дар Сала-ат. Хотя и очень рискованная. Дразнить Тзелоса...

— Зато Риана обнаружила, что мощные подземные ручьи могут уничтожить демона, — заявила Элеана, заглядывая Риане в глаза. Очевидно, она не понимала, почему Риана вдруг стала такой молчаливой.

— О том, насколько полезным окажется этот эксперимент, можно только гадать. Энергию ручьев использовать не так-то легко, вам повезло, что вода оказалась помощником. — По глазам Тигпен было ясно, что она поняла, к чему клонит Элеана. — Тем не менее ваша разведка принесла ценную информацию.

— Разведка, — повторила Элеана. — Ты говоришь так, будто началась война.

— Война действительно началась, — мрачно заявила Тигпен. — Портал в трижды-проклятую Бездну открыт, демоны попали в наш мир. И Тзелос — далеко не самый страшный из них.

— Знаю, — кинула Риана. — В Иномирье я видела Джийан, ее держит в плену архидемон Хоролаггия.

— Кто-кто? — растерянно моргая, переспросила Тигпен.

Риана объяснила, почему так поспешно ушла из лазарета, рассказала о жутких тенях с громкими голосами, наводнявших Иномирье. Говоря об Аватаре, прикованной к перевернутому треугольнику, и предупреждении Джийан, она дрожала всем телом.

— Итак, — проговорила Риана, завершив повествование, — что ты можешь сообщить про Хоролаггию?

— Плохи наши дела, намного хуже, чем я себе представляла. — Тигпен спрыгнула со стола, завертелась волчком и стала нервно кусать себя за хвост.

— Ради Миины, Тигпен, — раздраженно проговорила Риана, — можно ответить на мой вопрос?

— Что? Да, конечно, конечно. — Тигпен перестала вертеться, но ее усы дрожали не переставая. — Известно, что у Пзфоро-рса было трое детей — сыновья Хоролаггия с Миггоррой и их единокровная сестра, дочь Сепсериис. — Рассказывая, раппа

бледнела все сильнее. — Если Джийан завладел архидемон Хоролаггия, тогда... — Она замолчала и снова завертелась, нервно кусая хвост.

— Тогда что? — нестройным хором переспросили Элеана и Риана.

Тигпен вытерла щеки хвостом.

— Тогда, мои дорогие, придется считать ее мертвой. Даже лучше считать ее мертвой.

— Нет! — закричала Риана. — Ни за что с этим не смирюсь!

— Придется! Она превратится в нашего самого непримиримого врага!

— Джийан велела мне найти Маасру. Что это?

Тигпен опять заморгала.

— Понятия не имею.

— Прекрасно, — прошипела Риана, — просто великолепно!

— Кто-то же должен знать. — Элеана вновь заглядывала Риане в глаза, надеясь привлечь ее внимание.

— Пару веков назад у нас наверняка нашлись бы лучшие советчики, — сказала Тигпен, — но в эти темные дни... — Ее голос снова затих.

— Значит, нужно найти другое решение, — заявила Риана, мозг которой лихорадочно заработал.

Она знала, что решение существует, нужно только его найти. И тут перед глазами встал образ Джийан, прикованной к перевернутому треугольнику, и Риана еще раз застыла от ужаса, душившего ее при виде Хоролаггии. «А вдруг решения не существует вообще? — испуганно подумала Риана. — Тогда мы все пропали». Она завертела головой, пытаясь отогнать несущие отчаяние мысли. Риана знала, что от отчаяния рукой подать до бездействия и пассивности — понятий, которые раньше для нее не существовали.

«Думай, Риана, думай!»

— Единственный ключ, который у нас есть, я нашла в «Происхождении Тьмы». Слово «Маасра» связано с Маласоккой. Возможно, это какой-то способ замедлить перерождение Джийан. Но проблема в том, что мы не знаем значения слова. Это ни Древний язык, ни Венча... — Риана щелкнула пальцами. —

Тигпен, кажется, ты говорила, что нам нужен первоклассный лингвист?

Раппа кивнула.

— Еще я сказала, что знала одного. Но он уже умер.

— Так давай его воскресим!

Тигпен вздрогнула.

— Что?

— Я читала об этом в «Изменении Форм». Процедура называется «Краткосрочное восстановление».

— Ах это! — Тигпен помахала лапой. — Об этом можешь забыть. Такой обряд под силу только сефируру, а их на Кундале уже не осталось.

— А вот и ошибаешься! — воскликнула Риана, в груди которой зажглась искра надежды. — Кажется, с одним из них я встречалась сегодня днем.

— Готов, — объявил Нит Исстал.

— Нервничаешь? — спросил Нит Батокссс.

— Нисколько! Это ведь лишь очередной эксперимент. Я вам доверяю.

«Ох уж эта молодежь! — подумал Нит Батокссс, завершая последние приготовления. — Все они считают, что в Космосе живет лишь одно добро».

Гэргон стоял в западном крыле лаборатории у волновой камеры, над созданием которой он трудился пять в'орнновских лет. Его сильно раздражало, что многие в'орнны, даже его коллеги-гэргоны, использовали кундалианский календарь, в котором тридцать шесть часов составляли день, а семьсот семьдесят семь дней — год, вместо восьмисот девяноста дней во в'орнновском году. Во многих отдаленных колониях, где в'орнны жили слишком долго, начались смертельно опасная адаптация и слияние с местным населением.

Волновая камера больше всего напоминала гигантское яйцо. Бледное, сильно переливающееся, оно казалось монолитом, на котором выделялась откидная крышка люка. Яйцо было толстым, более трех метров толщиной, и для его создания Нит Батокссс специально подобрал вещество, отличающееся огромной плотностью. Внутри три ионные трубки источали сла-

бое пурпурно-синее мерцание, которого хватало лишь для того, чтобы испытуемый устроился на слегка наклонном сиденье и пристегнул привязные ремни. Именно этим сейчас и занимался Нит Исстал.

Кивнув молодому гэргону, Нит Батокссс начал сложную процедуру установки люка на место. Для обеспечения правильной осадки люка необходимо выполнить сто тридцать семь последовательных действий. Потому что если камера не будет герметически закрыта...

То, чем занимался гэргон, распугивало мысли и уравнения. Гороновые волны.

Горон — самая крупная из заряженных частиц — оказалась и самой неукротимой. Было крайне трудно понять ее суть и особенности, а контролировать — еще труднее. До сегодняшнего дня все попытки Товарищества собрать горон в пучок, который можно было бы преобразовать в волну, заканчивались неудачей.

На Геллеспеннне центофеннни использовали против в'орннов именно гороновые автоматы. Воспоминания об этом до сих пор терзали Нита Батокссса — огромная империя, быстро нагнавшая в'орннов по уровню развития, словно наказывала их за то, что случилось три века назад. Поражение было само по себе горьким. А тут еще и пришлось осознать то, что центофеннни обладают технологиями, недоступными даже гэргонам. Унижение терзало Нита Батокссса день и ночь. Поражение произошло двести пятьдесят в'орнновских лет назад. Двести пятьдесят лет было потрачено на поиск новых мест обитания, еще двести лет ушло на бесплодные попытки укрепления обороны... Последние сорок с лишним лет Батокссс просидел в этой дыре на этой проклятой планете, а остальные в'орнны продолжали то ли убегать, то ли разыскивать новые миры — в зависимости от того, с каких позиций случившееся рассматривать.

Они с Нитом Сахором добровольно вызвались возглавлять миссию на Кундалу из-за того, что их приборы дальнего действия распознали в ядре планеты огромные запасы горона. Именно этим объяснялись постоянные сильные штормы на Неизведанных Землях, куда не смогли проникнуть даже в'орнны. Именно поэтому телеметрическая аппаратура в'орннов

не смогла пробить непроницаемый барьер и нанести на карту территорию в три тысячи квадратных километров к северу от гор Дьенн Марр. Из походов в Неизведанные Земли не вернулась ни одна экспедиция кхагггунов. Световые средства коммуникации последнего поколения выходили из строя, как только экспедиции попадали в снежный шторм, и больше вестей ни от одной из них не было. И несмотря на все усилия Товарищества, взять горон под контроль не удавалось. А большинство гэргонов считали, что только с помощью самого горона можно нейтрализовать гороновое излучение.

Вопреки тому, что Батокссс категорически возражал против участия Нита Сахора в экспериментах, к его мнению не прислушались, и результат не замедлил сказаться. Пока Нит Батокссс занимался разработкой первых поколений ионных камер, Сахор предал его и все Товарищество, увлекшись кундалианскими мифами и подружившись с рабами. Другие гэргоны оказались просто не в состоянии следовать за радикальными принципами Нита Батокссса и начали бесконечные, ни к чему не приводящие ссоры и перебранки, в то время как он отдавал всего себя созданию новых поколений волновых камер.

Теперь, на пороге триумфального открытия, гэргон не испытывал удовлетворения. Виной этому был его пессимизм. Откуда он взялся? Трудно сказать, Батокссс жил с этим чувством довольно долго, и мало кто помнил, каким был раньше техномаг.

Потянувшись, он коснулся сверкающей стенки камеры. Эта модель была пятой, ее предшественницы оказались неудачными. Стенки сделали такими толстыми не случайно — они состояли из двух слоев. В первом генерировались спонтанные потоки горона, а во втором последняя модель изобретенного Нитом Батоксссом прибора должна была преобразовывать потоки в волны.

Естественно, Нит Исстал не подозревал, в каком эксперименте участвует. Нит Батокссс не потрудился разъяснить ему суть. Да и зачем? Ведь Ниту Иссталу так хотелось ему угодить.

Нит Батокссс провел все сто тридцать семь операций по технике безопасности и лишь потом приступил к процедуре

генерирования. Он полностью сконцентрировался на эксперименте. С этой целью техномаг подключил черепную нейронную сеть. Окружающий мир изменился — гэргон стал различать ионы, фотоны, гравитоны, частицы, волны, поля, находящиеся в постоянном контакте и изменении. Руки в защитных перчатках не отрывались от полуорганических матричных микросхем, питающих всю одежду гэргонов. В таком состоянии Батокссс был частью механизма, или можно сказать, что механизм был частью его сознания. Все зависит от того, с какой стороны это рассматривать.

Начали активизироваться гороновые волны. Промежуточные данные полностью совпадали с предварительными расчетами. Сердца гэргона радостно забились. Неужели на этот раз получится?

Но тут потоки начали самовоспламеняться. Это было обиднее всего — видеть, как проявляется энергия колоссальной мощности, и не знать, как ее контролировать. Даже когда он уменьшил активность горона, вспышки продолжались еще некоторое время на более низком уровне.

Нит Батокссс ждал.

Удостоверившись, что вспышки прекратились, он начал открывать люк. Ионные трубки расплавились. Нит Исстал полужелал на сиденье. Воздух кипел и мерцал от остаточной радиации. Пахло чем-то странным, похожим на солоновато-сладкую кундалианскую кровь.

Нит Батокссс посветил галогенным фонариком. Глаза Нита Исстала были открыты. Веки сгорели, а глазные яблоки казались белыми. Ни зрачков, ни радужной оболочки. Рот полуоткрыт. Зубы распались до состояния мерзкого желтоватого порошка, наполнявшего горло. Половина плоти стала прозрачной, так что Нит Батокссс мог видеть кости, которые начали разлагаться так же, как и зубы.

Нит Батокссс глухо выругался. Согласно показаниям приборов, останки Нита Исстала были слишком радиоактивны для того, чтобы их изучать. А через несколько минут от гэргона вообще не останется ничего, кроме кучки сухого порошка.

Трагедия Геллеспеннна снова разворачивалась перед глазами Батокссса.

9

ТО, ЧТО ОСТАЕТСЯ

— Итак, ты вернулась, — проговорил Миннум, — и привела с собой раппу. — Смотритель присел, чтобы поближе рассмотреть Тигпен. — Просто чудо! Я снова вижу раппу.

Тигпен презрительно фыркнула, и Риана не могла не рассмеяться. Они стояли под карнизами во дворике музея. Вокруг горели факелы, освещая цистерну и темную мерцающую воду. Ни одной галогенной лампы, ни вообще какого-либо другого изобретения в'орннов...

— Миннум, это — Тигпен, — представила Риана.

Смотритель улыбнулся.

— Добро пожаловать в Музей Ложной Памяти.

Тигпен склонила голову.

— Почему вы сказали Риане, что вы сефирор?

— Ну, просто так, — пробормотал Миннум, вставая, — без особых причин.

— Надеюсь, вы знаете, что прикидываться сефирором — серьезное правонарушение? — жестко спросила Тигпен.

— Пусть прикидываются гэргоны, — усмехнулся Миннум и развел руками. — А даже если и так... Кто станет меня преследовать?

— Ну, остались конары, — ответила Тигпен, вспомнив о рамаханских жрицах.

— Да уж, жадные до власти бестии вроде Бартты.

— Бартта умерла, — вмешалась Риана.

— Правда? — Миннум поднял кустистые брови. — На твоём месте я бы поостерегся от таких опрометчивых высказываний о Бартте.

— Сначала вы говорите, что Нит Сахор жив, — с жаром начала Риана, — а теперь утверждаете, что и Бартта не умерла.

— Замолчите, вы оба!

Риана и Миннум испуганно взглянули на Тигпен. Осклаившись, она стояла на задних лапах. Риана видела ее в таком состоянии лишь однажды, когда Тигпен собиралась напасть на огромного первиллона — волшебного пещерного хищника.

— Не желаю больше слышать о гэргонах! Предупреждаю в первый и последний раз! — прорычала Тигпен.

— Чувствительная зверушка, — пробормотал Миннум и пожал плечами. — Хотя кого здесь только не встретишь... Это ведь музей, место для отдыха и развлечений.

— Подождите, — остановила зрителя Риана. — Вы ведь сказали, что ваши экспонаты лучше не видеть.

— Да, это так, — рассеянно проговорил Миннум. — Возможно, мне следовало сказать, что здесь отдыхают и развлекаются такие, как ты, Дар Сала-ат.

У Тигпен чуть лапы не подкосились.

— Она вам?..

— Нет, она ничего не сказала, — прищурившись, ответил Миннум.

— Тогда как же вы?..

— Так же, как и ты, полагаю, — засучил рукава зритель. — Думаю, нам лучше пройти внутрь. — Он взглянул на освещенное в'орнновскими огнями небо. — Холодает. — Сильно хромая, Миннум пошел к зданию. — Так можно и до смерти себя застудить, поверьте.

Он провел их мимо полных строительного мусора урн, и Риана заметила несколько неприметных дверей, открывшихся при помощи панели дистанционного управления, которой коснулся Миннум.

В музее было тепло и уютно. В базальтовых каминах играло пламя. Увидев черный камень, Риана тут же вздрогнула, вспомнив перевернутый черный треугольник, у которого в Айяме томилась Джийан.

— Это главный зал, — объявил Миннум, когда его спутницы вошли в большую пятиугольную комнату с куполом. — Отсюда видны почти все экспонаты.

На полу из зеленоватой яшмы плясали тени. Странная, жуткого вида мебель из неизвестных пород дерева жалась к каменным стенам. К тяжелым, покрытым сажей балкам поднимались кремово-черные колонны. Медные кадила испускали тонкие потоки мускусного фимиама, который смешивался с запахом ароматического масла из бронзовых филигранных ламп. Стояла тишина, будто музей существовал отдельно от бешеного шума и суеты города.

Миннум резко повернулся и посмотрел на Риану.

— Я ведь говорил, что ты вернешься, не так ли? Я знал, что ты их увидишь.

— Что это он несет? — резко спросила Тигпен. Она по-прежнему была очень расстроена.

— Расскажи ей, Дар Сала-ат, — с вызовом велел Миннум.

— Каменные горгульи на парапете на самом деле демоны, — объяснила Риана. — В Иномирье я встретилась с их призраками.

— По крайней мере одна из горгулий уже смогла выбраться из тюрьмы, — пробормотал Миннум, — в этом не может быть сомнения.

— Да что ты можешь об этом знать! — не успокаивалась Тигпен.

Тут Миннум шелкнул указательным и большим пальцами, послышался треск, будто в огонь бросили скарабея, и на месте Тигпен появилось огромное, жуткое, похожее на ящера существо. У него было восемь коротких, но мощных лап, лоснящаяся сине-черная чешуя и длинная плоская голова с дрожащим желтым языком. Остроконечный хвост усеивали колючие шипы. Блестящие желтые глаза горели дьявольской хитростью и умом. Чудище шипело, из восьми грязных ноздрей вылетал едкий дым.

— Н'Лууура! — закричала Риана. — Это же бритвозуб!

— Ага, вижу, ты знакома с в'орнновской ксенобиологией. — Миннум кивнул. — Да уж, впечатляющее зрелище. — Он снова шелкнул пальцами, на этот раз большим и мизинцем, и на месте чудища появилась Тигпен. Раппа растерянно оглядывалась по сторонам.

— Ну, как самочувствие после кратковременного... э-э-э... пребывания в чужом теле? — поинтересовался Миннум.

— Это было... признаюсь, так отвратительно я себя никогда не чувствовала. Никогда в жизни... — Тигпен наконец взяла себя в лапы. — Простите меня, не могла себе представить, что...

— Что подобные мне еще существуют? — улыбнулся Миннум. — К счастью, ты не одна такая. Мне удалось выжить благодаря... м-м-м... как бы вам объяснить... благодаря позиции отмалчивания... нет...

— Сдержанной позиции? — подсказала Риана.

— Именно.

— Почему вам приходится прятаться? — спросила она.

— Не время для уроков истории, — возразила Тигпен. Алломб вернулся к ней с завидным проворством. — Миннум, раз уж ваши полномочия подтверждены, расскажите нам о Маласокке.

— Ну и вопросыки у вас. Да уж, хоть я что-то подобное и предвидел. Маласокка, да? Дайте подумать. — Прищурившись, Миннум взглянул на закопченный потолок. — *Очень* опасное заклинание, но им всю пользовались до того, как Миина сослала демонов в Бездну. Демонам нужна власть, власть любой ценой. Стремление к власти является частью их сущности, это в них заложено. Но ведь мы не можем заставить демонов превратиться в рамахан, так ведь? Это было бы слишком опасно. Именно по этой причине Миина решила запретить их в Бездне. Демонам нельзя доверять ни на секунду.

— Почему же их не изолировали с самого начала?

— Отличный вопрос. Казалось, мы сможем их изменить. Это часть *нашей* сущности — бесконечный оптимизм. Мы всегда стараемся изменить мир к лучшему, это заложено в нас. — Миннум пристально посмотрел на Риану. — В этом наша сила, Дар Сала-ат.

— Однако это же привело к неизбежным страданиями и жертвам.

— Согласен, к страданиям и жертвам, — глубокомысленно начал Миннум. — Но не соглашусь с тем, что подобный результат был неизбежен. Видишь ли, мы по умолчанию считаем все существа добрыми и достойными, пока не доказано обратное. Если отказаться от нашей философии, то чем мы будем отличаться от в'орннов? Мы обладаем большой властью, но от нее неотделима и большая ответственность. Нельзя отвергать какое-то существо, пока ему не дали шанса раскрыть свою истинную сущность. Даже если оно оказалось злым, следует дать ему возможность исправиться. А как же иначе?

Тигпен покачала головой.

— Спасибо за историческую справку, Миннум, но, может, пора вернуться к Маласокке?

Миннум зацокал языком.

— Маласокка — очень сложное и опасное заклинание. Почему вы им интересуетесь?

— Это заклинание наложили на нашу жрицу, — ответила Риана.

— Обычному демону такое не по зубам. С таким заклинанием может справиться лишь архидемон, не так ли? — Миннум покачал головой. — Как все произошло?

Риана не могла рассказать, что, нарушив волшебное заклинание Нантеры, Джийан непреднамеренно открыла Портал в Бездну. Это вызвало бы множество вопросов о том, почему Джийан использовала Нантеру, и поставило бы под удар тайну Аннона.

Смотритель музея внимательно разглядывал обеих.

— Какой из архидемонов держит ее в плену?

— Хоролаггия.

Миннум нахмурился.

— По-моему, я ослышался. Ты вправду сказала, Хоролаггия?

— Именно.

— О нет! — Миннум тяжело опустился на стул из полированного дерева. — Спаси нас, Миина!

Страх сжал сердце Рианы холодными липкими пальцами, когда она увидела выражение лица сефирора.

— Что такое? — Она боялась услышать ответ.

— Не знаю, чем можно противостоять такой... мерзости, Маласокке, которую вызвал этот ублюдок, отродье Пэфороса.

— Сколько она сможет продержаться?

Миннум прищурился.

— Когда это случилось?

— Несколько дней назад.

— Зависит от ее силы. Думаю, до конца зимы.

— Всемогушая Миина, осталось всего шесть недель.

— Миннум, ты должен нам помочь, — заявила Тигпен. — Тебе что-нибудь известно о Маасре?

Миннум молча покачал головой. Его мысли были где-то далеко.

— Это как-то связано с Маласоккой, — настойчиво проговорила Риана.

— Вряд ли, — уныло пробормотал Миннум. — Я бы знал об этом. Или хотя бы слышал.

Тигпен положила передние лапы на колени Миннума.

— «Маасра» — ни из Древнего языка, ни из Венчи. Нам кажется, что это какой-то диалект. Я знаю кое-кого, кто мог бы нам помочь, одного лингвиста. Проблема в том, что он уже умер. — Ее влажные глаза смотрели прямо на Миннума, и она продолжала: — Нам нужно, чтобы ты провел краткосрочное восстановление.

Восьмиугольное здание кафе «Пряный Джекс» находилось в центре огромного шумного рынка пряностей, который никогда не закрывался. Не закрывалось и кафе. Строй-генерал Локкк Виэрррент пришел на встречу с звезд-адмиралом Олнн Рэдддлином на пятнадцать минут раньше. Это было неспроста. Ему хотелось посидеть в одиночестве, выпить бокал другой нумаадиса и собраться с мыслями, прежде чем придет Олннн и расскажет свои новости.

Строй-генерал Виэрррент и Олннн Рэддлин дружили уже много лет. Их отношения во многом напоминали родственные, как у отца с сыном. Виэрррент гордился достижениями Олннна, особенно зная его происхождение, и восхищался твердостью молодого кхагггуна. Теплые чувства охлаждало лишь то, что именно Олннн, такой молодой и сравнительно неопытный, был назначен новым звезд-адмиралом, опередив всех остальных военачальников, включая и Локкка Виэрррента.

Не то чтобы Виэрррент завидовал ежедневным встречам Олннна с Курганом Стогггулом. Даже с отцом Кургана, раздражительным и страдающим паранойей, было общаться довольно непросто, а уж нового регента Виэрррент вообще обоснованно считал опасным эгоистом. Более того, строй-генерал соглашался с мнением многих генералов о том, что правитель проводит тайную политику, от которой выигрывает лишь один в'орнн — сам Курган Стогггул.

Почему же его дела не идут так, как хотелось бы?

Прежде чем генерал мог придумать ответ, появился Олннн Рэддлин и сел напротив него.

Виэрррент подождал, пока Олннну принесут выпить.

— Ну, что нового?

Когда Олннн рассказал ему о решении гэргона приостановить имплантацию окумммона кхагггунам, Локкк Виэрррент слушал, не перебивая.

— Ну, что скажешь? — наконец проговорил адмирал.

Строй-генерал пожал плечами.

— А что тут сказать? Это решение гэргона, которому мы подчиняемся. Со своей стороны я очень благодарен ему за то, что он печется об интересах моих кхаггунов.

— Другими словами, ты этому веришь?

Темные глаза Локкка Виэрррента впились в молодого кхаггуна.

— У меня нет причин не верить. Не стану утверждать, что понимаю решение Товарищества, равно как и ты. — Генерал глотнул нумаадиса. — Олннн, ты всегда слишком мрачно смотришь на вещи. Я, например, не вижу в этой новости ничего ужасного, наоборот...

— Они никогда не возобновят программу, — мягко проговорил Олннн. — Словам регента я не верю.

— Что за изменнические разговоры? — взволнованно спросил строй-генерал. — Нам, кхаггунам, обещали положение касты избранных. Если гэргон откажется от своего слова сейчас, то это будет величайшим унижением.

— Об этом я и говорю.

Локкк Виэрррент шумно вздохнул.

— Я люблю тебя как сына, звезд-адмирал, хоть сейчас ты и мой командующий. И я не настолько глуп, чтобы не посоветовать тебе: держи радикальные мысли при себе. Услышь такие слова любой другой генерал...

— Именно поэтому я и пришел к тебе. Тебе я могу доверить собственную жизнь. Ты не знаешь нынешнего регента так, как я... — И тут Олннн сделал то, что обещал себе никогда не делать. Он рассказал Локкку Виэррренту о том, как они с Курганом убили любовницу бывшего звезд-адмирала и свалили все на Веннна Стоггула. — Настроить отца против звезд-адмирала было частью плана Кургана Стоггула. Как он и предполагал, они уничтожили друг друга. В итоге Курган стал регентом, а я — звезд-адмиралом.

Локкк Виэрррент схватил Олннна за запястья.

— Твои руки по локоть в крови. Однажды ты уже совершил измену.

— Мне это представляется по-иному. Этот ублюдок был настоящим бритвозубом, а уж его сынок...

— Говори тише, звезд-адмирал, — болезненно сморщившись, посоветовал Локкк Виэрррент.

— Локкк, мне неприятно, что ты так обращаешься, когда мы наедине. В конце концов...

— Ты — мой звезд-адмирал, я не могу обращаться к тебе по-другому.

Олннн слабо улыбнулся.

— В этом вся твоя суть, строй-генерал.

— Правила необходимо соблюдать. Без дисциплины мы скоро превратимся в диких зверей.

— Возможно, ты и прав, — задумчиво проговорил Олннн. Локкк Виэрррент пристально на него смотрел.

— Однако бывают моменты, когда чрезвычайные обстоятельства позволяют... гибко трактовать правила. — Квадратная голова наклонилась. — Скажи мне, Олннн, какие мысли терзают твой бедный ум?

Олннн потер лоб.

— Дело в том, что чем лучше я узнаю нового регента, тем подозрительнее становлюсь. Возвышение касты избранных пришло в голову его отцу. Именно для этого он и заключил союз с бывшим звезд-адмиралом. Однако тот союз не выстоял. С какой стати новый этап возвышения будет иметь иную цель?

— Гэргоны дали свое добро. Окумммон — биоинструмент гэргонов.

Олннн Рэдддлин жестом заставил строй-генерала замолчать. Медленно повернув руку, он показал недавно имплантированный окумммон.

— Мне самому этот биоинструмент не нужен. Кажется, его единственное назначение в том, чтобы регент мог держать нас под беспрестанным контролем.

— Регент?

— Подумай сам. Кастовое различие существовало веками, пока к власти не пришел Веннн Стогггул. Как ему удалось убедить Товарищество...

— Хочу снова напомнить, что никому из нас не дано почитать замыслы гэргонов.

— Гэргоны ненавидят перемены. Думаю, с этим ты спорить не будешь.

— Да, но ты знаешь не хуже меня, что окуммонны имплантируются только по приказу гэргона.

— Возможно, регент вступил в союз с этим гэргоном, Нитом Батокссом, который хозяйничает в регентском дворце, как у себя дома. Не стану утверждать, что понимаю все до конца, строй-генерал, и все же так или иначе грядут перемены. И я боюсь не только за себя, но и за всех кхаггунов. Кажется, сын умеет врать еще лучше, чем отец.

— Зачем это ему?

— Чтобы поставить нас под полный контроль и лишиться власти.

— По твоим описаниям, Курган — настоящий параноик.

— Я именно так и считаю, — мрачно проговорил Олннн, — ведь это он организовал заговор против собственного отца.

— Ты же сам говоришь, что устранение Веннна Стогггула можно считать благим делом. Нельзя считать Кургана и героем, и преступником одновременно.

— Локкк, ты ничего не понимаешь.

— Ради нашей многолетней дружбы я закрою глаза на оскорбление. И Курган Стогггул — мой регент, неплохо бы тебе об этом помнить.

— Уверен — он очень и очень опасен.

— Тебе предан каждый из наших кхаггунов. Пока это так, можно ничего не бояться. — Локкк Виэрррент покачал головой. — Олннн, когда ты в последний раз развлекался?

Олннн не нашелся с ответом.

— Даже до того, как... — Локкк Виэрррент не мог оторвать глаз от изуродованной ноги Олннна. — Даже до того, как с тобой случилось несчастье, ты всегда был букой. Сколько раз я тебя тормозил? Помнишь, как...

— Ты привел четырех девушек.

— Две предназначались тебе.

Скрестив руки на груди, Олннн отвернулся.

— Нельзя жить в постоянном напряжении, не расслабляясь.

Олннн снова взглянул на старшего друга — в глазах адмирала горела злоба.

— Даже мы, кхаггуны, должны иногда развлекаться. А ты развлекаться не умеешь. Ведь так, Олннн? — Локкк пожал пле-

чами. — Я надеялся, что воскресение из мертвых изменит твоё отношение к жизни.

— Я больше не сплю по ночам, и силы практически не восстанавливаются. Постоянно снятся кошмары, смысла которых я не могу постичь.

— Возможно, геноматекк...

— Геноматекк тут не поможет.

— Тогда помоги себе сам. Пойдем сегодня на обед к Добро Маннксу. Знаешь его? Он вполне уважаемый баскирский адвокат. Довольно забавный парень.

— Спасибо за приглашение, но я не могу. — Олннн положил на стол несколько монет. — Наверняка это будет пустой тратой времени.

— Я запомню сегодняшнюю беседу. — Локкк Виэрррент пристально посмотрел на Олннна. — Ты знаешь меня, как никто другой. Если понадобится, я готов защищать своих кхаггунов ценой собственной жизни.

Олннн поднял глаза на старого друга.

— Ловлю тебя на слове, строй-генерал. — Звезд-адмирал чопорно кивнул. — Желаю хорошо повеселиться.

— И тебе того же, звезд-адмирал, — проговорил Локкк Виэрррент, поднимаясь. — Только, боюсь, мои слова тебе как об стенку горох.

— Ключевое слово здесь — «краткосрочное», — заявил Миннум, выстраивая мелкие экспонаты в круг.

Он провел своих спутниц в крошечный зал в северном крыле музея, где было выставлено на удивление мало экспонатов. В основном здесь находились изящные фигурки из дерева и вытравленной бронзы. В отличие от ужасного бардака внутреннего двора в зале царили идеальный порядок и чистота.

— Как только этот лингвист материализуется (кстати, это называется именно так) в нашем мире, у вас будет три минуты, ясно? Всего три минуты и не больше! Гм! — бормотал Миннум про себя. — Три минуты! Вполне вероятно, что вообще ничего не получится! О чем *они* только думали?

Пока сефирор бормотал и суетился, Риана осматривала одну витрину за другой, пытаясь понять, что же в них выставлено.

Она видела лишь клубящуюся мглу. Сначала ей показалось, будто в витринах вообще ничего нет, хотя все стекла были отполированы до блеска. Отсутствовали любые надписи. А с другой стороны, зачем нужны надписи, если не видно того, что они обозначают? Неудивительно, что в музее так мало посетителей.

— Ну ладно. — Миннум встал в центре зала, разложив вокруг странные экспонаты. — Дар Сала-ат, встань здесь. Да, вот так. А ты, Тигпен, становись напротив. Правильно, сюда! Как зовут твоего знакомого лингвиста?

— Кашснейл, — быстро ответила Тигпен.

Миннум кивнул, засучил рукава, и в его пальцах мелькнуло что-то похожее на льдисто-голубой мелок. Затем на каменном полу зала смотритель нарисовал равносторонний треугольник.

Риана знала, что треугольник — древний символ кундалианской власти. Вот почему тюрьма Джийан в Иномирье внушала ужас на подсознательном уровне. Она была прикована к перевернутому треугольнику, символу зла, которое и не думало таиться. Однако Миннум продолжал чертить мелком, и от его рисунка у Рианы захватило дух. Поверх первого треугольника Миннум нарисовал второй, перевернутый так, что получилась шестиконечная звезда.

— Это — Ферегоннен, — объявил сефирор, начиная обряд, — символ, центр которого во всем сущем, а лучи расходятся в никуда.

Он просеял в закопченную жаровню какие-то порошки из незакрытых пузырьков, добавил тертого рога и что-то похожее на шанин и латуу. Смесь на жаровне стала огненно-красной. Затем она загустела, как желе, и принялась испускать клубы желтоватого дыма, которые вились подобно дымке внутри музейных витрин.

Риана попыталась затаить дыхание, но не выдержали даже ее тренированные легкие. Вдохнув дым, она зашаталась, чувствуя слабость и головокружение. Воздух кипел и блестел сотней звездочек, слепивших глаза. Риана пыталась рассмотреть хоть одну из них, но они тут же исчезали.

Потом она взглянула на центр Ферегоннена — там блестящие звездочки сначала сгустились в шар, а потом преврати-

лись в фигуру кундалианина. Судя по его одежде, при жизни он был конарой, рамаханским жрецом.

— Кашснейл! — радостно окликнула его Тигпен. — Я так боялась, что больше тебя не увижу!

— Нет, только не ты, — мрачно проговорил рамахан. Длинные седые волосы крупными волнами ниспадали на плечи, а на лбу росли четким мыском. Нос напоминал орлиный, под темными глазами залегли тени. У лингвиста было лицо аскета, лицо ученого, рамахана, отдавшего науке всего себя без остатка. — Что заставило тебя разбудить меня подобным образом?

— Помните о времени, — предупредил Миннум, — второй такой возможности у вас не будет.

— Верно, — кивнула Тигпен. — Кашснейл, это — Дар Сала-ат.

— Дар Сала-ат? — Умные глаза широко раскрылись от удивления, но потом снова заморгали, привыкая к обстановке. — Если ты — Дар Сала-ат, то где же твой Наватир?

— Не знаю, — вздохнула Риана, — у меня его нет.

— Надо же! Надо же! — зацокал языком покойный лингвист. — Без Наватира ты очень уязвима.

— У нас нет времени на разговоры, — хмуро зашептал Миннум, — ради Миины, переходите к делу.

— Нам нужна твоя помощь, — настойчиво начала Риана. — Скажи, пожалуйста, что означает слово «Маасра»?

Кашснейл нахмурился.

— Раз ты спрашиваешь про Маасру, значит, Портал открыт и Хоролаггия пробрался в этот мир?

— Да, — сказала Риана. — Мою подругу, колдунью, захватил этот архидемон и пытается изменить ее сущность с помощью Маласокки. Мы должны что-то предпринять до зимнего солнцестояния, пока изменения не станут необратимыми.

— Очень непростая ситуация, — пробормотал лингвист, — вы должны соблюдать крайнюю осторожность. Невозможно объяснить, насколько это важно. Прежде чем вступать в бой с Хоролаггией, необходима серьезная подготовка, но и тогда нет уверенности, что... — Он задрожал. — Ну надо же, ну надо же...

— А что с Маасрой? — снова спросила Риана.

— Ах да. — Кашснейл покачивался с носка на пятку. — Это

слово свяшенно, как, несомненно, сказали бы Гази Каны. Ведь на их родном диалекте оно означает Вуаль Тысячи Слез.

Риану так и распирало от возбуждения.

— Джийан велела мне найти Вуаль Тысячи Слез... Зачем? Что это такое?

— Известно, что когда Пять Священных Драконов Миины с помощью Жемчужины создали Кундалу, внешний слой Жемчужины повредился в результате катаклизмов. Однако бо́льшая часть осталась невредимой. В нее и попали слезы, которые пролили драконы при рождении Кундалы. Слезы превратили твердую Жемчужину в воздушную ткань переливающегося цвета с неповторимым сиянием.

— Почему драконы плакали?

— Потому что они предвидели смерть и разрушения, которые будут сопровождать закат кундалианской расы.

— Значит, мы были обречены еще до рождения?

— Ничто в жизни нельзя рассматривать как приговор. Особенно — предсказание ясновидящих драконов.

— Милый Кашснейл, — вмешалась Тигпен, — можешь ли сказать, где найти Вуаль Тысячи Слез?

— Не могу даже определенно сообщить, существует ли она. Хотя представители многих непримиримых философских течений искали ее всю жизнь, убивая ради сохранения тайны или умирая в безумии и изгнании, Вуаль так и осталась легендой.

— Но она точно существует. Джийан просила меня ее найти. Это единственный способ освободить ее. Если я не найду Вуаль, Джийан умрет.

— Маласокка гораздо хуже смерти. Намного хуже. Когда паутина затянет ее полностью, Джийан станет рабой архидемона навсегда. — Фигура лингвиста начала мерцать, сквозь нее проступили стены.

— Он уходит, — объявил Миннум, — я вас предупреждал.

— Пожалуйста, — в отчаянии зашептала Риана, — ты должен мне объяснить.

— Я уже рассказал тебе все, что мог. — Голос Кашснейла стал слабым и неразборчивым. — В остальном разбирайся сама.

— Подожди! — закричала Риана.

— Если ты на самом деле Дар Сала-ат, ты все поймешь.

— Объясни же, пожалуйста!

Слишком поздно. Лингвист исчез.

Отчаянно ругаясь, Риана повернулась к сефирору.

— Кто такие Гази Каны? Где их найти?

— Ну, наконец-то легкий вопрос. — Потирая руки, Миннум повел раппу и девушку из зала. Желтый дым рассеялся, а начерченный мелом Ферегоннен исчез. — Гази Кан — одно из пяти коррушских племен. Если ты решила отыскать Вуаль Тысячи Слез, то советую начать поиски у них.

— Вне всякого сомнения, нам нужно отправиться на север. И чем скорее, тем лучше, — взглянув на Риану, сказала Тигпен.

«Что она задумала?» — удивилась Риана. Она ожидала, что Тигпен начнет осторожничать, особенно учитывая... И тут Риана все поняла. Она так сильно дернула Миннума за рукав, что сефирор остановился как вкопанный.

— Кашснейл имел в виду меня, когда говорил, что нельзя бросить вызов Хоролаггии без соответствующей подготовки. Возможно, я и Дар Сала-ат, однако волшебству мне нужно еще учиться и учиться. Джийан была права, надо набраться терпения и использовать все имеющееся время для учебы.

— И что? — не понял Миннум.

— Ну, я думала, что смогу учиться у вас... — Она не договорила, увидев, как мрачно Миннум посмотрел на Тигпен.

— Ты сама объяснишь ей, милая раппа, или лучше это сделаю я?

— Это твое право, — отозвалась Тигпен, — и твой долг.

Вздыхнув, Миннум кивнул.

— Хотя я очень польщен твоей просьбой, Дар Сала-ат, выполнить ее я не смогу.

— Почему? — воскликнула Риана. — Вы — сефирор, причем, возможно, последний оставшийся в живых. Как и Матерь, вы помните время, когда мы еще не были рабами в'орнов. Кто может научить меня лучше вас?

Миннум немного смягчился.

— Милая Дар Сала-ат, именно поэтому мне и запрещено учить тебя или кого-то другого волшебству. — Он поднял руку. — Пожалуйста, пойдем. Давай не будем говорить об этом в холодном коридоре.

Миннум провел своих собеседниц через главный вход в узкую галерею, полную скульптурных изображений змей. Риана, автоматически подмечавшая мельчайшие детали, заметила сходство между этими фигурками и цитриновой статуей священной змеи Миины, которую она видела в подземных келлах монастыря Плывающей Белизны.

Миннум угостил гостей теплым, прозрачным и терпким на вкус вином, какого Риана никогда раньше не пробовала. Они сидели на гобеленовых стульях, удлиненные спинки которых под разными углами наклонялись к потрескивающему в каменном очаге огню.

Осушив кубок, Миннум вытер губы, подался немного вперед и заговорил очень тихим, переходящим в шепот голосом:

— Полагаю, ты слышала о бунте, в результате которого Матерь лишили власти?

Риана кивнула.

— Это произошло в день, когда на Кундалу высадились в'орнны и была потеряна Жемчужина.

— Да нет, Жемчужина не была потеряна, — покачал лохматой головой Миннум. — Сама Великая Богиня забрала Жемчужину с Кундалы. После того, как группа рамаханских сефироров свергла Матерь и завладела Жемчужиной, после того, как заговорщики заглянули внутрь и увидели не правду, а то, что им хотелось увидеть, Миина в ярости схватила Жемчужину и унесла далеко-далеко. Богиня создала Жемчужину для Кундалы, она была нашей по праву рождения, но мы злоупотребили этим правом, Миина его аннулировала и отвернулась от нас.

Многочисленные последствия не замедлили сказаться. Мы утратили силу, которую могла нам дать Жемчужина, чтобы оказать сопротивление в'орннам. Миина молча наблюдала. Она стала безразличной к судьбе собственного народа. Даже когда группа мятежных сефироров сделала из рапп козлов отпущения и их перебили, Миина только наблюдала. Ей было все равно, когда жрицы вернули себе власть. Конары могли прогнать сефироров из монастырей, но лишить их магической силы они бы не сумели. И что же сделали конары? — Миннум вздохнул. — Перебили сефироров. Всех до одного, кроме меня. Я уцелел потому, что сбежал туда, где меня никто бы не стал

искать, — к коррушам. Двадцать лет я таясь жил среди Джени Серии, жестоких воинов степей. От них я научился многочисленным изощренным способам расправы с врагами. Именно там я и заработал это. — Смотритель похлопал себя по кривым ногам. — В погоне за мародерами я на полном скаку упал с куомешала. И очень неудачно. Мы были в ста пятидесяти километрах от ближайшей деревни, поэтому, перекинув через седло, меня повезли в Бандишир. За всю дорогу я даже не застонал. Корруши лечили мою ногу как умели, но помочь мне было невозможно.

Риана вспомнила, как Джийан вправляла сломанную ногу Аннона.

— Почему вы не использовали магию?

— Я ведь прятался, помнишь? Я жил среди Джени Серии, и все должно было выглядеть естественно. — Миннум усмехнулся. — Потом о моей храбрости ходили легенды. — Он устроился поудобнее. — О чем это я? Ах да, постараюсь покороче. Когда я понял, что внушаю одновременно восхищение и страх, то тут же уехал. Вернувшись в Аксис Тэр, я увидел этот музей, рассыпающийся от ветхости, и решил стать его смотрителем. Однажды во время одной из своих прогулок сюда забрел Элевсин Ашера. Регент ушел, лишь осмотрев все экспонаты до единого.

— Но как это связано с тем, что вы не можете меня учить? — спросила Риана. — Я должна спасти Джийан от Хоролаггии. Не позволю, чтобы она переродилась! Вы должны мне помочь.

Миннум покачал головой, и его глаза внезапно погрузнели.

— Как бы сильно мне ни хотелось тебе помочь, Дар Сала-ат, я не могу. Видишь ли, это мое наказание. Миина так карает меня.

— За что?

— За то, что Жемчужина попала в недобрые руки, Миина лишила Матерь значительной части ее магической силы.

Риана знала, что это правда. Сама Матерь рассказала ей то же самое, когда Риана освободила ее из заключения.

— А за то, что я оказался единственным из сефироров, который пережил геноцид, Миина наказала меня по-другому. Я столько всего знаю, Дар Сала-ат! А вот передавать знания и учить не могу.

Риане стало жалко Миннума.

— Ты же не сделал ничего дурного! Ты просто один сумел уцелеть. Разве ты заслуживаешь наказания? Почему Миина так жестока?

— Разве это жестокость, Дар Сала-ат? Не спеши судить Великую Богиню. Из-за жадности, надменности, зависти мы потеряли настоящее сокровище. Неужели это случилось не потому, что мы стали так самодовольны и прекратили ценить то, что воистину бесценно? Или же потому, что нам доверили слишком много власти? Если это так (а лично я считаю, что это так), то что остается нам? Сражаться каждый день, теряя родных и близких. Только ценой страданий можно избавиться от жадности, надменности и зависти. Лишь при помощи суровых испытаний, пыток и наказаний мы можем вспомнить то, что позабыли, понять, кто мы такие, и ощутить себя частью Космоса.

Риана низко склонила голову.

— Миннум, вы сказали, что не имеете права учить. Однако за сегодняшний вечер вы научили меня очень многому.

Миннум улыбнулся.

— Тогда, возможно, Миина немного смягчилась, потому что я уверен — не простой случай привел тебя ко мне.

— Прошу вас, помогайте мне и дальше, — умоляла Риана. — Я ведь и без Кашснейла знаю, что не готова к встрече с Хоролаггией. Бесполезно спасать Джийан, если у меня нет шансов выжить.

Угловым зрением она увидела, как улыбается Тигпен. Риана умела извлекать пользу из отрицательного опыта.

Миннум почесал небритую щеку.

— Возможно, ты сможешь кое-что узнать у коррушей. Посмотри!

Он сделал знак правой рукой, и на полу появилась карта. Тигпен и Риана присели на корточки.

— Перед вами земля коррушей, — объявил Миннум. — В дикой степи живут, поддерживая зыбкое перемирие, пять племен. Однако между капудаанами, как называют коррушских вождей, постоянно возникают ссоры, да и стычки на границах — привычное дело. Каждое племя живет в отдельном регионе, который называется «шир». В каждом шире есть столи-

ца — деревня, имеющая такое же название, как и сам шир. — Миннум ткнул в карту мясистым пальцем. — Воинственные Джени Серии живут здесь, в Бандишире. — Палец Миннума двинулся на юго-запад. — Расан Сул, которые продают пряности СаТррэнам, живут здесь, в Оккамшире. — Палец двинулся на запад. — Ремесленники Хан Джад живут здесь, в Шелашире. Лишь археологи и историки Бэйи Дас могут беспрепятственно пересекать границы широв. В основном они бродят по всей коррушской земле. Их столица здесь, в крошечной деревушке Им-Тэра. А вот тут находится За Хара-ат — знаменитый город, название которого переводится как Земля Пяти Встреч.

Отблески пламени плясали на лице Миннума, золотя его раздвоенную бородку. Дрова догорели, рассыпавшись ворохом мягкого пепла. Миннум встал, проковылял к очагу и положил новое полено. Вернувшись на свое место, он снова показал на волшебную карту.

— Вот Агашир, восточная область земли коррушей, на границе с северо-западной частью Большого Воорга. Здесь живет племя Гази Кан. Именно его как носителя диалекта, к которому принадлежит слово «Маасра», упомянул Кашснейл. Гази Кан — самое таинственное из коррушских племен, и я почти ничего о них не знаю. В Агашире есть район, который называется Джиоссан, а в нем кашиггген «Мрашрут», что означает, насколько я помню: «Я верю, нежная ива». Им руководит дзуоко Перрнодт. Именно она вам и поможет.

Риана сильно удивилась.

— Тускуттгун знает Осору или Кэофу?

Миннум насупил брови.

— С чего ты взяла, что она в'орнн?

— А как же иначе? Всех кундалианских дзуоко заменили на тускуттгун, когда в'орнны прибрали к рукам кашиггены.

— Очевидно, так случилось не со *всеми* дзуоко, — сухо сказал Миннум и обратился к Тигпен: — Она всегда так самоуверенна?

— Рискну предположить, что в этом заключается как ее сила, так и слабость, — так же сухо ответила раппа.

Заворчав, Миннум повернулся к Риане.

— Так или иначе, Перрнодт не в'орнн.

— Значит, Гази Кан? — предположила Риана, готовая слушать дальше.

— Понятия не имею, — мягче сказал Миннум. — Гораздо важнее то, что она рамахана.

— Итак, решено, — объявила Тигпен. — Мы с Дар Сала-ат отправляемся к коррушам, чтобы разыскать эту Перрнодт.

Миннум покачал головой.

— Туда Дар Сала-ат придется отправиться в одиночку.

— Исключено! Корруши — слишком непредсказуемы и опасны, чтобы...

— Ты никуда не пойдешь, Тигпен, — мягко, но настойчиво проговорил Миннум. — Так написано в Пророчестве друзей. — Он сильно топнул ногой по полу. — Более того, Дар Сала-ат не может туда отправиться, если при ней останется магическая сила.

Грудь Тигпен надулась, раппа предостерегающе поднялась на четыре задние лапы.

— Ну, это уж слишком! Без заклинаний она будет очень уязвима...

— Я думаю, ты уже поняла, как она уязвима с теми жалкими обрывками знаний, которыми обладает. Более того, ручаюсь, что без достаточной практики от ее колдовства будет больше вреда, чем пользы.

— Как вы смеете так говорить о Дар Сала-ат!

— Я сказал только правду, Тигпен. Риане *необходима* серьезная подготовка. И для этого она должна отправиться к коррушам.

— Должен быть другой способ. Она...

— Хватит, вы оба! — закричала Риана. — Перестаньте говорить так, будто меня здесь нет. — Девушка глубоко вздохнула. — Миннум, почему у коррушей мне нельзя будет пользоваться магией?

— Я сказал — нельзя ехать, если при тебе останется магическая сила, Дар Сала-ат. Это не одно и то же.

— И где же разница? — спросила Риана.

— Мне придется лишить тебя магической силы. Ты не будешь помнить ни единого заклинания.

— Тогда как же мне представиться Перрнодт? — изумилась Риана. — Как она будет меня учить?

— Отличный вопрос! — ответил Миннум. Он подошел к столу и стал раскрывать один ящик за другим. — Куда же я засунул чертову вещицу? — бормотал смотритель, роясь в ящиках. — Ах вот ты где! — Миннум достал полированную деревянную шкатулку, обильно украшенную гравировкой в виде незнакомых рун. Смотритель раскрыл шкатулку прямо перед гостями. Внутри оказалась та же молочного цвета дымка, какую Риана видела в витринах музея. Но когда шкатулка раскрылась, дымка не рассеялась. Наоборот, начала сгущаться. В зале похолодало, и Риана поняла, что холодом веет из шкатулки. Вернее, от ее таинственного содержимого. Миннум опустил руку в шкатулку, а когда вытащил, в руке ничего не было.

Сефирор явно наслаждался испугом зрительниц.

— Смотрите на кончик указательного пальца.

— Я вижу лишь черное пятнышко.

— Совершенно верно, — ответил Миннум. — Если его разместить правильно, эта вещь останется незаметной даже для самых проницательных глаз. — Смотритель аккуратно пересадил пятнышко за правое ухо Рианы. — Всего лишь родинка, правда? — Он покачал пальцем. — А что же это на самом деле? Это банк твоих знаний о магии.

— Что?

— То, — ответил Миннум. — Твои знания будут надежно спрятаны в тайном хранилище, где их сможет обнаружить и использовать только Перрнот.

— К чему такая секретность? — Тигпен нахмурилась, ее хвост мелко дрожал, и Риана поняла — раппа сильно волнуется.

— Возможно, это и не пригодится. Но на всякий случай... если случится... — Миннум вздохнул. — Возможно, я и единственный оставшийся в живых сефирор. Однако среди коррушей есть темные силы, которым не хватает лишь определенных знаний, чтобы обрести огромную власть. — Смотритель сложил руки на груди. — Их называют соромиантами. Они некроманты, изучающие мертвых и расчленяющие их тела, чтобы предсказать будущее.

Риана взглянула на Тигпен. Усы раппы беспокойно дрожали.

— Они олицетворяют то, что осталось от сефироров, — продолжал Миннум. — Волшебники, которых лишили памяти.

— Кажется, ты говорил, что рамахане перебили всех сефиров, кроме тебя.

— Верно, — кивнул Миннум. — Только еще раньше Миана в гневе лишила памяти Недху и нескольких его приспешников, которые подняли бунт, чтобы завладеть Жемчужиной.

— Она отослала их к коррушам, и теперь именно они представляют опасность? — Риана покачала головой. — Воистину неисповедимы пути Великой Богини.

— В Священном Писании говорится именно так, — отозвался Миннум, — и так все и произошло — Он коснулся пылинки за ухом Рианы. — Шансы, что ты встретишь соромиантов, невелики, но если случится худшее, они не смогут украть твои знания.

— Ясно, — кивнула Риана.

— Дар Сала-ат, — начала Тигпен, — ты не можешь...

— Придется, — отрезал Миннум.

— Без магической силы она не сможет защитить себя в случае беды.

— Думаю, ты недооцениваешь ее находчивость, — возразил Миннум. — К тому же я не собираюсь отправлять ее к коррушам без всякой защиты.

Он снова подошел к столу, нажал на секретную кнопку, и открылась дверца.

— Если ты все же встретишь соромианта, то легко узнаешь его по двум признакам: во-первых, он будет одет в длинный черный плащ с капюшоном, а во-вторых, у него будет клеймо, которым его мудро наградила Великая Богиня, — шестой палец на левой руке. Черный и уродливый, как смерть.

Открыв самый нижний ящик стола, Миннум вытащил шестиугольную коробочку из тускло-серого сплава. Она была закрыта на замок, который смотритель открыл, потыкав в него указательным пальцем. Щелкнула пружина, крышка отскочила, и Миннум достал цилиндр чуть более десяти сантиметров длиной, молочно-белого цвета и гладкий как шелк.

— Вот что у тебя будет, Дар Сала-ат, — сказал Миннум, положив цилиндр на ладонь Рианы. — Активизируется цилиндр здесь, у основания, нажатием золотого диска, который находится у самой его поверхности. Сейчас нажми сюда снова, чтобы отключить его.

Тигпен подозрительно принялась.

— Что это? Явно не кундалианская работа.

— И не в'орнновская.

Риана вертела цилиндр в руках.

— Тогда откуда же он взялся?

Миннум пожал плечами.

— Я нашел его здесь, в Музее Ложной Памяти.

— И зачем он нужен?

— Этот цилиндр действует лучше магического жезла! При помощи потока гороновых частиц он устранил любого врага. — Взяв цилиндр, Миннум поднял густые волосы Рианы и закрепил его на затылке. — Используй его лишь в крайнем случае. Ты сможешь активизировать цилиндр только дважды.

— Вы должны рассказать мне о нем поподробнее.

— Хотел бы, да не могу. — Смотритель приложил палец к мясистому носу. — Вспомни, как меня наказала Миина. Все, что мог, я уже рассказал.

Тигпен взглянула на Риану.

— Вокруг столько опасностей, коротышечка! — Ее глаза наполнились слезами. — Внезапно я поняла, что не могу защитить тебя.

— Милая Тигпен, — проговорила Риана, поглаживая мягкий блестящий мех, — мне пришлось понять, что никто — ни ты, ни Джийан — больше не может защищать меня от врагов. Я должна сама защищать себя, и у меня ничего не получится, если не буду учиться дальше. Ясно, что до того, как Дар Сала-ат сможет открыто заявить о себе, еще очень и очень далеко.

— И все-таки...

— Я знаю, что ты желаешь мне только добра. — Риана поцеловала раппу. — Джийан мне как-то сказала, что путь Дар Сала-ат будет долгим, нелегким и полным опасности. Мой час настал, Тигпен. Пора идти своей собственной дорогой, которая ведет меня в земли коррушей.

Лишь к полуночи Нит Батокссс окончательно оправился от неудачи. Слегка увеличив дозу, он погрузился в ежедневный саламуууновый транс. Но даже после саламуууна ему было так тошно, что техномаг принял облик, хорошо знакомый Кур-

гану, — Батокссс превратился в Старого В'орнна. Череп цвета темной меди, морщинистое лицо, дряблая кожа рук. Под этой личиной гэргон выбрался на бурлящие улицы Аксис Тэра через тайный подземный ход, обнаруженный им в бывшем храме рамахан, который Товарищество превратило в Храм Мнемоники. Другие гэргоны об этом открытии ничего не знали. Для этого было множество причин, но главная заключалась в том, что Нит Батокссс обожал хранить секреты. Иногда ему казалось, что вес его секретов и тайн раздавил бы рядового в'орнна, словно яйцо гигантского квода.

До виллы, где, как считалось, живет Старый В'орнн, было около часа ходьбы быстрым шагом. Конечно же, Батокссс мог взять звездолет, но в ипостаси Старого В'орнна он предпочитал ходить пешком. От саламуууна окружающий мир казался удивительно чистым, прекрасным и полным чудес.

Недавний шторм будто умыл город. Ручейки дождевой воды, извиваясь, стекали в сточные канавы, повсюду виднелись лужи. Нит Батокссс прошелся по рынку, где на лотках с полосатыми навесами продавалось абсолютно все — от запчастей к звездолету до крупы, от дешевых безделушек до самоцветов с других планет, от безвкусной одежды до дорогих специй. Он шел мимо яркого здания баскирской биржи, где сделки совершались в любое время дня и ночи, мимо мастерских тускутггун, в которых были представлены все виды ремесел. Мимо рыбных рядов, где только что пойманную в темных глубинах моря Крови рыбу продавали, строго разложив по цене и видам. Мутные рыбы глаза так походили на глаза кундалиан, переживших пытки в камерах под регентским дворцом... Однорукий кундалианин в обтрепанной повозке попытался продать гэргону свежие клементты прямо на ветке! Другой, с обезображенным шрамами лицом, безучастно смотрел, как Нит Батокссс разглядывает его жалкую металлическую посуду. Результаты нескольких десятилетий пыток виднелись в Аксис Тэре всюду. Семена, посеянные по указанию техномага, дали недурные всходы, ежедневно доказывая тщетность любого вида борьбы.

Однако движение Соппротивления до сих пор существовало...

Нит Батокссс дошел до своего любимого магазинчика, где торговали эксклюзивными трофеями, добытыми на планетах,

которые покорили в'орнны. Поддавшись порыву, гэргон вошел и купил аргггединское молитвенное колесо. Владелец магазина, разбиравшийся в подобных вещах, объяснил, что в полнолуние это колесо начинает вращаться в трех направлениях, потому что именно в полнолуние аргггединцы молятся своему головному богу. Вернее, молились до того, как пришли в'орнны. Нит Батокссс, знавший об аргггединцах гораздо больше, чем хотел, оборвал торговца на полуслове, расплатился и вышел из магазина.

С самого начала прогулки ему бросилось в глаза, что на улице полным-полно кхаггунов. Гораздо больше, чем при параноике Венне Стогггуле. Казалось, будто в городе объявлено военное положение. Это еще больше запугивало кундалиан. Именно этого и добивался Курган. А Нит Батокссс знал, чего добивается регент, потому что гэргон сам посоветовал правителю так поступить.

Нит Батокссс размышлял о своих близких отношениях с Курганом Стогггулом. Все шло по плану с тех пор, как много лет назад, в ипостаси Старого В'орнна, он заставил ребенка отвернуться от семьи и начал развивать его интеллектуально и физически. Это был эксперимент — один из многих, что проводил Нит Батокссс. В конце концов, он ведь техномаг и обязан искать ответы на вопросы, которые представители других каст даже не задают. Как доверенный воспитатель Батокссс руководил Восшествием Кургана в Келье Вознесения. Когда-то эта палата с напоминающим глаз окном была кельей кундалианской богини Миины. Теперь там отделяли «сорочку» у мальчиков из касты избранных и подсаживали псевдоорганический окуммон, что ознаменовывало наступление их новой жизни. Затем окуммон настраивался и программировался в соответствии с желанием гэргона. Нит Батокссс до сих пор хранил «сорочку» Кургана, которую он подменил «сорочкой» баскирского мальчика, умершего во время церемонии. При помощи специальной программы «сорочка» могла рассказать много интересного не только об индивидууме, из тела которого она извлечена, но и о его родословной. Нит Батокссс изучал «сорочку» Кургана с самого дня Восшествия. Именно на основе полученных данных базировалась его уверенность в судьбе воспитанника.

И в конечном итоге что такое судьба? Как гэргон Батокссс привык манипулировать представителями других каст, используя их в качестве подопытных кроликов для своих экспериментов. Техномаг самолично вершил их судьбы. В случае с Курганом он бесцеремонно вмешался в процесс развития и изменил жизнь Стоггула-младшего, сознательно настраивая мальчика против семьи. В особенности — против отца. Гэргон научил Кургана ненавидеть и был весьма доволен и, пожалуй, горд, наблюдая, как ученик хладнокровно готовит покушение на Стоггула-старшего. Все вкусы Кургана, симпатии, антипатии и страхи были созданы Нитом Батоксссом. Техномаг будто рисовал портрет смерти. Он наделил Кургана разрушительной силой, ложной памятью и, как следствие, удобными себе целями. Запустив монстра в действие, гэргон, затаив дыхание, следил за горем, страхом и опустошением, которые тот сеял.

Бульвар Многоножек был залит огнями, наполнен шумом, суетой и спешащими прохожими. На террасе кафе три ремесленницы-тускуггун обсуждали достоинства новых сплавов, которые они создали. Баскирский мальчик, расталкивая толпу, ловко стянул безделушку с открытой витрины магазина. За ним бежала его рассерженная мать, также, как и владелец магазина, заметившая, что сделал ее сынок. Нит Батокссс в обличье Старого В'орнна украдкой улыбнулся, вспомнив Кургана в детстве, ставшего под его влиянием не по-детски хитрым.

Размышляя о Восшествии Кургана, Нит Батокссс подумал, что, хотя он и был чужим в семье Стоггулов, он знал Кургана лучше, чем любой из его близких. Кроме Аннона Ашеры, конечно. Интуиция у этого парня была сверхъестественная. Нит Батокссс ненавидел Аннона почти так же сильно, как его предателя-отца. Иногда он даже жалел, что Аннон уже мертв, и представлял, с каким садистским удовольствием убивал бы его снова и снова.

Теперь Курган был привязан к гэргону крепко-накрепко. Да, парень слишком молод, но неспроста много лет назад Нит Батокссс выбрал именно его. Изучая генетический код Кургана, техномаг увидел в мальчике задатки гения. Если его выводы окажутся правильными, то Кургану можно доверить большую власть, чем когда-то имели баскиры. Именно поэтому

крайне важно держать Кургана под неусыпным контролем. Ведь Нит Батокссс как никто другой знал, насколько сильно чувство власти может ударить в голову.

С бульвара Многоножек гэргон свернул на тихую улицу Киновари.

Вилла, которую он себе облюбовал, когда-то принадлежала довольно известному кундалианскому художнику. Художник умер, не выдержав пыток в камере под регентским дворцом. Его родственники какое-то время пытались отстаивать права на виллу, однако их быстро заставили замолчать при помощи тех же средств, что и самого художника. Так или иначе, вилла освободилась, что и было целью всей этой затеи. И, конечно, ни художник, ни его семья и понятия не имели о стратегической ценности виллы.

Вилла была симпатичной, полной света и простора, хотя гэргону на подобные вещи было наплевать. Нита Батокссса притягивал маленький двор за домом. Ради него он уничтожил художника и его семью, а сам провел много времени, старательно разбивая сад. Нит Батокссс отдавал этой работе всего себя, несмотря на то, что никогда раньше не занимался и не интересовался садоводством. Казалось, он делает это бессознательно, по велению голоса или какой-то силы. Впрочем, в итоге все и оказалось именно так...

Сейчас, проходя по вилле мимо гостиной к огромной мастерской, которую Батокссс превратил в спортивный зал для занятий с Курганом, он чувствовал, как темная сила оживает и внутри него, и повсюду вокруг. Именно эта сила — а не он — по-настоящему хозяйничала на вилле.

Нит Батокссс коснулся тайной панели в дальнем конце спортивного зала, и распахнулась дверца. Перед техномагом простирался внутренний двор. Используя уравнения огня и воды, он наполнил его камнями, скалами, валунами всевозможных форм и размеров. До гэргона донеслось журчание воды, хотя его источник, бассейн, который он построил вместе с Курганом, оставался невидимым, пока не подойдешь прямо к бортикам в центре сада. Бассейну следовало находиться именно здесь, на месте древнего источника, расположение которого было известно Ниту Батоксссу еще до того, как он начал копать. «Сто-

ять в центре, — слова темной силы звучали в его сознании, — значит все видеть». Именно так техномаг учил и Кургана.

Нит Батокссс аккуратно положил аргедддинское молитвенное колесо на плоский черный камень у бассейна, словно подношение, как акт поклонения, уважения и почитания. Не похожий на себя самого, он всматривался в водную гладь, словно жрец, отважившийся заглянуть в глаза богу.

Вода была угольно-черной и невероятно глубокой. Нит Батокссс поднял глаза и медленно повернулся вокруг своей оси, вбирая мельчайшие детали сада. Он вспоминал, как сажал каждое дерево и куст, как размещал каждый камень, каждый валун. Пока Нит Батокссс готовился броситься в воду, ему показалось, что сад — настоящий календарь его жизни на Кундале. Он радовался, что смог стать настоящим героем — гэргоном, который укротил упрямый горон и спас свою расу от Святых Разрушителей, как называли себя центофеннни.

Все это случилось еще до того, как загорелся темный маячок и послышался голос. Этот глас, минуя нейронные сети Нита Батокссса, достиг коры головного мозга и прочно там обосновался. Сначала гэргон приходил сюда лишь изредка и, возвращаясь к обычной жизни, убеждал себя, что это только сон. Но в дальнейшем он снова и снова возвращался сюда, чтобы почувствовать присутствие силы. Таинственная энергия воздействовала на техномага поступательно, не спеша, однако за несколько десятков лет свет ее темного маяка полностью подчинил себе садовника-гэргона.

Вода была холодной, но Батокссса это совершенно не волновало. Бортики бассейна стали скользкими от мха и водорослей, но ему было все равно. С чего это должно его беспокоить? Это его настоящий дом, темнота и холод манили техномага, он чувствовал, что где-то здесь, как в тюрьме, томится неведомая сила, которую нужно во что бы то ни стало освободить.

Он нырнул в темноту вниз головой и стал ждать.

Было так тихо, что гэргон не слышал ничего, кроме биения своих сердец. И лишь этот звук возвращал его к реальной действительности.

Вот она появилась, пытаясь слиться с ним настолько, насколько позволяли ужасные цепи, держащие ее в темнице. Как

долго она здесь томится? Даже разум гэргона пасовал перед таким долгим сроком. Это невозможно. Железная логика неизменно доказывала ему это.

И все же эта сила существовала.

Живым доказательством этого были ставшие знакомыми слова, звучащие в его сознании: *«Трепещите, потому что я то, что осталось»*.

В МГЛИСТЫХ ГОРАХ-1

— Ты же говорил, что дело пустяковое.

— Да это пустяк, и дело сделано.

Два огромных дракона сидели на мглистой вершине над Поднебесным, священным водопадом Миины.

— Ты говорил, что об этом никто, кроме нас, не узнает.

— А кто знает, кроме нас?

— Замки Порталов, которые Миина велела нам соорудить из огня, земли, воды, воздуха и дерева...

— Мы поставили замки до того, как Миина их заколдовала...

— Главное, что они взломаны...

— Как и было предсказано...

— Главное, что они взломаны, и демоны прорвались в реальный мир.

— В реальном мире и раньше встречались демоны.

— Но это архидемон, с ними мы не встречались миллиарды лет.

Один из драконов, красный, словно закат, беспокойно зашевелился.

— А если они вернут молнию...

— Дорогой мой, — драконша была чуть меньше собеседника и черная, как деготь, — не хочешь ли ты сказать, что благоговяешь архидемонов?

— Моего благословения они не получают. Ты что, забыла? Ни один из нас не может забыть. Даже через миллиарды лет с того дня, когда в небе гремел гром, когда нарии растворились в дымке на вершине Дьенн Марра, а огонь полыхал, словно расплавленная магма в моих венах...

— Сейчас вместе с Дар Сала-ат пришла надежда на спасение. Видишь, Колесо Судьбы крутится, и одно за другим Святые Пророчества сбываются.

— Терпение — слабое оружие против огня.

— Демоны... Будь осторожен. Представляешь, чем обернутся твои вольности, если хоть один из наших врагов узнает, что...

— Они не узнают. — Красный дракон усмехнулся, обнажив блестящие клыки размером с копыто чтавра.

Черная драконша повернула огромную, с пучками шерсти, голову.

— Что же ты сделал?

— Я такой умный, правда!

— Дорогой мой, не стоит хвастаться! Это тебе не идет.

От жуткого звука, заглушившего шум водопада, казалось, затряслись и небо, и земля. Стаи испуганных птиц вылетели из гнезд и беспорядочно закружили над горами.

— Зачем же смеяться? — раздраженно покачала головой черная драконша. — Что смешного?

— Когда ты мне сказала, что ничего не хочешь об этом знать, я заключил пари сам с собой. И теперь его выиграл.

— Ну хорошо, рассказывай.

— Как хочешь. — Красный дракон выглядел весьма самодовольным. — Я ввел в игру Миннума.

— Нет, ты не мог этого сделать!

— Еще как мог!

— И это ты называешь маленькой вольностью и пустяком?!

— Ну, большим Миннума не назовешь!

— Ты невыносим, знаешь?

Пододвинувшись бочком к подруге, красный дракон потерся о нее спиной.

— Ты что, сердиться? Скажи, что нет!

— Я не имею права подстраивать под себя законы!

— Я тоже не имею. Но нужно было что-то делать! Видишь, что наделал Хоролаггия, как он использовал Маласокку!

— Да, даже с его стороны было низко убить Церрна и занять его место.

— А Пэффорс! Он же открыто издевался над нами, пренебрегая нашими законами!

— Миннум опасен потому, что совершенно непредсказуем!

— Да, но он единственный остался в живых.

— Выжив, он пожертвовал всеми остальными.

— Ты слишком сурова!

— Теперь он станет им врать!

— Конечно, станет! Миина сама это видела! И от этого он не станет менее надежным!

— Да, но есть и другие. Интриги Миннума точно разбудят их от вековой спячки.

— Ты же слышал, что сказал Миннум. Они уже проснулись.

— Если они проснулись...

— Ты что, не веришь в Дар Сала-ат?

— Она слишком молода и неопытна.

— Да, о тебе, видит Миина, такого не скажешь. Поверь в нее, как это сделал я.

Черная драконша покачала угловатой головой.

— На ее пути столько препятствий.

— Значит, как и сказано в Святом Пророчестве, ей будет нелегко. Значит, ей придется завоевать твое доверие.

Глаза черной драконши погрузнели. Прекрасные и выразительные, они по цвету и яркости напоминали лунные камни.

— Есть кое-что еще. Ты не подумал, что предупредительный удар Хоролаггии мог иметь и другой, еще более зловещий мотив?

Красный дракон от злости топнул, обнажив хрустальные когти.

— Более зловещий мотив, чем попытка превратиться в госпожу Джийан? Что же это может быть?

— Возможно, он рассчитывал именно на такой ответ. Архидемон хочет преждевременно втянуть нас в игру, как это случилось с нашей сестрой, которую захватили в плен.

— Ах да, я совсем забыл, — криво усмехнулся красный дракон, полыхнув пламенем. — Всему свое время.

— Именно. Это ведь не как в старые времена, дорогой.

— Но мы бессмертны и должны стараться, чтобы все было именно как в старые времена.

Черная драконша вздохнула.

— Совершенно верно. Правда, нам следует внимательно относиться к врагам и помнить о своем месте на Аса'аре.

— Великом Колесе Судьбы.

Книга вторая

ВРАТА ТЕРПЕНИЯ

Из всех недостатков, которыми может обладать колдунья, возможно, самым большим и опасным является нетерпеливость. Власть дает возможность действовать, а вместе с этой возможностью приходит и непреодолимое желание действовать даже тогда, когда самым разумным является ожидание и бездействие. Предупреждаю вас, о прилежные ученики Осору! Учитесь терпению и выдержке, чтобы не пришлось страдать от собственной опрометчивости до конца своих дней.

«Величайший Источник».
Пять Священных Книг Миины

10

ЯЙЦО

Лиммнал затаился в тени, поджидая жертву. Окружающий мир отражался в его трех бледно-голубых глазах. Вокруг расстилалась степь — голые вытертые впадины, утлые островки деревьев, берега бледного лишайника, омываемые океаном лаванды, бесконечным, шумящим при любой погоде. Невероятное ощущение времени, вечности и бесконечного одиночества, которое неумолимо возникало от такой суровой красоты. При виде бескрайних просторов у чужаков захватывало дух и кружило голову, а когда красноватая пыль оседала на коже, они понимали, что красоты степи им не забыть никогда.

Ночь была безлунной и довольно прохладной. Бескрайнее гладкое море травы будто совсем не имело веса, как воздух, отчего зазубренные белоснежные вершины Дьенн Марра ка-

зались еще выше и массивнее. Темнота уплотняла и без того густую, высотой до пояса траву, превращая ее в отдельно существующий мир. И в этом мире лиммнал почувствовал что-то живое, тепло какого-то тела, так же как и он, затаившегося в траве, беспокойное дыхание и учащенный пульс кого-то напряженно выжидающего, готового к резкому прыжку.

Лиммнал, прятаясь в зарослях у лагеря Гази Кан, был специально обучен вынюхивать в траве разную мелочь. Ноздри его расширились, задрожали, а три глаза стали напряженно всматриваться в траву в поисках нарушителя порядка. Суслик высунулся из норки, но, несмотря на голод, лиммнал проигнорировал грызуна. Испуганный тихим свистом летучей мыши суслик исчез, а над высокой травой промчалась целая стая летучих мышей, направляясь к месту ужина. А потом стало совсем тихо. По небу неслись облака, они были чуть темнее обычного, но лиммнал заметил даже это.

Запах лишь на долю секунды опередил движение, ведь лиммнал знал — в напряженных ситуациях двуногие нарушители источают определенный аромат. Так что, когда нарушитель двинулся в сторону лагеря, тело лиммнала было уже в прыжке.

Почти бесшумно лиммнал вонзил три ряда зубов в плечо нарушителя, а потом навалился на него всем телом, сбивая с ног. Ловко увернувшись от кинжала, лиммнал снова вцепился в руку нарушителя, вырывая плечо из сустава. Незванный гость потерял сознание, а успокоившийся лиммнал потащил его тело к кострам, разведенным вокруг дерева.

Возле высокого, гордо вздымающегося из красноватой почвы ствола сидели и стояли шестнадцать коррушей Гази Кан. Костер трещал, брызгая искрами, а рядом на углях был укреплен закопченный котелок. С противоположной стороны у самого дерева лежала женщина. Стоящий рядом мужчина бережно поглаживал ее огромный живот, вполголоса бормоча Бер-Бнадем, родовую молитву. Другая женщина, аккуратно раздвинув ноги беременной, встала на колени и стала говорить что-то очень тихо и медленно, будто обращаясь к ребенку.

Отнам сделал знак лиммналу, и тот послушно выпустил жертву. Мехммер, младшая сестра Отнама, помогла оттащить нарушителя к дереву.

— Джени Серии, — пробормотал Отнам, поглаживая густой мех за мускулистой шеей лиммнала.

Сильный удар кулаком привел пленника в сознание. Гази Кан пытали его целый час, но не добились ни слова.

Мехммер плюнула в лицо врага.

Кто-то кинул лиммналу кусок мяса, и он тут же проглотил его, негромко засопев. В обычном состоянии лиммналы ведут себя очень тихо, стараясь не издать ни звука.

Отнам посмотрел на дерево. Серо-черное, колючее, сучковатое, старое, как мир, оно казалось удивительно красивым. Они с сестрой ухаживали за ним с тех пор, как научились ходить. Здесь, под укрытием мощных корней, были похоронены их родители и родители их родителей. Теперь это дерево перешло к Отнаму и Мехммер вместе с надеждой на лучшую жизнь. После того как их кости превратятся в пыль, дерево перейдет их детям. Возвращаясь из долгих путешествий в неизведанные земли, они искали глазами дерево, которое словно маяк показывало — они дома.

Используя самую мощную из ветвей, Отнам и Мехммер привязали Джени Серии за шею так, чтобы он медленно задохнулся, как того требовал обычай. Пленник слабо брыкался, и с веток посыпались мелкие жесткие плоды. Молитв никто не читал, так тоже полагалось по традиции.

Темные блестящие глаза Мехммер следили за предсмертными судорогами жертвы с нескрываемым удовольствием. Мехммер была высокой, широкоплечей, с гривой иссиня-черных волос, заплетенных в косы, которые украшали мелкие пестрые раковины гризя, диски полосатого янтаря и капельки королевского сердолика. На ней были обтягивающие кожаные бриджи, свободная рубашка с широкими рукавами из некрашеного муслина длиной до колен и желтые туфли на тонкой подошве с загнутыми серебряными носами. На простом ремне, обхватывающем тонкую талию, висел меч с узким лезвием, ятаган и кинжал с украшенной драгоценностями рукоятью, который Мехммер сделала сама.

Именно она выковала кинжал брата, который оказался крайне полезен в стремительных атаках и рукопашном бою. Красивая массивная рукоять надежно лежала в ладони, а тон-

кое лезвие проходило между указательным и средним пальцами. Это было скорее колющее оружие, чем рассекающее, идеально подходящее для драк в замкнутом пространстве. Уже много раз этот кинжал спасал жизнь Отнаму.

— Агашир всего в сутках пути, а нас все еще преследуют Джени Серии, — сказала Мехммер. — Что же делать?

— Принесем Макктуубу это доказательство вероломства Джени Серии, — ответил Отнам.

— А что, если Макктууб спросит, — встревожилась Мехммер, — что, если он захочет узнать, чем мы занимались?

— Мы простые торговцы — мирные и набожные.

Мехммер обеспокоенно взглянула на мертвого шпиона, болтавшегося в петле.

— Меня беспокоит то, что касается набожности.

— Святые места Горов неизвестны ни Макктуубу, ни Джени Серии, — негромко проговорил Отнам. — Не беспокойся, сестричка, никто ничего не узнает.

— Но ведь мы идем к Макктуубу.

— Я прекрасно представляю себе опасность, — сказал Отнам резче, чем ему хотелось.

— Да, конечно, мы оба это знаем. От родителей.

— Давай не будем говорить об их страданиях. Ведь мы целых три дня провели, молясь Хедрену и прославляя их жизнь в годовщину смерти.

— Как скажешь, брат.

— Мы не станем повторять их ошибок, — зашептал Отнам, — мы будем дружить с Макктуубом и исполнять его желания. Взамен он оставит нас в покое.

Отнам в отличие от смуглой Мехммер был светловолосым. Длинные перекрученные пряди золотистых волос он, как и все мужчины, стягивал в узел высоко на макушке. Его лицо, огрубевшее от солнца и ветра, со следом от удара вражеского клинка, казалось волевым и по-настоящему благородным. От родителей ему достались глаза мистика, способные видеть то, что не дано другим. Синие как небо, они были испещрены изумрудными прожилками, завитками Горов, как их называли. Это доказывало, что Отнам был избранником Горов, секты мудрецов, научившихся справлять *Мокакаддир*, обряд священных песнопений, у самого Джихарра.

Лиммнал вырвался из рук спутников Отнама, подошел к все же появившемуся на свет младенцу и стал слизывать околоплодную жидкость. Усталая, но довольная мать потрогала крошечные ножки ребенка.

В свете костров брат с сестрой подошли к младенцу, изогнутые ветви дерева отбрасывали на их тела причудливые тени. Мехммер взяла малышку на руки и в соответствии с обычаем насухо вытерла ее своей мягкой синшалью — длинным шарфом, проводя по голове и шее; считалось, что это поможет девочке защититься от солнца, ветра, дождя и пыли. Затем она поцеловала ребенка в лоб. Отнам стоял в стороне, держа перед собой кинжал. Пока Мехммер напевала, он сделал три ритуальных надреза на груди девочки кончиком лезвия. Малышка закричала, ее кровь брызнула на обнаженный живот матери. При помощи мази Мехммер тут же остановила кровь. Девочка замолчала, ее ничего не выражающие глаза смотрели в бесконечность. Вдруг она крепко схватила Мехммер за палец. Смеясь, Мехммер передала девочку Отнаму, который поднял малышку в ночное небо и прочитал молитву: «Я нанес первую рану в жизни ребенка. Племя получило кровь младенца в знак верности и преданности. Младенец получает от меня первое благословение. Малышка, расти сильной и умной. Пусть земля коррушей навсегда останется твоей родиной. Пусть ты проживешь сто лет и увидишь лицо Пророка».

Обряд был завершен, Отнам передал девочку, которую называли Джиин, родителям, а сам с помощью Мехммер начал расчленять тело Джени Серии. Они сняли с него одежду, а оружие отдали в качестве трофея родителям новорожденной, ведь этот шпион был убит в ночь рождения их дочери.

Красноватая коррушская пыль летела над лагерем, а Отнам и Мехммер, склонившись над трупом, стали аккуратно обдирать с черепа полоски кожи и мяса. Этого шпиона, как и других Джени Серии, они не знали и не испытывали к нему ничего, кроме страха. Жуткий обряд обдирания черепа был призван хоть как-то унять их первобытный ужас перед врагом. Неподалеку у костра свернулся верный лиммнал; он отдыхал, безразлично наблюдая за хозяевами задним глазом, расположенным на затылке между ушей.

* * *

Вдруг задремавший лиммнал очнулся (лиммналы вообще не спят в общепринятом смысле этого слова). Раскрыв по очереди все глаза, он бесшумно побежал прочь от колючего дерева, украшенного новым черепом, подсыхающим в первых косях лучах солнца.

Лиммнал принялся обнюхивать землю, его задние ноги сжались, как для броска. Запах был незнакомым. Длинная пушистая голова зверя качалась вперед-назад, будто стрелка компаса. Лиммнал приготовился к атаке, хотя его раздирало от любопытства.

Наконец запах привел его к девушке, закутанной в длинное пальто. Она лежала, свернувшись калачиком, и как будто спала. Однако стоило лиммналу приблизиться, как девушка тут же подняла голову. Ее глаза смотрели прямо на лиммнала.

Напряжение оставило тело зверя, и он лег на землю, вытянув передние лапы. Затем он коротко мяукнул, и девушка ему ответила. Начался престранный разговор, и вот лиммнал подполз ближе — и еще ближе, пока не прикоснулся мордой к лицу девушки. Обнюхав «собеседницу», лиммнал нерешительно лизнул ее.

Лиммнал сильно удивился, когда, вернувшись с девушкой в лагерь, увидел выражение лиц хозяев. Он не мог понять, почему Отнам вытащил меч, а Мехммер свирепо оглядывает незнакомку.

— Как ты смогла обмануть нашего лиммнала, незнакомка? — прорычала Мехммер, и спящие зашевелились. Гази Каны по очереди выхватывали мечи, направляя их на девушку. — Если тебя послали Джени Серии за своим шпионом, то ты опоздала. — Мехммер показала на белеющий череп.

Риана одной рукой сняла капюшон пальто Нита Сахора, а другой продолжала гладить острый хребет лиммнала.

— Как вы сами поняли, я не Джени Серии и не принадлежу ни к одному из пяти племен. Я с юга, из города Аксис Тэр, меня зовут Риана.

— Не похоже на настоящее имя, — заявила Мехммер.

— Однако это мое единственное имя. Я родилась на склонах Дьен Марра, но совсем не помню ни детства, ни отца с матерью, ни сестер или братьев.

По лицу Мехммер скользнуло странное выражение, но Отнам уже представил ее и себя незнакомке.

— Если вы Гази Каны, значит, я не заблудилась, — улыбнулась Риана. — Что же касается лимнала, то я просто умею обращаться с животными. Наверное, он знает, что я не представляю для вас опасности. — Риана разглядывала лица собравшихся, дольше всего задержав взор на Отнаме и Мехммер.

— Допустим, ты не врешь. Но с какой целью ты оказалась так далеко от Аксис Тэра? — грубовато спросила Мехммер.

— Мне нужно добраться до Агашина и встретиться с дзуоко...

— Мы тебя не знаем. Ты ненормальная, если думаешь, что мы позволим тебе пройти в столицу, самое сердце нашего шира. — Мехммер шагнула к Риане, угрожающе подняв кинжал.

Отнам остановил сестру.

— Мехммер очень расстроена нападением шпиона Джени Серии, — объяснил он. — Извините нас.

— Спасибо, — ответила Риана, — не стоит извиняться. Я не виню вас за подозрительность. Кажется, вы живете на грани войны.

— Да, между племенами происходят постоянные стычки, атаки и контратаки, вылазки на территорию друг друга, смерть и месть, — проговорил Отнам. Затем он кивнул Риане: — У вас кинжал необычной работы. Можно мне взглянуть?

— Конечно. — Риана передала коррушу кинжал, который Аннону подарила Элеана. Это была ее самая ценная вещь.

Отнам принял кинжал и тут же приставил к горлу Рианы.

— Не бойшся, что перережу тебе горло?

— Боюсь, что твоя рука дрогнет, и ты непредумышленно меня поранишь, — ответила Риана. — А если бы я тебя боялась, то ни за что не отдала бы кинжал.

Заворчав, Отнам опустил кинжал и протянул его Риане.

Мехммер снова заволновалась.

— Отнам, не отдавай...

— Оставь его при себе, если хочешь. Пока я под вашей защитой, не думаю, что он мне понадобится.

Отнам кивнул, он был явно доволен.

— Мы позволим тебе свободно пройти в Агашир.

Мехммер набросилась на Отнама, ее глаза метали молнии.

— Братец, ты что, рехнулся? Не верю, что ты сказал это серьезно! Она ведь пришла с той же стороны, что и шпион Джени Серии, которого мы повесили меньше часа назад.

— Я шла всю ночь, — отозвалась Риана, — и никого не видела.

Отнам собирался ответить, однако громкий крик со стороны лагеря не дал ему и рта раскрыть. К ним бежал, отчаянно жестикулируя, Паддии, отец новорожденной малышки.

— Наша Джиин, — взволнованно начал он, — перестала дышать. Мы уже все перепробовали, мы не знаем, что...

— Можно мне на нее взглянуть? — быстро спросила Риана.

— Только попробуй... — предупредила Мехммер.

— Пожалуйста, — взмолился Паддии, — сделайте что-нибудь! Моя дочь умирает!

— Твой охранник столько раз спасал тебе жизнь, — проговорила Риана. — Он знает, что я не опасна. Почему же ты ему не доверяешь?

— А вдруг ты его околдовала? — проговорила Мехммер.

— Мы слышали о злых колдунах, которых называют соромиантами, — сказал Отнам, — они клеветают на пророка Джихарра.

— Я не соромиант, — честно призналась Риана, — я отдала вам свое оружие. Пожалуйста, позвольте мне помочь!

Отнам заколебался, но потом кивнул. Вместе с Паддии они подошли туда, где лежала на материнском животе крошечная девочка, неподвижная и посиневшая. Несчастливая мать рыдала, сквозь слезы читая молитвы.

Риана склонилась над девочкой, раскрыла ей рот и сунула палец в крошечное горлышко.

— У нее что-то в трахее. Если не помочь немедленно, то она умрет через несколько минут.

Мать девочки застонала, а Паддии в отчаянии ломал себе руки.

Оттолкнув Риану, Мехммер засунула палец в рот девочки.

— Ничего не получается, — призналась она. Склонившись над ребенком, Мехммер покраснела от натуги. — Я не... Горло слишком узкое.

— Я могу спасти ребенка!

— Ты и пальцем ее не тронешь, — резко ответила Мехммер.

— Из-за собственной злости и подозрительности ты хочешь лишить только что родившегося члена твоего племени шанса выжить?

— Мехммер, — мягко проговорил Отнам, — как сказала Риана, ей доверился даже верный Хакка. Мы будем внимательно за ней следить. Пусть она поможет.

Мехммер обожгла девушку злым взглядом, поднялась, коротко кивнула и шагнула в сторону, освободив место Риане.

— Если ребенок умрет... — Мехммер помахала мечом.

Риана старалась не обращать на нее внимания. Встав на колени, она взяла девочку на руки и раскрыла ей рот. Причиной закупорки трахеи был маленький незрелый плод колючего дерева, который попал ей в рот, когда она спала. Именно он застрял в крошечном горле.

— Должно быть, так и случилось, — раздраженно сказала Мехммер, — плоды всегда опадают в конце осени.

Риана взглядела в хмурые лица собравшихся. Зима вот-вот наступит, а она ни на шаг не приблизилась к тому, чтобы найти Вуаль Тысячи Слез. Ясно, корруши ей не доверяют. А что, если она не попадет к Перрнотт? А что, если Перрнотт не знает, где Вуаль? Пытаясь взять себя в руки, Риана выбросила все из головы и сосредоточилась на девочке.

— У кого-нибудь есть кинжал с узким лезвием?

Мехммер вздрогнула, будто ее ударили.

— Ради Джихарра, надеюсь, ты знаешь, что делаешь, незнакомка.

Большим и указательным пальцем левой руки Риана держала рот девочки открытым, а правой осторожно опускала кинжал в узенькое горло.

Мать сдавленно вскрикнула, а Мехммер начала громко молиться. Кончик лезвия коснулся плода. Риана знала, что у нее всего одна попытка. Если она промахнется или опустит кинжал слишком низко, то наверняка проколет сонную артерию. Но если промедлить, девочка несомненно умрет.

Риана мысленно попросила Миину не позволить ей промахнуться и опустила кинжал под определенным, тщательно высчитанным углом. Кончик лезвия легко проткнул кожуцу плода, и девушка быстро и аккуратно вытащила его из горла.

Вернув клинок Отнаму, Риана тут же прижалась к малышке губами и, сильно выдохнув, наполнила ее легкие воздухом. Когда девочка начала дышать самостоятельно, Риана отдала ее матери, которая рыдала, не пытаясь сдержать слезы.

— Спасибо, — сказал Отнам.

Кивнув, Риана встала.

— Можно мне немного воды?

Кто-то бросился выполнять ее просьбу, однако был тут же остановлен жестом Мехммер. Она пошла за водой сама, налила из серповидного пузыря, висевшего на деревянном колышке, в медную кружку и подала Риане. Коснувшись ее рукой, Мехммер заглянула ей в глаза.

— Почту за честь сопровождать тебя в Агашир, — сказала она чуть слышно. — Возможно, я стала такой злой и подозрительной из-за того, что ободрала слишком много вражеских черепов.

— Разумно будет посоветовать матери не сидеть под деревом. Один из плодов и так чуть не убил ребенка.

— Ты сама могла бы ей сказать, — заколебалась Мехммер.

— Нет, Мехммер, ей лучше услышать это от тебя, — заметила Риана.

Темные глаза Мехммер испытующе взглянули на Риану. Затем сестра Отнама кивнула и пошла к Паддии просить, чтобы он перенес жену.

Проводив Мехммер взглядом, Отнам сделал знак Риане, и девушка отошла с ним в сторону от костра. За ними увязался Хакка. Когда они остановились, он сел, тяжело дыша и заглядывая собеседникам в глаза.

— Ты сказала, что хочешь найти дзуоко Перрнотт?

— Я не говорила, что ее зовут Перрнотт.

Отнам негромко рассмеялся.

— И не нужно говорить. На территории коррушей только один кашигген, следовательно, и одна дзуоко.

— Можешь меня ей представить?

Станные глаза Отнама, казалось, просвечивали Риану насквозь.

— Зачем она тебе?

— Ты совсем не похожа на имари, — проворчала подошедшая к ним Мехммер.

Конечно же, Риана не была похожа на имари. Она пришла к коррушам для того, чтобы Перрнотт учила ее. Риана надеялась узнать, где спрятана Маасра. Рассказывать об этом Гази Канам, которых она едва знала, было бы слишком безрассудно. Тем более что они и так относились к ней с подозрением.

— И все-таки, — Риана изо всех сил старалась, чтобы голос звучал искренне, — именно этого я хочу больше всего на свете.

Отнам мрачно кивнул:

— Я помогу тебе. Но сначала тебе придется встретиться с Макктуубом.

Макктууб жил во Дворце Тишины. По сути, это были три здания в одном, напоминающие концентрические окружности. Все официальные дела племени решались во внешней части, открытой для всеобщего посещения. Здесь постоянно было шумно от снующих по застланым коврами полам посетителей. Перекрытия в виде решеток из сандалового дерева лишь частично поглощали шум. Убранство этой части дворца, выдержанное в строгих геометрических формах, говорило об абсолютной власти капудаана.

Средняя секция была меньше внешней, более комфортной и не такой помпезной по стилю. Здесь раз в день Макктууб встречался с Джуурой — тайным советом, состоящим из семи преподобных судей. Тихими, спокойными, не громче журчащей в пруду воды, голосами они провозглашали новые законы, изучали донесения разведки из отдаленных уголков шира, решали финансовые и военные проблемы. Иногда Джуура собиралась без Макктууба. Седобородые судьи, устроившись на расшитых золотом подушках, лакомились стоящей на лакированных столиках снедью — сушеными фруктами, вареной крупой и пикантными леденцами.

Место заседания Джууры было огорожено решеткой, выполненной лучшими мастерами Агашира из самого дорогого сорта сандалового дерева. Три мастера работали над решеткой более года, вырезая ветки и листья деревьев, изображения птиц, рыб и животных. За этим тонким барьером в крапчатой тени часто сидел Макктууб, в молчании слушая горячие споры и высказывания судей, которые искренне верили, что его вооб-

ще нет во дворце. Таким образом, он не только был в курсе всех дел племени, но и получал бесценную информацию о членах совета, которые в его отсутствие вели себя намного откровеннее. Как и все Гази Каны, судьи помнили ужасные события, которые привели Макктууба к власти, и панически боялись вождя.

Лишь в самом центре дворца, в головокружительном лабиринте внутренних двориков, садов, залов с высокими потолками, просторных, залитых солнцем купален, гостиных, заваленных мягкими подушками, капудаан мог позволить себе по-настоящему расслабиться. Здесь безгранично властвовала тишина. Разговаривать разрешалось лишь с позволения самого Макктууба. Юноши, обслуживавшие капудаана днем, и девушки из хаанджхалы, убажвающие его ночью, общались с помощью знаков, изобретенных самим Макктуубом.

Лишь в полной тишине можно было насладиться маленькими удовольствиями — шелестом ароматных листьев сандалового и лимонного деревьев, игрой солнца на цветах розового куста, трелью золотых лаэрков, прыгающих по жердочкам богато украшенных медных клеток, бесконечной вереницей облаков, видимых из огромных окон. Макктууб считал, что именно минуты блаженства, проведенные в таком окружении, позволяют ему возвращаться в безумный водоворот мнений, споров, интриг и сложных решений, из которых состояла его жизнь. Управлять одним из пяти племен было очень трудно.

К этому тройному дворцу Отнам с Мехммер и привели Риану после прихода в Агашир. Догорал день, и столица Гази Канов показалась Риане огромной и величественной: низкий, засаженный деревьями квадрат, примыкающий к сонной реке, которая, извиваясь, текла на северо-запад, к зазубренным вершинам Дьенн Марра, величественным серебристо-пурпурным массивом сверкавшего на северном горизонте. Вершины выглядели еще более высокими и угрожающими, чем на западе. Посреди хребта зияла Великая Расщелина, таинственная и страшная трещина, которая проглотила экспедицию в'орннов к Неизведанным Землям. Хотя Аннон слышал много историй о Великой Расщелине, Риана никогда раньше ее не видела. Огромная черная тень, ужасная и непреодолимая, притягива-

ла девушку к себе словно магнит. Секунду желание узнать, что находится на той стороне Расщелины, терзало Риану, как боль в груди. Затем девушка переключила внимание на другое.

Прежде всего на нее произвел огромное впечатление Агашир. Несмотря на то что любили болтать в Аксис Тэре, это был все же город, а не деревня. Риану поразили стремительный водоворот цветов и красок, разворачивавшийся вокруг, пестрая радуга искусно выделанных тканей с одинаковым узором — широкими диагональными полосками. Когда она поделилась своими наблюдениями, Отнам заметил, что ткань сделана очень тонкой из практических соображений — так к ней меньше пристает вездесущая коррушская пыль, вздымаемая непрекращающимися ветрами. Приглядевшись, Риана заметила, что город состоит из палаток самых причудливых конструкций. Городские стены были сделаны из какого-то материала, высушенного в печах, побеленного и ярко блестящего под солнцем, а почти все палатки оказались веселой полосатой расцветки.

Риану провели мимо караванов куомешалов — выючных животных, которых она впервые заметила в лагере Отнама и Мехммер. У куомешалов, по размерам напоминавших карликового чтавра, было шесть лап и короткая шерсть серо-рыжего цвета. В теле куомешала все, за исключением коротких ушей, имело удлиненную форму — мясистый, похожий на луковицу нос, сильная мускулистая шея, челюсти с длинными резцами и нескладные лапы. Но больше всего удивила Риану спина животного — на ней росли два больших горба, между которыми корруши перевозили коробки, бочки и ящики, закрепив прочной сетью.

— Вид у куомешалов, возможно, смешной, — объяснил Отнам, — зато они могут перевезти в три раза больше груза, чем самый сильный чтавр. Во время переходов куомешалы обходятся без воды и еды, питательные вещества накапливаются в горбах. Для долгих переходов лучше транспорта не придумаешь.

Риане было не по себе от чудовищной смеси голосов и запахов. Уличные торговцы продавали все — от свежеепеченного хлеба до сладостей, приготовленных из земляных орехов и золотистого меда. Неудивительно, что от прилавков, огромных мешков и переполненных бочек доносился умопомрачительный аромат разных специй. На углях жарилось мясо

и овощи, варилось огромное количество крупы, приправленной сладостями и орехами. Отовсюду доносились мелодичные голоса продавцов, старающихся привлечь покупателей.

Стоявший за черно-белым лотком торговец призывно поднял руку.

— Усталый вид выдает в вас путешественников, — завел он неправдоподобно высоким голосом.

Из квадратного с тонким носиком сосуда торгующий наливал в маленькие чашечки без ручек густую коричневую жидкость с таким дразнящим запахом, что пройти мимо было невозможно.

— Подходите, стряхните пыль с плащей и отведайте чашечку моего ба'ду, приготовленного из отборных бобов. — Густая борода, ползущая по щекам, словно виноградная лоза, полностью скрывала лицо торговца. Руки с толстыми пальцами проворно двигались, будто в танце. — Подходите, подходите сюда! Собирать бобы я езжу на границу Агашира и знаю, как утомительны путешествия. Что может лучше восстановить силы, чем крепкий ба'ду? — Он подал чашечку сначала Отнаму, а потом Мехммер. Неуверенно покосившись на Риану, торговец все же решился и протянул чашку с темной жидкостью и ей. — Угощайтесь, друзья! Попробуйте лучший ба'ду во всем Агашире! — Он фыркнул и покачал головой. — Что я такое говорю? Лучший ба'ду на всей земле коррушей! — Глаза торговца сверкали, руки так и порхали в воздухе. — Если не согласитесь, что ж, платить на надо! Что может быть справедливее?

Отнам и Мехммер отпили из чашечек. Риана попыталась последовать примеру, но она никогда не пользовалась чашками без ручек и чуть не подавилась. Крепкая сладкая жидкость обожгла горло, девушка тут же закашлялась.

— Выпей еще! — потребовал торговец. — Выпей!

Прочистив горло, Риана выпила еще, на этот раз осторожно. Всего пара глотков, и у нее закружилась голова.

— Здесь есть спирт?

— Нет, конечно, нет! — заорал торговец. — Ба'ду тонизирует без алкоголя, благодаря энзимам и ферментам, которые пробуждаются после специального и тщательного обжаривания бобов. — Торговец кивнул в сторону черепа Джени Се-

рии, который нес Отнам. — Дайте попробовать ему, и, возможно, несчастный оживет! — Оглушительно рассмеявшись, он снова наполнил чашечки. — Вторая порция бесплатно!

Отнам стал расплачиваться.

— Этот череп добыт в доблестном бою? — спросил торговец. Отнам молча перекладывал череп из одной руки в другую. — Подходите, подходите, не стыдитесь собственной доблести! — Он вопросительно поднял брови. — Если, конечно, это трофей, а не останки ваших почтенных родственников.

Отнам покачал головой.

— Это череп Джени Серии, который напал на нас под самым Агаширом.

— Так близко к городу! — воскликнул торговец. — Разве об этом не следует доложить властям?

— Мы как раз собирались к капудаану, — заявила Мехмер, — нас задерживает лишь твое назойливое приставание.

— Я долго вас не задержу, — ответил торговец, и его черные глаза взглянули на Риану. — Это твой первый приезд на землю коррушей, девушка?

Риана кивнула.

— Ну и как впечатления?

— Я в восторге! — воскликнула Риана. — Жизнь бьет ключом!

— Правда?

— Большинство жителей Аксис Тэра считают вас примитивным народом, живущим серой скучной жизнью.

— Тогда зачем ты к нам приехала? — продолжал любопытствовать торговец. — Веками кундалиане игнорировали коррушей. Как ты сама признала, вы считаете нас дикарями.

— Решила взглянуть на вашу землю собственными глазами, — объяснила Риана. — И еще хочу встретиться с дзуоко Перрнот.

Продавец ба'ду задумчиво почесал бороду.

— У тебя есть для нее сообщение?

— Хочу стать ее ученицей, — ответила Риана.

— Значит, хочешь стать имари? Кто был дзуоко в твоём городе?

— Я никогда не училась на имари.

— Выходит, никто тебя не посылал...

— Я пришла по собственному желанию. И раз уж я проделала такой долгий путь, надеюсь, найду дзуоко в кашиггене.

— Ну, это точно, — заверил ее торговец, — Перрнодт редко покидает «Мрашрут» даже на день.

— Очень странно.

Впрочем, торговец уже потерял интерес к теме, потому что, подняв медный ковшик, обратился к Риане:

— Могу я поинтересоваться, что ты думаешь о ба'ду?

— Думаю, к нему нужно привыкнуть.

— От этого ничего не изменится. — Собрав пустые чашки, он улыбнулся, сверкнув зубами. — Ну, желаю тебе удачи, малышка.

— Спасибо, — ответила Риана и отошла от лотка.

Спускаясь по шумному, тянущемуся вдоль рынка бульвару вместе с Отнамом и Мехммер, Риана то и дело ловила на себе пытливые взгляды прохожих. Корруши были одеты по-разному: одни — в обтягивающие кожаные бриджи, как Мехммер, другие — в полосатые платья с синшалями на голове. Обувь у всех была одинаковая — плоские сандалии с загнутыми вверх носами.

— Они очень удобны и отлично подходят для такой почвы, как у нас, — проговорил Отнам, бросив взгляд на Рианины сапоги.

Риана внимательно всматривалась в лица Гази Кан, покрытые пятнами и изъеденные горячим степным воздухом. Жестокое, гордые лица с чистыми прозрачными глазами немного напоминали потертые камни пустыни. Но по крайней мере на них не было ни грамма жира, и щеки не отвисали.

Дворец капудаана находился в самом сердце Агашира на пересечении центральных улиц. Мостовая здесь представляла собой ту же коррушскую пыль, хотя и утрамбованную чуть сильнее, чем в степи. Когда показался дворец, Отнам предупредил Риану, чтобы она не смела разговаривать, пока ее не спросят, а Мехммер продемонстрировала несколько простых жестов, с помощью которых девушка сможет показать, что хочет к кому-нибудь из них обратиться.

Дверей как таковых у дворца не было, только несколько больших ворот из сандалового дерева, полосатого камня, хитроумно обработанной меди и даже из переплетенной лозы,

украшенной красными цветами. За последними воротами, перед тем как им позволили войти, Риана заметила стайку хихикающих девушек. Наконец Савакак, один из советников капудаана, пропустил странников внутрь, и их сразу захватил бешеный ритм внешней секции. У каждых ворот стояли по два до зубов вооруженных стражника, которые разглядывали Риану так внимательно, что девушке стало не по себе.

Они быстро преодолели шумную внешнюю секцию, где правосудие вершил один из членов Джууры. Риану провели мимо тщательно отполированной решетчатой ширмы из сандалового дерева, сквозь которую за ней наблюдала небольшая группа мужчин. Путешественники прошли слишком быстро, и Риана не успела подсчитать точное число тех, кто сидел, облокотившись на расшитые золотом подушки.

Сделав знак рукой, Савакак указал на комнату, где посетителям предстояло ждать, а сам незаметно исчез, даже не предложив воды. В комнате отсутствовала мебель, так что присесть и отдохнуть было негде.

Риана и ее спутники остались одни в этой странной и жуткой комнате, чем-то смахивающей на палатку. Жуткой, потому что вдоль обитых полосатой тканью стен голые по пояс стражники стояли плечом к плечу совершенно неподвижно, будто не замечая гостей.

Риана прождала так больше часа вместе с Отнамом и Мехмер, которые, судя по выражению лиц, не находили в происходящем ничего удивительного. За все это время Риана не заметила, чтобы кто-нибудь из стражников шевельнулся. Если бы не дыхание, их можно было бы принять за искусно вылепленные скульптуры.

Так, еще не попав в сердце дворца, Риана увидела первые проявления неsgiбаемой воли Макктууба.

Наконец вновь появился Савакак, посвежевший и отдохнувший. Не сказав ни слова, он знаком велел путешественникам выйти из комнаты и следовать за ним по коридорчику к непримечательным деревянным воротам.

И на этот раз стражи, охранявшие вход, внимательно осматривали Риану. Однако теперь девушка взглянула на них спокойным, полным чувства собственного достоинства взглядом.

Войдя в ворота, посетители оказались в садике, главным украшением которого был выложенный плиткой шестиугольный пруд. Среди сине-зеленых кувшинок неспешно плавали янтарные рыбы разных пород, ни одна из которых не встречалась раньше Риане. В ярко цветущих кустах заливались невидимые птицы.

Риана спешила вслед за Отнамом и Мехммер, которые шагали по чудесному саду, будто по унылой голой степи. Они спустились по коридору вдоль украшенных диагональными полосками стен, и тонкие с загнутыми носами сандалии Отнама и Мехммер не издавали ни единого звука. Риана внезапно поняла, что единственный шум, который она слышит, производят ее сапоги. Девушке стало неловко, и, сделав знак Отнаму и Мехммер, она остановилась, сняла обувь и понесла ее в руках.

Короткий коридор привел их в комнату с таким количеством подушек, что пола совершенно не было видно. Каждую из подушек украшали золотые кружки и вышивки в виде таинственных знаков, похожих на птичью лапку. Повсюду стояли низкие медные столики, а покрытые филигранью лампы источали теплый успокаивающий свет. Но внимание Рианы привлекли стены. Они были обиты черной матовой тканью, полностью затканной серебристыми письменами, состоящими из ярких точек, стремительных росчерков, неровных дуг и изогнутых полосок.

Риана уже раскрыла рот, чтобы спросить, что означают письмена, когда Мехммер быстро поднесла палец к губам, призывая ее молчать.

В комнате никого не было. Очевидно, Отнам и Мехммер были к этому готовы, потому что спокойно встали у входа и приготовились ждать. Они предупредили Риану, что в общении с капудааном крайне важно соблюдать все правила этикета и быть предельно вежливой.

Риана почувствовала, что весь мир погрузился в тишину, которая словно волнами заполняла комнату и холодила щеки. Когда безмолвие стало почти невыносимым, появился Макктууб.

Несмотря на средний для Гази Канов рост, вид у вождя был, бесспорно, внушительный. Большая, неправильной формы голова наводила на мысль о том, что он появился на свет

недоношенным. Благодаря зловещему виду Макктууба люди в его обществе чувствовали себя неуютно. Щеки капудаана пылали, словно сильно обветренные, а вся одежда с покрытой вьющимися волосами головы до загнутых носов сандалий была выдержана в одном цвете — индиго. Макктууб носил просторные брюки, а рубашка под длинной, до пола, накидкой без рукавов была украшена сложным геометрическим узором из бисера и цветной переливающейся нити. Талию опоясывал широкий замшевый пояс, на котором висели два кинжала с богато украшенными изумрудами рукоятками. На каждом из толстых пальцев вождя коррушей виднелось по кольцу с драгоценным камнем.

Увидев Отнама и Мехммер, капудаан улыбнулся и взял их обоих за руки.

— Отнам, Мехммер, — прогудел он, — давно вы не приходили в мой дом.

Они не ответили, потому что Макктууб не подал знака. Его хитрые черные глаза оценили Риану, а потом спокойно вернулись к брату с сестрой.

— Насколько я понял, вы привезли мне подарок — череп поверженного врага.

Ответа снова не последовало.

Макктууб поднял левую руку, и неизвестно откуда появился до пояса обнаженный слуга с огромным керамическим сосудом на плече. Увидев слугу, Отнам протянул побелевший череп Джени Серии. Слуга опустил сосуд, Отнам перевернул череп вверх дном, и слуга осторожно налил прозрачное содержимое сосуда в череп. Сначала из черепа отпил Макктууб, а потом — Отнам и Мехммер. Риана была уверена, что на ее глазах совершается торжественный и очень важный обряд.

— Каждый гость должен испить из *хадакка*, — проговорил Макктууб, и Отнам протянул череп Риане.

Обжигающая жидкость потекла вниз по горлу, у Рианы заслезились глаза.

Макктууб запрокинул голову и оглушительно засмеялся.

— По крайней мере ты не подавилась. — Он похлопал Риану по спине. — Это свидетельствует о твоей силе. Я очень доволен. — Последние слова капудаан проговорил высоким голосом продавца ба'ду.

Риана смотрела на него во все глаза, а Макктууб вытаскивал накладную черную бороду и приложил к лицу.

— Щеки постоянно трескаются от клея, — заявил он и снова рассмеялся, откинув голову. Голос его приобрел естественную тональность. — Не стоит так удивляться. Периодические прогулки инкогнито доставляют мне огромное удовольствие. Я узнаю много нового и полезного. — Макктууб откинул накладную бороду в сторону, и ее ловко поймал один из слуг.

Еще один знак — и другой слуга забрал у Отнама череп, вымыл, высушил и натер благовониями.

— Теперь, когда с формальностями покончено, мы можем отдохнуть. — Макктууб показал на подушки, но гости сели только после него.

Макктууб поднял руку, и появился слуга с подносом из кованой меди, на котором стояла большая бутылка и бокалы из синего стекла, украшенного золотом.

Слуга наполнил бокалы, а Макктууб показал украшенным кольцом пальцем на блестящий череп.

— Мне очень хочется услышать подробности того, как к вам попал этот череп, — проговорил он и выжидающе посмотрел на Отнама.

Отнам и Мехммер стали по очереди рассказывать, как один из их лимнналов поймал Джени Серии, который пытался пробраться в лагерь. —

— Вы говорите, это случилось под самым Агаширом?

— Да, капудаан, — подтвердила Мехммер.

Капудаан помрачнел и вдруг подпрыгнул на месте с такой силой, что чуть не перевернул медный поднос, который едва успел оттащить ловкий слуга, не опрокинув ни единого бокала и не пролив ни капли вина.

— Вы допросили шпиона?

Отнам кивнул.

— Мы старались как могли, капудаан.

Мехммер развела руками.

— Но ведь мы сами не шпионы и...

— И он не сказал ни слова, — закончил за нее Отнам.

— Все понятно. — Макктууб круто повернулся, и полы его длинной накидки закружились, как юла. — Появление Джени Серии в непосредственной близости от Агашира подтверждает

полученные мной ранее предупреждения об усилившейся агрессивности наших соседей, — закончил он почти спокойным, уравновешенным тоном.

— Неужели нет никакой надежды, капудaan? — спросила Мехммер. — Неужели пять племен никогда не будут жить в мире, а мы будем бесконечно перерезать друг другу глотки?

— Однажды это так или иначе закончится, — ответил Макктууб, — но сейчас разведчики сообщают, что готовится война. И я то и дело слышу голоса моих предков, умоляющих защитить нашу землю от захватчиков.

Внезапно он замолчал, будто подумав о чем-то другом, резко обернулся и плюхнулся на подушки рядом с Рианой.

— Итак, среди нас чужестранка. Расскажите, откуда она взялась.

Риана собиралась ответить, однако краем глаза она успела заметить, как Мехммер поднесла палец к губам, а наблюдавший за ними Макктууб насмешливо улыбнулся.

Отнам точно и подробно рассказал о появлении Рианы, о странном поведении лиммнала Хакки и о том, как их подозрения развеялись после того, как пришлица предложила помочь новорожденной девочке.

— Несомненно, Джиин была бы мертва, если бы не вмешательство Рианы.

Макктууб надул одну щеку, потом другую — капудaan пребывал в глубокой задумчивости.

— Продавец ба'ду спросил, что ты думаешь об Агашире. А я хочу спросить, что ты думаешь о моем дворце?

Риана ответила не сразу. Она уже поняла, что превыше всего Макктууб ценит откровенность.

— Мне показалось, что ваш дворец похож на яйцо, капудaan. Сначала идет скорлупа, которая, как жесткий монолит, защищает все остальное. За скорлупой — белок, обманчиво чистый, но настолько вязкий, что в нем застрянет любой из тех, кто смог пробраться за скорлупу. В самом центре лежит надежно защищенный желток, богатый питательными веществами, источник силы и постоянства.

Возникла пауза, и Риана поняла, что Макктууб сильно удивлен — его лицо казалось пустым.

Подняв глаза, он посмотрел не на девушку, а на Мехммер и Отнама.

— Возможно, вы принесли мне трофей, ценность которого не в состоянии осознать.

Они не ответили, потому что интуитивно чувствовали: Макктуубу их ответ не нужен.

Опустив глаза, Макктууб взглянул на ноги Рианы. Красные губы поджались.

— Что такое! В Агашире босиком ходить нельзя, — проговорил он. А заметив, что Риана держит в руках сапоги, покачал головой. — Такую обувь в моем дворце не носят. — Макктууб поднял руку, и появился слуга с парой темно-бордовых сандалий.

Встав на колени, он обул сначала правую ногу Рианы, а потом — левую. Риана раскрыла рот от изумления. Отнам был прав — сандалии оказались очень удобными.

Макктууб наклонил голову.

— Тебе нравятся сандалии?

— Да, капудаан, очень нравятся.

— Хорошо, значит, я тоже доволен.

Отнам и Мехммер поняли, что аудиенция закончена, отставили бокалы, которые тут же унес слуга, поднялись и пошли к воротам. Прикрыв глаза, Макктууб наблюдал за покорными придворными.

— Вы правильно сделали, — начал он лениво, — что принесли мне доказательство вероломства Джени Серии, которое можно показать народу. Прежде чем покинуть дворец, вы получите щедрую награду.

Они вновь двинулись к воротам, но Макктууб поднял руку.

— Стойте! Риана останется здесь.

— Как вам угодно, капудаан, — проговорила Мехммер, кланяясь. — Только скажите, когда нам за ней вернуться.

— Я же сказал, Риана останется здесь.

Брат и сестра быстро переглянулись.

— Тысяча извинений, капудаан, — начал Отнам, — я лично обещал Риане, что провожу ее в кашигген «Мрашрут». Она хочет быть представленной Перрнотт.

Лицо Макктууба потемнело настолько, что на него было страшно смотреть.

— Ты что, хочешь повторить ошибку своих родителей?

— Нет, капудaan, — поспешно ответил Отнам.

— Возможно, они станут тебе повиноваться, но я не стану! — Глаза Рианы вспыхнули. — Я пришла к коррупшам не для того, чтобы попасть в плен!

По сигналу Макктууба в комнату ворвались вооруженные охранники, двое из которых шагнули к Отнаму и Мехммер. Раздался лязг металла, и над головами спутников девушки застыли ятаганы.

— Если будешь перечить мне, малышка, им перережут горло. Здесь и сейчас. Обоим сразу. — Заглянув Риане в глаза, Макктууб продолжал: — Слушай внимательно, малышка. В день смерти моего отца я убил троих братьев ради того, чтобы стать капудааном. Так что кровь не вызывает у меня отрицательных эмоций.

По его глазам Риана поняла, что вождь не врет. Она не могла позволить, чтобы Отнама и Мехммер убили из-за нее. Риана послушно подошла к Макктуубу. Хрипло рассмеявшись, он дал ей подзатыльник. Острая боль обожгла затылок. Лица Макктууба, Отнама и Мехммер поплыли перед глазами, начали двоиться и троиться.

Упав ничком на заваленный подушками пол, Риана потеряла сознание.

11

ХААН ДЖХАЛА

— Ты решила раствориться в воздухе, уйти неизвестно насколько! — Голос Элеаны звучит обвиняюще. — Не сказав мне ни слова о том, что случилось между нами.

— Ты спала, — спокойно отвечает Риана, хотя недостаточно спокойно для того, чтобы унять бешено бьющееся сердце. — Тебе нужно отдыхать, и я решила тебя не беспокоить.

— Лгунья! Обманщица! — Глаза Элеаны наполняются слезами. — Ты просто не хочешь отвечать на мои вопросы.

— Вопросы? — переспрашивает Риана. Они стоят у монастыря Теплого Течения за несколько минут до того, как она обернется в нейронное пальто Нита Сахора и переместится к коррушам. — Какие еще вопросы?

— Почему вдруг ты стала относиться ко мне как к прокаженной?

— Тебе кажется.

— Будто я тебя разочаровала. Чем я тебя оттолкнула?

— Ты не сделала ничего... — пытается ответить Риана. — Это просто невозможно.

— Твои ответы — сплошные загадки.

В голосе Элеаны такая грусть, что Риане становится не по себе. Однако она понимает, что с этим нужно смириться.

— Мне казалось, что я тебя знаю. Но ты отгородилась от меня.

На секунду Риана поддается эмоциям, слова признания уже вертятся на языке. И тут же она представляет, как ужаснется Элеана, узнав правду. Девушка больше не захочет ее видеть, а с этим Риана просто не сможет жить.

— Ничего не изменилось, — отвечает она, — мы по-прежнему друзья.

— Друзья не уходят среди ночи, даже не попрощавшись.

— Если тебе нужно только это, то давай попрощаемся.

Элеана бьет Риану по лицу, а затем, сильно побледнев, убегает по разбитой каменной дорожке.

— В Н'Луууру все! — сквозь зубы бормочет Риана, нагоняет Элеану у дальнего конца западного храма и, взяв ее за локти, поворачивает к себе.

— Теперь ты меня ненавидишь, — плачет Элеана. — Как я могла ударить Дар Сала-ат? Умоляю, прости меня, пожалуйста.

— Не извиняйся, — с болью в сердце говорит Риана.

— Меня нужно наказать.

— За что?

Элеана качает головой, по лицу струятся слезы. Она вырывается и снова убегает.

— Иди! — кричит она. — Именно это ты должна сделать, я понимаю.

— Элеана...

— Нет, я правда все понимаю.

Риана открывает рот, чтобы все ей объяснить, и опять, взяв себя в руки, отворачивается.

— Что же происходит? — доносится до нее голос Элеаны. — Рекк умирает, госпожа Джийан обещала принять моего ребенка, она помогала мне выносить его, но, прости мой эгоизм, Миина, теперь ее нет... А через секунду уйдешь и ты, Риана!

«Вот в чем дело, — думает Риана. — Элеана считает, что ее все бросили». Впервые она чувствует ее страх перед рождением и воспитанием ребенка, который наполовину в'орнн.

А потом, уже почти проснувшись, она вновь слышит голос Элеаны.

— Твой кинжал мне очень хорошо знаком. Несколько месяцев назад я подарила его Аннону. Откуда он у тебя?

Риане нужно быстро что-то придумать; она злится, что забыла спрятать его от Элеаны.

— Джийан дала мне его в день, когда мы с тобой познакомились. Ей захотелось, чтобы он хранился у меня. Ты не против?

— Нет, я... — Элеана неистово качает головой, и по щекам опять начинают литься слезы.

— Любимая, не надо плакать, — не выдержав, шепчет Риана, — ведь перед тобой Аннон. Разве ты не видишь его в моих глазах?

Но Элеана уже исчезла...

Сбрасывая остатки сна, горячей смеси событий недавнего прошлого и тайных желаний, Риана подняла голову и поняла, что смотрит на ширмы в виде искусно вырезанной деревянной решетки. Приглядевшись, она поняла, что центральное изображение решетки — фигуры мужчины и женщины, слившихся в сексуальном экстазе. Изображение было настолько детальным и правдоподобным, что Риана вздрогнула.

— Изумительно, не правда ли?

Она обернулась на звуки нежного мелодичного голоса. Рядом с ней на расшитых драгоценными камнями подушках сидела красивая молодая женщина.

Риана облизала губы — язык распух, во рту пересохло. Внезапно она вспомнила разговор с Макктуубом и как он, одурманив Риану наркотиками, оставил ее во дворце.

Она приложила руку к виску, а молодая красавица засмеялась.

— Ах, не беспокойся, иголка не оставила следа, — она странно, почти холодно улыбнулась, — как и обычно.

Оглядевшись по сторонам, Риана увидела, что пальто Нита Сахора исчезло.

— Тебе лучше с этим смириться, — ухмыльнувшись, проговорила красавица, — теперь у тебя ничего нет. И никогда не будет.

Красавицу звали Теззиг, она была невысокого роста, смуглая, с темными, как у Мехммер, волосами и светлыми, миндалевидными, слегка раскосыми глазами. Высокие скулы и пухлые губы делали ее похожей на изображенную на решетке женщину. В отличие от Мехммер длинные волосы Теззиг водопадом текли на спину, сильно блестя от ароматического масла. У самых концов они были перехвачены золотой заколкой с изображением той же печати, что и на украшении в ее левой ноздре.

Увидев, что странная печать привлекла внимание Рианы, Теззиг пустилась в объяснения.

— Это символ фулкаана и знак Макктууба. — Красавица наклонила голову. — Ты хоть знаешь, кто такой фулкаан, чужестранка? Нет? — Снова странная холодная улыбка. — Это легендарная птица, которая сидела на плече Джихарра и была его личным посланником. — Теззиг презрительно скривилась. — Ах, я забыла, что ты, чужестранка, не знаешь, кто такой Джихарр.

— Джихарр — пророк Гази Канов, — ответила Риана, — правильно?

— Он спустился к коррушам с Дьенн Марра, сирота, ищущий приюта, — рассказывала Теззиг.

— И сначала его, как и меня, приняли с недоверием.

Теззиг презрительно фыркнула.

— Сравнив себя с великим пророком, ты навлечешь на свою голову кучу неприятностей.

— Приму это к сведению, — проговорила Риана.

Недобрая ухмылка скривила губы Теззиг.

— Если тебе интересно, то он жил в деревне Им-Тэра, где с помощью чудесного умения вести переговоры помогал по-

мириться сначала отдельным коррушам, потом семьям, а затем и целым племенам.

— Джихарр объединил пять племен, верно?

— При Джихарре племена объединяла вера, а не кровь.

— А теперь племена постоянно воюют.

— После смерти пророка объединявшая нас вера раскололась. Жрецы не могут договориться, как следует толковать слова Джихарра. — Глаза Теззиг сузились и снова стали злыми. — Но ты пришла сюда не на урок истории. Ты хоть понимаешь, куда попала, чужестранка? Нет? Ты в хаанджхале капудаана, шелковом сердце дворца, царстве желаний и наслаждений. — Теззиг криво улыбнулась. — Знаешь, зачем ты здесь? Нет? — Она медленно раздвинула прекрасные длинные ноги. — Видишь, какую прозрачную одежду я ношу? Сквозь нее просвечивает плоть. Иногда я кажусь почти голой, а иногда — скромно одетой старухой, чары которой давно потускнели от времени.

Длинные тонкие пальцы Теззиг порхали по воздуху.

— В хаанджхале много красивых женщин, и все, кроме тебя, чужестранка, давно знают, как следует ублажать Макктууба по ночам.

— Вы просто лооорм, дешевые шлюхи.

Глаза Теззиг вспыхнули.

— Мы — аджан! — гордо проговорила она. — Мы живем для того, чтобы угождать капудаану, и выполняем то, что он потребует, с величайшим искусством. Поэтому мы мало чем отличаемся от тех, кто воюет, шпионит, сеет и пашет для него.

— То, что вы делаете, — постыдно.

Злоба тут же исказила миловидное лицо Теззиг.

— Вот еще одна причина презирать тебя, чужестранка, — за то, что ты принесла свой стыд как вонючие отбросы в наше святилище.

— Если ты так сильно меня ненавидишь, — спросила Риана, — зачем тогда со мной разговариваешь?

— У меня нет выбора, — выпалила Теззиг. — Как первая аджан Макктууба я обязана научить тебя его любимым ночным утехам.

Риана почувствовала, как в животе образовался комок.

— Не хочешь ли ты сказать, что капудаан... что Макктууб хочет...

— В любое отверстие.

Чувствовалось, что ужас и оцепенение Рианы доставляют Теззиг удовольствие.

— Что бы он ни задумал, — тихо проговорила Риана, — я не стану подчиняться.

— Еще как станешь. — Явно наслаждаясь собой, Теззиг схватила лежащее рядом зеркало. — Кстати, ты уже начала подчиняться.

Она поднесла зеркало к лицу Рианы, которая в ужасе задохнулась.

— Вот видишь! — язвительно проговорила Теззиг.

Риана осторожно потрогала золотой гвоздик с эмблемой фулкаана, вставленный в ее левую ноздрю. В зеркале отразилось ухмыляющееся лицо Теззиг.

— Что, до твоей тупой головы наконец-то доходит правда? Да, кажется, доходит. — Длинный ярко-зеленый ноготь Теззиг лег на ободок зеркала, а потом постучал по центру. — Вот где истина. Ну, что отражается в зеркале? Я скажу тебе, чужестранка. Это твое будущее.

Улица Предчувствий пересекала Аксис Тэр с востока на запад и была почти такой же широкой, как проспект. Поэтому в домах на северной стороне было очень светло даже зимой и осенью. Из-за этого Маретэн и арендовала мастерскую именно на улице Предчувствий. Ведь она была художницей и без света просто не могла работать.

Рано утром, когда заря еще только занималась, Сорнни наблюдал за стоящей у мольберта Маретэн. Мольберт поставили в самом центре залитой солнцем мастерской. Сорнни это огромное хитроумное сооружение, перепачканное краской и забрызганное растворителем, чем-то напоминало висячий мост в самом начале строительства. Мост не зря пришел ему на ум. Сорнни казалось, что именно мольберт, а не полотно или краски, вдохновляет Маретэн. По ее словам, именно здесь, в мастерской, был ее настоящий дом, где жили и душа, и сердце.

Между тем Маретэн немного склонила голову, чтобы лучше рассмотреть свою модель — старую сгорбившуюся тускуг-

ггун, излучавшую гордость и чувство собственного достоинства, несмотря на то, что ей приходилось опираться на резную деревянную трость. Рядом, на перемазанном красками столике, стояли заварочный чайник и чашка с розовым чаем.

— Ты уверена, что все в порядке? — спросила Маретэн, не прекращая работы. — Ты не устала, Теттси?

Так Маретэн звала свою бабушку Нейори — домашним детским прозвищем, напоминавшим о беззаботном веселье, ласках и маленьких подарках, о том лучшем, что Маретэн вынесла из детства.

— Я чувствую себя прекрасно, дорогая, — заверила художницу Теттси, пытаясь взглянуть на будущую картину, — как молодая мать с новорожденной дочкой.

Маретэн рассмеялась так чисто и звонко, что у Сорннна защемило сердце. С той памятной ночи, когда они занимались любовью, прим-агенту постоянно хотелось рассказать ей все. Он чувствовал, как оттаивает душа, ощущал не просто желание излить душу, а готовность делить с Маретэн все до самой смерти. Но в конце концов его постоянно что-то удерживало — то ли врожденная осторожность, то ли отсутствие ясного доказательства, что он в ней не ошибся. Сорннну было нелегко раскрывать личные тайны, в этом он очень походил на отца.

— Помнишь, — спросила Маретэн у Теттси, — как мы ходили на лесной пруд?

— Да, то лето было особенно жарким, — проговорила Теттси, делая глоток чаю. — Твой отец страшно бы разозлился, если б узнал, что я выводила тебя за городские стены.

— Однако тебя это не остановило.

— Да уж, не остановило, — хмыкнула Теттси. — Ненавижу запреты и условности.

Ее глаза затуманились, она припоминала подробности событий прошлого, которое было для нее дороже настоящего. Несмотря на возраст, Теттси держалась словно королева. Она прожила долгую жизнь и повидала и плохое, и хорошее. Она ценила прожитые годы и приобретенный жизненный опыт. Теттси была особенной, и так считала не только Маретэн.

Сменив кисть, Маретэн ловко наложила густой мазок — безукоризненная техника, отточенная талантом.

— Никто не мог заставить тебя отступить, Теттси. Ты не такая, как мать.

— Помнишь, как я брала тебя на загон чтавров? — Теттси явно не хотелось говорить о дочери.

— Конечно, помню, — улыбнулась Маретэн. — Ведь мы ходили почти каждую неделю — ты учила меня ездить верхом. Вот было здорово! Когда ты скакала галопом по полю, то казалась королевой — спина прямая, голова гордо поднята.

— В верховой езде самое главное — форма, не так ли? Думаю, это касается и всей жизни. — Теттси снова взяла чашечку со своим любимым чаем и быстро, но грациозно глотнула. — Мне вспоминается один день в конце года, примерно в это же время. Да, по-моему... — Прошлое было так близко, что Теттси казалось, будто она чувствует его дыхание. — Запах прелого гленнана и удобрений, хриплое дыхание чтавров. — Теттси глубоко вздохнула. — Погода была такой отвратительной, что мы развернулись и пошли домой.

— Я помню.

— В тот день ты впервые взяла в руки ионный пистолет.

— Мне было так весело! Казалось, когда я с тобой, то живу совершенно иной жизнью.

Теттси рассмеялась звонким смехом молодой девушки, совсем как Маретэн.

— Да уж, дорогая, ну и шуму ты наделала в тот день!

— Я попала в глаз квода! — Маретэн даже отложила кисть. — Три раза.

— Ну нет! Это я в него попала! У тебя получилось только с третьей попытки.

— Ах да... Однако после того я вообще не промахивалась.

— Ты оказалась прирожденным снайпером. Это благодаря таланту художника. Ты ведь сразу замечаешь все нюансы и детали. — Теттси поджала губы. — Помнишь того кхагггуна, что постоянно приходил в конюшню?..

— Да, он дал мне пистолет. Это был наш маленький секрет. Как здорово! — Маретэн смыла с кисти зеленую краску и опустила в индиго. — Мама за это навсегда бы упекла меня в хингатту.

— Я позаботилась, чтобы она ничего не узнала!

— Ну, в этом вся она, не правда ли? Когда я пожаловалась, что Курган не пустил Терретта на церемонию Перевоспощения, мать притворилась, что ничего не знает.

Услышав о Терретте, Тетси помрачнела.

— Как жаль, что твоя мать упорна в своем невежестве! — воскликнула она с не присущей ей горячностью. — Она настоящая консервативная тускуггун!

— Мой отец об этом позаботился.

Тетси как-то странно взглянула на Сорннна.

— Он делал то же, что и остальные мужчины.

Кисть Маретэн порхала по полотну.

— Когда я смогу увидеть портрет? — тихо спросила Тетси.

— На сегодня мы почти закончили. Ты хочешь присесть?

— Нет, не хочу. Это ведь портрет в полный рост, как я сама хотела.

Тетси волновалась, морщины ее казались еще глубже, она чем-то напоминала храм бога Энлиля, пустой и осыпающийся, хотя по-прежнему и внушающий благоговейный страх. В душе Сорннна ожили давно забытые детские воспоминания.

О своей матери Сорннн не мог сказать ничего хорошего. Как и у всех в'орннов, в его семье доминировал отец, тем более что мать частенько отсутствовала в хингатте, где ей полагалось растить его. Жены в'орннов из касты избранных после родов жили в хингатте — небольшом поселении, где тускуггун обитали вместе. Они занимались воспитанием детей и, если посчастливится, заводили какое-нибудь хобби: ткачество, живопись, скульптуру, музыку, изготовление оружия, чтобы скоротать вечерние часы. Мать Сорннна часто отсутствовала, и он в одиночку играл с фарисейским шаром, который мама подарила ему на шестой день рождения. В маленьком жестком шарике, вспоминал Сорннн, было три газа, обнаруженных на планете фарисеев. Газы были несовместимы и поэтому находились в постоянном движении. В результате химической реакции появлялись яркие вспышки разных цветов. А если держать шарик долго-долго у уха, то он начинал пульсировать, почти как сердца в'орннов. Сорннн не вспоминал о шарике уже много лет. «Где же сейчас этот шарик? — подумал он. — Наверное, пропал, как и все остальные игрушки».

Сорннн очень любил этот шарик, но однажды произошло необъяснимое. Мама вернулась в хингатту так же внезапно, как и исчезла. По отношению к сыну она вела себя равнодушно, будто он разочаровал ее настолько, что мать не в силах простить. Что бы он ни сделал, невидимая пропасть между ними росла, и в один прекрасный день Сорннну надоело бороться за внимание матери. Она стала для него чужой. И сын начал тянуться к отцу, стараясь впитать все то, чему учил Хадиннн СаТррэн.

Когда несколько месяцев назад Хадиннн умер, мать приехала навестить Сорннна. Хотя она приехала совсем ненадолго, ей, возможно, вообще не следовало бы приезжать. На матери не было ни капли индиго — цвета траура, а неподалеку Сорннн заметил двухместный звездолет, за пультом управления которого восседал красивый молодой баскир. Он сидел, слегка ссутулившись, задрав ноги на титановую панель приборов и небрежно скрестив руки на груди.

Сорннну следовало сохранять спокойствие, но он не смог. Все, чему он научился у коррушей, моментально вылетело из головы. Его отец, в'орнн, которого он безмерно почитал, скоропостижно скончался, и вот приехала его мать, всем видом выражающая презрение к покойному, да еще и в компании молодого любовника!.. Сорннн даже не помнил, что говорила мама, потому что в его душе что-то сломалось. И он так сильно ударил ее по лицу, что мать вскрикнула.

— Весь в отца, — прошептала она, прижимая руку к пылающей щеке. — Ну, это и неудивительно. — В ее голосе не было гнева, только неуловимая грусть.

На крик матери прибежал высокий стройный красавец-баскир и бросился на Сорннна. Однако мать схватила любовника за плечи и, прежде чем он смог вымолвить хоть слово, повела прочь, даже не оглянувшись на прощание. Загудев, их звездолет тут же исчез в небе.

— Что бы я без тебя делала? — спросила Маретэн бабушку.

— Спокойно жила бы в свое удовольствие, — сухо заметила Теттси.

Маретэн вымыла широкую, похожую на веер кисть. В мастерской стоял сильный запах краски.

— Как же ты выжила, Теттси? Неужели дедушка обращался с тобой иначе, чем отец с мамой?

— Думаешь, он не пытался обращаться со мной так же? Еще как пытался! Я нашла единственно возможный способ сопротивления — стала источником сведений о его врагах и бесценным союзником.

— Значит, вы не любили друг друга? — испуганно вскрикнула Маретэн.

— Без уважения любовь вообще невозможна, — пожала плечами Теттси. — Ты-то, как никто другой, должна это понимать.

Маретэн украдкой взглянула на Сорннна, который стоял молчаливый и мрачный.

— Ты же сказала, что стала его союзницей... — пролепетала она.

С самого начала Сорннну удалось найти с Теттси общий язык, что очень радовало Маретэн.

— Именно так. И все же твой дедушка очень скоро стал презирать то, чем я занималась. Потому что, когда я приходила к нему... когда я что-то предлагала, для него это стало олицетворением моей силы. А тускуггун не подобает быть сильной. Я же была не просто сильной, я умела этой силой пользоваться. Он стал меня уважать и презирать одновременно.

— Почему же ты не остановилась?

— Было слишком поздно! Я вошла во вкус и не могла жить так, как остальные тускуггун, униженные и подавляемые мужьями. Такой примитивный образ жизни оказался не по мне.

— Но как же дедушка, твой любимый дедушка?! — воскликнула Маретэн. — Ты сама говорила, что любила его.

— Да, пожалуй. — Теттси грустно улыбнулась. — Этой любовью я и пожертвовала... Это была цена, которую я заплатила за то, чтобы жить так, как подобает.

Маретэн подошла к мольберту.

— А дедушка?

— Что дедушка?

— Разве он не любил тебя?

— Когда-то любил. По крайней мере он так говорил. Все мужчины... — Теттси внезапно замолчала, а потом, быстро взглянув на Сорннна, улыбнулась. — Давайте лучше поговорим о чем-нибудь более приятном.

— Нет, — упрямо возразила Маретэн, — мне нужно знать, что ты собиралась сказать.

— Ладно, раз тебе так хочется. — Пальцы Теттси сильнее сжали резную трость. — Я думаю, что мужчины не способны на романтическую любовь. Большинство вообще не знают, что это такое. А те, кто утверждает обратное, как, например, твой дедушка, — пожала плечами Теттси, — просто обманывают себя.

— Ты тоже так считаешь? — повернулась к Сорннну Маретэн.

Сорннн поднял руки.

— По-моему, разговор касается только вашей семьи.

— В которую ты собираешься войти, если меня не подводит интуиция, — очень спокойно проговорила Теттси.

— Бабушка! — в шоке закричала Маретэн.

Глаза Теттси словно впились в Сорннна.

— Поправь, если я ошибаюсь, Сорннн СаТррэн.

— По-моему, у меня нет другого выбора. — Он попытался обратить все в шутку.

— Для меня это очень важно, — не спуская с него глаз, проговорила Теттси.

— Ну что же, я очень рад.

Маретэн нравилось, что Сорннн считался с желаниями Теттси.

Прим-агент продолжил беседу:

— Мне кажется, что и тускуггун способны любить не больше, чем месагггуны.

— Надеюсь, ты можешь привести конкретный пример, — сухо сказала Теттси.

— Так вышло, что могу. Моя мать. Она уклонялась от своих обязанностей в хингатте, была со мной холодной и бесчувственной. Думаю, мать презирала меня за то, что я родился мальчиком, а не девочкой, которой она могла бы изливать душу.

— *Так вышло*, — сказала с усилием Теттси, — *так вышло*, что я знаю твою мать, Сорннн СаТррэн. Мы дружим уже много лет.

— Что?

— Да, это так. Она всегда приходила ко мне, когда ее избивал твой отец.

— Почему вы?.. Что вы такое говорите?! — У Сорннна потемнело перед глазами. — Мой отец никогда не...

— А почему, по-твоему, ее так часто не было в хингатте? — Прихрамывая, Теттси подошла к прим-агенту. — Она была в больнице, а когда ее выписывали, жила у меня. Потому что не хотела, чтобы ты видел синяки, не хотела, чтобы ты задавал вопросы и знал правду о том, как твой отец с ней обращается.

У Сорннна закружилась голова.

— Мой отец был хорошим в'орнном... — У прим-агента перехватило дыхание, он едва мог говорить.

— Мы оба знаем, что во многих отношениях он был хорошим в'орнном. И я не хочу ни осуждать, ни оскорблять его. Просто хочу, чтобы ты увидел его портрет полностью.

— Я не понимаю, как такое возможно! — отчаянно закричал Сорннн.

Теттси положила на его плечо руку, которая оказалась на удивление сильной.

— Что бы ты ни думал об отце, как бы он к тебе ни относился, с твоей матерью он вел себя совершенно иначе.

Сорннн тут же вспомнил, что сказала ему мать в тот ужасный день смерти отца, когда он ее ударил: *«Весь в отца. Ну, это и неудивительно»*.

В животе Сорннна образовался комок.

— Но ведь он не мог... То есть *как он мог?*

— Потому что он был неуверенным в себе, ревнивым параноиком. — Теттси заглянула Сорннну в глаза. — Ты понял меня, Сорннн СаТррэн?

Тут-то Сорннн и вспомнил, что сказала ему мать, прежде чем он ее ударил. «Я пришла не к твоему отцу. Мне хотелось увидеть тебя». В памяти всплыли обрывки фраз, разрозненные события... Он покачал головой, сбитый с толку и расстроенный.

— Можно задать тебе простой вопрос? — слабо улыбнулась Теттси, и Сорннн почувствовал запах пудры и цветов, напоминавший ему о детстве, когда мать еще жила с ним в хингатте. — Жизненный путь, который ты себе выбрал, — не сделает ли он тебя неуверенным в себе, ревнивым параноиком?

— Надеюсь, что нет.

— И все же ты многое скрываешь. Я имею в виду твое отношение к Маретэн. — Старуха на секунду замолчала. — Я заговорила об этом потому, что беспокоюсь за свою внучку. Очень беспокоюсь.

Сорнни неуверенно кивнул.

— Если ты станешь продолжать встречаться с Маретэн, подумай о ней, а не только о себе. Подумай, чего ты ее лишаешь. Особенно хорошо подумай о том, что с ней будет, если ты ее оставишь.

— Я никогда не...

— Я надеюсь на тебя, Сорнни СаТррэн!

Теттси сказала это с такой силой, что Сорнни вновь кивнул, как маленький мальчик.

— Конечно, я обещаю...

И тут в глазах Теттси промелькнуло что-то странное.

— Теперь, кажется, можно и сесть, — тихо сказала она.

Внезапно глаза Теттси закатились, и она пошатнулась. Вскользнув из рук, трость заскользила, сломавшись пополам, и Теттси неловко упала на мольберт, опрокинув его на пол. Как живая, картина завертелась волчком, приглушенные цвета и умело нанесенные мазки слились в единое целое. А потом, остановившись, полотно упало на пол.

Сорнни опустился на колени возле Теттси, приложив пальцы к бледной и сухой коже. Пытаясь нащупать несуществующий пульс Теттси, он слышал, как Маретэн зовет бабушку. Крепко прижав к груди и бабушку, и внучку, Сорнни чувствовал, как сильно болят сердца от того, что Маретэн, будто маленькая девочка, плачет от горя и ужаса.

Риана проспала ночь и весь следующий день. Когда она проснулась, первым делом Теззиг научила ее красиво есть, как полагается Гази Канам. Теззиг подождала, пока принесут тарелки с пищей, и, увидев голод в глазах Рианы, велела ей приступить к еде.

— А где столовые приборы? — спросила Риана.

— Мы не используем приборы.

Риана пожала плечами. Она так проголодалась, что сжимался желудок. Девушка потянулась к тарелкам, но Теззиг тут

же шлепнула ее по руке. Риана вздрогнула, однако, взглянув на охранников, сдержалась.

— Начни снова, — холодно велела Теззиг, не потрудившись ничего объяснить.

Риана снова потянулась к тарелкам, и Теззиг опять ее шлепнула, на этот раз сильнее. Риана подняла руку, чтобы дать Теззиг сдачи, однако кривые ятаганы стражников тут же застыли над ее головой.

Риана опустила руку, и Теззиг молча кивнула стражам, которые отступили на место, разочарованные тем, что не пролилась кровь.

В третий раз Риана взяла с тарелки кусочек, и Теззиг так сильно шлепнула ее по лицу, что еда разлетелась по комнате.

Глаза Рианы вспыхнули.

— Ты велишь мне есть, а сама наказываешь меня, — закричала она. — Что ты хочешь?

— Наверное, ты сейчас зарыдаешь от царящей в мире несправедливости? — усмехнулась Теззиг. — Забудь о справедливости. Ты среди коррупшей и должна научиться хорошим манерам, иначе тебя забьют, как бешеную собаку. — Она выпатила подбородок. — А теперь ешь.

Риана сидела, сложив руки на коленях.

— Ты что, глухая? — покраснев, закричала Теззиг. — Ешь, когда тебе велят!

Стояла звенящая тишина. Риана сидела, не двигаясь.

Теззиг кивнула.

— Отлично! В конце концов, ты кажешься вполне обучаемой. — Она подняла руку. — Даже в степи мы смываем пыль с ладоней, прежде чем приступить к еде.

Риана увидела большую плетеную корзину, в которой лежало два влажных полотенца. Взяв одно из них, она вытерла руки.

— Теперь можешь есть.

Риана потянулась за едой и получила по рукам так сильно, что они покраснели. Стараясь скрыть кипевшее возмущение, она приказала себе сидеть спокойно.

— Что я сделала не так?

— Нахальная чужестранка! — Теззиг залепила ей пощечину.

Риана глубоко вздохнула.

— Пожалуйста, Теззиг, научи меня правильно есть!

Кривая улыбка изогнула губы аджан, но глаза не потепле-ли, продолжая беспощадно оглядывать Риану.

— Мы едим только большим, указательным и средним пальцами одной руки. Только этими пальцами, ты поняла, чужестранка?

— Да.

Теззиг отвесила ее пощечину.

— Да, Теззиг.

— Теперь ешь, как едят Гази Каны.

Положив одну руку на бедро, Риана потянулась к тарелкам, взяла кусочек тремя пальцами другой руки и положила в рот. Наказания не последовало.

Риана хотела взять еще кусочек и тут же получила по рукам. Ничего не сказав, она сложила руки на коленях и молча сидела, вперив глаза в Теззиг и стараясь придать лицу бессмысленное выражение.

— Тщательно прожевывая каждую порцию пищи, прежде чем тянуться за второй, — увещевала Теззиг. — Это, во-первых, вежливо, а во-вторых, позволяет полностью почувствовать вкус каждого блюда. Такое поведение делает честь и хозяину, и тебе самой.

Тщательно пережевывая пищу, Риана старательно убеждала себя — все, что она ест, отвратительно. Однако, проглотив третий кусочек, она поняла, что Теззиг права. Медленно пережевывая каждую порцию пищи в тишине, Риана смогла полностью сосредоточиться на вкусе, текстуре и аромате пищи. После подобной трапезы она почувствовала не только сытость, но и неожиданный покой.

Доев свою порцию, Теззиг кивнула в сторону плетеной корзины. На этот раз Риане объяснений не понадобились, она вытерла пальцы оставшимся полотенцем.

— Ну, чужестранка, — поднимаясь, сказала Теззиг, — возможно, ты не так и безнадежна.

Следуя за Теззиг по лабиринту комнат внутренней части дворца, Риана скоро заблудилась и совершенно не понимала, в каком направлении идет. Наконец они пришли в маленькую прихожую, где не было никого, кроме вездесущей охраны.

— Стой здесь, — велела Теззиг. — Во-первых, твоя одежда сильно воняет, а во-вторых, на нее без слез не взглянешь. Раздевайся!

Риана неуверенно посмотрела на охранников, и по комнате разлетелся серебристый смех Теззиг.

— Не обращай на них внимания! Смотри!

Теззиг подошла к одному из охранников и обнажила свою грудь. Зажав между пальцами соски, она стала тереться о массивный торс стража. Выражение его лица не изменилось, и Теззиг стала массировать бедра охранника.

— Видишь? Ему все равно. — Она обернулась, чтобы увидеть реакцию Рианы. — Все охранники во внутренней части дворца — *саттда*, им всем сделали операцию по удалению полового органа. — Неверно истолковав выражение Рианиного лица, она добавила: — Думаешь, Мактууб иначе позволил бы им стеречь нас? Искушение было бы слишком велико.

Голые груди Теззиг и ее развязное поведение оказали вполне предсказуемый эффект на психику Аннона. Пульс Рианы участился, она почувствовала, как ее охватывает сладостное возбуждение.

Повернувшись к Риане, Теззиг хлопнула ее по руке.

— Хватит разговаривать! Раздевайся.

Риана не двигалась. Она боялась, что Теззиг почувствует ее возбуждение и начнет задавать вопросы.

— Делай, что тебе говорят! Иначе мне придется раздеть тебя силой! — рявкнула Теззиг.

Риана разделась. Об охранниках она и думать забыла, так пристально ее рассматривала Теззиг.

— Так, так, — задумчиво проговорила первая аджан, — да ты настоящая красавица. — Теззиг отошла в сторону, чтобы получше рассмотреть Риану. — Мускулистые ноги, сильные плечи! Ягодицы такие плотные! А груди просто чудо! Соски твердые, как камешки.

Риана сглотнула, ее лицо пылало.

— Тебе повезло. Как раз такой тип фигуры и нравится Мактуубу.

Что-то в голосе Теззиг заставило Риану позабыть смущение и стыд. Неужели она расслышала зависть, закравшуюся в голос аджан, как червяк в переспелый клеметт?

— Да, он будет с нетерпением ждать тебя в спальне.

«Нет, — подумала Риана, — это не зависть, это грусть». Заглянув в глаза Теззиг, она все поняла и впервые почувствовала к молодой красавице что-то, кроме враждебности. Разве Теззиг не была такой же пленницей хаанджхалы, как и она сама? Риана ощутила, как ее гнев смягчается, а враждебность исчезает.

— Если бы у меня был выбор, — мягко сказала Риана, — я бы ни за что к нему не пошла.

— Значит, ты дура, — резко ответила Теззиг. — Ведь секс — тоже власть. — Аджан пододвинулась поближе. — Единственная, которая есть у нас с тобой.

— И какую пользу она тебе принесла?

— Я первая аджан Макктууба, его любимица. Мне повезло, я нравлюсь ему больше других аджан.

— А что случится, когда ему понравится другая?

Теззиг отвела глаза.

— Это тебя не касается.

— Вся твоя жизнь зависит от его прихоти. Если случится так, что ему понравится другая, что останется тебе?

Обернувшись, Теззиг влепила Риане пощечину.

— От твоей пощечины ничего не изменится.

Теззиг стала молотить Риану кулаками, пока та не схватила ее за запястья. Стражники тут же бросились на помощь, однако Теззиг остановила их резким возгласом. Охранникам оставалось лишь завистливо поглядывать на девушек да думать о том, что не доступно никому, кроме саттды.

Теззиг и Риана сцепились, сила против силы, характер против характера, глядя друг другу в глаза, пока одинокая слеза не потекла по щеке Теззиг. Сдавленно вскрикнув, первая аджан вырвалась и повернулась спиной и к Риане, и к стражникам.

Риана шагнула к Теззиг.

— Что бы ты ни думала, мне не нужен ни он, ни власть, которую может принести его расположение, — зашептала она ей в спину. — Такие мужчины, как он, никогда не бывают довольны, как их ни ублажай. Им всегда хочется чего-то нового, свежего и неизведанного. — Риана шагнула ближе. — Тебе это известно не хуже моего, Теззиг. Именно поэтому я ему и нужна. И, если честно, какая в этом может заключаться власть?

* * *

С высоты неприступного монастыря Теплого Течения Элеана, облокотившись на прохладные камни, смотрела на клубы дыма, поднимавшиеся в предгорьях Дьенн Марра. То, что она увидела, захватило ее настолько, что девушка даже не пошевелилась, когда за спиной появилась высокая фигура воина в доспехах.

— Тебе нужно отдыхать, — сказал Реккк Хачилар.

— Как же я могу отдыхать? — Элеана показала на дым, густой и черный, который висел неподвижно, полностью окутывая горы. — Видишь, что случилось? Кхагггуны обнаружили отряд Сопротивления и сжигают бойцов дотла.

Реккк по-прежнему двигался очень осторожно. Со стороны казалось, что рана зажила окончательно, но на самом деле воина до сих пор мучили сильные боли. И все же он выздоравливал с головокружительной скоростью. Сам Реккк считал это результатом вмешательства Нита Сахора, который имплантировал специально созданный окуммон в его левое запястье.

Элеана выглядела такой грустной, что сердца Реккка сжалось.

— А где Тигпен? — спросил он.

— Ушла, — ответила Элеана. — Сказала, что ей срочно нужно обратно, в Ледяные пещеры.

— Звучит таинственно.

— По-моему, скорее зловеще.

Вздохнув, Реккк присел рядом с Элеаной.

— Никогда не поверил бы, что скажу такое, и все же я по ней скучаю.

— Я тоже, — кивнула Элеана. При этом ее взгляд не отрывался от столбов дыма, лениво и зловеще поднимавшихся над горами. — Когда по приказу Веннна Стогггула убили Элевсина Ашеру, я думала, что хуже быть не может. — Она потрогала свой раздувшийся живот. — Я ошибалась. При Кургане Стогггуле и Олннне Рэдддлине кхагггуны удвоили численность карательных отрядов. Как в первые дни высадки, они без конца проводят боевые операции. Они стали агрессивными, еще более безжалостными. Мне следует сражаться рядом со своими соотечественниками.

— Чтобы умереть?

— Я надеюсь, что смогла бы хоть как-то им помочь, — горько проговорила Элеана, — а вместо этого отсиживаюсь здесь, в монастыре.

— Ты что, успела позабыть — сам звезд-адмирал повсюду нас разыскивает!

— Ничего я не забыла! — резко ответила Элеана. В лесистом предгорье подул ветерок, и клубы дыма стали понемногу редеть. — Просто я чувствую себя ненужной.

— Выброси все это из головы, — коснулся ее плеча Реккк. — Незачем себя мучить.

Элеана позволила повернуть себя лицом к собеседнику.

— Что же мы будем делать, Реккк?

— Ты — вообще ничего. Сейчас тебе нужно думать о ребенке, нельзя подвергать его опасности.

— Это не выход. По крайней мере для меня, — покачала головой Элеана. — Если я срочно чем-то не займусь, то сойду с ума. — Элеана взяла Реккку за руку и тихонько сжала ее. — Господу Джийан захватил демон, Риана у коррушей и наверняка тоже в опасности, Тигпен вернулась в Ледяные пещеры. Лишь мы с тобой сидим и оплакиваем ушедших друзей. — Ее улыбка была грустной, полной отчаяния. — Мне уже хочется спрятаться от всех и от всего.

Реккк внимательно посмотрел на Элеану.

— Возможно, тебе следует прислушаться к своему желанию.

— Я сгорю со стыда, если не смогу помочь Сопротивлению.

Вдруг, без всякого предупреждения, Элеана разрыдалась. Реккк взял ее за руку и повел по дорожкам к главному залу центрального храма. По внешним углам здания были посажены клеметтовые деревья, а по периметру — кусты красных роз, листья которых все еще были ярко-зелеными. Кусты выглядели запущенными и нуждались в подрезании. Живой лабиринт в центре сада тоже почти зарос, можно было различить лишь отдельные его части, бесформенными фигурами выделявшиеся из массы кустарника.

— Какой грустный конец, — вытирая глаза, проговорила Элеана и повернулась к Реккку. — Перед тем, как Риана отправилась к коррушам, мы с ней поругались.

— Из-за чего?

— Теперь, когда ты спрашиваешь, я не могу понять сама. — Элеана поправила выбившуюся прядь. — Видишь ли, я злилась из-за того, что она бросает меня.

— Не надо судить себя слишком строго. Твоя беременность...

Элеана заглянула в глаза Реккку.

— Сейчас мне кажется, что причина в чем-то другом.

— В чем именно?

— Может быть, это... Когда я рядом с ней, то чувствую что-то особенное, как электрический импульс... какое-то предчувствие...

— Неудивительно. В конце концов, она же Дар Сала-ат.

Элеана кивнула.

— Да, конечно. Но ведь она еще и Риана. И у нее кинжал, который я подарила Аннону. Когда я с ней, Аннон кажется совсем близко... Все так запутанно!

— Ты явно перенервничала, тебе нужно отдохнуть.

Реккк усадил ее на скамейку, и Элеана от нечего делать стала соскребать мох с витой ножки скамьи носком сапога. Шелест ветра в верхушках облетевших деревьев напоминал ей предсмертный хрип. Воображение нарисовало Элеане лицо подруги сразу после того, как она ее ударила, всплеск неожиданных эмоций, а потом стук закрытой двери. Зажмурив глаза, чтобы отогнать видение, Элеана попыталась представить обугленные и скорчившиеся тела своих соотечественников, а потом оставшиеся от них клубы едкого дыма. В глазах закипели слезы, и Элеана снова начала всхлипывать.

Реккк обнял ее за плечи.

— Как красив закат! Посмотри, лучи солнца золотят серый камень... — Он вздохнул. — Знаешь, ситуация не кажется мне безнадежной, нельзя отчаиваться.

— А вот я уже отчаялась! — закричала Элеана. — Движение Сопротивления постепенно гибнет! Если не веришь мне, посмотри на север!

Элеана подняла голову и услышала звук рассекающих воздух крыльев, а потом увидела красно-сине-зеленого тэя среди густого кустарника. Он что-то нес в клюве. Тэй сел на скамейку и, склонив голову, уставился на девушку и воина блестя-

щими глазами. Затем на колени Элеане упал какой-то маленький овальный предмет.

— Похоже на семечко, — сказала Элеана, вертя предмет в пальцах, — только металлическое.

— Терций и германий, — проговорил Реккк.

— В'орнновская работа, — вытирая слезы, пробормотала Элеана.

Реккк кивнул.

— Это называется дускаант, записывающее устройство кхаггунов. Хитрая игрушка, ее используют разведчики.

Элеана взглянула на тэя, но Реккк покачал головой.

— Тигпен с Рианой нашли дускаант в библиотеке.

— Но это невозможно, — заявила Элеана, — библиотека была заблокирована заклинаниями Осору до того, как в'орнны вошли в монастырь.

— Значит, его сюда принесли раньше.

Элеана раскрыла рот.

— Шпион?

— Рамахана. Именно это мне рассказала Тигпен перед самым своим уходом.

— Рамахана, шпионящая на в'орннов? — Элеана вздрогнула. — Что могло толкнуть жрицу Миины на предательство?

— А вот тебе еще один вопрос — почему кхаггуны так успешно разыскивают и уничтожают отряды Сопrotивления именно в этом секторе северного континента? Одно время я командовал группой, расквартированной в западном секторе, у Борободурского леса. Когда я общался с коллегами из других секторов, то обнаружил, что у них гораздо более скромные результаты в ликвидации отрядов Сопrotивления, чем здесь, в районе Быстрых озер.

— Предатель?

Реккк кивнул.

— Это чисто логический вывод. Ведь разведка откуда-то берет данные.

Элеана тут же взяла себя в руки, вялости и апатии как не бывало.

— Когда ты был командиром отряда кхаггунов, откуда поступала информация?

— Из штаба строй-генерала Локкка Визэrrрента. — Реккк наклонил голову. — Что ты придумала?

— Вот бы определить, кто в штабе Визэrrрента занимается шпионами-рамаханами.

Реккк взял дускаант.

— Наверное, прибор поможет нам выяснить.

— Ты знаешь, как его включить?

Тэй забил крыльями и начал петь.

— Я не знаю, но, кажется, знает тэй.

Пар поднимался прямой струей, такой же эфемерной, как и окружающий город. Тем не менее он обладал очевидной силой и пикантным запахом сушеных листьев лимонника. И именно этот запах придавал струе вес, будто она была из алебаstra.

В тот день, когда Теззиг взяла Риану в купальню, шел небольшой дождь. Купальня находилась над горячим источником, так что посетители могли насладиться и паром, и водой одновременно. Риана, млевшая в клубах теплого пара, чувствовала, как свежие дождевые капли приятно охлаждают ей голову.

— Вот посмотри, — сказала Теззиг, взяв одну из ладоней Рианы в руки. — Под ногтями уже пыль. Это одна из причин, по которой мы красим ногти.

Тело у Теззиг было прекрасное, миниатюрное, тонкое, в меру мускулистое, практически безупречное. Смуглая кожа лоснилась. Груды напоминали душистые яблоки, спелые и всегда желанные. Треугольник между ног, заросший темными курчавыми волосами, напоминал о сгустившихся сумерках. Риана тут же вспомнила купальню в монастыре Плывающей Белизны, долгие месяцы, пока она привыкала к новому женскому телу, училась сохранять внешнее спокойствие, когда на нее смотрели другие девушки, хотя мужское начало Аннона то и дело давало о себе знать.

В отличие от рамахан из монастыря, с которыми раньше купалась Риана, Теззиг знала цену своим прелестям и умело этим пользовалась. Каждый ее шаг и жест, даже самый незначительный, раскрывал красоту. Либо сексуальность женщины была врожденной, либо она приобрела ее за годы жизни в хаанджхале. Затвердевшие соски Теззиг то и дело касались

спины Рианы, пока она терла ее мягкой щеткой. Не сдержавшись, Риана вздрогнула от удовольствия.

Теззиг, без сомнения, это почувствовала, потому что, прижав груди к Рианиной спине, зашептала ей на ухо.

— *Ва тарабиби*. Это особые слова. Их говорят друг другу только любовники. Это означает «моя любимая». — Кончиком языка Теззиг провела по Рианиному уху. — Конечно, я раздвигаю ноги, когда прикажет капудаан, но самой мне нравится другое... Я люблю кое-что понежнее. — Мелкие белые зубки на секунду вонзились в мочку Рианиного уха, и аджан снова начала тереть ее щеткой.

Пар поднимался над купальней, а мелкий сеющий дождь отгородил их призрачной стеной от всего окружающего мира. От жара, пикантного аромата лимонника, обладавшего очищающим и возбуждающим эффектом, Риана чувствовала вялость и возбуждение одновременно. Чтобы побороть возбуждение, она попыталась собрать весь свой страх и желание обрести свободу. Но это оказалось не так просто. К собственной досаде, Риана поняла, что слишком запуталась в отношениях с Элеаной. Постоянно испытывая вину и разочарование, она понимала, что девушка, которую она любит больше всего на свете, никогда не ответит взаимностью на ее чувства. Если бы Риану спросили, то она бы стала с негодованием отрицать желание изменить Элеане. И все же долго сдерживать такое сильное чувство, как ее любовь, невозможно. Нужно было дать ему выход, и Риана стала падкой на соблазн. Она не могла открыться Элеане, однако желание и любовь мучили ее, как незаживающая гноящаяся рана. Требовалось хотя бы временное обезболивание. Конечно, здесь присутствовал элемент риска, и все же это было лучше, чем непрекращающаяся боль.

Риана положила голову на обнаженное плечо Теззиг.

— Расскажи мне о Макктуубе. Что он тебе шепчет после ночи любви?

Тело Теззиг чуть заметно напряглось.

— Такие вопросы обычно задают шпионы, верно?

Риана взяла руку Теззиг и положила себе под грудь.

— Или новая аджан, которая хочет знать, чем угодить любовнику.

— Так кто же ты? — Теззиг задрожала. — Шпионка или новая аджан?

Риана медленно подвинула руку Теззиг, так чтобы она обхватила ее грудь. Услышав тихий стон, Риана поняла, что не ошиблась в расчетах.

Рука Теззиг начала медленно массировать грудь Рианы, и уже сама девушка едва сдерживала стон.

— Не считай меня идиоткой, чужестранка, — зашипела Теззиг. — Меня не так легко соблазнить. Ты проявила и презрение, и неповиновение. — Теззиг отложила щетку и грубо раздвинула Риане ноги. — Я могла бы взять тебя грубой силой, совсем как мужчина, я могла бы...

Но Риана выскользнула и, поменявшись местами с Теззиг, прильнула к ней всем телом, начав ласкать. Прикосновения были нежнее, чем касание крыльев бабочки, ведь Риана почувствовала, что Теззиг нуждается в ласке, в игре, в совершенно другом сексе, чем мог прийти в голову капудаану. Возможно, таким образом и Риана признавала свое желание быть любимой и желанной?

— Если я проявила неповиновение, — зашептала она, — то это потому, что мне было страшно. Если я отнеслась к тебе с презрением, то это было лишь ответом на твою неприкрытую ненависть.

Купальню освещал неяркий свет, их переплетенные тела отражались в воде так, что было сложно понять, где кончается одно и начинается другое. Податливая плоть Теззиг увлажнилась и стала ритмично сокращаться, затрепетав, а Риана продолжала ласкать ее плавными волнообразными движениями.

— Видишь, как я могу измениться за одну секунду. — Пальцы Рианы порхали по освещенным холмам и тенистым долинам, изучая каждый изгиб трепещущего тела Теззиг. — Признаюсь, я не люблю мужчин, мне претит их грубое поведение в постели.

Длинные ресницы Теззиг задрожали, а когда она открыла глаза, ее зрачки немного потемнели.

— Кем бы ты ни была, — хрипло проговорила она, — ты необыкновенно умна.

Притянув Риану к себе, Теззиг жадно поцеловала ее в губы и заглянула в глаза.

— Кем бы ты ни была, возможно, я ждала именно тебя. — Аджан вздрогнула, когда пальцы Рианы стали поглаживать внутреннюю сторону бедер. Схватив Риану за запястье, она сильно его сжала. — Но запомни мои слова, чужестранка, если ты солжешь... если обманешь меня хоть раз, клянусь святыми словами Джихарра, что вырежу твое сердце.

Курган заметил, что, когда Нит Батокссс появляется в регентском дворце, он изо всех сил старается не смотреть в зеркала.

Молодой регент сидел в личных апартаментах и подписывал огромную стопку документов, когда услышал шепот. Регент решил было позвать на помощь хааар-кэутов, но, повинуясь какому-то предчувствию, передумал. С минуту он сидел очень тихо, стараясь не шевелиться. Со стороны балкона раздался хриплый крик вороны. Секундная тишина, и таинственный голос зашептал снова. Отложив скучную работу, правитель наклонил голову и прислушался. Голос казался смутно знакомым. Курган напряг память, но, танцуя где-то на задворках воспоминаний, звук словно дразнил его. Регент молча встал из-за стола.

Чтобы понять, откуда доносится голос, ему пришлось пройти по комнате. Почти беззвучно он двинулся к двери и застыл, прислушиваясь. Шепот был таким тихим, что правитель не мог разобрать слов. Курган сделал еще шаг, осторожно пробираясь за дверь. К счастью, было довольно поздно. Окна апартаментов выходили на запад, и поэтому тень регента не была видна в комнате, откуда доносился голос. Он сделал еще шаг, и теперь голос звучал громче. К сожалению, язык оказался непонятен.

Поддавшись нестерпимому любопытству, Курган вытянул шею. Заглянув в комнату, он увидел Нита Батокссса. Гэргон стоял перед небольшим зеркалом, одним из очень немногих в апартаментах Кургана.

Как бы невероятно это ни казалось, все выглядело так, будто техномаг говорил с зеркалом. Только не на в'орнновском языке, а на каком-то чужом, совершенно неизвестном. Курган застыл в недоумении. Судя по периодическим паузам, выходило, что Нит Батокссс беседует со своим отражением. Да гэргон и в самом деле сумасшедший!

Или существовало другое объяснение?

Курган вспомнил, как однажды стоял в этой комнате. Нит Батокссс зашел через боковую дверь, как раз напротив той, где сейчас находился регент. И вместо того чтобы войти, гэргон сделал Кургану знак, чтобы он вышел с ним в соседнюю комнату. Курган до сих пор помнил, как он разозлился. Был еще один случай, когда они с гэргоном шли по Центральному залу. Курган заказал восьмиугольное зеркало для комнаты, где хранил коллекцию стрелкового оружия, и кто-то из слуг-в'орннов оставил его в зале, прислонив к стене. Вместо того чтобы пройти мимо, гэргон внезапно извинился и чуть позже вошел в Центральный зал с другой стороны. Тогда Курган не связал это странное поведение с зеркалом, но сейчас задумался.

Интересно, с кем гэргон разговаривает? Конечно, может быть, это новое подслушивающее устройство... Однако почему в других ситуациях Нит Батокссс всеми силами избегает зеркал?

Решив найти ответ на вопрос, Курган отошел от двери, вернулся в комнату, в которой подписывал документы, а затем вышел в коридор. В коридоре располагалась дверь в соседнюю комнату, как раз напротив зеркала. Аккуратно повернув ручку, регент немного ее приоткрыл.

Курган увидел плечо Нита Батокссса. Правитель распахнул дверь чуть шире, чтобы увидеть зеркало. Наклонив голову, чтобы разглядеть отражение Нита Батокссса, Курган едва не закричал.

Теззиг отпустила служанок, чтобы самой уложить волосы Рианы. Процедура была долгой, медленной и утомительной, даже в исполнении Теззиг, которая решила вложить в прическу всю душу. В кулаке Риана крепко сжимала гороновыи цилиндр, который Миннум прикрепил ей к затылку.

Они полулежали на шелковых подушках, и Теззиг рассказывала Риане о капудаане.

— Макктууб — очень гордый мужчина, — тихо говорила она. — Он потомок целой династии капудаанов. Прирожденный лидер. А это значит, что он свиреп, жесток, безжалостен и набожен. Он великий капудаан. Пожалуй, самый великий за все столетие.

Риана чувствовала, что Теззиг говорит искренне.

— А он справедливый?

— Справедливый? — Теззиг на секунду отпустила Рианину прядь. — Набожность несовместима со справедливостью, верно? К тому же справедливость подразумевает слабость. А у Макктууба нет слабостей.

«У всех есть слабости, — подумала Риана. — Возможно, у Макктууба это как раз набожность». Эти мысли она держала при себе. Кое-чему Макктууб ее уже научил.

— Расскажи мне все, что ты о нем знаешь, — попросила она.

Теззиг снова взялась за ее прядь, выплетая из кос сложный орнамент.

— Макктууб выбрал из *Мокакаддира* одну пословицу, которой ревностно следует, — рассказывала она. — «За одним грехом следует другой».

«Опять его набожность!» — подумала Риана.

— А Макктууб из набожной семьи?

— Нет, скорее наоборот. Но каждую ночь, которую Макктууб проводит во дворце, к нему приходит жрец, который учит его толковать *Мокакаддир*. Жрец появляется ровно в полночь.

— Откуда ты знаешь?

— Жрец входит через служебные ворота в западной части дворца. Это около купален хаанджхалы. Я однажды его видела. Старый бородатый Гор.

— Гор?

— Горы — секта религиозных фанатиков, которые провозгласили себя прямыми потомками апостолов Джихарра, хранителей *Мокакаддира*. Стать Гором невозможно, им нужно родиться, все права и обязанности передаются из поколения в поколение. К своим обязанностям, бремени Джихарра, как они это называют, Горы относятся весьма серьезно. Сам капудуан старается не противоречить их воле, *азмиирхе*, что значит «путь праведников».

— А ты сама во все это веришь?

Теззиг ответила не сразу. Впрочем, даже секундное молчание поведало о многом такой внимательной слушательнице, как Риана.

— У меня нет веры, — тихо сказала Теззиг. — Есть только желание угодить капудуану.

— По-моему, у тебя есть кое-что еще, не так ли? Например, желание выжить.

— Да, верно.

Риана медленно повернулась в объятиях Теззиг, и аджан опустила косы.

— Если волю ничем не поддерживать, она быстро умирает, — прошептала Риана. — Я знаю это по собственному горькому опыту, ведь я сирота, не помнящая ни дом, ни родителей. — Ее руки, словно крылья бабочки, опустились на плечи Теззиг. — Я уверена, что воля не может существовать без веры.

Потемневшими глазами Теззиг уставилась на Риану.

— Веры во что?

— Ты спрашиваешь себя или меня?

— Тебя. Во что ты веришь, чужестранка?

— В лучшую жизнь.

Немного помолчав, Теззиг рассмеялась, но не от счастья. В ее смехе было что-то язвительное, даже горькое.

— Я чуть было тебе не поверила, хотя ты наверняка шутишь.

— Я абсолютно серьезна.

Теззиг покачала головой, и каскад длинных волос упал на плечи.

— Как же ты можешь говорить серьезно? Оглянись вокруг. Ты пленница в чужой стране без надежды на освобождение.

— Тем больше причин верить во что-то лучшее, — просто сказала Риана.

Теззиг отстранилась.

— Теперь ты точно смеешься надо мной.

Притянув молодую женщину к себе, Риана поцеловала ее в губы точно так же, как Теззиг целовала ее.

— Риана...

Теззиг в первый раз назвала Риану по имени, и, к удивлению девушки, ей было очень приятно. Наверное, так получилось оттого, что ей послышался голос Элеаны. Прикрыв глаза, Риана думала об Элеане и мечтала, чтобы она оказалась на месте Теззиг. В то же время она постоянно себя одергивала, потому что даже представлять себя и Элеану вместе было опасно. Без волшебного третьего глаза Риана чувствовала себя слепой, парализованной, отрезанной от аур тех, кого любит. Риана

не казалось, что она живет в бесцветной комнате, где нет даже эха, которое могло бы отвлечь ее от одиночества. В эту же тюрьму попала и Теззиг. Теперь одиночество сделало женщин неотразимыми друг для друга.

— Меня помогает держаться непоколебимая вера. — Риана провела пальцам по щеке Теззиг. — А что придает сил тебе?

Теззиг покачала головой, ее глаза стали влажными, будто она вот-вот расплачется.

— По правде, я не знаю.

— Тогда мы заключим сделку, — предложила Риана. — Ты научишь меня искусству любви, а я научу тебя верить в себя.

Теззиг внимательно на нее посмотрела.

Риана поняла, что имеет в виду аджан: ей была нужна правда.

— Нет, — призналась она, — если я попытаюсь сбежать, мне понадобится помощь.

Теззиг закусила губу.

— То, о чем ты просишь, строго запрещено.

— Я верю в лучшую жизнь.

А что еще могла она сказать?

Олннн Рэдддлин вел шестнадцать отобранных офицеров-кхаггунов по лесистым холмам у подножия Дьенн Марра. Команда состояла лишь из самых опытных капитанов и майоров. Олннн заставил их пройти суровые изматывающие испытания, которые он изобрел сам. Чтобы заручиться их верностью, адмирал прошел все испытания вместе с ними, не делая себе никаких поблажек. Он не жалел свою заколдованную ногу, не обращал внимания на обжигающую боль, раздражающую кости. Они провели две недели на склонах Дьенн Марра, тренируясь без обмундирования и фотонных средств связи. Олннн Рэдддлин заставлял рекрутов маршировать по четырнадцать часов, преимущественно по высокогорью. Кхагггуны упражнялись под жарким солнцем, проливным дождем, обжигающими ветрами. Провизию с собой не брали, рекрутам приходилось питаться тем, что удавалось добыть. Поначалу кхаггггуны попытались использовать ионные автоматы, но это уничтожало добычу. Поэтому пришлось научиться делать ловушки из коры, плюща и гибких побегов. Голод лишь подстегивал

изобретательность. Воины не использовали ультразвуковые нейтрализаторы, так что пришлось привыкать к запахам друг друга в перерывах между купанием в глубоких прозрачных прудах, которыми изобиловала область Спрятанных озер, где проходили учения.

Рекруты приспособились к холоду. А потом они привыкли к нему настолько, что тренировались обнаженными до пояса. Кхагггунам понравилось ходить без доспехов, от ветра и солнца они сильно загорели.

Темной безлунной ночью Олннн повел их по узенькой тропке, которая змеилась по крутому горному хребту над ущельем. Глубоко внизу в звездном свете поблескивала черная река.

Здесь должны были состояться последние испытания. Те, кто их выдержит, получит звание командиров взвода, новый офицерский чин, который адмирал придумал сам. После судьбоносной встречи с Локкком Виэрррентом в «Пряном Джессе» Олннн решил толковать приказы регента по-своему.

Звезд-адмирал повел свой отряд, не нарушавший тишину лесной ночи, к ущелью. Он чувствовал, что напряжение рекрутов достигло апогея. Кхагггуны догадывались, что за испытание их ждет, и знали, что кто-то из них не уцелеет.

Рэдддлин решил создать отряд командиров, абсолютно безжалостных и безгранично ему преданных, для того, чтобы подстраховаться на случай, если Курган Стогггул попытается сконцентрировать всю власть в одних руках. «Тебе верен каждый из наших кхагггунов. Пока это так, можно ничего не бояться», — так сказал ему Локкк Виэрррент. Не зная Кургана Стогггула так хорошо, как знал его Олннн, генерал попал пальцем в небо.

Перед тем как спуститься в ущелье, тропка немного расширялась, и спуск становился менее крутым. Там по приказу Олннна отряд остановился, прислушиваясь. Доносилось жужжание насекомых и завывание ветра в верхушках елей-куэлло. Олннн чувствовал запах толстого ковра иголок под ногами и влажного ила, устилавшего берега реки. Он надел фотонные очки, чтобы видеть в темноте. На противоположном берегу реки адмирал заметил лагерь. По периметру был выставлен дозор. Однако все часовые стояли спиной к реке, очевидно, считая ее непреодолимой преградой.

Олннн поднял руку, и один из офицеров подполз к берегу и скользнул в воду. Сквозь фотонные очки звезд-адмирал следил за продвижением разведчика. Над водой виднелась лишь макушка, и через минуту кхаггун был уже на другом берегу. Бесшумно подбежав к лагерю, он перерезал часовому горло. Теперь лагерь мятежников был в распоряжении людей адмирала.

Олннн приказал кхагггунам атаковать. Весь отряд бросился в воду. Кхагггуны не любили воду. Как и все в'орнны, они чувствовали себя неловко без твердой опоры под ногами. Однако сказались многочасовые тренировки, и отряд, стиснув зубы, двигался вперед.

Сквозь очки Олннн видел, как, притаившись, офицер-разведчик поджидает остальных. Рядом в полном неведении спал кундалианский отряд. Это был не первый отряд Сопротивления, который они уничтожили. За последние две недели в процессе подготовки кхагггуны адмирала перебили немало кундалиан.

Отряд доплыл примерно до середины реки. Олннн, отчаянно работая руками и ногами, на секунду потерял из виду передового разведчика. Снова надев фотонные очки, он увидел, что офицер лежит, скрючившись, а из предплечья торчит стрела, которая настигла его, когда он полз, чтобы предупредить об опасности. Словно пойманная на крючок рыба, раненый задыхался, глотая ртом воздух. Олннн огляделся. Проследив за траекторией стрелы, он увидел, как к ним плывут три лодки, в которых было полным-полно кундалиан. Только тогда адмирал понял, что спящий лагерь пуст.

Олннн закричал: «Засада!», и отряд отреагировал с молниеносной быстротой. Однако атака уже началась. Черная вода покраснела от крови, и Олннн увидел, как мечутся его рекруты. Вода закипела, головы кхагггунов стали исчезать из вида. Олннн заработал руками еще быстрее, но, почувствовав усталость, благоразумно приказал отступать. В воде они не могли оказать сопротивления мятежникам на лодках.

Спрятавшись за елью-куэлло, адмирал подсчитал потери. Трое рекрутов убиты, шестеро — тяжело ранены. Какие потери понесли мятежники, определить было довольно трудно. Од-

нако им преподали несколько важных уроков, заставив понять, что бойцы Сопротивления умны и не лишены изобретательности.

К удивлению Олнна, неудавшаяся атака имела и положительный результат. Именно она навсегда сплотила оставшихся в живых. Они поклялись никогда не бросать друг друга и отомстить за погибших товарищей.

В первый раз они вместе составили план, единый отряд — словно единый мозг, и перед рассветом снова атаковали кундалианских мятежников. Один из офицеров был смертельно ранен, зато удалось перебить всех кундалиан. Горящими глазами Олннн наблюдал за мрачной жестокостью, с которой кхаггуны бросились на врага. Казалось, что единение еще больше разожгло ненависть к врагу.

Один из офицеров отряда, будущий командир взвода по имени Акктон Бллед, отличался особой агрессивностью. Его гладкая, с темной кожей голова по форме напоминала ребристый ионный снаряд. Впалые щеки и узкая полоска рта были будто вылеплены безумным скульптором, а выпирающий подбородок походил на приклад несущего смерть ружья. Бесстрашный кхаггун наслаждался кровопролитием и хвалился, что не боится ни смерти, ни покойников, как настоящий дэйрус.

Бллед быстро стал лидером группы и чем-то вроде легенды. Во время первой стычки с кундалианами он убил двоих и перерезал горло третьему, страшно лязгая зубами. Впоследствии Бллед отрубил жертвам головы и справил нужду в их рты. А потом насадил отрубленные головы на шест — для острстки, как он сам выразился, и чтобы все знали, что он еще вернется и перебьет всех мятежников до последнего.

Олннн наблюдал за этим зловещим шутовством с одобрением. Бесстрашие он уважал и инстинктивно чувствовал, что из Акктона Блледа получится отличный командир взвода, если только он переживет последний экзамен. Следовательно, адмирал всячески отмечал Блледа и строил планы относительно его будущего карьерного роста.

После разгрома кундалиан, по предложению Блледа, трупы решили не сжигать, а свалить в общую могилу, не закапывая, чтобы запугать других мятежников. К тому времени кро-

вавое солнце уже взошло над заснеженными вершинами на востоке, и трупы покрылись изморозью, словно белым саваном. Прямо у могилы воины поджарили ледяного зайца и устроили завтрак. Лица кхагггунов лоснились от жира, у костра слышались грубые непристойные шутки. То и дело кто-нибудь из них пинал заиндевевший череп партизана или плевал в остекленевший глаз. Было ясно, что кхагггунам не терпится снова в атаку, чтобы отомстить за убитых товарищей. Словно хищники, они почувствовали запах крови, и их сердца бились в предвкушении битвы не на жизнь, а на смерть.

После еды кхагггуны выкопали у лагеря общую могилу. По их мнению, большего кундалиане и не заслуживали. Над телами жужжали мухи и, жалобно крича, кружили большие черные птицы. Подтащив тела к краю ямы, воины пинками сталкивали их вниз.

После короткой церемонии, свидетелями которой были только мертвые кундалиане, Олннн присвоил каждому из рекрутов звание командира взвода. Новоиспеченные командиры наберут собственные взводы и обучат новичков всему, что умеют сами. По очереди они станут командовать всей группой взводов, а подчиняться будут только звезд-адмиралу. Вчерашние рекруты молчали, и Олннн понял, что они довольны.

Олннн отошел в сторону и поманил за собой Акктона Бллада. Они вместе прошли к реке. В последнее время адмирала сильно тревожило требование Кургана, чтобы именно он, Олннн Рэдддлин, выслеживал предателей. Он бессознательно потянулся к заколдованной ноге и погладил ее. Да, желание отомстить до сих пор не угасло. Однако Олннн прекрасно понимал, что поиски предателей уведут его далеко от Аксис Тэра и Кургана. Адмирал стал задумываться, почему его отсылают из центра власти. И на этот счет у него уже сформировалось мнение.

— Командир взвода, — обратился он к Акктону Блладу, — за две недели тренировок вы проявили себя с самой лучшей стороны. Поэтому первым командовать группой взводов будете вы.

— Я ценю ваше доверие, звезд-адмирал.

— И первое задание я поручаю тоже вам.

— Будьте уверены, звезд-адмирал, все будет выполнено так, как вы прикажете.

— Рад это слышать, — кивнул Олннн, — поскольку это очень важное задание. Следует найти рэнннона Реккка Хачилара и его счетту Джийан.

— Я польщен, звезд-адмирал, и сделаю все, чтобы найти их и доставить к вам.

— Живыми или мертвыми, — добавил Олннн Рэддлин. — Мне все равно.

— Значит, мертвыми! — Кривая улыбка исказила рот новоиспеченного командира взвода. — Так мне гораздо удобнее. — Острые зубы Акктона Бллада сверкнули в неярком утреннем солнце.

Следующей ночью Риана увидела, как за Теззиг пришел высокий стройный мужчина, длинные волосы которого украшал огромный черный зуб какого-то зверя. Волосы у него были длиннее, чем у Отнама, и казались почти белыми. Риана увидела мужчину лишь мельком, когда он тихо вошел в хаанджхалу. Стоило незнакомцу взглянуть на Теззиг, как она поднялась и пошла за ним, даже не оглянувшись.

Когда Теззиг ушла, Риана перевернулась на спину и стала смотреть в высокий потолок палатки, сожалея о том, что не может увидеть небо и звезды. Она подумала об Элеане, и ее сердце сжалось. А при мысли о Джийан во власти Маласокки, «темной стороны души», кровь застыла в жилах Рианы. Зима уже наступила. Время уходило, а демон Хоролаггия продолжал опутывать Джийан паутиной, убивая дух. До солнцестояния оставалось совсем немного.

Наверное, она забылась беспокойным сном, потому что ей снились всхлипы, а подушки, на которых Риана лежала, вздрагивали.

Сколько часов она проспала, Риана не знала. Но вот мелькнула какая-то тень, и, открыв глаза, она увидела, что в хаанджхалу вернулась Теззиг. Риана приподнялась на локте, однако, к ее изумлению, Теззиг не прилегла на подушки, а прошла в купальню. Риана встала и тихо двинулась следом.

Спрятавшись в тени двери из лимонника, Теззиг с глухим стоном стала срывать с себя прозрачную одежду. Обнаженная, она скользнула в воду, в которой крошечными сияющими полумесяцами отражался лунный свет.

Теззиг подошла к центру бассейна, подняла голову, и Риана услышала странный звук, похожий на сдавленный вскрик. Плечи Теззиг вздрогнули, она вскрикнула еще громче. Аджан изо всех сил терла ладонями глаза, будто стараясь стереть что-то страшное.

Не раздумывая, Риана разделась, вошла в бассейн и тоже стала медленно пробираться к центру. Теззиг открыла глаза, посмотрела на нее, и Риана вздрогнула.

— Что ты здесь делаешь? — недовольно прошептала Теззиг. — Ты должна спать.

— Я видела, как ты вошла, — ответила Риана. — Почему ты плачешь?

— Я не плачу. — Теззиг вытерла глаза. — С чего ты взяла? — Она вскинула голову. — Иди спать.

— Мне приснился кошмар, — объяснила Риана, — я слышала плач, и подушки тряслись, как при землетрясении. У вас тут бывают землетрясения?

Губы Теззиг скривились в такой неприятной улыбке, что Риане стало не по себе.

— Да, у нас случаются землетрясения, — тихо сказала она, — но не те, что ты имеешь в виду.

— Не поняла.

— С тех пор, как ты здесь... — Теззиг повернулась и дала Риане щетку с мягкой щетиной, — я чувствую себя грязной. Потри мне спину.

— Ты ведь выкупалась перед тем, как...

— Делай, что говорю! — рявкнула Теззиг.

Риана приподняла ее длинные волосы.

— Что это? — Пальцы Рианы коснулись татуировки в виде красной руны у основания шеи.

— Три как следует! — велела Теззиг.

Риане пришлось послушаться.

— Это — герб семьи, — мягко сказала Теззиг.

— У других женщин я его не видела.

— Потому что они — Гази Каны.

От удивления Риана отложила щетку.

— А ты?

— Продолжай! — рявкнула Теззиг и задрожала, когда щетка коснулась ее спины. — Я Джени Серии, — чуть слышно прошелестела она. — Меня привезли сюда в знак примирения между капудаанами. Это была идея Макктууба, что два капудаана должны обменяться первыми аджан в знак доброй воли. Мой капудаан, Джасим, в первую же ночь отрубил девушке голову и прислал Макктуубу в бурдюке.

— И его не волнует, что станет с тобой?

— Думаю, он скорее забавляется, представляя, что может со мной случиться.

— И все же Макктууб им отомстил.

Теззиг вздрогнула.

— Что он *сделал*?

— Целый год он просто ждал. А ранним утром, в первую годовщину смерти его первой аджан, Макктууб послал отряд с облавой на территорию Джени Серии. Они перерезали сто детей.

— Святая Миина! — Горло Рианы сжалось. — Но ведь ты жива и даже смогла стать его фавориткой.

— Сильнее! — странным приглушенным шепотом просила Теззиг. — Три сильнее!

Риана и так терла сильнее, чем было необходимо. Кожа на спине Теззиг покраснела.

— Ты что, не слышишь? Я же просила сильнее!

И тут в свете луны Риана увидела нечто, от чего у нее мурашки побежали по спине. Вода вокруг Теззиг потемнела. Риана выронила щетку и, обняв девушку за плечи, повернула к себе лицом.

— Я тебя поранила, — пролепетала она.

— Нет, кровь течет из промежности. — Теззиг зажмурилась и застонала. — Поэтому тебе и снился кошмар.

— Что ты имеешь в виду?

— Дело в том... — Светлые глаза Теззиг смотрели спокойно. — Вот вторая часть мести Макктууба — он заставляет меня называть его *ва тарабиби* и почти каждую ночь доводит до сильного кровотечения.

12

НЕЧТО ОЧЕНЬ СТРАШНОЕ

— Она чудовище.

— Хуже конары Бартты, если такое возможно.

— Еще как возможно!

Две конары, лучшие подруги, находились в маленькой, плохо освещенной, жутковатой келье монастыря Плывающей Белизны. Они сидели на неудобных пыльных стульях с жесткими спинками и продавленными сиденьями. Кроме паутины, в комнате было совершенно не на что взглянуть. Неровный свет старой лампы еще больше подчеркивал убогость убранства.

— Уж очень быстро конара Урдма заняла место конары Бартты, — проговорила конара Ингрес.

— И как только она пронюхала, что мы расследуем гибель конары Бартты, то тут же положила этому конец, — сказала конара Лиистра.

Конара Ингрес закивала.

— Она словно источала злобу! — У конары Ингрес были карие глаза, румяные щеки и губы бантиком. Именно благодаря этой пышущей здоровьем конаре все послушницы монастыря трижды в день занимались гимнастикой. — Хотя чего еще ждать? Меня она никогда не любила. Ей кажется, я провожу слишком много времени в библиотеке, изучая историю магии. Она постоянно советует, что включить в учебный план, а что выбросить, совершенно не считаясь с исторической точностью.

— За последние несколько десятилетий в Осору много чего произошло. Неужели из-за этого те книги перенесли в маленькую комнату, где их могут читать лишь конары?

— По крайней мере она так утверждает.

— А зачем вообще изучать Осору? Ведь все рамаханы с Даром давно изгнаны из монастыря...

— Совершенно верно. Однако необходимо знать и о бесславных событиях прошлого. — Уже в который раз конара Ингрес обдумывала — не рассказать ли подруге о скрытом

таланте, который она у себя обнаружила, о способности колдовать Осору, о настоящем Даре? Впрочем, сообщать о том, что она проводит в библиотеке столько времени, чтобы научиться Осору, было настолько небезопасно, что Ингрес все же не решалась довериться никому. Даже конаре Лиистре. — В конце концов, тот, кто не знает истории, обречен повторить ошибки прошлого.

— Это слово «история», — отозвалась конара Лиистра, — иногда я думаю, что оно значит для нас, рамахан? — Конара Лиистра была довольно бледной и немного сутулой. Огромная родинка, словно кусочек сухофрукта, росла у Лиистры между нижней губой и подбородком. — Я имела в виду, что мы продолжаем поклоняться Миине, не будучи уверенными в том, что она вообще существовала.

— Разве не в этом и состоит суть веры?

— Я сейчас говорю об истории, то есть о реальных фактах, — парировала конара Лиистра. — Святые источники утверждают, что некогда Миина существовала, как ты и я. А что, если они лгут? Что, если Миины никогда не было? Если ее выдумали друзья?

— Не станешь же ты утверждать, что наша религия основана на лжи?

— Не совсем, — ответила конара Лиистра. Ее половые органы почти полностью атрофировались от редкого использования или, возможно, они и не развились полностью. Так или иначе, было в ней что-то от девочки, которая никогда не узнает, что значит быть женщиной. — Нам известно, что Венча был и языком друзей, и их магией. Даже если это так, даже если вся сила Космоса заключена в семьсот семиста семи буквах Венча, это еще не доказывает то, что этот язык *олицетворяет* Богиню. И что Миина оживает всякий раз, когда говорят на Венче.

— Это наука. Возможно, какой-то подраздел семантики, но не религия. — Конара Ингрес, хоть и выглядела обескураженной, ничего подобного на самом деле не испытывала. Наверное, для этого и нужны друзья — с ними можно поспорить о чем угодно и вынести из спора нечто полезное.

— Так в чем же разница?

— Религия приносит утешение тем, кто в нем нуждается. А что делает наука? Она задает вопросы, ответы на которые никогда не будут найдены. Наука утверждает, что Богиня мертва. Точнее, что ее никогда и не существовало. Так думают в'орнны. И взгляни на них — как и чем они живут! Только когда приходит беда, а беда приходит почти в каждую жизнь, наука не может предложить ни помощи, ни утешения.

— Если ты не задаешь вопросы, значит, не живешь, — заявила конара Лиистра. — Да, нам многое дала религия — она систематизировала язык, способствовала развитию сельского хозяйства и общественных отношений посредством многочисленных праздников, а также обеспечила нас такой государственной системой, что мы жили припеваючи. Только, откровенно говоря, разве это можно назвать религией?

— Единственное, что ты упустила, — то, что вся наша цивилизация просто не существовала бы без веры в Миину. Как ты думаешь, что бы случилось, если бы удалось доказать, что Великая Богиня — просто выдумка друугов? Вера — единственное, что хоть как-то нас объединяет после в'орнновского завоевания!

— Возможно, ты и права, — признала конара Лиистра. — Мне кажется, то, что сделали друуги, — хорошо, вне зависимости от того, существовала Миина или нет. Наша вера в нее привела из тьмы и анархии к благам цивилизации. Более того, именно вера помогла нам понять, что Космос содержит много такого, что мы не можем постичь пятью органами чувств. Однако, может, ты согласишься, что все заповеди Богини в основном неуместны?

— Ни за что, — с жаром ответила конара Инггрес. Она получила от спора колоссальное удовольствие, ведь он отвлекал от грустных мыслей о плачевном состоянии монастыря. — Я уверена, что слово Миины сейчас важно, как никогда. Ты забываешь, что зло проникло в монастырь, именно когда мы перестали следовать ее Писанию. И чем больше мы от него отклоняемся, тем глубже зло проникает в Деа Критан.

— Тебе повсюду мерещится зло, так что мне тоже хотелось бы выучить Венчу, — ответила конара Лиистра. — Впрочем, ясно одно: конара Урдма постоянно придумывает новые способы наказать нас за неповиновение. Например, эти беско-

нечные ночные дежурства. И все же я ни минуты не жалею о том, что мы потребовали официального расследования гибели конары Бартты.

— И я не жалею! — отозвалась конара Ингрес. — Мне досих пор хочется знать, что случилось с конарой Барттой.

— И, кажется, конара Урдма просто пытается копировать конару Бартту. Но куда ей до нее! И со временем мы сможем с ней справиться.

Время от времени жрицы замолкали и, склонив головы, прислушивались к ночным звукам, которые порождал монастырь. В щелях и трещинах свистел ветер, поскрипывали плиты фундамента — здание все глубже погружалось в горный склон, — настойчивое шуршание грызунов, по ночам роющихся в помоях, легкий плеск воды, потом снова тишина, будто опустился тяжелый занавес, извещающий об окончании спектакля. Конарам были знакомы все эти звуки. Они жили в монастыре так долго, что подобные шумы стали своего рода сигналами отхода ко сну, чем-то вроде снотворного, избавляющего от тяжелых мыслей.

— Мне показалось, что конара Урдма знала, что с конарой Барттой что-то случилось, — кивнула конара Ингрес, — и ждала момента, чтобы захватить власть.

— Тс-с, — прошептала конара Лиистра, внезапно напрягшись. — Конара Урдма — наша наставница.

Конара Ингрес наклонилась вперед.

— Каждый день Писание изменяется все сильнее и сильнее. — Конара Ингрес была чуть моложе подруги, однако казалась не менее проникательной. Она, образно говоря, старалась держать хвост по ветру и всегда знала, каких политических перемен можно ожидать. Конара Лиистра учила ее плыть по течению, чтобы не сбили с ног, но постоянно скрывать собственное мнение было непросто. — Посуди сама — учение Миины, которое я знала еще ребенком, истолковано совсем по-иному. И это делается с одной целью — захватить власть и править конарами!

Конара Лиистра покачала головой.

— Мне нужно излить кому-нибудь душу, иначе я сойду с ума! Мы больше не служим Миине. Вернее, мы не служим ей

так, как подобает! Мы стали политическими пешками, марионетками, которых дергают за нитки. Мы стали совсем беспомощными, живя в страхе и увековечивая ложь, последствия которой нам не дано осознать.

— Тише, я тебе говорю!

— Уже перевалило за полночь! Кто нас может услышать? В эту часть монастыря никто не заходит!

— Конара Бартта приходила. — Глаза конары Лиистры забегали, будто она ожидала, что появится призрак Бартты. — Хотя и никто не знает — зачем.

— Конара Бартта мертва. Погибла при пожаре, который сжег дотла келью, расположенную всего в десяти метрах от этой.

— Да, и в ту келью нам запретила входить конара Урдма.

— «Для того, чтобы снова не случилось несчастье». Что за детский предлог! — Конара Ингрес внезапно встала, ее глаза возбужденно горели. — Пошли, — прошептала она. — Мы должны это сделать!

— Что сделать? — спросила конара Лиистра, старательно изображая удивление, хотя прекрасно понимала, что имеет в виду подруга.

Не сказав ни слова, конара Ингрес рывком подняла конару Лиистру на ноги и сунула ей в руки лампу.

Уже у двери конара Лиистра попробовала сопротивляться.

— Это безрассудно! — сказала она.

Ее приятельница лишь рассмеялась в ответ.

— Ты говоришь совсем как конара Урдма.

Они двинулись по влажному узкому коридору, то и дело останавливаясь и прислушиваясь к каждому звуку. Не услышав ничего подозрительного, конары подошли к двери кельи, где случился таинственный пожар.

— Странно, — проговорила конара Ингрес. — Несмотря на всю силу, пожар не проник за пределы кельи. — Она вытянула руку. — Посмотри, в коридоре нет ни следов огня, ни пятнышка сажи. Разве это похоже на пожар?

— Огонь — другая ипостась воды, — ответила конара Лиистра. — Вода поднимается до определенного уровня, а огонь разгорается от сквозняков, проникающих сквозь щели и трещины.

— Он должен был вырваться сюда, в коридор, и сжечь соседние кельи, если все было так, как ты говоришь. — Конара Ингрес присела у двери, показывая на щель под ней. Расстояние равнялось двум пальцам. — Почему огонь остался в келье?

Внимательно осмотрев дверь, конара Лиистра вздохнула.

— Запирающее заклинание. У конары Урдмы точно паранойя, она опечатала двери!

Конара Ингрес поднялась, сложив ладони в виде чаши.

Лицо конары Лиистры побелело.

— Что ты делаешь?

— Мы ведь хотим узнать, что там внутри?

— Но если мы...

— Не беспокойся. Когда выйдем, я снова наложу блокирующее заклинание. Конара Урдма никогда ни о чем не догадается.

— А как ты... — Конара Лиистра не договорила, потому что поняла, что заклятие снято. «Как ей это удалось? — подумала она. — Какое заклинание она использовала?»

Конара Ингрес нажала на ручку, и, скрипнув, дверь открылась. Внутри было черным-черно. В келье стоял резкий аромат горелой смолы и менее выраженный сладковатый запах, возникающий обычно на кладбище.

Подруги шагнули за порог, и конара Лиистра подняла лампу. В келье было что-то, от чего у нее в животе образовался тугой узел, и она тихонько взвизгнула. Какой-то частью души конара больше всего хотела развернуться и убежать прочь.

— Что это так пахнет? Страх?

— Да, страх, — прошептала конара Ингрес, — что же еще?

Каменные стены, пол и потолок от огня почернели и стали шероховатыми. На стенах виднелись глубокие полосы там, где капли металлических пород расплавились под воздействием адского пламени. Казалось, конары вошли в клетку, где раньше содержалось бешеное чудовище.

Спутницы осторожно добрались до центра кельи. Там на полу лежала кучка пепла. Подобрав подол платья, конара Ингрес присела, а конара Лиистра опустила лампу.

— Здесь находился какой-то предмет, — сказала конара Ингрес. — Видишь, следы пальцев, сгребавших что-то к центру?

— Похоже, что-то искали, — подтвердила конара Лиистра. — Только что?

— Готова поспорить, конара Урдма знает, — заявила конара Ингрес, поднимаясь. — Ведь это она опечатала келью. Урдма определенно провела собственное расследование.

— Ты была права. Наверное, она подозревала, что конара Бартта приходила сюда. — Конара Лиистра нервно кусала губу. — Может, пора вернуться? Есть здесь что-то такое, от чего мне не по себе.

— Молись Миине.

— Уже молилась. Кажется, Богине нет дела до этой кельи.

Конара Ингрес была слишком занята, чтобы ответить. Она изучала следы на кучке пепла. Вот ее взгляд проследовал за самым длинным отпечатком в темный угол сожженной кельи.

— Дай-ка я посмотрю. — Ингрес взяла лампу из рук подруги и зашла в угол, конара Лиистра — за ней. Словно нехотя тени расступились перед неярким светом масляной лампы. — Что тут у нас такое? — Конара Ингрес подняла нечто маленькое, заброшенное в самый угол, и обтерла подолом угольную пыль. Это был небольшой предмет из украшенной гравировкой бронзы, тускло светившийся в свете лампы. Конара Ингрес начисто вытерла его и завертела в руках.

— И что с ним делать?

Конара Лиистра взяла предмет дрожащими пальцами и внимательно рассмотрела.

— Ручная работа, довольно старая. Похоже на... Если бы я не была уверена, что... — Лиистра закусила губу.

— Что это? Что ты об этом думаешь?

— Я видела что-то подобное на картинке в одной из книг... Среди чертежей. — Конара Лиистра неподвижно уставилась на подругу. — Это курок хад-атты.

— Что? Флейтой пользоваться запрещено!

Хад-аттой называли древний инструмент, использовавшийся, как говорилось, для «проб на ересь». Небольшой кристаллический цилиндр медленно погружали в горло жертвы, поэтому хад-атту и прозвали флейтой. С помощью таких флейт, первый экземпляр которых, как говорили, использовала сама Миина, определяли, кто из рамахан являлся еретиком. Правда, считалось, что все хад-атты уничтожили еще в прошлом веке.

Похоже, не все.

Теперь подружки поняли, что за сладковатый запах стоял в келье.

Конара Инггрес кивнула.

— Конара Бартта приходила сюда регулярно.

— Так же, как и лейна Астар, конара Лоденум, послушница Риана. Все пропавшие рамахань...

— Погибшие при неизвестных обстоятельствах...

— По крайней мере так нам сообщили.

— А на самом деле их пытали. Пресвятая Миина!

Звонок колокольчика прозвенел очень слабо, но обе конары вздрогнули от страха.

— Кто может прийти в это время? — раздраженно спросила конара Инггрес.

— Моя очередь открывать, — объявила конара Лиистра, страшно обрадовавшаяся, что может уйти из ужасной кельи. Она тут же отдала курок подружке. — Не спускай с него глаз. — Конара поспешила к двери, но у самого порога оглянулась. — И не оставайся здесь одна. Наложить блокирующее заклинание как можно скорее и уходи.

Конара Инггрес рассеянно кивнула, рассматривая курок.

Госпожа Джийан стояла под окном кабинета конары Урдмы в монастыре Плывающей Белизны и упивалась непроглядной темнотой ночи. Внизу, на складчатом горном выступе, погруженный во мрак лежал Каменный Рубеж. Джийан смотрела на родное селение потухшим взором, будто опасалась, что малейшее проявление эмоций может спалить дотла всех жителей и, словно опухоль, удалить с горного склона.

Джийан знала, что однажды именно так и случится.

Закутавшись с головы до ног в длинную черную накидку, она подошла к главному входу в монастырь Плывающей Белизны и позвонила. Глазные яблоки за опущенными веками бешено завращались. Однако, когда со скрипом раскрылась тяжелая дверь, глаза, которые уже подчинялись Маласокке, приобрели совершенно нормальный вид.

Джийан улыбнулась открывшей дверь послушнице. Риане эта улыбка показалась бы странной и не похожей на Джийан.

И эта догадка была бы верной, ведь в теле Джийан жило нечто ужасное — сбежавший из Бездны архидемон Хоролаггия. Он еще не окончательно завладел душой колдуньи, но его власти было достаточно, чтобы ею манипулировать. Именно демон теперь руководил ее словами и действиями.

На самом деле улыбка Хоролаггии была ужасна, но послушница увидела лишь то, что ей полагалось. Улыбнувшись в ответ, она пригласила Джийан и страшного архидемона войти в монастырь, обитательницы которого жили в страхе, лжи и невежестве.

Здесь Бартта продолжила вносить изменения в заповеди Великой Богини Миины, начатые еще конарой Моссой во времена ее безграничного царствования в монастыре. Теперь пришел черед конары Урдмы. Зло начало просачиваться в монастырь еще при конаре Моссе, проросло и укоренилось при Бартте и теперь, при конаре Урдме, которая была прилежной и способной ученицей, обещало расцвести и дать урожай.

Джийан прошла за послушницей через сады и подсобные помещения прямо в монастырь, где попросила другую послушницу вызвать дежурную конару. Послушница была невысокой, с мелкими чертами лица, тоненькой, как тростинка. Наверняка слишком молода, чтобы помнить Джийан или хотя бы слышать ее имя. Итак, пребывая в блаженном неведении, девушка предложила Джийан сесть и, спросив, не желает ли странница чего-нибудь выпить, удалилась.

Погруженная в мрачные размышления Джийан отвернулась от окна. Бронзовые лампы, мягко освещавшие кабинет, немного потемнели от нагара. Маленькие колечки дыма, извиваясь, исчезали под почерневшими балками. За пять минут, проведенных в одиночестве, Джийан успела достать из кармана накидки маленькую сумочку из змеиной кожи и положить ее на край стола. Затем колдунья посмотрела в зеркало, висевшее на стене. Терновый венец, равно как и пронзавшие ладони шипы, виднелись очень четко. Это было физическое проявление войны, которая велась за господство над душой Джийан. И в этом мире его можно было заметить лишь в зеркале. Хоролаггии теперь казалось, что он напрасно захватил Джийан в присутствии девушки, потому что тогда любая колдунья

могла заметить колючую корону и шипы, возникшие в момент наложения Маласокки. И та девица, без сомнения, все видела. Хоролаггия понял, что она новичок и не в состоянии понять увиденного. И все же когда-нибудь девушка могла бы использовать это заклинание против самого архидемона...

Джийан подняла левую руку. По приказу Хоролаггии пальцы проворно задвигались, и серебристое зеркало превратилось в маленькую лужицу на полу, которая тут же высохла. На месте зеркала в рамке осталось пустое, слепое и немое пятно. Затем колдунья вытащила из сумочки моток блестящей пленки и натянула на рамку вместо зеркала. В новом отражении не было ни тернистого венца, ни шипов — зеркало подчинилось ей полностью. Колдунья с гордостью разглядывала зеркало. Затем, услышав звук чьих-то шагов, она обернулась.

— Добрый вечер, конара Лиистра. Или, скорее, доброе утро, — самым сердечным голосом проговорила Джийан. — Простите меня за появление в столь неурочный час, но все гостиницы в Каменном Рубеже были уже закрыты.

— Двери монастыря Плывущей Белизны всегда открыты для... — Мучнистое лицо конары Лиистры мертвенно побледнело. — Милостивая Миина! Джийан? Это ты?

— Да, это в самом деле я.

— Ты направляешься...

— Я шла именно сюда, в монастырь. Я вернулась домой, — ответила Джийан и едва успела развести руки, как конара Лиистра уже бросилась в ее объятия.

— Ой, Джийан, тебя так долго не было! — Конара Лиистра была не в силах совладать с чувствами. — Мы уже и не надеялись.

— Знаю, знаю, но вот я и появилась. — Джийан гладила Лиистру по голове. — Вижу, из шимы ты стала конарой. — Джийан лучезарно улыбнулась. — Уверена, ты этого вполне заслуживаешь.

В немом восторге конара Лиистра опустила голову.

— Теперь налейте мне стаканчик вина, конара, хочу сказать тост.

— Ну зачем ты зовешь меня конарой? Мы ведь всегда были очень близки. — Конара Лиистра подошла к буфету, где на

гравированном медном подносе стояли графин и тоненькие стаканы. — Зови меня, как раньше, я настаиваю.

Джийан негромко рассмеялась.

— В таком случае... — Она подняла полный стакан. Вино было приятного красноватого цвета, что являлось признаком высокого качества. Низшие сорта имели желтоватый и зеленоватый отлив. — За тебя, дорогая Лиистра! И за твой новый сан!

Раздался хрустальный звон. Лицо конары Лиистры погрузнело.

— Возможно, меня и называют конарой, однако что касается моего сана, увы... — Договорить она не решилась.

— Не понимаю, о чем ты, — нахмурилась Джийан.

— Отныне это владение конары Урдмы. А ведь раньше здесь все принадлежало твоей сестре.

— Ты имеешь в виду этот кабинет?

— Нет, весь монастырь.

— А Деа Критан? — еще сильнее нахмурилась Джийан.

— Существует лишь формально, — вздохнула конара Лиистра. — Мне не хотелось сообщать тебе неприятные новости, но конара Бартта изменила своим духовным принципам.

— Она...

— Она мертва. Погибла на пожаре при весьма загадочных обстоятельствах, а нам запрещается даже проводить расследование.

Джийан поставила на стол почти нетронутый стакан.

— И кто же это запрещает? — мрачно спросила она.

— Конара Урдма, которая заняла место твоей сестры и переехала в келью Бартты прямо в день ее кончины. Скажи, разве так можно?

Джийан покачала головой.

— Еще страшнее то, что постепенно предаются забвению заповеди Миины. Даже хуже, они извращаются. Тебя изгнали потому, что ты знала Осору, а вслед за тобой и всех, у кого был Дар. Теперь здесь преподают только Кэофу, и с каждым днем список запрещений растет. Так, нам запрещается упоминать йа-гааров и Священных Драконов Миины. Их портреты либо обезображены, либо вообще исчезли.

— Возмутительное поведение! Просто невероятно, до чего дошло! — Джийан развязала сумочку из змеиной кожи и, повер-

нувшись спиной к конаре Лиистре, намазала что-то на кончик языка. Повернувшись лицом к Лиистре, Джийан подняла указательный палец. — Ты правильно сделала, что предупредила меня. И хотя мое сердце разрывается при мысли о гибели сестры, из твоего рассказа ясно, какая огромная работа предстоит.

Конара Лиистра вздохнула с облегчением.

— Ты совершенно права! Наверное, именно тебе предназначено разбудить нас от сладкой дремоты, в которую всех погрузило зло.

— Тогда вперед, смелая Лиистра! — проговорила Джийан, обнимая конару. — Вместе мы сможем наставить детей Миины на путь истинный.

Они подошли к двери, и тут Джийан, повернув к себе конару Лиистру, схватила за плечи и поцеловала в губы. Прежде чем рамахана смогла опомниться, Джийан открыла рот, и ее язык скользнул между губами конары.

Задышавшись, Лиистра пыталась вырваться из объятий Джийан, однако сил не хватало.

Внезапно конара перестала сопротивляться. Во рту у нее извивалось что-то липкое и черное. Согнувшись в три погибели, Лиистра давилась, пытаясь вытолкнуть изо рта мерзкую слизь. Однако то, что подсадила ей Джийан, оказалось на удивление цепким и не двигалось. Затем небо обожгла резкая боль, конаре показалось, что ее ударили огненным мечом, и она упала на колени.

Джийан обхватила вспотевшую голову Лиистры и, в такт стонам конары, будто баюкая, стала тихонько напевать слова демонического заклинания.

И вот все было кончено. Конара Лиистра глубоко вздохнула, а Джийан, немного ее приподняв, заглянула в глаза, которые побелели так же, как и у самой колдуньи. Ладонь Джийан коснулась лица конары, ее зрачки бешено завращались. Когда вращение прекратилось, Джийан убрала ладонь — глаза конары Лиистры стали такими же, как прежде.

— Поручаю тебе снять все зеркала, — объявила Джийан. — Нужно уничтожить зеркала монастыря. Все до единого.

Конара Лиистра послушно кивнула.

— Да, Матерь.

— Если кто-нибудь станет расспрашивать, скажи, что в зеркалах живет зло, которое поселилось в монастыре. Ясно?

— Да, Матерь.

Конара Лиистра попыталась уйти, но Джийан тут же ее остановила.

— Все хорошо, — мягко сказала она, — все образуется.

Улыбка конары Лиистры была какой-то резиновой, неживой.

— Да, все будет отлично.

С тех пор как регент увидел в зеркале то лицо (если это можно было назвать лицом), его стали мучить кошмары. И не то чтобы Курган постоянно вспоминал о случившемся. Только ранее он считал себя бесстрашным, а теперь от того, что правитель рассмотрел в зеркале, во рту появился металлический привкус страха. Курган не мог есть весь день и старался не встречаться с Нитом Батокссом. Сейчас разговора с гэргоном было не избежать, и регент чувствовал, как холодеет кровь.

То, что он увидел в зеркале, не поддавалось описанию. Вспоминая об этом, Курган не мог сдержать дрожи. В ту ночь, когда все во дворце уснуло, он пробрался в комнату и разбил зеркало на маленькие кусочки. Поэтому отныне средство связи или, чего правитель особенно опасался, хранилище истинного облика гэргона исчезло.

Кошмар терзал Кургана постоянно, и, как ни странно, это имело свою положительную сторону — регент понял, как много он еще не знает. Именно это не захотел признать его отец, Веннн Стогггул, именно это и привело его к краху. Невежественный и надменный в'орнн — потенциальная жертва заговорщиков. Такой возможностью и не преминул воспользоваться Курган. Молодой регент пообещал себе, что с ним не случится ничего подобного. Он не станет повторять ошибки своего отца.

Наконец правитель решил, что ему необходим надежный источник информации о событиях, происходящих в городе. Кто-нибудь из в'орннов, кто мог бы разбалтывать секреты, передавать сплетни — все, о чем обычно говорят вполголоса. Знание того, чем живет город, позволило бы регенту строить планы и просчитывать действия на несколько ходов вперед. Оставалось лишь выбрать подходящую кандидатуру. Опреде-

лившись, Курган приказал привезти избранницу ночью в его личные апартаменты.

Когда она прибыла, было далеко за полночь. На Променаде слышались громкие крики борцов каллистота, чьи шумные разговоры заглушали голоса моряков, которым пора готовиться к утреннему приливу. В «Кровавом приливе» всегдалюдно, и у каждого столика можно услышать немало интересного.

— Регент, я рада видеть вас снова, — проговорила Рада, которую ввели хааар-кэуты. — Разрешите поинтересоваться, за что меня удостоили такой чести?

Курган дожидался ее у камина. Огонь полыхал за спиной, придавая ему более солидный вид. Невооруженным глазом было видно, что женщина не рада его вызову. В это время в таверне столько посетителей, а она вынуждена беседовать с правителем, вместо того чтобы обслуживать клиентов. Абсолютно естественная реакция. Курган обрадовался, осознав, что Рада признает его безусловное превосходство.

— Садись, — велел он, — мы вместе выпьем.

Сифэйи скрывал умашенную ароматическим маслом голову, но Курган видел, как мерцает диадема. В огне камина Рада казалась еще красивее, хотя регенту не было до этого дела. Глядя на нее, он представлял кундалианскую девушку, которую они с Анноном застали купающейся в ручье. Девушка вынула из волос блестящую заколку, и густые волосы водопадом упали на плечи... Видение было столь живым, что Курган содрогнулся. Нужно срочно что-то делать.

— Вы хотели сказать мне что-то важное?

Голос Рады вернул Кургана к действительности, но от воспоминаний о девушке у него перепутались мысли.

— Мне бы хотелось воспользоваться твоими способностями.

— Как странно, регент. Мне казалось, что вы ничего о них не знаете.

— Значит, ты ошибаешься. — Курган отошел от камина и уселся на диван. — Пожалуйста, садись. — Когда Рада послушалась и присела на краешек стула, правитель налил себе и ей огнесортного нумаадиса из графина, стоявшего на походном кхагггунском столике из чеканной бронзы. Взяв один из кубков, Курган протянул другой Раде. — Я много раз видел тебя

за работой, ты ловко справляешься с месаггунами и саракконами в три раза больше тебя. Тебя уважают все посетители без исключения. Вот этим я и хочу воспользоваться.

— Думаю, ваша беспардонность объясняется таким быстрым восхождением на трон в столь юном возрасте, — проговорила она.

— По правде, я больше выполняю приказы, чем отдаю их. Рада поджала губы.

— И я должна вас пожалеть?

— Ну, не стану приказывать... Как хочешь.

Она пригубила нумаадис.

— Что такое? — удивился Курган. — Тебе не нравится нумаадис?

— Нет, качество отменное, — отозвалась Рада. — Но этот дворец... Он навевает какую-то грусть.

— Мне он нравится. Темно, спокойно, никаких посторонних. Можно покопаться в собственных мыслях.

— И что это за мысли, регент?

— В последнее время меня преследует кошмар.

— Мне очень жаль.

— Ну, ты знаешь меня недостаточно близко, чтобы говорить всерьез.

Курган посмотрел на огонь. Обычно пламя завораживало его настолько, что он погружался в кратковременный сон. И регенту снилось, что все его планы, мечты и ожидания осуществились. Однако после того, что он увидел в зеркале...

— Этот кошмар всегда один и тот же. Я погружаюсь в черную воду, где, как ни странно, могу свободно дышать. И еще более странно то, что под водой я вижу лицо. Это девушка, красивая, хоть и бледная как смерть. Кожа у нее какая-то синюшная, а глаза, кажется, пронзают меня насквозь.

— Наверное, это в'орнновская богиня, любовница мертвого бога Энлиля.

— Нет, девушка — кундалианка, — тихо сказал Курган. — Ее пепельные волосы густы, как сноп гленнана, и длинные, как морские аспиды.

Рада развеселилась.

— Вы разговаривали с этой кундалианкой?

— В этом-то вся суть! Она просила меня о помощи.

Рада поставила кубок на стол.

— Могу я спросить, зачем вы мне это рассказываете?

— Наверное, потому, что здесь больше никого нет.

— Как грустно...

Курган встал, протянул ей руку и без слов помог встать.

Рада была так близко, что он чувствовал запах ее тела.

— Не хочу, чтобы ты уходила, не сейчас.

Они прошли в спальню, и Курган помог женщине раздеться. Его желание было так велико, что он овладел ею стоя. Когда все почти закончилось, Рада закричала от удовольствия, хотя возможно, это только послышалось регенту. Он видел себя на берегу озера, его ласкали солнечные лучи и длинные волосы девушки, он погружался в молодое тело кундалианки. Как жаль, что у Рады нет волос, темных густых волос, в которые можно зарыться лицом...

В конце концов, она ведь только тускуггун.

Когда Рада оделась, регент присел на край несмятой кровати.

— Что, если тебе больше не нужно будет работать?

Рада посмотрела на Кургана. По ее лицу он не смог прочесть чего-то определенного, будто между ними ничего не произошло. Ему это было только на руку.

— «Кровавый прилив» — все, что у меня есть, — проговорила она. — Когда умерла моя мать... — Рада пожала плечами. — Она играла в рулетку и оставила мне в наследство огромный долг.

— Это для тебя он огромный. А для меня, ручаюсь, нет.

— Что вы задумали, дорогой регент?

— Ты владеешь популярной таверной, кто только к тебе не заходит! Вот это меня и интересует.

Курган достал сигарету с лаагой и закурил. Глубоко затянувшись, он передал сигарету Раде.

— По сути, я предлагаю простой обмен. Я выплачиваю твой долг, — он посмотрел на ее влажные приоткрытые губы, между которыми пролетали колечки дыма, — в обмен ты станешь рассказывать мне все новости, сплетни и секреты, которые услышишь за ночь в «Кровавом приливе».

— Простой обмен... Регент, ничего из того, что предлагаете вы, не может быть простым. — Рада вернула ему сигарету. — Ну, что же я пропустила?

Тут в дверь негромко постучали. На лице Кургана мелькнуло раздражение. Постучали снова, и, накинув халат, регент подошел к двери.

В коридоре стоял Нит Батокссс.

— Не хотел тебе мешать, — извинился гэргон.

Курган прекрасно понимал, что именно этого техномаг и хотел. Пытаясь сохранять спокойствие, регент вышел в коридор и притворил за собой дверь. Тем не менее рядом с гэргоном его снова стала колотить дрожь.

— Ты приказал кхаггтунам оставить притязания на статус касты избранных, — начал гэргон. — Все правильно. Но и обижать их не стоит.

— Это сделал еще мой отец, — оправдывался Курган. — Я тут ни при чем.

— Еще как при чем. — Рубиновые зрочки Нита Батокссса вспыхнули. — Ты Стогггул, а значит, несешь ответственность. Если среди кхаггтунов начнутся беспорядки, тебе придется серьезно этим заняться. Волнения и бунты мне ни к чему, понял?

— Конечно, — ответил Курган.

Секунду Нит Батокссс стоял молча.

— Я не потерплю с твоей стороны никакого нахальства. — Техномаг шагнул к Кургану. — Думаешь, ты неуязвим? — Раздался треск гиперактивных ионов. — В любой момент я готов доказать, как ты ошибаешься.

Гэргон развернулся и ушел. Лишь когда он скрылся из виду, Курган понял, что мелко дрожит. Правитель немного постоял в коридоре, пытаясь взять себя в руки, и лишь успокоившись, вернулся в спальню.

Рада, полностью одетая, стояла на балконе и докуривала косячок с лаагой.

— Вы выплатите мой долг?

— Прямо с утра, если...

Рада улыбнулась.

— Смелость и отвага, как говорят саракконы. Если что, регент?

— Если ты мне расскажешь, что связывает сараконского капитана Куриона и Нита Батокссса. — Заглянув Раде в лицо, регент улыбнулся. — Я видел Куриона и гэргона в твоём кабинете вместе. — Именно при таких обстоятельствах чуть больше шести недель назад Курган узнал, что Старый В'орнн и есть Нит Батокссс. — Без твоего согласия они там оказаться не могли.

— Нит Батокссс и Курион встречаются довольно регулярно. Гэргону понравилось мое заведение. У нас всегдалюдно, шумно и никто ни на кого не обращает внимания. — Рада сложила ладони и переплела пальцы. — Через мои руки прошло немало денег. Ради собственной безопасности я поставила себе нейронную память.

— Но ведь это незаконно.

— Правда? Я и не знала. — Она усмехнулась. — Ну, значит, меня скоро сошлют на исправительные работы куда-нибудь в шахту!

— Стоит на тебя донести.

— Поспешите, у меня есть влиятельные друзья.

Курган рассмеялся. Рада продолжала:

— *Незаконная* нейронная память зафиксировала значительную часть беседы между Батоксссом и Курионом. Не думаю, что то, о чем они говорили, можно назвать *законным*!

— И о чем же они беседовали?

— Нит Батокссс очень интересовался саламууном.

— Я тоже им интересуюсь. Саламууном торговал Консорциум Ашеро́в. Только они знают, где его производят. Мой отец считал, что ради этого секрета Элевсин Ашера убил моего дедушку. Только зачем Ниту Батоксссу встречаться из-за саламууна с Курионом, да еще тайно?

— Как и все моряки, Курион занимается контрабандой, не так ли?

— Верно, он весьма успешно торгует лаагой. Но ведь не саламууном! Это просто невозможно! Ашеры, которые стали контролировать Консорциум после гибели Элевсина и его семьи, следят за процессом торговли еще тщательнее, чем их предшественники.

— И все же нейронная память определенно зафиксировала, что в основе отношений гэргона и моряка лежит саламуун.

Курган засмотрелся в таинственные глаза Рады. Он был доволен — при первой же встрече она сообщила ему важную информацию о гэргоне. Если он узнает, чем занимаются Нит Батокссс и сараккон, то получит так необходимое превосходство над гэргоном. Правда, для этого придется пообщаться с Курионом.

— Ты молодец, — похвалил он. — Хотя больше мы встречаться не будем. Не желаю вызывать подозрения у твоих посетителей. Однако мне потребуются периодические отчеты. Поняла?

— Да, регент!

— Используй инфодесятиугольники. — Курган махнул рукой в сторону двери. — Пойдем, я познакомлю тебя с моим доверенным хааар-кэутом. Раз в неделю он будет приходить в «Кровавый прилив», ты станешь его обслуживать сама, а на дно кубка положишь инфодесятиугольник. Таким образом твоя информация будет незаметно поступать ко мне.

Рада кивнула и уже пошла к двери, когда правитель оставил ее.

— Расскажи мне про семь Порталов.

— Я ничего об этом не знаю. Что это за Порталы?

Курган пожал плечами, будто это было совсем не важно. Нит Батокссс так старался обнаружить эти Порталы и упомянул, что отблагодарит каждого, кто сообщит хоть какую-то информацию.

— Попробуй что-нибудь выяснить, поспрашивай посетителей. Если что-то узнаешь, сообщи мне.

Регент плотно притворил дверь за Радой.

Терреттт стал запоминать сны. Особенно один из них. Этот сон повторялся довольно часто, и днем, и ночью, оставляя отпечаток на той части мозга Терреттта, которая функционировала более-менее нормально. Так что сон запоминался помимо его воли. Он снился давно, так давно, что Терреттт уже начал к нему привыкать. Хотя то, к чему он привыкал, выглядело воистину жутко.

Во-первых, во сне было темно, во-вторых — холодно. Так холодно, что Терреттт начинал дрожать, как только над ним смыкались ледяные черные волны. Потом он просто висел в

этой воде вверх ногами. Почему-то именно отсутствие твердой опоры пугало больше всего. Даже больше, чем темнота и холод, в которых тоже было мало приятного. Впрочем, Терреттта страшила и тьма. Он был уверен, что весь этот шум, голоса и прочие звуки, которые, словно бешеные дикари, раздирали ему голову, доносятся именно из темноты. Дело в том, что тьма эта была особая. Не индиговая сумеречная темнота, которую он часто изображал на своих картинах, не бархатная темнота лунной ночи и даже не мрачная чернота полуночной грозы. Нет, здесь крылось что-то другое, глубже и страшнее. Его словно пропитало недоброе бормотание и зловещие заклинания, полные ненависти, зависти, мести, извращенного желания завладеть чужой жизнью и затушить ее, как жалкий огонек свечи.

Во сне Терреттт погружался в ту темноту, в воду, на вкус напоминающую смесь желчи с горечавкой. Он чувствовал, что рядом есть кто-то еще, что этот кто-то так же, как и он, висит вниз головой и... чего-то ждет. Его раздирали ужасные предчувствия и, конечно, страх. Вода скользила по телу Терреттта, будто тысяча змей, от прикосновения которых ему становилось жутко. Он ненавидел змей за их скользкие прикосновения, вездесущность и черные мрачные мысли. Именно поэтому Терреттт ненавидел и воду. Пошевелиться он не мог. Чем больше Терреттту хотелось выбраться из воды, тем глубже он погружался. По щекам катились слезы. Не в силах пошевелиться, он чувствовал себя полностью беспомощным.

Терреттту казалось, что из глубины что-то поднимается. Что? Ответа он не знал, потому что в этот миг всегда просыпался. Но каждый раз Терреттт чувствовал себя одинаково — злоба приближающегося существа была столь велика, что она обжигала художника запахом сожженных домов и несбывшихся мечтаний, от которого он задыхался, не в силах даже закричать.

Несколько раз ему казалось, что он подавится собственными рвотными массами, что не сможет раскрыть рот и задохнется. Однако желудки продолжали сжиматься, пока их содержимое поднималось к горлу. Его сердца колотились так судорожно, что Терреттт не сомневался — они вырвутся из грудной клетки, а бешеный пульс разорвет тело на куски. Нервы

натянулись, как струна, и он мечтал лишь о том, чтобы потерять сознание и хоть ненадолго забыться.

Итак, Терретт чувствовал, что кто-то очень злобный поднимается к нему из черной глубины, чувствовал, как открывается пасть, безжалостная, словно отравленные зубчатые ворота Н'Луууры.

Оно приближается, приближается, приближается... Сейчас оно проглотит его целиком.

Тут Терретт открыл глаза и стал всхлипывать.

В палату вбежал Кирлла Квандда, услышав гортанное урчание и дикие крики. Терретт начал биться о стены палаты, страдая от того, что не может закричать: «Уберите его отсюда! Уберите его! Уберите!»

Он давно привык к прикосновениям Кирлла Квандды и знал, что дэйрус не причинит ему вреда. И все же какая-то часть мозга Терретта, пораженная кошмаром, трепещущая и дрожащая, заставила его содрогнуться от прикосновения. Он попытался укунить Кирлла Квандду. Почему? Терретт и сам не мог этого объяснить. Точно его мозг, отравленный черной водой, заставил это сделать. Потому что... Терретт попытался все обдумать, но запутался еще сильнее. А что, если это существо с длинными тонкими пальцами и зловонным дыханием вовсе не Кирлла Квандда... А что, если эта палата в «Недужном духе» — просто иллюзия, сон, кошмар... А на самом деле он висит вниз головой в колодце и ждет, а это существо...

Терретт закричал, забился и бросился на стену, на ходу размазывая чью-то кровь. Свою или чужую, ему было все равно. Страх материализовался во что-то живое, извивавшееся у него внутри, а мысли о бездонном колодце и чуде, жившем где-то в страшной глубине, кружились в бешеном вихре, заставляя Терретта раздирать ногтями лицо. Ему хотелось выпрыгнуть из окна, вдохнуть полной грудью свежий воздух, насладиться полетом и, разбившись о тротуар, наконец обрести свободу.

Глаза Терретта раскрылись, спина выгнулась, он знал, что сейчас случится. Знал, ненавидел и боялся. Дэйрус брызнул Терретту в глаза какое-то сильнодействующее лекарство, которое за одну секунду проникло во все органы больного. Словно воз-

душный шар, из которого разом выпустили воздух, Терреттт судорожно выдохнул, страх покинул его, а вместе с ним и жизнь. Так по крайней мере показалось художнику. Лицо Терреттта превратилось в тяжелую маску, выражающую апатию и спокойствие. Он позабыл про колодец, жуткую черную глубину и всплывающее к нему чудище. Внезапно мысли потекли вяло, одна не ввязалась с другой, ему расхотелось что-либо понимать.

Будто сквозь сон Терреттт чувствовал, как Кирллл Квандда несет его к кровати, видел лицо Маретэн, побледневшее от страха и тревоги. Она помогала дэйрусу накладывать на подбородок тугую повязку и желала брату приятных снов. И он действительно смог спокойно заснуть. Терреттта огорчало, что он доставляет Маретэн столько хлопот. Он любил ее обоими сердцами и с радостью сделал бы что угодно, чтобы она стала счастливой. Терреттт мечтал умереть за сестру, дабы доказать, что его жизнь имела хоть какую-то цель.

Несколько часов спустя Терреттт проснулся, помочился в раковину, где тут же промыл синяки и царапины. Используя голод и жажду в качестве стимула, он тотчас схватился за кисти. Краски художник разводил собственным потом, который градом катился по лицу. Терреттт неистово водил кистью по бумаге, стараясь передать то, что он видел и чувствовал, все, что ему снилось. Однако, как больной ни старался, точно передать увиденное не удавалось. Как обычно, подводила память. Под действием лекарства образы видоизменялись. То, что возникало на холсте, казалось бледным, слабым и неточным. Терреттт страшно расстраивался. Сгорбившись у палитры, он рычал и топал ногами, больше походя на животное, чем на в'орнна и уж тем более — на Стоггула.

Неудивительно, что его не навещали родственники. Никто, кроме Маретэн, которая умела видеть то, что скрывалось за апатией, перемежавшейся с ужасными приступами. Она слушала, когда Терреттт говорил. Или, точнее, пытался говорить. Однако он никак не мог побороть последствия ужасного сна. Прежде чем раскрыть рот, Терреттт готовил слова, составлял предложения, потом целые фразы. А что получалось? Сплошное безумие, все его гладкие предложения тонули в потоках слюны.

Пытаясь освежить память, Терреттт в тысячный раз взглянул на топографическую карту, которую Маретэн повесила на стену. Он снова взялся за кисть, но та бесконтрольно скользнула по полотну. Было очень важно преодолеть страх, который не давал Терреттту нормально спать, терзал днем и ночью тысячей голосов, от которых раскалывалась голова, тысячей рук, старающихся завладеть его мозгом. Он не позволит им, ну уж нет! Озверев, он закричал и стал отбиваться от них. На какое-то время они исчезли. Но вот сон вернулся снова, и Терреттт опять висел вверх ногами в черной воде, вглядываясь в глубину, ожидая, когда вернется *он...*

Терреттт затряс головой, ворча и пуская слюни, пытаясь отделить одну мысль от другой, пока не сформулировал то, что хотел изобразить на бумаге. Такими рождались его картины, его бесценные картины. И, доверяя их Маретэн, Терреттт был уверен — однажды сестра поймет, что он хотел изобразить, и сумеет расшифровать послание. Ведь только она проводила с ним время и не считала сумасшедшим. Он знал, что Маретэн выяснит, что терзает брата во сне.

А потом Терреттт забыл о том, что думал. Он вообще забыл, что умеет думать. Художник начал кричать и кричал без остановки, пока через некоторое время его крики не стали перемежаться с топотом бегущих ног.

— С ним все в порядке, — заявил Кирллл Квандда, — пока... Маретэн погладила влажный лоб Терреттта.

— Как долго он проспит?

— Достаточно долго, — ответил Кирллл Квандда, — ему нужно восстановить силы.

Маретэн сидела у кровати Терреттта и чуть не плакала. Она приехала в больницу по вызову Квандды и просидела с братом всю ночь и это ужасное утро. Маретэн страшно скучала по Сорннну и мечтала, чтобы он ее сейчас поддержал. Зато, с другой стороны, она по крайней мере ненадолго забыла о смерти Теттси.

— И все же я не вижу никакого улучшения.

Кирллл Квандда положил руки перед собой и переплел пальцы.

— Мне хотелось бы хоть как-то вас обнадежить, но что бы я ни пробовал, результатов не приносит. Не удастся даже поставить определенный диагноз. А без диагноза невозможно назначить правильный курс лечения.

Маретэн разрыдалась.

— Милая моя, пожалуйста, не обращайтесь внимания на мои слова! — воскликнул дэйрус, ломая себе руки. — Ох, что за ерунду я сказал!

— Столько всего случилось, — всхлипывала Маретэн.

— Ну, как я мог сморозить такую глупость! — продолжал причитать Квандда. — Такая честь, что вы позволили мне руководить погребением вашей бабушки.

Похороны Теттси прошли быстро, тихо и совершенно без помпы. Тускуггун, даже из касты избранных, как Теттси, не имели права на Перевоспложение. После осмотра Кирлла Квандды Теттси кремировали.

— Вижу, вы с ней были очень близки, — зацокал языком дэйрус. — Что же касается Терреттта, вы не должны отчаиваться. Я, например, не перестаю надеяться.

Маретэн изумленно посмотрела на Квандду.

— Не перестаете?

— Конечно, нет! Даже сейчас у меня в запасе осталось несколько методик собственного изобретения. — Дэйрус поднял тонкий костлявый палец. — Посидите здесь немного, постарайтесь дышать как можно глубже.

Он на секунду вышел из палаты Терреттта и вернулся с маленьким кубком. Присев рядом с Маретэн, Квандда передал кубок ей.

— Вам нужно успокоиться, Маретэн Стоггул!

Она с благодарностью глотнула огнесортный нумаадис.

— Я думала, здесь нельзя пить спиртное!

Дэйрус слабо улыбнулся.

— Каждому в'орнну время от времени требуется разрядка.

— Спасибо, — поблагодарила она, возвращая пустой кубок, — вы проявили доброту и сердечность на похоронах Теттси и теперь помогаете мне снова.

— Какие мелочи!

— Нет, это нельзя назвать мелочью. Вы первый, кто настоящему попытался вылечить моего брата.

Дэйрус развел руками.

— Разве я мог поступить иначе?

— Звучит как-то по-кундалиански.

Кирллл Квандда смотрел на Маретэн целую вечность.

— Вы им сочувствуете?

— Что-что?

— Нет-нет, — замахал он руками, — ничего!

— Я слышала, что вы сказали, и постараюсь запомнить.

Он побледнел.

— Нет, вы не поняли, я никогда вас не предаю. По правде, я и сама думала...

— Знаете, тех, кто так считает, не так уж и много.

— Вообще-то, — призналась Маретэн, чувствуя, как стремительно бьются сердца, — я об этом толком не думала.

Дэйрус рассмеялся. Наверное, от избытка эмоций.

Маретэн понизила голос до чуть слышного шепота.

— Недавно я столкнулась с одной странностью. Я побывала на одном складе, полном произведений искусства коррушей и других народов Кундалы...

— И что же в этом странного?

— То, что этот склад принадлежит баскиру.

— Правда?

— Там были какие-то ящики, которые, судя по печати, принадлежали кхагггунам. Я почувствовала... ну, вы сами понимаете, что я могла чувствовать.

— Это был склад Сорннна СаТррэна? — Взглянув в глаза Маретэн, дэйрус поспешно добавил: — Я заметил его на похоронах вашей бабушки.

— Теттси была лучшей подругой его матери.

— Те ящики были кхагггунскими?

Будто поняв, в какое опасное русло повернула беседа, Маретэн резко встала. Воцарилась неловкая тишина, от которой у нее по спине побежали мурашки.

— Еще раз спасибо вам, Кирллл Квандда! — наконец сказала она. — За все.

— Жаль, что не смог сообщить вам ничего обнадеживающего. Мужайтесь. Возможно, в следующий раз новости будут лучше.

* * *

— Разве здесь должно быть темно? — спросила Элеана.

— Тэй говорит, что да.

— Да здесь просто глаз выколи! — Элеана чувствовала присутствие Реккка, но видеть не могла. — Куда подевалась эта гэргонова птичка? И здесь что, нет даже масляной лампы?

— Нет, тэй говорит, тут нет ни фотона света.

Они спускались по крутой лестнице, верхняя часть которой была из черного дерева, а затем следовал каменный пролет, скользкий и сбитый от частого использования. У основания находился настоящий лабиринт из узких коридорчиков и комнаток с низкими потолками, лежавших под нижним этажом монастыря. Воздух казался сырым и зловонным, будто они приближались к захоронению грешных кундалиан. Повсюду витал дух горя и заброшенности: над грудami икон, покрытых толстым слоем пыли, над скульптурными изображениями животных, потрескавшимися и увитыми паутиной, над купелями и алтарями, в которых гнездились паразиты. Осколки великой цивилизации, забытой, не нужной даже собственным потомкам.

— Откуда ты знаешь, что говорит тэй? — спросила Элеана, останавливаясь на одной из ступенек.

— Пока он меня лечил, что-то произошло.

— Ты имеешь в виду этот прибор гэргонов?

— Не думаю, — возразил Реккк. — Я сам отчасти гэргон. Это сделал еще Нит Сахор, когда имплантировал мне прототип окумммонна. Этот окумммон он изобрел сам.

— Но это не объясняет то, что...

— Когда тэй меня лечил, между нами возник контакт. Возможно, через окумммон. Ведь это прибор связи.

— Твой окумммон умеет намного больше, — сказала Элеана. — Я видела, как видоизменяются формы материи, если их пропустить через отверстие окумммона.

Тэй разразился звонкой трелью.

— Тише, он собирается активизировать дускаант.

— Почему ты считаешь, что тэй мужского пола? Он ведь птица...

Ее перебил резкий крик тэя.

Темноту пронзил яркий свет. Сначала казалось, будто он исходит отовсюду. Но вот свет стеснился в молочного цвета сферу, которая кипела и пульсировала. Из молочной сферы стала прозрачной; внутри нее показалась библиотека, где и был установлен дускаант. Словно открылось целое множество дверей сразу. Элеана и Рекк оказались в библиотеке, наблюдая за обрывками событий прошлого, которые дускаант записал для своих хозяев.

Мимо сновали рамахане, не подозревающие о существовании дускаанта. Слышались разговоры о заклинаниях и выученных уроках, сплетни, пустая болтовня. Казалось, кругом царит беззаботность. Одна рамахана боялась, что начинает сильно толстеть, другая, сидя за так знакомым наблюдателям трапезным столом, призналась подруге, что взяла из библиотеки книгу и забыла ее сдать. Послышались звуки колокола, начался молебен. Почему-то именно эти повседневные события недавней истории сильно расстроили Элеану — она поняла, какой урон нанес монастырю лазутчик, посягнув на то, что должно было остаться нерушимым. Она закрыла руками раздувшийся живот, пытаясь защитить ребенка от того, что казалось ей страшнее резни, страшнее черных клубов дыма, расплывающихся по хмурому осеннему небу.

Как бывший командир отряда Сопротивления Элеана знала цену секретной информации шпионов и отдала бы правую руку за то, чтобы установить дускаант в кабинете строй-генерала Локка Визррента. Но она носит ребенка, и о таких поступках придется на время позабыть. Элеана схватила за голову. Что же с ней происходит? Ведь ненависть к в'орннам у нее в крови. Кхагггуны убили ее родителей, многих друзей и соратников. Откуда же взялись эти новые чувства, почему ей больше всего хочется покоя? Она чувствовала, как с каждым днем гнев и ненависть перерастают в защитный материнский инстинкт. В ее теле жил ребенок. Он пинался, кувыркался, плавал, дышал вместе с ней, его в'орнновские сердца бились в унисон с ее сердцем. Он такой беспомощный, уязвимый, беззащитный! Как те рамаханы, которые жили, разговаривали, молились, не ведая о дускаанте. Элеана была готова на все, только бы защитить ребенка от огромного страшного мира.

Внезапно свет потух, и Реккк с Элеаной увидели библиотеку ночью, в свете бронзовых ламп, мягкий свет которых отражался в огромных окнах. Затем перед ними мелькнули фиолетовые титры из в'орнновских букв и цифр, а после появился совершенно иной фрагмент.

В библиотеке сидели две рамаханы, их оранжевые одежды говорили о высоком сане. На трапезном столе лежала толстая книга, но ни одна из конар в нее даже не заглянула. Они сидели совсем близко друг к другу, будто их притягивало магнитом.

— ...все, что ты знаешь или захочешь узнать, — говорила конара с острым, как лезвие ножа, носом.

— Не жди, что я соглашусь, — ответила другая конара. Широко расставленные глаза придавали ей удивленный вид, хотя из разговора было ясно, что она ничуть не удивлена. — Что ты задумала?

— Предлагаю единственно возможный выход для спасения себя и остальных рамахан. — У остроносой конары был высокий выпуклый лоб, лоснившийся в свете ламп.

— Нет, конара Мосса. Об этом не может быть и речи.

— Да ты послушай! — Конара Мосса взяла подругу за руку. — Я прихожу сюда уже в третий раз за три месяца. И именно к тебе. Я уговариваю лишь в память о нашей дружбе. Ты знаешь, что путь я проделала неблизкий. А для чего? Только чтобы уговорить тебя.

— Но ведь ты предлагаешь сделку, и условия очень жесткие.

— Это ради всех рамахан!

— Должен быть другой выход.

— Другого выхода нет, конара Ясттур. Иначе я давно бы его нашла.

— Не уверена, что это так, — ответила конара Ясттур. — Разве, согласившись на все их предложения, ты выбрала не самый выгодный и удобный для себя вариант?

— Сколько лет твоим послушницам? — резко спросила конара Мосса.

— Они мне как дочери.

— Значит, ради них, конара Ясттур. Ради спасения их жизней. Ради нашего ордена. — Мосса наклонилась еще ближе к подруге. — Иначе будет геноцид. Это мне в'орнны обещали.

— Не могу поверить, что ты заключила сделку, — сквозь зубы прошипела конара Ясттур, — сделку с врагом.

— Своих врагов лучше знать в лицо, — тихо проговорила конара Мосса.

— Ты ошибаешься, — резко ответила конара Ясттур. — Наша культура, повседневная жизнь, история — все это делает нас особенными и отгораживает от зла... — Она осеклась и закрыла лицо руками.

— Моя дорогая, я ведь пришла к тебе как всегда.

— И принесла ужасную тайну.

— Я пытаюсь быть подругой.

Конара Ясттур окинула ее быстрым взглядом.

— Спаси нас, Миина, от друзей наших и врагов наших!

Конара Мосса отчаянно хлопнула себя по бедрам и поднялась.

— Кажется, я не смогу тебя убедить!

— Ты не убедишь меня сотрудничать с проклятыми! — заявила конара Ясттур.

— Проклятые придут и перебьют вас всех, — грустно проговорила конара Мосса. — Я не смогу их остановить.

— А тебе бы хотелось?

— Конечно! Ты что думаешь, я...

— Ты опустилась до их уровня, смирилась с угрозой насилия и их неминуемой победой. Твои глаза перестали видеть свет нашей Богини, в этом я несколько не сомневаюсь.

Конара Мосса нахмурилась.

— Ошибаешься, моя дорогая подруга! Меня запомнят как героиню, пытавшуюся спасти наш орден. Ведь я хочу, чтобы рамахане пережили этот сокрушительный удар!

Конара Ясттур поднялась и взглянула в глаза подруги.

— Ты не подумала, что твое предательство само по себе разрушает наш орден? — Конара протянула руки к собеседнице. — Ты служишь Миине, значит, ты должна быть такой же святой, как она. Если доброта и благочестие перестанут озарять монастыри, то и вправду наступит вечная тьма! — Услышав это, конара Мосса отвернулась, а грубый, почти истерический смех конары Ясттур перешел в жалобное всхлипывание. — Ты что, не понимаешь? Разве угроза прямой расправы

кажется страшной, если в'орнны уже переманили на свою сторону и отравили злом таких, как ты?

Вспыхнул свет, в раскрытые окна лились золотые лучи летнего солнца. Затем в углу снова замелькали в'орнновские титры, один фрагмент кончился, и начался другой. В библиотеке было пусто; похоже, записи дускаанта близились к концу. Сквозь окна было видно, как до зубов вооруженные в'орнны убивают безоружных рамахан.

Перед самым концом фрагмента Реккк с Элеаной увидели конару Ясттур. Сорвав с конары последние клочья одежды, кхаггуны тащили ее за волосы. Стоявшие недалеко офицеры расстегивали форму, а рядовые толпились рядом, жадно облизывая губы. Грубые пальцы начали тискать обнаженную плоть. Рот конары Ясттур судорожно раскрывался. Наверное, она кричала, однако дускаант не зафиксировал звука. Только изображение на фоне сияющего солнечного света.

13

СИЯНИЕ

Кирллл Квандда читал отчет о последней голоскопии головного мозга Терреттта, когда в его кабинет заглянул Джесст Веббн.

— Отвлекись на секунду.

Как сильно ни был Кирллл поглощен изучением данных, он тут же поднялся. Выбора не было. Джесст Веббн был геноматекком, под руководством которого Квандда работал, а значит, его указания должны были выполняться беспрекословно.

— Что случилось? — спросил он, выходя в коридор.

— Прибыла новая партия, — коротко объявил Джесст Веббн. — Один из них умирает.

Джесст Веббн шел так быстро, что Кирллл едва за ним поспевал. Джесст даже говорил в три раза быстрее, чем Квандда. Геноматекк был высоким, с грушевидной головой и длинными руками, а ногами настолько короткими, что многим ка-

зался смешным. У него было типичное лицо врача — замкнутое и холодное. Кирллл Квандда никогда не видел, чтобы Джесст чему-то радовался или, наоборот, огорчался.

Впереди Кирллл заметил кхаггунов, стоящих на часах. Кхаггунов он презирал всем своим существом, так же как и программу, в которой участвовал вместе с Джесстом Веббном. Увидев Джесста, кхаггуны расступились. На дэйруса же они поглядывали с неприязнью, граничащей с ненавистью. А как же иначе? Ведь само его присутствие напоминало о неминуемой смерти.

Джесст провел Квандду в прихожую, где ждали дети. Они стояли, выстроившись в ряд. Джесст выглядел невозмутимым, а вот Кирллл ощутил почти физическую боль, вглядываясь в полные страха лица. Он никак не мог привыкнуть к экспериментам по гибридизации, проводить которые приказал гэргон. Хотя эти дети, рожденные кундалианками, которых изнасиловали кровожадные в'орнны, были, по сути дела, никому не нужны.

— Бедные, — не выдержав, сказал Кирллл. — Что хорошего они увидят в жизни?

— Ты рассуждаешь как истинный дэйрус. Все ваши чувства какие-то извращенные, — заявил Джесст, быстро проходя мимо. — Программа, в которой они участвуют, придает смысл их существованию. Да только посмотри на их сопли и слезы... Имей они хоть каплю ума, то гордились бы тем, что отдадут жизнь во имя прогресса науки и помогут исследованиям гэргона.

Закусив губу, Кирллл удовлетворился убийственным взглядом на шею геноматекка. Наконец они, миновав приемную, вошли в узкий коридорчик, по обеим сторонам которого располагались экспериментальные лаборатории. После первичного осмотра сюда поступали дети-гибриды. Заметить их было довольно легко. В большинстве случаев гены в'орннов доминировали над кундалианскими. Однако внутреннее строение каждого такого ребенка было уникальным. Именно это и интересовало гэргона.

Дойдя до середины коридора, Джесст остановился и вошел в небольшую комнату.

— Сюда! — объявил он.

Кирллл вошел в комнату, а Джесст остался в дверях, словно боясь увидеть умирающего ребенка.

В этом отсеке через каждые двадцать метров располагался пост кхаггунов, будто несчастные дети, переходившие из одной лаборатории в другую, представляли опасность для геноматекков.

— Что с ним? — беспристрастно, как истинный врач, спросил Джесст.

Кирллл склонился над ребенком. Мальчик, не старше четырех лет. Он был очень бледным, кожа его — липкой, а дыхание — прерывистым. Огромные, полные страха глаза неподвижно смотрели на Кирллла. От этого мальчик казался намного старше.

— Не бойся, — успокоил его Квандда, — я пришел тебе помочь. — Тем временем опытные руки дэйруса осторожно ощупывали ребенка. Он вытащил карманный голосканер и показал мальчику. — Смотри, что у меня есть! — Кирллл положил прибор на грудь малыша. — Слышишь, как гудит? Значит, он тебе помогает.

— Перестань нести чушь, — нетерпеливо рявкнул Джесст, — и ответь на мой вопрос.

— Он родился с двойным набором сердец, — объявил Кирллл, изучая голограмму.

Теперь Джесст заинтересовался.

— Это сделает его сильнее?

— Одно сердце — кундалианское, а сдвоенное — в’орнновское. Очевидно, они несовместимы.

— Очень жаль, — проговорил Джесст. Сложив руки на груди, он прошел по комнате и встал, прислонившись к стене. — Можно ли ему помочь? — Увидев изумленный взгляд Кирллла, геноматекк пояснил: — Я не такое уж чудовище, каким ты меня считаешь!

— Вы так колоритно сравнили их с подопытными кроликами!

— Ну, так ведь это было в прихожей, на публике. Именно таких речей от меня и ждут. Ты, кажется, мне не веришь?

Кирллл не ответил.

— Эта голограмма предельно ясно все показывает.

— Вижу.

Джесст немного помолчал.

— Знаю, тебе не нравится наша программа.

— Просто не люблю доставлять страдания детям. Даже во имя великой науки гэргонов. — Кирллл смотрел, как мальчик играет с голосканером. — Да и что в этом страшного? Мнение дэйруса все равно не имеет никакого значения.

Джесст взглянул на ребенка.

— Тебе придется проводить вскрытие.

Кирллл кивнул.

— Жаль, что не могу его спасти!

— Мне тоже жаль.

— Не сомневаюсь. — Кирллл ласково улыбнулся ребенку. — Представьте себе, испытуемый с двумя сердцами! Находка для эксперимента.

— Что тебя мучает? — спросил Джесст.

Кирллл повернулся и погладил мальчика по голове.

— Он ни в чем не виноват! И никто из них не виноват! Они не просили, чтобы их производили на свет. Разве они ответственны за генетический состав или обстоятельства своего зачатия? Здесь виновата лишь животная похоть таких, как мы.

— Кхаггуны не такие, как мы, — неожиданно возразил Джесст.

— Гэргоны тоже. Однако мы повинемся их приказам.

Джесст развел руками.

— А у нас есть выбор?

— У вас есть. Попросите перевода в другое место.

— Чтобы на мое место пришел геноматекк-убийца?

Кирллл глубоко вздохнул и, покачав головой, повернулся к мальчику.

— Я бы так хотел ему помочь...

Ребенок забился в конвульсиях. Спасти его было невозможно — не годилось ни одно средство из арсенала геноматекков. «Неудивительно», — с грустью подумал Кирллл и попросил Джесста держать руки и ноги ребенка. Затем он достал аэрозоль, который использовал для Терреттга, приподнял трепещущие веки ребенка и брызнул в каждый глаз по очереди. Почти тут же конвульсии стихли.

— Что с ним будет?

— Он заснет и спокойно умрет во сне. — Кирллл почувствовал в груди странное движение, словно от прерванного ионного потока. — Я посижу с ним до самого конца.

— Я тоже останусь, — заявил Джесст, чем снова удивил Кирллла. — Только давай не будем молчать.

— О чем вы хотите поговорить?

— О запросе, который пришел на тебя.

Кирллл тупо уставился на геноматекка.

— Внутренний запрос. Ничего страшного, я уверен. Время от времени запросы поступают на всех дэйрусов. — Джесст пожал плечами. — Я не придаю им особого значения, но реагировать приходится своевременно, иначе крайним окажусь я.

— Что за запрос?

— Пожалуй, сейчас не время, — взглянув на умирающего ребенка, проговорил Джесст.

— Может, хоть это отвлечет меня от грустных мыслей. Джесст кивнул.

— Запрос касается твоих возлюбленных.

— А что с ними?

— Ты знаешь, что с ними! Они все мужского пола!

— Я законопослушный дэйрус.

— Вообще-то, — Джесст почесал затылок, — согласно законам, утвержденным Товариществом гэргонов, половые сношения между лицами одного пола запрещены. — Он ележно улыбнулся. — Наверняка ты знал это и без меня. — Джесст промолчал. — Ну, я не сомневаюсь в твоей моральной устойчивости, Кирллл Квандда. Нисколько не сомневаюсь! Но есть и другие... — Джесст осекся, не зная, как продолжать. — Мне немного неловко...

— А представьте, каково мне!

Джесст откашлялся.

— Будь уверен, я считаю, что этот запрос лишен основания и является пустой тратой времени. Ты — один из моих лучших дэйрусов. И все же спросить я обязан.

— Продолжайте.

— В определенных кругах возникли подозрения, касающиеся Консорциума СаТррэнов.

— И в связи с чем возникли подозрения?

— погоди. Ты ведь был их семейным дэйрусом? Я имею в виду, ты же руководил кремацией Хадиннна СаТррэна?

— Меня об этом попросил Сорннн СаТррэн, — ответил Кирллл.

— Это не первый случай. Сколько лет ты с ними знаком, уже двадцать семь?

— Да, двадцать семь лет.

Джесст кивнул.

— Это и интересует чиновников.

— Что именно?

— Помощь... э-э-э... кундалианскому движению Сопротивления.

Кирллл нахмурился.

— На что вы намекаете?

Джесст придвинулся и зашептал:

— Ни на что. Только, если, скажем, СаТррэны замешаны в пособничестве врагу, то и ты тоже отчасти замешан.

Кирллл фыркнул:

— Да вы уже сплели целую паутину!

— Нет, не я. — Джесст почесал нос. — Определенные круги.

Наконец Кирллл испугался.

— Что за круги?

— Весьма высокопоставленные, большего сказать не могу. — Джесст немного отстранился. — В любом случае тебе это не сулит ничего хорошего, понимаешь?

— Это абсурд!

— Ну, так думаем мы с тобой. Посторонние же могут решить иначе!

— Я не имею в виду... Но если... — Кирллл безуспешно пытался заглянуть в глаза геноматекка. — А если я кое-что расскажу? Если поделюсь информацией, которая поможет арестовать предателей?

— Тогда тебя оправдают... во всем, — тихо сказал Джесст.

— И оставят в покое мою личную жизнь?

— Конечно.

— Ребенок умирает, — объявил Кирллл, приложив палец к шейке мальчика. Пульс едва прощупывался, часть тела была парализована. Через несколько секунд ребенок умер.

— Он был безнадежен, — проговорил Джесст.

— Да, но от этого не легче. — Движение в груди Кирлла нарастало.

Джесст снова откашлялся.

— Не то чтобы я пытался сказать, что мне известны имена преступников. — Кирлл Квандда все еще держал ребенка на руках и, казалось, хотел облегчить душу признанием. — Однако, возможно, недавно я слышал нечто, что могло бы помочь этим «кругам».

— Расскажи мне все, что знаешь, — посоветовал Джесст.

— Мне нужно подумать.

— Только не думай слишком долго. Мое предложение не будет действовать вечно. А тогда...

— Что тогда?

Джесст посмотрел Кирллу в глаза.

— Тогда волей-неволей мне придется заняться выяснением обстоятельств твоей личной жизни.

— Похоже, выбора у меня нет.

— К сожалению, выходит, что так.

Кирлл почувствовал, что движение в его груди прекратилось, и взял ионный скальпель. Прочитав короткую молитву о спасении души бедного ребенка, которую много лет назад сочинил скорее для самого себя, чем для своих пациентов, он сделал первый надрез. Точный и аккуратный, как и все его поступки.

Весь следующий день Тезиг обучала Риану своему мастерству. Аджан оказалась такой строгой и требовательной учительницей, что к обеду Риана просто выбилась из сил. Приняв ванну, она тут же упала на подушки и заснула.

Отдохнуть, однако, ей не дали. Риана проснулась от того, что Тезиг трясла ее за плечо.

— Он идет, — зашептала она. — Балинг идет!

— Кто? — сонно спросила Риана, но, увидев, что в дверях кто-то стоит, проснулась окончательно. Она разглядела стройные мускулистые ноги и сильные, скрещенные на груди руки. Риана села. — Не бойся, — прошептала она, — я не позволю ему увести тебя.

— Он пришел не за мной, — прошелестела Теззиг, — а за тобой!

— Должно быть, это какая-то ошибка. Ты ведь учила меня всего несколько дней! — Риана посмотрела на Теззиг. При мысли, что ей придется угождать Макктуубу, девушке стало не по себе. — Я еще не готова.

— Здесь Балииг, тебе нужно идти. — Теззиг столкнула Риану с подушек на застланный коврами пол. — У тебя просто нет выбора.

«Выбор есть всегда», — однажды сказала Риане Матерь, но сейчас девушка была так испугана, что просто не могла думать. Она молча надела сандалии, которые ей подарил капудаан.

Покорно следуя за Балиигом, Риана ощущала всепоглощающий страх. Чувство нереальности овладело ею, вселяя апатию и лишая воли. Перед глазами стоял образ Теззиг, вернувшейся от капудаана с окровавленными ногами, и Риана задрожала. Собрав остаток сил, она решила сосредоточиться на Балииге и повнимательнее к нему присмотреться.

Он был довольно мускулистым, однако в отличие от всех стражей, которых видела Риана, его тело казалось стройным, как у молодого оленя. Длинные волосы убраны с лица, но не подняты вверх, а, удерживаемые ободком из королевского сердолика, свободно струились по плечам. Балииг двигался с плавной грацией куомешала в пустыне, будто был диким животным.

Ведя Риану по бесконечным коридорам, он не сказал ей ни слова, и все же она то и дело ловила на себе его пристальный взгляд. Большинство коридоров были неотличимы друг от друга. Наконец пленница и ее сопровождающий достигли галереи, увешанной коврами такой искусной работы, что они явно предназначались лишь для созерцания. Узоры, вытканые на ковре, были строго геометрическими. В центре всегда находилась какая-то фигура — круг, квадрат, овал или шестиугольник, в зависимости от замысла и фантазии ткача. Он центральной фигуры расходились переплетающиеся спиральные линии, и по направлению к кромке ковра узор все более усложнялся.

Ковры становились все красивее и красивее, пока Балииг и Риана не повернули за угол и не оказались в коридоре с голыми оштукатуренными стенами. В конце коридора была

лестница из сияющей бронзы, отлитая в виде переплетающейся лозы и мелких, похожих на звезды цветов. Поднявшись по лестнице, Балинг с Рианой оказались на просторной террасе, с которой был виден город. Прямо от лестницы куда-то убежала ковровая дорожка.

В бесконечном вечернем небе уже зажглись первые звезды и два новорожденных месяца бледно-зеленого, почти белого цвета. Легкий шелестящий ветерок разносил вездесущую красную пыль и дурманящий запах жареного мяса и ба'ду.

На причудливой формы диване посреди рощицы из карликовых лимонных деревьев Риана увидела Макктууба. Диван был обит расписным шелком. С одной стороны от него на столике стояли вазы с тушеными и фаршированными фруктами, а с другой — резная ширма из розового дерева, скрывавшая правителя от уличного шума и суеты.

Увидев, что Балинг привел Риану, Макктууб оживился и тут же, шелкнув пальцами, велел юноше удалиться. Риане стало жаль, что Макктууб его отпустил; Балинг казался таким сильным и привлекательным. Он не был похож на тех стражей с тусклыми глазами, что стояли у дверей каждой из комнат, бесстрастных, как кирпичи. А в Балинге словно горел какой-то огонь, он был похож на сжатую пружину и, казалось, ждал подходящего момента, чтобы показать свою истинную сущность. Впрочем, теперь это было не так важно, потому что Балинг ушел, а Риана осталась наедине с Макктуубом.

— Итак, — Макктууб улыбнулся из-под набрякших век, однако улыбка получилась кривая и какая-то напряженная, — как вы поладили с прелестной Теззиг?

— Она знает, как доставить удовольствие, — ответила Риана.

— Она нормально к тебе относится? — Жестикულიруя левой рукой, Макктууб пытался придать своим словам еще больше выразительности. — Не слишком сильно ревнует? Может, тебе чего-нибудь не хватает?

— Только свободы.

Макктууб резко сел. Риана испугалась, почувствовав, что он сейчас сорвется. Его глаза стали такими злыми, что Риана была почти уверена, что сейчас вождь коррушей встанет с дивана и ударит ее. Он действительно поднялся и стал молча ее разглядывать.

По выражению его лица Риана попыталась разгадать, о чем он думает. Во-первых, Макктууба что-то тревожило. Что-то древнее, затаенное в диких степях, потерянное и почти забытое. На правом виске, выдавая распивавший Макктууба гнев, бился пульс. Риана чувствовала, что капудаан хочет что-то сказать, но не решается. С улицы доносились резкие вспышки смеха, которые казались грубыми после неспешных напевов и молитв. Потом смех утих, и снова послышались мерные звуки молитв, которые читались нараспев. Казалось, им не будет ни конца, ни края.

— Если думаешь уложить меня в постель, — начала Риана, — не надейся, что я подчинюсь. Мне нужна свобода.

— Возможно, Джихарр и услышит твою просьбу, — пробормотал Макктууб, которому явно было не по себе. — Вопрос только в том — когда.

Онемев от изумления, Риана наблюдала, как вождь разворачивается и уходит по ковровой дорожке, а потом — спускается по витой лестнице. И вот Макктууб исчез во дворце. С минуту она не знала, что делать. Ветер развеивал ее волосы, снизу доносились звуки, словно обрывки песни о городе и его жителях. Риану неумолимо тянуло на улицу. За невысоким парапетом она увидела, как в Агашире медленно наступает ночь. На другой стороне неширокой улицы, на которой стоял дворец, она увидела парапет еще одной террасы, а за ним — неясные очертания третьей. Присев на корточки у очагов, женщины помешивали похлебку и пекли лаваш. Старики читали нараспев молитвы, обняв друг друга за талию и склонив головы, ритмично раскачиваясь в такт пению. Влюбленные смотрели друг другу в глаза, избегали прикосновений и лакомились сладостями, которые покупали тут же на улице. Торговцы громко спорили с покупателями, а вокруг носились дети, оглашая улицу дикими криками. Риана попыталась прикинуть, есть ли шансы остаться в живых при прыжке с террасы, когда из-за резной ширмы появилась фигура.

Риана почувствовала, как судорога сводит ее горло. Тот, кого она видела, никак не должен был здесь оказаться. От изумления девушка будто приросла к месту. Зрелище было и правда потрясающее — сверкая в звездном свете, перед Рианой стоял

облаченный в доспехи гэргон. Шлем его был высоким и угловатым, закрывающим уши и опускающимся на глаза. Сзади его украшали металлические зубцы. Экзоматрица была включена, так что впечатление техномаг производил внушительное. Хотя и неудивительно, ведь это был его боевой костюм.

— Кажется, нам давно пора познакомиться, Риана, — проговорил гэргон, подходя к ней. — Меня зовут Нит Сэтт.

Он протянул ладонь, на которой лежало что-то странно знакомое, и сердце Рианы едва не остановилось. «Нет, пресвятая Миина, нет!» — подумала она.

— Пожалуйста, скажи, — мягко, с присвистом, произнес техномаг, подходя ближе, — откуда у тебя это?

Крошечный предмет у него на ладони начал увеличиваться, и вот гэргон поднял его вверх и продемонстрировал Риане. Это было нейронное пальто Нита Сахора.

С портрета спокойным взглядом королевы на них смотрела Теттси. Казалось, все ее взгляды и убеждения, все, что составляло ее внутреннюю сущность, было отражено в этом портрете, над которым Маретэн работала несколько недель.

— Вылитая Теттси, — сказал Сорнни, — она мечтала о портрете, но так его и не увидела.

— А я не могу верить, что она его не увидит, — отзывалась Маретэн.

Фраза звучала тривиально и даже немного эгоистично после смерти Теттси, однако это было не так. Маретэн лишь пыталась хоть немного приблизиться к разгадке тайны смерти и примириться с ней. С таким отношением молодая женщина могла жить дальше и спать по ночам. Правда, в последнее время спала она очень беспокойно, и сны ей снились такие, что и вспоминать не хотелось.

Они стояли в ее закрытой для посетителей мастерской, а место, где умерла Теттси, в знак траура было задрапировано расшитой тканью цвета индиго. Согласно обычаям, так все должно было оставаться целый месяц, а после ткань следовало убрать в терцевый контейнер.

Пока Маретэн занималась похоронами бабушки, Сорнни как прим-агент заседал в Цветочном зале — мрачном, похо-

жем на пещеру помещения, бывшем кундалианском складе, который в'орнны переделали на свой лад. Он должен был вынести решение по затянувшейся тяжбе о праве на владение шахтами возле Борободурского леса, которая досталась ему в наследство от бывшего прим-агента, Веннна Стогтгула. Именно этот случай, сложный и состоящий из множества мелких деталей, укрепил Сорннна в желании поскорее вернуться в бескрайние степи коррушей.

— Она была моим компасом, воспитательницей и наставницей, — причитала Маретэн. — Как же я буду без нее жить?

Сорннн притянул возлюбленную к себе и обнял. Другого способа помочь ей он не знал. Боль Маретэн была и его болью, и он старался утешить ее как мог.

— Живи так, как учила она, — проговорил Сорннн. — Пора тебе стать своим собственным компасом, воспитательницей и наставницей.

— Ты так думаешь?

Он заставил Маретэн снова посмотреть на портрет.

— Взгляни на нее, Маретэн. Да, это твоя бабушка. Но еще это и твое произведение, работа твоих рук. Лично я вижу здесь силу, гордость, злость, упрямство. А также доброту и любовь, которые исходят от тебя.

Маретэн плакала, смеялась и шептала что-то непонятное Сорннну. Он и не должен бы понимать — ведь это шел разговор между Маретэн и Теттси, бабушкой и внучкой, очень похожими и так много друг для друга значившими.

Теттси, и после смерти решившая поступить по-своему, надиктовала завещание на инфодесятиугольник и заранее отдала его Маретэн. Включив прибор, они услышали, что Теттси желала, чтобы ее прах рассеяли над прудами, в которых они с Маретэн купались жаркими летними днями. Свой дом и его содержимое она желала продать, а выручку передать баскиру по имени Доббро Маннкс, которому предстояло распоряжаться деньгами по доверенности. Лишь два предмета были описаны отдельно — ожерелье из красного нефрита бабушка завещала Маретэн, а Петтре Ауррр, матери Сорннна СаТррэна, — простое верадиумовое ожерелье с маленьким, но почти совершенным ньеобитом. Это было любимое ожерелье Теттси, при

жизни он носила его, не снимая. В завещании бабушка просила Маретэн лично доставить ожерелье Петтре Ауррр.

— Сорннн, если я попрошу тебя отнести это ожерелье, ты сходишь?

— Ты с таким же успехом можешь отнести его сама. И ведь именно этого хотела твоя бабушка.

Маретэн протянула Сорннну плоский футлярчик.

— Мне кажется, Теттси бы больше понравилось, если бы это сделал ты.

Вскоре Сорннн с футляром в руках направился к матери.

Петтре Ауррр жила в восточном квартале в просторной и изящной кундалианской кондитерской, которой владела. К дому примыкал зимний сад, где росли карликовые клемметы и аккуратно подстриженные хвойные деревья, колыхавшиеся под порывами холодного осеннего ветра. Солнце уже садилось, последние его лучи окрасили облака в оранжевый и пунцовый цвета, а в самой вышине небо было цвета блестящего кобальта.

Мать Соррна была красивой, высокой тускуггун, сохранившей прекрасную фигуру. Ее одежда цвета высушенной крови кора прекрасно подходила к светлым глазам. У нее были тонкие пальцы скульптора, а лицо казалось прекрасным, зрелым и свидетельствовало о большом жизненном опыте.

Увидев на пороге сына, она сильно удивилась.

— Можно войти?

— Да, да, конечно!

Несколько ничего не значащих слов — и между матерью и сыном возникла былая напряженность. Жилую часть дома Петтре обставила с большой выдумкой, позволившей весьма эффектно перемешать различные стили и направления. Строгая, с четкими очертаниями в'орнновская мебель была покрыта яркими пушистыми кундалианскими пледами. К большому удивлению Сорннна, сочетание порядка и хаоса оказалось весьма удачным. Он внимательно осматривал обстановку — мебель, ковры, ящики стола, буфеты, полки, заполненные как антиквариатом, так и дешевыми сувенирами, — абсолютно ничего из того, что Сорннн видел, не ассоциировалось ни с детством, ни с семьей. А ведь это был дом его матери!

Он протянул плоский футлярчик.

— Я хотел...

— Хочешь чего-нибудь выпить? — спросила она в тот же момент.

Настала неловкая тишина, и Сорннн разозлился. Мать смотрела ему прямо в глаза, не собираясь переходить к делу, по которому он пришел.

— Извини, — внезапно проговорила она, — недавно умерла моя близкая подруга.

— Знаю, я... — Сорннн откашлялся, в горле внезапно стало суше, чем в Большом Воорге, — я знаком с ее внучкой. — Пустые, ничего не значащие слова казались хуже и опаснее явной лжи. Он похлопал по футляру. — Вот, это от твоей подруги.

Сильно смутившись, Петтре взяла футляр и медленно, будто с благоговением, открыла.

— Ах! — только и воскликнула она, по щекам заструились слезы.

Петтре присела на мягкий, обитый кундалианским гобеленом стул и положила открытый футлярчик на колени. Она смотрела на зимний сад и поглаживала ожерелье.

— Она любила то клеметтовое дерево. Помню, в лононе, когда многоножек было пруд пруди, она вставала на цыпочки, чтобы сорвать спелый клеметт, а потом шла на кухню и готовила изумительный десерт. Мы долго его ели, болтали и смеялись. Как нам было весело! А теперь все это ушло, словно... словно песок, просыпавшийся сквозь пальцы... — Она вытерла слезы. — И как я ни стараюсь, удержать его в руках не удастся.

— А про свою семью можешь вспомнить что-нибудь хорошее? Или слабó? — Сорннн почувствовал, как в нем закипает гнев.

Когда мать отвернулась от окна, Сорннн уже стоял у двери и держался за витую кундалианскую щеколду.

— Ты уходишь? Уже? Не останешься на ужин?

— Так будет лучше, — едва слышно пробормотал он.

Она подошла к нему и заглянула в глаза.

— У меня много светлых воспоминаний о тебе, Сорннн.

Именно эти слова, лживые насквозь, разбудили гнев, который он поклялся себе сдерживать.

— Это немного странно, — сквозь зубы процедил Сорннн, — если учесть то, как ты ко мне относилась.

Петтре молчала целую вечность.

— Понимаю.

— И это все, что ты можешь сказать? — К его ужасу, он почувствовал сильную дрожь.

— Я не могла вести себя иначе.

Больше сдерживаться Сорнни не мог.

— В Н'Луууру, что ты хочешь этим сказать? Что значит, ты не могла?

Она отвернулась.

— Что я тебе сделал?

— О, Сорнни! — В голосе матери зазвучали отчаяние и боль, а в глазах заблестели слезы. — Боюсь, ты не захочешь мне поверить, но все же знай: ты ни в чем не виноват.

— Кто же тогда виноват?

Мать покачала головой.

— Лучше оставить все как есть. Поверь, тебе лучше не знать...

— Ну конечно! Ложь и молчание! Глупо было ждать от тебя чего-то еще!

Ее глаза потемнели, и Сорннину показалось, что она либо не захотела услышать вопроса, либо не собирается отвечать. Он снова почувствовал себя маленьким мальчиком, сердца которого разрывались от тоски и обиды. Он вспомнил, как в последний раз подбросил цветной фарисейский шар и навсегда отвернулся от него и той, которая его подарила. Сорнни распахнул дверь и шагнул на улицу.

— Ну хорошо, — наконец проговорила Петтре.

Сорнни остановился и обернулся. По-другому поступить он не мог. Ведь, несмотря на всю его злость, Петтре оставалась его матерью, и он не переставал ее любить.

— Вернись, Сорнни.

Сорнни снова посмотрел на мать. Ее лицо будто постарело и стало еще прекраснее.

Он вернулся в дом и прикрыл за собой дверь. Сердца болели так сильно, что он чуть было не попросил ее оставить все секреты при себе. Однако, подавив страх, Сорнни заставил себя промолчать.

— Меня вынудили, можно сказать, заставили вести себя так, будто ты мне безразличен.

— Я тебе не верю, — сказал он с подозрением.

— Сорннн, я не могу заставить тебя верить мне. Только если ты будешь твердить, что я лгу, у нас ничего не получится.

Сорннн глубоко вздохнул, глаза его сузились.

— Значит, тебе велели вести себя холодно. Интересно кто?

— Твой отец, — вздохнула она.

— Мерзкая ложь! — Сорннн вспыхнул, опять шагнул к двери и раскрыл ее.

— Пойми, он ревновал, — Петтре поспешно шагнула за ним, — не хотел делить тебя с кем-то еще, даже со мной. Сначала я не согласилась, он стал мне угрожать, а я заявила, что он не смеет поступить со мной так низко. Тогда он начал меня бить, потом снова и снова, пока я...

Она отвернулась и стала смотреть на зимний сад.

— Видишь тот клеметт? Теперь, с облетевшими листьями, его форма кажется неудачной. Его срочно нужно подрезать.

— И это... правда?

— Я не хотела, чтобы ты узнал, молилась Энлилю.

— Рано или поздно я все равно бы узнал...

Теперь Петтре заговорила громче.

— Хадиннн мог бы забить меня до смерти. Ему было просто необходимо контролировать меня, прижать к земле сапогом и нажимать все сильнее и сильнее. — Мать Сорннна снова заплакала, по щекам тихо катились слезы. — Наверное, он хотел понять, что сможет меня сломать. Лишить меня силы, воли, мечты о независимости. — Она коснулась ожерелья. — Довольно скоро он нашел верное средство. Тебя.

Лицо Сорннна пылало, голова гудела. Он думал о своих родителях, о том, как они жили вместе, не в состоянии понять и принять один другого. Неужели они когда-то любили друг друга? Его отец был сильным и благородным, в отличие от большинства он пытался постигать культуру других народов. Сорннн помнил отца только таким, поэтому и предположил, что знает его характер. Но как можно понять, что заставляет в'орннов совершать те или иные поступки? Неужели он так сильно заблуждался в отношении собственного отца? Поборов первый шок, Сорннн подошел к Петтре и встал на колени. Он ненавидел ее все эти годы, которые были безвозвратно

потеряны, будто песок, просыпавшийся сквозь пальцы, как сказала его мать.

Петтре подошла к шкафчику, открыла дверцу и, что-то достав, принесла Сорннну. Он догадался, что это, раньше, чем увидел, — в переливающемся разными красками шарике мать сумела сохранить самые светлые воспоминания о сыне.

— Если ты сомневаешься, люблю ли я тебя...

— Мама...

— Давно ты меня так не называл.

Грустно улыбнувшись, Петтре протянула сыну шарик, и материнский инстинкт подсказал ей, что сейчас Сорннн вспоминает детство.

В зимний сад прокралась ночь, окутав деревья сиреневой дымкой. Сорннн сидел в просторной ярко освещенной кухне, а Петтре готовила десерт из замороженных еще в лононе клемметтов. Потом они вместе ели и говорили сначала о Теттси, а потом о менее приятном — о воспоминаниях, которые так пугали Сорннну еще неделю назад. К тому времени, когда десерт кончился, они успели несколько раз посмеяться, и, прикасаясь к ньеобиту в яремной впадине Петтре, Сорннну казалось, что он чувствует тепло сухой ладони Теттси.

Призрачный лунный свет разливался по террасе, окрашивая ковры в темно-синий и кремовый цвета. Ветер доносил завывания верующих. Нит Сэттт сложил руки на защищенной нейронной броней груди.

— Если не ответишь на мои вопросы, раздавлю, как крысу.

Взглянув на него, Риана попыталась сдержать безотчетный страх, который испытывал перед техномагами Аннон.

— Я не в'орнн, в мое сознание вам не проникнуть.

— Да уж, придется повозиться. Тем хуже и больней будет потом.

— Скажите, вы что, умеете только пугать?

— Страх — мое второе имя, — проговорил Нит Сэттт. — Так было всегда. — Незаметный жест — и пальто Нита Сахора снова стало крошечным. — Возможно, стоит начать с вопроса попроще, — продолжал он. — Зачем тебе Перрнодт?

— Я ведь уже объясняла Макктуубу, что хотела у нее учиться.

— Чтобы стать имари?

— Да.

— Я тебе не верю! Во-первых, у тебя нет главного качества, необходимого имари, — желания подчиняться.

— Перрнодт меня научит.

— Во-вторых, откуда ты узнала, что у коррушей есть дзуо-ко, и как собиралась ее найти?

Ситуация становилась опасной.

— Я слышала о ней от ее бывшей имари.

— Ложь!

Гэргон подошел ближе, и, несмотря на ветер, разносивший запахи Агашира — смесь мускуса и гвоздичного масла, она почувствовала запах техномага.

— У меня есть доказательства. — Нит Сэттт стал ходить вокруг Рианы кругами, а лунный свет заиграл на его броне. Блики света казались живыми, они будто дышали и что-то зловеще шептали. — Вот оно. — Он встряхнул сверточек, в который превратилось пальто. — Ты, кундалианская девушка, прибыла к коррушам в нейронном пальто гэргона! — Техно-маг снова потряс пальто перед носом Рианы. — Где ты его украла? В отряде Соппротивления?

— Я не участвую в движении Соппротивления, — заявила Риана.

Нит Сэттт стоял, не шелохнувшись.

— Знаешь, что случается, когда врут гэргону? — Он потянулся к Риане. — Я *вырву* из тебя правду, — Нит Сэттт возбудил гиперактивные ионы, и между кончиками пальцев засверкали огненные искры, — даже если мне придется разложить твой мозг на синапсы и нейроны.

Несущие смерть пальцы потянулись к Рианиному горлу. «Прикосновение гэргона смертельно», — сколько раз Аннон слышал это в детстве!

— У меня этот процесс отвращения не вызывает. Наоборот, как ученый я не могу не отметить его познавательной ценности. С бойцами Соппротивления так и поступают — плавят им мозги, превратив в ничтожества без ума и воли. Однако память работает, и они могут вспоминать, как жарились их мозги. Ну, как тебе такая перспектива?

На улице громко кричали и, судя по всему, дрались дети. Ветер то и дело доносил монотонные звуки молитвы. Два полумесяца ярко блестели на фоне темного бархатного неба.

— Что привело гэргона к коррушам? — наконец спросила Риана. — Насколько я понимаю, в'орннам все равно, где жить: в море, степи или пустыне.

— Кундалиане не смеют спрашивать в'орннов!

— Почему бы вам не исполнить мое желание? Мне же осталось жить немного, я не успею никому ничего рассказать.

Нит Сэттт заворчал.

— В'орнны способны покорить любую расу, каждую особенным способом и в свое время. Здесь нас совсем немного, мы выступаем в качестве посредников во время военных столкновений между пятью племенами.

— По словам Макктууба, корруши будут воевать вечно.

— Ну, когда некому будет воевать, война точно закончится.

Риана почувствовала, что покрывается холодным липким потом.

— Вот как вы посредничаете — повсюду сеете ненависть и раздор!

— Корруши — религиозные фанатики, а мы говорим им то, что они сами хотят услышать. Эти дикари так кровожадны!

— Ручаюсь, до вас им далеко.

— Скоро я попробую и твою кровь, милая моя мятежница! — злобно ухмыльнулся Нит Сэттт. — Мы проводим эксперимент по измерению силы религиозной веры. Здесь, среди коррушских степей, она как нигде сильна. Религия делает туземцев глупыми, слепыми и глухими. Они считают, что мы оставили их в покое, потому что они торгуют пряностями, которые пришлись нам по вкусу. Корруши верят в это, так как основой их религии, как и любой другой, является самообман. Они считают, что мы не сможем заставить их выращивать и сушить эти пряности только для нас. Поэтому, пребывая в блаженном неведении, корруши торгуют с нами и пользуются нашим посредничеством, не понимая, что на самом деле они просто подопытные крысы.

— Однажды они проснутся, поймут, во что вы их втянули, и восстанут.

— Так же как восстали кундалиане? Как восстали те, кто верил в Энлиля? Мы — гэргоны! У нас сила! — Нит Сэттт развел руками. — Посмотри вокруг — что за примитивный, глупый, жалкий народ!

— Это ваше извращенное мнение.

Гэргон вспыхнул.

— Хватит болтать! Сейчас ты ответишь мне на все вопросы!

— Вы все равно мне не поверите.

— Если попробуешь соврать, я тебя накажу. Продолжай!

Риана глубоко вздохнула.

— Я не краля это пальто, я его нашла.

— Ты права, я тебе не верю.

— Гэргон умер.

— Он что, валялся мертвый в этом пальто?

— Нет.

Нит Сэттт наклонил голову.

— Знаешь ли ты, что каждая нейронная сеть несет подпись своего владельца?

Риана молчала, ее мозг лихорадочно работал. Пальто принесло их с Элеаной из Музея Ложной Памяти в монастырь, а потом ее — сюда, к коррушам. Это могло означать лишь одно — с помощью неизвестной магической силы Нит Сахор остался в живых. Естественно, это следовало держать в тайне. Усмехнувшись про себя, Риана поняла, что теперь Нит Сахор оказался примерно в том же положении, что и Аннон. Он был жив, но всеми силами старался спрятаться от своих многочисленных врагов, таких, как этот Нит Сэттт.

— Пальто принадлежало гэргону по имени Нит Сахор, — объявил Нит Сэттт.

— Вы говорите о нем в прошедшем времени. Значит, вам известно, что он мертв.

— Да.

— Он умёр в сэсаловой рощице к северу от Аксис Тэра. Когда я его нашла, тело терзала стая снежных рысей. Наверняка они содрали с него пальто, чтобы скорее добраться до мяса.

— Какая жуткая смерть!

— Так или иначе, я разогнала рысей, похоронила гэргона, а пальто оставила себе. Думаю, это вполне справедливое вознаграждение за мои усилия.

— Сейчас пальто превратилось просто в одежду. Каждая нейронная сеть неразрывно связана с владельцем. Со смертью Нита Сахора оно потеряло волшебные свойства. — Нит Сэттт покачал головой. — Однако кое-что мне здесь неясно. Ты, кундалианская девушка, похоронила гэргона? Почему не оставила его на растерзание рысям?

— Вот мы и подошли к различию между кундалианами и в'орннами.

Нит Сэттт снова заворчал. Риана заметила:

— Если почтительное отношение к жизни, и не только к своей, означает слабость...

— Да, означает.

— Что же вы хотите от меня услышать?

— Многое. — Гэргон помахал затянутой в перчатку рукой возле лица Рианы. — Ты так и не ответила на мой вопрос — зачем тебе дзуоко Перрнотт? Сейчас я сам все узнаю.

Риана почувствовала, как кожу пронзает скальпель, — это от ионных искр било током. Воздух вокруг будто закипел и зашипел, у нее заболели зубы.

Страшная перчатка приблизилась.

— Последний шанс, мятежница, — объявил Нит Сэттт, — могу пообещать, что небо покажется с овчинку, а единственным ощущением будет безотчетный страх.

Стараясь не обращать внимания на перчатку, Риана взглянула на прочный шлем гэргона.

— Вы что, совсем разучились идти на компромисс?

— У в'орннов есть пословица: «Чем меньше уступок, тем ближе победа».

— Боюсь, на этот раз все получится немного иначе. — Правой рукой Риана коснулась затылка, будто у нее зачесалась голова.

— Что ты делаешь? — Пальцы Нита Сэттта выстрелили ионным огнем, смертельными и ослепительно ярким.

Риана нащупала цилиндр, который ей дал Миннум, и нажала на золотой диск. Результат оказался настолько невероятным, что она чуть не выронила жезл. Пучок гороновых лучей, похожий на узкую колонну молочного цвета, вырвался из кончика цилиндра и изогнулся в кольцо, напоминающее бесконечную лестницу, ведущую в никуда. Риана поняла, что за оружие дал ей Миннум. Воистину смертоносный клинок!

Когда поток гороновых лучей пересекался с ионным огнем, не последовало ни вспышки, ни грохота, ни чего-то еще, что в соответствии с законами физики должно сопровождать столкновение потоков разнородной энергии. Казалось, горон сначала просто усмирил бушующее пламя ионов, а потом постепенно его поглотил.

Нит Сэттт от удивления даже отступил.

Используя кратковременное преимущество, Риана метнулась мимо гэргона к парапету. Она понимала, что у нее всего один шанс. Услышав за спиной шипение ионов, девушка резко повернула направо, как раз вовремя, иначе разрушительное пламя наверняка настигло бы ее. Будто бы Риану преследовала сама смерть — поток пламени угодил в парапет и пробил в нем дыру.

Оценить обстановку не было времени. Риана со всех ног бросилась к парапету и подпрыгнула вверх. Сильные ноги несли ее вперед, и, едва коснувшись парапета, она тут же опять оттолкнулась. Прыгая, Риана сжалась в комочек, чтобы не покалечиться при приземлении. Сильно ударившись, девушка рухнула на соседнюю террасу и, потеряв равновесие, покатилась кубарем. Жадно глотая воздух, Риана быстро поднялась на ноги и побежала.

Вокруг нее горели и мигали фонари и лампы Агашира, освещая свежий ночной воздух неярким оранжевым светом. Словно огромная ладонь, город тянулся в бесконечный простор пустыни.

Оглянувшись, Риана увидела, как рука Нита Сэттта вытягивается. Освещенная холодным голубым пламенем, она тянулась по воздуху, достигнув почти двух метров в длину. Внезапно ионный огонь потемнел, и гэргон, вылетев из дома, как реактивный снаряд, через секунду перенесся на соседнюю террасу.

Почти не касаясь пола ногами, техномаг двигался куда быстрее Рианы. Прибавив шаг, девушка добежала до конца террасы и приготовилась перепрыгнуть на соседний парапет. В тот же момент Нит Сэттт выпустил еще один поток ионного огня, который пролетел прямо над головой Рианы. Скорее всего именно это и отвлекло Риану. Неточно рассчитав дальность и силу прыжка, она не допрыгнула до террасы и повисла на стене дома, вцепившись левой рукой в кромку парапета. Девушка осторожно зажала жезл в зубах и подтянула к парапету правую руку.

Едва Риана начала подтягиваться, как поток ионного огня расколол парапет. Кирпичная конструкция развалилась на куски, и в руках Рианы оказались осколки. Перепачканная битым кирпичом, она упала на спину одного из куомешалов в середине проходившего по улице каравана. Риана едва могла дышать, и все-таки, собрав последние силы, она заставила себя отключить горюховый жезл.

Весь караван, испугавшись взрыва и колючего дождя из кирпичных обломков, пустился неуклюжим галопом. На улице царил хаос, куомешалы бежали не разбирая дороги, опрокидывая тележки, наступая в костры. Круглый лаваш катился вниз по улице, словно колесо, везде слышались крики и стоны, сменив собой размеренное чтение молитв.

Риана вцепилась в тюки, крепко привязанные между горбами животных. Сквозь дымку, стоявшую в ночном воздухе, она успела заметить, как Нит Сэттт, сильно перегнувшись через парпет, оглядывается по сторонам, ломая пальцами куски кирпичей. Страшные глаза искали девушку.

Глотая пыль, Риана чувствовала, как стучат ее зубы. Вдыхая резкий запах куомешала, она молила Миину, чтобы Нит Сэттт со всей своей техномагией не смог ее отыскать.

Она слышала гортанные крики погонщиков, пытавшихся с помощью кнутов хоть немного утихомирить перепуганных куомешалов. Наконец караван пошел иноходью. Со своего импровизированного сиденья Риана видела блестящие от пота лица погонщиков, которые сначала нещадно хлестали куомешалов плетками, чтобы заставить их двигаться в нужном направлении, а затем произносили громкие гортанные звуки, пытаясь успокоить животных.

Караван вошел в другой район Агашира. Палатки здесь были поменьше, попроще, но такие же пестрые. Освещенные фонарями улицы извивались, располагаясь беспорядочно и хаотично. Звон ятаганов о щиты, резкий, как зимний ветер, и похабные песни свидетельствовали о том, что торговцы пришли в бедный район, где живут воры и солдаты.

Тут же Риана почувствовала, что за ней кто-то следит. Один из погонщиков ехал на своем куомешале совсем рядом и не спускал с нее глаз. На страннике был капюшон и длинная

накидка, защищавшая его от пыли. Риана вытащила жезл и собралась его активизировать.

— Не бойся, — хрипло прошептал незнакомец. Он не потрудился ни сбавить шаг, ни повернуться к Риане.

Риана не ответила; она сидела, судорожно вцепившись в тюки.

— Нам пора ехать, — настойчивее проговорил незнакомец, — солдаты капудаана прочесывают город, они ищут тебя. — Наконец погонщик повернул к девушке голову. — Один из отрядов стоит впереди.

Неяркий свет факела осветил лицо незнакомца.

— Паддии!

Это был отец девочки, которую Риана спасла.

— Да, да, это я. — Паддии обхватил ее за талию. — Пойдем! Скорее!

Риана отпустила тюки, Паддии стащил ее с куомешала и тут же бросился прочь, увлекая за собой. Караван остановился, и беглецы услышали голоса солдат капудаана, которые о чем-то расспрашивали погонщиков.

Пока они бежали, Риана старалась размять затекшие пальцы. Не чувствуя усталости, она не отставала от Паддии, который вел ее по бесконечным улицам и кривым переулкам. Риане казалось, что они бегут к северу, больше ничего девушка разобрать не смогла.

— Как ты узнал, где я? — спросила Риана, когда они оказались на безопасном расстоянии от солдат.

— Мне рассказал двоюродный брат, Балинг. — Паддии быстро взглянул на Риану. — Ты как, в порядке? Тебя не обижали?

— Только гэргон.

— Кто?

— Да так... — покачала головой Риана. Значит, присутствие Нита Сэттта держалось в секрете. Кем же тогда Гази Каны считали ту жуткую фигуру, что парила над террасой и метала ионные молнии? Обдумать это она не успела, потому что Паддии нырнул в одну из палаток. Бросившись следом за ним, Риана увидела, что в палатке когда-то был склад. Впрочем, видимо, он уже давно опустел. Ветерок теребил парусиновые стены, на которых от света далекого фонаря появилось жуткое светлое пятно.

— Вот, — сказал Паддии и кинул Риане сверток с одеждой, — тебе лучше переодеться, чтобы никто не принял тебя за аджан. — Не сказав больше ни слова, Паддии вылез из палатки и встал около входа спиной к Риане.

Риана тут же скинула тонкий, как паутинка, но уже довольно грязный костюм и с удовольствием облачилась в старые поношенные бриджи и застиранную рубашку, чистую и пахнущую какими-то травами. Комплект завершал широкий ремень из жесткой дубленой кожи и сандалии, выношенные до неопределенного цвета. Красивые бордовые сандалии, которые ей подарил Макктууб, Риана держала в руках, не зная, что с ними делать.

— Брось их, — велел Паддии и окинул ее оценивающим взглядом. — Остается лишь золотой гвоздик, но с ним пока ничего не поделаешь.

— Куда теперь? — спросила Риана, выбираясь из палатки.

— Туда, где нас ждут Отнам и Мехммер.

— Все было тщательно спланировано, не так ли?

— С того самого момента, как они покинули дворец капудана. Мы ждали лишь сигнала от Балинга. Если бы Макктууб не вызвал тебя на террасу, Балинг бы уже тебя вызволил. — Усмехнувшись, Паддии вернул ей кинжал, который по пути в Агашир Риана отдала на хранение Отнаму, и расцеловал в обе щеки. — Ты что, думала, Отнам не сдержит слова? Он пообещал доставить тебя к дзуоко Перрнотт, и, клянусь пророком Джихарром, именно это он и сделает.

14

ВОСКРЕШЕНИЕ

Ни жива ни мертва, рамаханская волшебница Бартта, сестра-близнец Джийан, висела в паутине покоя, созданной магическим заклинанием, которое она не успела дочитать до конца, когда в келье начался пожар. Именно там, в маленькой

подземной келье монастыря Плывающей Белизны, она так долго прятала хад-атту, которую уничтожило пламя. Воспоминания о жутком пожаре, заставшем ее врасплох, терзали Бартту, словно попавший в туфлю камень. О чем бы она ни подумала, все мысли возвращались к тому досадному поражению.

Честно говоря, Бартта вообще не могла думать, по крайней мере в общепринятом смысле слова. Она висела в паутине недочитанного заклинания, не ощущая ни времени, ни пространства.

Бартта существовала лишь в узком круге собственных размышлений. Но вот в монастырь вернулась Джийан и нашла сестру, хотя это не удалось ни одной рамахане. Впрочем, у Джийан было преимущество по сравнению с конарой Лиистрой и конарой Ингрес, которые почувствовали лишь смутную тревогу, осматривая келью. Колдунья обладала достаточной властью, чтобы отыскать Бартту в паутине волшебного покоя, потому что это сделал Хоролаггия. Добрая и благородная Джийан вряд ли бы стала освобождать Бартту, которая большую часть уходящего года мучила Риану и физически, и морально. Как только Бартта узнала о существовании Дар Салат, она попыталась сбить Риану с пути истинного, дабы с ее помощью укрепить собственную власть. Этого Джийан бы не потерпела. Пусть Бартта и была ее сестрой, но Джийан все равно не смогла бы простить ее.

Однако теперь у Хоролаггии имелись свои планы в отношении сестер. Поэтому, едва прибыв в монастырь после семнадцатилетнего отсутствия, Джийан тут же начала расплетать волшебную паутину. Это следовало делать с величайшей осторожностью, ведь Бартта запуталась в заклинании, которое, прочно обмотав ее своими волокнами, спасло от смерти, когда вокруг бушевало пламя, уничтожившее хад-атту.

Чтобы облегчить исполнение плана, Джийан воспользовалась конарой Урдмой, не блиставшей умом. Хоролаггии даже не пришлось подсаживать ей споры Церрна, как конаре Лиистре.

— Говоришь, конара Бартта жива? — с тревогой спросила конара Урдма.

Они вдвоем стояли в почерневшей келье. Конара Урдма, конечно же, узнала Джийан, хотя прошло много лет с тех пор,

как ее вместе с другими рамаханами, владевшими Осору, изгнали из монастыря. То, что конара Урдма смотрела на колдунью с тревогой, смешанной со страхом, ничуть не волновало Джийан. Конара Урдма держалась немного напряженно, ведь возвращение Бартты ставило под удар ее абсолютную власть над монастырем. И все же Урдма помогала, что очень радовало Джийан. Живший в ее теле монстр питался страхом, и Джийан по мере возможности собиралась вести монастырские уроки, дабы подспудно кормиться душевными силами учениц. Только представьте, демон, обучающий рамахан! Об этом Хоролаггия не мог и мечтать!

Джийан развела руки, и в маленькой обутленной келье стало холодно. Медленно, будто сгущаясь из сырых теней и копоти масляной лампы, начала появляться волшебная паутина.

Сначала конара Урдма увидела трепещущие горизонтальные полоски. Неизвестно, видела ли она их на самом деле, потому что, когда Урдма прищуривалась, чтобы разглядеть их получше, то вообще не могла ничего разобрать.

— Не понимаю, как это у тебя получается. Это какое-то заклинание Осору? — спросила она Джийан. — Убедена, что Осору очень опасно.

— Это не Осору, — заверила ее Джийан. — Ни за что не стала бы использовать эту магию в монастыре.

Эта была чистая правда, потому что Хоролаггия, как и все демоны, не имел доступа к Осору. Из-за этого он и тратил столько сил на Маласокку. Джийан отчаянно сопротивлялась ему на каждом шагу, используя против чудовища мощный арсенал Осору. Как и любой архидемон, Хоролаггия мечтал овладеть этими заклинаниями. Частенько он скрипел ядовитыми клыками от отчаяния, что не может понять или просто удержать в голове хоть одно заклинание Осору. С помощью Маласокки все должно было измениться.

Тем временем паутина начала мерцать при свете масляной лампы. Отдельные полоски срастались в лоскутки, которые постепенно растягивались, образуя кокон.

Конара Урдма раскрыла рот от удивления.

— И это Конара Бартта?

Внутри Джийан Хоролаггия затрясся от смеха. Каким забавным стало это рискованное предприятие за последнее вре-

мя! Да, он поступил правильно, перехватив инициативу и действуя молниеносно, пока все остальные колебались, парализованные зловещим пророчеством. Миина давно покинула этот мир, а ее драконы превратились в жалких, ничтожных тварей. Как он и предполагал.

— А теперь вперед! — скомандовал Хоролагтия голосом Джийан. — Именно сейчас мне понадобится твоя помощь.

Джийан шагнула к кокону, коварная конара Урдма — следом.

— Как я уже говорила, из-за того, что паутина не успела сформироваться полностью, распутать кокон будет непросто. Нам придется расплетать его вдвоем. Будь осторожна и точно следуй моим указаниям. Малейшая оплошность — и конаре Бартте не поздоровится.

— Она что, умрет?

Джийан беззвучно смеялась над глупостью конары Урдмы.

— Да, и это весьма вероятно.

Колдунья подняла левую руку, и от кончиков пальцев к кокону, где нить паутины прилежала не так плотно, пробежала темная искра. Негромко скрипнув, слой паутины приподнялся.

— Отлично, паутина отходит, — объявила Джийан. Колдунья пробормотала какое-то заклинание, и из холодного воздуха появилась большая овальная корзина. Она была столь необыкновенного цвета, что у конары Урдмы даже заболели глаза. Джийан передала конаре корзину. — Теперь я начну разматывать паутину, а ты будешь собирать нить в корзину. Ты не должна, это очень важно, ни в коем случае не должна касаться паутины. Даже нечаянно. От этого зависит успех операции!

— А что случится, если я все же до нее дотронусь? — спросила конара Урдма, принимая корзину.

— Яд тут же проникнет в паутину, и конара Бартта умрет, как неродившийся младенец в утробе, — объяснила Джийан. — Теперь стой здесь. — Колдунья кивнула и снова подняла руки.

Конаре Урдме показалось, будто в ухе что-то хрустнуло, и она вздрогнула.

— Не двигайся! — предупредила Джийан. — Успокойся, а твои руки трясутся! Отходит первый слой!

Когда-то, много лет назад, родители взяли конару Урдму на море, в гости к дяде. Там она увидела, как рыбаки вытас-

кивают из воды увитую водорослями сеть. В сети билась серебристая рыба, а в самом центре было что-то черное, извивающееся, с длинными щупальцами, трепетавшими в поисках жертвы, которую можно обвить и задушить.

Слой, который Джийан отделила от кокона, напоминал то чудище со щупальцами, преследовавшее во снах будущую конару, даже когда она вернулась с побережья. Урдма была так счастлива снова оказаться в Каменном Рубеже! Нить медленно перетекала в корзину, а у конары Урдмы, несмотря на предупреждение Джийан, дрожали руки. Попад на черное донце неглубокой корзины, нить не лежала неподвижно, а пульсировала и извивалась, как живая.

— Внимание! — объявила Джийан. — Отходит второй слой!

Конара Урдма видела, как сильно напряжена Джийан. Похоже, она ничуть не преувеличивала сложность задания. Мысли конары Урдмы вернулись к собственным планам. Она презирала Бартту еще во время учебы, презирала, потому что та смеялась над ее мечтами и амбициями. Бартта считала Урдму слабой, даже ничтожной. Она наделила ее крошечной властью и явно получала огромное удовольствие, периодически унижая, дабы еще нагляднее показать, кто есть кто.

«Тебе не стоит даже угрожать, — злорадно заявляла Бартта, — у тебя нет ни ума, ни фантазии, чтобы что-то замыслить против меня. Ты сплошное недоразумение!»

Джийан сняла еще один слой, который, тускло поблескивая, скользнул в корзину, и конара Урдма пошевелилась.

И вот теперь, когда она стала главой Деа Критан и наслаждалась каждой минутой своего превосходства над Барттой... Что же случилось теперь? Откуда ни возьмись появляется изгнанная сестра Бартты, которую некоторые младшие конары называют Матерью.

Третий слой паутины серебрился на дне корзины.

Нужно было что-то предпринять, конара Урдма давно это понимала, но окончательно ее план оформился лишь сейчас. Забавно, ведь Джийан сама подсказала ей, что делать. Заразив паутину, Урдма избавится от Бартты, а потом швырнет нить прямо на Джийан, чтобы устранить и ее. Только нужно действовать так, чтобы Джийан ничего не заподозрила. Все долж-

но выглядеть как несчастный случай, будто она случайно выпустила из рук корзину, ставшую слишком тяжелой, в то время как кокон еще не размотали до конца.

Конара Урдма дождалась, пока в корзине собралась почти вся паутина, и споткнулась на ровном месте. Правое плечо опустилось, корзина чуть наклонилась, и верхний слой паутины скользнул по предплечью.

— Ой! — вскрикнула Урдма, почувствовав, как паутина обвивает запястье. Ей казалось, что паутина выстрелила из корзины и облепила ее руку так быстро, что у конары не было шанса ни вытащить ладонь, ни даже вскрикнуть. Вот и остатки паутины соскользнули с Бартты и обвились вокруг конары Урдмы. А Урдма не осознавала, что происходит, не чувствуя ничего, кроме адской боли. Паутина медленно растворяла ее кожу.

Джийан очень осторожно, почти любовно, держала на руках бесчувственное деформированное тело. С ног до головы тело Бартты покрывала коричневая слизь с комочками чего-то белого и студенистого. Джийан знала, что слизь исчезнет, когда Бартта начнет нормально дышать.

Конара Урдма, заключенная в волшебный кокон, бешено дергалась и извивалась.

Джийан улыбнулась и заговорила тихо, почти ласково:

— Ну, что чувствуешь, когда тебя съедают живьем? Пожалуйста, конара Урдма, опиши мне свое состояние поподробнее. — Колдунья усмехнулась и заговорила низким злым голосом, голосом Хоролаггин: — Тебя же предупреждали! Просили не трогать паутину. Хотя я знала, что искушение слишком велико. Желание прикончить Бартту было написано на твоём лице огромными буквами. Вот я и соврала тебе. Однако не отчаивайся, свою роль ты сыграла. Видишь ли, волшебная паутина — штука опасная, особенно в незавершенном состоянии. Единственным способом спасти Бартту было дать паутине новую жертву. На роль жертвы я выбрала тебя. Паутина — живое существо, как ты, наверное, уже поняла. Огонь сильно ее ранил, потому что у Бартты не было времени завершить ее создание. И все это время паутине было так больно, что ты и представить не можешь. — Джийан приложила ухо к бьющемуся кокону. — Впрочем, нет, вероятно, можешь.

Коричневая слизь высыхала, а белые студенистые комочки съеживались в мелкие бусинки, которые лопались, будто воздушные пузырьки. Обнажалась кожа, сильно покрасневшая от пропитывавшей ее жидкости и исцарапанная, как бывает всегда, если не до конца дочитать заклинание. На лице Бартты с правой стороны появился шрам. Он тянулся по диагонали от опущенного уголка рта вниз, сморщивая шею. Шрам был настолько грубым и глубоким, что никакое заклинание здесь помочь не могло. «Ну, красавицей она все равно не была, — подумала Джийан, — одним шрамом больше, одним меньше».

Джийан усадила сестру поудобнее, а Хоролаггия подумал, что, как только позволит Маласокка, нужно будет как-то укрепить это временное тело. Джийан впилась в губы Бартты и языком разжала ее зубы. Споры Церрна скользнули по сморщенному языку Бартты, прилепились к небу и тут же стали прорастать.

Услышав издалека радостный крик Мигорры, Хоролаггия заговорил голосом Джийан:

— Пришло наше время, брат, твое и мое.

Всякий раз при виде Старого В'орнна Курган старался вести себя осторожно. Мало того что Старый В'орнн оказался лишь очередной ипостасью Нита Батокссса. Теперь-то получалось, что Нит Батокссс либо сумасшедший, либо... Курган даже не знал, что думать. Именно в этом и заключалась проблема. Или по крайней мере ее часть. Однако, когда регента вызывал Старый В'орнн, ему невозможно было отказать, не вызывая подозрений. А подозрения гэргона меньше всего были нужны Кургану.

Теперь правитель не мог поверить, что когда-то любил маленькую виллу Старого В'орнна, а особенно зал с окнами, выходящими в сад, который он сам помогал разбивать. Теперь от этого сада у регента мурашки ползли по коже. Как ни старался Курган успокоиться, думая о Ните Батоксссе и жутком отражении в зеркале, он чувствовал себя беспомощным мальчишкой.

В тот вечер, несмотря на прохладу, двери виллы были раскрыты настежь. Красные и синие листья, сморщившись, лежали на земле, а порывы ветра то и дело кружили их в водово-

роте. К удивлению Кургана, он отчетливо услышал журчание воды в бассейне, расположенном в центре сада. Черная ворона, сидевшая на голой ветке, внимательно следила, как регент выходит из дома и идет по саду.

— Сюда!

Сильный и зловещий, несмотря на преклонный возраст, голос Старого В'орнна послышался откуда-то из-за деревьев, словно карканье ворона.

Курган нашел Старого В'орнна возле бассейна; грубой кундалианской лопатой гэргон копал влажную землю.

— Ты что-нибудь слышал об Индол ал'Хул? — Батокссс показал регенту гриб, конусообразная шляпка которого была бледно-розовой сверху, а с внутренней стороны ее покрывали темные пластинки.

Курган пожал плечами.

— Индол ал'Хул обозначает «Мать Страха» на одном из местных языков, забыл, на каком именно. — Техномаг покрутил тонкую ножку заскорузлыми пальцами. — Прелюбопытная вещь. — Желтоватая кожа Старого В'орнна, туго натянутая на скулах, тускло поблескивала в свете ажурных бронзовых ламп и последних лучах полуденного осеннего солнца. — Знаешь, что он может сделать с вегетативной нервной системой?

Курган присел на корточки рядом со Старым В'орнном. Он уже давно понял, что его учитель обожает такие таинственные уроки.

— И что же он с ней сделает? — спросил Курган, легко превращаясь в прилежного студента.

— Зависит от способа употребления. Если съесть сырым, то наступит паралич, а потом — смерть, — объяснял Старый В'орнн, — а вот если приготовить отвар, то он, в зависимости от концентрации, будет обладать различными психотропными действиями.

— Другими словами, жертва теряет разум, — проговорил Курган, тщательно изображая ученика.

— Можно сказать и так. — Старый В'орнн разломил ножку пополам и стал смотреть, как из нее вытекает желтоватый сок. — Результаты могут оказаться самыми непредсказуемыми — окружающий мир предстанет в совершенно ином свете,

невиданном, неслыханном, но абсолютно реальном. — Озорная улыбка на секунду сделала лицо гэргона почти детским. — Кундала полна подобных сокровищ, рамахане прекрасно о них знают. Или по меньшей мере знали. — Батокссс встал, бросил грибок и стряхнул землю с рук и коленей. — Когда-то рамахане владели столькими секретами!

Они вместе прошли по садовой дорожке к центру сада. Старый В'орнн поднял руку, показывая, что хочет присесть на скамеечку у бассейна. Замерзший Курган поплотнее закутался в накидку, а вот гэргон, казалось, совсем не чувствовал холода.

Когда оба устроились, Старый В'орнн достал темную бутылку и два кубка.

— Я ждал подходящего момента, — объявил гэргон, наполняя кубки огнесортным нумааадисом, — важного момента, — он передал кубок Кургану, — чтобы отпраздновать твое быстрое и стремительное восхождение на пост регента Кундалы. — Они чокнулись, бокалы зазвенели. — Курган Стоггул, поздравляю!

Курган выпил и стал ждать развития событий. Он знал Старого В'орнна слишком хорошо и понимал — его позвали сюда не для того, чтобы отпраздновать восхождение на престол. До сути дела они еще не добрались. Все эти встречи имели тайную суть, скрытую, как бассейн в центре сада, построенный на месте пруда. Подобные поступки были в стиле Старого В'орнна, да и Курган активно подыгрывал техномагу.

— Тебе нравится огнесортный нумааадис? — спросил Старый В'орнн.

— Высший класс! — похвалил Курган.

— Хорошая урожайность, вне всякого сомнения. Ну же, пей до дна! Мы ведь празднуем! — На лице Старого В'орнна снова появилась лукавая улыбка.

Курган допил нумааадис, и в ту же секунду кубок выскользнул из пальцев и разбился о каменную дорожку.

— Регент, что с тобой? — спросил Старый В'орнн, глядясь в лицо Кургана.

Ответить правитель уже не смог. Он перестал мерзнуть, по телу с головы до пят разливалось приятное тепло. Голова будто набухала. Цвета пульсировали в такт с порывами ветра, качающими голые ветки. Вороны смеялись, Курган чувствовал вкус собственного пульса, будто это была еда или питье.

— Даже рамахане опасались использовать Индол ал'Хул. — Голос Старого В'орнна загредел над садом словно раскаты грома. — Свойства не были изучены до конца, поэтому его и боялись применять. Отсюда и название. Похоже, зря они его так боялись.

Старый В'орнн попытался поднять Кургана, но ноги молодого регента стали ватными. Правитель тяжело осел на дорожку.

— Отвар я готовил по всем правилам.

Курган ничего не почувствовал, он изо всех сил напрягал зрение, чтобы краски сада не выцвели в одно блеклое пятно. Однако это оказалось выше его сил. Поддавшись воздействию эликсира из Индол ал'Хул, Курган из состояния тревожного сознания впал в глубокий транс, где голос Старого В'орнна затих в шуме океанского прибоя. Старый В'орнн, заметив, что глаза Кургана закрылись, превратился в Нита Батокссса. Правда, те, кто близко знал Нита Батокссса, не сразу бы узнали техномага из-за темного силуэта, уничтожавшего, как сказали бы рамахане, «проявление душевной сущности». Эта полутень ослепила бы любого, кто знал Нита Батокссса, и, мертвой хваткой сжав горло, оставила бы задыхаться. Полутень напоминала темный поток, холодное мерцающее пламя, форма которого изменялась каждую секунду.

— Вот наконец мы и подошли к главной части нашего урока. — Раздавшийся в сумерках голос тоже звучал странно, непохоже на голоса Старого В'орнна или Нита Батокссса.

Рука с длинными тонкими пальцами легла на блестящую макушку, и лицо Нита Батокссса помрачнело.

— Эликсир Индол ал'Хул действует? Даже я, завладевший твоим сознанием гэргон, не знаю всех его свойств.

Наклонившись вперед, техномаг секунду смотрел на бассейн, гладь которого отразила то, что недавно в зеркале регентского дворца тайком увидел Курган.

— Обычно анализ «сорочки» дает исчерпывающие сведения. Похоже, из этого правила есть исключения. Как ни прискорбно, но придется признать — в отношении тебя я ошибался.

Гэргон засвистел какую-то веселую мелодию, и черная ворона с блестящими глазами, расправив крылья, перелетела через

сад и села ему на плечо. Птица запрыгала и стала совать желтоватый клюв в ухо Кургану.

— Кш-ш, кш-ш! — зашипело существо, завладевшее Нитом Батокссом. — Нельзя! Нельзя!

Хрипло вскрикнув, ворона успокоилась.

— Ах, Курган Стоггул, ты считаешь себя не похожим на остальных в'орннов. — Существо замолчало, заметив, что тело Нита Батокссса окружает сияющая полутень. Техномаг тут же уничтожил полутень — ведь его истинное обличье не должен был видеть никто, даже на фоне тела гэргона. — И верно. Если бы ты только знал, насколько ты от них отличаешься! — Батокссс вздохнул и погладил блестящие черные перья вороны. — Однако, учитывая непостоянство твоего характера, тебе не стоит об этом сообщать.

Существо потянулось за фонарем.

— Пора узнать, что раскроет в тебе Индол ал'Хул.

Подняв фонарь, существо, словно простая гадалка, стало рассматривать затылок Кургана. Оно стало ощупывать кожу между первым и вторым позвонком.

— Ничего! — Голова гэргона резко поднялась, глаза загорелись. — Неужели я снова ошибся? Хотя...

Обрывок фразы заглушил поднявшийся ветер. Ворона, почувствовав приближение грозы, поднялась на самую высокую ветку дерева и сидела, сложив крылья. Некоторое время существо, завладевшее Нитом Батоксссом, сидело абсолютно неподвижно. Затем оно схватилось за бортик бассейна и смотрело на воду, пока та не забурилась. Тогда чудовище опустило голову и плечи в бурлящую воду, раскрыло рот и испустило гневный вопль, который долетел до самого Портала Бездны.

Джесст Веббн подошел к рынку пряностей, когда солнце уже садилось, но было еще предостаточно покупателей, завернувших сюда по дороге домой. В результате узкие проходы между витринами были запружены кундалианами, прислуживавшими в богатых баскирских семьях.

Джесст чувствовал себя неуютно вдали от Гавани. Честно говоря, ему вообще становилось не по себе, едва он переступал порог «Недужного духа». Много лет прослужив гэргонам,

Джесст успел перенять их любовь к затворничеству. Однако, по настоянию Броннна Паллна, они время от времени встречались в таких местах, где могли сойти за случайных знакомых, болтающих о всякой всячине.

Джесст много лет лечил жену Броннна Паллна. Со здоровьем у тускуггун было все в порядке, гораздо больше она нуждалась во внимании, которым ее обделял муж. Броннн Паллн знал, что его жена здоровее кора и что с ней Джесст понапрасну тратит свое драгоценное время. Мало кто из геноматекков стал бы с женщиной так церемониться, и в знак благодарности Броннн Паллн щедро платил Джессту за каждый визит. Такие деньги Джесст вряд ли смог бы заработать где-то еще. И поэтому теперь, когда Броннн Паллн обратился к нему с просьбой, Джесст не мог ему отказать.

Броннн Паллн обожал корицу, пятнадцать различных сортов которой еженедельно привозили из коррупских земель. Именно в коричневых рядах Джесст и нашел баскира. Броннн Паллн вполне мог послать на рынок слугу, но его страсть к пряности была такой, что он всякий раз лично пробовал все сорта и выбирал понравившийся.

— Попробуйте этот сорт, — предложил Паллн, когда подошел Джесст. Баскир протянул ладонь, где лежала щепотка мелко молотого темно-розового порошка. — Попробуйте, — настаивал Броннн Паллн, — высший класс!

По совету Броннна Паллна Джесст зашипнул немного порошка и положил в рот. Даже от такого количества глаза тут же заслезились.

— Ну как, я не ошибся? — спросил Броннн Паллн.

Джесст горячо заверил его, что корица просто чудо.

Броннн Паллн кивнул торговцу, вытянул три пальца, и торговец принялся заполнять мешочек.

— Как наш улов?

Джесст передал инфодесятиугольник.

— Здесь запись разговора с дэйрусом СаТррэнов Кирллом Кванддой. В нем есть то, что вас заинтересует.

Броннн Паллн схватил десятиугольник, не потрудившись скрыть ликования.

— Отлично!

— С этим связаны кое-какие проблемы.

Броннн Паллн возвел к небу глаза и театрально вздохнул.

— Всегда что-то бывает.

— Придется иметь дело с сестрой регента.

— Оратттони?

— Нет, с другой, с отверженной.

— Маретэн? В Н'Луууру, при чем здесь она?

— В десятиугольнике содержится вся информация.

— Прошу вас разъяснить мне, в чем дело, — безапелляционным тоном потребовал Броннн Паллн.

— По данным дэйруса, Маретэн Стоггул знает, где находится штаб предателя-баскира.

— На самом деле, — проговорил Броннн Паллн, — мне очень повезло, что ее считают отверженной. — Баскир рассмеялся. — Сомневаюсь, что регент будет возражать против применения по отношению к сестре самых решительных мер. — Он кивнул. — Вы прекрасно поработали.

Увидев, что Броннн Паллн собирается уходить, Джесст решил напомнить ему об оплате.

— Как насчет вознаграждения?

— Терпение — вот высшая добродетель, — нравоучительно проговорил Броннн Паллн, пересчитывая свертки.

— Это добродетель для бедных, а я уже пообещал заплатить наличными за строительство нового дома.

— Похоже, вы поспешили, — пожал плечами Броннн Паллн, забирая мешочек с корицей.

— А как же наш первоначальный уговор? — вспыхнул Джесст Веббн.

— Зверь еще не пойман.

— Вы ведь вообще не собирались мне платить, верно?

Броннн Паллн вспомнил, с каким презрением обращался с ним Веннн Стоггул, и подумал, что, оказывается, приятно иметь власть над другими.

— Если вы дали обещание, которое не в состоянии исполнить, то я не виноват, — заявил он.

— Но ведь у нас был уговор. Вы обещали мне вознаграждение за информацию, и я вам ее предоставил. Разве баскиры не держат слово?

— Только то, что дали другому баскиру, — ехидно заметил Броннн Паллн, развернулся и пошел прочь.

15

ЗЛОВЕЩИЕ ЗАГОВОРЫ

Строй-генерал Локкк Визэрррент, командующий силами кхаггунов в районе Быстрых озер, разместил свой штаб в Блестящем Барабане, горном городке к северо-востоку от Встречающихся Долин. Когда-то Блестящий Барабан был крошечной деревушкой при монастыре Блестящего Барабана, руины которого до сих пор виднелись на горном выступе, выходящем на центральную площадь города. Годы, прошедшие с тех пор, как кхаггуны разорили монастырь, пошли деревушке лишь на пользу. Она превратилась в среднего размера город, сельскохозяйственный центр, обеспечивающий провизией стремительно растущее население Аксис Тэра. Именно здесь делали сыр из корьего молока, ведь на горных склонах зеленели целые поля первоклассного гглея, который использовался для ферментации. Прихотливое травянистое растение, гглей рос только в окрестных горах и при длительной транспортировке терял все свои качества.

Строй-генерал Визэрррент разместил штаб в Блестящем Барабане не случайно. Местоположение города было почти идеальным, оно устраивало генерала и стратегически, и чисто эстетически.

Тем не менее с тех пор, как регентом стал Курган Стоггул, строй-генералу все чаще приходилось бывать в Аксис Тэре.

Когда он уезжал в столицу по делам, штабом командовал крыл-адъютант Иин Вииин. В отсутствие генерала Вииин старался вовсю, а его старательность многие считали патологической. Однако именно старательность сделала его незаменимым и позволила генералу подолгу бывать в Аксис Тэре и решать сложные политические проблемы.

К тому же крыл-адъютант пользовался полным доверием у командира. Сам Вииин был худ, с тощими мускулами-макаронинами, косыми, близко посаженными глазами, плоским рыбым ртом и лицом, рябым после перенесенной Краэльской огненной лихорадки. Из-за этого офицера тайно презирали

даже бесправные лооормы. Ходили слухи, что Вииин ненавидит всех и вся, но те, кем он командовал, замечали, что крыл-адъютанту нравятся беспрекословно подчиняющиеся кхагггуны. Хотя у офицера были и другие интересы помимо службы, например, охота на первиллонов, окружающим его жизнь казалась отчаянно скучной. Те, кто так считал, глубоко заблуждались. И особенно среди своих занятий Вииин ценил встречи с рамаханской связной, которая приносила новости о составе отрядов Сопротивления и их планах.

В тот вечер крыл-адъютант работал допоздна, и никто, даже самый заклятый враг, не назвал бы его бездельником и лентяем. Один из кхагггунов принес записку для строй-генерала, найденную за пределами штаба. Сам Визэрррент неделю назад уехал в Аксис Тэр, где, насколько было известно Вииину, собирался пробыть еще некоторое время.

Отпустив кхагггуна, адъютант распечатал письмо и тут же нахмурился. Послание выглядело весьма подозрительно — текст написан от руки на кундалианском, а в правом верхнем углу имя строй-генерала Локкка Визэрррента обозначено в'орнновскими буквами. Вииин дважды перечитал послание, запоминая его содержание. Затем поднес письмо к огню, проследил, чтобы оно сгорело полностью, и растер пепел пальцами.

Вииин поднялся, посмотрел на часы и надел боевой нагрудник. Спустившись вниз, он поспешил к конюшням, где приказал оседлать чтавра, и тут же пустил его галопом.

Три четверти километра крыл-адъютант проскакал на восток, затем повернул на юг и, согласно инструкциям из письма, доехал до северной оконечности ромбовидной рощицы сэсаловых деревьев. Там он осадил чтавра и стал ждать.

Ночь была прохладной. Дул сильный северо-восточный ветер, швырявший в лицо пригоршни снега с вершин Дьенн Марра. Вииин задрожал под доспехами и подумал, что зима будет долгой. Два зеленоватых месяца освещали колючие стволы и горные склоны призрачным светом.

— Вы не строй-генерал Локкк Визэрррент.

Он резко повернулся, и седло скрипнуло.

— Кто здесь? — спросил Вииин, опуская руку на меч. — Покажись, или за последствия я не отвечаю!

Из темноты к нему шагнула молодая кундалианка. На ней были оранжевые одежды конары. Она двигалась очень медленно, будто каждый шаг давался ей с трудом. Вииин заметил, что женщина придерживает руками огромный живот, и спрятал меч в ножны.

— Вы ранены? — спросил он.

— Я посылала письмо строй-генералу Локкку Виэрррренту, — заявила конара, — где он?

— Я — крыл-адъютант Иин Вииин. — Офицер спешился. — Я уполномочен говорить от имени строй-генерала по любым вопросам.

— Строй-генерал посвятил вас в свои тайны, крыл-адъютант Иин Вииин?

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— О дускаанте.

Вииин напрягся.

— Какой дускаант?

Конара улыбнулась и подмигнула.

— Ну же, крыл-адъютант, либо вы говорите от имени строй-генерала, либо нет.

— Строй-генерал установил дускаант в монастыре Блестящего Барабана?

— Нет, — медленно и отчетливо проговорила конара, — дускаант установили в монастыре Теплого Течения.

— Ах да, теперь вспоминаю. Его установила конара Ясттур.

— Нет, это была конара Мосса.

Вииин удовлетворенно кивнул.

— Кто вы такая?

— Конара Элеана.

— А где моя обычная связная?

— С конарой Барттой произошел несчастный случай.

— Знаю, она мертва. Я имел в виду ее заместительницу, конару Урдму.

— Заболела, — выдавила Элеана, не представлявшая, о ком идет речь.

— Как некстати, — хмуро буркнул Вииин.

«И не говори, — подумала Элеана, — что же происходит в монастыре?»

— С тех пор, как погибла конара Бартта, в монастыре стоит жуткая суматоха!

— Вы... э-э-э... замещаете конару Урдму?

— Только на время ее болезни.

Вииин недовольно нахмурился.

— Конаре Урдме не стоило доверять это задание. Она часто болеет и не выдерживает сроков.

— Ее выбрала конара Бартта.

Вииин глубоко вздохнул. Он не любил общаться с рамаханами, потому что не верил им до конца. Тем не менее именно рамаханы, начиная с конары Моссы, еще ни разу не нарушили соглашения и аккуратно поставляли информацию, которую обманом выпытывали у бойцов Сопротивления, не принявших новую религию Кэра.

— Хорошо, теперь к делу! Что вы мне принесли?

— В пятидесяти километрах на запад мятежники разбили лагерь.

Это была явная ложь, но что еще Элеана могла придумать?

— И это все? Зря конара Урдма не разъяснила вам наши требования. Для того, чтобы ничто не мешало спокойной жизни монастыря, нужны *подробные* отчеты о передвижении отрядов Сопротивления.

— Крыл-адъютант, я добиралась сюда несколько дней...

— Знаю, знаю, вы шли от Каменного Рубежа, — нетерпеливо перебил он. — И что с того?

Темные глаза девушки спокойно смотрели на крыл-адъютанта.

— Я же новенькая и, поверьте, стараюсь изо всех сил.

— Плохо стараетесь, — проворчал крыл-адъютант Вииин, усаживаясь в седло. — Даю вам две недели, чтобы собрать необходимую информацию, иначе... — Он развернул чтавра и ускакал прочь.

Элеана молча смотрела, как офицер поднимается по освещенному лунным светом склону и постепенно исчезает из виду.

— Отлично! — похвалил Реккк, появляясь из сэсаловой рощицы. На плече у него сидел тэй.

Их привели сюда титры, сопровождавшие каждую зафиксированную дускаантом сцену. Помимо даты и времени, они

содержали имя кхаггунского офицера, получавшего донесения, — строй-генерал Локкк Виэрррент. С помощью окумммона Реккк создал для Элеаны шелковую одежду конары, а записку, которая вызвала сюда Вииина, они написали вместе на двух языках.

— Конара Урдма, — объявил Реккк, — теперь мы знаем имя предательницы.

— Непонятно только, почему она так и не появилась. В монастыре творится что-то странное, — вздохнула Элеана и погладила живот. — Каменный Рубеж от этого места отделяет долгий и трудный подъем. Если честно, я не знаю, смогу ли его одолеть.

Обняв девушку за плечи, Реккк повел ее в глубь сэсальной рощицы, усадил на толстый пенёк и напоил водой.

— Одному мне в монастырь не попасть.

— Вот бы Тигпен вернулась... Милая Тигпен! Она бы нашла способ переместить нас.

Реккк посмотрел на залитое лунным светом небо.

— Не беспокойся, я что-нибудь придумаю.

— Мне кажется, есть способ разрешить спор между Консорциумами Нверррнов и Фелланнгов, — заявил Броннн Паллн.

— Могу себе представить, — захихикал Доббро Маннкс. — Регент аннулирует обе просьбы, так что ваш Консорциум сможет разграбить богатую полезными ископаемыми территорию к западу от Борободурского леса. — Баскирский адвокат захохотал и поднял толстый указательный палец. — Нет, подождите, для этого вам нужно быть прим-агентом.

— Если мне не изменяет память, Консорциум Паллнов издревле пользовался расположением Стогггулов. — Строй-генерал Локкк Виэрррент взглянул на Броннна Паллна. — Ведь я прав?

Лицо Броннна Паллна было довольно кислым, несмотря на праздничную обстановку в роскошном особняке Маннкс в западном квартале. На еженедельных обедах присутствовали практически одни и те же. Любимые гости Доббро Маннкса наслаждались божественными блюдами его толстого шеф-повара, а потом, сытые и изрядно подвыпившие, возвращались в

библиотеку или в сад. И, если погода была теплой, играли партию-другую в варрниксс на небольшие ставки.

Строй-генерал выжидающе смотрел на Броннна Палллна.

— Конечно же, вы правы, — пришлось пробормотать Паллну.

— Тогда, пожалуй, вы не станете возражать, если новый член касты избранных сделает небольшой взнос в...

— Ого! — заорал Маннкс. — А строй-генерал-то у нас с претензиями. Может, вы оставите армию и станете баскиром?

— Ни о чем подобном я не помышлял! — заявил строй-генерал. — В армии мне не хватает лишь вкусной еды!

— Осторожнее, строй-генерал! — предупредил Гилл Фуллом, седой и уважаемый патриарх, глава знатного Консорциума. — Принадлежность кхаггунов к касте избранных пока что вилами на воде писана. Я бы на вашем месте не делал категоричных заявлений!

Локкк Визэrrрент погрузился в раздумья, вид у него при этом был мрачнее некуда. Со времени памятного разговора с Олннном Рэddдлином он старался держать ухо востро и собрал немало доказательств правоты звезд-адмирала.

— Что вы имеете в виду? — излишне резко спросил строй-генерал. — Что кхаггуны недостойны этого высокого статуса?

— Ничего подобного. — Гилл Фуллом не был готов к тому, что его слова будут восприняты так болезненно. — Я просто осмелился дать дружеский совет.

Повисла короткая, хоть и весьма неловкая пауза.

— Броннн Паллн, возвращаясь к вашим отношениям с регентом, — весело начал Маннкс, умевший вносить живительную струю в любой разговор. — В воздухе, словно запах дохлого квиллона, висит «но». Или мне только послышалось?

— Никаких «но»! — слишком запальчиво проговорил Паллн.

— Простите за любопытство, — продолжал Маннкс, — однако я был немало удивлен, когда на должность прим-агента Веннн Стогггул назначил Сорннна СаТррэна, а не вас.

— А вам чем-то не нравится Сорннн СаТррэн? — раздраженно спросил строй-генерал. Ему как истинному кхаггуну претила досужая болтовня. — В адрес прим-агента я слышал немало хороших слов. Особенно ценят его умение находить компромисс.

— Некоторые считают, — язвительно заметил Фуллом, — что у СаТррэнгов достаточно власти и без того, чтобы их наследник получил пост прим-агента. — Он потыкал пальцем лежавшее на тарелке жаркое. — А другие находят безотчетную любовь Сорннна СаТрррэна к коррушским степям чем-то нездоровым и испорченным.

— И вы согласны с последними?

Фуллом улыбнулся и стал смачно сосать палец.

Маннкс развел руками.

— Я имел в виду, что Броннн Паллн заслужил этот пост, ведь так? У него есть опыт, он кажется таким достойным!

— Между прочим, — заявил Паллн, пытаясь перекричать Маннкса, который излагал слишком очевидные факты, — между прочим, с Курганом Стогггулом у меня сложились гораздо лучшие отношения, чем с его отцом. А еще, строй-генерал, я сумел найти общий язык с самим звезд-адмиралом!

— Да неужели? — изумился Виэрррент и смерил Броннна Паллнна ледяным взглядом. — Умоляю вас, расскажите поподробнее!

Паллн тут же пожалел, что вообще раскрыл рот. Как он мог забыть о том, что кхаггуны болезненно воспринимают любые тайные союзы. А те, в которых сами не участвуют, — особенно.

— Рассказывать тут нечего, — пробормотал он.

— Ну ладно вам! — Маннкс оглядел гостей. — Никто из собравшихся вам не верит. И больше всех — я!

Если бы Броннн Паллн мог испепелить Маннкса взглядом, он бы непременно сделал это. Еще бы, адвокат поставил его в такое ужасное положение!

— Не имею права разглашать содержание разговоров со звезд-адмиралом! — отрезал Паллн.

— Ого! — Маннкс захлопал пухлыми руками, словно мальчик в день Восшествия. — Тут *явно* что-то не так.

— Что не так? — Броннн Паллн с изумлением понял, что увязает все сильнее и сильнее. Он страшно разозлился, и все же в таком безрассудном поведении было что-то захватывающее.

— Мы же друзья. — Маннкс сложил руки на плотном упругом животе. — Если вы знаете, что задумал звезд-адмирал,

то, думаю, должны нам рассказать. — Он заразительно рассмеялся. — Разве не ради этого мы собираемся здесь каждую неделю?

— Конечно! — в один голос подхватили собравшиеся.

Бронни Палли жестом велел им успокоиться. Все смотрели ему прямо в рот. Быть в центре всеобщего внимания было так приятно, что Палли не выдержал.

— Звезд-адмирал давно подозревал Соррри СаТррэна, — начал он, — а теперь я могу доказать, что наследник СаТррэнов недостоин поста прим-агента. — Сердце бешено билось, Палли решил рассказать своим слушателям все.

Строй-генерал зловеще щелкнул пальцами.

— Что вы имеете в виду?

— Я располагаю доказательствами, что именно Соррри — тот предатель, который снабжает оружием и боеприпасами движение Сопротивления.

Собравшиеся подавленно молчали.

— Репутация клана СаТррэнов безупречна, и Соррни СаТррэн не исключение, — заявил строй-генерал Визррент. — Это очень серьезное заявление, и последствия будут *весьма* серьезными.

Бронни Палли прекрасно это понимал. Но слово не воробей, и теперь ему казалось, что случившееся, возможно, к лучшему. Ведь на следующее утро баскир собирался просить аудиенции у регента. В конце концов, он добыл то, о чем просил звезд-адмирал, — голову Соррни СаТррэна на блюде. Жуткий трофей должен был обеспечить ему восхождение на пост прим-агента, которого он так давно ждал. А сегодня Палли мог по крайней мере похвастаться этим перед друзьями. А почему бы ему не похвастаться? Он хотел стать прим-агентом больше всего на свете. Венни Стоггул захлопнул дверцу прямо перед его носом, а новый регент снова ее приоткрыл.

— Пожалуйста, Бронни Палли, не бойтесь грубости строй-генерала, — попросил Фуллом, почти урча от удовольствия. — Кажется, многие баскиры разделяют опасения звезд-адмирала.

— Меня не волнует, что думают баскиры, — пожал плечами строй-генерал. — Но если у вас есть доказательства, то это совсем другое дело.

У Броннна Палллна от успеха закружилась голова. Ни с того ни с сего в его защиту выступил Гиллл Фулллом, который никогда раньше и словом с ним не перемолвился. Чувство власти ударило Палллну в голову, оно опьяняло, и баскир решил любой ценой продлить это незабываемое впечатление. Чувствуя, как нервы натянулись до предела, он выложил на стол инфодесятиугольник с откровениями Кирллла Квандды, который ему дал Джесст.

Строй-генерал хищно взглянул на кристалл, достал считыватель информации и вставил в него десятиугольник.

— Что это? — спросил Маннкс. — Где доказательства?

Строй-генерал придвинул к нему считыватель, Маннкс жадно его схватил, ознакомился с содержанием и передал Гилллу Фулллму.

— Рано делать какие-то далекоидущие выводы, — мрачно изрек Виэрррент, снова прокручивая запись.

— Согласен, — услышал собственный голос Броннн Палллн. — Сначала я решил показать все это регенту.

— Я бы посоветовал действовать очень осторожно, — мягко сказал Фулллом. — В конце концов, речь ведь идет о Кургане Стогггуле. Всем известно, что случилось с его отцом.

— Что вы имеете в виду? — беспокойно спросил Локкк Виэрррент.

Фулллом повернулся и посмотрел строй-генералу прямо в глаза.

— Из весьма авторитетного источника мне известно, что Веннн Стогггул не сдержал честного слова, данного Кинннию Морке. Вам не хуже моего известно, строй-генерал, что именно он организовал убийство Морки.

— Разговор пахнет государственной изменой, — пробормотал Виэрррент.

— Нет, если это правда.

— Но у вас нет доказательств, — упрямо продолжал генерал. Старый баскир покачал головой.

— Мы с вами знакомы очень давно, строй-генерал. Возможно, на некоторые вещи мы смотрим по-разному, но я знаю, что вы патриот. Поэтому, надеюсь, вы простите меня, если я скажу, что истинные патриоты не должны быть слепыми.

— Стогггулы всегда славились своим упрямством, — сказал Маннкс.

— Учитывая вышеизложенное, — начал Паллн, — думаю, всем будет лучше, если прим-агентом буду я. — Он взглянул на Фуллома, опасаясь негативной реакции старого патриарха. Однако колючим взглядом Броннна окинул Визэrrрент.

— Как бы предосудительно это ни выглядело, — сказал строй-генерал, — у вас недостаточно доказательств против Сорррна СаТррэна. К примеру, вы знаете, где находится штаб СаТррэна?

— Можно было бы послать отряд кхагггунов с обыском, — предложил Фуллом, — но проблема в том, что у СаТррэнов несколько складов. Кто знает, в котором из них штаб.

— Ну, на этот вопрос у меня есть ответ, — заявил Паллн. — Там, где была Маретэн Стогггул.

— Но ведь она сестра регента! — вскричал Маннкс.

— Все знают, с каким презрением к ней относится семья, — успокоил его строй-генерал, — регент не исключение.

— Думаете, она захочет помочь? — спросил Фуллом.

Повисла неловкая тишина, и снова заговорил Паллн:

— Скорее всего добровольно она не признается.

Все опять посмотрели на Паллна, и он почувствовал, как у него по спине бегут мурашки.

— Наверное, за Маретэн Стогггул стоит проследить, — сказал баскир, обращаясь к Локкку Визэrrренту.

— С Консорциумом Стогггулов надо быть поосторожнее, — посоветовал Визэrrрент. — У них много влиятельных друзей и союзников. Если слежка вообще не принесет результата или результат окажется не таким, как предполагалось, не оберешься... — Он не договорил, и все же слова так и повисли в воздухе.

— Нужно действовать очень аккуратно, — задумчиво проговорил Фуллом. — Строй-генерал прав. У нас будет всего один шанс, из которого следует извлечь максимум выгоды. Строй-генерал мог бы приказать кхагггунам пронаблюдать за Маретэн Стогггул.

— На этом этапе подключать кхагггунов неразумно.

Фуллом сложил покрытые веснушками руки на костлявой груди.

— Ну, Бронни Паллин, значит, вам придется стараться самому.

Кажется, Бронни Паллин ждал этого момента всю жизнь. Теперь, когда он настал, баскир не почувствовал ни страха, ни волнения. Решалась его судьба, и он знал, что пришло время действовать.

— Я сам ею займусь, — твердо сказал он. — И поверьте, сделаю это с огромным удовольствием.

Не успел Акктон Блед стать командиром взвода, как о нем стали ходить устрашающие слухи. Одна из сплетен, впрочем, как и все другие, касавшиеся кхаггунов, переходила из уст в уста, обрастая новыми и новыми подробностями. Касалась она черепа бритвозуба. И не простого, а вида *корррай*, самого ужасного из тринадцати существующих. Черепа этого в глаза никто не видел, но не в этом было дело. Утверждали, что Акктон Блед в упорном бою отсек ужасную голову от могучей жилистой шеи. А теперь, как шептали друг другу сплетники, ужасный трофей хранится под походной кроватью, и Блед якобы беседует с ним каждый вечер перед сном, рассказывая секреты слишком ужасные, чтобы доверять их живой душе.

То, что эту неправдоподобную историю рассказывали совершенно серьезно, свидетельствовало о том, какой страх внушал Акктон Блед другим кхаггунам.

Олнин Рэддлин, конечно же, слышал эту историю, причем во многих вариантах, включая тот, согласно которому Блед ел сырое мясо *корррая*, когда тот еще бился в конвульсиях. Рэддлина эти сплетни не занимали. Его заинтересовало лишь то, почему они вообще возникли.

Думая об этом, адмирал вышел из кхаггунского звездолета на каменную дорожку во внутреннем дворе монастыря Теллого Течения. Всего в нескольких километрах лежала сонная, заросшая мхом деревушка Середка.

— Это здесь они прятались?

— Так нам сообщил информатор, — ответил Акктон Блед, — перед тем, как... э-э-э... замолчал навсегда.

Офицеры шли по дорожке.

— Как долго он умирал? — осведомился звезд-адмирал тоном, каким баскиры спрашивают о стоимости тонны ванадиума.

— Достаточно долго, чтобы разговор получился интересным, — заверил Бллед.

— Никаких забав?

— Нет. Я же понял, что звезд-адмирал желает получить результат как можно скорее.

— Вы поняли правильно.

До зубов вооруженные и облаченные в доспехи бойцы взвода Блледа выстроились в шеренгу, а сам их командир выглядел просто великолепно. Цветом взвода был выбран темно-коричневый, и лучи солнца расцветчивали доспехи миллионом оттенков терракота.

— Они точно были здесь, — проговорил Бллед, проводя звезд-адмирала через кухню к спальне, — и довольно долго.

Они вступили в библиотеку, и звезд-адмирал подошел к разбитому окну.

— Что здесь произошло?

— Понятия не имею. Следов ионного огня мы не нашли. В любом случае беглецов здесь нет.

Олннн подобрал осколок цветного стекла и увидел, что тот состоит из нескольких мелких осколков, сплавившихся под воздействием потока какой-то энергии. Он вспомнил дыру в прачечной под кашиггеном «Сияние» и подумал, нет ли тут какой-то связи. Положив осколки в карман, Олннн подошел к трапезному столу и увидел лежащие на нем раскрытые книги.

— Вы можете что-нибудь прочесть, командир?

— Нет, сэр.

— Кто-нибудь в вашем взводе умеет читать по-кундалиански?

— Да, сэр.

Олннн обрадованно посмотрел на него.

— Прекрасно! И что же здесь написано?

— К сожалению, боец не может прочесть эти книги, сэр. Это не современный кундалианский, которым он владеет.

— Он что, вообще ничего не разобрал?

— Только то, что в этих книгах какие-то заклинания.

— Заклинания, — повторил Олннн. — Итак, по-вашему, что означают эти книги?

— Кажется, беглецы что-то искали, — без колебаний ответил Бллед.

Олннн тут же понял, что для офицера такой вопрос не стал неожиданностью.

— Уверен, это было нечто важное. — Он провел пальцем по одной странице, а потом — по другой.

В этот момент адмирал почувствовал дрожь в ноге. В той самой заколдованной ноге без кожи, мускулов и сухожилий. В костях, которые, спасая его от заклинания Джийан, зачаровала Малистра, началось какое-то движение, будто пузырьки воздуха поднимались из глубины к поверхности пруда. Сильно испугавшись, Олннн сжал тазобедренный сустав пальцами и ничего не сказал спутнику.

16

ТРЕСК, ЗВОН, ЛЯЗГ

— С фулкааном в носу! Ты только посмотри на нее, Отнам.

Усмехнувшись, Отнам кивнул сестре и обнял Риану.

— Выбралась из логова капудаана! Воистину теперь ты одна из нас! — заявил он.

Они стояли посреди небольшого палаточного лагеря у северной границы Агашира. Огни города слились в одинокий, горящий в степи костер. В отличие от северной части Агашира, куда Риана прибыла вместе с караваном, здесь не было ни солдат, ни грубой болтовни, ни похабных песен. В ночи слышались только протяжные звуки молитв. Прямо за палаткой, встав в круг, мужчины справляли какой-то обряд. Их головы были прижаты одна к другой, руки переплетались. Риана вспомнила, что такую же группу она видела с дворцовой террасы, и подумала: не те же ли это мужчины?

Итак, Риана оказалась среди Горов, к которым, оказывалось, принадлежали Отнам и Мехммер. Горы были смуглыми и одевались во все черное, лишь на голове — белая синшаль, расшитая черными рунами.

Риана подошла поближе и увидела, что среди молящихся есть и женщины. Они двигались взад-вперед, в такт словам молитвы, и девушка заметила, что середина левого предплечья у каждой из них перевязана тонким ремешком из дубленой кожи. На эти *га'афарры*, так же, как и на синшали, были нанесены слова пророка Джихарра.

— Прежде всего помогите мне, пожалуйста, вернуться во дворец и спасти Теззиг. Я поклялась спасти ее. К чему бы ни склонял ее Макктууб, она очень славная и заслуживает жизни за пределами проклятой хаанджхалы.

Брат с сестрой переглянулись. Отнам выругался сквозь зубы и велел Паддии предупредить Горов, охранявших Перрнодт, что они задерживаются. Паддии кивнул, прочитал короткую молитву о спасении их душ и вышел из палатки.

— Можешь рассчитывать на нашу помощь, — заявила Мехммер, — но не на наше сочувствие.

— За аджан будешь отвечать ты. Мы не желаем иметь с ней ничего общего, — предупредил Отнам.

— Отлично, — отозвалась Риана, — на большее я и не рассчитывала.

Мехммер шагнула к девушке, ее лицо пылало.

— Мы вытащили тебя из логова капудаана, и вот как ты нас отблагодарила!

Мехммер хотела вытащить ятаган, но Отнам тут же схватил сестру за руку.

— Мы уже решили, что не сходимся во мнении насчет аджан, — мрачно заметил он. — Запомни, Риана, мы верны своим убеждениям. Не стоит ожидать, что из-за тебя что-нибудь изменится.

Язвительный ответ уже вертелся на языке Рианы, но тут она почему-то вспомнила Тигпен. Уже не в первый раз девушка понимала, как ей не хватает раппы. Она так сильно соскучилась. Сейчас ее совет был бы очень кстати. Риана попыталась представить, что Тигпен могла сказать в такой ситуации. «Коротышечка, разве можно осуждать коррушей после того, как они спасли тебе жизнь?» Кроме того, девушка не была с Горами откровенной до конца. Риана не сказала, что

существует еще одна причина, чтобы вернуться во дворец капудаана. Необходимо было как можно скорее вернуть пальто Нита Сахора, пока Нит Сэтт не рассмотрел его повнимательнее и не понял, что оно действует. Ведь тогда гэргон будет знать, что Нит Сахор все еще жив.

— Спасибо, Отнам, за твое терпение и мудрость, — сказала Риана, надеясь, что ее голос звучит примирительно. — Спасибо за то, что вернул мне кинжал.

Отнам поклонился.

— Когда ты отдала его на хранение, я понял, как много он для тебя значит. Таким образом, ты оказала мне честь. И я очень благодарен тебе за это.

— Хотя мы находим общий язык далеко не во всем, у нас больше общего, чем ты думаешь.

Мехммер покачала головой.

— Нам пора идти, если хочешь помочь своей подруге.

Риана надела черное платье Горов с белой синшалью и вышла из палатки. Горы тут же перестали петь и молча посмотрели на нее. Риана не увидела ни одной улыбки, однако в глазах Горов не было и злости — они оглядывали Риану с холодным спокойствием. Один из них — бородатый, со впалыми щеками и кожей цвета коррушской пыли — сделал Отнаму знак, и тот остановился. Приглядевшись к коррушу повнимательнее, Риана увидела, что у него такие же глаза, как у Отнама: ярко-голубые с изумрудными прожилками. Эти глаза теперь внимательно изучали Риану. Отнам сказал, что Гора зовут Му-Аввул.

— Значит, ты наконец-то пришла.

— Не понимаю, — проговорила Риана, — вы что, ждали меня?

— Отнам и Мехммер рассказали, как ты спасла умирающего ребенка и смогла подружиться с лиммалом. — Борода Му-Аввула, длинная и вьющаяся, была белой и легкой, как паутинка. — Ты ведь хочешь что-то мне рассказать?

— Я пришла к коррушам, чтобы найти дзуоко Перрнодт.

— Об этом я уже знаю.

— Я надеялась, что она расскажет мне про Маасру.

— Вот как? — Гор раскачивался с пятки на носок. — И зачем тебе Маасра? — Му-Аввул не сводил глаз с Рианы, будто читая ее мысли.

— Одна из моих подруг, которую я очень люблю, попала в плен. Спасти ее может лишь Вуаль Тысячи Слез.

— Немало Горов отдали жизнь из-за Маасры, — проговорил Му-Аввул. — И немало Джени Серии, ведь они тоже давно ее ищут. Ради нее даже чужестранцы отваживаются забредать в самое сердце коррушских степей, чтобы никогда не вернуться.

У Рианы душа ушла в пятки.

— Хотите сказать, что она не существует?

— Нет, существует и передается от одного хранителя к другому.

— А кто охраняет ее сейчас? Где мне ее искать?

Му-Аввул пристально разглядывал Риану.

— Ты ведь так и не сказала мне то, что хотела. — Му-Аввул погладил бороду. — Понимаю, что это секрет, но все же расскажи.

Риана вздохнула и взглянула на Отнама с Мехммер.

— Ты им не доверяешь? — спросил Му-Аввул.

— Я обязана им жизнью.

Старый Гор поднял свои загорелые руки к небу. Они чем-то напоминали грубую землю. Это были руки корруша, немало повидавшего в жизни, — бугристые вены, выпирающие суставы, царапины и мозоли. Гор притянул к себе Риану.

— Мы молились не напрасно, — он семь раз поцеловал Рианину макушку, — пророк ниспослал нам величайший дар. — Му-Аввул отпустил Риану и обратился к Отнаму и Мехммер: — Когда вы сказали, что лиммнал привел к вам в лагерь кундалианскую девушку, я сразу подумал об этом. — Старик снова повернулся к Риане. — Ты посланница Джихарра, Риана. Ты принесла нам знания, которые могут изменить судьбу всех коррушей.

— Если у нас хватит смелости ими воспользоваться, — вставил Отнам.

— И враждебность не так-то легко преодолеть, — отозвалась Мехммер.

— Пророку тоже было непросто, — проговорил Му-Аввул. — Почему от своих детей он должен требовать чего-то другого?

— Вы имеете в виду только Горов?

Собравшиеся раскрыли рты от изумления, но Му-Аввул предостерегающе поднял руку.

— Ты из Аксис Тэра, поэтому твое невежество прощительно. — Он снова пронзительно взглянул на Риану. — Джихарр поклонялся Миине. Саракконы тоже поклоняются Великой Богине через святую Яхт. Все народы Кундалы связаны, Риана. Несмотря на различия, нас объединяет вера.

Гор взял Риану за руки. Его ладони были жесткими, как наждак.

— Помыслы твои чисты, в этом я и не сомневался. Как я уже говорил, разыскивая Маасру, многие заплатились жизнью. Маасра как живое существо — она размышляет, выносит решения, даже действует. Если тебе суждено найти ее, значит, найдешь. А если нет, умрешь, как и другие, оказавшиеся недостойными.

— Если хотите отговорить меня, то, боюсь, напрасно теряете время, — поспешно вставила Риана, зная, что перебивать Гора небезопасно. — Простите меня великодушно, о мудрейший, но у меня просто нет выхода. Я должна найти Вуаль, иначе потеряю Джийан навсегда. Умоляю вас, помогите.

— Мой совет — продолжай поиски.

— Я искала Перрнотт. Похоже, Нит Сэттт тоже ее разыскивает.

— Перрнотт знает, где сейчас укрыта Маасра. Нит Сэттт ищет Маасру, он хочет восстановить За Хара-ат. Без Маасры у него ничего не выйдет. Только откуда ему это известно, мы не знаем.

— Му-Аввул, к сожалению, гэргону нужно не только это, — мрачно проговорила Риана. — Нит Сэттт сам признался, что подталкивает капудаанов пяти племен начать войну друг против друга. Он натравливает одно племя на другое. Уже очевидно, что Агашир готовится к длительной войне против Джени Серии. В этом самый большой вред гэргонов — они хотят полностью уничтожить коррушей и будут со стороны смотреть, как вы убиваете друг друга.

Когда Риана договорила, настала тишина, будто время остановилось. Девушка увидела, как напряглось морщинистое лицо старого Гора. Никто не пошевелился и не вымолвил ни слова. Даже воздух, казалось, пропитался ужасными словами Рианы.

— Настоящая посланница Джихарра! — Му-Аввул сжал ладони Рианы, и она почувствовала на ладонях какой-то предмет. Затем старик заговорил на незнакомом Риане языке.

Девушка вопросительно взглянула на Отнама, и он стал переводить.

«В незапамятные времена, — начал Отнам так же напевно, как Му-Аввул, — пророк Джихарр блуждал по горам, разыскивая Длань Создателя. Наконец он увидел, как свет сливается с тенью, и это божественное слияние не подвластно ни солнечному свету, ни звездному. Так Джихарр понял, что пред ним Длань Создателя, и прижал частичку света, смешанного с мраком, к груди. В сердце у него родилась молитва о единстве, самая священная из всех молитв, которую он передавал детям своим и детям своих детей».

Му-Аввул подождал, пока Отнам закончит переводить, и отпустил ладони Рианы. Девушка увидела маленький блестящий камешек неопределенной формы. Он был темно-зеленым с оранжевыми прожилками, в центре его неизвестный мастер вырезал птицу с широко расправленными крыльями.

— Фулкаан, — почтительно произнесла Мехммер, — спутник Джихарра.

— И его посылный, — добавил Му-Аввул. — Изображение фулкаана источает силу и *джихани*.

— *Джихани*? — переспросила Риана, повернувшись к Отнаму.

— Это значит... — наморщил лоб Отнам.

— Что-то вроде духовного богатства, — вмешалась Мехммер. Риана кивнула.

— Благодарю вас, — сказал она Му-Аввулу и низко поклонилась, — я буду беречь талисман Джихарра.

— Правильно, береги его, — проговорил Му-Аввул, — и пользуйся.

— Использовать? Но как?

— Со временем узнаешь. — Старец в последний раз взял Риану за руки. — Спасибо, что принесла нам дар пророка. Пусть *азмиирха* направляет тебя и защищает. — Му-Аввул вернулся в круг. Горы снова склонили головы, переплели руки и продолжали прерванный обряд.

Риана вместе с Отнамом и Мехммер покинула лагерь Горов, пробираясь по запутанному лабиринту улочек. Со всех сторон их окружали палатки, большие и маленькие. Дважды они натыкались на отряды солдат капудаана и поспешно ретировались. Тем не менее последние пятьсот метров до дворца заговорщики преодолели быстро и без приключений.

— И что теперь? — спросила Мехммер, когда они спрятались в тени огромных полосатых палаток на главной улице.

— Мы так долго думали, как вытащить тебя из дворца, — сказал Отнам. — Только, пожалуй, вернуть тебя обратно будет еще сложнее.

— Не думаю, — заявила Риана. — Каждую ночь ровно в двенадцать черный ход с западной стороны дворца открывают, потому что к Макктуубу приезжает один корруш, который учит его понимать *Мокакаддир*, — объясняла она. — Думаю, вы знали это и без меня. Ведь этот корруш — один из Горов.

Отнам и Мехммер озабоченно переглянулись.

— Ты ошибаешься, Риана! Ни один из Горов не учит капудаана понимать священный текст.

— Вы уверены?

— Да, — кивнула Мехммер. — Тем более что ни один из Горов не станет приезжать во дворец тайком, да еще в полночь.

— Значит, это кто-то, переодетый под Гора, — предположила Риана. — Теззиг сказала мне, что это Гор.

— Та аджан?

— Да. И ей незачем врать! — воскликнула Риана.

— С каких это пор аджан понадобился повод, чтобы врать?.. — проворчала Мехммер.

Отнам взглянул на небо.

— Судя по положению лун, у нас всего несколько минут, чтобы найти самозванца и остановить его.

— Все это ерунда, — мрачно проговорила Мехммер.

— А если нет? — отозвалась Риана.

Мехммер неохотно пожала плечами.

— Если кто-то и правда притворяется Гором, то мне очень любопытно: кто в Агашире осмелился клеветать на Джихарра и *Мокакаддир*? И зачем?

— Это очевидно, — мрачно ответил Отнам. — Чтобы привлечь внимание Макктууба.

— Неужели опять треклятый гэргон? Нет, техномаг гэргон не стал бы переодеваться Гором...

— Конечно, нет, — сказала Риана, — гэргоны — оборотни. Мехммер нахмурилась.

— Что за богохульство вливают в уши капудаану?

Они стали прохаживаться вокруг западной части дворца. Эта часть улицы представляла собой настоящий лабиринт проходов и улочек, заставленных тележками и лотками, торговавшими чем угодно: от сухофруктов до дешевых сандалий, от ожерелий с драгоценными камнями до строгой га'афры.

Как ни странно, в этот час на базаре оказалось полным-полно продавцов, покупателей, воров и менял. Мехммер объяснила, что базар открывается в предзакатный час, дабы ядовитое дыхание дня не испортило тонкий аромат специй. В воздухе сильно пахло пряностями и ба'ду, в мерцающем свете фонарей отражались полосатые стены палаток, стоявших вдоль базара. Толпа находилась в постоянном движении, и по рядам проносились тени, будто невидимая рука чертила сложные руны на выложенных горками пряностях и ветхих тележках. На первый взгляд казалось, что на базаре царит жуткий беспорядок. Однако Риана почувствовала, что здесь кроется нечто куда более опасное, словно за суетой корруши пытались скрыть гнетущее ожидание, какое бывает перед войной.

Все трое шли гуськом, медленно и осторожно, как при прогулке по заросшему колючками саду. Впереди шел Отнам, следом — Риана, и самой последней — Мехммер. Они обходили рынок уже в третий раз, когда Отнам внезапно остановился. Он поднял руку, и его спутницы тут же спрятались за палатками. Впереди Риана увидела группу обнаженных по пояс стражников капудаана, которые внимательно разглядывали толпу. Они, вне всякого сомнения, искали Риану.

— Сюда, — прошептал Отнам, уводя женщин в какой-то проулок. Они повернули за угол, потом еще и еще раз, и вот Риана окончательно потеряла ориентацию.

Наконец они увидели ослепительный свет фонарей у западной стороны дворца. Стараясь держаться в тени, заговорщики перемахнули через стену и увидели служебный вход. Риана вслушивалась в звуки города — детский смех, монотон-

ные звуки молитвы, перебранка на рынке, обычная суета готовящегося к войне племени.

— А что, если он не придет? — прошептала Мехммер.

— Придет, — заверила Риана, целиком полагаясь на слова Теззиг.

Отнам еще раз взглянул на небо.

— Уже за полночь. Наверное, мы его пропустили.

— Нет, — пробормотала Мехммер, — не пропустили.

Они быстро спрятались, увидев, что из-за угла прямо к ним направляется крошечного роста корруш с длинной бородой, в черном одеянии Гора с традиционной белой синшалью.

Почувствовав опасность, Риана напряглась и низко опустила голову, чтобы спрятать лицо. Лже-Гор прошел мимо, и только услышав, как он остановился возле окликнувшей его Мехммер, Риана подняла глаза.

— Гиоснсский район? — Голос лже-Гора звучал довольно раздраженно. — Да вы совершенно в другом конце города.

Однако Мехммер и не думала отступать.

— А как мне...

— У меня нет времени на таких идиотов, как ты, — резко сказал самозванец.

— Прошу прощения, — не унималась Мехммер, — я ведь тоже Гор и впервые в Агашире. Хотела лишь спросить...

— Я опаздываю на встречу с самим капудааном. — Лже-Гор попытался обойти Мехммер, однако та не пускала.

— Вы что, не хотите помочь родственнице?

Риана решила, что пришла пора действовать, и подошла к Мехммер.

— Ты испытываешь мое терпение, женщина!

— Неужели придется напомнить вам слова Джихарра о том, что...

— С дороги!

Лже-Гор собирался толкнуть Мехммер, но отчего-то замешкался. В эту самую секунду Риана ударила его рукоятью кинжала в висок. Закатив глаза, лже-Гор навзничь упал на землю.

— Мерзкое создание! — поморщился Отнам, выступая из тени. — Я едва удержался, чтобы не проткнуть его кинжалом. — Он нагнулся над лже-Гором и потянулся к нему рукой, однако Риана неожиданно оттащила корруша в сторону.

— Пресвятая Миина! — прошептала она.

— Что такое? — озабоченно посмотрела на девушку Мехммер.

— Посмотрите на его левую руку! — зашептала Риана.

— У него шесть пальцев! — воскликнул Отнам.

Мехммер присмотрелась повнимательнее.

— Шестой палец абсолютно черный!

«На левой руке у него будет шестой палец, черный и уродливый», — именно так предупреждал Миннум.

— Отметимина Миины, — сказала Риана. — Это соромиант, изгнанный из рамаханского монастыря за злость и коварство.

— И колдун обучал капудаана, наверняка перекраивая *Моккаддир* на свой лад. — Мехммер вытащила кинжал с тонким лезвием. — Нужно его убить.

Мехммер перерезала соромианту горло. Кровь брызнула фонтаном, но тут же свернулась и почернела. Рана на горле немедленно стала стягиваться, превратившись сначала в ссадину, потом в шрам, и наконец исчезла вовсе.

Мехммер отошла в сторону, а Отнам несколько раз ударил соромианта в сердце. Снова кровь хлынула из раны, тут же запеклась, а рана начала быстро заживать.

— Соромианта защищает какое-то заклинание, — сказала Риана, — держитесь от него подальше.

Отнам не слушал ее. Потянувшись к лицу соромианта, он сорвал бороду, такую же фальшивую, как и одежда. Увидев на внутренней стороне бороды клейкий слой, он стащил с Рианы синшаль и прилепил ей бороду.

— Вот, даже у мерзкого соромианта есть чему поучиться, — проговорил он.

Мехммер посмотрела на них обоих.

— Его нельзя просто оставить здесь, он видел и мое лицо, и Рианино.

Риана знала, что Мехммер права. Если они просто уйдут, то соромиант очнется и бросится за ними.

Не владея магией, она не могла нейтрализовать сохраняющее заклинание, которым защитил себя соромиант. Риана почесала затылок. Что говорил Миннум про соромиантов? «Ты узнаешь его по клейму, которым таких мудро наградила Вели-

кая Богиня, — на левой руке у него будет шестой палец, черный и уродливый, как смерть». Задумавшись над этим, Риана обратила внимание на две фразы: «мудро наградила» и «черный и уродливый, как смерть». Почему Миннум выразился именно так? Он говорил, будто ему запрещено учить. А что, если Миннум пытался навести Риану на мысль, как справиться с соромиантом, если она с ним столкнется?

Риана смотрела на сморщенное смуглое лицо, перекошенное гримасой боли, и на левую руку с шестым, черным, как смерть, пальцем.

«...мудро наградила Великая Богиня...»

Вытащив кинжал, Риана присела на корточки рядом с соромиантом. Она уже замахнулась, но потом, вспомнив заклинание, спрятала кинжал в ножны. Взяв соромианта за левое запястье, Риана посмотрела на черный палец и быстро согнула его назад. Кость сломалась, как сухая ветка, а кожа захрустела, словно горящая бумага. Хлоп! — и из пальца вырвался поток воздуха, запахом напоминавший о трупном разложении. Риану замутило.

Соромиант выгнулся и начал биться в конвульсиях. Будто из глубины тела послышался жуткий вой, от которого у Рианы мурашки поползли по спине. Из каждой поры потекла молочного цвета жидкость, превратившаяся в темный пар, такой горячий, что девушка тут же шагнула назад, прямо в объятия Отнама.

— Во имя Джихарра, что...

Мехммер заворуженно наблюдала за воистину дьявольским процессом разложения. Да и Риана, если честно, была удивлена не меньше сестры Отнама.

Вот тело колдуна в последний раз содрогнулось, вой стих, пар исчез, и на земле остался только скелет. Кости размякли, как глина, и через секунду грязный ручей уже впитался в коррушскую пыль.

Бронни Паллн обдумывал несколько способов, как подбраться к Маретэн Стоггул. По правде, после памятного ужина у Доббро Маннкса баскир только об этом и думал — и днем, и ночью.

Наконец он решился подстеречь сестру регента, когда она будет наиболее уязвима. Через час после того, как Маретэн закрыла мастерскую на улице Предчувствий, Бронни Паллн

на личном звездолете приземлился на полянке у прудов, в нескольких километрах к северо-востоку от Аксис Тэра. Маретэн, сидевшая у воды, подняла глаза, и Броннн Паллн, к своей великой радости, прочитал в них испуг.

— Броннн Паллн! — пролепетала молодая женщина прерывающимся голосом. — Что вы здесь делаете?

— Охочусь. — Он вытащил ионный пистолет из кобуры и нахмурился. — Знаете, на Кундале полно опасных хищников. — Баскир подошел поближе. — Для такой незащищенной тускуггун, как вы, довольно опасно находиться здесь одной.

— Не стоит беспокоиться. Я хожу сюда с детства, и ничего страшного не произошло. — Маретэн попыталась встать, но Броннн Паллн, положив ей на плечо руку, велел сидеть.

— Вам просто везло. — Он помахал пистолетом. — Знаете, здесь видели первиллонов.

— Первиллоны живут в пещерах, — парировала Маретэн.

— Правда? — Паллн поджал губы. — Откуда у тускуггун такие знания? — Он злорадно ухмыльнулся. — Не от Сорррна СаТррэна?

— Я... я не знаю, о чем вы.

Броннн Паллн посмотрел на Маретэн с тем же бесконечным терпением, с каким геноматекки часто смотрели на Терретта.

— Вы ведь художница, не так ли? Лично я искусством не интересуюсь. И зачем женщине заниматься всякой ерундой, вместо того чтобы рожать детей?

— К чему это вы? И что вам угодно?

Паллн чувствовал, что ему все труднее удерживать ее на коленях. Еще немного, и Маретэн вырвется...

— Знаете, я очень занятый в'орнн. А хотите узнать, почему я так занят? Потому что занимаюсь расследованием предательства вашего Сорррна СаТррэна!

— Он не мой... — Маретэн вскрикнула от того, что жирные пальцы Паллна впились ей в плечо.

— Не смейте перебивать меня, Марэтен! Это — первое из того, что вам следует усвоить.

Она не ответила. Но, увидев, как вздымается ее грудь, баскир решил, что женщина страшно испугалась. Удовлетворившись, он решил продолжать.

— Сегодня я в качестве одолжения предупредил вас. Наши семьи связывают многолетние дружеские отношения, а к вашему брату я питаю глубочайшее уважение. Связь с Сорннном СаТррэнном — пожалуйста, не надо ничего отрицать, — трагическая ошибка. Вы подвергаете себя смертельной опасности.

— Что? Что вы имеете в виду?

— Во-первых, Сорннн СаТррэн недостаточно опытен, чтобы занимать пост прим-агента. Не говоря уже о том, что он проводит слишком много времени в коррупционных степях, чтобы успешно выполнять свои обязанности в Аксис Тэре, Сорннн относится к другим баскирам слишком предвзято. А это приводит к разногласиям, а не к примирению Консорциумов.

— Все, что вы говорите, — грязная ядовитая ложь. Вы ненавидите Сорннна за то, что он занял пост, которого домогались вы сами.

— Во-вторых, — безжалостно продолжал Броннн Паллнн, — он предатель, как я уже вам говорил.

Маретэн резко рассмеялась.

— Считаете меня круглой душой?

— Если бы я так считал, то находился бы сейчас в другом месте, а вас бы казнили вместе с вашим любовником. Но я так не считаю. — Паллнн склонил голову. — Теперь послушайте внимательно, Маретэн. У меня есть доказательства, что Сорннн СаТррэн — тот самый баскир, что продает кхаггунское оружие кундалианскому Сопротивлению. — Пальцы Броннна Паллнна стиснули плечо Маретэн так, что она вздрогнула. — Надеюсь, вы понимаете, что должны оставить его, пока об этом романе не узнал ваш брат. Если вы не согласны... Что ж, вы знаете Кургана Стогггула лучше, чем я, и легко можете представить, что он сделает.

— Не желаю это выслушивать!

— Придется. Для вашего же блага.

Глаза Маретэн наполнились слезами, она всхлипнула.

— Вы не понимаете меня.

— Еще как понимаю. Вы любите Сорннна СаТррэнна, а он вас обманывает. Уверен, он собирается использовать вас для прикрытия своих преступных замыслов.

— Он никогда не любил меня, — рыдала Маретэн, — он собирался меня использовать!

— Мне очень жаль, что я был с вами так резок. Только всем известны ваше упрямство и несговорчивость. Поэтому я пошел напролом. — Баскир отпустил ее руку и приподнял за подбородок заплаканное лицо. — Может быть, вы захотите отплатить ему...

— Как?

Броннн Паллнн улыбнулся, отметив про себя, что голос женщины стал покорным. До сих пор никому не удавалось укротить Маретэн Стогггул. Присмотревшись к ней повнимательнее, Паллнн обнаружил то, что скрывалось за ее ужасным характером, — Маретэн оказалась на редкость красивой и сексуальной тускуггун. Баскир решил, что, когда все будет позади, он сам станет ее любовником. Возможно, даже женится и сделает ей ребенка... В общем, вылепит из нее настоящую тускуггун. Чем дольше Паллнн об этом думал, тем больше ему нравилась эта идея. Это поможет укрепить отношения с Консорциумом Стогггулов. Даже Курган станет уважать в'орнна, который укротил строптивую Маретэн.

Броннн Паллнн рывком поднял Маретэн на ноги.

— Знаю, что Сорннн СаТррэн водил вас на склад. Именно там он прячет оружие кхагггунов.

— Так вот чем он там занимается! Я еще удивилась, почему там столько всего кундалианского. — Молодая женщина снова разрыдалась.

«Глупая тускуггун, — подумал Броннн Паллнн, — совершенно не умеет контролировать свои эмоции. Неудивительно, что ее так легко использовать». Баскир притянул Маретэн к себе.

— Вы отведете на тот склад строй-генерала Локкка Визррента. А когда СаТррэна арестуют и обвинят в преступлениях против в'орннов, вы поймете, от какого позора я вас спас.

Маретэн взглянула ему в глаза, полуоткрытые губы трепетали.

— Вы клянетесь, Броннн Паллнн? Иначе я ни за что его не выдам.

Паллнн поцеловал ее сначала в одну щеку, потом в другую.

— Маретэн Стогггул, клянусь всеми святыми охранять и защищать вас!

* * *

— Это же ясно, как уродливый шрам на твоём лице. Мы объявим войну Джени Серии.

— Это было бы слишком просто. Уверен, первыми ударят Расан Сул. Они давно ищут новые земли под посевы своих пряностей.

Два охранника у служебных ворот жарко спорили, когда перед ними появилась Риана. Они ожидали лже-Гора, поэтому пропустили ее без промедления. Девушка натянула синшаль до самых бровей и старалась смотреть вниз, на кончики пыльных туфель. Впрочем, стражники были настолько поглощены спором, что ей вообще не стоило беспокоиться.

Едва оказавшись внутри дворца, Риана быстро и бесшумно понеслась в хаанджхалу, где сказала одному из охранников *саттды*, что капудаан вызывает первую аджан. Когда привели Теззиг, Риана взяла ее под руку и повела вниз по коридору.

Специальными знаками, которые придумал Макктууб, Теззиг постоянно спрашивала, что ей угодно, но Риана молчала, разыскивая свободную комнату. Вот они оказались одни, и Риана на мгновение сняла фальшивую бороду.

— Риана! — удивленно воскликнула Теззиг. — Ты жива?

— Конечно же, жива, — обняла аджан Риана.

— Но я думала... Балииг сказал, что ты прыгнула с террасы и разбилась. Я ему не поверила, но эта история постепенно расплзлась по дворцу. А теперь ты здесь...

— Я ведь обещала. — Риана убрала со лба молодой женщины выбившуюся прядь. — Я вытащу тебя из дворца, только сначала нужно вернуть то, что у меня украли.

— Что же?

— Скажи, когда ты была с Макктуубом, замечала в его поках высокую фигуру в доспехах?

— Гэргона? Да, я его знаю. Макктууб говорит о нем время от времени.

— Знаешь, где комнаты техномага?

Теззиг кивнула.

— Всего одна маленькая комната, полупустая, как у нищего, смежная с покоями капудаана.

— Отведи меня туда.

— Нет, не могу! — Миловидное лицо Теззиг исказилось от страха. — Пожалуйста, попроси о чем-нибудь другом.

Риана сжала руку Теззиг.

— Вернуть то, что украл гэргон, для меня крайне важно.

— Я видела, как он стреляет каким-то холодным огнем. — Теззиг вздрогнула. Но потом кивнула и, взяв Риану за руку, повела по длинным пересекающимся коридорам.

Завидев охрану, женщины перестраивались, чтобы все выглядело так, будто первую аджан ведет духовный наставник капудаана. Таким образом они прошли от хаанджхалы до покоев Мактууба.

— Вот его комната, — пожившись, объявила Теззиг, когда они остановились у парусиновой двери. — Давай сначала войду я и посмотрю — там ли чудовище.

Риана с тревогой глядела, как Теззиг, бесшумно скользнув по коридору, входит в комнату гэргона. Тишина, и вот аджан высунула голову и кивнула в знак того, что помещение пусто.

В комнате сильно пахло гвоздичным маслом и мускусом. По своему убранству она не походила на остальные комнаты дворца и скорее всего на любые другие комнаты Агашира. Риана не увидела ни ковра, ни подушек, ни ажурных бронзовых столиков, ни других украшений. В комнате не было ничего, кроме овального металлического контейнера примерно трех метров длиной. На крышке оказались выгравированы какие-то слова на в'орнновском языке.

Риана и Теззиг молча смотрели на контейнер.

— Что здесь написано? — прошептала Теззит.

— К'эонно, — тихо ответила Риана, — это гэргоновская философия Закона и Хаоса.

— Не понимаю, — наморщила лоб аджан.

— Первое правило К'эонно гласит, что Покой и Гармония тождественно равны. Некоторые считают, что гэргоны стремятся найти ключ к бессмертию, которое должно заключаться в абсолютном спокойствии духа и полной гармонии.

— Но ведь Джихарр учит, что всему на свете есть свое время, место и цель. Без первого и второго невозможно и тре-

тье. — Теззиг вздрогнула. — Для меня нет ничего ужаснее, чем жизнь без цели.

— Согласна, — проговорила Риана, — в этом — наше главное отличие от гэргонов.

— Так что это за вещь?

— Точно не знаю, — ответила Риана, рассматривая огромный предмет. — Возможно, гэргон здесь спит.

Риана коснулась толстой выпуклой крышки. Она была гладкой, как кристалл, и такой блестящей, что девушка увидела пугающее отражение лже-Гора, в которого она переоделась. Риана потрогала золотой гвоздик с изображением фулкаана, а затем нашла замок и нажала на задвижку. Тихонько скрипнув, крышка поднялась, и беглянки увидели, что внутри ничего нет, кроме нейронной схемы. Риана и Теззиг глядели на связки кабеля и гибкие спайки, разложенные так, чтобы гэргон мог без лишних хлопот подключить свободные концы к биокостюму.

Присмотревшись, Риана разглядела среди проводов небольшой черный предмет. Пальто Нита Сахора!

Едва она за ним потянулась, как Теззиг схватила ее за рукав.

— Кто-то идет! — прошептала аджан.

Риана быстро залезла в контейнер, втащила за собой перепуганную Теззиг и захлопнула крышку. Почти в ту же секунду рядом раздались голоса. И как только крышка захлопнулась, нейронная сеть ожила, приготовившись принять Нита Сэттта. Места внутри было слишком много, контейнер оказался в два раза глубже, чем сначала показалось женщинам.

Прислушавшись к голосам, Риана узнала Макктууба. Нейронная сеть источала неяркий свет, и по губам Теззиг Риана прочла имя второго из говоривших. Это был Савакак, министр, который впервые привел ее во дворец вместе с Отнамом и Мехмер.

— ...должно было начаться двадцать минут назад, — сказал Макктууб.

Риана прижалась ухом к крышке, чтобы лучше слышать.

— Гор вовремя прошел через служебные ворота, я допросил стражников, — ответил Савакак, — а потом исчез.

— Исчез *внутри* дворца? — мрачно переспросил капудан. — Еще один странный инцидент. Будто мало того, что уже случилось!

— Обстановка, мягко говоря, беспокойная, — признал Савакак. — Предлагаю удвоить число охранников дворца.

— Ага, только именно на это и рассчитывают Джени Серии. Нет, лучше прикажи удвоить патрули на границе с Джени Серии. Если они решили, что происшествия в Агашире собьют нас с толку, то сильно ошибаются.

— А как же гэргон? — спросил Савакак. — Он ведь велел сообщать обо всех изменениях в стратегических планах.

— Слушай, министр, ты же сам видишь, что его нет. Мы пришли с явным намерением, чтобы рассказать ему о наших планах, но, к сожалению, не застали. — Голос Мактууба стал тише — вождь шагнул в коридор. — Отыщи Гора, Савакак. Делай что хочешь, но его необходимо найти.

— Да, капудан.

Звук удаляющихся шагов, а потом — тишина. Риана затаила дыхание. Она сидела рядом с Теззиг, чувствуя ее тепло и видя в блестящих глазах свое отражение. Рот аджан был полуоткрыт, будто она хотела что-то сказать.

— Секунду, — прошептала Риана и, подняв руки, попыталась сдвинуть с места крышку. Крышка и не думала двигаться, и Риана испугалась, что ее заело. Лоб покрылся бисеринками пота. Правда, оказалось, что просто выталкивать крышку из положения сидя тяжелее, чем поднимать ее стоя. Сильный рывок, и крышка начала подниматься. Риана встала и посмотрела на подругу.

Глаза Теззиг были полуоткрыты, зрачки расширились. Приложив ухо к ее груди, Риана почувствовала, что дыхание аджан стало неровным, отрывистым.

— Нет, Н'Лууура, нет!

Провода внутри контейнера ожили и вонзились в локти Теззиг, ягодицы и пупок.

Конара Инггрес зажгла поминальную свечу и тут же ощутила знакомые запахи гвоздичного масла и апельсиновой сладости. Словно замороженная она посмотрела на обугливший-

ся фитиль, сплетенный трудолюбивыми руками лейны, а затем на саму свечу — короткую, в крапинках, полупрозрачную, словно кожа зрелой женщины. Конара Ингрес вспомнила, как сама, будучи простой послушницей, делала точно такие же свечи. Каким уютным, спокойным и понятным казался ей мир в то время. Рядом со свечой на исцарапанном деревянном столе стояло плоское оловянное блюдо с остатками бутербродов из ржаного хлеба с мягким коровым маслом. Уютная обстановка действовала успокаивающе. Именно за этим Ингрес и пришла в трапезную в полночь. Девочкой она часто пробиралась сюда, чтобы лишний раз перекусить. Однако сегодня ей было не до еды — все вокруг казалось слишком страшным и тревожным. Тесный мирок, где конара прожила всю жизнь, изменили до неузнаваемости. И страшнее всего было то, что она не понимала — кто это сделал и с какой целью.

— Знала, что найду тебя здесь.

Конара Ингрес вздрогнула, хотя голос был ей отлично знаком. В трапезную, широко улыбаясь, входила конара Лиистра.

— Теперь, когда мудрая Матерь освободила нас от ночных дежурств, я вижу тебя все реже и реже.

— Виной всему повседневные дела, — безразлично ответила конара Ингрес. Пока подруга усаживалась за противоположный конец стола, она изо всех сил изображала спокойствие. Молчать не было сил, и страх, который Ингрес сдерживала слишком долго, вырвался на свободу. — Столько странного произошло за последнее время.

— Ты имеешь в виду внезапную смерть конары Урдмы?

— И это тоже.

Конара Лиистра продолжала широко улыбаться.

— У нее было кровоизлияние в мозг. Оказывается, она болела довольно давно, просто никто об этом не подозревал.

— Дело не только в ее смерти, — осторожно продолжала конара Ингрес.

— Значит, ты имеешь в виду конару Бартту? Мы ведь сразу поняли, что в той келье что-то случилось. Увидев курок от хад-атты, ты сразу сказала...

— Я прекрасно помню, что тогда сказала! — рывкнула конара Инггрес.

Конара Лиистра наклонила голову.

— Чтобы вытащить конару Бартту из волшебной паутины, Матери пришлось немало потрудиться. А ты знала с самого начала... Инстинкт тебя не подвел.

Конара Инггрес нервно обхватила себя руками. Ее страшно пугало то, что конара Лиистра постоянно улыбается, а взгляд у нее при этом потухший и неживой. Лиистра непрерывно улыбалась с той самой ночи, как вернулась Джийан. Что же случилось в кабинете конары Урдмы, когда конара Лиистра пошла поприветствовать гостью? Лиистра не пожелала об этом рассказать, а спрашивать самой конаре Инггрес с каждым днем было все страшнее и страшнее.

— Ты, кажется, не особенно рада, что она вернулась, — сказала конара Лиистра, вытаскивая подругу из плена собственных мыслей.

— Я не очень хорошо знаю Джийан, — отозвалась конара Инггрес.

— Я имела в виду конару Бартту.

Застывшая улыбка сводила с ума. «Чему она так радуется?» — недоумевала конара Инггрес.

— Понимаю, что ты думаешь о конаре Бартте. Но уверяю тебя, теперь, когда с нами Матерь, все будет в порядке.

«В этой улыбке определенно есть что-то зловещее», — решила конара Инггрес. Однако куда больше ее пугало совсем другое. Подруга сказала: «Я понимаю, что ты думаешь о конаре Бартте», будто сама считала по-другому. Из-за таких эпизодов конара Инггрес и старалась избегать Лиистру. А если это было невозможно, как, например, сейчас, то Инггрес старалась вести себя очень осторожно.

— Наверное, со временем я тоже буду так думать, — солгала конара Инггрес.

Конара Лиистра взяла со стола бутерброд и быстро засунула в рот. Конаре Инггрес казалось, что подруга не перестает улыбаться даже во время еды.

— Замечательно! — обрадовалась Лиистра. — Мы все на тебя рассчитываем.

17

ХИМЕРА

Стоял поздний вечер в конце осени, когда последний зеленый лист превращается в мульчу под ледяным дыханием наступающей зимы. Фонари на корабле Куриона качались в такт движению судна по беспокойному морю. На корабле было четыре фонаря, украшенных затейливыми рунами, — по одному на изогнутом носу и узкой корме и еще два у правого и левого бортов.

Курион обладал яркой незабываемой внешностью. Как и большинство саракконов, капитан был высоким, стройным и в меру мускулистым, с кожей цвета спелого граната. Черты холеного лица казались идеально правильными — высокие скулы, умные темные глаза, изящной формы губы, благодаря которым он всегда выглядел немного удивленным. Гладко выбритый череп украшен затейливым узором из рун. Такой же, что и на мускулистых предплечьях, выпирающих из-под жилета из шагреновой кожи. Черная окладистая борода Куриона была украшена подвесками из резного лазурита и нефрита, а пальцы унизаны массивными кольцами с сапфиром, рубином и рысьим глазом. Волны беспощадно хлестали корабль, и концы широкого, украшенного узлами пояса капитана находились в постоянном движении. Такие пояса плели из морского винограда, и у каждого сараккона из тех, что встречал Курган, было определенное количество узлов разного вида. Узлы имели некое значение. Правда, какое, ни один из в'орннов не знал.

— Мы не встречались с тех самых пор, как тебя назначили регентом, — заметил Курион, — даже на каллистоте.

Курган рассмеялся, наблюдая, как разматывается леса спиннинга из морской ивы, которую моряк сам вымачивал в специальной смеси ртути и морской соли, чтобы увеличить ее прочность, сохранив упругость.

— С тех пор, как ты стал регентом, на каллистоте царит ужасная скука. Против кого же мне теперь ставить?

— Знаю я тебя... Спишь и видишь, как бы заманить меня обратно на ринг.

— Ты здорово сражался и прослыл настоящим героем.

Однажды Курган имел неосторожность заключить с капитаном пари, которое тут же проиграл. Денег, чтобы расплатиться, у будущего регента не было, и Курион заставил его драться на калллистоте, неожиданно оказав ему честь, которой не удостоивался ни один из в'орннов, за исключением, пожалуй, лишь Нита Сахора.

— Теперь я регент Кундалы, и у меня найдутся занятия поважнее, чем драться на калллистоте.

— Очень жаль.

— Однако я продолжаю тренироваться. — Курган чувствовал, что говорить ему необходимо, иначе все три желудка вывернутся прямо на глазах у Куриона. Тело в'орннов мало приспособлено к морской качке.

— Отлично! — похвалил Курион. — В здоровом теле — здоровый дух.

Естественно, Курган мог бы встретиться с Курионом в любом другом месте, но правитель решил поехать на рыбалку, чтобы еще раз убедиться в собственной силе. Вообще-то желание не походить на других у регента было врожденным, а Нит Батокссс в своих корыстных целях развил в нем это качество и сделал одним из основных в характере.

— Приходится следить за всей планетой. Я, как ни странно, порой нахожу это довольно утомительным.

— Понятно. Да ведь все в конце концов сводится к винтикам и колесам. Любая механика скучна и однообразна. Даже механика управления планетой.

— Вообще-то ты прав, — признал Курган. — Больше всего мне по душе тесное общение с Товариществом гэргонов.

— Насколько я знаю в'орннов, так считали все регенты без исключения. — Курион несколько раз с силой взмахнул спиннингом.

Чтобы не вылететь за борт, Курган пошире расставил ноги.

— Особенно интересно с Нитом Батоксссом. Помнишь его? Мы встретились на этом самом корабле.

— Гэргона трудно забыть. — Курион с силой сматывал лесу, спиннинг согнулся чуть ли не вдвое. — Любого из них.

Курган старался, чтобы его голос звучал беззаботно и весело.

— Не поверишь, он интересуется кундалианской мифологией. Семью Порталами в страну сокровищ, например. Так он по крайней мере утверждает.

— Ого! Ничего себе! — закричал Курион. — Сокровища интересуют даже гэргонов!

— Не уверен, что он сказал мне всю правду. Ты что-нибудь слышал про эти Порталы?

Курион покачал головой.

— К сожалению, нет. — Он пожал плечами. — Все мои порталы здесь, на корабле.

— Кстати, давно хотел спросить, что Нит Батокссс делал у тебя на судне?

— Помоги! — отрывисто приказал Курион, изо всех сил вцепившись в спиннинг и сматывая лесу. — Кажется, мы поймали настоящую химеру!

Внезапно будто в подтверждение слов капитана всего в трех метрах от кормы вода закипела. Кровь Кургана застыла в жилах — из воды выпрыгнуло что-то огромное и жуткое.

Регент успел лишь мельком разглядеть темный блестящий силуэт, почти полностью состоящий из головы. Чудище скрылось под шапками пены, а Курион из последних сил сматывал лесу.

— Пресвятая Яхэ, она черная! — закричал моряк.

Весь экипаж, даже те, кто возился в трюме, высыпали на палубу, оглушая Кургана криками. Выяснилось, что химера была не только колоссальных размеров, но и совершенно черная! На палубе царило веселое возбуждение, но в ту же секунду химера подпрыгнула над водой, позволив всем, включая Кургана, как следует себя рассмотреть. Она была огромной, почти с корабль длиной, с длинным конусообразным хвостом и острыми, как нож, хвостовыми плавниками. На спине чудовища находились три хрящевых плавника, делавших его похожим на динозавра. В мерцающем свете фонарей черное тело казалось каким-то сверхъестественным и невероятно огромным. Однако страшнее всего была пасть, занимавшая, как показалось Кургану, добрую треть мускулистого тела. Выпрыгнув из воды, химера изогнулась так, что Куриона с силой ударило о борт. Монстр смерил капитана полным ледяной злобы

взглядом. Обдав Куриона, Кургана и остальных, собравшихся на палубе, пеной, чудовище снова скрылось под водой.

Все как по команде бросились к борту и вцепились в ограждения. След, тянувшийся по воде за пытавшимся освободиться от гарпуна чудовищем, фосфоресцировал. Курион продолжал сматывать лесу. Вот химера опять подскочила над водой, и леса вновь размоталась почти до конца. Более двух часов химера пыталась избавиться от крючка, проявляя дьявольскую изобретательность. Так, она заплывала под корабль и пыталась перетереть лесу о киль.

— Ее действия говорят о присутствии воли, — сказал Курган. Он очень утомился, хотя мог только догадываться, как устал Курион.

— Ты не знаешь, что за характер у этой рыбы! — прорычал Курион, судорожно вцепившись в спиннинг. — Пресвятая Яхэ, она опять за свое!

— Почему ты не велишь кому-нибудь из экипажа сменить тебя на время?

Курион покачал головой.

— Тогда рыбалка потеряет всякий смысл. Это противоборство касается только химеры и меня, от начала и до самого конца, когда я проткну ее багром.

Оглядывая бугристые мускулы Куриона, Курган невольно восхищался смелостью и силой духа саракконского капитана. Такому упорству позавидовал бы любой хягггун.

Лишь после полуночи Куриону удалось окончательно взять верх над химерой. В последний раз она нерешительно дернула лесу в сторону и всплыла животом кверху. Курион тут же начал сматывать лесу, подтягивая рыбу к кораблю. Его мускулы пульсировали от напряжения и усталости. И уже больше часа рядом с Курионом стоял матрос, сжимая в распухшем кулаке длинный шест с бронзовым наконечником.

— Ближе, — тихо сказал Курион, — еще ближе. — Он держал спиннинг почти вертикально над головой, чтобы подтянуть химеру к самому борту.

Увидев чудовище совсем близко, Курган завороченно смотрел на огромную пасть, щетинившуюся тремя рядами треугольных зубов, которыми поверженная химера время от времени щелкала, пытаясь перекусить лесу.

— Все, — заявил Курион, — она у самого борта, передаю спиннинг тебе. Держи его под углом, который я укажу, а другой рукой тяни лесу, чтобы не провисала. — Курион взглянул на Кургана. — Это очень важно, ведь именно леса держит ее на месте. — Он устало усмехнулся. — Не беспокойся, тебе нужно лишь поддержать спиннинг, пока я не проткну ее багром.

Несколько секунд чудовище врезалось в корпус корабля, сотрясая его до самого киля. Химера оказалась такой громадной, что Курган не мог разглядеть ее тело полностью. Подсознательно ему хотелось уменьшить монстра раза в два.

— Держи вот так, — велел Курион, передавая регенту спиннинг, — да, вот так. — Капитан немного поправил руку Кургана. — Обопрись на перила и, ради Яхэ, не спускай руку с катушки, иначе мы ее упустим!

Курган кивнул, и Курион отвел руку. Чудовище вздрагивало, а правителю казалось, что сотрясается морское дно, а толчки передаются по туго натянутой лесу. Вздвогнув в последний раз, химера неподвижно застыла. Взглянув в ее красный затуманенный глаз, уставившийся в ночное небо, Курган подумал, что рыба погибла. Бурное море нещадно хлестало и химеру, и корабль, а чудище ни разу не моргнуло.

Курион взял огромный багор и, перегнувшись через борт, метнул его в химеру. Ловким уверенным движением моряк воткнул багор в пасть чудовищу, чтобы было удобнее им манипулировать. Тем временем члены экипажа лебедкой опускали на брашпиль тяжелый ворот, на котором собирались поднять химеру из воды. Куриону оставалось лишь насадить монстра на массивный крюк, вплавленный в ворот, который опускался к пенящимся волнам.

Курган отнесся к поручению со всей ответственностью. Понимая, что не обладает достаточным опытом, он полностью доверился саракконскому капитану, справедливо полагая, что с каждым выполненным поручением приобретает знания, которые, кроме него, не будет иметь ни один в'орнн. Именно поэтому регент старался держать спиннинг под указанным углом и туго натягивать лесу. Правая рука побелела от напряжения. Курган немного дрожал, но не от страха, а от возбуждения и радости, которую ему доставляла эта необычная охота.

Глаза сузились от едкого соленого ветра, ноздри трепетали от запаха крови химеры, которая текла из уголка рта, куда вонзился зазубренный крючок, а острый багор Куриона делал рану все глубже и глубже.

Когда до ворота оставалось несколько метров, Курион поднял голову химеры над водой. Для этого ему пришлось перегнуться через борт, сложившись почти пополам. Из-за большого веса поднимать химеру оказалось не так просто. Налегая на багор изо всех сил, Курион поднял голову чудовища еще на несколько сантиметров.

В тот самый момент случилось что-то странное. Курган, внимательно следивший за чудищем, увидел это сразу, но одной Н'Луууре известно, заметил ли это кто-нибудь еще.

Большой красный глаз, полузакрытый и затуманенный, внезапно прояснился и моргнул. Мозг Кургана еще не успел оценить произошедшее, а тело, ведомое инстинктом самосохранения, уже начало действовать.

Проявив недюжинную хитрость и силу, химера выпрыгнула из кипящей воды. Бешено вращаясь, она рванула прочь от корабля, увлекая за собой и багор, и Куриона. Капитан оторвался от палубы и ударился коленями о борт. Снова оказавшись в море, химера тут же рванула на глубину, перетаскивая Куриона через борт.

Хотя дьявольски хитрый маневр чудовища занял доли секунды, Курган видел его как в замедленном кино. Большой красный глаз обжег регента беспощадной злобой. На кого же смотрела химера? Даже потом, в гнетущей тишине, правитель не мог найти ответа на этот вопрос. Кургану не давали покоя злобный ум и изворотливость, которые читались во взгляде чудовища. А ведь он считал химеру безмозглой тварью! Курган действовал бездумно — выпустив спиннинг, он схватил Куриона за пояс и затащил обратно на палубу вместе с окровавленным багром, выпавшим из жуткой пасти химеры.

Стиснув зубы, Риана попыталась оторвать гэргоновские провода от тела Теззиг, но мощная ударная волна тут же швырнула девушку на контейнер. Риана поднялась, потирая ушибленные места. Теззиг посмотрела на нее тусклым неживым взглядом, попыталась что-то сказать, но не смогла.

— Не бойся, — проговорила Риана, — я что-нибудь придумаю.

Она взглянула на показания приборов, расположенных рядом с нейронной сетью. Как нельзя кстати пришлось знание в'орниновского языка, унаследованное от Аннона. Риана заставила себя читать внимательно и медленно, подавляя чувство тревоги, вынуждавшее бежать прочь, пока кто-нибудь не появился.

Расшифровав гэргоновские символы, Риана поняла, что каждый провод играет определенную роль. К тому же каждый из них имел отдельный источник питания, так что даже в экстремальной ситуации они бы продолжали функционировать. Провод, тянувшийся к пупку Теззиг, поставлял питательные вещества, те, что подсоединились к изгибам локтей, снабжали организм сложными электролитами, предохраняя нервную систему от истощения. По подходившим к коленям проводам передавался мощный химический коктейль, стимулировавший активность мозга на дельта-уровне, другими словами — глубокий сон. Возле каждого источника питания имелся датчик, регулировавший подачу веществ. Риана заметила, что оптимальной дозой для гэргонов была одна пятая часть от максимально допустимого количества.

Риана быстро поняла, что единственный способ безболезненно отсоединить провода от Теззиг — это обесточить их. В противном случае при попытке отсоединения проводов срабатывала система безопасности, а с ее работой Риана познакомилась на собственном опыте.

Услышав, что Теззиг тихонько всхлипнула, Риана тут же оставила чтение.

— Тебе больно?

Глаза Теззиг бешено вращались, зрачки то расширялись, то снова сужались. Риана забеспокоилась, как бы гэргоновские реагенты не нанесли вреда организму аджан. Кажется, Теззиг спала с открытыми глазами. Что за сны ей снились? Сны гэргонов?

Риана поцеловала влажный лоб молодой женщины.

— Еще чуть-чуть, — шептала она, — и мы с тобой отсюда выберемся.

Вернувшись к источникам питания, девушка увидела, что они похожи на гелевые кнопки, в которых пульсирует свет. Риана попробовала нажать на одну из кнопок, но ее тут же больно ударило током. Рука онемела, и, чтобы вернуть чувствительность, пришлось ее потрясти. Риана попыталась снова. На этот раз током ударило сильнее, и рука не только онемела, но и распухла. Риана уставилась на кнопки, не зная, на что решиться. Ток поступал в кнопки каждые десять секунд. Риана попробовала касаться кнопок в промежутках между импульсами и ничего не почувствовала. Тогда она стала считать вполголоса. За несколько секунд до появления импульса Риана поднимала пальцы. Таким образом она сумела нейтрализовать первую кнопку. Затем, повернувшись к Теззиг, Риана легко отделила провода от локтей. Они не оставляли следов, лишь небольшое покраснение на коже.

Теззиг тихонько застонала, и, прежде чем вернуться к работе, Риана нежно погладила ее по щеке. Без особых проблем она отключила вторую кнопку и убрала провода с коленей Теззиг.

«Остается еще один», — подумала Риана.

Едва взглянув на третью кнопку, она поняла, что с ней все совсем иначе. Фотонные импульсы проходили каждые пять секунд — слишком часто для того, чтобы успеть. Двадцать секунд подряд Риана старалась не обращать внимания на боль. Но потом терпеть стало невозможно. Она отдернула онемевшие руки и сунула их под мышки, чтобы боль скорее утихла. Пока руки отходили, Риана бездумно наблюдала за вспышками света. Когда же пошел очередной импульс, девушка внезапно ударила в центр гелевой кнопки гороновым жезлом. Незнакомый сплав нарушил целостность источника питания и, приняв на себя фотонный заряд, вобрал всю энергию.

Позади Теззиг легко вздохнула, а когда Риана отделила провод от пупка, закричала, будто ей было очень больно. Пальцы аджан сжали Рианины плечи, а длинные ногти вонзились в кожу.

Разозлившись, Риана ударила жезлом по нейронной цепи, из разрубленной кнопки хлынул поток гиперактивных ионов, но небольшой цилиндр тут же поглотил их, полностью обес-

точив контейнер. Риана почувствовала огромное удовлетворение, досадив Ниту Сэтгту.

Она аккуратно подняла Теззиг над контейнером. Молодая женщина застонала, и ее глаза под полуопущенными ресницами закатились. Пытаясь успокоиться, Риана развернула пальто Нита Сахора. Миннум велел ей использовать волшебство в землях коррушей только под наблюдением Перрнотт, опасаясь, что в ином случае девушка может привлечь соромиантов. Риана не знала, распространяется ли запрет на искусство техномагов, но выбора не существовало — нужно было как-то выбираться из дворца.

Накинув пальто на плечи, Риана свободной рукой приподняла его полы, укрывая себя и Теззиг. Ей стало уютно; темнота, уходящая в бесконечность, приносила покой. Прижав к себе Теззиг, Риана подумала об Отнаме и Мехммер. Нейронная сеть пальто тут же сработала, унося беглянок прочь.

Ранним утром, когда попутный ветер гнал корабль в порт Аксис Тэра, Курган и Курион уютно устроились в капитанской каюте. Все предметы каюты были украшены рунами — они были вырезаны на дереве и стекле, выгравированы на металле. На стене у кровати висела забальзамированная летучая рыба, ее прекрасные крылья-плавники были жесткими, как камень.

Курион открыл бутылку саракконского бренди — густого горьковатого напитка, который Курган раньше не пробовал. Однако, сделав глоток, регент понял, что никогда не пил ничего лучше. Некоторое время друзья пили молча. Удивительно, но эта тишина не была им в тягость. Постепенно они разговорились, обсудив все, кроме схватки со смертью, которую еда не проиграл Курион.

Курган вдыхал запах ароматных саракконских пряностей, которыми пропахли масла, притирания, ткани, кожа и густой оранжевый воск, из которого моряки лепили свои непонятные руны. Он чувствовал, как покачивается пол под ногами, и попытался приспособиться к этому ритму, отдавшись ему полностью. В'орнны не любили океан, как, впрочем, и пустыню, предпочитая держаться от них подальше. К тому же там не было ископаемых, которые можно было бы использовать. А

вот Курган, как ни странно, чувствовал что-то необыкновенное, когда пытался приспособиться к качке и, подражая сараккону, двигался в ритм с движением волн. Он казался себе сильным и гордился тем, что смог обуздать стихию, которая до этого не покорилась ни одному в'орну.

— Ты держался молодцом, — наконец проговорил Курион, — и спас нас от моря.

— Смешно, правда? — Курган глотнул бренди и держал его во рту до тех пор, пока не обжег десны и язык.

— О химерах сложено множество легенд, все саракконские капитаны почитают их и боятся, — рассказывал Курион. — Мало кто решился охотиться на них, а поймать на крючок не удалось почти никому. Что касается черных химер, то ни один капитан не привез в порт тушу ни одной из них. Говорят, те, кто ловит химер, навлекают на себя несчастье. А черных химер — особенно. Ведь они очень редки и, как гласит легенда, обладают умом.

Кургану вспомнился красный глаз, разглядывавший его с дьявольской злобой.

— Ты говоришь о черных химерах так, будто встречался с ними и раньше.

— Большинство саракконов вообще не видели черных химер, а я сталкиваюсь с такими рыбами уже во второй раз. Впервые это случилось, когда я служил на корабле, который плыл в Селиокко на южном континенте.

— Тогда ты еще не был капитаном?

— Верно. Да и после я еще долго оставался простым матросом. — Курион уставился в бокал с бренди, будто пытаясь найти в нем ответ на то, что давно его мучило. — Нанимаясь на судно, я не особо прислушивался к тому, что рассказывали о капитане. И напрасно! Он оказался настоящим маньяком и не доверял никому, даже своему первому помощнику. Целых две недели мы искали огромную черную химеру, похожую на ту, что встретили сегодня. Когда мы напали на ее след, капитану захотелось ее помучить, а потом убить. К полуночи море потемнело от крови химеры, а капитан лишь смеялся над ее мучениями. В самый последний момент химера врезалась в корабль и пробила корпус ниже ватерлинии. Корабль вместе

со всем экипажем затонул в течение нескольких минут. Спаслись только мы.

— Как же тебе удалось?..

Курион пожал плечами.

— Нам просто повезло.

— Кому вам? Тебе и черной химере?

— Мы соединились воедино. Многие так и думают... — Курион допил бренди одним глотком.

— А ты сам?

— Это похоже на сказку.

Оба замолчали. Курган пристально всматривался в Куриона. Он вспомнил, как однажды, призвав к себе, Нит Батокссс пытался показать ему воплощение страха на корабле Куриона. А может, тогда регент и не тонул? «Ты боишься чего-то другого, — сказал Нит Батокссс, — и занятно, что до сих пор не можешь понять, чего именно».

Может, гэргон имел в виду черную химеру? Но в то время Курган еще не знал о ее существовании. Хотя Нит Батокссс дал понять, что ужасающий образ создан воображением самого Кургана...

— Ты так и не ответил, что Нит Батокссс делал на твоём корабле.

— Тебе лучше спросить у него самого.

Курган усмехнулся.

— Тебе хоть раз удалось расспросить гэргона?

Закинув голову, Курион захохотал так, что каюта затряслась. Наклонившись к капитану, Курган заговорил тихо, но отчетливо:

— Я и так знаю.

Курион тут же перестал смеяться.

— Что же ты знаешь, регент?

Курган присел рядом с капитаном, от запаха саракконских специй голова тут же закружилась, а ноздри задрожали.

— Давай о деле. Где я могу достать саламууун?

— Тебе не хуже моего известно где — в любом из кашигенов.

— Это-то да. Только цены там кусаются, да еще и накрутка, которую ввели Ашеры. Для хороших друзей должен быть иной способ.

Курион пожал плечами.

— А при чем тут саракконы?

— Вот именно! — ударил себя по боку Курган. — Что могут знать саракконы, если ни один в'орнн, кроме Ашеро́в, не имеет о добыче саламуууна ни малейшего представления?

Капитан напряженно молчал.

— Саламууун очень интересует Нита Батокссса. Не пытайся отрицать. Мне это отлично известно. — Конечно же, это было известно Кургану, ведь он использовал нейронную память Рады.

Курион отвел взгляд.

— Я не имею права об этом рассказывать.

— Если Нит Батокссс собирается побороться с Ашерами за право контролировать торговлю саламуууном, то я с удовольствием ему помогу. — Курган налил себе еще бренди. — Но хочу тебя предупредить, на твоём месте я бы не стал ввязываться в интриги гэргона. Это может плохо кончиться.

— Почему? — сдавленным голосом спросил Курион.

— Скажу по секрету, иногда мне кажется, что он сумасшедший.

Курион рассмеялся.

— У Батокссса налицо все признаки раздвоения личности. Ты мне не веришь? Иногда его голос изменяется столь резко, будто принадлежит кому-то другому. Меняется даже осанка — одно плечо поднимается выше другого. Неужели ты не замечал?

Саракконский капитан осушил бокал.

— Я заметил эти быстрые перемены и признаюсь, что очень им порази́лся.

— С каждым днем он ведет себя все более странно. — Курган поставил бокал на стол. — Несколько дней назад я услышал, как гэргон разговаривал с зеркалом на незнакомом мне языке. Это было бы само по себе удивительно. Однако потом я разглядел то, что отражалось в зеркале...

Свежий ветер закачал корабль и, наполнив паруса, погнал его в Гавань.

— У кого пять лиц, два из которых звериные? — спросил Курган.

— Ты был пьян, регент, — покачал головой Курион.

— Я точно знаю, что видел, — пять жутких лиц, словно борющихся друг с другом за главенствующее положение на голове.

— Мы слышали, что гэргоны умеют принимать разные облики.

Курган покачал головой.

— Нет, здесь совсем другое. — Регент почесал гладкий череп. — С этим гэргоном что-то происходит, что-то очень опасное.

Курион пожал плечами.

— Как же ты не понимаешь, гэргонам доставляет удовольствие давать слово для того, чтобы потом его нарушить. Они манипулируют нами, как марионетками.

— А разве не все в'орнны ведут себя так по отношению к другим расам? — Раздался сигнал смены вахтенных, и Курион поднялся. — Пора идти наверх.

Они взошли по трапу, в спину дул свежий ветер, покрывший ночное небо тучами. Звезды скрылись, и стало совсем темно. Впереди лежал сонный Аксис Тэр, и его огни сплелись в яркую паутину. Курион взобрался на нос, Курган — следом. Капитан схватил сплетенный из водорослей трос и ловко привязал его к толстому концу бушприта. Прямо над ними развевался, потрескивая, огромный парус.

Курион отдал несколько команд, и экипаж, высыпав на палубу, принялся убирать паруса, готовясь к прибытию в порт.

— Гэргоны очень опасны, — настойчиво начал Курган, — даже в нормальном состоянии. А уж на что способен сумасшедший, я даже не берусь представить!

— Мы кое-что упустили, — оборвал его Курион. — Что бы ты ни говорил о гэргонах, ты им принадлежишь!

— Я принадлежу самому себе.

— На этом самом корабле ты дал клятву верности и носишь их окумммон.

— Я его вырежу, когда придет время.

— Как самоуверенна молодость! — В голосе Куриона не было насмешки.

Ты боишься чего-то другого...

Чего же он мог бояться?

— Я вполне серьезно! — заявил Курган.

Несколько дней назад, когда он был на вилле Старого В'орнна, кое-что случилось.

Что именно, регент не знал. Такое ощущение, будто в голове просверлили дырочку и выкачали все воспоминания о том вечере. Поэтому, как Курган ни пытался вспомнить, что именно произошло, ничего не получалось. Это страшно его беспокоило, а ненависть к Ниту Батоксссу достигла апогея. Правителю претила мысль, что гэргон мог как-то его использовать.

Курион откашлялся.

— Доверие — вещь весьма хрупкая, не так ли, регент?

— Все верно, — признал Курган, — в'орнны очень дорожат доверием.

— Мы бы отдали все что угодно, чтобы освободиться от гэргона.

— Расскажешь, почему он расспрашивал тебя о саламуууне?

Поглощенные беседой, они стояли неподвижно, а вокруг кипела работа. В сторону капитана и регента никто даже не взглянул. Саракконские матросы были дисциплинированнее любого кхаггунского полка.

— Неужели придется тебе довериться? — спросил Курион и, взглянув на Кургана, продолжил: — Гэргонам неизвестен химический состав саламуууна, верно?

— Да, какой-то элемент разлагает вещество в тот момент, когда его подвергают химическому анализу.

— Нам удалось получить экстракт, который обладает психотропным действием, подобным саламуууну. — Моряк полез во внутренний карман кожаной жилетки и вытащил что-то бело-желтое, похожее на цветок с неровными лепестками. — Это — окейя, — он положил «цветок» на ладонь Кургана, — гриб, который растет в кальдерах Оппамонифлекса, самого большого вулкана южного Аррикса. Нит Батокссс недавно о нем услышал. Это произошло, когда он в другой ипостаси посещал «Кровавый прилив».

Курган знал, что это была за ипостась — Старый В'орнн, — но не стал рассказывать об этом Куриону, а просто отдал ему грибок.

— Окейю три недели сушат высоко в горах, потом замачивают в смеси масла и трав, затем снова сушат, промывают в

морской воде и сжигают. Полученный зеленый порошок обладает психотропным действием.

— Значит, окейя может заменить саламуун? — Курган уже лихорадочно обдумывал, как с помощью окейи разорить Консорциум Ашероу.

— Не совсем. У окейи есть несколько побочных эффектов. Например, ею можно отравиться. Однако гэргон пообещал, что скоро он их устранил.

— Хочешь совет? Не доверяй гэргонам. И особенно — Ниту Батокессу.

— А у нас есть выбор?

Курган присел на дощатый пол палубы, довольный тем, как прошла эта ночь.

— Вот это мы сейчас и обсудим.

Куомешалы без устали шагали на север по покрытой красноватой пылью дороге. В свете заходящего солнца вся земля казалась фиолетово-красной.

— Тебе самое время узнать о пророке Джихарре, — заметил Отнам.

— *Коура*, — напевно произнесла Мехммер, — *так написано*.

Впереди вздымались зазубренные вершины Дьенн Марра, и в последних лучах солнца казалось, будто они совсем близко, примерно в сутках перехода неспешным шагом. Заснеженные пики блестели столь ослепительно, что бросали вызов наступающей ночи.

Куомешалы вряд ли наслаждались переходом — Отнам и Мехммер без устали хлестали их гибкими кнутами, Риана своего тоже не жалела, изо всех сил стараясь не отставать. Вялое, будто неживое тело Теззиг было перекинуто через седло, голова болталась в такт движению куомешала. Риана сняла наряд аджан, переодев ее в горскую накидку и синшаль, которые одолжила Мехммер. Они двигались на север, к тайному месту, где Горы прятали Перрнотт. Пальто Нита Сахора лежало в потайном кармане — оно все равно не смогло бы перенести сразу четверых.

— Джихарр жил на вершине мира, среди пиков Дьенн Марра, там, где, как гласит легенда, Кундала касается небес. Проро-

ческие высказывания Джихарра пугали его родных и близких, которые были очень суеверны. Они считали мальчика колдуном и старательно избегали. Однако даже неодобрение родни не могло сбить Джихарра с толку. Он был пророком, и если то, что он говорил, не нравилось окружающим, то тут уж ничего не поделаешь. Джихарр делал то, что считал своим призванием и во что верил. А без веры жизнь — ничто, можно закрыть глаза и ждать смерти.

Холодные синие тени медленно окутывали склоны гор, солнечные лучи постепенно гасли.

— Джихарра изгнали из города, оторвав от семьи и друзей, которые тут же от него отвернулись. Одежду и личные вещи сожгли, пепел развеяли над корнями дерева моссарче, а сверху залили кипятком. Имя Джихарра было запрещено произносить вслух. Люди отвернулись от него, потому что он осмелился критиковать их верования, идеалы и жизненный уклад, потому что верил во что-то большее — в объединяющую силу, которая управляет всем Космосом. Именно эта сила взывала к нему в форме видений. Во время одного из них Джихарр услышал об угрозе великого зла и о том, как ей противостоять. Бесстрашный Джихарр в одиночку отправился в дебри коррупских степей и основал За Хара-ат, Землю Пяти Встреч, город, способный дать отпор древнему злу.

Позади остался освещенный ярким светом Агашир, блистающий посреди степи словно граненый бриллиант, с извилистыми улочками, пропахшими специями и ба'ду, уличными кострами, молитвами, поднимающимися к небу, словно дым инквизиторского костра...

Город, готовый к войне.

Все трое ехали вместе, вжавшись в седла, чтобы хоть как-то защититься от ветра. С непривычки ноги у Рианы затекли, ведь сидеть приходилось между горбов, а куомешалы крупнее чтавров, более своенравные и неуправляемые. Одной рукой Риана похлопывала куомешала по бокам, другой — придерживала Теззиг. Теззиг не шевелилась и не пришла в сознание, и это очень тревожило Риану. Чем дольше она оставалась без сознания, тем сильнее беспокоилась Риана.

— Мы уже достаточно далеко, — наконец сказала девушка. — Пора осмотреть Теззиг.

Отнам и Мехммер прекрасно ее слышали, но и не подумали остановиться. Тогда Риана пришпорила куомешала и, вырвавшись вперед, загородила им дорогу.

Брат с сестрой поехали медленнее.

— Нам нельзя останавливаться, — заявил Отнам, — нужно ехать вперед, несмотря ни на что.

— Мы не станем останавливаться. Тем более ради аджан, — усмехнулась Мехммер.

— Тогда езжайте дальше без меня.

Вспомнив, как ее учила Мехммер, Риана ударила куомешала по голове кнутом, и он согнул сначала передние ноги, а потом — задние.

— Ты же знаешь, что мы ни за что так не сделаем, — гневно заметил Отнам. — Не понимаю, чего ты добиваешься.

— Зачем она тебе? — недоумевала Мехммер.

— Затем, что она помогла мне выжить, — Риана налила немного воды из фляги и смочила лицо Теззиг, — затем, что она моя подруга.

— Она — *менне*, нечистая, ни во что не верит, — не сдавалась Мехммер, — она не лучше куомешала.

— Именно так и относятся к нам в'орнны, — парировала Риана. — «Примитивная раса, пригодная лишь для тяжелого физического труда».

— Не смей касаться ее! — рявкнул Отнам. — Это святотатство!

— Почему? Я же не Гор.

— Ты посланница Джихарра!

— Ты сам мне рассказывал, что Джихарр отважился критиковать жизненный уклад своего народа. Я дословно повторяю то, что сказал мне ты. Если вы не избавитесь от враждебности, то станете пешками в игре гэргонов.

— Сейчас важнее доставить тебя к Перрнодт, — проворчал Отнам. — Мы задержимся на пятнадцать минут, не дольше.

Склонившись над телом, Риана горячо зашептала.

— Теззиг, Теззиг, проснись! — Она похлопала аджан по щекам, и глаза Теззиг медленно раскрылись. — Вот так-то лучше, — улыбнулась Риана, — намного лучше. Вот, попей воды. Теззиг сделала несколько глотков.

— Прости, я не смогла как следует тебя защитить. Я не знаю, что бы со мной стало, если бы не твоя дружба! — Риана показала на тени, уползающие на восток по волнистой степи. — Но вот ты на свободе, конец дворцу, конец тюрьме.

Медленно оглядывая Риану, Теззиг беззвучно плакала.

— Риана, *ва тарابيби*, не знаю, как тебя благодарить. — Теззиг вздрогнула. — А это кто такие? Горы? — Ее голос от волнения превратился в визг. — Они убьют меня при первой же возможности.

— Это Мехммер и Отнам, брат и сестра. Они правда Горы, но поклялись, что с ними ты будешь в безопасности.

Теззиг прижалась к руке Рианы и покачала головой.

— Нет, ты не знаешь Горов! Они фанатики и ради собственных целей будут лгать и убивать, не оглядываясь. Мне это рассказывали родители еще до того, как я попала сюда.

Риана погладила аджан по голове.

— Они тебя не тронут! Обещаю!

— Я тебе верю, *ва тарابيби*, — зашептала Теззиг, — но все равно не спускай с них глаз.

— Хорошо! — пообещала Риана и, притянув Теззиг к себе, дала ей горсть сухих фруктов. — Пока мы едем, ешь фрукты не спеша. Думаешь, у тебя хватит сил?

— Хватит для того, чтобы выполнить любую твою просьбу. — Скользя колючим взглядом по Отнаму и Мехммер, Теззиг села на куомешала.

18

ЛОВУШКА

— Вы уверены, что это именно здесь? — спросил стройгенерал Локкк Визэrrрент. — Все баскирские склады очень похожи.

— Я была именно здесь, — подтвердила Маретэн, глядя на неясно вырисовывающийся фасад.

По темному небу пролетел кхаггтунский звездолет, оставив за собой светло-зеленый ионный след. Круто развернувшись, он двинулся на юг. В Гавани уже зажглись огни, и прожектора калллистота прорезали на небе багровый шрам.

— Можете показать поточнее? — спросил строй-генерал. — Я имел в виду — войти со мной внутрь?

Маретэн кивнула. Сердца бешено бились, а она пыталась представить Теттси, как они вместе катаются на чтавре по золотисто-красному осеннему лесу. Молодую женщину раздирали страх и оживление, и она пыталась с ними бороться.

Выстрелив из ионного пистолета, строй-генерал легко снес замок. Затем он кивнул Маретэн, и они вместе вошли в здание склада. Визэrrрент старался не касаться Маретэн и держаться от нее подальше.

— Хочу повторить, что вы вне подозрения, — сказал он грубоватым, но вполне безобидным голосом. — Все, что от вас требуется, — быть откровенной.

— Вы объяснили мне это с самого начала, — отозвалась Маретэн, — и я благодарю вас за откровенность и доброту.

Заворчав, Локкк Визэrrрент зажег карманный фонарь. Звуки шагов эхом отдавались в узком коридорчике, заставленном ящиками, бочками, коробками. Повсюду лежал толстый слой пыли, щекотавшей горло. Маретэн чихнула, снимая почти невыносимое напряжение.

Фонарик строй-генерала осветил герб Консорциума, украшавший каждую бочку, ящик и коробку. Локкк Визэrrрент недоуменно посмотрел на Маретэн.

— Спрашиваю еще раз. Вы уверены, что это то самое место? — строго осведомился он, будто разговаривая с неразумным ребенком.

— Уверена, — ответила Маретэн, постаравшись, чтобы ее голос звучал твердо. Она повела строй-капитана в пустую темную комнату, где они с Сорннном занимались любовью.

Дверь в комнату оказалась закрытой на замок, который Локкк Визэrrрент сломал за несколько секунд. Строй-генерал презрительно пнул дверь, и она открылась.

Придерживая Маретэн за талию, чтобы она не вошла первой, Локкк Визэrrрент внимательно осмотрел комнату. Снова

включив фонарик, генерал быстро нашел выключатель и зажег свет. В комнате все было так, как помнила Маретэн, — роскошный ковер на полу, кундалианские сувениры и длинные коробки на полках. Не хватало лишь цветов, с маленького столика исчезла и сама ваза.

— Могу я поинтересоваться, — начал строй-генерал, — чем вы тут занимались? — Увидев, что Маретэн густо покраснела, он поспешно добавил: — Ну же, милочка, я вполне прогрессивный в'орнн, меня трудно чем-либо удивить.

— Я боюсь брата. Если он узнает, что мы с Сорннном Са-Трэнном...

— Даю вам слово, что мы не станем докладывать ему подробности вашей личной жизни. Вы имеете в виду, что...

— Было довольно поздно, и мы оба немного выпили. Он крепко обнял меня и поцеловал так, что я вся затрепетала. Сорннн и я... Идти нам больше было некуда. Мы оказались неподалеку, было так весело, и я подумала: «Почему бы и нет?»

— Чтобы придать ситуации немного пикантности, да?

Маретэн показалось, что она стоит перед строй-генералом нагишом, и молодая женщина покраснела.

— Мне неловко об этом рассказывать.

— Прекрасно вас понимаю. И часто вы сюда приходите?

— Нет, только раз. После того, что произошло, нам обоим было очень неловко. Ведь мы, в конце концов, уже взрослые.

— Очень мудрая мысль, — одобрил строй-генерал и начал осмотр комнаты. — Стойте здесь и постарайтесь ничего не касаться.

Подойдя к столу, Виэрррент стал выдвигать ящики, осматривать их содержимое, однако не обнаружил ничего интересного. Снова оглядев комнату, он заметил на полках длинные коробки. Генерал подошел поближе и стал внимательно их рассматривать.

— Кхагггунский металл, — пробормотал он.

— О чем это вы?

Не удостоив ее ответом, Локкк Виэрррент поднял одну из коробок и аккуратно опустил ее на грязный пол. Маретэн сделала несколько шагов и, заглянув генералу через плечо, увидела шесть новых автоматов, аккуратно уложенных в коробку.

Строй-генерал Виэрррент взял один из них, перевернул и посмотрел на серийный номер, нанесенный на нижний ствол. Затем он проделал то же самое со всеми остальными автоматами первой коробки и принялся за вторую. Наконец Локкк поднес ко рту устройство, крепившееся за левым ухом, которое больше всего напоминало микрофон. На конце этого устройства был объектив, располагавшийся на расстоянии четырех сантиметров от левого глаза. Раскрыв фотонный канал, генерал пробормотал что-то непонятное. Маретэн догадалась, что Локкк назвал свой опознавательный код.

— Я в шестом складе на улице... — Он обернулся к Маретэн за подсказкой.

— На улице Аквазиуса.

— Правильно, на улице Акваузиса. — Генерал повернулся к автоматам. — Выдайте мне отчет по оружию, украденному за последние шесть месяцев. Серийные номера. Нет, только по ионным автоматам. Да, по переносным.

Через минуту в объективе замелькали данные отчета, увеличенные линзой до читаемого размера.

— Спасибо! Срочно пришлите сюда вооруженный отряд. — Строй-генерал отсоединил микрофон от уха. — Это кхагггунское оружие, похищенное две недели назад, — сказал он Маретэн. Затем, резко повернувшись к столу, генерал ударил по нему мечом. Он рубил стол до тех пор, пока от него не остались щепки.

— Что... Что вы ищете? — спросила Маретэн. Сыграть маленькую испуганную девочку оказалось проще простого.

— Какие-нибудь записи о контактах с отрядами Соппротивления. — Строй-генерал глубоко вздохнул и еще раз огляделся по сторонам. Вдруг он резко полоснул мечом по полкам, так, что коррушские сувениры падали на пол, разбиваясь вдребезги. Но и на этом строй-генерал не успокоился. Он стал давить осколки каблуками. Виэрррент громил полки до тех пор, пока все сувениры не превратились в жалкую грудку осколков.

Маретэн увидела, как в воздух взлетела каменная фигурка фулкаана и разбилась, ударившись о пол. Из нее что-то вылетело и, отскочив от пола, чуть не затерялось среди осколков и пыли.

Но строй-генерал был начеку и носком сапога вытащил предмет на видное место. И вот он лежал, поблескивая в свете ламп. Инфодесятиугольник, неопровержимое вещественное доказательство.

— Ты уверена, что это так необходимо? — Конара Инггрес пыталась скрыть терзавший ее страх, пока конара Лиистра подталкивала ее к дверям кабинета, принадлежавшего когда-то конаре Урдме.

— Тебя желает видеть Матерь, — не терпящим возражений тоном заявила конара Лиистра и взяла приятельницу под руку. — Ты ведь не собираешься ей перечить?

— Конечно же, нет! — Конара Инггрес огляделась по сторонам, стараясь протянуть время. — Не знаешь, зачем я ей понадобилась? У меня столько работы и так мало времени...

— Желания Матери превыше всего.

Намертво приклеенная улыбка конары Лиистры воздействовала на Инггрес словно удар ножа. «Куда же подевалась моя подруга, — в сотый раз подумала конара, — что с ней сделали?»

— Послушай, Лиистра!

— Что?

Конара Инггрес прикусила язык. Даже ее встревоженный тон не стер с лица бывшей подруги безмятежно счастливое выражение. Оставалось только покориться. Конара Инггрес открыла дверь и, борясь с леденящим ужасом, вошла в кабинет.

Увидев ее, Джийан подняла голову. Конара Инггрес чувствовала спиной присутствие конары Лиистры, будто та была сторожившим пленника кхагггуном.

— Ах, конара Инггрес! — Лицо Джийан озарила приветливая улыбка. — Как хорошо, что вы пришли! — Колдунья взяла конару Инггрес за руку. Ладони Джийан оказались холодными и сухими, как кожа болотной ящерицы. — Присядьте, выпьем вина!

Конара Инггрес присела на краешек стула, а конара Лиистра налила им вина. Едва она успела наполнить бокалы, как Джийан отослала ее прочь, как если бы та была простой послушницей.

Джийан подала кубок конаре Инггрес и села рядом. Столь близко, что они едва не соприкасались.

— Итак, — начала Джийан, — что вы думаете о недавних переменах?

У Джийан была странная привычка задавать вопросы, не меняя интонации голоса. Поэтому было непонятно, нужен ли ей в самом деле ответ.

— Думаю, все нормально...

— Не бойтесь признать, что вам нелегко. — Джийан нагнулась к Ингрес и ободряюще похлопала по коленям. — Столько всего случилось! Мое возвращение, воскрешение конары Бартты, скоропостижная кончина конары Урды. Любого из этих событий достаточно для того, чтобы выбить из колеи, а тут случилось три сразу. — Колдунья зацокала языком. Неприятный звук отдаленно напоминал стрекотание цикад.

— То, что случилось, непросто осмыслить.

— Конечно, нелегко! — Джийан снова похлопала ее по коленям. — Рада, что вы это признали. Ведь умение признавать собственные слабости и является отличительной чертой кундалиан.

Мелькнула ли в глазах Джийан презрительная насмешка, или конаре Ингрес почудилось?

— Конара Лиистра говорит, что вы немного... как же она выразилась... ах да, обескуражены. Верно, так она и сказала, — *обескуражены!*

— Не понимаю...

— Ах, милая моя, Лиистра просто пытается вас защитить. Она ведь страшно переживает.

— Переживает?

— Ну конечно! Стресс после этих перемен. — Голос Джийан немного изменился. — Понятно, что вы ото всех отгородились!

— Отгородилась? — Кровь в жилах конары Ингрес стала медленно стынть.

— Конара Лиистра из лучших побуждений поведала мне, что вам не нравится конара Бартта и изменения в учебном плане.

Вглядываясь в васильковые глаза колдуньи, конара Ингрес в панике кусала нижнюю губу.

— Нечего бояться! — подмигнула Джийан. — Учебный план нуждается в коренном пересмотре. В этом я с вами согласна. Страшно подумать, во что превратили монастырь конары Мосса

и Бартта. Я собираюсь поговорить с сестрой, и разговор будет не из приятных. Однако, думаю, она скоро поймет, как сильно заблуждалась. — Улыбка Джийан становилась все приветливей. — Если постараться, я могу быть очень убедительной. — Она вздохнула. — Скажу по секрету, очень удачно, что богиня Миина так внезапно призвала к себе конару Урдму. Мне бы пришлось снять с нее имеющиеся полномочия, а это потрясло бы монастырь намного больше, чем ее преждевременная смерть. Итак, — хлопнула в ладоши Джийан, — у вас есть какие-нибудь вопросы?

Конара Ингрес покачала головой. От жуткого страха ее била дрожь, и лишь огромным усилием воли она сдерживалась, чтобы не застучать зубами. Конара Ингрес поспешно попрощалась и встала. Ноги казались неподъемными, словно бревна, но она проворнее лани бросилась к двери. Едва шагнув за порог, конара почувствовала, как спина покрылась холодным потом.

В ту ночь в «Кровавый прилив» явился назначенный регентом хааар-кэут. Хотя он имел звание перв-капитана, пришел он в мундире маршала третьего ранга. Пробившись через толпу посетителей, хааар-кэут уселся за столик. Рада знаком велела официантке удалиться и приняла заказ сама. Очень скоро она вернулась с кубком меда, на дне которого покоился инфо-десятиугольник.

К счастью, хааар-кэут вел себя так, будто видит ее впервые. Его глаза не следили за передвижением Рады по прокуренному залу. Получив кубок прекрасного меда, он довольно ей улыбнулся.

Рада слышала кое-что интересное и потратила немало времени, обдумывая, что записать на десятиугольник и как лучше сформулировать каждое предложение. Первое сообщение касалось распространения лааги, саракконского наркотика, среди молодежи города. Другое — недовольства кхагггунов тем, что им не жалуют статуса касты избранных. Третье — недавнего нападения на геноматекка из «Недужного духа» группой неизвестных. В «Кровавом приливе» поговаривали, что это были кхагггуны. Курган просил ее разузнать что-нибудь про Порта-

лы, и Рада действительно расспросила кучу знакомых. Однако никто ничего не слышал. И в последний момент она решила не записывать это на десятиугольник. Роль, которую определил для нее Курган, оказалась довольно интересной, и, к своему огромному удивлению, Рада поняла, что она ей начинает нравиться. Кроме облегчения от того, что долг будет выплачен, Раду волновала мысль о том, что она выполняет секретное задание.

Через зал Рада следила за хааар-кэутом, который, осушив кубок, вынул изо рта инфодесятиугольник. Затем он расплатился и ушел.

Рада пошла на кухню, чтобы проследить, как выполняют заказы.

От десятка кастрюль, стоявших на огромной плите, поднимался пар. Ноздри щекотала смесь различных запахов. Пробегая мимо поваров, Рада снимала пробу с каждой кастрюли и одобрительно кивала. Остановившись возле одного из поваров, она похлопала его по плечу и что-то шепнула на ухо. Поперчив содержимое кастрюли, повар дал указания помощнику, снял фартук и скрылся за дверью.

Удовлетворенная событиями прошедшей ночи Рада вернулась в зал, застав самый разгар ссоры между огромным месэггуном и высоким саракконом с обильно украшенным татуировками черепом. Прежде чем вмешаться, она немного понаблюдала за ходом драки. В'орнн казался сильнее, но Рада поставила бы на сараккона.

19 КОУРА

Легкие облака парили высоко в бескрайнем небе, подгоняемые теплым ветерком, а на южном горизонте столпились тяжелые тучи, скорее всего уже поливающие землю сильным дождем.

Небольшой караван продолжал двигаться на север. Отнам сказал, что Горы удерживают Перрнотт в священном укрытии в двадцати километрах от Агашира. По расчетам Рианы, они были уже почти на месте. Однако в степи трудно судить о расстояниях.

Впереди Риана увидела кольцо колючих деревьев, темно-серых и сучковатых. Ветки сгибались под тяжестью плодов, а корни образовывали причудливые петли, проникая глубоко в бесплодную землю в поисках воды и питательных веществ. Риана тут же вспомнилось кольцо ссасловых деревьев, где погиб Нит Сахор. Если он погиб среди деревьев, то, интересно, где же он воскрес? Еще одна из бесчисленных загадок гэргонов.

Приблизившись к колючему кольцу, Отнам поднял руку, призывая спутников ехать помедленнее. Потом они и вовсе остановились, сидя в седлах и не шевелясь.

— Что такое? — наконец тихо спросила Риана.

— Не знаю, — признался Отнам.

— Я не вижу лиммнала, — проговорила Мехммер, ее ноздри возбужденно затрепетали.

— Нет даже дозора, — отозвался Отнам, — и никто из братства не вышел нам навстречу.

В животе Рианы образовался комок, когда она увидела, как брат с сестрой обнажают ятаганы и прищипоривают куомешалов. Она решила не отставать и вскоре уже ехала вместе со спутниками между ветвями деревьев.

От увиденного Мехммер лишилась дара речи.

— Нет, всемогущий Джихарр, нет! — пробормотал Отнам.

В северном секторе круга на деревьях висели тела четырех Горов, подвешенных за шею к верхним ветвям. Пониже болтались выпотрошенные тела двух лиммналов.

— Паддии! — вскричала Риана.

Куомешалы зафыркали, отвернули свои уродливые головы и никак не желали подойти к качающимся на ветках телам. Отнам повернул к трупам, висящему слева, Мехммер — к тем, что висели в центре, а Риана, в свою очередь, подвела куомешала к телу Паддии и кинжалом срезала его с ветки.

— Все мертвы, — объявил Отнам.

— Кроме Перрнотт, — Мехммер объехала деревья по очереди, — она исчезла.

Отнам подъехал к сестре.

— Кто это сделал? Охрана Макктууба?

— Нет, — покачала головой Мехммер, — подумай, брат. Вспомни шпиона, которого мы казнили совсем недалеко от этого места.

— Джени Серии сумели нам отомстить. Они убили наших братьев и похитили Перрнотт.

— Куда же они ее увезли? — спросила Риана, беспомощно озираясь по сторонам.

Тишина. Солнце медленно садилось, прячась за облака, будто навсегда покидая равнодушную к бедам и страданиям землю. Где-то шел дождь, а над кольцом колючих деревьев кружили черные падальщики. Они не боялись ни ветра, ни дождя и были терпеливее самих коррушей.

Теззиг безучастно смотрела, как Риана помогает Отнаму и Мехммер выкопать в красноватой земле трехметровую яму. Затем Риана с Отнамом сложили в яму тела Горов и их верных лимналов, а Мехммер сильным звонким голосом читала молитву за упокой души. Даже если бы Теззиг захотела, они бы не позволили ей помочь. Но аджан не проявила ни малейшего желания. Ей не дали даже приблизиться к могиле, приказав сторожить куомешалов. Теззиг легко согласилась, всматриваясь в хмурые вершины Дьенн Марра, которые считала своим домом и надеялась скоро увидеть поближе.

Мехммер продолжала читать молитву, очень похожую на грустную песню, а Риана молча смотрела, как Отнам намазал каждое тело чем-то липким. Потом корруш шелкнул огнем, и вспыхнуло пламя. Отнам шагнул к Мехммер и стал молиться вместе с ней. Риана внимательно слушала и вспоминала Паддии, веселого, с новорожденной дочкой на руках, Паддии, бегущего возле куомешала, когда она пряталась от гэргона, Паддии, возвращающего ей кинжал, Паддии, пришедшего из Агашира специально для того, чтобы предупредить Горов, что Риана, Отнам и Мехммер немного задержатся... Паддии убили из-за нее, из-за того, что Риана решила спасти Теззиг и секрет Нита Сахора. Она знала, что все сделала правильно, но это вряд ли бы утешило Паддии или его семью. Риана тоже стала молиться — она умоляла Миину простить ее. Она заставила

себя поверить в то, что языки пламени, быстро поглощавшие телесную оболочку Горов, передадут Богине ее молитву.

Дым от костра поднимался к небу, и Отнам заговорил, тщательно подбирая слова, будто сам воздух внутри колючего кольца обладал какой-то недоброй силой.

— Ситуация изменилась, — сказал корруш, — нам нужно вернуться за подкреплением.

— А как же Перрнотт? — спросила Риана.

Никто не ответил.

Риана подошла к деревьям, где недавно висели тела Горов.

— Что там? — спросила она, показав на запад.

— Ничего, кроме диких степей, — пожала плечами Мехммер.

— Если не считать *ин'адимов* — глубоких каньонов.

— Глубоких и опасных, — поправила его Мехммер. — Их поверхность кажется сухой, но довольно часто под ней лежит зыбучий песок.

— А как же Перрнотт? — не унималась Риана. — Они ее убьют? Или увезут к себе и станут требовать выкуп? Будут мучить и насиловать?

— Откуда же нам знать? — покачала головой Мехммер. — Мы ведь не Джени Серии.

Риана обернулась к Теззиг, которая безучастно стояла в стороне.

— Теззиг, — мягко позвала Риана, — что они с ней сделают?

Теззиг обернулась.

— Почему ты ее спрашиваешь? — подозрительно спросила Мехммер.

— Единственное, что она хорошо знает, это член Маккту-уба, — язвительно добавил Отнам.

— Теззиг, — не обращая на слова коррушей внимания, позвала Риана, — ты знаешь, что они с ней сделают?

— Даже если и так, — отозвалась Теззиг, с вызовом оглядывая Отнама и Мехммер, — почему я должна рассказывать?

— Потому что я спрашиваю.

— Ерунда какая-то, — проворчал Отнам.

— Мы теряем драгоценное время, — не унималась Мехммер.

Риана подошла к Теззиг.

— Ты что, хочешь сознательно обречь Перрнотт на смерть?

Только сейчас Теззиг удостоила Риану взглядом.

— Ты же знаешь, что не хочу.

— Перрнодт не состоит в секте Горов. А даже если бы и состояла, то нет никакой разницы.

— Для меня в этом огромная разница!

— Почему?

— Потому что Горы... — Теззиг быстро взглянула на брата с сестрой и заговорила тише: — Они злые, я же тебе говорила. Все истории, что я о них слышала...

— Тем не менее, — перебила Риана, — именно Отнам и Мехммер вытащили меня из дворца Макктууба.

— В обмен на что?

— Просто так. Они ничего у меня не просили.

Теззиг обернулась к Отнаму и Мехммер:

— Это правда? Вы бескорыстно помогали Риане выбраться из хаанджхалы?

— Конечно, — быстро ответила Мехммер.

— Нет, — признался Отнам и шагнул к Риане, — это не совсем так.

— Брат!

— Вот! — торжествующе воскликнула Теззиг. — Разве я тебе не говорила?

— Дай ему договорить, — попросила Риана и, повернувшись к Отнаму, сказала: — Однажды я спросила тебя, зачем вы мне помогаете. Значит, то, что ты мне ответил, — ложь?

— Нет. Но и не полная правда, — вздохнул Отнам. — На самом деле нам хотелось...

— Макктууб приказал казнить наших родителей, — быстро и зло закончила Мехммер. — Они были преданны нашей вере и не желали выполнять его приказы.

— Макктууб назвал это ошибкой, — напомнила Риана.

— Хотя мы и решили вести себя гибче, чтобы сохранить мир между Горами и капудааном, — продолжала Мехммер, — нам все же хотелось ему отомстить.

— Мы решили отнять тебя, — добавил Отнам, — потому что он так страстно тебя желал.

— На самом деле я была нужна вовсе не Макктуубу, — проговорила Риана, вспомнив, как неловко было капудаану, ког-

да она появилась на террасе, — а гэргону Ниту Сэттту. Прежде чем мне удалось сбежать, техномаг расспрашивал меня о Перрнотт. Из-за неё я так его заинтересовала.

— Зачем Перрнотт гэргону?

— Придется спросить у самой дзуоко, когда мы ее найдем.

— Если вы вообще ее найдете, — вмешалась Теззиг.

— Отнам же сказал — нам нужно быстрее вернуться в лагерь Горов и собрать подкрепление.

— Если вы так сделаете, то Перрнотт точно конец.

Все в изумлении уставились на Теззиг. Первой дар речи обрела Риана.

— О чем это ты?

— Если мы не найдем ее в ближайшее время, ее убьют.

— Откуда тебе знать? — презрительно фыркнула Мехммер.

— Я Джени Серии, — просто ответила Теззиг.

Мехммер прикусила язык. Риана увидела, что Отнам онемел от шока.

— Расскажи нам, что ты знаешь, Теззиг, — попросила Риана, — пожалуйста.

— Они прячут ее в *ин'адиме*, — объявила Теззиг.

— Почему именно там?

Теззиг глубоко вздохнула.

— Джени Серии всегда прячутся в *ин'адимах*, когда готовятся к нападению на ваше племя. Если Перрнотт еще жива, мы найдем ее именно там.

К вечеру Олннн вернулся на рынок специй. На этот раз адмирал был без оружия, лишь на спине болтался небольшой рюкзак. С тех пор как в «Пряном Джексе» Олннн встретился с Локкком Визэрррентом, ему не давали покоя слова строй-генерала. «Не представляешь, сколько бойцов Сопротивления скрываются в этом муравейнике. Аксис Тэр стал настоящим убежищем для всех злобных, опасных и недовольных».

Искоса взглянув на Олннна, мимо прошли трое слуг-кундалиан. У карниза притаился горбун в лохмотьях, с вождением рассматривая горы пряностей и явно поджидая возможности схватить пригоршню чего подороже и убежать. Кундалианка со злыми и усталыми глазами, едва завидев Олннна,

поспешно сгребла покупки и удалилась. С опаской на него посмотрел и дородный торговец, наверняка недоумевавший, что здесь забыл звезд-адмирал. С кем из них, злобных, опасных и недовольных, следует говорить, было неясно. Олннн твердо знал лишь одно — чтобы найти беглецов, ему нужно знать, куда они направились, а чтобы узнать это, нужно понять, что они задумали. Для этого-то и нужно порыться в сточной канаве Аксис Тэра.

Начать адмирал решил с рынка, где словно в зеркале отражались все происходящие в городе события.

В «Пряном Джексе» Олннн выбрал столик у самого входа и, заказав две кружки теплого травяного меда, стал наблюдать, как в соседний лоток заносят мешки с молотой корицей.

Основная трудность заключалась в том, что адмирал не умел общаться ни с кем, кроме кхаггтунов. Хотя, нужно отдать ему должное, он прекрасно это понимал. Олннн жалел, что Малистра не может помочь ему советом или каким-нибудь заклинанием направить на истинный путь. Малистра погибла, и никаким кундалианским колдовством ее не вернуть. Однако, подумав о Малистре, адмирал вспомнил другую женщину. Она не была кундалианкой, зато имела множество знакомых.

Вот она вошла, в своей неизменной диадеме, сопровождаемая двумя кхаггтунами Олннна.

— Надеюсь, ты любишь мед на десяти травах, — безо всякой преамбулы сказал Олннн, когда Раду подвели к столику.

— Вы не ошиблись, — присаживаясь, ответила она, наблюдая, как командующий отпускает эскорт. — Звезд-адмирал, вам не страшно оставаться со мной наедине?

— Давай не будем ссориться с самого начала, — предложил он, стараясь говорить как можно дружелюбнее.

— Слишком поздно, — резко сказал Рада. — Меня вели сюда под конвоем, как опасную преступницу.

— С непокрытой головой ты и так выглядишь как преступница. Или как лооорм.

— Я одеваюсь так, как считаю нужным.

— Раз уж ты со мной, то хоть притворись приличной тускуггун. Накинь сифэйи.

Подняв красивые тонкие руки, Рада натянула прозрачный капюшон на блестящую от масла голову.

— Вот так-то лучше, — улыбнулся адмирал и заговорил с ней, словно с капризным ребенком. — Ну же, выпей, воспользуйся моим гостеприимством.

Рада смерила Олнна презрительным взглядом.

— Как хочешь, — пожал плечами он.

— Сегодня все не так, как я хочу. — На Раде было платье цвета заплывшего синяка. Яркая красота выбивалась из уродливого одеяния, словно василек из грязи. — Ваше гостеприимство получилось довольно грубым, звезд-адмирал.

— Для кхаггунов грубость — второе «я», — пожал плечами Олннн. — Мы умеем только воевать.

— И убивать.

— Воевать *значит* убивать.

— Мы говорим на разных языках.

— Тогда давай сменим тему, — снова улыбнулся звезд-адмирал.

— С удовольствием. — Рада пригубила мед.

На рынке горбун, наконец решив, что настала благоприятная возможность, схватил с прилавка горсть корицы и бросился прочь. Олннн поднял руку, и из толпы появился один из его кхаггунов. Солдат схватил горбуна за шиворот и потащил обратно к прилавку.

— Ни одна мелочь не ускользнет от вашего внимания, — заметила наблюдавшая за происходящим Рада.

— Совершенно преступление, виновный должен быть наказан.

— Такое мелкое нарушение, такой жалкий преступник...

— Тогда, — заметил Олннн, — зачем нужен закон, если его не считать единым для всех?

— А зачем нужен звезд-адмирал, — парировала Рада, — если он слепо повинуется букве закона и не имеет собственного мнения?

Олннн отставил кружку.

— Мне нужна твоя помощь.

— Вот мы и подошли к главному.

Он изо всех сил старался не замечать сарказма Рады, а про себя подумал, что прощает ей дерзость только потому, что она так красива. Как хорошо, что он увидел ее в иной обстановке,

вдали от тусклых ламп таверны. Если бы не ее язвительность, адмирал наверняка признался бы, что она ему очень нравится.

— Мне нужен помощник, — продолжал Олннн.

— В самом деле? А зачем вам помощник, звезд-адмирал?

— Хочу найти кундалианскую колдунью.

Рада рассмеялась.

Он взглянул на нее полным желания и презрения взглядом.

— Как кхагтун я прекрасно понимаю, что в одиночку мне ее не найти. Ведь на Кундале осталось всего несколько колдуний.

Рада поджала губы, будто глубоко задумавшись.

— Кажется, здесь не обошлось без участия в'орннов.

— Нас винят во всех бедах кундалиан, — возразил Олннн.

— Кого же еще винить?

— Например, самих кундалиан. Они погрязли в коррупции задолго до нашего прибытия.

Рада допила мед.

— Почему я должна вам помогать?

— Потому что таков мой приказ.

— А если я откажусь?

— Не стоит.

Всего два слова, а по спине у Рады поползли мурашки. Она слышала истории, которые рассказывали о новом звезд-адмирале, и была склонна верить большинству из них. За язвительной колкостью ее слов скрывался леденящий страх, который она испытывала. Радую злила собственная слабость, но она чувствовала кованый сапог звезд-адмирала на своей шее, ощущала во рту вкус грязи и была готова рыдать от отчаяния.

Чтобы хоть как-то скрыть слабость, она решила задать Олннну встречный вопрос:

— Скажите, звезд-адмирал, зачем вам кундалианская колдунья?

— Хочу, чтобы она прочитала мне пару абзацев из книги.

Рада недоуменно молчала, пытаясь собрать всю свою смелость.

— Беглецы что-то искали, — пояснил Олннн. — Кажется, единственный способ поймать их — понять, что они ищут.

— Где же найти колдунью?

— Только не говори, что к тебе в «Кровавый прилив» никогда не заходят колдунии. Ты и приведешь ее ко мне.

Его глаза лихорадочно блеснули, и Раде снова стало страшно. Она спрятала ладони между коленями, чтобы хоть как-то унять дрожь.

— Вы уверены, что колдунья вам не соврет?

— За этим придется последить тебе, Рада.

Они прибыли с северо-востока, эти кхаггуны на чтаврах. «Всего четверо, не так уж и много, — подумал Сорннн. — Однако и этого более чем достаточно». Три перв-маршала держали ионные пистолеты наготове.

Сорннн обернулся к дородной фигуре Броннна Палллна. Именно он пригласил Сорннна поохотиться на клайвенов, огромных шестиногих хищников, которые могли жить и в воде, и на суше. Однако естественной средой обитания клайвенов было Большое фосфорное болото.

— Сам строй-генерал Локкк Виэрррент, — объявил Сорннн. — Интересно, что ему угодно? Как вы считаете, Броннн Паллн?

Броннн Паллн пожал плечами, отчего вид у него стал еще глупее, чем обычно.

— Ни с места! — приказал строй-генерал Виэрррент. — Приготовьтесь отвечать на наши вопросы!

— Каким тоном вы разговариваете с прим-агентом? — разозлился Сорннн. — Строй-генерал, как вы смеее тревожить нас посреди ночи?!

Строй-генерал пришпорил чтавра в шести метрах от Сорнна и Броннна Палллна.

— Чем вы занимаетесь среди болот в этот поздний час?

— Как трогательно, что вас беспокоит наша безопасность! — довольно весело проговорил Паллн. — Если хотите знать, мы охотимся на клайвенов, хотя шум, который вы подняли, на-верняка распугал всю живность в радиусе десяти километров отсюда.

В ответ Локкк Виэрррент показал то, что прятал в ладони, — инфодесятиугольник, найденный на складе.

— Вот неопровержимое доказательство. — Строй-генерал держал десятиугольник так, что лунный свет заиграл на его гранях. — Здесь информация обо всех кражах кхаггунского оружия за последний год и его последующей продаже кунда-

лианскому Сопротивлению. Это тяжкие преступления против расы в'орннов, которые караются смертной казнью. Что вы можете сказать в свое оправдание, Броннн Паллн?

— Я? — Не веря собственным ушам, Броннн Паллн рассмеялся, но смех был больше похож на визг. — Вы, наверное, имели в виду Сорннна СаТррэна, строй-генерал.

— Я имел в виду именно вас, сэр.

— Но ведь склад...

— Краденое оружие было найдено в секретной комнате на *вашем* складе, Броннн Паллн. Равно как и эти записи, фиксирующие ваши преступные сделки с кундалианами.

— Это... должно быть... это какая-то ошибка... — Глаза Броннна Паллнна стали круглыми, словно тарелки. — На каком именно складе нашли оружие?

— На складе номер шесть по улице Акваузиса, — ответил строй-генерал.

— В последнее время члены моего Консорциума редко посещают этот склад. Разве что для инвентаризации.

— Тем удобнее вам было проворачивать тайные сделки, — пронизательно заметил строй-генерал.

— Но... ведь это Сорннн СаТррэн всегда симпатизировал коррушам, в то время как я...

— Вы что, держите меня за идиота, Броннн Паллн? Кто из предателей открыто признает свои политические симпатии? До решения регентского суда вы считаетесь государственным преступником. — Генерал сделал знак, и к чтавру Броннна Паллнна подошли два кхаггуна, один из которых вырвал поводья из дрожащих рук баскира.

— Я же сам дал вам информацию, — в голосе Броннна Паллнна росло отчаяние, — что Маретэн Стогггул и Сорннн СаТррэн... — Он резко обернулся. — Это ваших рук дело, Сорннн СаТррэн, это вы меня подставили.

— Пойдемте, — сурово велел строй-генерал. — Сорннн СаТррэн, объясните ему, пожалуйста, как все произошло.

— Мне очень неловко... Мы с Маретэн немного выпили и не вполне себя контролировали...

— Ложь! — Кровь прилила к лицу Броннна Паллнна. Его возбуждение передалось чтавру, который стал фыркать и бить

копытом так, что обоим кхаггунам пришлось схватиться за поводья.

Строй-генерал положил руку на круп чтавра Броннна Паллна, одновременно успокаивая и его, и седока.

— Пожалуйста, продолжайте, — попросил он Сорннна СаТррэна.

— Мы оба были настроены так романтично, что терпеть не было сил. — Сорннн обратился к Броннну Палллу: — Простите, что воспользовались вашим складом. Он оказался поблизости и, очевидно, пустовал. Нам показалось, что не случится ничего страшного, если...

— Возмутительная ложь!

— Маретэн Стоггул подтверждает эту историю, — вкрадчиво заметил строй-генерал. — А кто подтверждает вашу?

— Допросите геноматекка Джесста Веббна! Он расскажет, как я нанял его, чтобы узнать, кто предатель.

— Мы уже беседовали с геноматекком Веббном, — заверил Локкк Визэррент. — Он пришел к нам добровольно и рассказал, что вы просили его сфабриковать улики против прим-агента.

— Что за грязный мелкий... — заревел было Паллн, но тут же осекся, вспомнив, как бесцеремонно обошелся с Веббном. — Все это ложь! Клянусь вратами Н'Луууры, вы что, не видите — они хотят меня уничтожить?

— Ну конечно же! — язвительно воскликнул строй-генерал. — Сорннн СаТррэн, сестра регента, геноматекк Джесст Веббн — все они желают вам зла. Мало того, все они помогают кундалианскому Сопротивлению! — Он покачал головой. — Вы разве сами не понимаете, что ваши слова звучат абсолютно неправдоподобно? — Генерал повернулся к кхаггунам. — Уведите его, я скоро вас догоню. Если пленник будет продолжать нести ахиною — заткните ему рот кляпом.

Когда они уехали, строй-генерал обратился в Сорннну:

— Прошу прощения за слова Палллна, прим-агент.

— Ничего страшного, — ответил Сорннн.

— Зависть — страшная вещь, верно, прим-агент?

— Страшная и ядовитая, — согласился Сорннн.

Строй-генерал нервно заерзал в седле.

— Я хотел спросить вас кое о чем.

Сорннн тут же осадил чтавра.

— Дело весьма деликатное.

— Я весь внимание, строй-генерал, — заинтересованно сказал Сорннн.

— Глубокой ночью никто не услышит разговор двух патриотов.

— Прекрасно понимаю, что вы имеете в виду, строй-генерал.

— На это я и надеялся. — Локкк Виэрррент туго натянул поводья. Его чтавр почувствовал, как кто-то крадется среди зарослей, и испугался. — Меня интересует ваше мнение по вопросу крайней важности для... государства. — Генерал заговорил еще тише. — Как вам кажется, новый регент Курган Стогггул намерен продолжать программу своего отца и превратить кхаггтунов в касту избранных?

Сорннн всмотрелся в простое грубое лицо строй-генерала.

— Хотите, чтобы я говорил честно?

— Конечно! Иначе я бы не стал спрашивать!

— Веннн Стогггул погубил своего звезд-адмирала безо всяких угрызений совести, — начал Сорннн, — чтобы получить абсолютную власть. Насколько я понял, сын мало отличается от отца. Возможно, лишь тем, что намного умнее и хитрее.

Потрясение, которое испытал строй-генерал, никак не отразилось на его лице.

— Будьте так добры, продолжайте.

— Честно говоря, строй-генерал, я никогда не понимал, зачем регенту наделять кхаггтунов дополнительной властью. Не понимаю, какую роль он им отвел.

Локкк Виэрррент натянуто кивнул.

— Я боюсь, — Сорннн повернул чтавра к Аксис Тэру, — боюсь за всех нас.

Место было жуткое — исписанные ругательствами стены, покрытый толстым слоем грязи пол. В воздухе витали запахи мочи, отбросов и бедности. Олннн сморщился от отвращения и дернул Раду за рукав.

— Это что, шутка? Здесь не стала бы жить ни одна колдунья.

— Тронете меня еще раз, — вздрогнув, ответила Рада, — я тут же развернусь и уйду, а вы не получите то, что хотите.

— Откуда ты знаешь, чего я хочу?

Рада внимательно на него посмотрела.

— На вашем месте я не стала бы делать таких заявлений; звезд-адмирал.

Они стояли лицом к лицу, не зная, на что решиться. Кажется, их отношения зашли в тупик. Ни страх, ни тайные мотивы не могли взять верх, чаши весов постоянно колебались от сильнейших эмоций. Наконец Олннн усмехнулся.

— Признаться, я никогда не встречал такую тускуггун, как ты. Непонятно, как с тобой себя вести — то ли посильнее ударить, то ли схватить за талию и... — Он осекся, увидев, как сверкают ее глаза, и поднял руки. — Хорошо-хорошо! Я понял.

Они пошли дальше по жуткому лабиринту лацуг на улице Верности.

— Жаль, что ты тускуггун. Бьюсь об заклад, ты могла бы стать отличным кхагггуном.

— Жаль, что я в'орнн.

Олннн резко остановился.

— Что ты хочешь сказать?

— Если бы я была кундалианкой, то наверняка бы стала воином.

— Если бы ты была кундалианкой, — сухо продолжал Олннн, — то, без сомнений, давно была бы мертва.

Послышалось тоненькое мяуканье и звук мягких лап, но адмирал не обернулся. Из раскрытой двери неожиданно донесся тошнотворный сладковатый запах болезни.

— Напомни, чтобы я приказал снести эти гнойные трущобы.

— Да, звезд-адмирал, — сухо ответила Рада. — Вот вам и ответ.

— Да, это мой ответ. Я кхагггун.

— Нашли, чем гордиться!

— Послушай! — Он приблизил к ней лицо. — Немало моих товарищей погибло ради спасения таких, как ты, и всей нашей цивилизации. Сколько их погибло? Столько, что я потел им счет. Но во сне я вижу их всех. Они приходят ко мне, гордые тем, что совершили. Именно их гордость и героизм уберегли нас от центофенни.

Они смотрели в глаза друг другу. Ненависть постепенно растаяла, и на ее месте возникло иное чувство. Олннн был так удивлен, что отступил на шаг.

— Сюда! — позвала Рада. Ее голос огрубел от переживаемых эмоций.

Рада повела Олннна в комнату в самом конце коридора. Освещенная неярким светом лампы, она казалась менее сырой и вонючей, чем остальные. Уличный свет проникал сквозь вентиляционную шахту и оконце, прорубленное высоко в полусгнившей стене. В комнате горела всего одна лампа из тщательно начищенной бронзы. Высокая, с длинным носиком, она наверняка была наполнена ароматным маслом, потому что ясно ощущался сильный запах пряностей. В ее неярком свете Олннн увидел, что в комнате нет ни грязи, ни мусора. На каменном полу лежал небольшой коврик, в центре которого сидела крошечная, худая до истощения фигурка, которая явно принадлежала лицу мужского пола.

Олннн разглядывал фигурку с плохо скрытым отвращением.

— Мне нужна колдунья, — проговорил он. — Не знаешь, где здесь можно...

— Рада, — подала голос фигурка, — зачем ты привела сюда эту машину смерти?

— Прости, Сагиира. У меня не было выбора.

— Выбор есть всегда, дитя мое.

— Довольно! — шагнул вперед Олннн. — Старик, тебе не поздоровится, если немедленно не приведешь сюда колдунью.

— Мне уже не поздоровилось. — Сагиира поднял руку, такую тонкую, что она вполне могла принадлежать мумии. — Ты коснулся одной из Священных Книг Миины. — Сагиира держал голову под таким углом, что Олннн не мог видеть его глаз. — Как твоя нога, машина смерти?

Олннн тут же коснулся заколдованного бедра.

— О чем это ты?

Однако он и сам знал ответ. В пустых костях постоянно чувствовалось какое-то шипение. А началось все в тот самый момент, когда его пальцы коснулись страницы одной из книг на трапезном столе в монастыре Теплого Течения.

— Зачем спрашивать, если ты и сам все знаешь?

Олннн взглянул на Раду.

— Я сделала то, что ты просил, — тихо сказала она. — Он единственный колдун, которого я знаю.

— Но ведь он мужского пола, — запротестовал Олннн. — Мужчин-колдунов не бывает!

Сагиира покачал головой.

— Откуда тебе знать, машина смерти?

— Не зови меня так! — рявкнул Олннн.

— Но ведь ты и есть машина смерти!

Порывшись в рюкзаке, Олннн вытащил книгу. Сагиира потянулся за ней, свет лампы на секунду озарил его лицо, и адмирал увидел, что старик слепой. Казалось, зрачки вырвали из глазниц.

— Ты родился слепым? — не сдержавшись, спросил Олннн.

— Когда-то я видел свет, — Сагиира накрыл книгу ладонями, — но этот дар отняли у меня много лет назад. — Раскрытая книга легла на тощие колени. — Знаешь ли ты, машина смерти, что значит потерять зрение? Конечно же, нет! Ты и понятия не имеешь, какое чудо видеть то, что тебя окружает.

— Ну почему, я понимаю.

— Нет, не понимаешь. Ведь ты в'орнн. — Худые пальцы Сагиеры выбивали какой-то ритм. — Когда-то я мог видеть будущее, в этом и заключалась основная сила моего колдовства. А теперь я слеп во всех отношениях. Понимаешь? — Он рассмеялся, обнажая гнилые зубы и воспаленные десны. — Я знал, что вы придете, машина смерти, знал, что вы с нами сделаете! Я пытался их остановить, но меня никто не слушал. Мне стали угрожать, и я по глупости примкнул к ним, и за этот грех меня потом ослепили. — Сагиира наклонил голову. — Книга называется «Теория знаков и символов». Впрочем, ведь ты и сам это знаешь. Не правда ли, машина смерти? Мне рассказали об этом твои кости. Они говорят за тебя.

Олннн уставился на колдуна.

— Откуда ты знаешь?

— Наложенное на них заклятие ожило в тот момент, как ты коснулся этой книги. Я говорил, что это Священная Книга Миины?

— Да, Сагиира, — тихо сказал Рада.

— Ах! — покачал головой Сагиира. — Возраст терзает меня, словно голодный первиллон. — Старик закрыл книгу и прижал ее к впалой груди. — Когда-то я мог ее прочесть и выучил наизусть! Теперь я не помню ничего, совершенно ничего! Никуда я не гожусь!

— Мне нужно отыскать беглецов, — перебил Олннн, отчаявшись сменить тему. — Они что-то искали в этой книге. Меня интересует, что именно.

— Беглецов нужно искать на севере, — заявил Сагиира. — Только тебе их не найти.

— Одна из них чуть меня не убила. Это из-за нее моя нога...

— Вот нога и должна тебя занимать, — проговорил Сагиира. — Даже скорее то, что находится внутри. Заклинание, которое все еще действует.

— Какое заклинание? Счеттта наложила долговременное заклинание?

— Не Джийан, — поправил Сагиира. — Другая колдунья.

— Малистра?

Сагиира кивнул.

— Я тебе не верю, — коротко сказал Олннн.

— Придется, — Сагиира наклонился к Раде, — потому что результат этого заклинания необратим.

Олннн в самом деле чувствовал, что шипение в костях нарастает. Внезапно он вскрикнул от боли в заколдованной ноге и упал на каменный пол.

— Вот видишь, машина смерти! Ты готов терпеть до конца? Не думаю, что готов!

Олннн корчился в агонии, цепляясь за край ковра. Глаза вылезали из глазниц, адмирал хватал воздух ртом.

— Нет, даже машина смерти вроде тебя не готова к *такому*.

Олннн почувствовал, что на ноге, нет, вернее, *внутри* кто-то шевелится. Так и оказалось. Адмирал заворуженно смотрел, как прямо на кости набух огромный волдырь, из которого выползла медная змея, скрывавшаяся внутри пористой кости; плоская клинообразная голова касалась хвоста, в то время как тело свивалось плотными кольцами.

— Малистра! — хрипло прошептал Олннн.

— Она была очень могущественной, — проговорил Сагиира, — и обманула всех, даже своего хозяина.

Олннну было слишком больно, чтобы разбирать болтовню колдуна. Его волновало кое-что поважнее.

В свете лампы змея то сворачивалась кольцом, то снова вытягивалась. Внезапно она зашипела. Черные глаза пронзали Олннна, раздвоенный язык трепетал и высовывался.

— Сслушай внимательно, Олннн. Есссли ты меня ссслышишь, значит, заклинание действует. Рядом ссс тобой наверняка женщина. Она тебе нравитссся? А ты ей? Надеюссся, что да, потому что вы сsss ней навеки связаны.

Краем глаза Олннн заметил, что лицо Рады исказилось от ужаса.

— Раньше тебе никогда не нужна была женщина, но вот время пришло, — шипела змея. — Только она сссможет облегчить твою боль. В конце концов ты сссможешь проводить без нее не больше двенадцати кундалианссских часссов в день.

— Почему? — вскричал Олннн. — Что ты со мной делаешь?

— Пытаюссся защитить. У тебя есссть враг. Ссильный враг, который притворяется другом.

— Курган Стоггул, — догадался Олннн.

Раздвоенный язык змеи затрепетал.

— Дай ему шанссс, и он убьет тебя. Рано или поздно. Я предвидела это, еще когда лечила твою рану. — Змея заскользила по кости. — У Кургана есссть сссовершенно необыкновенная сссила. — Змея подняла голову, и ее язык вновь задержался. — Я дам тебе возмощносссть убить его, но лишь при усссловии, что ты изменишься.

— О чем это ты?

— Чувссство влассссти портит, Олннн. В этом я уверена. Влассссть развращает и ссильных, и ссслабых. Есссли ты убьешь Кургана, твоя влассссть многократно вырастет. Сссейчас ты очень ссслаб и легко поддашьссся сссоблазну. А женщина не позволит тебе измениться.

— А где гарантия, что я не испорчусь вместе с ним?..

Плоская голова змеи повернулась к Раде, глаза зажглись холодным огнем.

— Зачем тебе влассссть, женщина?

— Мне? Я... Не знаю.

Плоская голова метнулась вперед.

— Ессестественно, придется решать кое-какие проблемы, усстранять кое-кого из врагов. Ты должен будешь дейссствовать быссстро и аккуратнo...

— Что? Нет! — в ужасе отшатнулась Рада. — Ты зло! Чистое зло!

— Видишь? — усмехнулась змея, ее пасть растянулась в жуткой улыбке. — Тебе влассть не нужна, ты к ней не сстремишься! Ты сспасешь его от него же ссамого!

— Что? Не желаю иметь ничего общего с...

Видимо, сообщив все необходимое, змея начала разлагаться. Она выворачивалась наизнанку, медные чешуйки сыпались на каменный пол. Змея съеживалась, темнела, извиваясь, будто на углях. Через несколько секунд она бесследно исчезла.

— Это не может быть правдой! — изумленно проговорила Рада и повернулась к колдуну. — Кажется, у меня начались галлюцинации.

Олннн сжал заколдованную ногу.

— Нога болит, — тяжело дыша, сказал он.

— Вам лучше прислушаться к словам Малистры, — посоветовал Сагиира. — Вам обоим.

— Не желаю в этом участвовать, — заявил Олннн.

— Я тоже, — отозвалась Рада.

— Пустые слова, — проворчал Сагиира. — Заклинание уже действует, пути назад нет.

20

БЛИЗНЕЦЫ

— Что за мерзкое тело ты для меня подобрал! — воскликнула Бартта. Руки с покрасневшими от волшебной паутины ладонями скользили по скрюченному и горбатому телу, а глаза так и пылали. — Ты сделал это нарочно! — закричал архидемон Миггорра и картинно показал на Джийан. — Взгляни

на себя! Высокая, золотоволосая, красивая. Ну, скажи, что не забрал себе самое лучшее!

— На первый взгляд все так и есть, — скривилась Джийан, — но ты не представляешь, как отчаянно сопротивляется хозяйка тела. Трудно поверить, что в наше время среди кундалиан появилась такая сильная колдунья.

— Ты просто врешь!

Лицо Джийан перекосилось, словно от боли.

— Как бы то ни было, братец, все мои силы уходят на то, чтобы удержать ее в Иномирье.

Конаре Ингрес, притаившейся в нише за очагом, эта странная беседа казалась зловещей. Когда Джийан заявила: «...счастье, что богиня Миина так внезапно призвала к себе конару Урдму», страхи Ингрес приняли реальные очертания. Ведь все рамаханы знали, что Миина не забирает конар. После смерти конары один из Пяти Священных Драконов Миины (какой именно, зависело от личности рамаханы) брал ее душу в пасть и перемещал в тело новорожденного. С этих слов Ингрес знала, что ее подозрения небеспочвенны. Джийан не та, за кого себя выдает. И Бартта тоже. Но кто же они такие? В разговоре упоминались тела хозяев. О чем это они? Чего они хотят? Зачем сюда явились?

Увидев, как Бартта направляется в бывший кабинет конары Урдмы, Ингрес поняла, что пришло время все узнать, и, бросив работу в другой части монастыря, шмыгнула за угол. Служебный коридор был узким и грязным. К счастью, навстречу конаре никто не попался, так что она незаметно проскользнула в небольшое подсобное помещение и в полной темноте нащупала секретную кнопку на дальней стене. Открылась потайная дверь, и конара Ингрес оказалась в крохотной комнатушке. Скрючившись в неудобной позе, она принялась смотреть в глазок. Сердце билось так, будто вот-вот вырвется из груди.

Сильный шум прервал размышления конары Ингрес. Она снова прильнула к глазку и успела заметить, как Бартта схватила Джийан за горло.

— Раз ты не в лучшей форме, то, пожалуй, пора вернуть то, что принадлежит мне по праву.

Джийан издала низкий душераздирающий вопль и ударила Бартту так сильно, что та пролетела через весь кабинет конары Урдмы, ударившись о каменную стену.

— Прикуси язык! — закричала колдунья. — Вспомни, ведь это я решил нарушить закон. — Джийан шагнула к стене и, схватив ошеломленную Бартту за полы платья, стала трясти ее, словно грушу. — Я рисковал, мне все и достанется. Кроме того, ты никогда не был мне ровней и не строил честолюбивых планов.

— А как насчет войны? Когда же она начнется? — Подобострастным голосом Миггорра пытался унять гнев Хороллагии.

— Ах, война. — Джийан отвлеклась, отпустила Бартту и медленно вернулась к столу конары Урдмы. — Пока что открыт лишь один Портал, через который могут выбраться архидемоны и несколько избранных в измененной форме. Для начала наступления нужно открыть все Порталы одновременно.

— Тогда нам понадобится Хранитель. — Бартта привела в порядок одежду. — А кто должен им стать — еще одна загадка Миины.

Васильковые глаза Джийан заблестели.

— Пусть этот вопрос тебя не тревожит.

Бартта ошетибилась.

— Я что, никуда не гожусь?

— У каждого из нас — своя роль, — просто ответила Джийан. — В этом и состоит сила великого плана.

Бартта затопала ногами.

— Ты постоянно меня подавляешь!

Джийан молча посмотрела на нее, а потом похлопала сестру по горбатой спине.

— С тобой ведь так и нужно, правда? — засмеялась она и совершенно серьезно добавила: — Именно поэтому ты подчиняешься мне, а не наоборот.

Конара Ингрес попыталась пошевелиться, чтобы расслабить затекшие мышцы. Эту крошечную нишу придумала конара Мосса в дни ее беспредельного господства в монастыре Плывающей Белизны. Конаре Ингрес казалось, что о ней знают лишь они с конарой Лиистрой. Они натолкнулись на нишу случайно и, увидев, как она запущена, поняли, что даже конара Бартта не знает о ее существовании.

Услышав, что в дверь кабинета конары Урдмы постучали, Ингрес снова прильнула к глазку.

— Войдите, — сказала Джийан.

Вошла конара Лиистра. Ее глаза казались остекленевшими, как у куклы, а походка стала явно неуклюжей. Все это конара Ингрес отметила со смешанным чувством страха и отчаяния.

— Все зеркала уничтожены, — отрапортовала конара Лиистра.

— Отлично, — похвалила Джийан. — Ты выбрала помощницу?

— Да, Матерь.

Сидящая в крошечной нише конара Ингрес почувствовала, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

— Я выбрала конару Тиир.

Джийан кивнула, и конара Лиистра подошла к двери.

— Конара Ингрес начинает меня беспокоить. Если мои подозрения оправдаются, ее придется устранить, как конару Урдму.

Ингрес зажала рот рукой, чтобы не закричать.

— Думаю, я смогу на нее повлиять, — проговорила конара Лиистра.

— Не позволяй эмоциям своего тела влиять на поступки, — поучительно проговорила конара Бартта. — Все конары должны...

Джийан предостерегающе подняла руку, и Бартта угрюмо замолчала.

— Даю тебе неделю, не больше, — сказала колдунья конаре Лиистре. — Ясно?

— Да, Матерь.

— Теперь приведи помощницу.

Конара Лиистра вышла, а Джийан взяла черную сумочку из змеиной кожи и вытащила оттуда похожий на яйцо предмет. Затем она сделала что-то еще более странное — положила «яйцо» на язык. Прежде чем Джийан закрыла рот, конара Ингрес успела заметить, что из «яйца» высунулись десять коротких ножек.

Через пару минут вошли две конары. Конара Тиир была бледной и сильно дрожала, но тем не менее покорно встала перед Джийан.

— Добрый вечер, конара Тиир, — улыбаясь, приветствовала ее колдунья.

— Добрый вечер, Матерь.

— Конара Лиистра объяснила, зачем вас сюда пригласили?

— Да, Матерь.

— Объясните мне.

— Вы должны проверить, способна ли я достичь более высокой формы сознания.

— Чтобы вы стали еще ближе Великой Богине Миине.

Конара Тиир молча уставилась на Джийан.

— Вы пришли ко мне по собственной воле?

— Да, Матерь.

Джийан кивнула и тут же взяла конару Тиир за руки.

— Вы совсем окоченели, моя милая, сейчас я вас согрею. — Джийан схватила Тиир за плечи и поцеловала в губы.

Конара Ингрес изогнулась, чтобы лучше видеть происходящее в кабинете. Рот Джийан открылся, и яйцеобразное существо переползло в рот конары Тиир.

Конара Тиир начала неистово биться и метаться. Поэтому Джийан пришлось держать ее так крепко, что на коже молодой конары остались красные следы. Однако буквально через секунду Тиир успокоилась. Это произошло так внезапно, что конара Ингрес подумала, не пригрезилось ли ей все. В глазах конары Тиир появилось то же неподвижное выражение, что и у конары Лиистры.

— Ты готова, — радостно сообщила Джийан.

Тиир кивнула.

— Я свободна!

— Еще не совсем, — мягко поправила Джийан, а конара Лиистра повела молодую подругу к двери. — Будь осторожна. Не болтай с другими рамаханами, а если вдруг увидишь зеркало, обязательно уничтожь. Ясно?

— Да, Матерь!

— Конара Лиистра поможет тебе привыкнуть.

Скрючившуюся в нише конару Ингрес колотил озноб. Что за нечестивый обряд провела Джийан? И кто же она на самом деле? Явно не та шима, которую двадцать лет назад изгнали из монастыря. За то время Джийан стала любовницей, фактически супругой бывшего регента Аксис Тэра. Сейчас, по ее утверждению, она спасалась от в'орнновского режима. Однако это не объясняло странного поведения колдуньи.

— Теперь к делу, — сказала Джийан. — Для рамахан следует разработать учебный план. Пока мы не подготовим новые

кадры, нам с тобой, милая Бартта, придется самим вести занятия. Они будут проходить в главной часовне, прямо под изображением Великой Миины.

Джийан захихикала, и от этого звука мурашки побежали по спине конары Инггрес. В этом смехе звучало что-то невероятно грубое и злое. Невозможно было поверить, что так может смеяться рамахана.

— Как ты думаешь, Бартта, чему мы будем их учить? На целительстве станем рассказывать, как навевать страх. На травоведении — как готовить яды без цвета, вкуса и запаха, дабы их невозможно было обнаружить. На священной истории станем проповедовать философию нашего отца, о существовании которого все уже успели подзабыть.

Конара Инггрес зарыдала. Она не понимала смысла разговора. Единственное, что она четко себе представляла, это то, что ордену рамахан, по крайней мере такому, каким его видела Миина, скоро придет конец. Поддавшись полному отчаянию, Инггрес чувствовала себя абсолютно одинокой, испуганной, ничего не понимающей. Присутствие такого зла в святилище Миины парализовывало, а сама речь Джийан и Бартты лишала способности четко мыслить. Конару бил озноб, казалось, силы медленно уходят, и от этого становилось еще страшнее.

Бескровные руки, прижатые к каменной перегородке, затряслись, и конара Инггрес судорожно сжала зубы, чтобы их стук не услышали Джийан и Бартта. Крепко зажмурившись, она беззвучно зашептала седьмую молитву:

О, Великая Богиня Пяти Лун,
Что живет среди царства ночи,
Услышь меня, твою верную слугу,
Которая живет по твоим законам
И чтит слово твое.
Пусть после смерти меня заберут
Свирепые дети твои.
Пошли мне, о Богиня, их нежный поцелуй,
Чтобы ты направляла и защищала меня
До конца дней моих.

Лицо конары Инггрес было влажным от слез, как у ребенка, потерявшего мать.

* * *

Они продолжали путь на север, где высокая густая трава постепенно уступала место скалам странного серо-зеленого цвета. Равнина плавно превратилась в гористую местность. Путникам все чаще попадались валуны, стоявшие поверх других валунов. Отнам назвал их Плечами Джихарра. Это были своего рода указатели, свидетельствовавшие о том, что приближаются *ин'адимы*.

Ехавший впереди Отнам натянул поводья, и куомешал пошел медленнее.

— Нам лучше спешиться, — сказала Теззиг. — Куомешалы не любят *ин'адимы*, и в любом случае пешком нам будет гораздо удобнее двигаться.

Отнам и Мехммер переглянулись.

— А что, если она просто хочет вернуться к своему народу? — язвительно спросила Мехммер.

— Сестра права, — отозвался Отнам. — Кто знает, какие секреты капудаана и его дворца она может выдать Джени Серии?

— Я не шпионка, — возразила Теззиг. — Я никогда не любила Джасима и не желаю возвращаться в его когти.

— Она просто хочет быть свободной, — вмешалась Риана. — Боюсь, Горы не привыкли ценить свободу.

Риана хлопнула куомешала по макушке, и он тут же опустился на землю. Они с Теззиг спешили.

— Думаю, вам следует стать чуть доверчивее и признать, что не все Джени Серии — ваши враги.

— Но ведь у тебя наверняка есть семья, по которой ты соскучилась, — обращаясь к Теззиг, сказала Мехммер.

— Почти всю жизнь я прожила в хаанджхале. Сначала у Джасима, потом у Макктууба, — ответила Теззиг. — Говорят, у меня были сестра и три брата, только я совсем их не помню. А родители... — Она пожала плечами. — Это они продали меня Джасиму, едва мне исполнилось восемь. Засыпая, Джасим рассказывал немало секретов. Хаанджхала — вот моя семья. Так с какой стати мне разыскивать родителей?

— Мы с Теззиг идем дальше, — объявила Риана Отнаму и Мехммер. — Если вы решите вернуться в лагерь, моя благодарность ничуть не уменьшится.

Брат с сестрой снова многозначительно переглянулись.

— Она — аджан. И к тому же Джени Серии, — проговорила Мехммер.

— Мы предупреждали, — вставил Отнам, — за нее отвечаешь ты.

— Да хранит тебя Джихарр и священный фулкаан, Риана, — вместо прощания сказала Мехммер.

Не добавив больше ни слова, они развернули куомешалов и поскакали к Агаширу.

Небо над головой было белым и бескрайним. Зловещий массив Дьенн Марра казался совсем близко, а над Расселиной клубились грозовые облака. С юго-запада доносилось дыхание Большого Воорга, и путешественницам пришлось поплотнее закутаться в синшали, чтобы в глаза не надуло песка.

— Я буду по ним скучать, — проговорила Риана.

— Почему? Они же Горы!

— Мне что, следует ненавидеть их и бояться только потому, что ты аджан и Джени Серии?

Теззиг покачала головой.

— Нам лучше без них. Любое мое слово они принимали в штыки.

Риана привязала куомешала к острому камню, вытащила несколько фляг с водой, и они двинулись на север, к пологовому склону *ин'адима*. Идти было тяжело, ведь плотная коррушская почва превратилась в песчаную дюну. Теззиг показала Риане, как нужно двигаться по дюне, чтобы сохранять равновесие: подниматься, сильно согнув колени и наклонившись вперед, и спускаться, слегка откинувшись назад.

Так они шли примерно час. На вершине самой высокой дюны странницы остановились. Теззиг осмотрелась, прижав ко лбу ладонь, и они снова побрели вперед, сильно согнув колени. Двигаясь по неровному гребню дюны, женщины то и дело поднимали головы, с опаской поглаживая вниз, на *ин'адим*.

Риана увидела несколько глубоких лощин со слегка вогнутым, покрытым коркой дном, по которому ветер гнал ручейки песка из Большого Воорга. Как Риана ни всматривалась, она не заметила никаких следов лагеря Джени Серии. Пройдя по внутренней стороне гребня, путешественницы двинулись дальше на северо-восток, следуя прихотливому изгибу *ин'адима*.

— Куда они могли увести Перрнодт? — шепотом спросила Риана.

— Это зависит от того, что с ней хотят сделать, — ответила Теззиг. — Думаю, что не очень далеко. Наверняка они держат ее в месте, которое считают наиболее безопасным. То есть здесь, в *ин'адиме*.

Сколько бы Риана ни смотрела, в *ин'адиме* она не видела ничего, кроме песка. Ни деревца, ни травинки, ни жалкого клочка мха не росло на Плечах Джихарра. Даже песок, когда девушка потрогала его пальцами, казался грубым и шершавым, словно кожа ящерицы. Цвет песка тоже был очень странным — серо-коричневым, как запекавшаяся кундалианская кровь. Из-за сильной складчатости *ин'адима* видимость была ограниченной, но Риана понимала, что они двигаются очень и очень медленно.

Первого Джени Серии они заметили так внезапно, что Теззиг пришлось стукнуть Риану, дабы та пригнулась. Обе упали на песок и с неистово бьющимися сердцами стали наблюдать, как воин Джени Серии поднимается из чашеобразного *ин'адима* прямо к ним. Лишь небольшой выступ скрывал странник от него, и Риана поняла, что скоро их найдут.

Очевидно, то же самое пришло в голову и Теззиг. Поэтому она горячо зашептала, склонившись к уху Рианы:

— Нужно убить его, не поднимая шума. Если он успеет сообщить остальным о нашем присутствии, то все пропало.

Риана кивнула. Теззиг права, у них не было выбора. Риана вытащила кинжал и поползла вперед, чтобы занять более выгодную позицию. Джени Серии был совсем близко, и девушка старалась настроиться на то, что ей предстояло сделать. У нее был всего один шанс, поэтому нужно было убить воина первым же ударом, чтобы он не успел закричать. Вот он подходит ближе, Риана приготовилась к броску. Она решила перерезать Джени Серии горло. В этом случае из горла хлынет кровь и не даст раненому закричать.

И все же Риана ждала до последнего, так что Джени Серии буквально наступил на нее. Фактор неожиданности был, пожалуй, важнее, чем оружие. Риана замахнулась, готовая броситься на врага, однако так и застыла на месте. Кровь застучала в висках, в глазах потемнело. Риана попятилась, чтобы уйти с дороги Джени Серии, и знаком велела Теззиг сделать то же

самое. Теззиг немного удивилась, но послушалась. Джени Серии прошел мимо, исчезнув за гребнем *ин'адима*.

Риана поползла обратно к Теззиг.

— Что случилось? — спросила аджан. — Почему ты его не убила? Он мог бы нас заметить и не обернулся по чистой случайности.

— Ты так думаешь? — Риана обернулась и стала всматриваться в глубину *ин'адима*.

Заметив еще одного воина, Теззиг окаменела.

— Видишь? — прошептала Риана. — Второй воин идет будто по следам первого. — Она показала Теззиг, откуда явился первый Джени Серии. — Когда он подойдет ближе, обрати внимание на его ноги.

— Ноги? Что?.. — Тут Теззиг все увидела сама. — Он не касается земли.

Именно это и остановило занесенную руку Рианы.

— Это невозможно!

— Было бы невозможно, — сказала Риана, — если бы они были настоящими Джени Серии.

Теззиг покачала головой.

— Они и есть настоящие воины.

— Нет, — возразила Риана, — это голографические изображения. — Увидев удивленные глаза Теззиг, девушка пояснила. — Это своего рода проекция, часть техномагии гэргонов.

— Хочешь сказать, что их не существует? А выглядят они так естественно...

— В этом-то и все дело, — вздохнула Риана.

— А зачем они здесь? С какой целью?

— Во-первых, кто-то хочет, чтобы мы поверили, что Перрнотд похитили Джени Серии. — Риана обдумывала недавние события, вырабатывая многочисленные версии происходящего.

— Думаешь, Джени Серии здесь ни при чем?

— Да, мне так кажется. Я тут подумала — почему Перрнотд никогда не покидает свой кашигтен? Если гэргон Нит Сэттт что-то от нее хотел, то почему просто не пошел туда и не выбил из дзуоко нужные сведения? Единственная причина может заключаться в том, что в кашигтене она была ему не по зубам.

— И он выманил ее из Агашира.

Риана кивнула.

— Думаю, Нит Сэттт понял, что после моего бегства Горы спешно перевезут Перрнодт из кашиггена в более безопасное место.

— Значит, гэргон проследил за Горами, перебил их и похитил Перрнодт...

Прямо на женщин шел еще один воин. Теззиг вытянула руку, чтобы убедиться, что это призрак, но в последний момент Риана заставила ее отдернуть ладонь.

— Голограммы не могут видеть, но тем не менее они своего рода шпионы. Они распознают объекты, находящиеся от них на расстоянии тридцати сантиметров. Кхаггтуны — в'орновские воины — используют подобные устройства для разведки на других планетах и в особо опасных ситуациях.

Прячась от голограмм за невысокой дюной, Риана взглянула на Теззиг.

— Где находится лагерь Джени Серии?

— Примерно в пяти километрах отсюда. Но ведь ты больше не веришь, что это они похитили Перрнодт.

— Правильно, — ответила Риана. — Именно поэтому гэргон держится в стороне от лагеря, — объясняла она. — Все голограммы движутся с северо-запада. Думаю, нам нужно двигаться именно в том направлении.

— Тогда придется пройти по дну *ин'адима*, — испуганно пролепетала Теззиг.

— Без проблем, — сказала Риана, разворачивая пальто Нита Сахора. Однако, когда она развернула одеяние, не произошло ничего. — Очень странно, — нахмурилась девушка, придиричиво рассматривая гибкую нейронную сеть подкладки. — Оно не активизируется. — Риана подумала, что бы это могло означать. В животе тут же образовался узел. Неужели Нит Сахор умер и пальто больше не действует? Она молила Миину, чтобы нашлось другое объяснение.

Сворачивая пальто, Риана посмотрела на дно *ин'адима*.

— У нас есть шанс его пересечь?

Согнувшись в три погибели, они ползли вниз по крутой дюне, песок огромными пластами осыпался под ногами. Когда спутницы спустились почти до самого конца, Теззиг схватила горсть песка и бросила вперед. Песок тут же исчез.

— На что похож зыбучий песок? — поинтересовалась Риана.

— Зависит от течения, — объяснила Теззиг. — Песок может быть вязким, как мед, или водянистым, как каша.

Теззиг снова зачерпнула песку и бросила налево. Песок исчез. А вот когда она бросила горсть направо, песок остался лежать.

— Набей карманы песком, — велела Теззиг Риане, и женщины быстро наполнили все карманы.

— Мы должны двигаться аккуратно и не спеша, — предупредила Теззиг. — *Ин'адимы* славятся внезапным изменением течения, как в океане. То, что сейчас кажется твердой почвой, может через секунду превратиться в зыбун. Поэтому нам нельзя останавливаться.

Теззиг шагнула на дно *ин'адима*, ступая рядом с кучками песка. Бросая песок перед собой, она медленно прокладывала путь. Риана шла за аджан, стараясь двигаться прямо по ее следам. Скоро она заметила, что они идут не по прямой, маршрут оказался довольно извилистым, и они то и дело возвращались назад. Женщины шагали будто по лабиринту, где неясно куда повернешь в следующий момент.

«По крайней мере мы не стоим на месте», — думала Риана. Однако трудно было судить, как быстро они продвигаются. Каждый раз, когда путешественницы двигались вперед, к дюнам на противоположной стороне, их останавливала шевелящаяся воронка песка, и обе понимали — еще один шаг, и их тут же засосет. Особенно Риана переживала из-за того, что здесь, на дне *ин'адима*, они столь уязвимы. Спрятаться было негде, и, напади на них гэргон, бежать будет некуда.

День догорал, бледное безжизненное небо приняло цвет нежно-голубого фарфора, перевязанного тонкими лентами высоких облаков. Из-за высоких дюн в котловину *ин'адима* совершенно не попадал свежий воздух, и Риана чувствовала, что ею овладевает апатия. Пару раз она с ужасом обнаруживала, что веки смыкаются, а однажды девушка, оступившись, чуть не шагнула прямо в зыбучий песок. Высоко в небесах парили большие черные птицы. Риане казалось, что там, на огромной высоте, они пытаются поймать свежий ветер.

Внезапно, словно вынырнув из глубины сознания, Риане открылась еще одна страница ее таинственного прошлого. Она карабкалась по отвесной скале, цепляясь исцарапанными руками

за обледеневший камень. Над головой синело зимнее небо. Внизу — обледенелые скалы, утрамбованный снег, блестящий лед. Ветер, воющий в горах, будто отвечал Риане, которая разговаривала с ним, как с живым существом. Она ползла вверх, вдыхая и выдыхая ледяной воздух. Руки и ноги онемели, но девушка продолжала двигаться вперед. Пурпурный круг солнца пылал высоко в небе, обжигая лицо Рианы. Лед и солнце одновременно.

И тут она услышала издалека Песнь Песней, многократно повторенную горным эхом. Сердце радостно забилося. Она нашла его, наконец-то! Перестав карабкаться, Риана застыла на месте, в ледяном пространстве, за сотни километров от всего и всех. Песнь Песней принадлежала только ей и Дьенн Марру. Закрыв глаза, она услышала хлопанье огромных крыльев. Риана повернулась к солнцу, прищурилась и приготовилась произнести слова, которые столько лет училась произносить правильно...

На дне огромной чаши *ин'адима* Риана растерянно заморгала и покачала головой. Чем вызваны эти воспоминания? Что они означают? Что она искала на самой вершине Дьенн Марра? Что она так долго и напряженно учила? Риана снова покачала головой. Как и все ее воспоминания, это принесло больше вопросов, чем ответов. Прошрое представлялось Риане сложной мозаикой, от которой у нее осталось всего несколько кусочков. Выбросив из головы все тайны и секреты, Риана стала помогать Теззиг разбрасывать песок, а потом пошла по следам аджан, стараясь двигаться по одной линии. Однако она продолжала думать о гэргоне, который, перебив Горов, скрылся с Перрнотт.

Вдруг, будто вызванный ее собственными мыслями, на дальней дюне появился Нит Сэттт. Риана сразу узнала высокий угловатый шлем, украшенный страшными рогами и двойным рядом зубцов на лбу.

— Я знал, что ты придешь, Риана, — проговорил техномаг. — Однако не ожидал, что ты приведешь с собой счеттту из Джени Серии.

Риана потянула Теззиг за рукав.

— Нужно идти дальше.

Нит Сэттт поднял натянутую в перчатку руку и направил на женщин. Зеленый ионный огонь вспыхнул и затрепетал.

В ту же секунду твердый участок почвы, на котором они стояли, обвалился. Теззиг вскрикнула и упала ничком на пе-

сок. Риана отскочила, попыталась схватить аджан за подол и сама тоже рухнула на жесткий песок. Боковым зрением девушка увидела, что Нит Сэттт присел на корточки и наблюдает за происходящим.

— Ты кое-что украла у меня, Риана. — Его голос эхом раздавался в *ин'адиме*. — Сейчас ты мне все вернешь.

Риана, полностью поглощенная тем, как спасти Теззиг, даже не посмотрела в сторону гэргона, не говоря уже о том, чтобы ответить. Перегнувшись через полоску зыбучего песка, она ухватила Теззиг за платье.

— Отпусти меня! — закричала Теззиг. — Песок под тобой может в любой момент превратиться в зыбун. Спасайся, пока можешь!

— Разумный совет, — съязвил Нит Сэттт, — самое время к нему прислушаться.

Риана старалась не обращать внимания на слова гэргона. Она изо всех сил тянула Теззиг к себе, чтобы дотянуться до аджан второй рукой: Это оказалось не так-то легко. Вязкий зыбучий песок быстро засасывал Теззиг. Руки Рианы болели от сильного напряжения. Она почти дотянулась до Теззиг другой рукой, но песок снова зашевелился, и молодую женщину засосало еще глубже.

— Оставь ее, Риана, — проговорил Нит Сэттт, — аджан не спасти.

«Замолчи! — беззвучно кричала Риана. — Замолчи!»

Отчаянно извиваясь, Риана тянулась через вязкую песчаную грязь. Она была темной и почему-то теплой. Риане вспомнилась легенда, в которой рассказывалось, что *ин'адим* состоит из крови Джихарра. Чтобы удержать Теззиг, ей пришлось коснуться щекой медленно шевелящейся поверхности зыбучего песка. Неужели у песка на самом деле сладко-соленый запах крови? Обеими руками тянуть Теззиг было немного легче. Голова и плечи аджан появились над песком, и Теззиг закашлялась, отплевываясь грязью. Риане казалось, что клейкая грязь напоминает кровавую рвоту.

— Можешь пошевелиться? — спросила Риана. — Хоть немного?

— Зря стараешься, — комментировал Нит Сэттт, — все равно ничего не выйдет.

— Еще чуть-чуть, Теззиг, пожалуйста!

Риана поползла вперед и тут же почувствовала, что ее начинает засасывать.

— Тебя засасывает! — закричала Теззиг. — Не теряй времени, Риана, спасайся!

Оказалось, что песчаный островок, на котором лежала Риана, раздваивался. И было неясно, сможет ли одна из половинок выдержать девушку. Песок продолжал осыпаться. Теззиг начала извиваться, пытаясь вырвать руку, но это лишь усиливало решимость Рианы бороться до конца.

— Впечатляет! — поднимаясь, проговорил Нит Сэттт.

Риана чуть не забыла о его существовании.

Гэргон снова поднимал руку.

— Жаль, что все оказалось напрасно! — Стрела багровосинего ионного огня зазмеилась и пронзила встающую с колен Теззиг. Аджан изогнулась, отчаянно хватаясь руками за воздух.

— Нет! — закричала Риана, хотя было уже поздно. Осыпав Риану песчаным дождем, Теззиг тяжело шлепнулась в вязкую грязь. Глаза аджан расширились от ужаса, а тело медленно вращалось, погружаясь в песок.

— *Ва тарабиби*, — прошептала Риана.

— Наконец-то мы остались одни. — Нит Сэттт снова шелкнул пальцами и выпустил еще одну ионную струю в сторону Рианы. — Аплодирую твоей находчивости и силе, Риана, — процедил он, — и все же игра проиграна. Я не убью тебя, как аджан. По крайней мере пока. Ты, как мне кажется, очень необычная кундалианка. Лишь после того, как ты расскажешь все, что нужно, я позволю тебе спокойно умереть.

— Ты ведь не веришь, что я что-нибудь расскажу...

— *Уверен*, что расскажешь! Не стану утверждать, что ты сделаешь это добровольно. Только ведь, в конце концов, ты просто кундалианка. — Ионный залп летел прямо в Риану. — Я умею обращаться с такими, как ты.

Риана бросилась бежать, огонь летел за ней. Она резко меняла направление, ионный выброс — следом. Риана чувствовала, что смертельный залп все ближе. За спиной раздался смех гэргона. Смерть буквально наступала девушке на пятки, она уже слышала, как потрескивают ионы, расщепляя воздух.

Риана изменила тактику. Поняв, что от ионного залпа не убежать, она решила с ним побороться. Из кармана промокшей мантии Риана вытащила гелевую кнопку, которую оторвала от контейнера Нита Сэттта. Вдруг она поможет? Не было никакой гарантии, но и выбора у Рианы тоже не было. Повернувшись к смертоносному выбросу лицом, она швырнула в него кнопку. Когда они столкнулись, небо озарила белая вспышка, а затем взрыв, от которого Риану бросило на спину. Ловя воздух ртом, она перевернулась на живот и попыталась нащупать в складках одежды гороновый жезл. Вот он! Зажав оружие в руке, девушка поднялась, сердце бешено колотилось. В ушах звенело, перед глазами плыли разноцветные пятна. Ионный залп исчез, растворившись в белой вспышке.

Словно сквозь туман Риана увидела, что гэргон закрыл лицо руками. Взрыв потряс даже его. Это придало Риане смелости, и она бросилась на техномага, сжимая в руке жезл и собираясь нажать на золотой диск. Риана сморщилась от боли, разлившейся по телу после соприкосновения с энергией, которую вырабатывала экзоматрица Нита Сэттта. В отчаянии девушка нажала на золотой диск. Ничего. Гороновый жезл не активизировался.

У нее ведь оставался один выстрел! Нужно как-то активизировать цилиндр...

Руки Нита Сэттта обвилились вокруг шеи Рианы. Память Аннона услужливо подсказала ей, что прикосновение гэргона убивает. Однако тот же Аннон вспомнил, как однажды Элевсин рассказывал, что он остался в живых, несмотря на то, что техномаг коснулся его.

Пальцы Нита Сэттта сомкнулись на горле, и Риана почувствовала, как ужасная боль парализует нервные окончания. Мелькавшие перед глазами яркие пятна сменялись черным занавесом — Риана то теряла сознание, то приходила в себя.

Внезапно ей пришла в голову идея, и она дважды быстро нажала на золотой диск. Гороновые лучи, словно острое лезвие, тут же вылетели из цилиндра, прорезая ионный огонь, поглощая гиперактивные ионы и впитывая их энергию.

Собрав последние силы, Риана направила гороновый поток на экзоматрицу гэргона. От соприкосновения с лучами броня побледнела, Нит Сэттт забился в конвульсиях, издав жуткий

вопл, который эхо разнесло по *ин'адиму*. Лучи волшебного жезла в считанные секунды поглотили энергию экзоматрицы.

— Кто ты? — прошелестел Нит Сэттт. Его шлем, расколовшись, упал на песок.

— Твоя смерть, — ответила Риана, стиснув зубы от боли и гнева. — Та, что пришла отомстить. — Она безжалостно смотрела на обнаженный череп, в котором чернела встроенная схема. — Я Дар Сала-ат.

В МГЛИСТЫХ ГОРАХ-2

— Видишь, что случилось! Гэргон убрался в то проклятое место, откуда и появился.

— Придержи язык, дорогой! Тебе известно, что это за место и что оно вовсе не проклятое. — Черная драконша покачала красивой головой, ее чешуя в дымке Поднебесного казалась переливчатой. — Хотя даже я соглашусь с тем, что смерть гэргона не принесла ничего, кроме облегчения.

— Видишь, кто послал гэргона обратно в ад! — загрохотал огромный красный дракон.

— Да, Дар Сала-ат.

— Она поняла, что может убить гэргона.

— Важное открытие, признаю. Однако какой ценой она это поняла? О чем только думал Миннум, когда дал ей жезл? Говорила же я, нельзя доверять соромиантам!

— Ты говорила, что они лгут, — признал красный дракон. — Но ведь доверие заключается не только в отсутствии лжи, верно?

— Твое трепетное отношение к семантике не перестает меня поражать, Эйг.

Красный дракон фыркнул, и из ноздрей повалил густой дым.

— Дорогая, меня радует то, что после стольких миллиардов лет я все еще тебя удивляю.

— Подчас ты способен удивить любого, даже самую Миину. Только прежде чем ты начнешь бахвалиться, пожалуйста, объясни, как Дар Сала-ат справится с соромиантами?

— Да, они ей совсем некстати, — признал Эйг.

— Конечно, соромианты — настоящий бич. Они отвергли Миину.

— А разве рамаханы ее не отвергли?

— Рамахань никогда не напали бы на Дар Сала-ат.

— Я бы за это не поручился, Паов. Особенно теперь, когда балом правят Пэффорос и Хоролаггия.

— Зло уже давно гнездилося в монастырях, так что это их логический конец. Наступил Амбат, время Дар Сала-ат и великих перемен. Поэтому монастыри либо исчезнут совсем, либо возродятся и вернут себе былую славу.

Эйг взмахнул огромным хвостом цвета пламени.

— Послушай, какой же сейчас Амбат? Пророчество пока не сбылось. На сцене появились еще не все действующие лица.

— Они скоро появятся, Паов. Раз вмешался Пэффорос, остальные скоро вступят в игру.

— Пэффорос! Страшно подумать, целый век он не давал о себе знать, вынашивая дьявольские планы, как и было предсказано. Интересно, почему он выбрал именно это тело?

— Да уж, интересно! Хотя объяснить это довольно просто! — фыркнул Эйг. — Его всегда привлекали сильные личности. Это ведь неотъемлемая часть его схизмы, верно?

— Не говори о схизме, — перебила его Паов. — Это запрещено.

Эйг топнул сильной когтистой лапой.

— Что-то в последнее время мне слишком многое запрещают. Понимаю, как чувствует себя Сеелин в нефритовых цепях...

Эйг замолчал, увидев, как нахмурилась Паов. (Конечно, неизвестно, умеют ли драконы хмуриться, но вид у нее был весьма недовольный.) Поджав остроконечные уши, Паов возмущенно раздувала ноздри.

— Кто это летит?

Сквозь рокот водопада все яснее слышалось хлопанье огромных крыльев. Промелькнула страшная кобальтовая тень, и Эшир, дракон воздуха, спустилась сквозь густой туман.

— Какие новости, сестра? — нетерпеливо спросила черная драконша.

— Сеелин по-прежнему на глубине двадцать тысяч сажень, — бодро ответила Эшир. — Хранитель надежно защищен.

— Без Сеелин невозможны ни перемены, ни Амбат! — раздраженно воскликнул Эйг.

— Вот видишь, дорогой, — спокойно проговорила Паов, — я же говорю, что время еще не пришло.

— *Все обстоятельства против нас!* — бормотал Эйг.

Паов положила черную лапу на мощную лапу мужа.

— *Пожалуйста, дорогой, обещай, что больше не станешь вмешиваться!*

— *Что?* — недоуменно воскликнула Эшир. — *Что произошло?*

— *Ну, расскажи ей,* — забубнил Эйг. — *Все равно ведь узнает.* Паов вздохнула.

— *Узнав, что Хоролаггия вторгся в наш мир, мой милый муж решил ввести в игру Миннума.*

— *Соромианта?*

— *Именно.*

— *Благодаря ему,* — вставил Эйг, — *Дар Сала-ат убила гэргона Нита Сэттта.*

— *Вот так новости!* — вскричала Эшир. — *Пэфорос был слишком близко к Вуали Тысячи Слез.*

— *Однако возможные последствия,* — начала Паов, — *в эти темные дни...*

— *Эти дни стали темными из-за архидемонов,* — перебил ее Эйг. — *Меня обвиняют в импульсивности, но посмотри на них! Хоролаггия подло нарушил законы мироздания, существовавшие с незапамятных времен, еще до появления кундалиан. Они и не ведают об этих законах, и все же в отсутствие Миины мы, драконы, должны обеспечивать их соблюдение. Проступок Хоролаггии заслуживает наказания, немедленного и серьезного.*

— *Милый, ну не надо! Что ты задумал? Я не позволю тебе подвергать себя опасности!*

— *Думаешь, я не такой храбрый, как Сеелин? Даже из заключения она проникает в кундалианский мир и помогает Дар Сала-ат.*

— *Это ее судьба. Они с Дар Сала-ат неразрывно связаны.*

— *А разве я с ней не связан?* — Опустив голову, Эйг извергнул поток пламени, ярко озаривший туман. — *Не волнуйся, дорогуша. Хоть тьма разрастается с каждым днем, мы все равно победим.*

— *Да услышит тебя Миина,* — проговорила Эшир.

— *Пусть она услышит тебя, где бы сейчас ни была!* — горячо зашептала Паов, переплетаясь хвостом с мужем.

Все три дракона, изогнув длинные шеи, смотрели вверх. Туда, где за клубами тумана горели звезды других миров, которые были загадкой даже для них.

Книга третья

ВОРОТА ИЗ КРАСНОГО НЕФРИТА

Красный нефрит является непревзойденным проводником тепла.

Ворота из красного нефрита — регулятор, состоящий из множества так называемых камерных шлюзов, которые помогают сдерживать такие эмоции, как злость, страсть и любовь, и сохранять душевное равновесие.

«Величайший Источник».
Пять Священных Книг Миины

...Ворота из красного нефрита открываются с помощью заклинания О-Рен Ка.

Не спуская глаз с врага, накладывайте заклинание с величайшей осторожностью.

«Книга Отречения»

21

КРУШЕНИЕ

Услышав характерный гул кхагггунского звездолета, Элеана выбралась из укрытия и бросилась бежать. Тропа вела под гору, бегать она любила, особенно на короткие дистанции, но ребенок давил на легкие, так что дышать было тяжело.

Элеану тут же заметил дозорный, звездолет сменил курс и, снизившись, заскользил прямо над землей. Три кхаггуна, казалось, летели прямо на закат.

Беглянка чувствовала, что горло судорожно сжимается. Поэтому она заставила себя успокоиться и бежать дальше, хотя ей очень хотелось остановиться и вступить с солдатами в бой. Однако план Реккка был иным, а она с ним согласилась... С того момента, как Элеана вышла из укрытия, у нее уже не было выбора.

Элеана неслась по обозначенной Реккком тропинке, которая лежала между двумя грудями валунов. За ними крутой спуск вел к поросшему кустарником берегу реки. До монастыря Теплого Течения было больше пятнадцати километров, так что Элеана не боялась привести кхагггунов обратно в обитель.

Пробежав между валунами, она почувствовала, что от страха подкашиваются ноги, но тут же взяла себя в руки. Элеана положила на Реккка, который заверил ее, что многочисленные валуны прекрасно отражают ионный огонь, так что кхагггуны не решатся стрелять со звездолета. Гул двигателя усилился — кхагггуны приближались. Вот космический аппарат поднялся над вершиной валунов, и Элеана услышала, как дозорный переговаривается с пилотом.

Валуны остались позади, а звездолет следовал по пятам. Спуск оказался таким крутым, что Элеана больно прикусила язык. В тот самый момент из-за восточного валуна показался Реккк. В прорезь окумммона, который создал для него Нит Сахор, воин положил небольшой камешек.

Сосредоточившись на том, что предстояло сделать, Реккк прицелился в шасси звездолета. Камешек, заряженный техникой гэргонов, вылетел из окумммона и, словно подгоняемый ионным двигателем, с громким хлопком попал в левое выхлопное отверстие двигателя корабля.

Звездолет тут же накренился налево, а Элеана, услышав шум, пригнулась и, как велел Реккк, поползла направо. Так что, когда округлое левое крыло врезалось в землю, она была в безопасности. Берег оказался таким крутым, что звездолет бешено завращался, сбивая кхагггунов с ног и швырнув на перегородку кабины пилота. Обнажив меч, Реккк бросился к космическому кораблю. Острия оружия гудели, искрясь от гиперактивных ионов.

Вращающиеся лезвия, разорвав бронированный костюм одного из кхагггунов, отрезали солдату руку и расщепили несколько ребер. Обливаясь кровью, кхагггун лишился чувств, а Реккк уже бросился на второго и, взмахнув мечом, пронзил ему сердца.

Стремительная атака оказалась ошибкой, потому что Реккк, меч которого застрял в теле умирающего кхагггуна, совершенно забыл про пилота. А тот не растерялся и тут же пнул воина в висок тяжелым ботинком. Отшатнувшись, Реккк застонал и, поскользнувшись, уронил меч.

Пилот тут же использовал преимущество и, выскочив из кабины звездолета, выстрелил Реккку в голову из ионного пистолета. Воин сумел увернуться, но выстрел все-таки задел его плечо. Под бронированным костюмом мышцы онемели, и Реккк даже не мог вытащить свой пистолет. Он едва увернулся от второго выстрела. Кхагггун тоже едва не выронил пистолет, но тут же, собравшись, приготовился прикончить Реккка.

Реккк отчаянно сгибал пальцы, неловко пытаясь вытащить пистолет из кобуры. Однако в положении лежа он все равно не смог бы прицелиться. Реккк поднялся на колени, но стоявший над ним кхагггун был готов для смертельного удара. Кхагггун замахнулся мечом, лезвия которого вращались так быстро, что их не было видно. Но вдруг пилот попятился и отчаянно взмахнул руками, выронив и меч, и пистолет. Реккк увидел, что из груди кхагггуна торчит меч Элеаны. Она ударила пилота между лопаток с такой силой, что оружие застряло в теле противника. Кхагггун опустился на колени, замолотив руками, а Элеана, медленно вращая лезвия, стала вытаскивать из тела меч, перерезавший шею солдата.

— В Н'Луууру! — задохнулся от изумления Реккк. — Кажется, из меня вышел отличный учитель.

Элеана ухмыльнулась и, пока Реккк поднимался на ноги, принесла ему меч.

— Угу, ты говорил, что воин ни при каких обстоятельствах не должен выпускать меч из рук.

— Я беспокоился о тебе и ребенке, поэтому так и вышло. — Реккк тоже ухмыльнулся. — Н'Лууура, как здорово, когда руки тебя слушаются! И знаешь, я правда перепугался!

Они вместе вытерли лезвия мечей о мягкий зеленый мох, а потом выбросили тела из звездолета. Реккк перетащил все трупы к реке и столкнул вниз. Стремительное течение тут же подхватило кхаггунов и понесло прочь.

Выждав, пока тела не скроются за поворотом, победители стали карабкаться вверх по крутому склону. На половине пути Реккк вдруг услышал за спиной тоненький всхлип и удивленно обернулся. Элеана, скрючившись, сидела на траве.

— Элеана! — вскрикнул воин и попробовал ее поднять.

— Со мной все в порядке, — слабо проговорила она. — Я... — Элеана не договорила, потому что ее вырвало.

Реккк держал молодую женщину за плечи, но рвота не прекращалась.

— Я идиот, — пробормотал Реккк, — зачем я заставил тебя бежать! Все это напряжение...

— Замолчи! Ненавижу, когда со мной разговаривают, как с инвалидкой!

Он принес Элеане воды, чтобы она могла умыться. Прополоскав рот и напившись, Элеана безжизненно лежала, откинув голову на плечо Реккка.

— Ах, Реккк, носить ребенка труднее, чем я могла себе представить!

— Просто у тебя это в первый раз.

— Нет, дело не только в этом.

Реккк пригладил ее волосы.

— Элеана, не требуй от себя слишком многого! С самого рождения ты не знала ничего, кроме войны, дух которой впитала с молоком матери. Сейчас тебе предстоит узнать нечто совсем другое. Жизнь — это не только боль и убийства, интриги и предательства. Есть и другие моменты. — Он осторожно коснулся ее огромного живота. — Чудесные моменты, которые ты будешь помнить всегда. Даже когда война кончится и о ней позабудут.

Элеана закрыла глаза.

— А что, если роды начнутся еще до... до возвращения Джийан?

— Она обязательно будет с тобой!

— А если нет?

Реккк поцеловал Элеанину макушку.

— Тогда придется справиться без нее.

— А Риана?

— Риана — Дар Сала-ат, — проговорил Реккк. — Она вернется от коррушей еще сильнее, чем была. — Воин аккуратно взял Элеану за подбородок и заглянул в глаза. — Ведь, кажется, так написано в вашем Пророчестве?

— Так утверждают рамахане. Лично я ни разу не видела, чтобы Пророчество сбывалось. И не знаю никого, кто бы видел.

— А как же Джийан?

— Насчет Джийан я не знаю.

— Значит, ты должна верить, что Джийан видела, — мягко проговорил он. — Ты должна верить, что Пророчества существуют и всегда сбываются. — Реккк ласково улыбнулся. — Даже Нит Сахор в них верит.

Элеана была слишком расстроена, чтобы заметить, что Реккк говорит в настоящем времени.

Вдруг Реккк рассмеялся.

— Взгляни на наш разговор со стороны! В'орнн убеждает лидера движения Сопrotивления, что кундалианские Пророчества на самом деле существуют.

Элеана кивнула.

— Но ты не такой, как другие в'орнны.

Реккк сжал девушку за плечи и помог подняться.

— Мне уже лучше, правда! — Элеана оттолкнула его руку. — Хочу, чтобы мой сын знал, что у него сильная мать. — Она уверенно зашагала вверх по склону, а затем вместе с Реккком отыскала звездолет.

Наблюдая за ней, Реккк только качал головой. Вот он нагнулся, вытащил из левого выхлопного отверстия камешек и завел звездолет. В кхагггунском звездолете Элеане было немного не по себе — бойцам Сопrotивления еще не удавалось захватывать звездолеты. Реккк весело насвистывал, и тут они увидели красно-сине-зеленого тэя. Он приветствовал их ликующей песней и, не переставая петь, уселся на столик прямо в кабине.

— Держись! — велел Реккк. Элеана прижала к себе тэя, который, сложив крылышки, устроился прямо на изгибе выпуклого живота и что-то негромко зачирикал.

— Послушай, — засмеялась Элеана, — кажется, он баюкает малыша!

Реккк включил минимальную скорость, звездолет затрясло, и его крыло медленно поднялось из песка. Вот космический корабль набрал высоту, и Реккк взял курс на север, где не было больших городов. Земля быстро отдалялась, крошечные деревца скоро слились в сплошное зеленое пятно. Вот они пересекли широкую полосу красноватого света и увидели диск догорающего солнца, опускающегося за западный горизонт, а сверху — безмятежное кобальтовое небо. Облака, клубящиеся на юге, по виду напоминали дракона и висели неподвижно. Последние солнечные лучи на мгновение окрасили их в нежно-розовый цвет, и вот облака снова стали грязно-серыми.

Приближалась ночь. Ветер затих, в холодном небе ярко сверкали звезды. Элеана поплотнее закуталась в накидку и порылась в мешке с продуктами, который она собрала еще в монастыре Теплого Течения. Молодая женщина предложила Реккку немного копченого мяса. Он отрицательно покачал головой, и Элеана стала жевать мясо без всякого аппетита. Глаза слезились, лицо онемело, но она присела возле металлической перегородки, крошила в ладонь немного лееесты и протянула тэю. Взъерошив перышки, тэй уселся на ладонь Элеаны и искоса на нее посмотрел.

— Ну же, — проговорила Элеана, — ты наверняка хочешь есть. От этого только Реккк отказывается.

Тэй склонил яркую ало-зеленую голову и кончиком жесткого клюва принялся клевать кусочки сухой лееесты. Элеана, которую порадовал аппетит птицы, стала негромко напевать. Самое обыкновенное мирное событие в ее далеко не мирной жизни. Элеана пригладила перышки тэя. Птица перестала есть и снова взглянула на Элеану. Черные бусинки глаз, не мигая, смотрели на молодую женщину. Элеана вдруг почувствовала сильную усталость и, прислонившись к перегородке, крепко заснула.

Ее разбудил какой-то резкий звук — весьма неприятное гудение.

Они по-прежнему летели на полной скорости, с помощью в'орнновских фотонных навигаторов Реккк вел звездолет в темноте.

— Что это? — спросила Элеана, поднимаясь. Тэй тоже подлетел поближе.

— Кхаггунские позывные, — ответил Реккк. — Штаб пытается разыскать звездолет, потому что с него не поступило положенного доклада.

С Элеаны слетели остатки сна, она начала тереть глаза.

— Мне казалось, кхаггуны подают рапорты каждые пятьдесят часов.

— Очевидно, новый звезд-адмирал увеличил частоту подачи рапортов для тех отрядов, что разыскивают нас.

Гудение продолжалось.

— Нельзя ли его отключить? — спросила Элеана.

— Нет. Да и в любом случае сейчас это уже не важно.

— О чем ты? — не поняла она.

Темные глаза Реккка мрачно взглянули на Элеану.

— Если бы я был дежурным диспетчером и не получил отчета от одного из звездолетов отряда, то уже послал бы еще один корабль выяснить, что произошло.

— Им нас не найти, мы улетели далеко...

— К сожалению, прибор, который посылает позывные, — неотъемлемая часть механизма, так что я не могу его отделить. Этот прибор и указывает наше местонахождение. В штабе знают, где мы.

Спина Элеаны покрылась холодным потом.

— Ты знал, что так получится?

— Вообще-то да. Просто я надеялся, что у нас будет больше времени.

Страх стиснул Элеану стальными клешнями.

— Сколько у нас времени?

— Зависит от того, где сейчас ближайший звездолет. — Реккк пожал плечами. — Думаю, не больше часа.

Элеана подошла к Реккку, тэй опустил на ее плечо.

— Что же нам делать?

Реккк молча смотрел на поверхность навигационных приборов. Элеана тревожно оглянулась, будто спиной чувствовала погоню.

* * *

Олннну хотелось убить Раду. Вообще-то он уже пытался ее убить, и не один раз.

В первый раз это произошло, когда они возвращались из грязного лабиринта хижин за улицей Предчувствий. Шли молча, говорить было не о чем.

Вдруг они услышали гул — над головами пронесся звездолет, по недавнему приказу Олннна количество патрулей удвоилось. Адмирал увидел баскиров, препирающихся из-за какой-то сделки, и еще одного, толстого, вальяжного, изнеженного привилегиями своей касты, пьяно обнимающего лооорм. Месаггун и молодая тускуггун прошли мимо, негромко переговариваясь. Олннн мрачно посмотрел на кундалианского слугу, прошмыгнувшего мимо, словно крыса в нору.

Гнев звезд-адмирала кипел, каждую минуту грозя вырваться из-под контроля.

Проулок, в котором он оказался вместе с Радой, был узким и пустынным. Фонари скупо освещали мостовую желтоватым светом, под ногами лежал толстый ковер осенних листьев. Вокруг слышался гул ночного города, словно назойливое жужжание тысячи голодных пчел.

В воздухе пахло насилием.

Олннн мрачно посмотрел на Раду. Он неотделим от этой тускуггун! От такой несправедливости кровь забурлила. Без всякого предупреждения, адмирал схватил Раду за талию, повернул к себе так, что почувствовал прикосновение упругой груди, и впился в ее губы.

— Прекрати, иначе я тебя убью, — прошипела она.

Олннн не собирался ее слушать. Прижав ее к влажной грязной стене, он навалился на Раду, а когда женщина начала извиваться, ударил по виску так сильно, что она едва не потеряла сознание. Воспользовавшись слабостью Рады, Олннн поставил ей подножку и, повалив на землю, прижался к горячему трепещущему телу.

Рада продолжала извиваться, но ее нетипичное для тускуггун своенравие лишь придавало адмиралу решимости.

Он изнасиловал ее, а потом убьет. Хватит с него унижений, довольно! Вечный дух насилия и безнаказанности пропитывал ночной Аксис Тэр.

Олннн считал это справедливой карой за непослушание Рады, за ту власть, что она над ним имела. Он силой раздвинул ей ноги, обнажил груди и зарылся в них лицом. Однако Рада тут же укусила адмирала за ухо так, что пошла кровь. Олннн ударил женщину снова, на этот раз кулаком.

Как только Рада начала кричать, заколдованную ногу словно опалило огнем. Олннн пошатнулся и упал на колени перед женщиной.

— Насилие погубит тебя, — заглянув адмиралу в глаза, проговорила Рада. — Именно в этом смысл заклатья. Когда же ты это поймешь?

Олннн бился в агонии.

— Единственное, чего я хочу, — пробормотал он, — освободиться от этого идиотского заклатья.

— Тогда мне нужно убить тебя, — прошипела Рада, — это единственный выход.

Так они и лежали рядом, заклятые враги, по иронии судьбы связанные друг с другом. Через некоторое время Олннн, смеясь, отодвинулся от Рады и горящими глазами стал наблюдать, как она приводит себя в порядок. Боль в ноге постепенно утихла.

— Продолжай смеяться, — велела Рада. — Ты злобное животное, и однажды я убью тебя своими руками, обещаю!

Эти слова произвольно врезались звезд-адмиралу в память и почему-то воодушевляли.

Во второй раз он пытался убить ее среди бела дня. Последствия Олннна не беспокоили. Он ведь звезд-адмирал и в своих действиях не отчитывается ни перед кем, кроме регента.

Рада была в его палатке и что-то сказала адмиралу. Что именно она сказала, было не важно. Олннна вывел из себя ее насмешливый тон, блестящие глаза, в которых ясно читалось, что Рада его не боится. Какое право она имела не бояться его, звезд-адмирала, чей бешеный нрав повергал в страх даже видавших виды генералов! Да кто она такая? Обычная тускуггун, которая просто обязана его страшиться и подчиняться беспрекословно!

Дико закричав, Олннн вскочил, выхватил из ножен меч и угрожающе поднял оружие. Палатку тут же заполнило шипе-

ние гиперактивных ионов, разряды которых сталкивались на двойных лезвиях.

— Ну же, убей меня, — дразнила Рада, — давай!

Адмирал был готов к убийству, насилие было основной чертой его характера. Однако заколдованная нога тут же вспыхнула, силы разом покинули держащую меч руку. Выронив оружие убийства, Олннн стоял, понуро ссутулившись.

— Так не может продолжаться. — Звезд-адмирал сжал кулаки так сильно, что ногти вонзились в ладони, расцарапывая их в кровь. — Мне нужно кого-то убить, иначе я сойду с ума. Рада подошла к нему и заглянула в глаза.

— Трудно сказать, что за чувство я к тебе испытываю — ненависть или жалость.

Окровавленные пальцы Олннна вцепились в горло Рады. В ответ ее гибкие руки обвили его шею. Большой палец надавил на сонную артерию.

— Давай заключим договор, — прохрипел Олннн, — что мы убьем друг друга и вместе разрушим это зачатие.

— Чувствую твой запах.

— Одно дело — готовиться к битве, — ворчал адмирал, — даже если знаешь, что врагов в три раза больше и что они сильнее, как, например, центофеннни. — Его глаза вспыхнули. — Здесь все совсем иначе. Собственная жизнь извращена до неузнаваемости кундалианским зачатием!

— Чувствую, как пахнет твоя трусость.

Олннн плюнул в Раду, а она рассмеялась.

— По крайней мере я имею на тебя влияние, — мягко сказала Рада. — Я не просто ничтожная тускуптун, безмозглая кукла, которая интересуется тобой лишь как объект похоти. Я заняла все твои чувства. Хотя и сомневаюсь, что ты умеешь чувствовать.

— Не понимаю, о чем ты. — Олннн медлительно покачал головой. — Так жить невозможно.

— Ты начинаешь прозревать, звезд-адмирал. Кажется, именно этого и добивалась Малистра. Нужно найти другой выход.

— Я в'орнн. Более того, я — хкаггун. Я не смогу жить по-другому.

— Тогда, как сказал Сагиира, ты умрешь. Значит, умру и я, потому что зачатие нас неразрывно связывает. Но, знаешь,

звезд-адмирал, я не намерена заключать с тобой сделок о двойном самоубийстве. Хочу жить так долго, как получится. И если для этого придется поддерживать твою жизнь, что ж, именно этим я и займусь. Я заставлю тебя измениться, хочешь ты этого или нет.

— Вижу их на радаре, — объявил Реккк, — они приближаются с юго-востока.

В его голосе не было ни беспокойства, ни других эмоций. Элеана отметила это одной частью сознания, в то время как другая часть готовилась к бою. Положив одну руку на живот, молодая женщина содрогнулась при мысли, что малыша затягивает та же трясина войны и ненависти, которая в свое время поглотила ее саму. Однако переживания не мешали Элеане готовить меч к предстоящей битве.

— Они догоняют нас?

— Понемногу, — ответил Реккк.

— Значит, нам не убежать.

— Им помогает попутный ветер.

— Тогда и ты направо звездолет по ветру, — предложила Элеана, — мы тоже могли бы его использовать.

— Я думал об этом, но ветер отнесет нас на сотни километров на запад. — Реккк взглянул на Элеану. — Ионные пушки в ящиках возле тебя.

Элеана потянулась, открыла электромагнитный замок так, как показал Реккк, и вытащила одну из отвратительных пушек.

— Тебе придется отказаться от виражей!

— А что прикажешь делать, когда они будут совсем близко?

— Тогда пушки не пригодятся!

— Тем не менее тебе придется стрелять.

По тону Реккка ясно слышалось, что это приказ. А поскольку с того момента, как удалось захватить звездолет, они были в состоянии повышенной боевой готовности, Элеана послушалась. Скрючившись в правом углу кормы, она приложила тройной ствол пушки к верхней части перегородки. Услышав шипение ионных разрядов, Элеана поняла, что не сможет выстрелить, однако все равно прижалась глазом к прицелу.

Сначала она не увидела ничего, кроме темноты, но постепенно глаза привыкли.

В этот самый момент Элеана почувствовала, что они идут на снижение. Звездолет быстро терял высоту и скорость. Ну, чего-то подобного она и ожидала. Если кхаггунские звездолеты попытаются их сбить, будет не так страшно падать.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — проговорила Элеана, чувствуя, что корабль продолжает стремительно снижаться.

— Хочу, чтобы они думали, будто мы ищем, где приземлиться.

— А что ты на самом деле делаешь?

— Ищу, где приземлиться.

— Ты что, смешишь меня?

— Не знаю. А что, получается?

— Расскажу, когда мы отсюда выберемся.

Элеана настроила объектив прицела на максимальное увеличение. Ей показалось, что она видит что-то мерцающее, как звездочка в сумрачном небе. Элеана попыталась рассмотреть шлейф выхлопных ионов и, как только в видоискателе показалась сверкающая пыль, сделала первый выстрел. На таком расстоянии она не могла бы попасть в цель и не попала. Однако залп послужил сигналом того, что они готовы к бою.

Сидевший позади нее Реккк пригнулся и провел звездолет между деревьями. Бурые ветки хлестали корабль, кабина затряслась, и Элеане стало трудно целиться в преследователей. Ее выстрел так и остался без ответа, потому что кхаггуны понимали — расстояние слишком велико. Кроме того, с их точки зрения спешить было некуда. Угнанный звездолет обнаружен, сбить его и уничтожить противника можно и чуть-чуть позднее.

Пересекая лесистую ложину и небольшое пастбище, ограниченное двумя высокими елями-куэлло, Реккк опустил космический корабль к самому холму. Элеана тут же узнала это место. Они оказались к северу от места ее рождения и к западу от реки Чуун. Элеана ориентировалась без труда — в этих лесах она много лет охотилась и спасалась от кхаггунов.

Звездолет снизился еще больше. До поверхности земли оставалось всего несколько метров. Впереди поднимались зазуб-

ренные вершины Дьенн Марра. При мысли о доме глаза Элеаны наполнились слезами.

Реккк попросил ее на время занять место пилота, и она повела звездолет, следуя четким указаниям воина.

— Постарайся спуститься как можно ниже, — велел Реккк и, отвернувшись от Элеаны, начал снимать пурпурную форму хааар-кэутов, которая верно служила ему с тех пор, как несколько недель назад он украл ее в кхагггунских казармах Аксис Тэра.

Элеана не справлялась с управлением, и звездолет мог в любую секунду врезаться в холм. Впрочем, Реккк вовремя пришел ей на помощь. Он мастерски обошел скалу, подняв левое крыло, а затем опять выровнял корабль.

Глухой звук справа, и скалы с деревьями превратились в сноп голубого пламени.

— Они на расстоянии выстрела! — объявил Реккк.

Элеана вернулась к пушке в правой части кормы. Кхагггунский звездолет появился в окошке прицела так внезапно, что Элеана, не задумываясь, открыла огонь. Она снова промахнулась, зато кхагггунам пришлось резко повернуть вправо.

Реккк настроил мотные двигатели так, что они промчались буквально в нескольких сантиметрах от вершины. Звездолет ударило о скалу, на которой остался след. На корабль обрушился дождь горящих ветвей с деревьев.

Тэй пронзительно вскрикнул, Элеана, опустив пушку на дно кабины, следующие несколько минут выгребала из нее горящие обломки. Это было непросто: ведь из-за крутых виражей, которые совершал звездолет, Элеану швыряло от одного борта к другому.

Вокруг земля разрывалась на части, и хотя они летели очень низко, становилось все труднее удирать от кхагггунского звездолета.

— У нас ничего не получится! — закричала Элеана.

— Доверься мне! — отозвался Реккк.

В тот самый момент залп кхагггунского корабля пробил правое крыло. Одной рукой Элеана схватила трепещущего тэя. Однако она не смогла удержать пушку, которая повалилась набок. Элеана попыталась ее поднять, и тут еще один выстрел

поразил звездолет. Казалось, машина жалобно вскрикнула, перевернулась почти на сто восемьдесят градусов, и Реккк с трудом вернул ее в нормальное положение. Задний край левого крыла коснулся земли, пропахав глубокую борозду в мягкой почве, и, помяв фюзеляж, звездолет ударился о скалу.

Ослепительно яркий голубой свет озарил ночь, Реккк поднял Элеану на руки, помог выбраться из сильно накренившегося космического корабля и выпрыгнул следом. Согнувшись в три погибели, зажав нос и рот, они побежали к пылающим деревьям. За спиной раздался взрыв — звездолет превратился в сине-зеленый огненный шар, и ударная волна, сбив с ног, швырнула беглецов в высокий папоротник. Быстро поднявшись, Реккк и Элеана побежали дальше. Чудом уцелевший тэй летел следом. Кхаггунский звездолет, угрожающе ошенившийся пушками, спустился на пылающий склон. Облаченные в форму цвета жженой умбры кхаггуны быстро покидали корабль, следуя за командиром взвода Акктоном Блледом.

Едва звездолет приземлился, Бллед приказал трем четвертям своего взвода искать беглецов. Под его руководством солдаты разбились на пары и разошлись в разные стороны, прочесывая окрестный лес по секторам.

Едва кхаггуны исчезли среди деревьев, растущих на крутом склоне, Бллед приказал остальным обшарить тлеющие обломки сбитого звездолета. Одному из своих ближайших помощников командир велел задержаться.

Обнажив меч, Бллед приложил двойное лезвие к горлу кхаггуна.

— Третий капитан, разве вы не слышали, что я приказал взять предателей живыми?

— Слышал, командир взвода.

Отряду Бллада было всего несколько недель. Каждого кхаггуна он выбрал лично, но времени на подготовку новобранцев оказалось совсем немного. Блледу хотелось быть уверенным в каждом кхаггуне.

— И все же, — гневно продолжал Бллед, — вы выстрелили прямо в них.

Третий капитан облизал губы.

— Я лишь отвечал на их огонь, сэр. Первым я ни разу не стрелял. И вообще целился в крыло. Лишь когда я выстрелил, то понял, что звездолет успел приземлиться.

— Это что, оправдание?

— Оправдания ниже нашего достоинства! — заученно пролаял третий капитан.

— Верно, — похвалил Бллед.

— Сэр?

Внимание Блледа отвлек маршал второго ранга, осторожно пробирающийся сквозь обгоревшие обломки.

— Температура была слишком высокой, и их останки сгорели, но вот... — В правой руке воин держал что-то почерневшее и все еще дымящееся.

Бллед оторвал меч от горла кхаггуна и внимательнее взглянул на то, что показывал маршал второго ранга.

— Боевой мундир. — Палец Блледа заскользил по покрытой пузырями поверхности. — Не может быть никаких сомнений!

— Пурпурный, — уточнил маршал второго ранга. — Рэнн-нон Реккк Хачилар носил форму, украденную у хаар-кэутов.

— Верно, — сказал Бллед. — Это — его мундир. — Он вернул обгоревшие куски маршалу второго ранга. — Если найдете другие части, принесите их в звездолет.

— Есть, сэр! — Маршал отдал честь и побежал к обломкам звездолета.

Бллед повернулся к кхаггуну.

— Кажется, рэнн-нон погиб. Но где же кундалианская счеттга?

— Крушение было ужасным, все случилось быстро, — ответил кхаггун, понимая, что от ответа зависит его собственная жизнь. — По всей вероятности, оба сгорели заживо. Но даже если счеттте удалось спастись, мы обязательно ее поймем.

— Плевать я хотел на вероятность, третий капитан, меня интересует лишь конкретный результат. Впрочем, в одном вы правы. Если беглецам удалось спастись, мы их все равно поймем.

22

СОН И ЯВЬ

— Не плачь, *ва тарабиби*.

Теззиг коснулась пылающего лба Рианы.

— Ты ранена, *ва тарабиби*, — прошептала Теззиг, — отдохай, я позабочусь о тебе.

— Я не могу отдыхать, — попробовала возразить Риана, чувствуя, как раскалывается голова. — Я должна защищать тебя.

— От чего ты хочешь меня защитить? — улыбнулась Теззиг и прильнула к Риане прохладными, словно мрамор, губами. — Пока я с тобой, *ва тарабиби*, мне ничего не угрожает. Ты вытащила меня из шелковой тюрьмы и подарила свободу. Чего же еще желать?

И тут, к ужасу Рианы, с лица Теззиг начала облезать кожа и, словно воск со свечи, падать девушке на грудь. Риану охватил леденящий ужас, и она закричала.

— Теззиг! Теззиг! — На девушку смотрел голый ухмыляющийся череп. — Нет, Миина, нет!

Риана проснулась, но остатки сна, словно ядовитые змеи, продолжали отравлять ее мысли.

— Теззиг, — прошелестела она, — *ва тарабиби*.

— Сестра, — позвал Отнам, — она проснулась. — Гор наклонился и аккуратно смочил пересохшие губы Рианы.

Вдоволь напившись, девушка смогла говорить.

— Я знала, что вы вернетесь и поможете мне.

— Мы не могли тебя бросить, — с обычной полуулыбкой проговорил Отнам; на фоне смуглого лица его зубы казались ослепительно белыми.

— Где аджан? — спросила подошедшая Мехммер.

— Погибла, — прошептала в ответ Риана, — ее засосал *ин'адим*.

— Кровь Джихарра не принимает неверных.

— Но ведь со мной ничего не случилось, — рассудительно проговорила Риана. — И в любом случае Теззиг убил не *ин'адим*, а Нит Сэттт. Она погибла, спасая меня.

— Риана, тебе нужно поесть, — строго проговорила Мехммер. — Битва с техномагом подорвала твои силы.

— Я потеряла подругу, — печально проговорила Риана, — есть совсем не хочется.

— О подруге лучше забыть. Ей уже не поможешь.

— Зато мне бы очень помогло, — тихо попросила Риана, — если бы ты прочитала молитву во спасение ее души.

И девушка услышала красивое сильное контральто Мехммер, нараспев читавшей молитву во спасение души Теззиг.

— Где еда? — спросила Риана.

Отнам грустно посмотрел на нее.

— Пора подумать о Перрнодт, — прошептал он.

Риана резко села и застонала. В ушах все еще звучало контральто Мехммер, и она судорожно сжала виски. Риана открыла глаза — Отнам и Мехммер исчезли. Возвращались ли они в действительности? Сердце бешено колотилось, она едва не потеряла сознание. Неужели ей приснился такой странный сон? Неужели Отнам и Мехммер, так же как и Теззиг, — просто галлюцинации? Неужели Горы на самом деле не пытались ее спасти? Возвращались ли они? Риана была почти уверена, что возвращались.

«Пора подумать о Перрнодт».

Перрнодт! Риана уперлась ладонями в песок и поглубже зарылась в него пальцами, дабы не потерять сознание. Повернув голову, она увидела искореженные останки Нита Сэттта.

Риана поползла к мертвому гэргону, но сил у нее осталось так мало, что она едва не потеряла сознание. Сев на песок, девушка постаралась дышать как можно ровнее. Скоро ей стало лучше, и она поползла дальше.

Мертвый, без шлема, гэргон походил на скелет, разрушенный каким-то дьявольским пламенем. Доспехи расслоились и стали напоминать лепестки какого-то жуткого цветка. Верандиумовый наконечник, торчавший из макушки техномага, тускло сиял в лучах утреннего солнца. Гнилью пахло так сильно, что Риану замутило.

Она внимательно осмотрела останки. От возгорания фляжка разорвалась, и вода тут же испарилась, однако в помятом цилиндре нашлось немного еды, теплой и вполне съедобной на

вид. Проглотив маленький кусочек, Риана почувствовала, как к ней возвращаются силы, будто она съела плоть поверженного врага, наделявшую ее сверхъестественной энергией.

В голове просветлело. Риана поднялась и прошла по подветренной стороне высокой дюны. С одной стороны виднелась пещера, вырытая, без сомнения, Нитом Сэтттом, которому понадобился тайник.

— Кто ты? — слышалось из пещеры. — Где гэргон? — Женский голос доносился будто издалека.

— Меня зовут Риана.

Риана закрылась ладонью от солнца и взглянула на Перрнотт, которая сидела, прислонившись к черной стене пещеры. Дзуоко казалась одного возраста с Джийан, с иссиня-черными вьющимися волосами, беспорядочной копной ниспадавшими на плечи. Высокая, стройная, с бледной тонкой кожей, Перрнотт выглядела хрупкой и беззащитной. Однако черты лица были слишком грубыми, чтобы назвать ее красивой, а светлые глаза сурово блестели, отражая огромную внутреннюю силу.

— Гэргон мертв, — объявила Риана. — А я проделала огромный путь, чтобы встретиться с вами.

Перрнотт попыталась выйти из пещеры.

— Не могу выбраться. Гэргон заблокировал выход ионным полем.

Риана не знала, как унять пульсирующую головную боль. От ярких лучей утреннего солнца ей было еще хуже. Она подошла прямо к ионному барьеру и внимательно на него взглянула. Поле состояло из световых частиц, которые в виде синусоид двигались по горизонтали, перекрывая вход в искусственную пещеру.

Вернувшись к останкам гэргона, Риана начала отдирать кусочки экзоматрицы, пытаясь найти источник энергии, который можно было бы использовать. Разрушенная экзоматрица распадалась кусочками, напоминавшими панцирь черепахи. Риана внимательно осматривала поверхность каждого из осколков, но не видела ничего похожего на гелевую кнопку.

От чего же питалась экзоматрица? А что, если источник энергии находился прямо в теле гэргона? Если так, то ей не вытащить Перрнотт. Неужели ничего не выйдет? Риана вни-

мательно смотрела на Нита Сэттта. Затем она приложила руки к верадиумовому наконечнику на макушке — даже защищенный от солнечных лучей, он продолжал тускло мерцать.

Зарывав, Риана вытащила кинжал и ударила рукоятью по черепу, который раскололся, словно яичная скорлупа. Девушка без труда вытащила наконечник. Он был шлифованным и полупрозрачным, словно кристалл. Риана поднесла наконечник к глазам и разглядела фотонные частицы, похожие на те, что пульсировали по ионному полю.

Сжимая наконечник в руке, она вернулась к пещере. С одной стороны, там, где он крепился к черепу Нита Сэттта, наконечник был острым, как перо. Риана проткнула наконечником поле и провела вертикальную линию. Поле расступилось, и Риана осторожно просунула в образовавшуюся брешь ладонь. Затем девушка быстро провела наконечником до самого основания пещеры и вошла.

Риана услышала хлопок, и в ушах зашумело. Быстро собравшись с духом, она схватила Перрнотт за руку, вытащила дзуоко наружу.

Они медленно пошли по подветренной стороне дюны, стараясь держаться в тени. Несколько шагов, и Перрнотт без сил упала на песок. Головная боль, с утра терзавшая Риану, вернулась, став еще сильнее. Риана понимала, что им обоим срочно нужны еда и питье. Гэргоновский провиант кончился, а ее куомешал остался на другом конце *ин'адима*.

Снова завернувшись в пальто Нита Сахора, Риана закрыла глаза и представила себе место, где остался куомешал. Ничего. Она попыталась еще. Опять ничего. Уже во второй раз пальто не работает на территории *ин'адима*. Почему? Риана покачала головой и тут же об этом пожалела, так как в висках застучало еще сильнее. Однако головная боль вскоре перестала волновать Риану. У нее были проблемы посерьезнее — например, как выбраться из *ин'адима* и выжить.

Придется отправиться в лагерь Джени Серии. Страшно оставлять Перрнотт одну, без всякой помощи. Но есть ли у Рианы выбор? Им грозит голодная смерть. Если бы только вернулись Отнам и Мехммер! Но они не вернулись. Риане пришлось смириться с тем, что Горы наконец оставили ее. Они и

так много помогли, зачастую поступаясь собственными принципами. Поэтому Риана не могла на них сердиться.

Риана вышла из тени, чтобы определить, как высоко стоит солнце. По длине теней она решила, что у нее всего два часа на то, чтобы отыскать лагерь Джени Серии, украсть провизию и вернуться, прежде чем обжигающие полуденные лучи добьют Перрнодт.

Страхнув песок с кудрей дзуоко, Риана отправилась в путь. Вспоминая разговоры с Теззиг, она двигалась на север параллельно центру *ин'адима*, боясь нарваться на патруль Джени Серии.

Риана прошла мимо зарослей колючего кустарника, низкого, уродливого, не отбрасывающего тень. Одежда окончательно высохла и задубела от грязи, пота и песка, оставшегося от чуть не стоившего Риане жизни купания в *ин'адиме*. Девушке казалось, что на ней бархатный занавес, тяжелый и раскаленный. Она обильно потела, и от этого еще сильнее хотелось пить. Риана пыталась идти по тенистым местам, но по мере того как солнце двигалось к зениту, тени быстро исчезали.

Солнце обжигало глаза. Риана споткнулась и испугалась, что больше не сможет дышать. Она села на песок, беспомощно вскинув руки, и тут ее снова посетило собственное прошлое...

Вокруг вздымаются вершины Дьенн Марра, острые пурпурные вершины, покрытые льдом. Легкие наполняет чистый свежий воздух, прозрачный, как тонкая облачная дымка. Ясный морозный день. Она взбирается по отвесной скале, руки и ноги цепляются за шаткую ненадежную опору. Глубоко внизу скала обрывается в бездонную расщелину, так что если она упадет... Риана тут же гонит эту мысль прочь. Она настоящий скалолаз, опытный и бесстрашный!

Это первая Риана, которая существовала до того, как дух Аннона вселили в ее умирающее тело. Риана до падения, в результате которого она якобы потеряла память; Риана, еще не заразившаяся дуурской лихорадкой.

Та, что была кундалианкой на сто процентов.

Риана смотрит вверх на нечто, находящееся на самой вершине скалы. С этого места не видно, что там. Риана знает только одно — это нечто очень большое.

Риана продолжает ползти вверх, воздух со свистом вылетает из полукрытого рта. Каждые несколько минут она добросовестно останавливается и глотает воду из фляжки. Фляжка сделана из какого-то особенного материала, мягкого, но удивительно прочного, названия которого Риана не помнит. На сиреновом небе ни облачка, прямые, словно лезвие бритвы, солнечные лучи скользят по коже. Она висит в тени большого выступа и, откинув голову, смотрит на то, что находится на вершине скалы. То, что там лежит, занимало мысли Рианы уже несколько недель, и сегодня она решила утолить свое любопытство.

Позади уже три четверти пути. В отличие от других скал эта кажется совершенно отвесной, а ее поверхность — твердой и гладкой. Когда Риана не находит подходящей опоры, то использует небольшой металлический инструмент, названия которого она тоже не помнит, чтобы делать зарубки на поверхности скалы. Этот инструмент привязан к поясу прочной веревкой, которую Риана сплела из шерсти огромного убитого ею зверя. Воображение услужливо показывает ей облик животного, но как он называется, девушка вспомнить не может.

У инструмента удлинённая изогнутая поверхность, заостренная с одного конца и широкая с другого. Однажды она ударила им в глаз насильника. Риана помнит, как грубые мозолистые руки схватили ее за плечи и подмяли под себя, а потом сильные колени раздвинули ее ноги. Грязные волосы и запах мужчины ассоциировались с блестящей шкурой и отвратительным запахом убитого зверя. Быстрое ловкое движение, и насильник не заметил ничего, пока инструмент не вонзился ему прямо в глаз. Он еще бился в агонии, когда Риана сбросила его вниз со скалы.

Она смотрит вверх на то, что находится на вершине. Что бы это ни было, на расстоянии ей кажется, что оно парит в небе. Риана совсем близко; однако тень от выступа по-прежнему мешает ей понять, что это.

Вдруг оно срывается с вершины и медленно снижается прямо на девушку. Оно такое большое, что закрывает солнце. Риана дрожит от страха.

Завороженная, она смотрит, как оно приближается...

Очнувшись на обжигающем песке *ин'адима*, Риана перевернулась на спину и застонала. Губы облепил песок, который она с отвращением выплюнула и тут же об этом пожалела, потому что организм был и без того обезвожен.

Риана посмотрела на белое от раскаленного солнца небо и зажмурилась. Еще одно видение, очередной осколок утерянного прошлого. Что оно обозначало? Что же было на вершине скалы? Что она увидела? Риана понимала: это видение — самое важное из тех, что у нее были.

Риана размышляла над загадкой, когда вдруг услышала голоса. От ужаса она была не в силах пошевелиться. Голоса доносились откуда-то снизу, от основания невысокой дюны, на вершине которой сидела девушка. Перевернувшись на живот, Риана бесшумно поползла вниз по дюне и увидела двух воинов Джени Серии в бело-синих накидках, с длинными кривыми саблями в руках. Смуглые обветренные лица лоснились словно от масла. На поясах болтались кожаные фляги, едва взглянув на которые Риана поняла, что они почти полные. Наверняка у них найдется и еда...

В одну руку Риана взяла кинжал, в другую — гороновый жезл, поднялась и негромко вскрикнула. Джени Серии тут же посмотрели в ее сторону. Они приближались с огромной скоростью, на ходу обнажив сабли. Допросить девушку они даже не пытались. Да и зачем? Она вторглась на их территорию, и их секретный лагерь всего в паре километров. Им было все равно, кто она такая. Единственное, чего хотели воины, — это чтобы она навсегда замолчала.

Риана швырнула жезл в одного из противников. Описав дугу, жезл ударил Джени Серии в левое колено. Воин тотчас присел, схватившись за колено, а Риана сделала обманное движение вправо, перехитрив таким образом второго корруша, который собирался проткнуть ее саблей. Лезвие сабли со свистом рассекло воздух, и, поднырнув под него, Риана ударила воина кинжалом в бок. Джени Серии зарычал и, повернувшись на опорной ноге, нанес удар слева, не обращая внимания на сильно текущую кровь.

Удар пришелся на затылок, и Риана тут же упала ничком на песок. Джени Серии, не мешкая, склонился над девушкой,

и Риана почувствовала запах его крови. Лезвие сабли приближалось к шее, и Риана поспешно ударила корруша в правый бицепс. Джени Серии скривился от боли, но не издал ни звука. Сабля продолжала двигаться.

Риана повернула кинжал в правой руке Джени Серии так, что он проткнул артерию. Кровь брызнула фонтаном, воин безжизненно закатил глаза, а девушка тут же стряхнула его с себя.

Она встала и хотела повернуться к первому воину. В этот миг правая рука окончательно онемела, кинжал выпал из бессильных пальцев, и его тут же засыпало песком. И Джени Серии, и рану в собственном плече Риана увидела почти одновременно. Прихрамывая, воин подошел к ней и ударил по голове. Оглушенная Риана упала на песок, а Джени Серии схватил ее за капюшон и швырнул вниз, к основанию дюны. Приземлилась Риана рядом с жезлом, который проломил коленную чашечку Джени Серии. Она попыталась подняться, но воин пнул девушку в живот. Криво усмехаясь, он подошел к скрючившейся на песке Риане и лениво, будто нехотя, стал бить ее по лицу и груди.

Риана застонала, инстинктивно сворачиваясь в клубок. Пока она извивалась от боли, Джени Серии приложил саблю к ее затылку, определяя оптимальный угол для нанесения смертельного удара.

Удовлетворившись, он поставил сломанную ногу Риане на бок. Опираясь на здоровую, воин замахнулся саблей. Риана почувствовала, что может двигать только одной рукой. Собрав последние силы, она ударила корруша по сломанному колену.

Джени Серии взвыл и рухнул прямо на нее, вдавливая в песок. Бок сильно болел, ноги не слушались. Сабля лежала совсем рядом, Риана потянулась за ней, но Джени Серии, хлестнув девушку по руке, отнял оружие.

Боль в бедре стала невыносимой, и лишь в тот момент Риана поняла, что лежит на гороновом цилиндре. Машинально девушка вытащила его и включила. Сабля рассекла воздух — Джени Серии решил нанести последний удар.

И тут, без всякого предупреждения, включился гороновый цилиндр. Перерубив саблю, гороновый поток зеркально отра-

зил траекторию ее движения и рассек тело Джени Серии полам.

Риана, валяясь в луже крови, испуганно смотрела на тихо гудящий жезл, пытаясь понять, что случилось.

Отношения со смертью у Джийан были тесными и довольно странными. Кажется невероятным, что она помнила, как сразу после рождения ее шейку обвила пуповина. И как ненавидяще смотрела на нее мать, готовая задушить близнецов, появление которых сулило лишь горе. Однако Джийан помнила.

Лишь своевременное вмешательство отца спасло девочкам жизнь.

Еще одна нить волшебной паутины обвила тело колдуньи, и она беззвучно вскрикнула. Паутина была живая и состояла из миллионов крошечных насекомых с острыми жалами.

С самого детства у Джийан было предчувствие, что смерть, не получившая того, что считала своим по праву, неподалеку. Когда в темном коридоре или бессонной ночью она слышала зловещий шепот ветра или скрип невидимых половиц, когда ей мерещились жуткие тени деревьев на стене, она знала, что это значит. Смерть преследовала ее и во сне — прекрасное лицо, немного похожее на Элевсина. Казалось, что душа Элевсина сопровождает Джийан. Будто покинув телесную оболочку, он стал преследовать ее по ночам, олицетворяя смерть.

Паутина росла миллиметр за миллиметром, вместе с ней росла и боль. Джийан уже поняла, что рост замедляется лишь для того, чтобы ей было еще больнее. Она и не думала сопротивляться, потому что с самого начала понимала — это бесполезно. Джийан прочла немало книг о Маласокке и знала, что, чем сильнее противодействие, тем больнее жалит паутина.

Сейчас, заключенная в ипостась Аватары, она чувствовала ледяное дыхание смерти, приближавшееся с каждым витком паутины, которую плел Хоролаггия. Смерть подбиралась все ближе, Джийан чувствовала это по биению крови в висках, цоканью копыт, хлопанью двери, ведущей в ее душу. Закрывая глаза, она видела, как серый пепел падает на ее могилу, и знала: смерть рядом.

Паутина оплетала тело от правой голени к левому бедру. Нарастал новый виток, и Джийан отчаянно вскрикнула в мертвенной пустоте Иномирья.

Самой смерти колдунья не боялась, она страшилась только за сына. По горькой иронии заклинание, которое спасло Аннона от врагов, открыло Портал, позволив Хоролаггии выбраться из Бездны. Именно всепоглощающая любовь к сыну заставила ее нарушить колдовской круг Нантеры. В самый последний момент Джийан передумала — она не могла потерять сына и позволить его душе жить в чужом теле. Ей нужен был только Аннон. Глупый напрасный жест, она открыла волшебный Портал, и архидемон выбрался на свободу.

Небо стало желтовато-зеленым, а над темными горами у самой Бездны — кроваво-красным. Там из грозовых облаков лил дождь.

Вокруг нее, невидимые, словно бездонное озеро в тумане, стонали, плакали и кричали души, погубленные демонами за многие миллиарды лет.

Второй слой паутины покрыл тело Джийан, и тут же, без всякой остановки, стал нарастать третий.

Рас Шамра, Аватара Джийан, рыдала от отчаяния. С каждым витком архидемон все больше контролировал душу Джийан. Тело он уже использовал словно марионетку. Однако часть Хоролаггии всегда была здесь, в Иномирье, без устали оплетая Джийан паутиной, которая медленно, но верно превращалась в кокон. Когда паутина полностью покроет колдунью, она умрет, и Хоролаггия поселится в ее теле уже навсегда.

Неужели она никак не могла помешать архидемону? Судя по тому, что Джийан читала, — нет, не могла.

Тело обожгла новая нить, и Джийан едва сдержала крик. Кровь обильно орошала землю, и казалось, что капля за каплей ее покидают жизненные силы.

Демонический дождь продолжал поливать Иномирье. Где-то в горах начал извергаться вулкан. От дыма и лавы небо потемнело еще сильнее. Запахло горелым.

Полоска хромового света пересекла круглый, цвета морской волны, каменный пол. Грянула музыка, и танец начался.

Днем каменный пол тщательно натирали до зеркального блеска, а ночью сотни ног не оставляли от полировки ни следа.

Танцующие были крайне сосредоточенны и напоминали полубезумных религиозных фанатиков. В них чувствовалась с трудом сдерживаемая энергия, как у бомбы замедленного действия.

В клубе на ярко освещенной улице Преданности гремела музыка. Квнтет был в'орнновский и состоял, конечно же, из тускуггун, сочинивших эту музыку, в которой смешивались минорные кундалианские мелодии с ритмичной музыкой в'орннов. Аранжировка в стиле техно была, естественно, порождением молодежной моды, и какой из культур она принадлежала, не волновало ни сам квнтет, ни танцующих.

В клубе было не протолкнуться. Подростки, почти дети, потные, оглушенные жуткой музыкой, танцевали, тесно прижавшись друг к другу. Маретэн видела как в'орннов, избранных и из низшей касты, так и кундалиан, танцующих каждый по-своему в специально отведенных частях танцпола. Однако она быстро заметила, что с каждой минутой и выпитым бокалом спиртного различия становятся все менее заметными. Вот кто-то снял ограничительные тросы, и обе расы принялись танцевать бок о бок, то и дело смешиваясь.

Маретэн была и удивлена, и обрадована. Когда же появилось это поколение подростков, изо всех сил пытающихся казаться взрослыми, при этом открыто нарушая гэргоновские законы и запреты? Да они такие же мятежники, как и она!

— Они кажутся вполне счастливыми, — прокричала на ухо Сорннну Маретэн, — будто не считают друг друга врагами.

— А они и не считают! — прокричал в ответ Сорннн.

К хромовой полоске света присоединился голубой овал, по цвету так напоминающий сухой лед, что казалось, он сейчас зашипит. К квнтету присоединилась вторая барабанщица, в длинной накидке с капюшоном. Играла она, не как обычно, металлическими палочками, а сильными мозолистыми пальцами. Музыка стала плавной, мелодичной, теперь напоминала нежный шелест волн о песок. Девушка негромко запела, очень страстно и энергично. Песня говорила о боли разлуки, отчаянии и горечи неразделенной любви.

Сорннн потянулся к Маретэн.

— Скажи, тебе было страшно разговаривать с Броннном Паллном и строй-генералом Локкком Виэрррентом?

— Очень, — призналась она.

— Страшно и все? — улыбнулся Сорннн.

Маретэн взглянула ему в глаза.

— Было и страшно, и весело.

— Неудивительно! Ты отлично справилась и одурачила всех — дэйруса, Палллна, Виэрррента.

— Надеюсь, игра стоила свеч.

— Ты же сама понимаешь, что стоила. Мы обезвредили и злобного завистника Палллна, и более опасного Олннна Рэдддлина, который боится меня из-за того, что я тесно общаюсь с коррушамми. — Сорннн внимательно посмотрел на Маретэн. — Объясни, а чего ты боялась?

Маретэн вспомнила тот момент, когда она коснулась пальцем пыльной полки склада, а он очень мягко и обходительно попросил ее быть осторожнее. Ведь это был не склад СаТррэнов, и Сорннн не хотел, чтобы кто-то знал об их присутствии до того, как он расставит все ловушки.

— Лучше расскажи, как ты пронес автоматы на склад Броннна Палллна.

Сорннн задумался.

— Это было довольно просто. Паллн довольно скуп и мало платит своим подчиненным, в том числе и охраннику склада. Он с радостью принял небольшую мзду от моего представителя в обмен на часовое отсутствие. — Сорннн наклонил голову. — А теперь расскажи, чего ты так боялась.

— Почему тебя это так интересует?

— Хочу знать, согласишься ли ты разыграть еще один спектакль.

— Если будет стоящая причина.

— Знаешь, у тебя нормально развито чувство самосохранения. — Он подвинулся еще ближе. — Твой страх защитит тебя и не позволит растеряться в сложной ситуации.

Маретэн промолчала, она смотрела на счастливых танцующих, и ей вдруг стало страшно. В пульсирующем ритме музыки и мерцающих огнях была какая-то первобытная сила, которая тут же нашла отражение в ее душе. Маретэн казалось,

что сердца бьются в такт пульсирующему ритму, который уносит ее от окружающей действительности, от тайны, которая хранится в ее сознании. Его тайны. Она чувствовала, что эта тайна важнее разборок с Броннном Паллном и Курганом Стоггулом, важнее, чем его жизнь, которая сама по себе была для нее драгоценной. Однако Маретэн не собиралась продолжать беседу дальше сама. Она ждала, пока вновь заговорит Сорннн.

Они стояли на балконе, выходящем на пещеры, и напитки подали прямо туда. Маретэн повернулась к танцполу и тут же почувствовала жар от сотен тел. Воздух казался густым и будто кипел. Бледно-голубой овал света стал бронзовым.

Облокотившись на перила, Маретэн смотрела на беспорядочно дергающиеся тела и почувствовала сильную головную боль. Наверное, музыка была слишком громкой. К тому же Маретэн волновалась из-за того, что находится в этом тайном клубе, где в'орнны и кундалиане вполне мирно сосуществуют и общаются. Не желая поддаваться страху, она прижалась к Сорннну.

— Жалею только о том, — сказала она, — что злоупотребила дружбой с Кирллом Кванддой. Он так хорошо относится к Терретту. По сути, Квандда единственный в «Недужном духе», кто действительно пытается лечить брата. Конечно, я рада, что смогла тебе помочь, но мне немного стыдно.

Толпа подростков казалась Маретэн одним блестящим многогим чудищем, бесформенным и безымянным. Ей почудилось, будто возле них, как вокруг звездолета, образовалась зона пониженного давления. Маретэн понимала, что они с Сорннном — посторонние наблюдатели, в веселье не участвующие и оттого чужие. И ей стало очень горько.

— Кирллу Квандде все равно бы не поздоровилось. Подумай об этом иначе — информация, которую ты сообщила, наверняка спасла ему жизнь.

Маретэн смотрела, как весело и беззаботно танцуют подростки, замороженные ритмом музыки, и подумала, как сильно они рискуют, собираясь здесь. Получалось, что все эти ребята — соучастники преступного единения между кундалианами и в'орннами. Именно это и предсказывал Элевсин Ашера, призывая восстановить За Хара-ат, где в'орнны и кундалиане

могли бы жить как равные. Только данный проект и погубил Элевсина, павшего от заговора отца Маретэн.

— Ну, если ты так из-за него переживаешь, то обязательно нужно с ним поговорить.

— И что ему сказать?

Парень, одетый в серебристо-черное, с лоснящимся от пота черепом, словно сомнамбула растолкал толпу и прислонился к стене. Маретэн тут же позабыла про других танцующих — парень прижался к каменной стене, раскурил косяк лаага и с наслаждением вдохнул едкий дым.

— Если решишь с ним поговорить, то о нашей тайне придется умолчать.

Она кивнула.

— Ты все равно молодец, — проговорил Сорннн, взяв ее за руку, — не знаю, что бы я без тебя делал.

Свет потух, музыка стала чуть тише и спокойнее, словно наступила небольшая передышка, и вот новый бешеный взрыв сотряс зал. Сорннн оглянулся, будто опасался, что кто-то за ними следит.

— Хочу кое-что тебе сказать, — прошептал он на ухо Маретэн, — о моем отце.

Они не разговаривали об отце Сорннна со дня смерти Теттси. Зато однажды ночью возлюбленный познакомил Маретэн с матерью. Петрре Ауррр и Маретэн друг другу очень понравились и вместе ходили к прудам за чертой Аксис Тэра, где рассеяли прах Теттси. Маретэн еще не решилась открыть коробочку из красного нефрита, которую завещала ей Теттси. Она просто не могла заставить себя взять ее в руки. Маретэн казалось — она никогда не примирится со смертью бабушки.

Сорннн нежно коснулся губами уха Маретэн.

— Всю свою жизнь я считал отца прекрасным бизнесменом, которого в'орнны избегают из-за того, что он сблизился с коррушамы, полюбил их обычаи, культуру, жизненный уклад. Через них отец научился любить Кундалу и решил посвятить свою жизнь спасению ее жителей. Он тайно помогал Сопротивлению и снабжал отряды деньгами. Теперь я вижу его совсем иным.

— Это из-за матери.

— Да, но дело не только в ней, — сказал Сорннн. — Благодаря Теттси я перестал смотреть на отца с детским обожанием. Теперь, кажется, я понял, каким он был на самом деле. Я и сейчас не сомневаюсь, что он искренне любил коррушские степи и их обитателей. Однако главной страстью в его жизни был риск. Выслушав маму, я взглянул на отца ее глазами и по-новому осознал многие его поступки. — Губы Сорннна вновь прижались к уху Маретэн. — Ты ведь понимаешь меня, правда? Обожающий риск в'орнн не захочет, чтобы его жена была свободной и независимой. Потому что домой он приходит отдыхать, и ему не нужны неожиданности или инакомыслие со стороны жены и детей. — Сорннн прижался к щеке Маретэн, а она обняла его за шею. — Чем больше риска, тем жестче становился отец. На определенном этапе он уже не мог себя контролировать. Испортив отношения с мамой, отец тем самым разрушил семью, потому что ничто не могло восполнить ее отсутствия.

Сорннн отстранился и снова огляделся по сторонам. На этот раз не испуганно, а как-то настороженно, будто пытался уловить в напоминающем пещере зале малейшее изменение. Музыка продолжала грохотать.

— Думаю, Теттси знала об отношениях между родителями, — продолжал он. — Твоя бабушка пыталась объяснить мне, в чем был не прав отец, и предупредить. Ей не хотелось, чтобы я ухаживал за тобой и втягивал в свои тайны, пока не разберусь в собственных чувствах. Теттси боялась, что ты повторишь мамину судьбу.

Внезапно Маретэн опять стало страшно.

— Сорннн...

— Пожалуйста, не перебивай, а не то я и сам собьюсь, — покачал головой Сорннн. — Я полюбил тебя с первого взгляда. Но без доверия развивать отношения не было смысла. Понимаешь? Потому что ты такая, как есть, не похожая на других тускуггун, сильная и бесстрашная.

— Почему ты считаешь меня сильной и бесстрашной?

— Ты ведь уже знаешь, что за мной следит Олннн Рэддлин. Стоит продолжать?

— Спасибо за то, что любишь меня и доверяешь. — Маретэн взяла Сорннна за руку и, заглянув в глаза, забыла обо

всем. — Не знаю. С одной стороны, я хочу, чтобы ты все мне рассказал, с другой — захватывает дух от того, что я могу услышать.

Сорннн поцеловал ее в щеку.

— Ты художница, Маретэн. Возможно, тебе следует оставаться только художницей.

Она обвила его шею руками.

— Отведи меня домой, Сорннн.

Сорннн нашел ее трепещущие губы, и они слились в долгом страстном поцелуе. Казалось, их сердца бьются в унисон стремительной музыке, и они не разнимали объятий всю дорогу до мастерской Маретэн.

В мастерской имелся чердак с застекленной крышей. Несколько лет назад Маретэн поставила на чердаке кровать и кое-какую мебель — это казалось ей необходимым, ведь она часто работала допоздна, и вдохновение могло прийти в любой момент. Со временем художнице даже понравилось спать под звездами — Маретэн считала это очень романтичным. Но теперь ей лучше всего спалось вместе с Сорннном. Оставаясь одна, Маретэн скучала по теплу его тела и сильным рукам, баюкавшим ее перед сном.

Вернувшись из клуба, они занимались любовью, и чердак превратился в звездный храм, блистающий, волшебный, принадлежащий только им. Казалось, они никогда не насытятся друг другом. Однако вот все завершилось. Они, обессилив, лежали, обнявшись, и Маретэн заплакала от счастья.

— Сорннн, — прошептала она.

— Да?

— Любимый...

— *Ва тарабиби.*

— Да, *ва тарабиби.*

Услышав, как возлюбленная говорит по-коррушски, он рассмеялся.

— Сорннн, я никогда не была так счастлива.

Он приподнялся на локте.

— И я, *ва тарабиби.*

Они говорили о многом, даже о таких вещах, что у Маретэн дух захватывало. Сорннн уважал ее мнение, и от этого она любила его еще больше.

Спрятав в ладонях лицо, Маретэн украдкой посмотрела на Сорннна.

— Спать совсем не хочется. — Она неохотно отстранилась от любимого. — Мне нужно работать, — добавила она, зажигая лампу. — Если ты устал, то...

— Я буду на тебя смотреть, — тихо сказал Сорннн. — До самого утра, пока ты не закончишь.

Поцеловав его, Маретэн, даже не потрудившись одеться, подошла к мольберту и натянула свежее полотно. Эмоции ее буквально переполняли — верный признак того, что она готова работать часами, пока глаза не начнут закрываться. Сердца бешено бились, мысли летели, обгоняя одна другую. Она все еще чувствовала нежные прикосновения Сорннна, а в ушах гремела музыка. Маретэн чудилось, что она слышит ее здесь, на чердаке.

Едва кисть коснулась полотна, воображение нарисовало художнице полную картину того, что она видела в клубе — вибрирующий звук, пульсацию света, бьющую через край энергию, — и Маретэн точно знала, как нужно передать оставшееся в памяти точными мазками и игрой красок.

Маретэн вслушивалась в ритм, будто гремящий в мастерской, позволяя музыке овладеть своим сознанием и управлять движениями. Она словно плыла по бурному потоку, полностью отдавшись бешеному ритму. Наметанный глаз художницы выхватывал из воображаемой картины малейшие детали, разгадывая их тайный смысл. Она вспомнила кундалианскую девушку с длинными, как шелковый плащ, волосами, молодого в'орнна, вытворявшего безумные па с постоянной ухмылкой на лице, кундалиан, танцевавших, нежно обняв друг друга, в'орннов, которые, стоя спиной друг к другу, двигались совершенно синхронно, и всю пеструю многоликую толпу других танцующих. То, что возникало на полотне, не могло не показаться странным, каждый мазок и цветовое сочетание имели особенный тайный смысл, неразличимый для беглого взгляда.

Маретэн сама не до конца понимала, что означает эта картина. Ведь она просто пыталась передать собственные впечатления от увиденного в клубе, изобразить это посредством кра-

сок и хоть как-то разобраться в собственных переживаниях. Единственное, в чем художница была уверена, — никто в шумной толпе танцующих не чувствовал себя жертвой. Ни в одном лице она не увидела отчаяния, горечи или боли, которые всегда читала на лицах взрослых кундалиан. От музыки и бьющей через край энергии исходило спокойствие, несовместимое с царившим на Кундале горем. В умении спастись от боли и отчаяния, охвативших Космос, и состояла уникальность этого поколения.

Она вспомнила парня, кутившего лаагу, и решила нарисовать его, скрючившегося в углу, худого и сморщенного, как старый в'орнн. Он олицетворял страх, который испытывала сама Маретэн. В этом клубе вера и надежда жили бок о бок с отчаянием. Подростки были на пределе от постоянного страха, побочного продукта многовековой вражды, ненависти, расовых столкновений и неоправданного насилия.

Маретэн показалось, что ее первоначальная оценка была неверной. В этих подростках жила не только потенциальная опасность для серьезного взрослого мира. Маретэн нарисовала тонкий, добела раскаленный луч прожектора, луч хромового света, ярко высвечивающий силу, скрытую в хрупких, болезненных, на первый взгляд ненадежных телах.

С первыми лучами солнца Маретэн отложила кисть, поставила чай и приготовила завтрак. Темные глаза Сорннна, пристально следившие за каждым ее шагом, будто шептали о том, что она любима и желанна. На буфетной полке Маретэн заметила до сих пор неоткрытую коробочку из красного нефрита. Она так и застыла, прижав перепачканные краской руки к ключику из резного хрусталя на тонкой терциевой цепочке. Тихий звук ее собственного дыхания доносился словно издалека. Маретэн носила ключик, не снимая, с того дня, как огласили завешание Теттси, и успела привыкнуть к холодку в ложбинке между грудями. Сорннн не сказал ей ни слова, но стал целовать этот ключик с той же нежностью, с какой ласкал и целовал ее груди.

Внезапно молодая женщина будто впала в оцепенение и словно не своими руками достала коробочку. Нефрит охлаждал и обжигал одновременно.

Будто сквозь сон она услышала, как ее зовет Сорннн, однако не ответила. Дрожащими пальцами Маретэн сняла с шеи ключик, вставила в замок и, повернув его, заглянула внутрь.

Внутри не было ничего, кроме кристалла в бархатном контейнере. Маретэн тут же поняла, что перед ней инфодесятиугольник, и перед тем, как вставить его в порт голоэкрана, подержала в руках.

На маленьком экране тут же появилось лицо Теттси. Увидев знакомую улыбку, Маретэн чуть не разрыдалась.

— Дорогая Маретэн, — начала Теттси, — знаю, ты скорбишь о моей смерти. К сожалению, тут ничего не поделаешь, придется смириться. Ведь всем, кто родился, суждено умереть. Однако вместе со скорбью ты должна за меня порадоваться.

Маретэн очень удивилась.

— Ты наверняка в недоумении. Ты же знала обо всех, ну, почти обо всех моих трудностях и проблемах. Уверяю, мне было несладко, но жаловаться не стану. Теперь, когда нам уже не удастся поговорить, мне очень жаль, что приходилось столько от тебя скрывать. Поверь, я делала это не по собственной воле, а по необходимости. Спроси Сорннна, он все тебе объяснит.

Возникла небольшая пауза, будто Теттси приостановила запись для того, чтобы собраться с мыслями. Обернувшись, Маретэн увидела, что Сорннн, бесшумно спустившись с чердака, стоит рядом и смотрит на нее.

— Ты знал, — проговорила Маретэн, которой пришла на ум какая-то идея. — Иди ко мне.

Они стояли, держась за руки, а лицо Теттси снова появилось на экране.

— Предполагаю, что он здесь, — продолжала бабушка, — рядом с тобой. Держит тебя за руку. Он очень хороший в'орнн, а ты достаточно умна, чтобы решить: нужен он тебе или нет. Ты удивишься, откуда я столько о нем знаю. Это тоже часть моего секрета. Хочешь его узнать, дорогая? Подумай хорошенько. Если хочешь, продолжай меня слушать. Если нет, то выгаци десятиугольник и уничтожь.

Настала тишина. Косые лучи утреннего солнца ярко освещали мастерскую. Маретэн казалось, она слышит, как солнце

движется по небу — медленно, будто скрипят старые кости. Она сжала руку Сорннна.

— Решила выслушать меня до конца? — спросила Теттси. — Отлично! Значит, ты узнаешь все.

Лицо Теттси стало серьезнее, и Маретэн поняла, что бабушка наклонилась к экрану.

— С твоим дедушкой я была очень несчастна. Некоторое время я даже на себя смотрела его глазами. Сейчас я с ужасом понимаю, что в меня, как во всех тускуггун, вбили определенные принципы, касающиеся моего места в обществе. Как тебе известно, я взбунтовалась, хотя со временем поняла, что протестую против вещей настолько мелких и ничтожных, что мне стало противно и стыдно.

И вот десять лет назад, вскоре после смерти дедушки, я кое-кого встретила. Мы столкнулись по чистой случайности на рынке пряностей, куда пришли с совершенно разными намерениями. Мне просто хотелось убить время, а она пришла по делу.

Мы разговорились. Наверное, в то время мое отчаяние бросалось в глаза даже посторонним, потому что она отвела меня в «Пряный Джекс», где предложила выпить. Мы выпили по рюмочке, потом еще и проговорили целый вечер. О чем мы говорили? Обо всем. Самым интересным было ее представление о жизни тускуггун. О том, что мы можем и должны распоряжаться собственной жизнью так, как захочется.

Именно она раскрыла мне глаза на то, как нас подавляют мужчины, на то, что веками нас учили говорить и делать то, что угодно им, а мы даже перестали замечать, что кому-то подчиняемся!

Через эту женщину я познакомилась с Хадиннном СаТр-рэном, а потом и с Сорннном. Не сомневаюсь, что снова тебя удивила. Ну, это вполне естественно. Ты наверняка думала, что отлично меня знаешь. Всегда хочется думать, что своих близких знаешь от начала и до конца. К сожалению, это распространенная ошибка. У каждого человека есть тайны.

Я собиралась рассказать тебе все после того, как ты выйдешь за Сорннна. Если ты слушаешь эту запись, значит, меня уже нет в живых. Я знаю, что серьезно больна. Прости, что не

рассказала об этом тебе. Да и зачем? Помочь ты не могла, зато, без сомнения, расстроилась бы.

Теттси зацокала языком.

— Слышу, как ты говоришь: «Сколько секретов было у Теттси!» Я расскажу тебе все. О том, как, освободившись от предрассудков, я научилась жить полноценной жизнью и вместе с этой женщиной, Хадинном и Сорннном стала помогать кундалианскому Сопротивлению. Они вкладывали свою ловкость, знания и умения, я — деньги, которых благодаря дедушке у меня было предостаточно. Не поверишь, как сильно меня радовало то, что его деньги могут помочь борьбе за свободу. Возможно, я слишком все упрощаю, и тем не менее рабство и бессилие кундалиан — наше бессилие, а их свобода — наша свобода. Стоит это понять, как все сразу становится на свои места.

Довольно поздно я поняла, что стыжусь того, что я в'орнн. Но лучше поздно, чем никогда! Чувствую, что никогда не смогу простить то, как в'орнны относятся к представителям других рас и цивилизаций. Наша роль вселенского жандарма мне претит. Видишь, как опасны догмы? Никому и в голову не приходит задуматься над тем, что за многие тысячелетия превратилось в наш жизненный уклад. Лично я поняла, что причиной моего отчаяния было презрение к себе и остальным в'орннам. Захотелось хоть как-то помочь тем, кто может изменить сложившуюся ситуацию. Ты тоже сможешь им помочь, если захочешь.

Как тебе известно, моим капиталом по доверенности распоряжается Доббро Маннкс. Почему я завещала деньги ему, а не тебе? По ряду причин. Во-первых, мне хочется, чтобы они пошли на помощь Сопротивлению. Во-вторых, узнав мой секрет, ты должна принять решение. Мне бы хотелось, чтобы ты продолжила то, что делала я. Правда, то, что хочу я, не важно. Не позволяй старой тускуггун, сейчас уже мертвой, распоряжаться твоей жизнью. Ты талантливая художница, о чем прекрасно знаешь и сама. Возможно, ты захочешь реализоваться только как творческий человек. Но удовлетворишься ли ты только этим? Кажется, я неплохо тебя знаю, Маретэн. И хоть я сама говорила, что ни один из в'орннов не может полностью понять другого, позволь мне думать, что я знаю тебя.

Наверняка Сорннн сейчас рядом с тобой. Нисколько в этом не сомневаюсь. Дорогая, его мнение спрашивать не стоит! Во всем, что касается тебя, его мнение нельзя считать непредвзятым, ты и сама это понимаешь. А главное, он — мужчина. Бесспорно, очень необычный, но все же мужчина. Это решение ты должна принять сама, без посторонней помощи. Если решишь заменить меня, отнеси этот десятиугольник Доббро Маннксу. Вставив его в порт голоэкрана, ты станешь владелицей счета, используя деньги для нашей общей цели. А тебе, Сорннн, придется представить мою любимую внучку нашей общей знакомой.

А если, Маретэн, ты решишь посвятить себя только искусству, отдай десятиугольник Сорннну, и он решит, как и когда воспользоваться деньгами во благо Сопротивления.

Теттси улыбнулась и стала похожа на ту тускуггун, что летом водила маленькую Маретэн к прудам. Сердца Маретэн радостно забились.

— Послушай, Маретэн, для тебя это очень важный шаг. Знаю, ты часто принимаешь решения, а потом их изменяешь. Умоляю, однажды приняв решение по этому вопросу, не изменяй его. Доверься сердцам, инстинкту, чувствам. Не позволяй никому, даже мне, повлиять на твоё решение. Ты можешь вспоминать меня по-разному, например, глядя на портрет, который ты написала. Если это твоё призвание, значит, так и должно быть. Прошу, не принимай решение ради меня или другого в'орнна. Только ради себя! К сожалению, призвание не выбирают, оно приходит само собой. Доверься инстинкту, ты ведь художница, так что тебе и не нужно ничего объяснять. И что бы ты ни выбрала, я люблю тебя и очень тобой горжусь!

Прощай, моя милая девочка! Верю, твои благородные сердца помогут принять верное решение. Доверься им так, как доверилась я, и ты не ошибешься.

Вспыхнув в последний раз, улыбающееся лицо Теттси исчезло.

По лицу Маретэн текли слезы, Сорннн крепко обнял ее и притянул к себе. Она почувствовала, что их сердца бьются в унисон. В голове словно молитва звучали слова бабушки. Через озаренное ярким солнцем плечо Сорннна Маретэн взгля-

нула на полуготовую картину. На этот раз ее не интересовала ни техника мазков, ни игра красок — ей просто хотелось вспомнить атмосферу клуба. Какая-то сила тянула ее туда.

«Приняв решение по этому вопросу, не изменяй его, — предупреждала Теттси. — Доверься интуиции». Что же подсказывала ей интуиция? Маретэн очень любила живопись. Она давала ей свободу, которую poznали немногие тускуггун. Но вместе с тем она чувствовала какое-то беспокойство, неясное ощущение того, что в жизни, кроме живописи, должно быть что-то еще. Потом появился Сорнни, и Маретэн познала любовь. Однако Сорнни принес в ее жизнь нечто большее, чем любовь, — он открыл для нее совершенно иной мир. Только теперь, выслушав признание Теттси, Маретэн поняла, что с того дня, когда она согласилась помогать Сорнни, она стала такой, какой хотела ее видеть бабушка. Маретэн ни о чем не жалела, и все же тайная сторона жизни Сорнни ее сильно пугала. Поэтому она и не решалась на откровенный разговор. Маретэн чувствовала, что знает о Сорнни далеко не все и что он хочет ей довериться. В ночном клубе, среди пульсирующей музыки и света, она сильно испугалась и уклонилась от разговора.

Бабушкино послание помогло ей во всем разобраться. Как ни странно, откровения Теттси не испугали и не ошеломили Маретэн. Наоборот, она почувствовала, что в первый раз за долгое время все встало на места и в ее жизни появилась цель.

Теттси была права — ей не пришлось долго раздумывать. В правильности того, на что она решилась, Маретэн не сомневалась. Интуиция подсказывала, что она не ошибается.

Маретэн обернулась к Сорнни и заглянула ему в глаза.

— Я приняла решение. Я, Маретэн Стоггул, буду продолжать дело Теттси.

— Обратного пути нет.

— Я не собираюсь отступать. Ни за что.

Маретэн чувствовала радостное возбуждение и страх, но несколько не сомневалась в том, что поступает правильно. От глубоких переживаний дрожали руки, она снова подумала о Теттси, о том, что к старости она, как и бабушка, хотела бы гордиться тем, как прожила жизнь.

Только сейчас до нее дошло, для чего Сорннн взял ее в этот клуб. По сути, это было воплощение мечты Элевсина Ашеры в миниатюре — маленькая модель города, где кундалиане и в'орнны живут вместе в гармонии и мире.

Атмосфера клуба, лица и фигуры танцующих оживали под ее кистью. Сейчас Маретэн смотрела на них глазами Сорннна и понимала, что они представляют собой силу, с которой придется считаться всем.

23

ПЛЕННЫХ НЕ БРАТЬ

С огромной неохотой Курган вернулся к невыносимо скучным обязанностям регента. Он понял, что ему претит дипломатический политес и формальности протокола. Все те, с кем правитель сталкивался, раздражали его безмерно, как и мелкие обязанности, которыми он постоянно был завален.

Неудивительно, что при первой же возможности регент устраивал перерывы, наблюдая за прохожими с балкона или покуривая лаагу. Ему нравилось, как густой дым заполняет все кругом и успокаивает нервы. Забывшись, Курган представлял себя великаном, способным проглотить дворец целиком. Он широко открывал рот и глупо усмехался.

Часто ему хотелось кого-нибудь убить. Тогда регент спускался в камеры, выстроенные по приказу гэргона прямо под дворцом, и выбирал жертву. Насвистывая охотничью песенку, которой много лет назад его научил Старый В'орнн, Курган принимался мучить несчастного с самым беззаботным и счастливым видом.

Неминуемая смерть заключенного, всегда наступавшая слишком рано, злила его еще больше, и регент срывался на первом попавшемся хааар-кэуте.

Возможно, поэтому в тот день Курган, уставший от окружающей его суеты, не пошел в камеры. Он остался просто курить на балконе и разглядывать прохожих.

Вспоминая Куриона и их разговор, регент заметил молодую кундалианку. Курган был почти уверен, что видел ее и раньше, с этого самого балкона, если его не подводила память. Это ее он взял силой у ручья несколько месяцев назад, когда еще был жив Аннон. Их последняя охота вместе...

Выбросив окурок, правитель подозвал хааар-кэута. Молодой кхаггун появился почти моментально, и Курган показал ему на девушку, еще не успевшую скрыться в толпе.

Пока хааар-кэут распоряжался относительно девушки, Курган вернулся в комнату и изучил последний отчет Рады. Порой он сомневался, правильно ли поступил, завербовав ее. Пока ценной информации от Рады не поступало. «С другой стороны, — подумал правитель, — от добра добра не ищут». Он слышал о недовольстве среди кхаггунов. Рада упоминала об этом уже во второй раз. Так разве он не приказал Олннну Рэдддлина провести разъяснительную работу, унять недовольства в нижнем эшелоне кхаггунов? Чем же занимается звезд-адмирал? И к тому же командующий так и не поймал Рекка Хачилара и кундалианскую ведьму Джийан...

Регент так сильно ударил кулаком по столу, что в комнату ворвались хааар-кэуты с мечами наголо. Раздраженно махнув рукой, Курган велел им убираться.

В Н'Луууру Рэдддлина!

Услышав голоса, правитель нетерпеливо обернулся, предполагая встретить хааар-кэутов с кундалианкой. Вместо них Курган увидел входящего на террасу Олннна Рэдддлина. Сейчас он ему устроит!

Регент подошел к ничего не подозревающему звезд-адмиралу и шумно вдохнул воздух.

— Что за запах? От вас воняет поражением, будто навозом.

Звезд-адмирал нашел в себе силы рассмеяться, но Курган видел, как сильно он уязвлен.

— Рад видеть вас в таком хорошем настроении, регент, — начал Олннн. — У меня хорошие новости.

— Вы принесли голову проклятого рэнннора?

— Нет, регент.

— Значит, этой счетты Джийан.

— Нет, регент.

— Тогда где же хорошие новости? — заорал Курган.

— Мы арестовали предателя, который снабжал оружием кундалианское Сопротивление.

Регент раскрыл рот от удивления.

— Правда? И кто же этот предатель?

— Баскир Броннн Паллн.

— Как интересно. — Курган приложил ладонь ко рту. — Ни за что бы не подумал... Хотя почему бы и нет? Мой отец здорово его провел, когда назначил прим-агентом другого. Естественно, с этой должностью Паллн бы не справился. Удивительно, что у него хватило ума на предательство...

— Так или иначе, это он.

Курган кивнул.

— И где же он сейчас? В пыточной камере?

— Нет, регент. Согласно протоколу, подозреваемые в преступлениях против в'орннов до того, как предстать перед судом, содержатся в кхаггунской тюрьме.

— Плевать мне на протокол. Приведите его сюда! Хочу допросить эту гниду сам.

— Увы, регент, нельзя...

— Нельзя? — закричал Курган. — С каких это пор звезд-адмирал указывает, что мне можно, а что нельзя?!

— Регент, я имел в виду только то... Только то, что верховное командование будет недовольно этим нарушением...

— Довольно болтать, звезд-адмирал! — Курган повелительно махнул рукой. — Выполняйте приказ.

— Есть, сэр!

— Можете идти. У вас и так полно дел.

Едва Олннн отвернулся, лицо Кургана расплылось в улыбке. Он радостно потер руки. «Ну наконец-то, пора заняться чем-то более приятным! Скорее бы!»

Через несколько секунд вернулся молодой хааар-кэут с кундалианкой. Курган должен был обрадоваться, но его лицо не выразило ничего, кроме досады. При ближайшем рассмотрении это оказалась не та девушка, которую он изнасиловал у ручья.

Курган выругался.

Аннон умер, а та девушка навсегда исчезла.

Все же Курган решил не отпускать кундалианку. Налетев на нее, словно разъяренный хищник, он взял ее одним резким движением. Регент был нарочито груб, впиваясь ногтями в нежную кожу девушки. Она не издала ни звука, даже не вскрикнула, и это еще больше взбесило Кургана. Он вцепился в ее густые темные волосы. Перед глазами мелькали лица Куриона и Нита Батокссса. Курган крепче зажмурился, пытаясь вспомнить тот летний закат и лицо девушки, не выходившей у него из головы.

Словно уговорив себя на такую замену, Курган стал быстро двигаться и стонать. Это все-таки лучше, чем ничего. Когда все закончилось, он выбросил кундалианку прочь, как заплесневевшую горбушку. Дешевая подделка, он больше не желал ее видеть.

Запах мертвечины привлек огромную стаю ворон. Как и все падальщики, они были очень пугливы. Блестящие желтые глаза беспокойно смотрели по сторонам. При любом звуке огромная стая поднималась в воздух, а через секунду садилась на побелевшие кости и гниющую плоть.

Первые ряды взвода Бллада покинули укрытие; из-за деревьев появился сначала один кхаггун, потом другой, и вот уже весь взвод быстро и бесшумно двигался к могиле. Командир взвода шел позади в сопровождении двух кхаггунов.

— Дальше они уйти не могли, — проговорил Бллад, проверяя показания карманного датчика, — если, конечно, им удалось выжить.

По его сигналу три кхаггуна стали рубить подлесок.

Бллад послал запрос связному, оставшемуся на месте крушения.

— Нет никаких доказательств того, что кому-то из них удалось спастись, — докладывал связной. — Мы нашли еще четыре куса формы рэннтона. Если сопоставить все пять кусков, то получается целая форма.

Вслушав отчет, командир взвода Бллад подошел к самому краю зловонной ямы. Рубившие подлесок кхаггуны ничего не нашли. По сигналу Бллада два других солдата спустились в полную зловонной слизи яму. Одного из них тут же

вырвало, глаза его заслезились. Шатаясь, кхаггун стал карабкаться вверх.

— Обратно, третий капитан! — приказал Блед. — Осмотр еще не закончен.

— При всем уважении к вам, сэр, — начал третий капитан, — не понимаю, зачем мы гоняемся за призраками.

Командир взвода быстро подошел к нему и небрежным движением меча отсек третьему капитану голову. Тело закачалось на краю могилы, Блед подтолкнул его, и оно упало на разлагающиеся трупы кундалиан.

— Еще есть вопросы?

Все подавленно молчали, а по сигналу командира взвода яму прыгнул другой капитан.

Вороны, хрипло каркая, взлетели. Они так раздражали кхаггунов, что те принялись палить по ним из переносных ионных пушек, пока командир взвода не приказал прекратить. Стараясь не обращать внимания на жуткую вонь, затаив дыхание, кхаггуны шли навстречу друг другу по слизистой массе, расшвыривая трупы мечами. Вот воины встретились на середине ямы, шатаясь, подошли к скользкому краю и, беззвучно ругаясь, вылезли наверх. Сослуживцы, стараясь держаться от них подальше, стали беззлобно посмеиваться.

Командир Блед нахмурился.

— Ну ладно, — процедил он.

В последний раз взглянув на жуткое болото, он сделал знак, и кхаггуны исчезли в лесу.

Над ямой воцарилась тишина. Даже вороны перестали беспокоиться и стали клевать не только тела странных двуногих существ, которыми они лакомились уже неделю, но и трупы своих мертвых товарищей.

Одна из ворон, побольше и поагрессивнее, выкопала новый, нетронутый слой падали. Когда на аппетитный запах слетелись другие вороны, птица стала кричать и махать страшным крючковатым клювом. Страх оказался сильнее голода, и вороны вернулись к старым трупам обклеивать с костей остатки сухожилий.

Большая ворона осталась пировать подгнившей мертвечиной, однако ее внимательные золотые глаза следили за тем,

чтобы другие держались на порядочном расстоянии от лаковых кусочков. Так что подозрительного шевеления под разлагающимися трупами ворона просто не заметила. Ионный кинжал пронзил сердце глупой птицы в тот момент, когда она собиралась взлететь. Черные крылья продолжали трепетать, но глаза потускнели. Ворона была мертва.

Другие вороны побросали куски сухожилий и тут же набросились на тело подруги, обклевав его до самых костей.

А из зловонного болота показалась голова Реккка.

— В Н'Луууру ворон.

Внимательно осмотревшись по сторонам, он вытащил из клейкой массы Элеану. Та крепко сжимала в руке пустой кожух фотонного коммуникатора, из которого Реккк смастерил дыхательную трубку.

— Получилось! — с удовлетворением проговорил Реккк. — Они ушли.

Элеана повела его к быстрому, прорезающему мшистые скалы ручью в трехстах метрах к северо-востоку. Они с удовольствием вымылись, уничтожая гнусный запах смерти. Куда делся тэй, беглецы не знали. Идти дальше не было сил, и пока Реккк искал подходящее место для ночлега, Элеана собирала грибы и съедобные корешки. Довольно скоро Реккк нашел пещеру — небольшую, зато совершенно сухую, у самого основания массива, круто поднимающегося к Каменному Рубежу. Единственным недостатком было то, что пещера выходила точно на яму с трупами, призрачно сиявшую в ярком свете луны.

Развести огонь они не решились, так что Элеанины грибы пришлось есть сырыми. На вкус они оказались весьма посредственными, зато хоть как-то утолили голод. Реккк вызвался дежурить первым, однако едва Элеана свернулась калачиком у каменной стены, спать ей совершенно расхотелось.

— До Каменного Рубежа рукой подать, — проговорила она, — но последние несколько километров — самые сложные.

Реккк посмотрел вверх.

— Там монастырь Плывающей Белизны, а в нем — конара Урдма, предательница, сгубившая столько бойцов Сопротивления. О ее преступлениях известно только нам, поэтому мы просто обязаны ее устранить.

- А ты подумал о том, как мы попадем за ворота?
Рекк коснулся ее живота.
— Тебя они точно впустят, Элеана.
— Знаешь, возможно, они пустят и нас обоих, — проговорила Элеана, — если ты не перепугаешь их до смерти.

24

ПРОВАЛ В ПАМЯТИ

Когда Риана вернулась, ноги Перрнотт уже были на солнце. Обняв дзуоко за плечи, Риана потащила ее на другой конец дюны, где уже начали сгущаться тени, и положила параллельно склону. Тело Перрнотт оказалось в тени, и она скоро открыла глаза.

Опустившись на колени, Риана напоила Перрнотт и смочила губы себе.

— Как ты? — спросила Риана. — Ты лишилась чувств, как только я сняла ионное поле.

Перрнотт кивнула и попросила еще воды.

Риана, успевшая переодеться в бело-синие накидки Джени Серии, молча протянула дзуоко флягу. Одна из накидок, хоть и разорванная кинжалом Рианы и перепачканная кровью корруша, вполне годилась для носки. То же самое можно было сказать и о другой накидке, поврежденной гороновым жезлом.

Выкапывая кинжал из песка и спускаясь к тому месту, где осталась Перрнотт, Риана постоянно думала, от чего мог сработать гороновый жезл. Скидывая грязную одежду Горов, девушка случайно нашла подаренный Му-Аввулом камень с изображением фулкаана. Совершенно позабытый, он лежал в одном кармане с гороновым жезлом. Риана задумалась и приложила камешек к гороновому жезлу. Камень притянул жезл словно магнит, а при соприкосновении гороновый излучатель запульсировал.

Что же сказал ей Му-Аввул, когда дарил камень? *«Изображение фулкаана источает силу и джихани»*.

Тогда его слова показались Риане обычной метафорой. В конце концов, старик подарил ей талисман Джихарра — символ удачи или, как он сказал, *джихани*, духовного богатства. Теперь она поняла, что слова Му-Аввула были буквальными. В камне жила какая-то сила, которой хватило, чтобы активизировать горюновое жезл. Какое отношение сила камня имела к горюновому жезлу, Риана не понимала и собиралась разобраться при первой же возможности.

— Мне уже лучше, — вздохнула Перрнотт, — но очень хочется есть. Хотя, наверное, еды у тебя нет.

Из мешка Риана достала немного сушеного мяса, которое украла у Джени Серии.

— Судя по твоему наряду, — проговорила Перрнотт, — ты встретила патруль Джени Серии.

Когда дзуоко наелась, Риана рассказала ей про лагерь Джени Серии, а потом и обо всем, что случилось за последние несколько дней.

— Знаю, что ты — рамахана, — сказала Риана. — И мне говорили, тебе известно, где находится Маасра.

Перрнотт посмотрела на нее с подозрением.

— Для такой молодой девушки ты знаешь слишком многое. Говоришь, ты убила гэргона и соромианта?

— Останки Нита Сэттта вон там, — показала Риана. — Соромиант погиб возле дворца капудаана в Агашире.

Перрнотт посмотрела туда, куда показывала Риана. Сначала девушка ничего не почувствовала, потом ей показалось, что земля уходит из-под ног. Но земля не двигалась, и, увидев, что Перрнотт стоит, плотно закрыв глаза, Риана поняла, в чем дело. Перрнотт двигалась по воздуху. Вернее, двигалась какая-то ее часть. Это была не обычная Припрыжка, а что-то совсем другое.

Земля перестала дрожать, Перрнотт открыла глаза.

— Да, — проговорила она. — Нит Сэттт и правда мертв.

— Тебе кажется, я агент гэргона, — проговорила Риана, уязвленная тоном дзуоко.

— Гэргон, которого сюда послали, был каким-то странным, — протяжно проговорила, будто пропела Перрнотт. —

Он знал о существовании Маасры. Откуда? Ему хотелось ее отыскать. Зачем? До этого гэргоны никогда не интересовались ни пророчествами, ни рамаханами вообще.

Вспомнив Нита Сахора, Риана подумала, что это не совсем так. Однако Нит Сахор не был похож на остальных гэргонов. И тут она еще кое-что вспомнила.

— А Вуаль Тысячи Слез упоминается в Пророчестве?

— Несколько раз, — ответила Перрнотт. — Пророчество гласит, что Дар Сала-ату потребуется Маасра, которую он потеряет, а потом вернет в кровавой битве. Во время этой битвы Дар Сала-ата предадут.

Риана чувствовала, как бешено забилося сердце. Страшно слушать, когда о твоём будущем говорят, будто это прошлое. Неужели это означает, что у нее больше нет выбора? И какое из решений на ее жизненном пути приведет к беде? Неужели ей не уберечь Маасру и не предотвратить войну? Зачем ей нужна сила, зачем вообще быть Дар Сала-ат, если все ее поступки предначертаны?

Внезапно Риана вспомнила кое-что еще. *«В Пророчестве сказано, что у Дар Сала-ата будет три союзника — один будет его любить, второй предаст, а третий попытается погубить»*, — предупреждала девушку Джийан. Перрнотт сказала почти то же самое.

— А что конкретно представляют собой эти Пророчества, о которых так много говорят? Это книга или несколько книг, переведенных рамаханами с Древнего языка?

Перрнотт слабо улыбнулась.

— Ты же говорила, что воспитывалась в монастыре Плывающей Белизны! Хотя ты еще слишком молода и неопытна. Пророчества читают более...

— Я не просто неопытная послушница, — не выдержала Риана. — Я Дар Сала-ат.

Перрнотт молчала, будто слова Рианы совсем ее не удивили. Ее лицо отразило лишь сдержанный скептицизм. Риана вспомнила, как Джийан предупреждала, что из-за того, что Дар Сала-ат окажется девушкой, рамахане отнесутся к ней с недоверием. Риана только горячо понадеялась, что Перрнотт не придется убеждать слишком долго.

— Ничего себе заявление, — наконец проговорила дзуоко.

— Зато оно объясняет то, что я смогла убить соромианта и гэргона, не так ли? — рассудительно заметила Риана.

— Это одно из возможных объяснений, — признала Перрнотт. — С другой стороны, может быть, ты просто не по годам умна.

— А ты знала хоть одну послушницу, которая смогла бы одолеть таких врагов?

Перрнотт молчала.

— Хоть одна из них могла Припрыгивать?

— Вообще-то нет, — улыбнулась дзуоко. — Только где гарантия, что ты сама умеешь?

— Ты права, сейчас не могу, — Риана коснулась родинки у правого уха, — но взгляни сюда!

Секунду поколебавшись, Перрнотт наклонилась к Риане, которая повернулась, чтобы лучше было видно родинку. Риана услышала подавленный вздох.

— Ты ведь знаешь, что это, — проговорила Риана. — На время пребывания у коррушей мой Дар спрятан.

— Мудрое решение. — Перрнотт прижала два пальца к шее Рианы. — Кто тебе его подсказал?

— Сефирор по имени Миннум.

Перрнотт отпрянула, будто ее ужалили.

— Этот пройдоха заявил, что он сефирор?

Риана кивнула.

— Так он что, соврал?

— Он взял слово из Венчи...

— Я знаю, что оно означает, — вставила Риана, — сефирор — член тайного общества.

— Так, послушница знает слово из Венчи.

— Я знаю не только это слово! — возмутилась Риана.

— Не верится, что послушница знает праязык! — пробормотала Перрнотт на Венче.

— Тем не менее я свободно говорю на Венче, — на том же языке ответила Риана.

Перрнотт не нашлась что сказать.

— Пресвятая Миина! — воскликнула дзуоко наконец. — Все, что ты сказала, — правда. Но разве Дар Сала-ат может ока-

заться юной девушкой? — Она покачала головой, отказываясь верить в происходящее.

— Расскажи мне о Миннуме, — попросила Риана, — я поверила ему и разрешила спрятать свой Дар.

— Сначала самое главное, — заявила Перрнотт. — Подойди поближе.

Риана послушно подошла, и Перрнотт коснулась ее ладонями. Девушка почувствовала озноб, Перрнотт дотронулась до фальшивой родинки, и в тот же момент Осору яркими огнями зажглось в ее сознании. Тяжело дыша, Риана ощущала великую силу магии, ее таинственную мощь.

— В тебе огромная сила... — начала было Перрнотт, но осеклась. — Нужно признать, Миннум поработал на славу.

— Но если он не сефирор...

— Миннум — не сефирор.

— Тогда кто же он? Он сказал, что последний из оставшихся в живых.

Перрнотт рассмеялась.

— Это было бы здорово! Только, увы, это не так. Есть и другие. И об одном из них ты сама мне рассказывала.

— Я?

Перрнотт кивнула.

— Миннум — соромиант.

— Нет, ведь он колдун, — возразила Риана, — и смог спрятать мой Дар. Значит, он не врал!

— Зато он врал обо всем остальном. Впрочем, не стоит его ругать, он делает это неосознанно. Это проклятие, часть наказания Миннума.

— Он говорил, что Миина наказала его за грехи.

— Он так сказал? — Перрнотт явно удивилась. — Вот это уже интересно! Представляю, каких сил ему стоило это признание.

— И это он посоветовал мне разыскать тебя.

— Правда?

— При этом Миннум же понимал, что ты расскажешь про него...

— Значит, он верит, что ты Дар Сала-ат.

— И все же он не сефирор?

— Нет! Между соромиантами и сефирорами огромная разница. Во-первых, соромиантами бывают только мужчины, а сефирорами — и мужчины, и женщины. Во-вторых, они используют совершенно разную магию. Соромианты — разнovidность, и довольно извращенную, Кэофу. Я назвала ее извращенной, потому что это черная магия, настоящая грязь. Соромианты убивают и используют тела в качестве фетишей. Именно под их влиянием появились новые разновидности магии, которые считаются сильнее, чем Осору или Кэофу.

— А они на самом деле сильнее?

— Не знаю. Единственное, в чем я уверена, — то, что они нечестивые. А раз так, то не опираются на силовые ручки, текущие у поверхности Кундалы. Наоборот, любой контакт с ручьем убьет соромианта. Сефироры, наоборот, большую часть силы берут у ручьев. Их белая магия — древняя смесь Осору и Кэофу.

— Она называется Кади'ир.

— Да, это Глаз-Окно. Но есть еще одно, более осязаемое различие между соромиантами и сефирорами, — проговорила Перрнотт. — Все сефироры — друзья. — Дзуоко пристально посмотрела на Риану. — Ты слышала о друзьях, детка?

— Да, конечно. — Риана рассказала, как в Середке она встретилась с тремя кочевниками, которые спасли ее от пьяных кхаггунов. При помощи пения они открыли Третий Глаз Рианы и использовали его как линзу, многократно увеличившую силу их колдовства — магии слов.

— Пресвятая Миина! — прошептала Перрнотт, целуя кончики Рианиных пальцев. — Теперь я понимаю, почему Миннум тебе поверил. Ты на самом деле Дар Сала-ат.

Только теперь Риана узнала певучую интонацию Перрнотт и поняла, откуда она так хорошо говорит на Венче.

— Ты друг, Перрнотт! — горячо зашептала Риана. — Ты друг!

За охрану предателя Броннна Палллна отвечал командир отряда Кооолм. Пленный сидел на двойной ионной цепи в кхаггунском каземате на Серопарной улице. Занятие было неинтересным, однако Кооолму было наплевать. Кхаггун знал, что его сослуживцы уничтожают отряды Сопротивления, пока

он вынужден сидеть здесь и сторожить толстого баскира. Однако ему было все равно. Кооолм был уже не молод, ранен в бою, а знаменитая ненависть к врагу превратилась в усталое равнодушие и посещала его все реже и реже. Унылыми черносерыми ночами кхаггун стал посещать бордели, куда большинство его знакомых ходили с одной-единственной целью — забыть о происходящем хоть на время. В основном туда ходили те, кто считал, что Кундала — последняя остановка, а гэргоны, тоже погрязшие в бездействии, никогда не прикажут собраться в новый поход. Командир отряда Кооолм, хоть и заразился всеобщим унынием, в беседах не участвовал. Однако он знал, о чем говорят в его отряде, и понимал, что с каждым днем споры становятся все яростнее и эмоциональнее. Впрочем, собственное мнение он держал при себе. Ведь если верить сплетням, гэргоны не собирались сдерживать слово, данное кхаггунам сто с лишним лет назад, когда в'орнны впервые высадились на Кундалу.

Не обращая внимания на постоянные причитания заключенного, командир отряда разглядывал баскира с презрением. Даже предстоящий допрос и пытки нисколько не радовали, потому что Кооолм знал, что сам не будет в них участвовать. Он был простым надзирателем, с такими обязанностями справился бы даже рядовой. Да и ночные дежурства Кооолму изрядно надоели. Но он был кхаггуном, первая задача которого — подчиняться. Приказы исходили от самого Локкка Виэррента, так что Кооолму приходилось выполнять самые невероятные распоряжения беспрекословно.

Именно поэтому при виде устрашающей фигуры звезд-адмирала Олнна Рэддлина с эскортом у него появилось дурное предчувствие. Кооолм приказал кхаггунам отдать честь, а Паллну велел заткнуться. Терпеть причитания баскира о том, что он невиновен, было невозможно. Кроме того, командир отряда не хотел, чтобы жуткие вопли слышал звезд-адмирал.

Кооолм нервно облизал губы. Что нужно звезд-адмиралу? Неужели он, Кооолм, в чем-то ошибся? Он заметил, что при адмирале нет телохранителя. Еще более удивительным было то, что с ним была тускуггун в форме тех же цветов, что и у звезд-адмирала, — белого и золотого!

— Добрый день, командир взвода! — приветствовал Кооолма звезд-адмирал. — Я решил сам допросить заключенного.

Кооолм, разинув рот, глазел на тускуггун и не мог вымолвить ни слова.

— Вы сейчас же дадите войти! — рявкнул звезд-адмирал. — А потом уберетесь отсюда вместе со своими кхаггунами.

— Сэр?

— Я уполномочен допрашивать заключенного без посторонних.

— Да, сэр! — отозвался Кооолм и вытянулся по стойке «смирно». — Сию секунду, сэр!

По его приказу один из кхаггунов открыл дверь в камеру Броннна Паллна и поспешно отошел.

— Командир отряда, вы что, не в состоянии закрыть рот? — раздраженно спросил звезд-адмирал. — Может, вызвать геноматекка?

— Нет, я в порядке, — испуганно пролепетал командир отряда. — Но, сэр... в присутствии тускуггун... Я хотел сказать, что она будет присутствовать при...

— Она мой адъютант.

— Извините, я не знал... — Кооолм захлебнулся словами, однако огромным усилием воли заставил себя продолжать: — Я не знал, что на такие должности назначают тускуггун.

— Теперь будете знать, — резко ответил звезд-адмирал и быстро зашел в камеру. — Как вас зовут? — мрачно осведомился он.

— Командир отряда Дорт Кооолм, сэр! Конечно, я буду знать, сэр!

— До дальнейших распоряжений вы освобождаетесь от своих обязанностей, командир отряда Дорт Кооолм, и поступаете в распоряжение начальника отдела снабжения. Кажется, нынешняя должность надорвала ваши душевные силы. Интендантская служба подойдет вам намного больше.

— Да, сэр. Спасибо вам, сэр.

Итак, Кооолм попал в черный список звезд-адмирала, да еще на глазах всего отряда. Что теперь они о нем подумают? И все из-за его несдержанности! Ладно, хоть в рядовые не разжаловали! Чтобы не наделать бóльших глупостей, Кооолм

прикусил язык. Но тускуггун в кхаггунской форме — его за-тошнило от такого зрелища! Руки так и чесались прибить какого-нибудь кундалианина. Взглянув на свой бывший отряд, Кооолм понял, что они чувствуют то же самое.

— Ясно, что у них на уме, — проговорила Рада, когда Кооолм и его кхаггунны вышли, — одни убийства!

— Пора тебе к этому привыкнуть. В ближайшем будущем ты много чего увидишь, — отозвался Олннн. — Зачем переживать? У кхаггуннов убийства в крови, мы рождаемся с потребностью убивать. Мы — воины. Проще считать это чертой характера или врожденным признаком.

Рада резко рассмеялась, а Олннн пристально на нее взглянул.

— Скажу, чтобы тебе выдали оружие. Не хотелось, чтобы тебя порезали в уличной драке.

— В моей жизни было предостаточно драк, звезд-адмирал.

— И все же! Раз сопровождаешь меня, вид у тебя должен быть соответствующий.

Рада взглянула на Броннна Палллна.

— Может, вытащим кляп?

— Зачем?

Рада недоуменно на него посмотрела.

— Ты же сам сказал командиру отряда, что собираешься его допрашивать!

— Если вытащить кляп, он начнет орать.

Услышав эти слова, и без того бледный Броннн Паллнн стал серым и замычал.

— Что за запах! — воскликнула Рада, поспешно отступая. — Звезд-адмирал, он наложил в штаны!

Не сказав ни слова, Олннн схватил Броннна Палллна за шиворот и швырнул в дальний конец камеры. Увидев, что Рада двинулась за ним, адмирал знаком велел ей стоять у входа и не вмешиваться.

— Что ты задумал? — подозрительно спросила Рада.

— Делай, что тебе говорят! — рявкнул Олннн.

Он резко обернулся к Броннну Паллнну.

— Ты все испортил, баскирское отродье, — прошипел адмирал.

Олннн ударил Палллна наотмашь. Баскир ударился о стену, выпучив глаза в немом страхе. Колени подогнулись, и Олннну пришлось поднимать его на ноги.

— Если в касту избранных переводят таких, как ты, то, клянусь, мне не нужен этот окумммон.

Немой крик застрял в горле Броннна Палллна. Проколов сонную артерию, Олннн стал бить баскира головой о каменную стену. Брызнула кровь. Олннн тут же шагнул назад и увидел, что Рада, послушавшись, бежит к нему.

— Кажется, заключенный не выдержал первой же пытки.

— Ты... ты убил его... Просто зарезал, — словно безумная повторяла Рада. — Как ты мог?

Она пыталась помочь Броннну Палллну, который, едва дыша, сползал по стене, но Олннн не позволил. На каменной стене осталась широкая полоса бирюзовой крови, которая капала на блестящую от пота макушку Броннна Палллна.

Рада хотела ударить адмирала, однако Олннн схватил ее за руку.

— Во-первых, есть вещи, о которых тебе лучше со мной не спорить. Во-вторых, этот баскир предал в'орннов. Существуют доказательства того, что он тайком продавал оружие кундалианскому Сопротивлению. — Увидев в глазах Рады неприкрытую ненависть, Олннн легонько ее встряхнул. — В-третьих и в-главных, он владел информацией, которая могла бы скомпрометировать меня в глазах регента.

— И ты решил его убить.

— Я не мог позволить ему встретиться с регентом, — хрипло проговорил Олннн. — Ведь я велел этой гниде копать под Сорннна СаТррэна, который сейчас в фаворе у регента, а он сам ухитрился в это впутаться. Теперь понимаешь? Узнай про это регент, все было бы в опасности. Понимаешь, *все*.

Камеру заполнил тяжелый запах смерти. Мертвые глаза Броннна Палллна смотрели на них будто с осуждением.

Рада закрыла глаза, и все же мертвый Палллн не исчез.

— Видишь, непросто быть воином, — тихо, почти нежно проговорил Олннн.

25

РОЖДЕНИЕ НАРИЯ

Порывистый ветер шевелил верхушки сосен. То тут, то там слышалось поскрипывание могучих ветвей. Три огромных черных жука неспешно проползли по иголкам всего в метре от ног беглецов.

— Лежа в болоте с трупами, я вдруг вспомнила дедушку, — сказала Элеана, — хотя не думала о нем уже много лет. Я не видела деда так давно, что почти забыла его лицо.

Элеана закуталась в накидку и поудобнее устроилась возле Рекка.

— Дедушка часто брал меня на прогулки. Роста он был невысокого, но все равно сажал меня на плечи, так что ноги свешивались ему на грудь. Помню, как он шекотал мне пятки. Миина, помоги мне вспомнить лицо деда!

— Расскажи мне о нем.

— Помню его большие квадратные ладони с выступающими венами. Он так крепко держал меня за лодыжки! Дедушка часто брал меня в чашу, куда другие боялись заходить. Лучи солнца, пробивающиеся сквозь густую листву. Пение птиц, жужжание насекомых. Я совершенно не боялась. Странно? Помоему, нет. — Элеана вздохнула, предаваясь воспоминаниям. — В самой чаше дед начинал медленно кружиться и приговаривать: «Чувствую мир внутри себя, и это здорово, потому что помню прошлое и знаю, как все было раньше!»

Реккк беспокойно зашевелился.

— «Раньше» значит до того, как появились в'орнны?

— Да, — тихо ответила Элеана, — он всегда кружил меня и произносил одни и те же слова. Так он передавал свои знания для будущих поколений, которые...

Тишина.

Реккк смотрел на жуткое болото.

— Продолжай, все в порядке.

Элеана чувствовала, что и Рекк, и ребенок дышат синхронно, словно один организм.

— Для будущих поколений, которые родятся и вырастут под в'орнновским гнетом. Чтобы они знали, какой когда-то была Кундала, какой она могла быть...

Реккк обнял Элеану.

— Сделаешь кое-что для меня? Давай представим, что твой дедушка жив, что он, как и раньше, взял тебя на прогулку в лесную чащу. Я тоже хочу услышать, какой раньше была Кундала.

Закрыв глаза, Элеана велела себе представить лицо дедушки, коренастого загорелого кундалианина, долгие годы прожившего под открытым небом. У него был большой крючковатый нос, еще Элеана вспомнила крупный рот и смеющиеся глаза. Почему-то она не могла соединить все эти черты воедино и расстроилась.

— Дедушка рассказывал мне истории о Великой Богине Миине и о волшебных существах, которые когда-то населяли склоны Дьенн Марра. Больше все мне нравились нарии.

— Кто такие нарии?

— Ну, — протянула Элеана, в голосе которой внезапно появилось что-то мечтательное. — Представляешь чтавра? А теперь представь, что нарий в три раза больше. Три пары ног с белыми копытами, длинная гибкая шея, гордая посадка головы, выразительные влажные глаза. А теперь попробуй вообразить между глазами длинный сужающийся к концу рог. Белый, переливающийся в лунном свете, почти два метра в длину.

— А нарии на самом деле существовали?

— Когда-то существовали, — прошептала Элеана. — Так рассказывал дедушка, а он никогда не лгал и не преувеличивал. Он не решился бы исказить историю Кундалы, она была для него самым святым.

— Что еще он про них рассказывал?

Ветер вихрем ворвался в пещеру. На стенах плясали тени куэлловых ветвей, и казалось, что полуразложившиеся тела внизу шевелятся.

— Не хочешь рассказывать, потому что я в'орнн?

— Нет, Реккк, тебе обязательно надо послушать, — покачала головой Элеана. — Просто я подумала, что еще никому об этом не рассказывала.

Реккк снова обнял Элеану.

— Пришло время рассказать обо всем твоему малышу, что-бы прошлое его планеты представлялась ему так же ярко, как и настоящее.

Элеана смотрела на жуткую зловонную яму — неприглядное настоящее, от которого ей бы так хотелось уберечь малыша.

— Как в'орнн я понимаю, насколько важно знать историю своего народа, потому что у моего народа нет истории, — сказал Реккк. — У в'орннов нет полных описаний событий прошлого, истории жизни на родной планете. Увеличившаяся радиация, из-за которой мы и начали покорять Космос, повредила матрицу магнитных сердечников. Лишь со временем мы поняли, что они самоуничтожаются, и с каждым днем все быстрее. Мы пытались восстановить данные, но без особого успеха. Остались лишь разрозненные файлы, по которым невозможно реконструировать полную картину. Радиация породила вирус, изменивший код, и с тех пор мы стали бродягами и сиротами.

— Поработителями и завоевателями, которые пытаются отнять у других то, что не сумели сберечь сами.

— С такой позиции то, что случилось, я никогда не рассматривал, — признался Реккк, — но я не пытаюсь оправдаться.

— Похоже, воинский дух во мне и не думает угасать.

— А что ты думала?

— Думала, что беременность сделает меня мягче... Что ребенок навсегда меня изменит.

— Зачем волноваться? Ведь ты уже не та девушка из движения Сопротивления, с которой я и Джийан познакомились месяц назад.

Элеана подняла глаза.

— А вот ты совсем не изменился, Реккк.

— В'орнны и не должны меняться.

— Вот и я о том же.

Реккк мечтательно улыбнулся.

— Так ты исполнишь мою просьбу? Очень интересно послушать про нариев.

Снова повернувшись к Реккку спиной, Элеана уставилась в темноту. Чувствуя себя в безопасности, она подумала о том,

что несколько месяцев назад и представить себе не могла, что будет вести доверительные разговоры с кем-то из в'орннов.

— Дедушка очень любил лес и горы, в которых вырос и прожил всю жизнь. Даже в молодости наедине с природой ему было уютнее, чем в компании сверстников. Он брал лук со стрелами и уходил в лес на целый день, старясь познать тайны и загадки земли. Ему никогда не было страшно, лес казался деду чем-то вроде храма, созданного специально для него.

Так вот, в тот день, когда ему исполнилось пятнадцать, дедушка был далеко на севере, когда прямо на узкой горной тропе он увидел нария. Естественно, в тот момент дед не знал, кто это. Да и откуда? Рога у нария не было, но огромный белый зверь казался прозрачным и на шести ногах двигался по узкой тропе с грацией танцора. В нем было что-то необычное. Какая-то аура или магнетизм, что именно — дедушка так и не понял. Только много лет спустя, рассказывая эту историю мне, он отметил, как почувствовал — перед ним священный зверь.

И он не ошибся, нарии — священные животные Миины. Первые нарии появились из Жемчужины в день рождения Кундалы.

— А почему у того нария не было рога?

— Сейчас я до этого дойду.

Взглянув поверх головы Элеаны на вершущи елей-куэлло, Реккк увидел сову в короне. Птица сидела на покачивающейся ветке, плотно поджав пестрые крылья, оглядывая круглыми глазами и его, и яму с разлагающимися телами.

— Дедушка еще не знал, что это нарий. И все же в глубине души дед был уверен в святости зверя и пошел за ним, не раздумывая. Это было не так-то просто, ведь тропа пролегала через скалы, и то и дело почва осыпалась под ногами, камни крошились. Но дедушка чувствовал, что теперь лучше познает и горы, и природу в целом. А это уже тогда было смыслом его жизни.

О том, чтобы остановиться или повернуть назад, дедушка и не думал. Он чувствовал, что должен узнать, куда идет нарий. Откуда взялась это уверенность, дед не знал. Он просто шел следом, не раздумывая; нечто подобное происходит, когда купаешься в реке и плывешь по течению.

Что-то привлекло внимание совы, и она завертела головой. Лунный свет отражался в огромных глазах, делая их неестественно прозрачными.

— Утро плавно перешло в день, настали сумерки, а дедушка все шел за нарием по извивающейся горной тропе. Тропа вела вверх по пологому склону, однако, двигаясь по ней час за часом, дедушка поднялся так высоко, как еще никогда не заходил. Погода переменилась, и дед увидел, что порывистый ветер подгоняет темные тучи, которые еще недавно жались к северным склонам Дьенн Марра. Тут он впервые испугался, что может попасть под дождь высоко в горах.

Поворачивать назад было поздно, оставалось только идти за нарием и молиться Миине, чтобы зверь привел в безопасное место. Именно в этот момент дед услышал первый раскат грома, прогремевший по бездонным ущельям по обе стороны крутой горной тропки. Чувствуя, как стремительно падает давление, дедушка понял, что гроза будет сильной.

Сова вдруг расправила крылья и, соскочив с ветки, полетела в ночь. На мгновение Реккк потерял ее из виду. Только еловые ветки покачивались на ветру, но вот птица появилась снова, сжимая в клюве еще живую добычу.

— Стало темно, и начался дождь. Сильный ветер практически сбивал дедушку с ног, и он отчаянно замахал руками, боясь поскользнуться на узкой тропе. С трудом удержав равновесие, дед заметил, что нарий остановился. Он стоял, слегка наклонив голову, будто ждал дедушку.

Опустившись на четвереньки, дед пополз к нарию. Гром гремел так, что болели барабанные перепонки. До нария оставалось несколько сантиметров, когда зверь бросился прочь, так ловко балансируя по скользким скалам, что не упал ни один камешек. Увидев это, дедушка стал шагать прямо по следам нария.

И ветер, и дождь усиливались. Гром разрывал тучи, которые висели, как казалось дедушке, всего в паре метров над головой. Дед испугался, что его смоем со скалы, и тут нарий повернул налево, на узкую крутую тропинку, которую дедушка не нашел бы даже при дневном свете.

Минут двадцать они спускались по невероятно крутому склону. В кромешной тьме дедушка шел словно слепой, положив одну руку на бок нария. Внезапно он понял, что горный хребет позади. Дед чувствовал под ногами ровную землю, в воздухе стоял запах сырости. Оглядевшись по сторонам, он рассмотрел огромные каменные глыбы, возвышающиеся с обеих сторон. Ветер воронкой вился в замкнутом пространстве. Скалы будто сдавили дух, и дедушка понял, что они идут по огромному ущелью.

Лунный свет снова высветил сову, которая, сложив крылья, опустилась на ветку совсем близко к входу в пещеру. Не сводя глаз с Рекка, хищная птица переломила хребет своей добычей, а потом аккуратно, не спеша, принялась за ужин — сначала мех, потом кожа и наконец кости несчастного зверька.

— Они вышли из ущелья, и дедушка понял, что скалы расступились. Дождь продолжал лить, и по направлению порывов ветра дед определил, что они выбрались на открытый участок почти идеально круглой формы. Нарий остановился, и дедушка понял, что они пришли. Молния на миг осветила все вокруг, и дед успел рассмотреть форму и размеры огромной каменной чаши. Плоский участок оказался намного больше, чем ему сначала показалось. Дедушка даже удивился, что в самом сердце гор может находиться такой большой ровный участок.

Нарий поднял голову, шумно вдохнул воздух, и дедушка благоразумно попятился, но далеко уходить не решился. Гром продолжал греметь, дед стал закрывать уши ладонями, что практически не помогало.

И вдруг прямо над ними небо просветлело, будто солнце засияло где-то в толще облаков. Дедушка смог осмотреть естественную арену, на которую его вывел нарий. У деда дух захватило от изумления — такой огромной была арена! Дедушка знал, что этому может быть одно объяснение — нарий привел его в священное место, созданное в сердце Дьенн Марра самой Мииной.

Размышлять времени не было, потому что ослепительный свет молнии ударил нария промеж глаз. Нарий заржал, заглушая гром, и опустился на землю. Он тихо лежал, дрожа всем

телом. Из молочно-белого он стал черным, будто удар молнии мгновенно его испепелил. Дедушка испугался, что нарий может умереть, подошел к зверю и погладил по горячему влажному боку. Тут нарий приподнял голову, и дедушка увидел рог, который вырос от удара молнии. Или, может, это и была молния, отвердевшая по приказу Великой Богини.

В тот момент дедушка уже не знал, жив он сам или нет, стоит ли он в таинственной каменной чаше или смертельно раненный лежит на горном склоне и бредит. Тут и произошло самое необыкновенное. Нарий наклонил голову, опустив рог прямо к дедушке. По поверхности рога стекали капли дождя, острые, как нож, края сверкали, словно инкрустированные самоцветами. Подчиняясь желанию нария, ведь именно он привел его сюда, дедушка взялся за рог обеими руками. И в это самое мгновение дед увидел сияющее лицо Миины.

Сова в короне исчезла во тьме, пока Реккк воображал рождение нария. Не увидев сову, воин стал смотреть, как мерно раскачиваются верхушки деревьев. Элеанины слова все еще звучали в его сознании, так что Реккк думал и о нарии, и о сове. Джийан говорила, что сова в короне считается посланницей Миины. Зачастую она приносит ответы на сложные вопросы, но иногда предвещает насильственную смерть.

— Грозы не было с тех самых пор, как мы высадились на Кундале.

— И перестали рождаться нарии.

— Почему?

— В'орнны — разрушители. Это генетически заложено в каждом из вас. Миина не позволила бы вам убивать священных нариев.

— Тем не менее своих детей Великая Богиня убивать позволяет.

— Ты же знаешь почему, — отозвалась Элеана. — Мы ее ослушались. Рамахане захватили власть и пытались использовать Жемчужину в своих корыстных целях. За это богохульство Миина столкнула нас в яму, и мы до сих пор не можем избавиться от запаха смерти.

— И чем все закончится? — спросил Реккк. — Как кундалиане смогут вернуть себе расположение Богини?

— Тебе известно не хуже моего, — ответила Элеана. — В Пророчестве упоминается Дар Сала-ат и начало великих перемен.

От веток шел пар, клубившийся словно дым над зловонной ямой. «Куда исчезла сова? — подумал Реккк. — Она вернулась к Миине или продолжает охотиться?»

— А как же я? — спросил он. — Что будет с в'орннами, если Пророчество исполнится?

— Кто знает, — пожала плечами Элеана. — Не уверена, что это известно даже госпоже Джийан.

Тени удлиннились — стремительно приближался вечер. Риане не терпелось пуститься в путь, но в непосредственной близости от лагеря Джени Серии двигаться днем было опасно. Кроме того, тяжелые испытания подорвали силы женщин, так что они решили не спеша перекусить и отдохнуть у подножия дюны.

— Джийан, — проговорила Перрнотт, — я часто ее вспоминаю, хотя давно ничего о ней не слышала. Мы встречались в монастыре Плывающей Белизны, где ты воспитывалась.

— Почему ты жила так далеко от Большого Воорга?

— Не все друзья живут в Большом Воорге. Но нам лучше, чтобы так считали те, кто знает о нашем существовании, — вздохнула Перрнотт. — Наши пути предначертаны в Пророчестве. Мой путь сюда начался с того, что я поняла — атмосфера в монастыре ухудшается с каждым днем.

— Представляю, как тяжело было тебе дышать.

— Почти невыносимо.

— Сейчас там происходит что-то еще более ужасное, — проговорила Риана. — И как ты оказалась среди коррушей?

Перрнотт улыбнулась.

— Не то чтобы я оказалась, как ты изволила выразиться. Меня позвала Великая Богиня.

Риана подтянула колени к груди.

— Миина говорила с тобой?

— Нет, милая, это были не слова. Я почувствовала ее здесь, — Перрнотт показала на лоб, — и здесь. — Она коснулась сердца. — Ослушаться было невозможно.

— Понимаю, так предначертано.

Перрнотд улыбнулась.

— И ты из монастыря пришла прямо сюда?

— Нет, некоторое время я жила в Аксис Тэре. Неожиданно я встретила мужчину и, нарушив клятвы, родила ему детей. — Зеленоватые глаза, казалось, пронзили Риану насквозь. — Младшему ребенку сейчас столько же лет, сколько тебе.

— Ты ушла от них?

— Это наказание за мои грехи. Я бросила их, чтобы прийти сюда. У меня было видение истинного пути, и я пошла, не раздумывая.

Ее грусть передалась Риане.

— Ты можешь... Ты ясновидящая?

— Почему тебя это интересует, милая?

— Потому что у меня тоже бывают видения, и мне хотелось бы знать, неужели я тоже... — Риана не договорила, нервно прикусив губу.

— Ты слышала, что ясновидящие сходят с ума?

— Да, по крайней мере так говорят.

— Это не вся правда, бывает и по-другому... — Перрнотд прикрыла глаза. — Я бы с удовольствием снова встретилась с Джийан.

— Тогда ты должна сказать, где находится Маасра.

— Еще не время, Дар Сала-ат, ты не готова.

— Но Джийан... С каждым днем архидемон все сильнее ее опутывает. Я видела Джийан в Иномирье, ты не представляешь, как она страдает.

— Ах, Дар Сала-ат, сострадание делает тебе честь. Однако нельзя позволять состраданию подталкивать тебя к необдуманным поступкам. Если я говорю, что ты еще не готова сразиться с Хоролаггией, значит, так оно и есть.

Риана подскочила.

— Я только и слышу, как взрослые твердят, что можно делать и что нельзя.

— Иди ко мне, нетерпеливая, — улыбаясь, велела Перрнотд. — Я буду считать тебя своей дочерью, которой никогда не видела и не увижу. Теперь я понимаю, почему Миина призвала меня к коррушам. Иди ко мне. Я научу тебя тому, что ты должна знать.

26

ВЫСШИЕ ФОРМЫ СОЗНАНИЯ

Голова Броннна Палллна, посаженная на пику, возвышалась над дворцом регента, словно траурный флаг. Всякий раз, глядя на Палллна, Курган скрипел зубами от ярости. Почему предатель умер так внезапно? Как мог Олннн Рэдддлин допустить нечто подобное?

Было еще кое-что, о чем регент старался не думать. Глядя на отрубленную голову, он вспоминал сон, который в последнее время снился ему все чаще. Тонущая девушка, бледная как смерть, с длинными волосами, напоминающими платиновых и верадиумовых змей. «Помогите! — беззвучно кричала она. — Пожалуйста, помогите!»

Почему Олннн Рэдддлин сам допрашивал заключенного, вместо того чтобы перевести его во дворец, как приказал Курган?

Правитель разозлился до того, что вызвал строй-генерала Локкка Визрррента. Он прекрасно знал о дружеских отношениях между строй-генералом и Олннном Рэдддлином, однако почему-то не сомневался в преданности Визрррента регенту и существующему строю. Тем не менее откровенничать правитель не собирался и сначала заговорил совсем о другом.

— Немедленно произведите передислокацию войск, — начал Курган, едва завидев Визрррента. — Пошлите два полка в За Хара-ат, месаггуны и баскирские архитекторы нуждаются в более серьезной охране.

Визрррент был в полном замешательстве.

— Простите, регент, но от кого их охранять? От грязных отсталых коррушей?

— Не знаю, — проговорил Курган, передавая строй-генералу информационный кристалл. Совершенно случайно он вспомнил, как несколько недель назад, блуждая по руинам вместе с Сорннном СаТррэном, почувствовал в заброшенном городе присутствие какой-то силы. — Вот прочтите депешу, если угодно. Кто-то или что-то убивает в'орннов, которые от-важиваются копать слишком глубоко. Если не обеспечить ар-

хитекторам надежную охрану, мы никогда не получим план города. — Курган помолчал. — Знаю, За Хара-ат — частный проект в рамках партнерства с Консорциумом СаТррэнов. Однако я был бы очень признателен, если бы вы оказали мне любезность...

— Понял, — решительно кивнул строй-генерал. — Ваш приказ будет выполнен.

— Прекрасно, — потер руки Курган. — Соответствующее вознаграждение будет...

— Уверяю вас, регент, никакого вознаграждения не требуется.

— Отлично, благодарю вас, строй-генерал.

Визэррент повернулся, чтобы уйти, но Курган попросил его задержаться. Строй-генерал так и застыл в дверях, внимательно слушая, что скажет регент.

— Раз уж вы здесь, — будничным тоном осведомился Курган, — может, объясните, как случилось, что Бронни Паллн умер в кхаггунской тюрьме?

Утро выдалось сумрачное, холодное, сырое и хмурое. Свинцовое небо будто прижималось к земле. То и дело начинал накрапывать дождь.

— Боюсь, мне нечего добавить к официальному отчету.

— Который я уже прочел, — отозвался Курган. — Бронни Паллн страдал ожирением и, как следствие, сердечными заболеваниями.

— Это от всепоглощающего страха.

— От страха?

— Да, регент, у заключенных такое бывает. Страх на самом деле может убивать.

— На затылке у Паллн была огромная вмятина!

Визэррент посмотрел в окно.

— Дэйрус потрудились на славу, не так ли?

— Я сам хотел допросить предателя! — загремел Курган.

— Понимаю.

— Неужели? — Заложив руки за спину, Курган зашагал по комнате, вынуждая строй-генерала поворачиваться вслед за собой. — На первый взгляд кажется вполне логичным, что предателем оказался Бронни Паллн, которому не достался пост

прим-агента. Только потом я начал сомневаться. Мой отец считал Броннна Паллна и его отца идиотами, ободрал их как липку, а они еще и поблагодарили его за мудрый совет. — Курган фыркнул. — Неужели такой недалекий баскир мог организовать налет на кхаггунские склады?

— Ему не нужно было быть умным, достаточно иметь связи, — возразил Виэрррент. — За годы оккупации мы поняли, что среди бойцов Сопротивления немало хитрых людей. Они смелы и бесстрашны даже перед лицом смертельной опасности. Чего им не хватает — так это собранности и организованности. И не сойти мне с места — когда-нибудь у них появится лидер, способный объединять и дисциплинировать партизан.

— Итак, насколько я понял, вы не сомневаетесь в виновности Броннна Паллна.

— Против него столько улик: на складе нашли мечи, ионные пушки, словом, все то, что пропало. Вне всякого сомнения, это Паллн поставлял оружие Сопротивлению.

— Итак, значит, мы вновь возвращаемся к вопросу о том, что позволил себе звезд-адмирал.

— Он просто выполнял свою работу, регент. Вы ведь не даете ему поблажек.

— Это он так сказал?

— Он дал мне понять.

Курган подошел совсем близко.

— Недобрые сейчас времена, до меня доходят разные слухи.

— Какие слухи, регент?

— Что кхаггуны недовольны тем, что приостановлена имплантация окумммона.

— Не стану отрицать, регент. Недовольство растет с каждым днем.

Курган кивнул. Информация Рады подтвердилась. Регент знал, что Виэрррент не станет лгать.

— Я ведь приказал звезд-адмиралу контролировать настроение кхаггунов!

— Он держит руку на пульсе, регент.

— Но надолго ли? Звезд-адмиралу приказано немедленно подавлять любые признаки волнений. Бунт нам совсем ни к чему. Он уже что-нибудь предпринял?

— Не могу сказать определенно. Впрочем, если говорить о моих кхагггунах...

— Насчет вас у меня нет сомнений, строй-генерал. У вас за плечами огромный боевой опыт. В то время как звезд-адмирал молод, вспылчив и довольно дерзок, не так ли?

— Кхагггунов незачем опасаться, если вести с ними честную игру.

— Тогда все в порядке, — кивнул Курган.

Строй-генерал понял, что может идти. У самой двери Курган снова его окликнул:

— Кстати...

— Да, регент?

— У меня есть личная просьба.

— Рад служить регенту, — неловко поклонился Виэрррент.

— Присмотрите за ним, — тихо попросил Курган. — Конечно, неофициально, это должно остаться между нами. — Он улыбнулся. — Не то чтобы я ему не доверяю, ну, вы понимаете. Просто у звезд-адмирала огромное множество обязанностей, и мне бы не хотелось, чтобы он пренебрегал или вовсе забывал о тех, которые ему кажутся мелкими. — Курган положил руку на массивное плечо Виэрррента. — Знаю, что могу доверять вам, строй-генерал, вы ведь очень давно дружите. Я могу быть уверен, что вы в отличие от других не станете попрекать Олнна его молодостью. Меня же вы не попрекаете. — Курган кивнул. — Это ради его же собственного блага.

— Как прикажете, регент.

— Мы оба понимаем, что так лучше. — Курган проводил Локкка Виэрррента до двери. — Если все получится, можете рассчитывать на повышение. Обещаю.

— В'орнновский мозг состоит из девяти долей, — объяснял Кирллл Квандда Маретэн, одновременно подкрепляя сказанное картинками на светящемся голографическом экране. — То есть существуют две доли переднего мозга, четыре поперечного, по две — здесь и здесь, чуть ниже — сильвиат, отвечающий за работу органов чувств, центральный мозг, где вырабатывается кортазин и другие вещества, а также ативар, или первичный мозг.

Маретэн стояла рядом с дэйрусом в крошечной комнатке в «Недужном духе». Комнатка буквально ломилась от приборов, научных и диагностических, — голографических экранов, фотонных проекторов, всевозможных ионных тренажеров и стеллажей с информационными кристаллами. Однако Маретэн ничего этого не видела. Ее сжигало чувство вины перед дэйрусом за то, что она его использовала. Еще горше ей было от того, что она понимала — ради спасения Сорннна она бы сделала это снова и снова.

Кирллл показал на экран.

— Ативар частично погружен в сильвиат, и добраться до него практически невозможно. Эта доля — самая сложная и наименее изученная.

— Ох, Кирллл, — покачала головой Маретэн, — чувствую себя студенткой-первокурсницей.

Дэйрус побледнел.

— Простите, Маретэн Стоггул, я, кажется, слишком увлекся.

— Нет, нет, уверена, что это... Просто я художница, а не ученый.

— Нет, это я виноват, — подобострастно закивал дэйрус. — Извините меня.

Только тут Маретэн поняла, что с самого начала боялась посмотреть Квандде в глаза. Теперь она видела в них вину. Кирллл раскаивался, что выдал место ее тайных свиданий с Сорннном.

— Знаете, Броннн Паллн мне не нравился, — мягко сказала она, — я никогда ему не доверяла.

Кирллл склонил голову.

— Дэйрусом быть не так уж легко... Давление со всех сторон, постоянное принуждение...

Он был так похож на побитую собаку, что Маретэн едва сдержалась, чтобы не заключить Квандду в объятия.

— Тем не менее я должен был проявить твердость! — Кирллл яростно закачал головой. — Вы прекрасная тускуггун, я должен был понять...

— Кирллл, я... — Как бы сильно Маретэн его ни жалела, она не имела права злоупотребить доверием Сорннна. — Пожалуйста, расскажите мне про Терретта.

Облизнув губы, дэйрус кивнул, указывая на ярко освещенную панель.

— Вот радиогаммы его мозга. — Кирллл переключился с одной проекции на другую. — Как видите, ативар даже рассмотреть непросто. — Он вывел на экран очередную проекцию. — Вернее, было непросто. Я разработал методику, позволяющую отделить ативар и получить его трехмерное изображение. — Указательный палец описал дугу параллельно темно-серому клину на экране. — Вы первая видите эту часть ативара Терреттта. Он аномален во всех проявлениях.

— Откуда вы знаете? — спросила Маретэн. — Вы же говорили, что раньше его невозможно было отсканировать полностью.

— Но мы видели огромное количество ативаров во время вскрытий. — Дэйрус потянулся к инфодесятиугольникам. — Хотите посмотреть отчеты? У меня есть кристаллы...

— Как-нибудь в другой раз, — сказала Маретэн. — Сейчас мне хотелось бы понять, какое значение ваше открытие имеет для Терреттта.

— *Колоссальное значение!* — заявил Кирллл Квандда с необычным для него жаром. — Кажется, я установил причину умственной отсталости вашего брата.

Маретэн всмотрелась в темно-серый клин.

— Значит, это врожденный дефект.

— Как раз здесь и начинается самое интересное. Я почти уверен, что Терреттт родился с нормально развитым ативаром.

Маретэн вздрогнула и отстранилась от экрана, будто он ожил.

— И каково ваше объяснение?

— Я провел предварительные тесты, мне очень хотелось все проверить к вашему приходу. — Кирллл вставил инфодесятиугольник в считыватель, и на ближайшем к Маретэн экране появились непонятные математические уравнения, сопровождаемые устным комментарием. — Почти уверен, что в раннем возрасте прямо в ативар Терреттта ввели какое-то сложное вещество.

— Вы кого-то обвиняете? — Маретэн похолодела от ужаса. — Кто из геноматекков решился бы на такой ужасный поступок?

— Никто. — Кирллл Квандда переплел длинные пальцы. — В то время геноматекки и не помышляли о чем-то подобном.

— Тогда кто?

Маретэн смотрела на дэйруса во все глаза. Внезапно ноги подкосились, и ей захотелось сесть. Будто прочитав ее мысли, Кирллл Квандда придвинул стул.

— Гэргоны, — прошептала Маретэн. — Но почему?

— Зачем это гэргонам? — пожал плечами Кирллл Квандда. — Например, для эксперимента.

— На Стоггуле? — Маретэн яростно закачала головой. — Невозможно!

— Для гэргонов нет ничего невозможного, — мягко заметил дэйрус. — Вы сами прекрасно это знаете.

Руки Маретэн сжались в кулаки, в ее глазах стояли слезы.

— Бедный Терретт! Что они от него хотели? У вас есть предположения?

— Я еще не закончил анализы.

Маретэн вскочила.

— Но у вас наверняка есть эта... как вы ее называете?

— Гипотеза? Да, есть. — Квандда покачал худым пальцем. — Только не думаю, что вам будет приятно ее услышать.

— После того, что я уже услышала, — резко начала Маретэн, — разве мне может быть еще больше?

Дэйрус кивнул.

— Как я уже говорил, ативар — наименее изученная доля в'орнновского мозга. Так что фактически это мое собственное исследование. Точное назначение ативара не известно никому из в'орннов. Некоторые геноматекки утверждают, что это рудимент, не имеющий какой-либо функции. И вот с этим я не согласен. Опыты показывают, что ативар когда-то связывал в'орннов с... э-э-э... Давайте назовем это высшей формой сознания. И сейчас орган по-прежнему активен, так что рудиментом не является.

— С высшей формой сознания? — нахмурилась Маретэн.

— Именно. Представьте, что это мост между сознанием, похожим на наше с вами, и совершенно иным.

— Все равно не понимаю, — покачала головой Маретэн.

— Высшее сознание, — начал Кирллл Квандда, — очень похоже на состояние транса, в котором мы находимся, про-

буждаясь от глубокого сна. В это понятие также входит повышенная чувствительность, телепатия, умение видеть будущее. Рамахане утверждают, что достигают высшей формы сознания колдовством. Все эти примеры имеют под собой нечто общее — они подразумевают отделение от реального пространства и времени вместе с последующим быстрым перевоплощением в другую материальную форму.

Сердца Маретэн бешено колотились.

— Безумие какое-то.

— Да, пожалуй. Естественно, геноматекки, не признающие нетрадиционную медицину, считали проявления подобного аутизма безумием.

Маретэн схватила Кирллла за руку.

— Я хочу увидеть брата. Прямо сейчас.

— Знаете, мне бы стоило предупредить вас...

Она поднесла руки к горлу.

— Значит, он не сумасшедший!

Кирлл Квандда многозначительно на нее посмотрел.

— Пожалуйста, послушайте. Это был гэргоновский эксперимент, а к сожалению, не все эксперименты бывают удачными.

Маретэн била дрожь.

— О чем это вы?

— Вещество, по-видимому, должно было изменить состав ативара, да только это еще не все. Раз инъекцию провели в таком раннем возрасте, предполагаю, что одновременно стремились увеличить и массу ативара. В этом эксперимент удался — ативар Терреттта крупнее и более развит, чем те, что есть в базе данных. Но, к сожалению, что-то пошло не по плану.

— Что именно? — хрипло прошептала Маретэн.

— Это нам и нужно выяснить, — сказал дэйрус, — без какого-либо внешнего вмешательства. — Он остановился, чтобы смысл сказанного дошел до Маретэн. — Вы понимаете, Маретэн Стогггул?

Маретэн кивнула, будто в полусне.

— Я никому не скажу.

— Вот и славно, — Кирлл Квандда повел ее к дверям, — теперь я отведу вас к нему.

Терреттт сидел в своей палате лицом к окну и бездумно смотрел на море Крови, с шумом плескавшееся у ограды Променада. На полу толстым ковром лежали рисунки, появляющиеся, словно грибы после дождя. Терреттт словно источал неподвижность и тишину, которые волнами расходились по комнате. Казалось, они пропитали даже топографическую карту северного полушария Кундалы, которую несколько месяцев назад купила брату Маретэн. Карта была единственным цветным пятном в ослепительно белой палате, если не считать рисунков.

Маретэн бережно собрала картины, и они зашуршали, как иголки елей-куэлло. Это заняло некоторое время, потому что художница то и дело останавливалась, чтобы рассмотреть рисунок.

— То, что он изображает, становится все менее понятным, — грустно проговорила Маретэн, чувствуя, как сердца разрываются от боли.

— Он все сильнее закичивается на этих семи точках, — заметил Дэйрус. — Сначала Терреттт рисовал их по краям, а теперь они становятся центральными фигурами, появляясь даже на небе и в море.

— Я тоже это заметила, — проговорила Маретэн, внимательно рассматривая рисунок. — Пытаюсь припомнить все предметы и явления, которых по семь.

Кирллл Квандда поднял несколько листов.

— Это может не означать вообще ничего. То есть ничего важного для нас. Ведь ваш брат постоянно на чем-то закичивается.

— Но ведь может оказаться и наоборот! — заметила Маретэн. — Предпочитаю этот вариант.

Прижав рисунки к груди, Маретэн шагнула к брату. Слышал ли ее Терреттт, можно было только предполагать. Неизвестно, понимал ли он вообще, что в палате есть кто-то другой, кроме него.

Наклонившись, Маретэн поцеловала бледный влажный лоб брата.

— Терреттт, Терреттт, — тихо, но настойчиво позвала она, — это твоя сестра, Маретэн.

Он не ответил, даже не пошевелился. Казалось, он едва дышит.

— Терретт, как ты?

Опустившись на колени, она обняла его костлявые плечи. Маретэн чувствовала запах брата, и хотя она к нему давно привыкла, не выдержала и расплакалась.

Терретт повернулся к ней, в бледных глазах мелькнуло что-то осмысленное, будто эти тихие слезы разбудили его от странного сна.

— Терретт, я знаю, что с тобой сделали гэргоны. Я лишь знаю, ты не сумасшедший!

— Это неразумно... — начал Кирлл Квандда, однако, подняв руку, Маретэн не дала ему закончить.

— Ты не сумасшедший, Терретт. — Она положила брату на колени стопку самых свежих рисунков с семью цветными точками на каждом. — Слышишь?

Терретт кивнул. По крайней мере Маретэн так показалось. А что ей оставалось? Она никогда не считала его сумасшедшим, даже когда геноматекки и дэйрусы приводили ей самые «неопровержимые доказательства обратного». Она слышала одно, а сердца подсказывали ей совсем другое. Маретэн считала Терретта пленником неправильно функционирующего мозга. Она знала, что в его душе живет что-то артистическое, благодаря чему он видит свет и краски, форму и композицию, пространство и перспективу. Он умеет объединять эти разрозненные элементы в совершенно непостижимое целое. Тогда кто имеет право называть его сумасшедшим? Никто!

Терретт вытер слюни в уголке рта и стал водить указательным пальцем по неровной поверхности рисунка. Правда, Маретэн ничего не заметила.

— Ах, Кирлл Квандда! Я так вам благодарна, что вы вернули мне брата!

— В книгу Пророчества не записаны, — объявила Перрнотт между невероятно сложными уроками Осору и Кэофу — двум разным видам колдовства. — Ты ведь видела друзей и знаешь, как мы обычно одеваемся. Нижняя часть лица скрывается под *саабайей* — вуалью из некрашеного муслина. *Саабайи*

покрыты письменами Венчи. Это и есть Пророчества, когда передававшиеся из уст в уста, а теперь их тщательно и любовно наносят на все новые *саабайи*. Поэтому Пророчества с нами повсюду.

— А откуда они взялись? Кто их создал?

— Драконы, Дар Сала-ат, Пять Драконов Миины. Они обладают даром ясновидения, они и создали Пророчества.

Риана кивнула.

— А я думала, их создали рамахане, которые стали оракулами.

— Нет, все те, кто обладал даром ясновидения, сошли с ума, — мрачно сказал Перрнот.

Риана вздрогнула.

— Что такое, Дар Сала-ат?

— Кажется, Джийан тоже обладала этим даром.

Риана продолжала дрожать, и Перрнот обняла ее за плечи.

Бесконечный коррушский день догорал, падая в ночную бездну, от которой веяло индиговой прохладой. На бархатном небе загорались звезды. Где-то далеко завыл лиммнал, напоминая женщинам, как близко они к территории Джени Серии.

— Времена сейчас трудные для всех кундалиан, — сказала Риана, — в'орнны...

— В'орнны! Это всего лишь симптом, — фыркнула Перрнот. — Это наша болезнь, Дар Сала-ат. Ты ведь тоже жила в монастыре Плывающей Белизны и знаешь, откуда взялась эта зараза. Уверена, что в'орннов, этих переносчиков инфекции, послала к нам Миина. Великая Богиня очень мудра и знает, что иногда для лечения необходимы решительные меры. Зло должно расцвести махровым цветом, а жизнь стать невыносимой, чтобы кундалиане объединились, а Великое Колесо судьбы наконец повернулось. Что еще, кроме отчаяния, может заставить нас действовать? Лишь перед угрозой полного уничтожения мы признаем, что во многом виноваты сами. Беда в том, что кундалианам нравится обманывать себя.

— Что же получается? Лечение еще страшнее, чем сама болезнь?

— Это стороны единой медали, одно неотделимо от другого. В этом и проявляется Великое Равновесие Природы и Космоса — универсальное правило бытия. Чтобы его осознать, необходим Дар и определенная подготовка. Поэтому, если хочешь одолеть врагов, нужно учиться. А у тебя врагов немало, можешь мне поверить.

Перемены, которые вызовет твое появление, будут весьма болезненными. Большинство кундалиан станут противиться. Это суровое испытание веры, и многие начнут упираться, а некоторые и бунтовать. Потому что любые перемены ведут к неизвестному и, следовательно, пугают. Кундалиане отвернутся от тебя, вступят в союз с врагом, даже попытаются уничтожить, чтобы ты не меняла их жизненный уклад.

— Не понимаю, — тихо сказала Риана, — сейчас они живут в рабстве. В'орнны их терроризируют, мучают, убивают по собственной прихоти.

— Все, что ты говоришь, Дар Сала-ат, правда. И все же многие предпочтут нынешнюю ситуацию, так как это все, что они знают. Кундалиане привыкли к страданиям. Знаю, это звучит страшно и противоречит всякой логике. И все же это так. Я не раз сталкивалась с подобным. Поэтому не верь, что в'орнны — первая беда Кундалы. Историческое доказательство совсем рядом. Оно слой за слоем накапливалось в красной коррушской степи на Земле Пяти Встреч.

— За Хара-ат.

— Да. — Глаза Перрнодт возбужденно блестели. — За Хара-ат.

— Жаль, что я не видела город в самом расцвете.

— Возможно, и видела в другой жизни, — потерла руки Перрнодт. — Теперь покажи, как ты умеешь припрыгивать.

Риана закрыла глаза, вызывая густые туманы Иномирья, приказала собственному телу вращаться и, вращаясь, спроецироваться на один из многочисленных слоев Космоса.

Ничего не произошло.

— Что, не получается?

Риана открыла глаза и с любопытством взглянула на Перрнодт.

— Откуда ты знаешь?

— Дар Сала-ат, говорю же, в тебе заключена огромная сила. Однако если не знать, как ею пользоваться, то среди врагов тебе просто не выжить. — Перрнотд подняла руки ладонями вверх. — Когда миллиарды лет назад друуги научились Припрыжке, то сначала использовали это лишь для астрономических исследований. Припрыгивать учили только на территории монастырей в условиях строжайшей секретности. Даже обладая этим умением и при помощи моноккула, который защищает от радиации между мирами, начать Припрыжку возможно только в святых местах или в непосредственной близости от них. Расположение монастырей не случайно — каждый из них стоит на пересечении силовых ручьев, которые текут глубоко под мантией Кундалы. Конечно, точек пересечения больше, чем монастырей, но Припрыжка возможна лишь в радиусе тридцати метров от точек пересечения ручьев. Поэтому важно уметь использовать Третий Глаз, чтобы чувствовать эти ручьи.

— Но ведь *ин'адим* — святое место. Горы утверждают, что здесь убили пророка Джихарра.

— Прекрасный ответ, — похвалила Перрнотд, — однако у меня плохие новости. Кое в чем ты права, *ин'адим* действительно лежит на точке пересечения мощных ручьев. Только ручьи здесь не просто пересекаются, они переплелись так сильно, что потеряли активность. Это еще один пример того, что зло медленно проникает в Кундалу. Планета — живое существо, а ручьи — ее артерии. Если таких клубков будет еще больше, то вся система ручьев может атрофироваться.

— И что может случиться потом? — хрипло спросила Риана.

— Можно только предполагать, — сказала Перрнотд, — но скорее всего с ручьями исчезнет все волшебство.

— Мы не можем позволить, чтобы такое случилось.

— Мы верим в тебя, Дар Сала-ат. — Перрнотд устало улыбнулась. — Продолжим урок.

Риана кивнула.

— Когда я была в монастыре Плывающей Белизны, то иногда чувствовала энергию ручьев.

— Ты и должна была их чувствовать. — Перрнотд взяла Риану за руки. — Теперь я научу тебя, как чувствовать их постоянно!

ЗЕРКАЛА, ЗЕРКАЛА...

Конаре Ингрес не спалось. Она не знала покоя ни днем, когда бродила по темным коридорам монастыря, ни ночью, когда лежала на узкой койке и смотрела на влажный каменный потолок. Она то и дело вздрагивала — всепоглощающий страх не отпускал ее. Ужас лишил конару способности трезво мыслить. С той минуты, как она полуживая выползла из ниши за кабинетом конары Урдмы, Ингрес пыталась осознать все, что удалось подсмотреть и подслушать. Напрасно. В каждом темном углу ей мерещилось ухмыляющееся лицо смерти; воздух, которым она дышала, пах ненавистью.

Зачем вернулись Джийан и Бартта? Что случилось с конарой Лиистрой и конарой Тиир? Почему эти язычники, тайно овладевшие монастырем, так боятся зеркал?

Ни молитвы, ни просто размышления не помогали, лежать было невозможно, и конара Ингрес резко села. Спина покрылась холодным потом, и чтобы хоть как-то успокоиться, Ингрес решила принять душ. От запаха собственного страха ее мутило и очень хотелось освежиться. К тому же, несмотря на запрет использовать зеркала в спальнях и кельях, в ваннных они все-таки остались.

Ванная комната освещалась лишь мерцающим светом ламп из коридора. Конара Ингрес подошла к зеркалу. Она внимательно изучила собственное отражение, которое на первый взгляд было таким же, как раньше. Но потом, как и в секретной келье, где нашли обломок хад-атты, конара почувствовала нечто неуловимое, возникшее, вероятно, под воздействием знаний, которые она приобрела в результате многочасового сидения за книгами в библиотеке. Именно эти знания позволили Ингрес открыть дверь в секретную келью конары Бартты так, что никто ничего не заметил. По книгам она тренировала Третий Глаз и теперь могла легко вспомнить любое заклинание.

У кромки зеркала конара Ингрес заметила мерцающую темноту, будто амальгаму обжигало темное пламя. Заинтере-

совавшись, конара взялась за раму и решила снять зеркало со стены. Однако рама оказалась пустой, а само «зеркало» осталось на стене.

Отложив раму, конара Ингрес стала расхаживать из стороны в сторону, поглядывая на блестящий прямоугольник и силясь понять, что это такое. Она наложила Пересекающего Гостя — заклинание Осору, с помощью которого возможно определить природу любого наложенного ранее заклятия. Вытянув указательный палец, Ингрес прижала его к поверхности зеркала, но ногтевая фаланга провалилась внутрь. И хотя конара Ингрес тут же ее вытащила, осталось жуткое ощущение, что палец коснулся ледяной воды.

Она снова посмотрела на зеркало. Пересекающий Гость сообщил кое-какую информацию — наложенное заклятие не принадлежало ни Осору, ни Кэофу. Что же это за заклинание и кто его использовал? Конара Ингрес была готова поклясться, что это Джийан. Или то, что овладело телом колдуньи... Только проблема заключалась в том, что эти открытия не давали ответов на ее вопросы. Конара Ингрес обладала лишь самыми основными знаниями об одержимости и зачатках Осору, которыми ей удалось овладеть тайком, занимаясь в библиотеке по ночам, чтобы не возбудить любопытство других конар. Теперь конара Ингрес решила, что занятия следует продолжить и во что бы то ни стало разобраться в этих непонятных вопросах.

Для начала нужно раздобыть настоящее зеркало. От возбуждения конара Ингрес напрочь позабыла про душ.

Она аккуратно повесила раму на место и уже собиралась уходить, как в коридоре послышались шаги. Они приближались, и конара Ингрес поспешно отступила в темный угол. Вне себя от ужаса, конара увидела стайку молодых послушниц, которые шли за кем-то, облаченным в черную сутану. Лицо скрывал большой капюшон, но, увидев темную фигуру, конара Ингрес похолодела от страха. А потом ей и вовсе стало дурно — на руке у таинственного незнакомца было шесть пальцев. Шестой палец казался *черным*, будто обожженным в печи. Из запрещенных другим конарам книг Ингрес знала, что незнакомец в сутане наверняка соромиант. Ей казалось,

соромианты давно вымерли, ведь их покарала сама Миина. Но вот один из них крадется по коридорам монастыря...

Соромиант вел послушниц в пустую кладовую, где начал что-то объяснять. Конара Ингрес с отчаянно бьющимся сердцем вся обратилась в слух.

К ее ужасу, соромиант заговорил о Джийан как о Матери, которая восстановит монастырь, а рамаханам вернет былую славу правителей Кундалы. Бедные глупышки и понятия не имели о том, что рамахане никогда Кундалой не правили. Одна из послушниц робко спросила, сможет ли Мать защитить их от тирании в'орннов. Соромиант, по-видимому, был готов к такому вопросу. Низким гнусавым голосом он пообещал, что очень скоро отведет их к Дар Сала-ату, где они должны будут принести клятву Спасителю, чье появление было предначертано в Пророчестве.

Конара Ингрес, конечно же, понимала, что это низкая ложь. Однако у послушниц не было ни опыта, ни знаний, так что они проглотили наживку с готовностью неопита. Да и конара Ингрес была вынуждена ретироваться, понимая, что сейчас не в состоянии помешать злу, отравляющему юные души. Сначала — главное.

Ингрес вышла в темный коридор, вытерла мокрое от пота лицо и, стараясь не шуметь, стала искать зеркало. Простая на первый взгляд задача превратилась в настоящую проблему — все зеркала либо вовсе исчезли, либо были заменены странными колдовскими стеклами наподобие того, что она видела в ванной.

В поисках зеркала конара уходила все глубже и глубже в недра монастыря, пока наконец не дошла до места раскопок, которые вели Риана и покойная шима Ведда. Раскопки были заброшены с того самого дня, когда Бартта швырнула шиму Ведду в цистерну и утопила. О трапезной, которую раньше восстанавливали, теперь никто не вспоминал, обедать стали в новом зале, который лежал немного выше. Новая трапезная оказалась светлее, да и фонарями ее освещать оказалось гораздо удобнее. Новые помещения пришлось по душе почти всем рамаханам, но конара Ингрес всегда удивлялась, как непохожи два помещения.

Старая трапезная была в том же состоянии, в каком ее оставили Риана и шима Ведда в тот памятный вечер, когда, обнаружив пролом в коренной породе, они наткнулись на келлы. Как и все рамахане, конара Ингрес знала легенду о келлах. После того, как Миина создала монастырь, она поместила в толще скалы келлы — три уединенных наблюдательных пункта, откуда Богиня могла бы, оставаясь невидимой, следить за святыми трудами учеников.

Веревочную лестницу Рианы уничтожили, а пролом заделали с помощью довольно простого заклинания. И все же изнутри исходило сияние, которое конара Ингрес заметила даже под грудой пыльных, покрытых паутиной инструментов шимы Ведды. Наклонившись, Ингрес отодвинула инструменты и, слегка запыхавшись, стала анализировать заклинание, раскладывая его на отдельные молитвы. Несколько слов, взмах рукой, и заклинание снято. Обыскав трапезную, конара Ингрес нашла несколько пропитанных дегтем факелов из дерева и камыша. Один из них она тут же зажгла, другие заткнула за пояс и опустилась на колени у пролома, который после небольшого землетрясения в прошлом месяце значительно расширился.

Опустив факел в треугольное пространство разлома, конара увидела совсем рядом нечто вроде маленького цитринового столика. Осторожно спустившись на столик, она посветила вниз и, собравшись с духом, спрыгнула на черный базальтовый пол вслед за пылающими искрами.

Едва оказавшись в нише, конара поняла — то, что она приняла за столик, было на самом деле частью величественной статуи змея, который некогда считался священной тварью Миины. Сейчас послушники учат, что змей — Аватара Пэфороса. Он символизирует ложь и обман, а поэтому проклят Мииной. Конара Ингрес присела у изогнутой скульптуры и провела ладонью по цитриновым чешуйкам. Затем, подняв факел, она увидела в стене нишу, где скульптура, должно быть, стояла со времен Миины. Конара Ингрес была в замешательстве: как скульптура отодвинулась от стены? Внимательно осмотрев нишу, она не обнаружила ни следов лома, ни признаков заклинания. В любом случае конара Ингрес не сомневалась, что попала в священное место. Упав на колени перед цитриновым

меем, которого звали Гош, она стала молиться о прощении и скорейшем возвращении Богини.

Дочитав молитву, конара осталась сидеть в той же позе, пытаясь собраться с мыслями и подавить гнетущий страх. Затем она поднялась и, нажав на выпуклость в теле Гоша, принялась спускаться вниз тем же способом, что и некогда Риана, — на лифте. Лифт был престранный — два квадратных метра каменной породы непостижимым образом двигались вниз, к келлу. Келл был правильной квадратной формы и покрыт блестящей черной эмалью. Однако цвет не был главной достопримечательностью. С одной стороны лифта конара Ингрес увидела колодец, тяжелая базальтовая крышка которого сдвинулась набок, а с другой — горельеф, изображающий трех огромных животных с кошачьими головами и взъерошенными золотисто-черными шкурами, изогнувшихся в причудливой позе. Тела чудищ были сильными, мускулистыми, а челюсти мощными, в разверстых ртах виднелись три ряда острых зубов. Длинные гибкие хвосты изгибались над спинами. Конара Ингрес подметила, что, как и Гош в верхнем келле, чудища когда-то были вмурованы в стену. Теперь они выстроились вокруг колодца, образуя равносторонний треугольник, и будто ожидали, что кто-то появится из спокойной черной воды.

Однако колодец натолкнул конару Ингрес на любопытную мысль. Вспомнив нужное заклинание, она вытянула руки над водой и наложила Ключ к Воротам. Сначала ей показалось, что ничего не произошло. (Впрочем, конара впервые использовала это заклинание Осору и точно не знала, какого результата ожидать.)

Наклонившись над колодцем, она увидела, что на поверхности образуется белый туман. Сначала он походил на тонкие нити, которые плетут над прудами водомерки, но постепенно сгустился в непроницаемую матовую пелену. Ладонь конары Ингрес двигалась против часовой стрелки, и туман начал подниматься, рассеиваясь у ее ладони. На поверхности воды остался лишь маленький, поблескивающий в свете факела диск с медной каемкой. Конара Ингрес проворно вытащила диск из воды и улыбнулась своему отражению в зеркальце.

* * *

Позолоченные огнями прожекторов чудища в доспехах пустились в пляс по периметру огромного овала. У них не было ни рук, ни ног, а сверкающие доспехи казались жуткими — с шипами, когтями и даже какими-то страшными крыльями.

— Итак, — сказал Олннн, — как ты решила?

— А что я могу решить? — отозвалась Рада. — Никогда не думала, что надену доспехи.

— Если мы будем появляться вместе, то тебе придется носить оружие. А значит, ты должна знать, как обращаться с ударным мечом.

— Вы уже определились, звезд-адмирал? — Обернувшись, они увидели оружейницу. У в'орннов было принято, что изготовлением доспехов должна заниматься тускуггун. Оружейницу Рэддлина звали Лейти, у нее были серьезные темные глаза и перепачканные кислотой пальцы. — Вот моя последняя модель. Думаю, она идеально вам подойдет.

— Доспехи не для меня, — отозвался Олннн, — а для моего адъютанта.

— Извините, звезд-адмирал, но ему придется прийти самому, иначе мне сложно угадать размер.

— Вот мой адъютант, — объявил Олннн, показывая на Раду.

— Отлично, — проговорила Лейти, будто ничуть не удивившись. Она подвела женщину к дисплею. — В таком случае предлагаю эту модель. — Оружейница показала на доспехи цвета темной бронзы. — Ее легко подогнать под меньший размер.

— Распорядитесь, чтобы доспехи были готовы как можно скорее, — приказал Олннн. — Еще понадобится клинок.

Лейти прошла мимо Олннна, и Раде показалось, что на лице оружейницы мелькнула усмешка. Подумав о том, что Лейти считает ее очередной пассией звезд-адмирала, женщина почувствовала, что краснеет.

Рада осталась смотреть, как Олннн решает какие-то дела с кхаггунами, прибывающими на звездолетах. Совершенно неожиданно ей стало интересно. Звездолеты были небольшого размера и причудливой округлой формы. Рада подумала: а какую максимальную скорость могут развивать такие малютки? Она наскоро перекусила лееестой и заметила на противопо-

ложной стороне бульвара белый фасад «Недужного духа». То и дело у входа в здание внезапно появлялись гэргоны, будто вырастая из-под земли, и так же быстро исчезали. Вид у техномагов был настолько мрачный, что, завидев их, любой в'орнн в радиусе полуметра застывал на месте до тех пор, пока очередной гэргон не исчезал.

Из раздумья Раду вывел голос Олннна, возбужденно разговаривавшего с перв-капитаном. Они обсуждали регента. Рада пришла в ужас от того, что бо́льшая часть времени звезд-адмирала уходила на то, чтобы выполнять поручения и приказы правителя, часто слишком мелкие и бессмысленные. Она чувствовала, как злится Олннн, а услышав, как он выругался, едва отвернулся перв-капитан, поняла, что командующий на пределе. Очевидно, между Курганом Стоггтулом и Олннном Рэддлингом произошел разлад, а это интересовало Раду больше, чем звездолеты.

Когда через час доспехи были готовы, Олннн показал, как их надеть, а потом повел Раду прямо на калллистот. На ринге было пусто, ведь бои проходили только ночью.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Олннн, пробираясь на ринг.

— Немного неловко, когда пытаюсь быстро повернуться.

— У тебя хорошая осанка и мышцы развиты вполне достаточно.

Лейти изменила цвет доспехов на блестящий сине-зеленый, выгодно контрастировавший с золотой отделкой на плечах и груди облачения самого Олннна. На поясе у Рады висел ударный меч. Лейти заставила ее перепробовать немало мечей, каждый из которых следовало держать обеими руками, как показывал Олннн, пока наконец не подобрали тот, который соответствовал Радиному росту и весу. Еще в оружейной Рада взглянула в зеркало, и ей стало не по себе. Она всегда ненавидела мундиры и доспехи, символизирующие мужское превосходство. И теперь Рада почувствовала прилив сил и одновременно беспомощность, будто она превратилась в листок, гонимый внешними ветрами.

— Подними меч и держи, как я тебя учил, — приказал Олннн, когда они встали друг против друга.

Было ясное морозное утро, совсем не похожее на сырую погоду, стоявшую в последнее время. Улицы сияли, словно отполированные за ночь. Косые лучи солнца робко освещали площадь, огромные размеры которой подавляли Раду. Женщина чувствовала себя крошечной и беспомощной. Каллис-тот был определенно создан мужчиной и для мужчин — все вокруг казалось слишком большим, угловатым и неуклюжим. Раде почудилось, что она ощущает запах крови и боль, которыми пропитан ринг.

— Защищайся! — внезапно велел Олннн и, размахивая ударным мечом, двинулся к Раде.

Первый удар оглушил ее настолько, что она едва не выронила меч. Ладони болели, плечи тянуло.

— У меня нет никого опыта, — солгала Рада.

— Значит, будет дополнительный стимул учиться быстрее. — Олннн снова ударил ее по мечу. Удар был несильным, но на игру это больше не походило. — Как видишь, ударный меч состоит из двух лезвий, расположенных параллельно на небольшом расстоянии. Когда включаешь боевой режим, возбуждаются гиперактивные ионы, и лезвия вибрируют тысячу раз за секунду. Если нанести удар правильно, то противника буквально разорвет на части. Правда, ионный поток имеет свои правила. И если их не знать, меч может быть смертельно опасен. — Адмирал продолжал нудно объяснять то, что Рада давно знала.

Теперь предстояло нападать Раде. Она очень старалась, чтобы удар получился неуклюжим. За свою жизнь ей не раз приходилось браться за ударный меч. У нее был даже свой собственный, который она стянула у кхаггтуна, умиравшего в предгорьях Дьенн Марра, и теперь хранила под половицами в кабинете. Не так давно Рада перенесла оружие домой и спрятала там, где точно никто не найдет.

На протяжении тренировки она притворялась, что понемногу учится, и к концу третьего часа на ринге партнеры уже обменивались быстрыми ударами.

— Для тускугггун ты очень быстро учишься, — похвалил Олннн.

Несмотря на его насмешливый тон, Рада поняла, что Олннн поражен и испуган. Женщина почувствовала, как со дна души

поднимается ненависть. Ведь сначала у нее душа ушла в пятки, едва он нанес первый удар, и она никак не могла справиться с ужасом. Из-за Олнна Рада не могла быть самой собой. Она всегда презирала слабых, зависящих от мужчин тускуггун. И вот она сама оказалась привязанной к мужчине, да еще к ххаггуну. Раде было необходимо унижить его так, как он унижил ее. Казалось, что проще всего насладиться его унижением на ринге.

Мысль показалась дельной, и Рада решила отбросить осторожность и бороться с Олнном на равных. Конечно, ей никогда не сравниться с ним в силе. Зато у нее сильный дух и парочка трюков про запас.

Когда красноватый приплюснутый солнечный диск поднялся и осветил арену кровавым светом, они сошлись в последний раз. Рада скрестила лезвия с мечом Олнна, отступила, а потом быстро пересекла своим оружием концы его лезвий, быстро вращаясь в тяжелых доспехах. Увидев, как вытянулось лицо адмирала, она решительно рассекла пространство между лезвиями мечом, нарушая ионный поток между ними. Маневр был довольно опасным, Рада использовала его впервые. Малейшая ошибка, и чертов ионный поток серьезно поранит ее саму.

Глухо рыча, женщина атаковала снова, лезвия мечей пересеклись, а предохранители защелкали. Рада чувствовала на щеке тепло дыхания Олнна, видела, как в его глазах удивление превращается в страх. Они стояли лицом к лицу, стиснув зубы, прерванный ионный поток изогнулся вокруг них наподобие неяркого ореола.

Адмирал сморщился от боли и вдруг сделал быстрое движение запястьями. Все произошло столь быстро, что Рада не успела разобраться, что именно сделал Олнн и почему она выпустила рукоятку. Тем не менее ее меч упал на землю, и лишь огромным усилием воли она удержалась от того, чтобы не нагнуться за оружием.

— Если бы мы были врагами, ты бы была уже мертва, — глухо прошептал Олнн.

— Но мы и *есть* враги.

Олнн не отстранился и не приложил меч к ее горлу. Адмирал просто стоял, широко расставив ноги и тяжело дыша.

Он смотрел на Раду так, будто, кроме нее, его больше ничего не интересовало. Взгляд Олнна лишил воли, казалось, душу сжимает сильный кулак. Рада чувствовала возмущение и страх. Страх от того, что она уже раскрыла карты и поняла, что звезд-адмирал имеет над ней какую-то тайную власть.

Когда Олнн потянулся к ее плечу, она страхнула его руку и улыбнулась нескольким месаттунам, спешившим на утреннюю смену и остановившимся, чтобы понаблюдать за прелюбопытной сценой. К счастью, опасаясь кхаггунского гнева, они тут же пошли своей дорогой.

— Рада!

Голос Олнна донесся из-за спины. Он звучал нежно, но эхо, будто насмехаясь, разносило его по арене. Ему пришлось позвать ее еще раз, прежде чем Рада отозвалась.

Олнн поднял ее меч, его собственный уже висел в ножнах на поясе.

— Где ты?..

Рада вздрогнула — именно этого вопроса она и боялась.

— Я же говорила, что родилась воином.

— Я сразу тебе не поверил.

— Ну конечно, я же тускуггун, — пожала плечами Рада. — Скорее всего мне просто повезло.

Он изучал ее долго и внимательно и наконец вручил ей меч.

— Сегодня утром ты получила право его носить, — торжественно объявил адмирал.

Ей захотелось плюнуть ему в лицо, так же как он плюнул в нее. Однако опускаться до его уровня не хотелось. Кроме того, Рада с ужасом поняла, что во рту пересохло, будто в Большом Воорге. Оставалось только протянуть руку. Она вновь почувствовала вес меча и поняла, что ждала этого момента всю жизнь, хотя и представить не могла, что все произойдет при таких обстоятельствах.

— Звезд-адмирал, — импульсивно начала Рада, — мне надо кое-что...

Он ждал, молча наблюдая за ней.

Ей не хотелось рассказывать все сразу, не хотелось, чтобы адмирал подумал, что ее так легко расколоть.

— Не так давно, примерно неделю назад, меня вызвал регент и предложил сделку. Ему показалось, что он теряет связь с повседневной жизнью Аксис Тэра.

Грубый рот Олннна изогнулся в подобии улыбки.

— Он боится заговоров — тех, что готовят против него лично. Ведь именно такой заговор привел к кончине его отца.

Рада кивнула.

— В обмен на информацию об Аксис Тэре он согласился выплатить долг моей матери за «Кровавый прилив».

Олннн надменно скрестил руки на груди.

— И ты приняла щедрое предложение Кургана Стоггула?

— А как ты думаешь? Он все-таки регент.

Глаза Олннна сузились.

— Почему ты вдруг призналась?

— Той ночью он взял меня силой. И я ничего не могла поделать. Тогда не могла.

— Теперь, когда ты со мной, все будет по-другому.

— Кажется, вы с регентом больше не друзья.

— Ты довольно любопытна, — коротко заметил Олннн.

— Неудивительно, ведь у меня есть таверна, — пожала плечами Рада.

— В твоей новой жизни это качество может пригодиться, — проговорил адмирал. — Или оно тебя погубит. — Он наклонил голову. — Хотя, насколько я понимаю, мое предостережение вряд ли тебя испугает. Так что поступай как знаешь.

— В ту ночь, — проговорила Рада, — мы еще не успели одеться, как в дверь постучали. В шелку я увидела Нита Батоксса, который стоял в коридоре. Регент прикрыл дверь, но мне все равно удалось подслушать.

Олннн весело рассмеялся, и Раде показалось, что она слышит в его смехе одобрение.

— В любом случае продолжай, — велел он.

— Разговор касался программы переведения кхагггунов в касту избранных.

Олннн тут же оглянулся. Чем позднее становилось, тем больше посетителей появлялось на арене калллитота. Одни спешили по своим делам, другие без дела слонялись вдоль стен

и колонн, болтая ни о чем. Олннн кивнул Раде, и они быстро пошли в сторону Променада, где, как адмирал предполагал, больше народа и меньше соглядатаев.

Хриплые крики чаек прорезали утреннее небо. На востоке появилась узкая розовая полоска, четко выделявшаяся на фоне серых облаков. Прибрежный ветерок разносил чистый бодрящий запах моря.

Олннн заговорил, лишь когда позади остались стоящие на пристани корабли.

— Теперь мы можем продолжать.

Рада рассказала звезд-адмиралу обо всем, что слышала: что гэргон был против выделения нового статуса, так как боялся, будто это станет опасным примером для других каст. И что Курган Стоггул предложил приостановить процесс, а Нит Батокссс охотно согласился.

— Нит Батокссс сказал, что не потерпит никаких волнений среди кхаггунов, и велел регенту за этим проследить.

— Так я и знал! — Олннн ударил кулаком по ладони. — Давно уже подозревал что-то подобное, но теперь у меня есть доказательства.

— Многие рамахане, и даже некоторые старшие конары, полагают, что все ручьи, текущие под Кундалой, одинаковы. Только это не так.

Быстро темнело, на красноватую степь быстро опускалась коррушская ночь, холодало. Перрнотт сидела рядом с Рианой и заплетала ее волосы в *мистефан* — косу в дружеском стиле. Плести было непросто, да к тому же Перрнотт продолжала одновременно учить Риану. Уроки не прекращались ни на секунду. Даже когда странницы шли на север, обходя лагеря Джени Сери, во время редких минут отдыха Перрнотт возобновляла уроки. О сне речь даже не шла, по ночам они двигались дальше и повторяли самые сложные моменты пройденного материала. С помощью Перрнотт Риана научилась восстанавливаться за время короткого, не более трех минут, дневного сна не хуже, чем после восьмичасового ночью. Итак, они чувствовали себя вполне комфортно, несмотря на холодные зимние утренники и резкое понижение температуры вечером,

когда садилось солнце. Тогда всякий раз вместе с ознобом Риану охватывал страх — время идет, зима близится к середине. В день солнцестояния спасти Джийан будет поздно, ею полностью завладеет Хоролаггия. Если такое случится, Джийан перестанет существовать, а архидемон получит доступ ко всему, что она знала и умела. Даже к ее Дару.

— Ты слушаешь? — резко спросила Перрнотт. — Мечтать не время, каждый урок для тебя жизненно важен.

Риана кивнула, извиняясь.

— По указанию Миины ручьи были созданы Пятью Священными Драконами, — продолжала объяснять дзуоко. — Поскольку каждый из драконов олицетворяет одну из пяти стихий — землю, воздух, воду, огонь и дерево, — каждый из ручьев олицетворяет сущность своего создателя. К примеру, ручьи под монастырем Плывущей Белизны созданы Паов, черной драконшей дерева, олицетворяющей Предвидение. А ручьи под Средним дворцом Аксис Тэра созданы Сеелин, зеленой драконшей воды и Преобразования.

Теперь Риана поняла, почему Аннон мельком увидел Сеелин, когда открылась дверь в Хранилище.

— А как насчет монастыря Слушающей Кости, который стал дворцом гэргонов? — спросила она.

— Те ручьи довольно необычны даже для Кундалы. Их создала чета драконов, Паов и Эйг, красный дракон огня и Силы. Драконы часто дружат, а вот спариваются крайне редко. Зато соединяются тогда они навсегда. Горе тому, кто попытается разлучить пару драконов.

— А зачем это нужно? — недоуменно спросила Риана.

— Чтобы лишить их силы, — ответила Перрнотт и наклонила голову, любуясь своей работой. — Давно я не плела *мистефан*, и все же получилось совсем неплохо.

Она разделила Рианины волосы на три части, туго их переплела и получилась толстая коса, чем-то похожая на в'орновский меч.

Когда совсем стемнело, странники свернули свой небольшой лагерь.

— То место, куда мы идем, — продолжала Перрнотт, когда они двинулись дальше на север, — место, где спрятана Маас-

ра, — самое святое на Кундале. — Дзуоко показала на север. — Мы направляемся в Им-Тэру, в глубь руин За Хара-ата.

Перрнотт прямо на ходу поправляла Рианин *мистефан*.

— Это место выбрано по ряду причин, главная из которых та, что именно там пересекаются ручьи всех Пяти Драконов. Поэтому в Им-Тэре находится сосредоточение всех пяти стихий. Это место таит огромную силу и опасность одновременно.

— Объясни поподробнее, — попросила Риана.

— По неосторожности может сломаться перегородка между мирами. Невозможно представить хаос, который возникнет, если отдельные области вселенной начнут проникать одна в другую. Ведь силы, действующие в каждом отдельно взятом мире, неприменимы для другого. Результатом может стать мгновенное уничтожение всех миров, включая наш.

Риана присвистнула от удивления. Действительно, огромная сила. Перрнотт не преувеличивала.

— Маасра обладает частичным сознанием и способна использовать небольшую часть силы Им-Тэры, — объясняла Перрнотт. — Именно так она защищается от всех тех, кто желает ее найти и использовать в корыстных целях.

— Значит, мне стоит опасаться тех, кто...

Риана не договорила, услышав странный шелест ветра. По воздуху со свистом летел маленький меховой шарик.

— Убить гэргона и соромианта в придачу! — послышался знакомый голос. — Ты опять попала в заварушку, коротышечка!

— Тигпен! — закричала Риана. — Как ты меня нашла?

— Увидела в опале, как же еще?

— Я думала, ты больше не станешь называть меня коротышечкой!

— Я передумала, — объявила Тигпен с обидой в голосе. Она стряхнула с рыже-черной кожи невидимую пылинку. — Пока не начнешь слушаться, я буду звать тебя коротышечкой.

— Миина видит, как я рада тебя видеть! — ухмыльнулась Риана.

— И я тоже!

Встав на задние лапы, Тигпен прищурилась.

— Что ты сделала с носом?

Риана потрогала золотой гвоздик аджан.

— Память о капудаане Гази Канов.

— Не очень мило с его стороны, — фыркнула Тигпен.

— Это долгая история.

— Раппа! — пришла в себя Перрнотт. — Вот так сюрприз!

На мгновение обе замолчала. Риане стало стыдно, и она представила их друг другу.

— Учительница Дар Сала-ат! — с явным облегчением вздохнула Тигпен. — Прекрасная новость, лучше и быть не может!

— Кстати о новостях, — озабоченно вставила Риана, — ты что-нибудь знаешь об Элеане и Реккке? — Она запрещала себе вспоминать видение, в котором Рекккк разбивается насмерть, хотя полностью забыть его было невозможно.

— К сожалению, ничего, — признала Тигпен. — Мне внезапно пришлось их оставить, и с тех пор я была занята.

— Может, расскажешь поподробнее?

— Возникли чрезвычайные обстоятельства. — Усы Тигпен задрожали — верный признак тревоги.

— Что за обстоятельства?

Тигпен с опаской посмотрела на Перрнотт.

— Все в порядке. Можешь доверять ей, Тигпен. Она друг.

— Правда? — широко раскрыла глаза раппа. — Одета она совсем не так, как друг.

— Зачем изворачиваться? — спросила Перрнотт. — Раппы веками жили в Большом Воорге как компаньоны друзей.

Риана повернулась к Тигпен.

— Почему ты мне не рассказывала?

— Я много что тебе не рассказывала, — резко ответила Тигпен. — Ради Миины, зачем забивать твою голову пустяками, когда тебе и без того нужно многому научиться.

— Ничего себе пустяки!

— В свое время ты все узнаешь про друзей, коротышечка. Я не стану тебе про них рассказывать.

— Тут она права, — вмешалась Перрнотт. — Однако давай продолжим урок. Боюсь, на пустые беседы нет времени.

— Секунду, — попросила Риана, — у меня есть еще один вопрос. Кажется, ты знала, что Миннум просто не мог быть

сефирором, как он утверждал? Он ведь не друг, а соромиант.

— Кажется, учительница не теряла времени даром, — сухо сказала Тигпен.

— Не важно. Почему он мне лгал?

— Нам нужно было узнать значение слова «Маасра». Для этого был необходим лингвист, а для этого...

— Нужно было найти того, кто мог бы наложить краткосрочное восстановление, — подсказала Риана.

— Именно, — кивнула Тигпен, — например, соромианта. Когда ты мне сказала, что нашла сефирора, я обрадовалась и одновременно удивилась. Впоследствии мои подозрения подтвердились.

— Однако ты его не выдала.

— Если бы я выдала Миннума, ты бы ему поверила?

— Нет, — покачала головой Риана.

— Ну вот видишь! — развела лапами Тигпен.

— Но ведь *ты* ему поверила, хотя он соромиант!

— Я и раньше видела, как накладывают краткосрочное восстановление. Поэтому, если бы он вздумал нас обмануть, я бы поняла. А обмануть он даже не пытался.

— Миннум лгал на каждом шагу!

— Это очевидно. Меня волновало только, чтобы он не провёл нас с заклинанием. — Раппа обнажила зубы. — Попытайся он нас обмануть, я бы с ним разобралась. — Она пригладила усы лапами. — Ты злишься на меня, коротышечка?

— Даже не знаю, — смеясь, ответила Риана. — А что за чрезвычайные обстоятельства?

Тигпен снова опустила на все четыре лапы.

— Хорошо, расскажу. Только сначала давай посмотрим, что случилось там.

Риана и Перрнотт обернулись. Прямо перед ними в небе кружили огромные птицы-падальщики.

— Пахнет смертью, — прошептала Перрнотт и вместе с Рианой побежала взглянуть, что случилось.

Всего в трехстах метрах от них на дороге высилась темная насыпь. Риана успела разглядеть лишь копыта куомешалов, и ей стало не по себе.

— Нет, коротышечка, нет! — закричала Тигпен.

Риана уже бежала к куомешалам, которые валялись беспорядочной кучей, будто их снес один сильный удар. Девушка взглянула на головы животных, и ее тут же затошнило — казалось, головы разорвались изнутри.

— Соромианты, — проговорила Перрнотт, подходя к Риане.

— Так и знала. — Усы раппы опять нервно задергались. — Соромианты всегда были очень мстительны. — Тигпен коснулась лапой руки Рианы. — Я очень боялась, что нечто подобное последует за убийством одного из них.

— Отнам, Мехммер и я... У нас просто не было выбора!

— Знаю, что не было, — мягко сказала Тигпен. — Однако любое действие влечет за собой свои последствия.

Они смотрели, как Риана поднимает тяжелые ноги куомешалов, чтобы добраться до переметных сумок.

— Дар Сала-ат, Тигпен права. Если соромианты поблизости, то лучше здесь долго не задерживаться.

— Я уже видела эти сумки, — возбужденно проговорила Риана, — и куомешалов тоже. Они принадлежат моим друзьям, Отнаму и Мехммер.

— Это Горы, брат и сестра, с которыми Дар Сала-ат подружилась в Агашире, — объяснила Перрнотт специально для Тигпен.

Услышав сдавленный крик Рианы, они бросились к ней.

Девушка сидела, склонившись над двумя телами — мужским и женским. Оба были в черных мантиях Горов. Казалось, их тела рвали дикие звери, — тонкие полоски кожи развевались на ветру, обнаженные груди потемнели от запекшейся крови. Внутренности были извлечены и обвивали трупы, словно змеи, а кишки, нарезанные на кусочки, валялись неподалеку.

Риана вспомнила, как Миннум говорил, что все соромианты — некроманты, они убивают, расчлениают тела и используют для своих обрядов внутренности.

— Отнам и Мехммер, — прошептала Риана.

— Соромианты справляли здесь свой черный ритуал, — мрачно комментировала Перрнотт.

— Их убили совсем недавно, — отметила Тигпен, поглядывая на стервятников, — иначе кости бы давно обглодали.

Перрнотт кивнула и повернулась к Риане.

— Ты когда-нибудь говорила своим друзьям, что ты Дар Сала-ат?

— Да, — шепнула Риана. Мехммер и Отнам были с ней, когда она рассказывала о себе Му-Аввулу.

— Плохо. — Тигпен озабоченно оглянулась по сторонам. — Хуже некуда, коротышечка.

— Теперь это известно и соромиантам, — проговорила Перрнотт.

Риане было очень грустно и страшно. Однако верх взяла непоколебимая решимость Аннона. Не время предаваться отчаянию, сейчас она просто не могла дать волю чувствам.

— Перрнотт, ты знаешь горскую молитву о спасении души?

— Дар Сала-ат, я искренне сочувствую, но надо поторопиться. Соромианты где-то неподалеку.

Перрнотт и Тигпен помогли Риане подняться, и они пошли прочь, стараясь не оглядываться. Осмелев, стервятники тут же стали снижаться.

Несмотря на воинскую решимость Аннона, по лицу Рианы текли слезы. Ее коррушские друзья погибли. «И все из-за меня! Если бы не я...»

— Чрезвычайные обстоятельства, коротышечка, — торопливо проговорила Тигпен, не в силах видеть, как страдает Риана, — призывали меня на родину. — Она имела в виду Ледяные пещеры высоко в горах Дьенн Марр, где они с Рианой впервые встретились.

Риана вздохнула. Мысли о будущем помогали справиться с горечью утраты. Усы Тигпен отчего-то продолжали мелко дрожать.

— Чрезвычайные обстоятельства возникли в Первом Колодезе, священном озере на моей родине, — объясняла Тигпен. — Поэтому мне пришлось оставить друзей так внезапно.

— Как же ты об этом узнала? — перебила Риана. — Ты ведь была за сотни километров...

— Я получила послание. Раппы же телепаты.

— Хорошо, что ты хоть сейчас об этом рассказала.

— Риана, телепатия распространяется только на рапп, — поспешно добавила Тигпен.

— Ладно, — кивнула Риана, — продолжай.

— Ты ведь помнишь Первый Колодезь?

— Ну конечно! У рапп есть пророчество, что Дар Сала-ат заглянет в Первый Колодезь и увидит, как проявляется сила Космоса.

— Дар Сала-ат говорила, что ей не хочется идти к озеру, — объясняла Тигпен специально для Перрнотт. — Тогда мне это показалось странным. Мы-то всегда считали, что Первый Колодезь, где берет начало Поднебесный, — это священное место Миины. Однако, когда я попросила Дар Сала-ат заглянуть в воду, она увидела лицо Пэфороса. Тогда Риана очень расстроилась, а я удивилась и сразу сказала, что там действует какое-то зло.

— Правильно, — кивнула Риана.

— Тогда я не знала, что именно там происходит, а последующие события и вовсе заставили позабыть о том происшествии. Но когда меня вызвали к Первому Колодезю, я тут же все поняла.

Глаза раппы потемнели и припухли. Риане показалось, что вид у Тигпен затравленный и измученный.

— Случилось то, что ты видела в озере, — шептала Тигпен. — Мои братья обнаружили, что Пэфорос ухитрился сбежать из Бездны именно через Первый Колодезь.

У Рианы душа ушла в пятки. Как же им сказать, что печать Портала была сломана, когда Джийан нарушила священный круг Нантеры, тщетно пытаясь вернуть Аннона? Тогда придется признать, что душа Аннона до сих пор живет в ней...

— И самое страшное, мы обнаружили, что печать в Первом Колодезе сломана давно, — призналась раппа, — больше ста лет назад.

Мысли Рианы неслись, обгоняя одна другую. Значит, трещины есть уже в двух Порталах. Однако Джийан наложила Нантеру менее года назад!

— Ах, Великая Богиня! — озабоченно проговорила Перрнотт. — Послушай, Дар Сала-ат, ты говорила, нечего бояться того, что Маасра попадет в чужие руки. К сожалению, поводов для опасений *предостаточно*. В дни расцвета За Хара-ата Пэфорос и его демоны томились в Бездне. И в руинах древне-

го города осталось полно секретов, которые Пэфоросу не терпится узнать. Вуаль Тысячи Слез — ключ ко всем тайнам. Теперь, когда он пробрался в наш мир, то наверняка попытается завладеть Вуалью.

Риана обдумывала услышанное.

— Придется постараться, чтобы у него ничего не вышло, — коротко сказала она.

— Ручаюсь, это будет непросто, — вздохнула Перрнодт.

— А неужели стоит пасовать с самого начала?

Перрнодт объявила привал. Дзуоко встала и семь раз провела по волосам. С каждым разом волосы становились все прямее и прямее, пока легкий нимб не превратился в струящийся водопад.

— Сядь позади меня, Риана, — спокойно проговорила Перрнодт. — Теперь раздели мои волосы на три части, я научу тебя плести *мистефан*.

Тигпен смотрела, как Риана неуверенно касается волос Перрнодт.

— *Мистефан* — символ друугов, Дар Сала-ат. Пусть враги знают, что мы готовы к битве, — с вызовом сказала Перрнодт.

Тигпен следила, чтобы не появились соромианты, а дзуоко объясняла Риане, как плести косу. Когда *мистефан* был готов, Перрнодт встала и показала на север.

— Нужно спешить, — сказала она, — всего в трехстах метрах отсюда пустыня кончается. Там и находится точка пересечения ручьев, откуда мы сможем переместиться в За Хара-ат.

28

ПЛЕТУЩИЕ СЕТЬ

Курган наблюдал, как старая тускуггун сидит за прялкой. Все в ее облике дышало усердием, и она без устали скручивала тонкую нить из груды вонючих лоскутьев. Кроме прялки, для нее ничего не существовало.

Лачуга находилась на самом высоком холме Аксис Тэра. Всего в трехстах метрах высились гофрированные арабески Храма Мнемоники. На стенах из кундалианского камня выросли полотна гэргоновских нейронных сетей, которые полоскались на зимнем ветру и придавали фасаду совершенно иной вид, чем когда-то задумал кундалианский архитектор.

— Что она делает? — тихо спросил Куриона регент.

— Не знаем и не понимаем, зачем ей это.

Огромная собака оглядывала правителя и капитана с недоверием. Из жуткой пасти торчали кривые желтые клыки.

— Она наверняка ненормальная, — продолжал Курион. — Кто еще стал бы жить так близко к гэргону?

Курган пригляделся к окружающему пейзажу. По пустынной улице бродили зверьки с лихорадочно блестящими глазами и впалыми грудными клетками. Они жались к старым кундалианским домам, разграбленным в начале оккупации. У зверей были сморщенные мордочки, а в глазах — выражение глухого отчаяния. По району вокруг Храма Мнемоники расплзалась гнетущая, давящая на виски тишина. Некоторые считали, будто так действует нейронная сеть.

Курион прошел мимо старухи.

— Обдумав то, что ты рассказал нам о гэргоне, мы решили, что поможем найти ответ на интересующие тебя вопросы, — наконец проговорил Курион. — Только как далеко ты готов зайти?

— Чтобы избавиться от Нита Батокссса, я готов пойти на любой риск.

Их тени упали на прялку, но старуха, казалось, ничего не видела. Она тихо напевала что-то заунывное, ее голос, чистое сильное контральто, совершенно не соответствовал возрасту.

Задняя сторона убогой лачуги состояла из двух крошечных комнатушек. Одну старуха использовала под спальню: небольшой тюфяк, пара подушек, одеяло... Даже лампы не было! Похоже, старуха обезумела настолько, что перестала понимать, в каком времени живет. Вторая комната была еще меньше и забита всяким хламом. По углам висела паутина. Дыру в крыше заколотили обернутой шерстью деревяшкой. На полу толстым ковром лежала пыль.

Разинув рот, Курган смотрел, как Курион сдвигает в сторону кучу мусора. Под ничтожной рухлядью скрывался люк, грязные ступеньки вели куда-то вниз. Курион поднял крышку люка и, поманив за собой Кургана, исчез из вида.

Что-то заставило регента поднять голову. Старуха смотрела на него пустым, ничего не выражающим взглядом, прялка вертелась в морщинистых руках.

— Что? — с вызовом спросил Курган. — Что тебе нужно?

Старуха продолжала молча прясть.

Пожав плечами, Курган встал на верхнюю ступеньку лестницы и спустился в подвал. От резкого запаха плесени закружилась голова. Услышав шорох, он обернулся. Курион включил фонарь, свет которого осветил узкий туннель. Сводчатый потолок плавно переходил в стены. Прикоснувшись к ним, Курган понял, что каменные плиты плотно пригнаны одна к другой.

— Туннель приведет нас в центральную часть храма, — сказал Курион.

Курган молча шел следом. Ему было немного страшно, но он скорее бы отправился в Н'Луууру, чем признал это.

— Как же тебя пускают в Храм Мнемоники? — спросил Курган, когда саракконский капитан обрисовал ему план.

— Все дело в окейе, — ответил Курион. — Ниту Батоксссу не хочется возиться с ней самому, вот он и придумал, что мы будем ее приносить прямо в лабораторию. Так что рискуем только мы.

Все гэргоны довольно непредсказуемы, однако именно у Нита Батокссса были тайны, которые Кургану не терпелось узнать. Он вспомнил покровительственное отношение Старого В'орнна, его повышенный интерес к делам Кургана, особенно когда тот стал регентом. Что же в конце концов хотел от него гэргон? Его обещаниям правитель больше не верил — наверняка техномаг все выдумывал. Курган был уверен, что правда скрывается в лаборатории гэргона. Куриону тоже так казалось, поэтому они и решились на эту опасную выходку.

Запахло сыростью, где-то капала вода и скрипела кожа, старая и сухая. В туннель со свистом ворвался поток воздуха и, словно испугавшись, утих.

Они повернули налево, потом направо, прошли метров сто, а потом снова повернули налево. В отличие от большинства кундалианских построек туннель оказался совершенно непримечательным, что почему-то обеспокоило Кургана. Ему показалось, что он добровольно залез в ловушку и идет навстречу смерти. Регент мрачно посмотрел на затылок Куриона. В конце концов, что он знает о саракконе? Одной Н'Лууре известно, что у него на уме. Курган сжал рукоятку кинжала, раздумывая, не заколоть ли ему капитана. Большинство в'орннов славятся подозрительностью, Курган же вообще не доверял никому.

У каждого свои интересы, и едва они сталкиваются, как исчезает всякое доверие. «Не доверяй никому, особенно друзьям», — с детства твердил будущему регенту Старый В'орнн, и Курган отлично усвоил урок.

Веннн Стогггул был настоящим параноиком, сын умело сыграл на его страхах и фактически загнал отца в могилу. Сотни раз Курган себе обещал, что никогда не станет таким, как отец. И все же гены делали свое дело, и правитель постоянно слышал предостерегающий шепот Веннна.

Хотя главное дело в другом: сараккон — такой же авантюрист, как Аннон, и, что ни говори, такой же храбрец. И к тому же он связан саракконским кодексом чести — Курган спас ему жизнь, и Курион поклялся ему в верности.

Капитан резко обернулся, и Курган вытащил кинжал из ножен.

— Регент, ты что, хочешь меня искромсать? — спокойно поинтересовался Курион. — Ты не веришь в дружбу? Я больше не должен поворачиваться к тебе спиной?

Они остановились у огромной двери из черного матового металла, инкрустированного золотым нефритом.

— Ты мне не друг, — глухо проговорил Курган. — У меня был всего один друг. И он погиб.

— Как жаль.

— Его погубило мое коварство.

— Я не боюсь тебя, регент, если ты это имел в виду.

Курган вплотную приблизился к саракконскому капитану.

— Мы многое пережили вместе, случалось всякое. Но если ты решил, что можешь...

— У нас все впереди, регент. Произойдет еще и не такое...

Курган заглянул в бездонные глаза и, будто из глубины, раздался голос Нита Батокссса: «Тебе следует бояться совсем другого».

Чего именно? Что он не может понять?

— За дверью нельзя ни разговаривать, ни шуметь вообще. Кинжалом играть тоже нельзя. Ступай прямо по моим следам. Маршрут, который определил для нас Нит Батокссс, безопасен. Хотя стоит немного отклониться, и сразу натолкнешься на стаю гэргонов, которые вряд ли обрадуются нашему вторжению.

Сараккон повернул ручку большой двери, они вошли.

Зазвенели колокольчики, запульсировали гиперактивные ионы, а где-то внутри загудели мощные двигатели. Фонарь Куриона остался в туннеле, так что они стояли в полной темноте. Курган сжимал рукоять кинжала, борясь с желанием его вытащить. Казалось, воздух был пропитан запахом после каких-то экспериментов. И Курган представил себе, как из чрева нового оружия бьет мощный поток энергии.

Идущий впереди Курион достал маленький карманный фонарик, который ему наверняка дал Нит Батокссс. Тонкий лучик яркого света позволял рассмотреть лишь собственные ноги, но Курган был рад и этому.

Они шли дальше.

Довольно скоро Курган понял, что в Храме Мнемоники нет обычных коридоров. Был ли это замысел кундалианского архитектора, или так здание перестроили гэргоны — сказать трудно. Несколько шагов — и капитан с регентом упали во что-то вроде лифта. Вокруг вспыхивали и гасли яркие искры, под ногами не было ничего прочного, и все же они опускались с постоянной скоростью. Испуганный Курган видел, как вместе с ним падают сотни его отражений.

Предостерегающе кивнув, Курион вышел из прозрачного лифта, Курган за ним, стараясь ступать по следам сапог из акульей кожи. Процедура с лифтом повторялась три раза: один раз они поднимались и дважды опускались.

Наконец фонарик осветил довольно большую комнату. После замкнутого пространства лифтов сразу стало легче дышать. Не успел Курган порадоваться, как увидел, что они стоят на краю пропасти. Пол просто обрывался под углом девяносто градусов. Курион посветил фонариком, однако тоненький лучик не мог пробиться сквозь тьму.

К огромному ужасу Кургана, Курион шагнул прямо в пустоту. И не упал. Остановившись, капитан поманил за собой Кургана. Курион шел, ставя одну ногу точно перед другой, и регент понял, что сараккон спускается по очень узким мосткам.

Вскоре они коснулись верхушки огромного шара. Курион свернул по дуге налево, к небольшому круглому люку, и ловко поднял крышку. Вот он залез в люк и поманил за собой Кургана.

Каплевидные светильники, вращающиеся по овальной орбите, освещали ромбовидную палату холодным голубым светом. Судя по всему, это и была лаборатория гэргонов. Курган с удивлением заметил на стенах прекрасно сохранившиеся кундалианские фрески, обвитые плющом апельсиновой сладости.

— Лаборатория Нита Батокссса, — объявил Курион. В ромбовидной комнате его голос звучал как-то странно.

— Откуда ты знал, что мы не застанем Нита Батокссса?

— Сейчас священное для него время саламуууна, — сказал Курион. — Гэргон парит между мирами, и до его прихода у нас минут пятьдесят.

Курган огляделся по сторонам, не веря своим глазам. Он попал в тайное логово гэргонов, святую святых, хранилище секретов и тайн. На него смотрели сотни голографических экранов, массивные банки данных, бесчисленные ярусы с оборудованием непонятного назначения.

Курган пытался запомнить каждую деталь.

— Все, о чем я мечтал, — шептал регент, — к чему стремился — все здесь есть... — Он стал рассматривать один таинственный прибор за другим. — Нужно только поискать.

Курион тем временем изучал большую яйцевидную камеру, обшитую переливчатым материалом. Курган же наткнулся на ящик из красного верадиума. Внутри лежали препараты из

«сорочек», аккуратно отделенные один от другого. Зачем они Ниту Батоксссу? На обратной стороне предметных стекол были выгравированы имена в'орннов, которым принадлежали «сорочки». Просмотрев три препарата, регент взял четвертый и вздрогнул.

«Стогггул Терретт», — прочитал он.

Затаив дыхание, правитель перевернул последнее стекло и похолодел.

«Стогггул Курган».

Регент держал в руках свою собственную «сорочку».

— А вот и люк!

Услышав голос Куриона, Курган поспешно положил препарат своей «сорочки» обратно в ящик и закрыл крышку. Когда он обернулся, капитан ощупывал гладкую поверхность яйцевидной камеры. Сараккон не видел, что Курган что-то нашел.

— Всякий раз, когда мы сюда приходили, камера была запечатана, — сказал Курион. — Сам Нит Батокссс никогда близко к ней не подходит. Даже старается не смотреть в эту сторону. Что ты об этом скажешь?

Курган подошел к камере, он по-прежнему гадал: зачем Нит Батокссс хранит его «сорочку» вместе с «сорочкой» идиота Терретта?

— Может, это какой-то сейф?

— А что хранят в таких сейфах? — ухмыльнулся Курион.

— Секреты.

Они вместе смотрели на круглый люк, на котором виднелись три вдавленные точки.

— Воистину в'орнновские приборы непостижимы, — признал Курион.

Потеснившись, он пропустил Кургана, который разглядел на вдавленных точках надписи. Порывшись в инструментах гэргона, регент наконец нашел то, что было нужно. Курган приложил к таинственным точкам сканер, а Курион посветил фонариком. На экране, многократно увеличившись, появилась схема открытия люка с пояснениями.

— Вот пожалуйста, — торжествующе произнес Курган.

— В'орнновские письма, — проговорил склонившийся над экраном Курион.

— Инструкции.

Отложив сканнер, Курган покачал головой.

— Не доверяю я им. Зачем наносить инструкции на крышку самого люка?

— Наверняка, если нажимать на кнопки, как показано, произойдет обратная вспышка.

— А того, кто открывает люк, убьет. — Курган снова взглянул на инструкции. — У гэргона своеобразное чувство юмора. А что, если мы сделаем наоборот?

Курион облизал губы.

— Хочешь попробовать?

Курган молча нажал на кнопки в обратном порядке. Люк тут же поднялся, и из камеры полилось неяркое сияние. Счастливо засмеявшись, регент оттолкнул Куриона и шагнул к камере. Это оказался вовсе не сейф. Внутри было всего одно кресло, в котором спиной к Кургану кто-то сидел.

— Что там? — спросил Курион. — Ты нашел клад?

Курган повернул к себе кресло.

— В Н'Луууру! — выругался он и отскочил назад так резко, что ударился головой о край камеры.

В кресле, слегка развалившись, сидел Курион. Курган смотрел на его губы, украшенную татуировками голову, исписанные рунами кубики и шарики из нефрита и лазурита на длинной густой бородаке, кольца из рубина и кошачьего глаза.

Куриона убили, как пойманную в ловушке крысу!

Выругавшись еще раз, Курган вытащил кинжал и вышел из камеры.

Первым, кого он увидел, был Курион, живой и радостно улыбающийся.

— Поздно же ты спохватился, Курган Стогггул!

Курган швырнул кинжал в сараккона, облик которого стал рассеиваться, словно туман. А Нит Батокссс поймал оружие затынутой в перчатку рукой.

— Курион мертв, — объявил гэргон. — Искренне жаль, капитан был так забавен. — Нит Батокссс искоса взглянул на Кургана. — Впрочем, так или иначе, он прекрасно сыграл свою роль.

* * *

«Пряный Джекс» работал круглосуточно, что идеально подходило его посетителям. Такая разношерстная публика не собиралась ни в одном заведении города, включая «Кровавый прилив». Ближе к ночи сюда приходили торговцы. «Пряный Джекс», похожий на шкатулку с драгоценностями, здесь, в Аксис Тэре, заменял им родину. Среди полумрака и возбужденного шепота всегда пахло корицей, перцем и кардамоном. Довольно часто здесь можно было увидеть лооорм. Девушки приходили отдохнуть и расслабиться, словно со стороны любуясь собственной красотой. Изящество сквозило у них во всем — и в одежде, и даже в том, как они пили из крошечных пиал густой ба'ду, который, как утверждали, привозят СаТррэны. Мастерство обольщения перешло на подсознательный уровень и проявлялось в самых обыденных жестах. Наконец, в трактир заходили и богатые клиенты, чтобы подкрепиться перед деловой встречей. Рассуждали эти состоятельные баскиры лишь о делах, прибыли и конкурентах.

Время от времени в «Пряный Джекс» забредали и кундалиане. Пугливые, как вороны, они быстро съедали самые дешевые блюда, то и дело поглядывая на дверь. Даже за едой кундалиане боялись облавы кхагггунов, которые, однако, сюда никогда не заглядывали. На аборигенов обращали внимание только дэйрусы. Ведь никто из в'орннов не хотел садиться рядом с дэйрусами, а вот у кундалиан, залетающих в таверну, словно стая призраков, никаких предрассудков не было. Кундалиане и дэйрусы иногда даже разговаривали.

Странная публика эти дэйрусы! Вероятно, из-за того, что сами они были кастой отверженных, дэйрусы не испытывали к кундалианам неприязни и не выказывали ни ненависти, ни высокомерия в отличие от всех других каст. Тайна составляла неотъемлемую часть их жизни. Что делали дэйрусы, где и с кем, не было известно ни одной живой душе. Да еще и любили они не так, как все. Хотя по сути своей они оставались в'орннами с теми же переживаниями и чувствами. Возможно, для всеобщей ненависти к ним были какие-то другие причины.

Научившись не обращать внимания на тех, кто их боялся и презирал, дэйрусы стали жалеть кундалиан.

Сорннн и Маретэн стояли в самом конце зала. Они только что вернулись из клуба, где чуть более часа протанцевали среди пестрой толпы подростков под необыкновенную музыку, которую играли тускуггун. Одета в черную накидку барабанщица была, как всегда, бесподобна. Мелодия, которую она выводила сильными руками, уносила вдаль и пульсировала в мозгу каждого из танцующих.

И вот теперь в компании дэйрусов они пили ба'ду, который страшно понравился Маретэн, болтали ни о чем, целовались, смотрели друг другу в глаза. Словом, дали волю чувствам. Маретэн рассказывала о разговоре с Кирлллом Кванддой, раскрывшем ей глаза на состояние Терреттта, и о секретных экспериментах гэргонов над ативарами новорожденных.

— Как они решились на такое? — потягивая ба'ду, возмущалась Маретэн. — Что от него хотели гэргоны? И почему именно Терреттт?

— *Ва тарабиби*, раз уж ты заговорила о гэргонах, то придется смириться с тем, что некоторые вещи ты никогда не узнаешь.

— И я должна с этим смириться?! — Маретэн была в ярости. — Гэргоны разрушили жизнь моего брата! Думаешь, я смогу забыть?

Сорннн приказал принести еще ба'ду.

— Хорошо, что ты предлагаешь? Отправиться в Храм Мнемоники и потребовать объяснений?

Это прозвучало так абсурдно, что даже охваченная яростью Маретэн рассмеялась.

— Нет, конечно, нет. Я... еще не знаю. Дай мне срок, я все придумаю.

Свежий ба'ду принесла хорошенькая смуглая официанточка с блестящей от ароматического масла головой. Она поставила пиалы на стол, но пустые не забрала.

— Все в порядке? — спросила официантка Сорннна так сладко, что Маретэн стало не по себе.

— Божественный напиток в божественном месте, — произнес Сорннн, и его возлюбленная не поняла, что он имеет в виду.

Сорнни одним глотком выпил ба'ду и попросил Маретэн сделать то же самое. Допивая густую темную жидкость, художница увидела, как красавица-официантка поманила Сорнну за собой. Взяв Маретэн за руку, он пошел за девушкой куда-то в подсобные помещения «Пряного Джекса». Маретэн оглянулась на дэйрусов. Поглощенные беседой, они не обращали на них никакого внимания.

Официантка скрылась за неприметной дверью, Сорнни и Маретэн — за ней.

Они оказались в крошечной комнатухе с грубыми каменными стенами. Дальше виднелась лестница из того же грубого камня. Девушка сняла сифейн, и Маретэн увидела прекрасную диадему из терция и верадиума, которая вряд ли по карману простой официантке.

— Маретэн, — сказал Сорнни, показывая на девушку в диадеме, — это Рада ТурПлиен. Рада, это Маретэн Стоггтул. Она согласилась занять место своей бабушки в нашей организации.

Рада пожала нежную ладонь Маретэн.

— Прекрасная новость.

Внезапно Маретэн осенило.

— Это с вами Теттси встречалась много лет назад! Вы и есть тускуггун, изменившая ее жизнь.

— Наша встреча действительно была случайной, — подтвердила Рада, — но впоследствии оказалась судьбоносной. Однако мне кажется, твоя бабушка сама изменила свою жизнь. Я ей только чуть-чуть помогла, — Рада показала на Сорнну, — равно как и СаТррэны.

— Именно через Раду я связан с движением Сопротивления, — объяснял Сорнни. — Уже много лет она владеет таверной «Кровавый прилив» на Променаде. Там Рада записала беседу Олннна Рэдддлина с Броннном Паллном и предупредила, что на меня начинают охотиться. Впоследствии с твоей помощью, Маретэн, мне удалось их обезвредить.

— Все получилось просто прекрасно! — похвалила Рада. — С тебя сняты любые подозрения, а из-за смерти этой змеи Броннна Паллла звезд-адмирал попал в немилость к регенту. Однако за это пришлось дорого заплатить — почти все оружие, украденное у кхаггунов, вернулось на склады.

Сорннн пожал плечами.

— Тут уж ничего не поделаешь. — Неожиданно он улыбнулся. — Хотя, с другой стороны, мне жаль тех кхаггунов, которым придется чистить эти автоматы, — все они заряжены перцем.

Рада рассмеялась и похлопала его по спине.

— Ты молодец, Сорннн!

Увидев, как близки Рада и Сорннн, Маретэн снова почувствовала укол ревности.

— Как проходит игра на чужом поле?

— Еще рано судить, — пожалала плечами Рада.

— Ты решила играть по опасным правилам.

— Я? Я вообще ничего не решала. Регент предложил мне сделку. Если бы я отказалась, неизвестно, выпустили бы меня из дворца в ту ночь. А с Олннном Рэдддлином я вообще оказалась поставлена перед свершившимся фактом. До сих пор не могу понять, что связало меня с ним и этой волшебницей Малистрой.

— Так или иначе, в «Кровавом приливе» тебя будет очень не хватать.

Рада пожалала плечами.

— Управлять таверной начнет моя сестра Нестта. По крайней мере на какое-то время. Она очень умна и преданна мне. Что касается инфодесятиугольников, которые я каждую неделю посылаю регенту, они, как и раньше, будут содержать смесь безопасной информации и того, что придумаешь ты и другие агенты. И, естественно, раз в неделю мне придется бывать в «Кровавом приливе», дабы передавать информацию связному регента.

Сорннн кивнул и вкратце объяснил Маретэн тройную роль Рады как шпионки регента, компаньонки звезд-адмирала и источника информации для Сопротивления. Рада рассказала, что Олннну было довольно сложно скрыть ее постоянное присутствие от хааар-кэутов регента.

— Ты что-нибудь слышала о так называемых Порталах? — спросила Рада у Маретэн. Сорннна она спрашивала об этом одним из первых. — В последнее время регент только о них и твердит.

— Что еще за Порталы? — не поняла Маретэн.

Бывшая хозяйка «Кровавого прилива» вытащила косячок лааги и раскурила его.

— Насколько я поняла, гэргон Нит Батокссс верит в существование семи кундалианских Порталов. — Рада выпустила ароматный дым через ноздри. — Куда они ведут, не имею ни малейшего понятия. Однако регент говорит, что гэргону не терпится узнать, где они находятся. — Она пожала плечами. — Хотя, конечно, кого волнует то, что хочет регент? Я давлю на тебя, Сорннн, потому что вместе с дезинформацией мне нужно поставлять правителю и достоверные сведения, которые могут его заинтересовать.

Сорннн покачал головой.

— Пока ничего узнать не удалось. Впрочем, и неудивительно. Кажется, об этих Порталах знают только рамахане.

Рада кивнула, затянулась лаагой и поманила влюбленных за собой вниз по грубой лестнице. Было темно, но она ни разу не споткнулась. Это доказывало, что Рада пользовалась лестницей многократно.

Лестница вела в подвал через огромную дыру. Грубые ступени были выбиты прямо в каменной толще. Рада уверенно шла первой, следом Сорннн, и последней — Маретэн.

Стало очень холодно и сыро. Маретэн слышала, как эхо разносит странные звуки, глухие и нестройные. Шелест голосов, такой же призрачный, как дымок от лааги, вьющийся у полураскрытых губ Рады. Внизу вспыхнул свет, и Маретэн заметила, что Рада и Сорннн стоят на сверкающем порфирином полу.

В треугольных нишах были укреплены фонари из ковanej бронзы, почерневшие от копоти и времени. Неожиданно подвал оказался огромным: насколько хватал глаз, по обеим сторонам тянулись освещенные ниши. Навстречу Сорннну и Раде поднялись парень и девушка ростом с Маретэн. Спускаясь с последней ступеньки, художница чувствовала на себе их тяжелые взгляды. Лица у молодых кундалиан, вооруженных ионными пистолетами, были изможденными и посеревшими от отчаяния. Рада передала косячок девушке, которая, глубоко затянувшись, отдала его парню. Они так и курили по очереди, явно наслаждаясь лаагой. Наконец парень, весьма довольный собой, отдал косяк Раде.

Затем оба кундалианина уставились на Маретэн с таким видом, будто решали, как ее лучше убить. Странное эхо не утихало, и молодой женщине казалось, что со стороны за ними наблюдает кто-то еще.

— Это Маретэн, внучка Нейори, — представила Рада, назвав Теттси полным именем. — Она хочет занять место бабушки.

Кундалианскую девушку звали Майя, а парня — Бассе.

Подростки мрачно разглядывали Маретэн, скрестив руки на груди. Казалось, они состояли сплошь из мышц, острых углов, гормонов и эмоций.

— В горах они почтили память Нейори, — сказала Рада, будто переводя для Маретэн затянувшееся молчание подростков.

— Спасибо, — коротко кивнула Маретэн.

— Ты когда-нибудь убивала?

Вопрос повис в воздухе, словно ругательство.

— Бассе, — примирительно проговорила Рада.

— Нет, — покачал головой Бассе, сжимая ионный пистолет, — я хочу знать.

«Ты когда-нибудь убивала?» Маретэн в жизни не слышала вопроса глупее.

Неожиданно Майя вытащила ионный пистолет и прижала дуло к шее Маретэн. Сорнни и Рада тут же сделали шаг назад.

— Ни с места, — прошипел Бассе, занимая такую позицию, чтобы видеть сразу всех.

— Мы ведь женщины, — миролюбиво проговорила Маретэн, — мы могли бы...

— Это не игра! — рывкнула Майя.

— Она считает, что мы играем, — кивнул Бассе.

— Если будешь считать это игрой, то погубишь себя и кого-нибудь из нас, — процедила Майя.

— А мы этого ни за что не допустим, — сказал Бассе, — поняла?

Маретэн кивнула и облизала пересохшие губы. Ей было жутко оттого, что ее собственная жизнь окажется в ненадежных руках этих подростков. Сколько лааги они выкурили?

— Давайте выпустим пар, — предложил Сорнни. — У нас с Радой для вас хорошие новости.

— Нам нужны хорошие новости. — Майя спрятала пистолет. — Три часа назад мы нашли еще одну могилу.

— Сколько трупов?

— За последнее время это самая большая могила. Более трехсот тел.

— Обороняться все труднее, — сказала Майя.

— Нам нужно оружие помощнее. Сейчас.

— Вы же слышали, что случилось, — проговорил Сорннн. — Арсеналом пришлось пожертвовать ради более важной цели.

— Ничего не может быть важнее нашего вооружения, — запальчиво сказала Майя.

— Придется немного потерпеть, — покачал головой Сорннн.

— Новый звезд-адмирал просто с цепи сорвался. Каждый день гибнет все больше бойцов. И все труднее найти новобранцев.

— Приходится терпеть, — усмехнулась Майя.

— У вас, в'орннов, есть Космос, а у нас — только Кундала. Вы это понимаете?

— Мы же хотим вам помочь! — воскликнула Маретэн.

Юнцы переглянулись.

Майя мрачно взглянула на Маретэн.

— Тебя мы еще проверим, внучка Нейори!

— Мы узнали, что большую партию ионных пушек, пехотных мин и ионных прожекторов перебрасывают из Аксис Тэра в штаб строй-генерала Локкка Виэрррента в Блестящем Барабане на трех охраняемых грузолетах. По нашим сведениям, оружие вывезут со склада через три дня. Если устроить засаду...

— Наверняка охрана будет многократно усилена, — покачал головой Сорннн.

Майя наклонила голову.

— Теперь у нас есть ты, Рада. Ты ведь сейчас постоянно общаешься со звезд-адмиралом. Если бы тебе удалось узнать точный маршрут...

— ...то я все равно не смогла бы передать вам. Звезд-адмирал следит за каждым моим шагом...

— Узнай хоть что-нибудь, — Майя коснулась руки Маретэн, — и передай через внучку Нейори. Она свяжется с нами.

— Нет, — отрезал Сорннн.

Сердца Маретэн бешено забились.

— Сорннн, я ведь обещала помочь...

— Не таким образом, — покачал головой Сорннн. — Ты можешь помогать так, как Теттси. Деньгами.

— Нам нужно оружие! — прокричала Майя. — И немедленно! Иначе все деньги Кундалы будут ни к чему!

Маретэн кивнула.

— Согласна...

— Я запрещаю! — взревел Сорннн.

— Ты запрещаешь? — Маретэн удивленно на него посмотрела. — Ты, который сам втянул меня в это?

— Не хочу, чтобы ты узнала, что такое война. Тебе не место на передовой!

— Не говори так, — тихо попросила она. — Эти дети фактически родились на передовой и, кроме войны, вообще ничего не знают. Чем я лучше их? Почему ты хочешь меня защитить?

Сорннн крепко прижал ее к себе.

— Потому что люблю тебя...

— А что, их некому любить? Или мы уже перебили всю их родню? — Маретэн заглянула возлюбленному в глаза и потрепала по щеке. — Сорннн, любимый, я решила помогать Сопротивлению по собственной воле. Потому что я сама так хотела.

— Маретэн!.. — сдавленно крикнул он.

Нежный поцелуй Маретэн не дал Сорннну договорить.

— Теперь позволь мне сделать то, что они просят.

29

ИЗГНАНИЕ ДЕМОНА

Конара Ингрес сидела в крошечной темной кабинке в библиотечном зале и смотрела в зеркальце, которое наколдовала. Зеркальце было замечательным — идеально круглой формы, в рамке из вычеканенной меди с какими-то знаками, которые, казалось, танцуют по окружности амальгамы. Отражение было

очень четким, чистым и ясным, как глаз многоножки, без малейших признаков волнистости, которая портила почти все кундалианские зеркала. При других обстоятельствах конара Ингрес очень гордилась бы собой. Однако теперь зеркальце лишь усиливало жуткий гнетущий страх.

Ингрес написала конаре Лиистре коротенькую записку с просьбой прийти в библиотеку и передала через послушницу, которой доверяла как самой себе. Теперь от собственной смелости у нее голова шла кругом. Конара Ингрес никогда не считала себя способной плести интриги, но понимала, что на войне все средства хороши. Подслушав разговор между Барттой и Джийан, она больше не сомневалось в том, что и телу, и душе Лиистры угрожает опасность. Конара Лиистра была лучшей подругой Ингрес, Лиистрой овладел демон, и если для спасения ее души можно было сделать хоть что-то, конара Ингрес была готова рискнуть.

Кабинка находилась в самом конце огромной двухъярусной библиотеки. Три из четырех стен от потолка до пола были уставлены книгами. Непрерывные ряды книг прерывались лишь дверью и декоративной фрамугой, почерневшей от копоти и пыли. Именно на фрамуге конара Ингрес и решила закрепить зеркало, поднявшись по переносной стремянке из аммоннова дерева, которая была в каждой кабинке. И вот теперь она то и дело поднимала глаза на фрамугу, видя отражение собственного лица, на котором читались волнение и напряженное ожидание.

Конара Ингрес увидела, как подруга уверенно шагает по блестящему агатовому полу, и внезапно почувствовала, что хочет в туалет. Слишком поздно, оставалось лишь судорожно сжать ноги под столом. Конара Ингрес просидела в библиотеке несколько часов, готовясь к этому моменту. И вот он настал, а она готова сдать! Взяв себя в руки, конара Ингрес попыталась дышать ровнее и сосредоточиться на том, что предстояло сказать.

Конара Лиистра вошла в кабину. Немыслимым усилием воли Ингрес растянула рот в радостной улыбке и обняла подругу. Быстро подняв глаза к фрамуге, она увидела то, что живет в теле конары Лиистры, и содрогнулась.

У существа была треугольная, как у змеи, голова и тело гигантской многоножки. Это был Церрн, демон-завоеватель, еще могущественнее и опаснее Тзелоса. Все это конара Ингрес отметила холодным рассудком, будто была сторонним наблюдателем. Тем не менее со дна души поднималось отвращение, и конара едва сдержалась, чтобы не оттолкнуть подругу и с криками ужаса не сбежать из библиотеки. Даже посмотрев в сторону, она по-прежнему видела Церрна. Завороженная Ингрес тупо смотрела на мерзкое существо и думала, что сходит с ума. Она беззвучно плакала и молилась, не в силах понять, как Великая Богиня могла бросить ее и других рамахан на произвол судьбы.

Быстро припомнив все преступления и ересь, которые за последние сто лет совершили правящие монастырем конары, Ингрес нашла ответ на свой вопрос. Со дня гибели Матери не нашлось конары, любящей Миину настолько, чтобы лишить власти ее корыстную преемницу. И с каждой новой настоятельницей монастырь все дальше отходил от священных учений Миины.

Конара Ингрес вспомнила недавний спор с подругой, и в душу закрались сомнения. А что, если Миины нет? А что, если она, конара Ингрес, и все кундалиане одни во тьме этой долгой ночи?

— Ты хотела меня видеть, — проговорило существо в теле конары Лиистры. — В записке сказано, что дело срочное.

— Да, очень срочное.

Конара Ингрес придвинула подруге стул, а сама села на старое место за столик, опустив подбородок на переплетенные пальцы.

— Мне бы хотелось проводить больше времени с конарой Джийан.

— С Матерью, — поправила конара Лиистра.

— Да, — кивнула Ингрес, — с Матерью. — Она все время видела Церрна, беспокойно извивающегося внутри конары Лиистры. Чтобы не закричать, конара Ингрес сладко улыбнулась. — В разговоре со мной ко... Мать упомянула, что было бы неплохо внести изменения в учебный план. Тщательно все обдумав, я решила, что она права. Что касается истории магии, мне бы очень хотелось, чтобы ты помогла...

Конара Лиистра улыбнулась.

— Я бы с радостью помогла. Однако мне кажется, что советы Матери окажутся тебе полезнее.

— Она с радостью одобрит все твои нововведения!

Скользкий черный Церрн мерзко извивался в зрачках конары Лиистры.

— Думаю, она захочет переделать все *по-своему*.

Конара Инггрес откинулась на спинку стула.

— Ясно...

— А что в этом плохого?

— Ничего. — Конара Инггрес задумчиво поджала губы — Просто я...

— Что?

— Просто я боюсь даже заговорить об этом.

— Ну почему же? — Конара Лиистра улыбнулась еще шире. — Разве мы не лучшие подруги? Разве мы не привыкли доверять друг другу полностью?

— Мы всегда доверяли друг другу.

— Верно! Ничего не изменилось, правда?

Прозвучал ли в последнем вопросе испуг, или взвинченной до предела конаре Инггрес показалось? Трудно сказать. Тем не менее такую возможность упускать было нельзя.

Конара Инггрес улыбнулась, внутренне удивляясь тому, как легко у нее все получилось.

— Ну естественно, ничего не изменилось! С чего бы это?

— Я сблизилась с Матерью за довольно короткий срок. Мне показалось, что ты, может быть... ну... как это...

— Ревную?

— Да, правильно, — слишком поспешно согласилась конара Лиистра, — ревнуешь.

— Ничего подобного! Это большая честь для тебя. И я так тобой горжусь!

— Правильно, так и должно быть, — просияла в ответ Лиистра.

Итак, конара Инггрес поняла, что существо, овладевшее ее подругой, особой сообразительностью не отличается. Церрну даже не удалось изучить несложную натуру конары Лиистры. Поджидая подругу, конара Инггрес не теряла времени зря —

она усердно листала древние книги, разыскивая материалы об одержимости демонами. Ей удалось узнать, что телом рамаха-ны может овладеть только демоническая сила. А вселение демона, в свою очередь, возможно, только если открыт по крайней мере один из Порталов в Бездну.

Освободить дух можно несколькими способами, древние источники называли подобную процедуру изгнанием. Все выглядело довольно сложно — сначала нужно отделить демона от гостевого тела; второй, не менее трудный шаг — следовало убить или парализовать самого демона. На второй шаг времени давалось совсем немного, примерно секунд десять. В течение этого времени демон, потревоженный в гостевом теле, не способен сориентироваться и наиболее уязвим. И все же самым трудным шагом был третий. Ведь в гостевом теле демон открывал Белокостные Врата, одни из пятнадцати ворот внутри души каждого кундалианина. Открытые ворота обеспечивали непрерывное течение жизненной энергии согласно потребностям каждого индивидуума. Если хотя бы в одних воротах возникала какая-то проблема, то появлялась опасность серьезной душевной болезни. Белокостные Врата считались основным препятствием на пути проникновения зла. Если открыть эти ворота, то зло рано или поздно проникнет в организм. Ворота следовало закрыть любой ценой, чтобы не дать злу опять овладеть духом жертвы. Конара Ингрес была уверена, что именно это и произошло с Барттой.

Если верить книгам, недостаток ума у Церрна компенсировался силой. Поэтому он был опасным противником даже для опытной конары, не говоря уже о той, которая пытается овладеть сложным умением в рекордно короткий срок. Конара Ингрес понимала, что не имеет права на ошибку. Тем не менее в голове постоянно крутилась мысль, что из-за спешки или недостатка умения она может допустить какой-нибудь промах. Почувствовав, что ладони вспотели, конара стала растирать их под столом, чтобы Лиистра не заметила ее волнения.

Доставая с нижней полки заранее приготовленный поднос с яствами, Ингрес чувствовала, как тонкие иголки страха пронзают ее тело словно раскаленные искры. Конара Лиистра повернулась, чтобы уйти, и ее подруга решилась.

— Пстой! Я тут кое-что приготовила. — Она поставила поднос на стол и разложила приборы. — Тут холодный ягодный отвар и пудинг из крови квода.

— Ммм... — Жадные глаза конары Лиистры так и впились в формочки с пудингом. — Здорово! Такое не каждый день предлагают!

Прочитав, что многие демоны обожают кровь кводов, Ингрес тут же вспомнила крюки в кладовой, к которым были привязаны жирные птицы с длинными шеями, поджидающие свой очереди на жарку.

Разлив отвар в маленькие керамические чашечки, конара пододвинула пудинг Лиистре. В обычном состоянии подруга Ингрес ни за что бы не стала есть одна. Но, как и большинство демонов, Церрн был очень жадным. Поэтому, увидев, как загорелись глаза конары Лиистры, конара Ингрес поняла, что попала не в бровь, а в глаз.

Даже не подумав поблагодарить за угощение, Лиистра опрокинула формочку с пудингом в рот, проглотила, не разжевывая, и запила ягодным отваром. Конара Ингрес налила еще отвара, а ее ненасытная подруга потянулась за новой порцией пудинга. Внезапно рот конары Лиистры конвульсивно раскрылся. Ингрес приготовилась к мерзкому зрелищу, но ее едва не вырвало, когда она увидела треугольную голову Церрна на языке подруги. В ту же секунду она наложила изгоняющее заклинание, которое выучила утром и, естественно, не успела опробовать.

Конара Лиистра застыла на месте, а потом начала быстро моргать. Раздался звук, напоминающий шорох крыльев насекомого, такой тихий, что конара Ингрес едва его расслышала.

Все остальное случилось так быстро, что Ингрес успела лишь вжаться в стул. Сначала из глаз Лиистры потекла кровавая слизь. Кровь текла из носа, капала со слюной изо рта. Затем голова откинулась назад, глаза уставились в сводчатый потолок, и конару вырвало Церрном.

Несколько секунд оглушенный Церрн плавал в луже слизи и желудочного сока. Он оказался намного меньше, чем представляла себе конара Ингрес, и все же его вид внушал мерт-

венный ужас. Что делать дальше, было не совсем понятно, и конара Инггрес некоторое время смотрела на демона словно завороченная. Лишь когда Церрн начал шевелиться, конара Инггрес потянулась за заранее припасенной палкой.

К тому времени Церрн уже пришел в себя и, очевидно, осознав, что перед ним враг, сильно извиваясь, прыгнул прямо к лицу конары Инггрес. Однако она все-таки успела проткнуть демона заостренным концом палки. Затем Инггрес принялась колотить палкой по столу с такой силой, что чашки, чайник и жуткий кровавый пудинг разлетелись во все стороны. Обеими руками конара Инггрес била деревяшкой по столу, злорадно наблюдая, как Церрн бьется в предсмертной агонии.

Наконец все было кончено. Конара Инггрес, вздохнув с облегчением, вышла из-за стола и присела рядом с Лиистрой, которая без сознания лежала на полу. Краешком подола Инггрес вытерла кровь с лица конары Лиистры, и та, будто вознаграждая подругу за смелость, открыла глаза. Ее лицо казалось таким мирным и безмятежным, словно им никогда и не управлял жуткий извивающийся демон.

Радостно смеясь, конара Инггрес положила голову Лиистры на колени и поцеловала ее бледные щеки и лоб.

— Спасибо тебе, Миина!

— Инггрес, — чуть слышно прошептала конара Лиистра, — где я? Что случилось?

Прежде чем та успела ответить, на пол упала длинная тень, и в дверном проеме появилась фигура.

— Да, — озабоченно проговорила Джийан, — мне бы тоже очень хотелось это знать.

— Говорил же я тебе, будь острожен! Предупреждал, не стоит связываться с саракконом! Так или нет? Кажется, я всячески помогал тебе хранить мне верность. — Нит Батокссс расхаживал вокруг Кургана, в руке гэргона поблескивало треугольное лезвие кинжала. — И что случилось?

— Давно ты прикидываешься Курионом?

— Ты предал меня при первой же возможности!

— Давно ты играешь со мной?

Внезапно Нит Батокссс шагнул к регенту.

— С играми покончено!

Бежать Курган и не думал. Он вспоминал старую тускуггун и ее идиотскую прялку. Неужели она все знала? Поэтому старуха так на него посмотрела, когда он стал спускаться в подвал? Или, как сказал Курион, она просто сумасшедшая? Только, выходит, это сказал не Курион, а Нит Батокссс...

— У кого пять лиц, — не сдавался Курган, — а два из них звериные?

Гэргон схватил правителя за шиворот, и лицо Кургана передернулось от боли. Гиперактивные ионы коснулись его плоти, и регенту показалось, что его окунули в огонь.

Нит Батокссс медленно повернул его к яйцеобразной камере.

— Это гороновая камера. Сейчас я тебе покажу, что происходит с теми, кто оказывается внутри. — Гэргон поднял руку, и круглый люк захлопнулся. Еще одно движение, и откуда-то появились два голографических экрана. Затем он пустил гороновую волну, и когда она прошла сквозь камеру, снова открыл люк и подтолкнул вперед Кургана.

Регент увидел нечто ужасное: глаза Куриона стали белыми, зубы превратились в пепел, обнажились кости черепа.

— Он был уже мертв, — прорычал Нит Батокссс и отшвырнул Кургана от камеры. — Представь, что случится с тобой.

Курган молчал, по опыту зная, что любое слово еще больше взбесит техномага.

— Я посажу тебя внутрь и включу волны частотой пониже. Насколько я понимаю, по ощущениям это должно напоминать тысячи крошечных ртов, одновременно сосущих из твоего тела кровь.

— Пытаешься меня запугать? — усмехнулся Курган. — Я прекрасно тренирован и не боюсь ничего. Даже тебе не удалось ужаснуть меня — отсюда и все фантазии с участием Куриона.

— Скорее это был экзамен, — проговорил Нит Батокссс. — И давай называть вещи своими именами — экзамен, который ты провалил.

— Если это означает, что я освободился от твоего рабства, то, хорошо, пусть я провалился.

Нит Батокссс снова схватил регента за шиворот.

— Ты присягнул мне на верность, твое слово...

— Мое слово не значит ничего для такого, как ты. — Курган корчился от боли, которую причинял ему гэргон. Неужели гороновая камера еще ужаснее? — Ты же силой заставил меня поклясться. Неужели ты поверил, что я стану держать слово?

Взревев, Нит Батокссс схватил регента обеими руками. На теле правителя не осталось места, в котором не пульсировали иглы гиперактивных ионов. Курган чувствовал, что сердце начинает бешено биться, а кровь закипает. Смертельно тошнило, но сил не хватало даже на рвоту.

— Я не сломаюсь, — прохрипел Курган, — не стану тебе подчиняться.

— Нет, тебе придется.

— Сначала я умру.

— Это точно, — злобно ухмыльнулся Нит Батокссс. — Ты истинный Стоггул. Я отлично знаю твою семью, все вы грязные лживые твари.

— Лживость во мне воспитал Старый В'орнн. — Курган старался говорить уверенно. — И *его* ты наверняка хорошо знаешь.

— О чем это ты?

— Ты прав, хватит играть, — стуча зубами, проговорил Курган. Лицо гэргона, гороновая камера, вся лаборатория начали бледнеть. Регент понял, что вот-вот потеряет сознание. — Я знаю, кем ты становишься, когда выходишь из храма и бродишь по городу. Покажи мне Старого В'орнна. — Курган понимал, что вот-вот разрыдается, и вместо этого хрипло рассмеялся, чтобы сдержать сжимающие горло спазмы. — Ну же, гэргон, покажи мне свое лицо!

— Хочешь узнать, кто я? — загромыхал Нит Батокссс. — Ты хоть понимаешь, чего просишь? Я исполню твое желание!

Курган вскрикнул. Бронзовая кожа и пульсирующая нейронная сеть на макушке гэргона отвалились, превратившись в грязную пену, которая тут же испарилась, источая отвратительный запах могильной плесени. Черепа Курган не увидел,

только черный обрубок шеи, из которого прорастал чешуйчатый отросток, белый как смерть. Вслед за первым отростком показался второй, третий... Вскоре их было уже пять.

Отростки достигли одной высоты и начали переплетаться. Лабораторию пропитал сильный запах гнили, и Кургана снова замутило.

От ужаса, разворачивавшегося перед его глазами, регента сильно тошнило. Переплетающиеся отростки размножались с дикой скоростью, а затем начали срастаться в огромное мощное тело. Оно стояло на двух ногах, одновременно припадая к земле, как животное; одно плечо казалось выше другого.

Затем над страшным туловищем появился светлый нимб, который сгустился во вращающийся шар. Страшный шар снизился к сильным плечам и стал вращаться медленнее, так что Курган увидел нечто, похожее на постоянно изменяющееся лицо.

Шар остановился и превратился в совершенно необычную голову, которую раньше Курган видел лишь раз в жизни. Перед правителем замелькало три кундалианских лица и две звериные морды. Тогда, мельком увидев жуткую голову в зеркале, регент слишком перепугался, чтобы запомнить увиденное. Теперь он разглядел лица даже яснее, чем хотелось бы, и произвольно отметил, что их выражения никак не связаны друг с другом. Длинное мрачное лицо с пылающими черными глазами выражало злость, в другом, с четкими классическими чертами, горела похоть, третье, обрюзгшее и рассеянное, воплощало зависть. Надменная морда хищной птицы излучала гордость, а гладкая кошачья харя лоснилась от жадности.

Впервые в жизни Курган не знал, что сказать, и, несмотря на боль, попытался отползти в сторону.

— Кажется, я не ошибусь, если предположу, что мой истинный облик вам не по нраву, регент?

Этот голос, сильный и глубокий, Курган уже слышал в разговорах с Нитом Батокссом. Сейчас он словно раскаты грома наполнял лабораторию.

— Что ты делаешь? — вскричал Курган. — Какими чарами пытаешься меня запутать?

Жуткое существо засмеялось.

— Запутать? Вы живете в тумане, глупые в'орнны! Вы завоевываете Космос, покоряете миры и считаете себя повелителями вселенной! Да вы и понятия не имеете о том, как огромен и многообразен Космос. Вы живете на крошечном острове, окруженные океаном собственной невежественности. Запутать?! — Существо трясло Кургана, как тряпичную куклу. — Вы, в'орнны, никчемный туман, жалкая иллюзия, а не я! Я — Пэффорос, повелитель архидемонов. Наконец-то я смог вернуться в этот мир из тюрьмы, куда миллиарды лет назад меня заточила проклятая Миина.

С невозмутимой и сладкой улыбкой Джийан бросилась к конаре Ингрес, которая, как ни странно, была к этому готова. Она уже нараспев повторяла слова молитвы и быстро вращалась, припрыгивая из библиотеки монастыря Плывающей Белизны в Иномирье.

Хотя и недолго, но Ингрес все же чувствовала угрызения совести за то, что бросает подругу. Однако она понимала, что Джийан не оставит ей ни шанса на спасение, поэтому переживать было бесполезно. Изучая запрещенные книги тайком, Ингрес постигла Осору. Хотя и недостаточно для того, чтобы осознать, что сотворил с Иномирьем Хоролаггия. Тем не менее, услышав стоны и плач, конара поняла — в Иномирье не все благополучно. В отличие от Рианы за спиной конары Ингрес были долгие годы учебы, и она почти подсознательно чувствовала: перегородка между мирами истончилась и вот-вот порвется. Конара не представляла, что могут сотворить обезумевшие демоны, но твердо верила, что подобного допустить нельзя.

Конара Ингрес оказалась на бескрайней, залитой кровью равнине. Вдалеке виднелась зубчатая громада горной цепи, в которой, как показалось конаре, бились сердца Аватар демонов. Ингрес отлично понимала, что не в состоянии с ними сразиться, ощущая пульсацию их силы, наполняющей сияющие багровые облака над острыми пиками.

Стараясь не привлекать к себе внимание, конара Ингрес шла очень осторожно, прячась при каждом шорохе. Она никогда раньше не припрыгивала и поэтому чувствовала слабость

и тошноту из-за отсутствия моноккула, поглощающего вредную радиацию. Ей казалось, что все дело в неопытности и что с каждой новой Припрыжкой она будет чувствовать себя увереннее.

Несмотря на слабость, конара Ингтрес продвигалась вперед, надеясь в скором времени отыскать Джийан. Из-за шума и непрерывного стога четко мыслить было почти невозможно. Из книг конара знала, что демон, овладевший Джийан, не сможет припрыгнуть, так как демонические силы не владеют Осору. Не сможет он использовать и волшебную Аватару Джийан. Хотя, как читала Ингтрес, самые сильные архидемоны вроде Пэфороса имеют собственных Аватар. В итоге конара очень боялась, что овладевший Джийан демон вышлет за ней свою Аватару. Правда, с другой стороны, здесь ему долго не продержаться, ведь Иномирье создано магией Осору...

Конара Ингтрес понимала, что времени в обрез. Разрабатывая план по изгнанию демона из конары Лиистры, она предвидела, что Джийан может раскрыть ее замыслы, и наметила путь к отступлению — в Иномирье. Учитывая отсутствие какого-либо опыта у конары, план был очень смелым и рискованным. Однако другого способа вырваться из монастыря, находиться в котором стало невозможно, Ингтрес не видела. Конара знала, что не сможет дать отпор архидемону. В то же время становилось все труднее скрывать знание Осору от Джийан и даже от конары Лиистры. Действовать нужно было быстро, пока ее «не обнаружили и не уничтожили», как лаконично выразился сам демон. Чем больше Ингтрес об этом думала, тем лучше понимала, что ей нужна помощь более опытной волшебницы. А кто мог помочь лучше, чем настоящая Джийан?

И вот она в Иномирье разыскивает Аватару Джийан, не имея достаточно времени для того, чтобы как следует обдумать следующий шаг. Конара Ингтрес смотрела вперед с опаской и внимательно следила за сверкающими облаками, зная, что оттуда могут появиться Аватары демонов.

Насколько она разобралась в запретных текстах Осору, все Иномирье основано на символике. И так же, как матрос ищет на горизонте землю, конара искала символы. Вот наконец она заметила что-то и бросилась бежать, забыв об опасности.

Подойдя поближе, конара Ингрес увидела огромный перевернутый треугольник черного цвета, к которому была приколота головой вниз огромная птица. Конара тут же узнала Аватару по имени Рас Шамра.

— Шима Джийан, — тихо позвала Ингрес. Ведь Джийан произвели в шиму незадолго до изгнания из монастыря...

— Кто зовет меня шимой?

Конара Ингрес задохнулась от ужаса, увидев, что глаза Аватары залиты кровью от тысяч крошечных порезов на теле.

— Это я, шима Джийан, бывшая лейна Ингрес, теперь конара.

— Милая Ингрес, я помню тебя маленькой девочкой! Всегда знала, что у тебя есть Дар, но, естественно, никому не рассказала.

Конара благодарно кивнула.

— С тех пор, как тебя изгнали, зло с каждым годом все глубже проникает в монастырь. — Конара Ингрес радовалась, что Джийан не тратит время на расспросы о том, как ей удалось взрастить свой талант в неблагоприятных условиях монастыря.

— Все очень плохо? — с тревогой спросила Джийан.

— А ты ничего не знаешь?

— Я здесь в полной изоляции. Расскажи мне в общих чертах. Хоролаггия не может подслушать, пока не появится его Аватара.

Конара Ингрес кивнула, во рту пересохло.

— Овладевший тобой демон захватил Сияющую Белизну и вытащил Бартту из магической темницы для того, чтобы отдать другому демону.

— Новость еще страшнее, чем тебе кажется, — проговорила Джийан. — Мы имеем дело с архидемонами. Получается, из Бездны вырвался не только Хоролаггия, но и Мигорра.

Конара раскрыла рот от удивления.

— Ты имеешь в виду детей Пэфороса?

— Именно! Прорвавшись в наш мир, они нарушили законы мироздания, которым должны подчиняться и смертные, и волшебные существа: волшебники, богини, демоны и архидемоны.

— Ах, шима Джийан! — вскрикнула конара Ингрес. — Мы тут разговариваем, а ты так мучаешься! Скорее скажи мне, как тебя освободить!

— Ты не сможешь, — спокойно ответила Джийан, — по крайней мере в прямом смысле.

— Тогда что же делать? Понимаю, против архидемона мне не выстоять.

— Да, конечно. Однако не стоит недооценивать свою изобретательность. Возвращайся в монастырь. В его самой древней секции, под складом, расположены священные покои Миины.

— Да, келлы, я их уже видела, шима Джийан. Именно там я наколдовала себе зеркальце, в котором разглядела Церрна. Этим демоном была одержима моя подруга конара Лиистра, а я отделила его с помощью изгоняющего заклинания и раздавила.

— Неплохо! — похвалила Джийан. — Только помни, изгоняющее заклинание действует лишь на простых демонов, таких, как Тзелос и Церрн. Против тех, кто овладел мною и моей сестрой, оно бессильно.

— Расскажи подробнее, шима Джийан.

— Одна... преданная мне особа разыскивает Вуаль Тысячи Слез. Ее зовут Риана. Тебе нужно дождаться ее. Ведь помимо уничтожения временного тела лишь Вуаль может устранить архидемона. И поскольку ты здесь, демоны знают, что ты владеешь Осору. Значит, придется бороться против них тайком. Нужно спрятаться и не открывать свои намерения никому. Даже тем, кому ты верила в прошлом. Это очень важно! В монастыре нельзя доверять никому. Проще считать, что все обительницы монастыря скомпрометированы. Все до одной, понимаешь?

— Да, шима Джийан.

— А твоя подруга...

— Конара Лиистра.

— О ней лучше забыть на время.

— Но шима Джийан...

Рас Шамра покачала головой.

— Никаких исключений, конара Ингрес. Никаких! Прекрасно понимаю твоё желание помочь подруге, и все же результат налицо. Изгнав Церрна, ты привлекла к себе внимание архидемонов. Теперь, когда они поняли, что ты решила сопротивляться, демоны не успокоятся, пока не уничтожат тебя.

Конара Ингрес подавила растущую панику.

— Как же мне тогда бороться против них?

— Разумно используя оружие, о котором никто не будет знать. Скажи, когда ты спускалась в келлы, видела цитринового змея Гоша?

— Да, шима Джийан, в самом центре келла.

— Разве он стоит не в нише у стены? — резко спросила Джийан. — Ты уверена?

— Уверена, шима Джийан. Я еще там упала ниц и стала молить Миину о наставлении.

— И оно снизошло?

Конара Ингрес задумалась.

— Кажется, да. Через некоторое время в нижнем келле я нашла колодец, вокруг которого правильным треугольником стояли фигурки из неизвестного мне камня. Они были золотисто-черные. В том колодце я и наколдовала себе зеркальце. — Увидев, как дрожит Рас Шамра, конара остановилась. — Я рассказываю что-то не так?

— Гош и три йа-гаара стоят не там, где стояли веками. Это означает, что действует колдовство намного древнее рамаханского. Здесь есть о чем подумать. — Рас Шамра вытерла кровь с глаз и взглянула на сияющую горную цепь. — У нас мало времени, поэтому слушай меня внимательно. Немедленно возвращайся в келлы и вырви правый глаз из статуи Гоша.

— Ой, шима Джийан, — испуганно пролепетала конара Ингрес. — Цитриновый змей — священная статуя Миины. Я не стану портить...

— Делай так, как я говорю! — прогремела Рас Шамра, и Ингрес оставалось только кивнуть.

— Да, Первая Матерь!

— Почему ты меня так назвала?

— Так сказано в Пророчестве, Первая Матерь! Демон захватит в плен рамаханскую колдунью и станет держать в Ино-

мирье. Именно эта колдунья станет направлять Дар Сала-ата. Поэтому она и есть Первая Мать.

— Так или иначе, вырви у цитринового змея правый глаз. Для этого нужно трижды повернуть его влево прямо в глазнице. Затем отнесешь глаз к колодцу, где наколдовала зеркальце, и опустишь в воду ровно на тридцать секунд. Не больше не меньше. Ясно?

— Да, Первая Мать!

Небо покрылось малиновыми пятнами, а земля под ногами конары Ингрес зловеще задрожала.

Рас Шамре не нужно было объяснять, что предвещает эта дрожь.

— Когда вытащишь глаз из колодца, — поспешно продолжала Джийан, — приложи его в центр лба, прямо над переносицей. Нужно следить, чтобы глаз был влажным и не высыхал. Иначе он треснет и превратится в пыль.

— А что потом, Первая Мать? — Конара Ингрес нервно поглаживала на черные тучи, быстро поднимающиеся над горными вершинами. — Что случится после того, как я приложу глаз ко лбу?

— Уходи! — приказала Рас Шамра. — Быстрее, пока он тебя не увидел!

Конара Ингрес закрыла глаза и, вращаясь, припрыгнула из Иномирья в тот момент, когда в облаках обозначился багровый просвет.

30

ЗА ХАРА-АТ

Древний город затаился на краю вечности. Мрачный, продуваемый степными ветрами, частично укрытый под землей, наполовину разрушенный временем. У подножия Дьенн Марра возле Большого Пролома сгушались сумерки. Хранилище древних секретов, над которым не властны ни свет, ни время;

темный лабиринт улиц, ведущих в другой мир. Почти забытый город, покрытый пылью, пустынный и мрачный.

За Хара-ат.

Два куомешала стояли, опустив голову, и дремали. Легкий ветерок нес куда-то стаю летучих мышей. Маленький мальчик из племени Бэйи Дас, с темной, как гранатовый сок, кожей, запускал воздушного змея. Он бежал от места раскопок прямо к оборванным и засиженным мухами палаткам Им-Тэры, клубы пыли тянулись за ним вслед. Резкий порыв ветра поймал и понес змея, испугав летучих мышей, которые тут же свернули в сторону. Опустившись почти до самой земли, змей резко взмыл к небу. Мальчик ликующе закричал, однако, услышав крик, мать паренька тут же велела ему замолчать и потащила обратно в Им-Тэру.

В сумерках в За Хара-ате было пустынно. Хотя в небе догорал закат, Бэйи Дас прекращали работать, едва солнце опускалось за вершины Дьенн Марра. В крошечном лагере, разбитом месатгунами и баскирскими архитекторами, которых наняли Консорциумы Стогггулов и СаТррэнов для восстановления За Хара-ата, было светло. Теперь стоянку окружало плотное кольцо вооруженных кхагггунов. При искусственном освещении по периметру лагеря возвели ионный щит для того, чтобы отпугнуть зверей, бродивших по пыльным улицам За Хара-ата, и предотвращать побеги соскучившихся по Аксис Тэру баскиров.

В этот беспокойный вечер в За Хара-ат переместились трое, прямо на главный пандус, ведущий к месту раскопок. Риане показалось, что она попала в скелет огромного чудища. И хотя все считали, что в заброшенном городе уже несколько веков царит смерть, чудесный Дар подсказывал девушке, что жизнь тут вовсе не угасла. Город стоял на пересечении подземных ручьев, и Риана чувствовала их пульсацию, похожую на игру отдельных инструментов оркестра.

— Я слышала множество историй о За Хара-ате, — с благоговейным страхом проговорила Тигпен, — но побывать в нем не довелось ни одной раппе.

— Когда-то эта крепость процветала, — проговорила Перрнотт, продолжая спускаться вниз по пандусу. — Однако цент-

ром цивилизации она не являлась. По той простой причине, что ее построили совсем для другой цели — дабы защититься от врага настолько опасного, что лишь неприступные стены крепости и скрытая за ними сила могли бы уберечь Кундалу.

— Жаль, что эта сила не защитила нас от в'орннов.

— Крепость строили, чтобы обороняться от одного конкретного врага, — пояснила Перрнотт, — и сохранили, таким образом, ее огромную мощь.

Они спустились на мощенные медными плитами улицы. То и дело на плитах встречались руны, вырезанные из королевского сердолика и лазурита. Риана опустилась на колени и провела по рунам рукой. Это был язык Венча.

«Царство Невежества», — прочитала она.

— Перрнотт, — тихо спросила Риана, — кто построил За Хара-ат?

— Мы, друуги. — Перрнотт смотрела вдаль на уходящий в темноту бульвар. — Нам, конечно, потребовалась помощь. Механизмы и приспособления в самом основании крепости оказались такими сложными, что даже мы справлялись с огромным трудом. Поэтому мы и решились и отчаянный шаг — призывали на помощь демонов.

Риана была в шоке.

— Ты же говорила, что в то время всех демонов уже сослали в Бездну.

— Нет, я сказала, что они были в плену у верховной силы За Хара-ата. Демоны помогли нам построить крепость, а потом, естественно, захотели ею управлять. А мы, разумеется, не согласились. Противостояние переросло в битву, в которой обе стороны понесли огромные потери. Вмешалась Миина и заточила демонов в Бездну. Они так и не увидели крепость, которую столь долго и упорно строили.

— Понятно, почему Пэфорос хочет сюда вернуться.

— Ему не дают покоя хранящиеся здесь тайны, — проговорила Перрнотт. — Он не успокоится, пока не разгадает их или не погибнет.

Тигпен беспокойно ерзала, оглядываясь по сторонам.

— Раз нам известно, что Пэфорос попал в наш мир, следует быть настороже. В собственном облике он долго нахо-

даться здесь не может. Поэтому нужно пристально изучать любого, кто окажется на пути. Пэффорос способен овладеть кем угодно.

— Сюда, — показала Перрнотт и повела своих спутниц вниз по бульвару Царство Невежества мимо разрушенных домов и украшенных колоннами храмов. Наконец они вышли на площадь в форме восьмиугольника, от которой лучами расходились восемь улиц.

— Вуаль Тысячи Слез заключена в непроницаемую оболочку, — объявила Перрнотт. Вокруг высились двухэтажные строения, назначение которых невозможно было угадать. — Она укрыта в огненном ларце, окруженном водой, а между ними — непроглядная тьма.

— Как же мы ее отыщем? — спросила Риана.

— Не мы, Дар Сала-ат. Тебе придется искать одной. Вуаль, как я уже говорила, частично обладает сознанием. Иди в центр площади. Как только там окажешься, Вуаль тебя почувствует и подскажет, что делать.

— А она подскажет, как ее достать?

— Нет, никто тебе этого не подскажет. Ты должна догадаться сама. Могу сказать лишь одно — постоянно следи за течением силовых ручьев.

— А когда я найду ее, что дальше? Что мне делать, чтобы спасти Джийан?

— Ты должна будешь высвободить слезы драконов, скрытые в Вуали, — объяснила Перрнотт. — К сожалению, у меня недостаточно знаний для того, чтобы подробно рассказать тебе, как это сделать. Верь и Вуали, и себе, позволь ей стать частью твоего сознания. Как только вы сольетесь, ты сразу все поймешь.

Риана кивнула. Идти куда-то одной было страшно, однако выбора не было. Заглянув Перрнотт в глаза, девушка быстро нагнулась и погладила Тигпен.

— Пусть благодать Миины пребудет с тобой сегодня и всегда, коротышечка, — прошептала раппа.

Риана поднялась и, не оглядываясь, пошла к центру площади. Она тут же почувствовала течение силовых ручьев прямо под ногами. Пульсация медленно распространялась по телу: от

ног к туловищу и выше — к голове. Риана услышала, что ручки заговорили с ней на собственном языке, которому девушку научила Перрнотт. Повернувшись на сорок пять градусов налево, Риана пошла по одной из восьми улиц, и тут же раздался голос Перрнотт, пробившийся сквозь сгушающиеся сумерки.

— Пусть ручки сами несут тебя, Дар Сала-ат. Следуй избранному пути и никуда не сворачивай.

Риана кивнула. Окунувшись в густой мрак улицы, она подняла ладонь и наколдовала маленький шарик, который парил в воздухе прямо перед ней. Шарик источал яркий свет, который двигался вместе с Рианой, озаряя ее путь.

Девушка продолжала идти по течению ручьев. Тихо опускался вечер, словно серый пепел прошлого. Взглянув на огромное коррушское небо, Риана немного испугалась — оно казалось таким далеким. Вот она дошла до точки пересечения ручьев и зашагала в другом направлении. Вокруг древняя цитадель жила собственной жизнью. Крепость дышала, смешивая настоящее и прошлое алхимией своего необыкновенного происхождения. Спроектированная друзьями и построенная демонами, она должна была стать огромной разрушительной силой. Теперь, всеми забытая и затерянная, цитадель грезилась о былой славе, всепоглощающей и безмерной. Всеми забытая?

Почти всеми.

Риана почувствовала, как в виске что-то закололо, и остановилась. Хотя ручки вели ее вперед, она повернула направо и услышала едва уловимый звук. Словно крошечный камешек покотился по медным плитам улицы.

Риана увидела в одной из подворотен какое-то шевеление и, шагнув в проем между домами, сошла с проложенного ручьем маршрута.

Волшебный шарик высветил перед девушкой фигуру. Естественно длинную, истощенную, мертвенно-бледную. В ушах — странные подвески, волосы длинные на макушке, бритые на висках. На лице ни грамма мяса — будто желтоватая кожа туго натянута прямо на череп. Глубоко посаженные глаза неярко блестели в бледном свете луны. Зрачки крошечные, черные, пульсирующие. На лбу багровая отметила, черная мантия развевается, как флаг смерти.

Соромиант!

Острый как нож плоский рот колдуна непрерывно бормотал.

Соромиант отступил в тень подворотни, и Риана безвольно шагнула следом. Еще один шаг вправо — и она решительно покачала головой. Казалось, девушка потеряла связь с реальностью. Непрерывно бормочущий рот... Некромант читал заклинание!

«Следуй избранному пути и никуда не сворачивай», — предупреждала Перрнотт.

Спешно наложив Охранные Оковы, Риана тут же убрала заклинание соромианта. Она все же решила заглянуть в подворотню, но колдун исчез. Риана вернулась на улицу, однако, как ни старалась, не могла почувствовать пульсацию силового ручья.

Она потерялась, За Хара-ат поглотил ее целиком.

Пэфорос что есть сил тряс полуживого Кургана. Хотя архидемон снова принял облик Нита Батокссса, от прежнего гэргона в нем не осталось и следа. Пэфорос владел техномагом полностью.

Увидев, что Курган закатил глаза, демон стал хлестать его по щекам, стараясь привести в сознание.

— За наглость и предательство тебя следует прибить на месте. С одной стороны, мне очень хочется размазать тебя по стенке — удовольствие я получу огромное. К сожалению, я потратил на тебя слишком много времени и сил. Изучая внутренности мертвых, я понял, что тебе предстоит сыграть важную роль. А ты даже не в состоянии представить, что тебе уготовано!

Пэфорос притянул Кургана к себе.

— Признаюсь, я полюбил тебя как сына, хоть ты непослушен и упрям. Ты уверен, что сможешь обмануть кого угодно, даже меня. Придется показать, как сильно ты ошибаешься. — Демон склонился над Курганом и обдал его запахом расплавленной серы. — Однажды ты поклялся мне в верности, но преднамеренно нарушил собственную клятву. Так не пойдет. Ты

мой, Курган Стогггул. Я выбрал тебя и сделал своей собственностью. И поэтому отныне у тебя будет клеймо, которое не даст позабыть, кто есть кто.

Архидемон открыл рот и показал длинный черный язык. Извиваясь, как змея, язык приблизился к лицу Кургана. Регент напрягся и попытался отстраниться, но Пэфорос крепко держал его в объятиях.

— Неужели я чувствую страх, Курган Стогггул? — заревел архидемон. — Мне удалось тебя испугать?

В ответ Курган лишь презрительно посмотрел на Пэфороса.

— Замечательно! Я прекрасно тебя подготовил, не правда ли? Да, я превратил твое сердце в камень. — Черный язык двинулся к горлу Кургана. — А сейчас я научу тебя послушанию. Раз и навсегда.

На конце языка открылся крошечный глазок, и капля зеленоватой жидкости упала на горло Кургана. Другой на его месте закричал бы от боли, однако регент лишь молча стиснул зубы. Глазок снова открылся, и на кожу правителя пролилась еще одна капля. Курган почувствовал, как боль пронзает его до мозга костей. Он тихо застонал.

— Рамахане считают, что следует опасаться слюны демона, потому что она вызывает невообразимую боль. — Лицо Пэфороса исказилось в жуткой ухмылке. — И это всего две капли, регент. Представь что будет, если я тебя поцелую?

Курган обливался холодным потом и мелко дрожал. Вот он коснулся раны и чуть не лишился сознания от обжигающей боли.

— Теперь это твой талисман, Курган Стогггул. Всякий раз, касаясь горла, ты будешь вспоминать, что наши судьбы пересеклись.

Архидемон рывком заставил правителя сесть.

— В ипостаси Нита Батокссса я не терял времени даром. — Усмирив Кургана, Пэфорос снова превратился в учителя. Регент уже знал, что эта роль демону особенно по вкусу. — С моей подачи Товарищество гэргонов окончательно развалилось. Нит Сахор, единственный, кто мог бы снова его объеди-

нить, мертв. По настоянию гэргонов кхаггуны истребили жрецов и запретили молиться Энлилю. Баскиры постоянно ссорятся. Даже твои славные воины стали беспокойными и слабыми. Ты же отсиживаешься во дворце, обкутившись саламууном. Почему ты даже не попытался что-то изменить?

— Я уважаю гэргонов так же мало, как и ты, — проговорил Курган, — возможно, еще меньше.

От удара Пэфороса регент отлетел в сторону и стукнулся головой о гладкий пол лаборатории.

— Для того, чтобы одолеть врага, нужно по крайней мере его уважать. — Пэфорос поднял Кургана на ноги. — То же самое относится к союзникам.

Правитель вытер лицо. Во рту чувствовался металлический привкус крови. Курган решил снова потрогать ранку — она полностью затянулась, остался лишь небольшой шрам, похожий на татуировку саракконов.

— Что ты хочешь от меня?

— Секреты, информацию, власть! С тех пор, как я вернулся в этот мир, я ищу Дар Сала-ата. Избранника Миины, героя, о котором сказано в Пророчестве.

— Зачем?

Пэфорос сжал кулаки.

— Жуткая несправедливость! Все мы в плену полоумной Богини!

— Ты имеешь в виду кундалианскую богиню Миину? Она что, существует на самом деле?

— Если бы я не был так зол, твой дурацкий вопрос вполне мог бы сойти за смешной! — набросился на Кургана Пэфорос. — Конечно же, она существует!

Архидемон пристально смотрел на Кургана.

— Ты хоть понимаешь, о чем я, Курган Стоггул? Ведь ты один из немногих в'орннов, которые в состоянии осознать и принять правду. — Глаза верховного демона дико вращались. — Теперь что касается твоего вопроса. Я ищу Порталы в Бездну, о которых уже говорил. Нужно открыть все семь, дабы освободить демонов из многовекового заключения. Кто на такое способен?

— Дар Сала-ат? — подсказал Курган.

— Было бы очень удобно, правда? — Пэфорос покачал головой. — Нет, кто-то другой. Дабы найти его, нужна Вуаль Тысячи Слез, и поэтому я должен получить ее во что бы то ни стало. И ты, регент, поможешь мне в этом.

Терретт шагнул к Маретэн, вытирая слезы.

— Он плачет, — прошептала Маретэн, склоняясь над братом.

— Я даю ему новое лекарство, совершенно иного действия, идеально подходящее для его увеличенного ативара. — Кирллл Квандда сидел на высокой табуретке в палате «Недужного духа». — Слезы — хороший знак в его случае.

За окном на пустынном Променаде бушевала гроза. Море Крови вздулось от дождя. Корабли со свернутыми парусами и задраенными люками покачивались на якорях. Дождь заливал палубы, лился потоками из шпигатов. Сильный ветер стучал в непробиваемое оконное стекло, и Терретт повернул голову.

— Это дождь, дорогой, — мягко сказал Маретэн, касаясь его щеки, — всего лишь дождь.

Теперь на стенах, кроме большой топографической карты, которую купила Маретэн, висели и свежие работы Терретта, в которых центральное место занимали семь кругов, весьма похожих на воронки. Эти круги завораживали Маретэн, не давали ей покоя.

— Маретэн, я тут кое-что выяснил, — проговорил Кирллл Квандда.

Оторвавшись от рисунков, художница посмотрела на дэйруса, и он продолжал:

— Похоже, сразу после рождения Терретта осмотрел гэргон. Более того, кажется, тот же гэргон оперировал и его ативар. Его зовут Нит Батокссс. Слышали о таком?

Маретэн тут же вспомнила разговор между Сорннном и Радой в «Пряном Джексе». Гэргон Нит Батокссс разыскивал семь Порталов. Но при чем тут бедный Терретт? Она покачала головой. Дэйрусу об этом знать совершенно не обязательно.

Кирллл Квандда кивнул.

— Пожалуйста, продолжайте говорить с братом.

— Терреттт! — Маретэн аккуратно повернула его лицо к себе и заглянула в большие черные глаза. Она почувствовала, как ее переполняет любовь к несчастному брату, и подумала, есть ли на свете хоть кто-то, беспокоящийся о Бассе и Майе, бойцах кундалианского Сопротивления. Она ждала от Рады вестей о маршруте следования партии оружия, чтобы передать их кундалианам.

— Терреттт, это я, Маретэн. Узнаешь меня?

На секунду повисло молчание, а потом он судорожно кивнул.

— Ах, Терреттт! — По ее лицу заструились слезы, она нагнулась и поцеловала его щеки и лоб. Маретэн уже собиралась отстраниться, когда почувствовала, что рука Терреттта осторожно коснулась ее головы.

— Терреттт?

Кирлл Квандда подался вперед, взглядом умоляя Маретэн продолжать.

— Терреттт, ты что-то?..

Терреттт открыл рот и издал какой-то звук.

Маретэн склонилась к нему еще ниже.

— Что?

Снова какой-то звук.

— Он сказал «Вверх»! — вырвалось у нее. — Я уверена, мне не слышалось.

С помощью дэйруса Маретэн помогла брату сесть, и Терреттт тут же обнял ее, не желая отпускать. Маретэн смеялась сквозь слезы. Когда она в последней раз смеялась в этой палате? Никогда!

Терреттт снова зашевелил губами.

— Что такое, дорогой? Ты хочешь что-то сказать?

— Ма...

Она просияла.

— Ма-ре-тэн...

— Да, Терреттт, Маретэн! — взвизгнула она. — Теперь скажи еще...

— Ма-ре-тэн. Ты. Понимаешь. Что.

— Что понимаю? — нахмурилась она.

Его лицо перекосилось, от чрезмерных усилий Терреттт обильно потел.

— Ты. Понимаешь. Что. Я. Вижу?

— Как же я могу понять? — Маретэн наклонила голову.

— Что. Я. Должен. Рисовать?

Маретэн снова нахмурилась.

— *Должен рисовать?* Милый, разве ты должен что-то рисовать?

Кирллл Квандда соскочил с табуретки, сорвал со стены один из рисунков и подал Терреттту.

— Покажи где?

— Смотрите, — с трудом проговорил Терреттт. — Смотрите.

— На что нам смотреть, Терреттт? — спросил Кирллл Квандда.

Палец Терреттта застучал по каждому из семи кругов.

— Смотрите! Смотрите! Смотрите!

Внезапно Маретэн осенило. Она сидела лицом к Терреттту, а за спиной у него висела топографическая карта. Внимательно разглядывая рисунки, художница заметила, что их цветовая гамма напоминает карту. Приглядевшись, она обнаружила, что все формы и очертания практически совпадают.

— Подождите-ка! — Маретэн подошла к карте с рисунком в руках. Терреттт повернулся следом за ней, захрипев от удовольствия.

Кирллл Квандда вопросительно посмотрел на нее.

— Что такое?

— Посмотрите, — проговорила она.

— Смотрите, — радостно подхватил Терреттт. — Смотрите! Смотрите! Смотрите!

— Здесь нарисован северный континент. — Маретэн быстро взглянула по сторонам. — Как и на всех свежих рисунках.

Передав рисунок дэйрусу, Маретэн взяла одну из кистей Терреттта и обмакнула в малиновую краску. Внимательно посмотрев на рисунок, она поставила на карте первую точку на том же месте, что и воронка на рисунке Терреттта.

— Это Аксис Тэр, — объявила Маретэн, — восточный квартал.

— Да! — в восторге кричал Терреттт. — Да, да, да!

— Вторая — в Каменном Рубеже. — Она нанесла ее на карту. — Третья — к северу от водопада Поднебесный.

Одна за другой Маретэн отметила еще четыре точки — в самом сердце Большого Воорга, в Большом Разломе среди гор Дьенн Марр, на южной оконечности острова Висячий Скелет в Светящемся море и последнюю — в крошечной деревушке Им-Тэра среди коррушских степей.

Не выпуская кисти из рук, Маретэн обратилась к брату.

— Зачем ты рисуешь эти точки? — спросила она. — Терреттт, что ты имеешь в виду? Что они выражают?

Терреттт зашевелил губами, но вместо слов полилась слюна.

Маретэн посмотрела на семь малиновых точек на карте и все поняла. Судя по всему, Терреттт с помощью увеличенного гэргоном ативара нашел семь Порталов, которые так упорно разыскивал Нит Батокссс. Но как же это произошло? Неужели гэргон сделал из Терреттта своего рода указатель? От мысли, что Нит Батокссс манипулирует ее братом, Маретэн стало не по себе.

Терреттт робко потянулся к сестре, и Маретэн взяла его за руку. Рука брата казалась ледяной, а в глазах читался испуг.

Терреттт прильнул к Маретэн всем телом.

— Там. В. Темноте. Что-то. Есть, — выдавил он. — Страшное. Злое. Коварное.

— Что там есть? — с бешено бьющимися сердцами спросила Маретэн. — Что прячется в темноте?

— Злое. В. Темноте. Терпеливо. Ждет.

— Чего ждет?

— Злое. В. Темноте. Терпеливо. Ждет. Когда. Откроются. Все. Семь. И. Придет. Конец.

Потерявшись в темноте За Хара-ата, Риана думала, куда пропал соромиант и не нападет ли колдун снова. Она кружила по улицам, надеясь почувствовать пульсацию силовых ручьев. Внезапно ей показалось, что по телу разливается приятное тепло. Порывшись в карманах, девушка вытащила теплую каменную фигурку, которую подарил горский вождь Му-Аввул. Риана увидела, что фулкаан, священная птица пророка

Джихарра, стал ярко-оранжевым. *«Изображение фулкаана ис- точает силу и духовное богатство. Береги его»*. Потрогав фигурку большим пальцем, Риана тут же почувствовала сильную пульсацию ручьев.

Вернувшись на верный путь, девушка уже не в первый раз мысленно поблагодарила Му-Аввула. Ранее фигурка фулкаана смогла зарядить жезл, а теперь помогла ощутить пульсацию.

Риана спешила, надеясь оторваться от соромианта.

Ручьи уводили ее все глубже в лабиринт мертвого города. Риана то и дело замечала прямо посреди улиц ямы, как естественные, так и вырытые Бэйи Дас. В толщу земли уходили деревянные лестницы с обвязанными тряпками ступеньками. Над За Хара-атом висела тяжелая, похожая на туман тишина. Холодный ветер мел по пустынным улицам, завывал по углам. А соромиант исчез.

Следы присутствия Бэйи Дас встречались все реже и реже, когда ручьи вывели Риану на маленькую, ничем не примечательную площадь. Со всех сторон ее окружали дома. Риана присела и, коснувшись сердоликовой руны на булыжнике, прочитала название: Площадь Смертельной Опасности.

В самом центре площади находилась треугольная плита из черного базальта. Риана удивилась — базальт, встречающийся в Аксис Тэре на каждом шагу, совершенно неизвестен коррушам. Транспортировка наверняка обошлась в кругленькую сумму. Риана подошла поближе, увидев, что на постаменте стоит позеленевшая от времени медная чаша. Она обошла постамент, и волшебный шарик высветил руны, которые покрывали грани подножия. «Место грез», «Место истины», «Место глубочайшего знания» — так назывались и три срединные точки, на которых в монастыре Плывущей Белизны стояли келлы.

Риана тут же вспомнила, чему учила шима Ведда. Первый закон археологии гласил: «Чем больше труда вложено в строение, артефакт или резьбу, тем важнее оно было для наших предков».

Риана вскарабкалась на плинтус и, заглянув в медный сосуд, поняла, что это вовсе не чаша, а колодец, как и в монастыре, наполненный черной водой.

«Вуаль Тысячи Слез заключена в непроницаемую оболочку. — объясняла Перрнотт. — Она укрыта в огненном ларце, окруженном водой, а между ними — непроглядная тьма».

Риана поняла, что обнаружила воду, которая окружает огненный ларец.

31

ПОЯВЛЕНИЕ ЙА-ГААРОВ

Сидя на скамье под лоджией, Миннум мрачно смотрел на дождь, барабанивший по каменной цистерне в Музее Ложной Памяти. Капли дождя неистово стучали по крыше, но наблюдатель, крепко задумавшись, ничего не слышал. Любой калека иногда вспоминает о том, какой была жизнь, когда он был здоров, и Миннум, тоскуя по прошлому, испытывал нечто подобное. Он закрыл голову руками. Теперь ему казалось, что дождь смеется над ним. Черные мысли теснились в голове, словно тяжелые гвозди в кулаке кузнеца.

Стоит продолжать врать всем и, главное, себе? Или набраться храбрости и сделать то, что следовало сделать уже довольно давно?

Дождь, перешедший в мокрый снег, замерзал по углам двора и в сумеречном свете блестел, как паутина. Миннум всегда считал двор музея своим. Старику показалось, что это кое-что означает. Вопрос только в том, что именно...

Наконец наблюдатель встал, вошел в здание и остановился у огня, который полыхал в почерневшем от времени камине. Миннум протянул руки к очагу, чтобы немного согреться. Тут же за клубился дым, а огонь предупреждающе затрещал и замерцал. Миннум вздохнул, покачал косматой головой и, взяв острый гвоздь, проколол кожу на указательном пальце. Выдав несколько капель крови, он стряхнул их в огонь, который вспыхнул, издав негромкое «Вомп!». Пламя заколыхалось, будто от внезапного сквозняка, и в ту же секунду стало сине-зеле-

ным. Затем оно приобрело нормальный цвет, а перед камином выросла темная фигура.

Явившийся был закутан в полосатую, расшитую бусинками накидку, лицо скрывала белая вуаль с вышитыми письмами. Миннум прищурился, пытаясь определить — женская это фигура или мужская. Хотя какая ему разница! В любом случае показался друг из таинственного племени кочевников, что бродят по диким пустыням Большого Воорга. Миннум считал, что изначально друуги были рамаханами. Однако они ушли из монастырей, едва в них появились первые ростки неверия и коррупции. Друугов считали волшебниками и мистиками. И даже Миннум их побаивался.

— Зачем ты меня вызвал?

Смотрителю показалось, что друуг не говорил, а напевал.

— Архидемон на свободе.

— Да, на двух Порталах взломаны печати. Пэфорос...

— Пэфорос попал в наш мир? — Миннум раскрыл рот от изумления. — Я думал, на свободе лишь Хоролагтия.

Друуг медленно зашагал по залу.

— Мы знали, что это случилось.

Сила магии друугов заключалась в их языке, однако существовала и еще одна тайна этого племени, которую Миннум раскрыть не смог. «Сколько секретов, — подумал он. — И один страшнее другого».

— Не стоит недооценивать архидемонов, — сказал смотритель, пытаясь утвердиться в глазах друуга.

— Не стоит спешить, стремясь понять намерения архидемонов, — поправил друуг. Бусинки на его накидке мерно покачивались.

Бледные глаза кочевника пугали Миннума.

— Раз Пэфорос вернулся в наш мир, значит, ему нужна Вуаль Тысячи Слез, — проговорил смотритель.

— Ему нужна не только Вуаль, — пропел друуг, — а все секреты, что скрывает За Хара-ат.

— Но ведь Вуаль — это...

— Маасра! До чего ты себя довел, даже не можешь вспомнить нужное слово. — Друуг рассматривал экспонаты в хрустальной витрине. — Когда-то ты прекрасно говорил на Венче

и умело использовал силу магии. А теперь! Посмотри, как низко ты пал! — Друг резко повернулся и взял Миннума за руку. — Когда мы назначили тебя смотрителем и избавили от черного пальца, которым за общие грехи вас наградила Миина, ты не казался безнадежным.

Друг выпустил руку Миннума и, позвякивая бусами, двинулся к другой витрине.

— Какой толк в смотрителе с провалами в памяти? Миина забрала все, что когда-то составляло твою сущность. Бывший соромиант, теперь ты чувствуешь, что твоя сила утекает, как песок сквозь пальцы. Ты сжимаешь руки в кулаки, а она все равно уходит.

— Мог бы об этом и не напоминать. Я проторчал здесь столько лет в полном одиночестве. Никого не убивал и не гадал по внутренностям мертвых. Некромантией я не занимался с тех самых пор, как попал в музей.

— Ты пытаешься разжалобить меня или сам себя оплакиваешь? — Друг пел так, что вибрировал каждый камень здания.

— Я отдал гороновый цилиндр Дар Сала-ат. Все сделал так, как велел красный дракон. — Миннум старался не смотреть по сторонам, опасаясь, что друг изменит реальность. — Я стараюсь искупить вину, хотя, как ты сам сказал, песок все равно утекает.

В молчании друга сквозило неодобрение.

— У меня был гороновый жезл. И я им не пользовался.

Бледные глаза друга пригвоздили Миннума к полу.

— Говоришь, стараешься искупить вину? Однако из твоих слов ясно, что ты до сих пор жаждешь власти. Гороновый цилиндр предназначен для Дар Сала-ат. Если бы ты пытался им воспользоваться, тебе стало бы гораздо хуже, чем сейчас.

— Хуже не бывает. — Миннума трясло от переживаемых чувств. — Откуда тебе, святому из святых, знать, что такое быть проклятым. — Он запрокинул голову. — Хочу жить как раньше! — Миннум взвыл от боли и негодования.

— Того, что было, не вернуть. — Немного помедлив, друг двинулся к очередной витрине. — Впрочем, если захотеть как следует, можно начать новую жизнь.

Миннум удивленно смотрел на друга, в глазах смотрителя застыли слезы.

От ледяного взгляда пришельца перехватило дыхание.

— Когда-то ты был мудрым, это можно восстановить. Бесконечно благая Миина не лишила тебя такой возможности. Однако мудрость тебе придется искать самому в глубине собственного духа, там, где больше всего от нанесенной ею раны. Для чего ты меня вызвал, бывший соромиант? — спросил друг.

Миннум устало ссутулился.

— Мне показалось, что за годы... я...

— Скажи, ты чем-то недоволен?

— Не хочу...

— Нет. — Друг поднял загорелую руку. — Никогда не говори «не хочу», если точно не уверен, что тебя что-то не устраивает. Ты не случайно оказался в этом благословенном месте. В музее начнется твоя новая жизнь. Если, конечно, ты сам пожелаешь. — Друг вернулся к камину. — Нравится тебе это или нет, но ты прирожденный смотритель.

— Зачем нужен смотритель, который ничего не знает об экспонатах? — не выдержал Миннум.

— Знание — добродетель, пока его не помогают такие, как ты. Если оно попадает в лапы тебе подобным, то становится средством для достижения корыстных целей и превращается в оружие.

Пение друга стало таким резким и нестройным, что Миннум охватил волосатыми руками голову, опасаясь, что сейчас рухнет здание музея.

— Ты видел, как все происходило. Ты был там, когда украли Жемчужину.

— Да.

— Ты и не попробовал этому воспрепятствовать.

— Да.

— Ты присоединился ко злу и сам им заразился.

Миннума трясло, зубы стучали, и смотритель испугался, что наделает в штаны. Никогда в жизни ему не было так страшно.

— Попробуй вспомнить, где скрывается твоя мудрость. Она ждет тебя. В будущем, полном боли и страдания.

— Что же мне еще делать? — испуганно закричал Миннум. — Миина меня просто парализовала!

— Не тебе судить о поступках Великой Богини! Между прочим, она дала тебе чудесный шанс начать все сначала. Как ты им распорядишься, зависит только от тебя.

Миннум шагнул к другу.

— Хочу...

— Чего? Власти? Отомстить за то, что с тобой несправедливо обошлись?

— Ты издеваешься.

— Хочешь спросить, как долго продлится наказание?

Миннум отчаянно топнул ногой, хотя именно это он и собирался спросить.

— Чего же ты хочешь, бывший соромиант? Придется сказать правду. Ведь если ты солжешь, я сразу же пойму, и тебе придет конец.

В этом Миннум ничуть не сомневался. Сердце бешено билось. На ветку села ворона, Миннум четко видел ее силуэт. Приняв решение, он почувствовал какое-то облегчение. Окажется, изливать душу порой даже полезно.

— Хочу жить без страха, — выпалил он.

Страшные бледные глаза сузились, и Миннум понял, что друг улыбается.

— Хорошо, — пропел друг, — начало неплохое.

— Что он мне говорил? Ах да, из-за того, что ты молодой и наглый, он велел за тобой присматривать. — Строй-генерал Визэррент презрительно сморщился. — Так что я должен шпионить за тобой ради твоего же блага и во имя в'орнновской нравственности.

— Он хочет поссорить нас, — проговорил Олннн, — и натравить друг на друга. Именно так он уничтожил собственного отца и Киннния Морку. Курган просто смотрел, как они рвут друг другу глотки.

Визэррент и Олннн стояли под полосатым навесом переполненного кафе. Совсем неподалеку дождь с металлическим лязгом стучал по огромной площади. На ярко освещенном ринге дородный месатггун схватился с кхагггуном. Восхищенная

толпа бесновалась, шумела, ликовала, обливалась потом. По-видимому, никто не замечал дурной погоды, хотя борцы то и дело спотыкались на скользком ринге.

Офицеры уже обменялись новостями о желании Кургана приостановить имплантацию окумммона кхагггунам.

— Ты был прав, звезд-адмирал, — пробормотал строй-генерал Локкк Визэрррент.

На лице Олннна Рэдддлина заиграла кривая улыбочка.

— Как обычно, друг мой.

— Что-то мне не по себе.

Через плечо Олннн взглянул на Раду в сине-зеленой форме с золотистой символикой звезд-адмирала на плече. Похоже, у него будут неприятности и придется занять жесткую позицию. Чтобы добиться своего, всегда приходится давить на других.

— Рада — мой адъютант. Она везде ходит со мной.

— Но... тускугггун. Что за ерунда, звезд-адмирал! Зачем выставлять себя на посмешище?

Судорожно стиснув руки за спиной, Олннн стал наблюдать на событиями на калллистоте. Ход боя переломился — кхагггун все сильнее теснил дородного месэгггуна. Кровь текла рекой, а крики беснующейся толпы становились все громче.

— Неужели нужно напоминать, что у кхагггунов очень плохая память? «Что ты можешь для меня сделать?» — вот их девиз. А почему бы и нет? Они рискуют жизнью каждый день. Неудивительно, что им требуется ежедневно напоминать, за кого они должны сложить голову.

На калллистоте месэгггун закатил глаза. Зрители взвыли, предвкушая его скорый конец.

— Они как дети, звезд-адмирал. А у детей от любви до ненависти один шаг. — Визэрррент держался неестественно прямо и смотрел на победителя, который ликующе поднял руку. — Нелегко быть идиолом. Соответствовать завышенным ожиданиям толпы иногда невыносимо. Малейшая ошибка — и те, кто вчера тебя обожал, начинают ненавидеть. Почему? Потому что не могут простить, что ты сделал из них идиотов.

— Ты считаешь назначение Рады ошибкой? — спросил Олннн.

— Да ладно, звезд-адмирал. Разве то, что я думаю, имеет какое-то значение?

— Напротив, Локкк. На твое мнение ориентируется кхаггунское командование, средние эшелоны и рядовые кхаггуны. — Олннн улыбнулся и примирительно поднял руку. — Не стоит тратить время на пустые пререкания.

— Регент обещал мне повышение, — признался Виэрррент. Олннн смотрел на серебристый дождь.

— А ты этого хочешь?

— Подачи регента мне не нужны.

Олннн улыбнулся, прекрасно понимая, что имеет в виду строй-генерал.

— До сих пор вакантна должность адмирала сухопутных войск.

— Мне больше нравится звание флот-адмирала.

— Столь стремительный карьерный рост наверняка вызовет пересуды. На Кундале было всего два флот-адмирала.

— Разговоров будет не больше, чем о твоём адъютанте, — сухо сказал Виэрррент.

— Я сам назначил ее на эту должность, — рявкнул Олннн. — Если этого недостаточно...

— Мне-то все равно, звезд-адмирал, — пожал плечами Виэрррент. — Удивительно то, что у нее ударный меч. Естественно, все это просто спектакль, и кхаггуны ее никогда не примут.

Теперь Олннн понимал, что может случиться. Если Раду не примет Виэрррент, а за ним и все остальные кхаггуны, то это вызовет массу осложнений.

Олннн знаком велел Раде подойти ближе.

— Предлагаю пари. Яставляю на каллистот своего адъютанта против любого из твоих кхаггунов. Если она проиграет, я ее выгоняю, а ты становишься флот-адмиралом. Если она выиграет, то остается, ты сохраняешь нынешний пост, а твоего кхаггуна понижают в должности. — Олннн ухмыльнулся. — Что скажешь?

— Ты блефуешь, — прорычал Локкк Виэрррент.

— Выбери кхаггуна.

Виэрррент так и застыл в нерешительности. Рада видела, что он колеблется, взвешивая все «за» и «против». На кону

было слишком много — повышение, к которому генерал, по-видимому, очень стремился, против риска опозориться. Раде показалось, что Локкк откажется. С другой стороны, если он не примет вызов, то все равно продемонстрирует слабость. Она испугалась, что Олннн переиграл и загнал строй-генерала в угол. За годы работы в «Кровавом приливе» Рада научилась улаживать споры среди посетителей и знала цену уменью идти на компромисс.

— Строй-адмирал, — выпалила она, прежде чем тот мог ответить, — могу я...

— Молчите, адъютант, — велел Олннн, бросая на Раду уничтожающий взгляд. Неужели она не понимала цену этого пари? — Отвечайте, только когда вас спрашивают.

— Подождите, звезд-адмирал, — проговорил Виэрррент, готовый на все, чтобы отдалить решение неприятной проблемы. — Интересно, что она скажет?

Под свирепым взглядом Олннна Виэрррент заговорил с Радой, как с ребенком.

— Говорите, безымянный адъютант. Не бойтесь, я давно знаю звезд-адмирала. Очень часто он рычит, когда вовсе и не собирается кусаться.

— Меня зовут Рада, строй-генерал. Адъютант Рада Тур-Плиен. — Она не спеша вытащила свой меч из ножен. Оба кхагггуна следили за ней не отрываясь. Ни один из них не знал, что у Рады на уме, чего она, собственно, и добивалась. Не сказав ни слова, она снова превратила их в союзников. Теперь они вдвоем были против нее, и обоим сразу полегчало. — Строй-генерал, звезд-адмирал сам меня готовил. Раз вы давно его знаете, то понимаете, что я имею в виду. Я умею сражаться на мечах, у меня хорошая скорость и реакция. Но зачем обманывать себя? Ни с одним из ваших кхагггунов, отполировавших свои умения в многочисленных битвах, мне не сравниться. — Рада перевернула меч и, положив лезвия себе на ладонь, протянула рукоятку Виэррренту. — Я сдаюсь вам, строй-генерал.

Но между ними уже встал Олннн.

— Рада, это невозможно. Пари заключили мы со строй-генералом, и не тебе решать...

Положив руку на плечо адмиралу, Виэрррент не дал ему договорить.

— Звезд-адмирал, она в форме и при оружии. Она имеет право.

Олннн обернулся.

— Но, Локкк...

— Так мы считаем ее равной или нет?

Поколебавшись, Олннн отступил.

— Тогда возьми ее меч.

Виэрррент не шевелился.

— Активизируй его.

— Что? — не поверил своим ушам Олннн.

— Если она кхагггун, то должна уметь обращаться и с активизированными лезвиями.

— Она не готова и понятия не имеет о том, что произойдет.

Виэрррент пристально посмотрел на Раду.

— Она мне сдалась, а я не прошу от нее ничего необыкновенного.

Рада подумала, что вид у Олннна весьма обескураженный. Он кивнул. Раде не пришлось заглядывать ему в глаза, чтобы понять — к такому повороту событий он не готов.

Прекрасно понимая, что за ней наблюдает строй-генерал, Рада выдержала его взгляд. Краем глаза она заметила, что Олннн отступил на шаг. Однажды она уже держала в руках активизированный меч и знала, что случится дальше. Олннн активизировал лезвия меча, и от сильного ионного потока женщина забилась в агонии. Дышать становилось все труднее, но Рада не закричала и даже не поморщилась. Понимая, что кхагггуны по-прежнему за ней наблюдают, она старалась глубоко дышать, пока боль не докатилась до сердец. Поток такой силы мог парализовать все жизненно важные органы, и руки Рады задрожали.

— Строй-генерал, — тихо позвал Олннн.

Виэрррент притворился, что ничего не слышит.

Затряслись предплечья. Огромным усилием воли Рада заставила себя глубоко дышать и не выпускать меч из рук. Вот боль пронзила позвоночник, поднялась к затылку, Рада испугалась, что мозг сейчас взорвется. Все тело била жуткая дрожь.

Будто издалека она услышала голос Олнна.

— В Н'Луууру, Локкк, хватит!

— Выключай, — кивнул строй-генерал.

Олнна уже потянулся, чтобы отключить ионный поток, но Виэрррент схватил его за руку.

— Подожди, пусть она все сделает сама.

— Локкк...

— Если она справится, — неумолимо продолжал Виэррент, — я забуду о ее капитуляции. Пусть остается адъютантом. — Он быстро взглянул на Олнна. — А ты, звезд-адмирал, дашь мне то, что я хочу.

Рэдддлин с тревогой взглянул на Раду и громко ее позвал. Женщина не ответила.

Уже дважды перед глазами темнело, и она едва не теряла сознание. Колени стали ватными, и ей казалось, что терцевый обруч сжимается вокруг груди и мешает дышать.

Олнна снова окликнул Раду.

Она едва не лишилась чувств, сжимая лезвия в одной руке, и все же другой Рада нащупала кнопку, которая отключала гиперактивные ионы. Распухшие пальцы ничего не чувствовали, и она чуть не расплакалась от боли и досады. Неужели она терпела напрасно?! Но вот ей удалось нажать на кнопку, и ионный поток иссяк.

В глазах застыли слезы. Олнна собирался забрать у нее меч, когда вмешался Локкк Виэрррент. Он вынул меч из онемевших пальцев Рады и аккуратно вложил его в ножны.

— Звезд-адмирал, думаю, адъютант ТурПлиен заслуживает крепкого напитка!

Официантка приготовила столик, и они сели — Рада между Олннном Рэдддлином и Локкком Виэрррентом. На нее уставились все посетители, но женщине было все равно. Виэррент заказал «Шакалов Н'Луууры» — немного нумаадиса, залитого медом.

Осушив бокал с коктейлем, Рада почувствовала, что тело начинает оживать. Тайком от мужчин она сгибала под столом распухшие пальцы.

Локкк Виэрррент вытер губы.

— Звезд-адмирал, наверное, я не ошибусь, если скажу, что пари между друзьями ведут к раздору. Хорошо, что все решилось само собой. — О Раде генерал не говорил, даже не взглянул на нее. Он заказал ей коктейль, настоящий кхагггунский коктейль, и хватит!

— Согласен, флот-адмирал.

— До официального приказа я по-прежнему строй-генерал.

— В любом случае теперь ты перестанешь мне завидовать.

— Я никогда и не завидовал.

— Даже отец позавидовал бы тому, что я стал звезд-адмиралом в таком возрасте.

Локкк Визэрррент откашлялся. Он-то знал цену таким словам. Кхагггуны избегают говорить о сыновней привязанности. Их учат, что настоящей семьей кхагггуна является отряд, а поступками должна руководить преданность, а вовсе не любовь. Именно поэтому признание Олнна было особенным.

— Кажется, пришло время двух армий.

Олннн развел руками.

— Это притча. — Визэрррент мельком взглянул на Раду. — Почему-то мне кажется, что вы должны ее услышать, адъютант. — Генерал сложил руки перед собой. — Когда-то жили два брата, любившие друг друга так сильно, как только могут любить братья. Но вот старший стал регентом и, обремененный властью, отдалился от младшего. Шли годы, братья все реже разговаривали и все чаще ссорились. Из-за чего? Из-за мелочей, над которыми раньше смеялись. Со временем мелочи накапливались и начинали раздражать, потому что за ними стояли более серьезные разногласия. Братья спорили о политике, протоколе, злоупотреблении властью и, наконец, о том, какими должны быть законы. И вот младший брат, полный праведного, как ему казалось, гнева, собрал армию единомышленников. Узнав об этом, старший собрал свою армию и назначил вознаграждение за голову брата.

— Это правда?

Визэрррент поджал губы.

— Разве это важно?

Быстро опустевшую после кровавого матча площадь заливал дождь.

— В предрассветный час армии сошлись, — продолжал Виэррент. — Силы были примерно равными, так что обе стороны понесли огромные потери. И самое страшное, что к концу дня от каждой из армий осталось лишь по горстке искалеченных полуживых воинов, уже не понимавших, ради чего они сражаются и где враги.

Лишь братья, наблюдавшие за ходом битвы с высоких аванпостов, не забыли ничего. Увидев, что все их окружение перебито, они отправились навстречу друг другу по скользкому полю, где еще недавно гремела битва. Сердца ожесточились, зависть и ненависть наполняли их желанием биться до последней капли крови. Братья сражались всю ночь, пока не стало невозможно дышать. Из несметного количества ран сочилась кровь, а ноги ослабели настолько, что бойцы едва не падали. Вот старший брат поскользнулся, и младший, воспользовавшись случаем, нанес смертельный удар.

Поднялся ветер, и тяжелый снег падал на навес, будто ворона на остывший труп.

— Чудесная притча, — похвалил Олннн, — еще раз доказывает, как опасно иметь слишком большую власть.

— Это еще не конец, — осадил его Виэррент. — Младший брат так ослабел от ран, что не смог оказать никакого сопротивления, когда один из его воинов пронзил его сердца. Этот в'орнн, перв-капитан, обезумевший от крови и убийств, тут же объединил остатки обеих армий и провозгласил себя регентом. Однако деяния бывшего регента не шли ни в какое сравнение с тем, что вытворял дорвавшийся до власти вояка.

— А куда же смотрел гэргон? — удивленно спросил Олннн.

— Что? — переспросил Виэррент.

— Неужели гэргон допустил что-то подобное?

— Это же притча, — проговорил Виэррент.

— Ну конечно!

— А также предупреждение.

Олннн сложил руки на груди, а Виэррент стал катать по столу пустой кубок. Какое-то время они смотрели друг на друга. Мимо прошла официантка с подносом, полным еды, другая начала убирать со стола. В глубине зала слышался развязный смех баскира. В таверне появились два огромных месаггуна,

которые отряхивались, словно собаки, источая запах масла и дегтя. Дождь заливал площадь.

Олнин потрогал свой окумммон.

— В Н'Луууру! — прорычал он. — Мы как телята перед закланием.

— Почему? Мы ведь можем сначала убить регента.

Конара Инггрес возвращалась в монастырь Плывающей Белизны с некоторым трепетом, если не сказать — со страхом. Встретаться с архидемонами в облике Джийан и Бартты не хотелось, поэтому она переместилась прямо в треугольный келл. В священной палате Миины ей было спокойно, будто здесь до сих пор витал дух Великой Богини.

Инггрес тошнило, и она подумала, что это от сильных переживаний. Впрочем, довольно скоро ей стало лучше.

Вспомнив наставления Первой Матери, она зажгла тростниковый факел, в свете которого увидела, что цитриновая статуя Гоша стоит не там, где в прошлый раз. Теперь она была у стены, будто кто-то пытался задвинуть скульптуру в нишу, где ей и полагалось стоять. Конара Инггрес испуганно оглянулась по сторонам, ожидая нападения из-за угла. С неистово бьющимся сердцем она проверила каждую трещину, каждый уголок, желая убедиться, что, кроме нее, в келле никого нет.

По лицу градом катился пот, конара Инггрес вытерла его рукавом накидки и, положив горящий факел на литую бронзовую полочку, склонилась над страшным и в то же время прекрасным ликом змея. Приглядевшись, она обнаружила, что глаза — отдельные неограниченные цитрины с вырезанной радужкой и тонким зрачком. Почти коснувшись правого глаза рукой, конара заколебалась. Статуя была такой прекрасной, что казалась живой. Инггрес стало страшно, что змей ее ужалит. Однако, вспомнив, что Первая Мать велела спешить, она собралась с силами.

Пальцы коснулись холодной поверхности полудрагоценного камня. Конара Инггрес повернула цитрин три раза влево, и он упал ей на ладонь. Камень был очень тяжелым, рука замерзла и задрожала.

Но конара Ингрес смогла удержать камень. Послушно следуя инструкциям Первой Матери, она взяла факел и опустилась в третий келл правильной квадратной формы. Мерцающий свет факела отражался на блестящем полированном полу. На женщину смотрели три йа-гаара. По крайней мере они и базальтовая крышка были на тех же самых местах, что и в прошлый раз.

Вздохнув с облегчением, конара Ингрес присела у колодца, опустила цитрин в неподвижную черную воду и принялась считать до тридцати. Пальцы с цитрином были совсем неглубоко, и конара Ингрес могла наблюдать за камнем под водой. Она заморгала, отказываясь верить глазам. Вырезанные в цитрине радужка и зрачок будто ожили. Казалось, черная вода превращает неограниченный цитрин в настоящее око Гоша.

Радужка становилась серебристо-серой, а зрачок — темно-фиолетовым. Тридцать секунд истекли, и конара Ингрес вытащила камень из воды. Что Первая Мать велела делать дальше? Ах да, пока он еще не высох, его следовало приложить в центр лба, именно туда, где находится Третий Глаз.

Конара Ингрес уже собиралась последовать совету Джий-ан, когда почувствовала, что в колодце нечто шевелится. На воде появилась легкая рябь, Ингрес нагнулась и увидела в черной глубине какое-то движение.

Вдруг поверхность воды забурилась, и из белой шапки пены выпрыгнула Бартта — бледная, ухмыляющаяся, с глазами на выкате.

Конара Ингрес вскрикнула и отступила от черной воды. От сильного испуга она выронила цитриновый глаз, который покатился по полу келла. Конара Ингрес застонала и поползла за ним на четвереньках, но Бартта поставила ей подножку и повалила на живот.

Бартта уселась на нее верхом, и Ингрес стало трудно дышать. Бывшая настоятельница открыла рот, высунув страшный сине-черный язык, который обвился вокруг волос конары Ингрес. Дергая за волосы, Бартта заставляла Ингрес запрокидывать голову.

— Ты ослушалась Мать, — прошипела Бартта явно не своим голосом. — Ты нам врала. У тебя есть Дар, ты умеешь

припрыгивать. — Черный язык тянул все сильнее, конаре Ингрес приходилось неестественно выгибаться, и она вскрикнула. Боль пронзила шею и плечи, перед глазами возникли красные пятна.

— Побывав в Иномирье, ты узнала правду. В живых тебя оставлять нельзя. Даже как гостевое тело. Ты стала слишком опасна.

Бартта издавала жуткий звук, похожий на жужжание десяти тысяч голодных ос, опускающихся на клеверное поле. Вздрыгнув от ужаса, конара Ингрес поняла, что архидемон в теле настоятельницы смеется.

— Ты мерзкая безвольная гусеница, — прокаркала Бартта, — какое право ты имеешь жить на свободе, в то время как мы томились в грязной темнице веками?

Бартта больно ткнула Ингрес в бок острым ногтем.

— Вы, рамахане, глупы, как свиньи. Отцу давно следовало уничтожить вас всех сразу, вместо того чтобы медленно разлагать вашу религию. Я не так терпелив, как он! Вырвавшись из треклятой тюрьмы, я уничтожу всех тех, кто меня туда засадил!

Конара Ингрес молчала. Во-первых, ей было очень страшно, во-вторых, от каждого прикосновения Бартты тело испытывало страшную боль. А еще конара старалась не потерять из виду цитриновый глаз, который отскочил от стены и покатился по полу.

— Думаешь, я хочу тебя убить? Нет, смерть была бы слишком легким избавлением. Я оставлю тебя в живых, ты будешь моей игрушкой, — горячо шептала на ухо Бартта. — Будем играть в пытки, бесконечные пытки! Каждый день, на протяжении многих месяцев, может, даже лет, я буду возвращаться сюда и мучить тебя до полусмерти. Боль станет твоей лучшей подругой, вторым «я». А однажды ты просто свихнешься от мучений и превратишься в животное.

Крепкие пальцы все глубже впились в конару Ингрес, заставляя кричать.

Слезы застилали глаза, но Ингрес увидела, что цитриновый глаз остановился у ноги йа-гаара. Несмотря на жуткую боль, она обрадовалась, заметив, что цитрин по-прежнему свер-

кает от колодезной воды. В памяти всплыло предупреждение Первой Матери, что глаз должен оставаться влажным, иначе потеряет всю силу.

— Что ты делаешь? Пытаешься припрыгнуть? Я заранее позаботилась, чтобы у тебя ничего не вышло. — Сине-черный язык продолжал тянуть конару Инггрес за волосы. — Я заставлю тебя слушать внимательно!

Конара Инггрес попыталась подползти к передней ноге йа-гаара. Бартта была невысокой, а с тех пор, как стала гостевым телом архидемона, еще и потеряла в весе. Однако демон сделал ее гораздо сильнее. Всего несколько шагов вперед — и Бартта, заломив Инггрес руки, начала их ломать и выкручивать.

— Я знала, что ты будешь сопротивляться, — зашипела Бартта. — Очень хорошо! Я уже придумала, как тебя усмирить. — Она подняла голову и ухмыльнулась. — Эй, где ты? Покажись!

Услышав команду, из верхнего келла спустилась конара Лиистра. Лицо ее казалось безжизненным, пустые глаза смотрели прямо перед собой.

Конару Инггрес парализовал ужас, а Бартта смеялась так, что горло дрожало, будто у гигантской лягушки.

— Ты скоро поймешь, что пытки могут принимать самые разные формы, — радостно сообщила бывшая настоятельница. — Вот тебе и первая! — Посмотрев на конару Лиистру, Бартта приказала: — Возьми иглу, которую я тебе дала, и воткни ей в шею.

— Что вы с ней сделали? — воскликнула конара Инггрес. — Ведь я ее освободила!

— Конечно-конечно, — закудаhtала Бартта, увидев, как, неловко подсакивая, к ним направляется конара Лиистра, — но мы с Хоролаггией схватили ее горяченькой. Поразительно, что ты сумела выкинуть — убить, хладнокровно раздавив, одного из нас! Но подружку свою ты бросила, и мы забрали ее себе. Увы, не так, как раньше. После того, что ты сделала, она уже не сможет быть гостевым телом. Так что пришлось повозиться. Мы отделили ее дух и, поместив в черную бутылочку, спрятали в теле так, что она никогда его не найдет. Теперь она слушает только нас и никого другого.

— Лиистра, — позвала конара Ингрес, — ты должна сопротивляться! Попытайся отыскать свой дух.

Конара Лиистра приближалась, ее походка была престранной — казалось, ноги женщины не гнутся. Архидемон в теле Бартты трясся от смеха.

— Ну-ну, продолжай, — насмехался демон. — Поговори с ней, если очень хочется.

— Лиистра, послушай меня, — взмолилась конара Ингрес, — вспомни, что я говорила о вере.

— Вера, вера, вера, — с издевкой пропела Бартта, насмехавшись над самым словом.

Ингрес пыталась не обращать на нее внимания.

— Если ты сомневаешься, то кто будет направлять тебя и защищать? Без веры ты останешься совсем одна и пропадешь. Этого нельзя допустить.

— Бедняжка, у нее просто нет выбора, — прошипела Бартта.

Дерзкие слова архидемона эхом раздавались в ушах конары Ингрес. Было ясно, что грубой силой ей не одолеть архидемона, однако магия — совсем другое дело. Из книг Ингрес знала, что демоны не владеют Осору. Сможет ли она использовать его против архидемона?

Конара Ингрес не обращала внимания на боль, насмешливые слова Бартты и на то, что лучшая подруга приближается к ней с иглой, отравленной одной Миине известно каким ядом. Выкинув все из головы, она открыла Третий Глаз.

— Что ты делаешь? — будто издалека прокаркала Бартта. — Говорю же тебе, отсюда не припрыгнуть!

Конара Ингрес наложила Пересекающего Гостя. С помощью этого заклинания она отыскала дух Лиистры, спрятанный в волшебной бутылке, и тут же, наложив Белый Колодец, вобрала сосуд в себя.

— Я спрашиваю, что ты делаешь, идиотка? — закричала Бартта, сильно дергая конару Ингрес за волосы. Ответа не последовало, и настоятельница ткнула Ингрес в спину острым подбородком.

Конара Ингрес ударилась лицом о базальтовый пол и, почувствовав жуткую боль, поняла, что сломала скулу. И все же отвлекаться было нельзя. Наложив определяющее заклинание,

она начала раскладывать бутылку на составляющие, чтобы освободить дух.

Возможно, было уже поздно, потому что конара Лиистра оказалась совсем рядом и по команде Бартты готовилась воткнуть иголку в шею Ингрес.

— В сонную артерию! — кричала Бартта. — Коли туда, где конарт подействует быстрее.

Неожиданно для самой себя конара Ингрес начала биться в судорогах, сила заклинания ослабла, и темная бутылка перестала разлагаться. Женщина быстро взяла себя в руки и тут же почувствовала тепло — дух конары Лиистры перетекал в ее тело.

И одновременно она ощутила прикосновение иголки.

— Ты должна верить, Лиистра! — выдохнула конара Ингрес. — Не давай злу отравить себя.

— Сил нет, — тупо проговорила конара Лиистра.

— Верь в Миину, и она даст тебе силы.

Глаза конары Лиистры закатились, будто внутренняя борьба полностью истощила ее.

— Ингрес, это ты? — хрипло прошептала Лиистра, отодвинув иголку от шеи. — Что случилось? Я ничего не помню...

— Подними цитриновый шарик у ноги йа-гаара и дай мне. Архидемон тут же проявил дикое любопытство.

— Что? Что случилось? Зачем тебе шарик?

— Замолчи! — сквозь пелену боли проговорила конара Ингрес и тут же получила под ребра.

Конара Лиистра отвернулась. Теперь она бессмысленно смотрела на цитриновый шарик.

— Лиистра, подними его, — торопила конара Ингрес, — и дай мне.

— Правильно, — шипела Бартта, — подними его и принеси мне. Я твоя начальница, детка. Ты будешь делать то, что скажу я. Или тебя выгонят из монастыря.

— Не слушай ее, Лиистра, она одержима архидемоном. Все, что она говорит, — ложь!

Конара Лиистра опустила на четвереньки, удивленно посмотрела на обеих и подняла глаз Гоша.

— Сюда! — завывала Бартта. — Неси его сюда!

Взглянув на цитрин, Лиистра заметила, что он мокрый, и начала его вытирать.

— Нет! — в ужасе закричала конара Ингрес. — Он должен быть влажным, Лиистра, поняла?

Конара Лиистра подняла на подругу налитые кровью глаза и кивнула.

— Почему? — вскрикнула Бартта. — Почему, почему, почему?

— Ингрес... — Лицо конары Лиистры превратилось в маску.

— Не слушай архидемона, — просила конара Ингрес, — дай мне цитрин.

Находящаяся всего в полуметре от нее Лиистра заколебалась.

— А что, если это Бартта? Если я ослушаюсь, меня выгонят!

— Конечно, детка. — Бартта поманила ее пальчиком. — Чтобы вернуть мое расположение, достаточно отдать мне цитринный шарик.

— Это не Бартта, — сказала Ингрес, — ее телом владеет архидемон. Верь мне и Миине.

Конара Лиистра кивнула и отдала подруге влажный цитрин. В тот же момент раздался яростный крик Бартты, и опять высунулся длинный сине-черный язык.

Тем временем конара Ингрес окровавленной рукой прижала глаз Гоша ко лбу.

Сине-черный язык словно меч проткнул горло конары Лиистры. Она закричала, задыхаясь и захлебываясь кровью.

Коснувшись кожи конары Ингрес, глаз Гоша, смоченный водой из священного колодца, тут же проник внутрь и, раздвигая мягкие ткани, стал продвигаться к черепу. Едва он достиг коры головного мозга, как вспыхнул волшебный свет, который, попав на скульптуры йа-гааров, немедленно пробудил их к жизни.

Конара Ингрес с удивлением обнаружила, что держит на привязи йа-гааров. Испугавшись, она тут же выпустила привязь из рук, подарив йа-гаарам свободу.

Почувяв волю, йа-гаары несколько секунд привыкали к полутьме келла, а потом их блестящие глаза уставились на Барт-

ту. Или, точнее, на того, кто прятался в ее теле. Злобно рыча, йа-гаары бросились на бывшую настоятельницу, словно живые снаряды.

Архидемон едва успел спрятать мерзкий длинный язык, когда ожившие скульптуры оторвали Бартту от конары Инггрес, которая, как мяч, покатилась к стене, закрыв руками лицо и поджав колени. Йа-гаары не удостоили ее взглядом, они начали терзать Бартту, разрывая зубами и когтями, столь варварским способом стараясь изгнать архидемона, который, подобно удаву, обвился вокруг позвоночника настоятельницы.

Похоже, у них неплохо получалось, потому что из широко открытого рта Бартты послышался звук, который не мог издать ни один кундалианин. В отчаянном крике, который не мог присниться конаре Инггрес в самом жутком сне, смешались гнев и боль.

Однако в тот момент Инггрес не обратила на вопль архидемона особого внимания. Позабыв про страдания и текущую из разбитой скулы кровь, она поползла к неподвижно лежащей на базальтовом полу подруге.

— Лиистра, — прошептала конара Инггрес, положив голову приятельницы на колени. Тщетно она пыталась остановить кровь, текущую из рваной раны в горле. Сжимая подругу в объятиях, Инггрес наклонилась и нежно поцеловала ее в лоб. — Я здесь. И Великая Богиня тоже, мы обе с тобой.

Лицо конары Лиистры было мертвенно-бледным. Тело била мелкая дрожь, из груди вырывались хрипы. Тем не менее, услышав голос подруги, она открыла глаза и улыбнулась.

— Ты была права. Во всем. — Из полуоткрытых губ Лиистры повалила густая кровавая пена. — Если я поверю в Миину, она спасет меня от смерти?

Конара Инггрес заставила себя улыбнуться.

— Почему ты думаешь о смерти? Ты не умрешь!

— Архидемон нанес смертельную рану, нет никакой надежды.

— Нужно верить и надеяться. — Инггрес еще сильнее прижала к себе подругу.

— Я надеюсь, — прошептала конара Лиистра. Внезапно выражение лица изменилось, и изо рта снова повалила пена. — Я

вижу ее! Ингрес, смотри! Я вижу Великую Богиню! Она действительно существует!

В углу келла три йа-гаара шумно и сосредоточенно раздирали тело Бартты.

Конара Ингрес закрыла глаза и начала молиться.

Священные йа-гаары завывли, и Миине известно, что это означало.

Ингрес взглянула на конару Лиистру — налитые кровью глаза смотрели мимо нее, куда-то в полоток келла. Скорее всего в них отражалась Миина или то, что показалось Лиистре.

Дальние Миры. Темнота. Пустота.

Смерть.

Конара Ингрес запрокинула голову, и ее жалобный плач слился с жутким воем йа-гааров.

32

СВЕТ, ПЛЫВУЩИЙ НАД ВОДОЙ

Окунувшись в черную воду, Риана удивилась, что колодец построен не на самой точке пересечения силовых ручьев. От этой мысли и низкой температуры воды ей стало страшно, и девушка не знала, на что решиться.

Над площадью проносились летучие мыши. Затем, будто по мановению невидимой руки, Риану потянуло ко дну. Вода была тягучей и подчинялась только собственным законам. Похоже, в тот момент течение собиралось затащить Риану на глубину. Кромешная тьма действовала угнетающе, и Риана заработала руками и ногами, пытаясь выбраться на поверхность. Правда, ей не удавалось даже держаться на одном месте, девушку засасывало все глубже и глубже. Подавив панику, она попыталась настроиться на пульсацию ручьев, но, кроме холода, не почувствовала ничего.

Отсутствие света стало нестерпимым, и с помощью несложного заклинания Риана перенесла волшебную лампу в самый

центр колодца. И от лампы вспыхнули десять тысяч крошечных огоньков, танцующих в темной воде. Они располагались не беспорядочно, а, как заметила Риана, в виде спирали; опускающейся в глубь колодца. Коснувшись спирали, девушка почувствовала, что пульсация ручья пронзила руку. Так вот почему колодец находится не на самой точке пересечения ручьев! По нему протекал необычный поток, который разбивался на спирали, вместо того чтобы течь по прямой.

То и дело касаясь световых спиралей, Риана позволила опустить себя ниже, к месту, где вода неожиданно закончилась. Девушка попыталась вдохнуть.

И поняла, что оказалась в вакууме.

В кхаггунской казарме было жарко, а от взгляда на бесконечные ряды инфодесятиугольников Раде стало еще жарче. Пот струился по спине, форма неприятно липла к телу. Казарму будто мерили четкими шагами кхаггуны с остекленевшими глазами и поджатыми губами. Позади Олннн беседовал с двумя офицерами. Оба были довольны ходом войны с Сопротивлением. Кундалиане несли огромные потери, намечались все новые и новые облавы на партизан. Майя и Бассе оказались правы, пора принимать радикальные меры.

Рада решительно направилась к ярусам инфодесятиугольников. Она знала, где лежит то, что ищет, потому что накануне видела, куда положил его командир взвода, собиравшийся сопровождать конвой. Рада выяснила, когда придет командир, и ухитрилась подсмотреть место, на которое он положил инфодесятиугольник. Все сложилось как нельзя удачно, потому что конвой должен был покинуть Аксис Тэр на день раньше.

Рада осторожно посмотрела через плечо. Олннн был поглощен разговором с офицером. Конвой должен был отправиться утром. Сейчас или никогда. Потянувшись к полкам, женщина схватила десятиугольник и сунула в считыватель. Экран вспыхнул, и Рада вся подобралась. На то, чтобы запомнить маршрут, у нее ушло несколько секунд, но ей показалось, что они длились целую вечность.

Услышав, что ее зовет Олннн, Рада вздрогнула, выхватила десятиугольник из устройства и засунула обратно на полку.

Медленно обернувшись, она подошла к адмиралу, в глазах которого застыл вопрос.

— Чем это ты занималась?

— Уточняла твоё расписание на сегодняшний вечер.

Он кивнул.

— Хочу попросить тебя об одолжении. — Адмирал отвел Раду в отдаленный угол, где никто не мог их видеть, и положил на ладонь инфодесятиугольник. — Отнеси его строй-генералу Локкку Визэррренту, он сейчас в западном арсенале. Десятиугольник нужно передать ему лично в руки. Дождись ответа и принеси мне. Все ясно?

Рада кивнула и с облегчением вышла из казармы.

Нести десятиугольник в ладони было довольно тяжело. Раз Визэрррент в западном арсенале, значит, он руководит последними приготовлениями к отправке конвоя. Прежде чем сесть в звездолет, Рада связалась с Маретэн, которая навещала своего брата Терреттга в «Недужном духе». Рядом с художницей был Сорннн. По тону Маретэн Рада поняла, что отвлекла ее от важного разговора.

Зарегистрировавшись в звездолете, бывшая хозяйка таверны подняла машину в воздух и тут же сунула десятиугольник в портативный считыватель в кабине. Не терпелось узнать, дал ли Олннн конвою какие-то дополнительные указания. Однако тут ее ждало разочарование: вся информация была зашифрована.

Вуаль Тысячи Слез укрыта в огненном ларце, окруженном водой, а между ними — непроглядная тьма.

Вися в полном вакууме, Риана чувствовала, что легкие вот-вот разорвутся. Она пробовала наложить Житницу Земли, самое мощное из живительных заклинаний, чтобы создать вокруг себя воздушный пузырь. Но каждый раз, едва раздувшись, пузырь лопался.

Голова болела все сильнее, Риана уже не понимала, где верх, где низ. Пустота казалась всепоглощающей, девушку снова охватила паника, превращая мысли в стайку перепуганных птиц, разлетающихся во всех направлениях.

От недостатка кислорода в висках застучало. Должен же существовать какой-то выход из этого вакуума, нужно только

его найти. Риана понимала, что надо спокойно все обдумать, но мешал всепоглощающий страх. Что же делать? Одну проблему она решила, осветив черную воду волшебным фонариком. А здесь вдобавок к темноте еще и не было воздуха. Идея с пузырями провалилась...

Риана вздрогнула. Что-то случилось. Почувствовав, что спина покрылась холодным потом, девушка поняла, что на несколько секунд потеряла сознание. Нельзя было допустить, чтобы это случилось снова, и она вцепилась ногтями себе в руку, расцарапав ее до крови. Больно! Так-то лучше. Боль по крайней мере не даст потерять сознание. О чем же она думала до обморока?

Риана попыталась сконцентрироваться. Она ощутила, как все тело напряглось и вот-вот начнется агония. Воздух был жизненно необходим. Еще секунда без кислорода — и она умрет.

А воздуха нет! Нет!

Внезапно Риану осенило, и она наложила Первые Ворота, преобразая вакуум в целом. Хлынул воздух, а вместе с ним и какое-то свечение. Риана жадно глотнула, бешеный пульс немного стих.

Оглядевшись, девушка увидела, что висит в грушевидном помещении. Сверху урчала вода. Прямо перед ней был огненный куб, в котором, насколько понимала Риана, находится Вуаль Тысячи Слез.

Склонившись над телом Куриона, Пэфорос перевернул его на спину. Гэргон и регент по-прежнему были в лаборатории Нита Батокссса в самом сердце Храма Мнемоники. Здесь Курган чувствовал себя совершенно беспомощным. Он прекрасно понимал, что задумал архидемон. Очевидно, Пэфоросу хотелось, чтобы Курган понял, что значит быть узником. Голова раскалывалась от тупой боли.

Он наблюдал, как Пэфорос снимает ионную перчатку с правой руки и склоняется над Курионом. В первый раз Курган увидел голую руку гэргона. Ладонь и подушечки пальцев представляли собой запутанную биосхему. Прекратилось характерное шипение ионов.

— Регент, — позвал Пэфорос. — Кажется, вам пора познаться с высоким искусством некромантии.

Архидемон вытянул руку над трупом, и из среднего пальца появился бледно-голубой луч. Несмотря на бледность цвета, сияние луча было столь ярким, что Курган инстинктивно прикрыл глаза рукой.

— Мы вскрываем свежие трупы и, используя специальные знания, читаем по внутренностям.

Бледно-голубой луч спустился к животу Куриона и вспорол его от грудины до таза. Запахло отвратительно. Кишки Куриона вздулись, зловеще поблескивая. От жуткого смрада кружилась голова, но Пэфоросу вроде бы было все равно. Глаза Кургана не отрывались от внутренностей капитана, которые при соприкосновении с голубым лучом превращались в сложный узор.

— Тело выдаст все тайны Куриона.

Лучик, превратившийся в тонкую линию, медленно прокладывал путь внутри тела сараккона. То и дело кишки вскрывались, обнажая пытливому взору архидемона темное содержимое. От Пэфороса шел монотонный гул, причем не изо рта, а от тела в целом.

— Вот и секрет, — довольно проговорил Пэфорос, — извивается меж вонючих органов огненными ручейками языка мертвых. — Внезапно бледно-голубой лучик погас, и архидемон взглянул на Кургана. — Регент, этот секрет касается тебя.

— Неужели?

— Похоже, ты не веришь.

— Почему же...

Пэфорос захохотал.

— Курган Стогггул, тебе нужно учиться быть благодарным. Суть секрета состоит в том, что через несколько часов ты будешь мертв.

— Она скоро будет, — проговорила Маретэн. — Конвой отправляется на день раньше. Завтра на рассвете.

Сорннн едва слышал возлюбленную. Он не мог прийти в себя от того, что ему рассказала Маретэн. Генетические манипуляции гэргона каким-то образом позволили Терретту об-

наружить Семь Порталов, которые, по словам Рады, так настойчиво разыскивал техномаг. Когда поступило сообщение от Рады, прим-агент спорил с Маретэн. Сорннн настаивал, чтобы сестра регента пошла к Кургану и рассказала про Семь Порталов. Ему казалось, что лучшего способа помириться не придумаешь. Из-за гордости и страха, что брат не станет ее слушать, Маретэн сопротивлялась. И Сорннну было не в чем ее упрекнуть. По опыту общения с новым регентом прим-агент знал, что Курган непостоянен и не умеет прощать. И хотя Маретэн ни за что бы не призналась, Сорннн подозревал, что она очень переживает из-за разрыва с братом.

— Мы спорим ни о чем, — заявила Маретэн. — Сегодня я уезжаю из города.

Взяв под руку, Сорннн повел ее прочь от кровати спящего Терретта. Они были одни в маленькой палате «Недужного духа». По коридору спешили дэйрусы и геноматекки с серыми озабоченными лицами. Раздался треск ионов, возвещающий о прибытии гэргона, но его самого влюбленные не увидели.

— Маретэн, это глупо, — проговорил Сорннн, — я должен ехать.

— Ты прим-агент, — с безупречной логикой заявила Маретэн. — Нельзя допустить, чтобы тебя увидели.

Сорннн не нашел, что ответить.

— До прихода Рады всего несколько минут. — Маретэн взяла его за руку и подвела к окну. Серое небо хмурилось. Далеко в море, где тяжелые тучи касались горизонта, дождь лил как из ведра. Зима наконец вступила в свои права, до солнцестояния оставалось всего несколько дней. — Сорннн, я знаю, ты пытаешься меня защитить. Но, пожалуйста, попробуй взглянуть на происходящее моими глазами. Твоя опека — лишь иная форма дискриминации.

— Я так не считаю.

— А я считаю, дорогой.

— Маретэн!..

— Хочу, чтобы моя жизнь чего-то стоила. — Она смотрела прямо в глаза Сорннну. — Только так я смогу понять саму себя. — Маретэн сжала его руку и улыбнулась. — Мне не хо-

чется становиться мученицей. Я вернусь к тебе, Сорнни, клянусь! — На Маретэн упала тень, и художница выглянула в окно. — Рада уже здесь, мне пора.

Высвободив руку, Маретэн прильнула к губам Сорнни. Когда она проходила мимо кровати Терретта, он поднял голову и позвал сестру.

33

ЖЕРТВА

— Он шевелится, — простонала Элеана.

— Пинается? — спросил Реккк.

— Откуда мне знать, что именно он делает, — простонала Элеана, сморщившись. — Очень больно.

Реккк обнял ее и огляделся в поисках тэя, который улетел на разведку.

— Думаю, нам стоит остановиться и отдохнуть.

Элеана оглядела скалистое плато, которое они пересекали. Травы, буйные и сочные летом, теперь пожухли и осыпались.

— Место слишком открытое, — проговорила молодая женщина и, услышав голос тэя, борющегося с сильным ветром, показала на нависающую скалу. — Тэй нашел пещеру! Там много места, где можно отдохнуть и переждать непогоду.

— Тебе не одолеть этот подъем!

— Не пасуй раньше времени, Реккк, — сквозь боль усмехнулась Элеана. — Пока что у меня получалось все, что бы ты ни предлагал.

Прежде чем воин успел возразить, Элеана пересекла плато и стала карабкаться вверх по склону. Они были высоко в Дьенн Марре, всего в дне пути до монастыря Плывущей Белизны. Реккк поспешил следом, над его плечом вился тэй. В'орнн понимал, что, если они решили добраться до пещеры, это нужно сделать, пока не стало слишком сыро. Южный ветер уже окреп, в воздухе все сильнее ощущалась влага.

Мрачные мысли воина внезапно прервал крик Элеаны. Рекк так резко поднял голову, что суставы захрустели. Он с ужасом заметил, что Элеана держится за скалу одной рукой, а другой прикрывает живот.

— Элеана, что случилось?

Но она только покачала головой и, когда Рекк стал подталкивать ее вверх по насыпи, положила голову ему на плечо. Камни крошились, делая восхождение еще труднее, однако Рекк упорно полз вверх, используя в качестве опоры трещины, щели и стволы чахлых карликовых деревьев, побитых непогодой. Воздух со свистом вылетал из легких, мышцы болели. Старые раны, которые, как считал в'орнн, уже давно зажили, внезапно занесли. Рекк продолжал ползти вверх, ибо понимал — нет ничего страшнее, чем застрять в дождь на горном перевале.

Ветер дул в спину и свистел в ушах, а Рекк старался не спешить, тщательно выбирая точки опоры. Однажды ему что-то послышалось, и он осторожно повернул голову. Воин ничего не увидел, зато потерял драгоценное время. А когда сильный ветер принес первые капли дождя, он вообще позабыл обо всех звуках.

Рекк смотрел только вверх, стараясь не обращать внимания на стоны Элеаны. Больше всего в'орнн боялся, что женщина родит прямо в горах, а он не сможет ничем помочь. По подсчетам Рекка, они прошли уже две трети пути к пещере. Отдыхать было некогда — быстро темнело, дождь и не думал стихать. Температура упала градусов на десять.

Рекк двигался очень осторожно. Подъем имел четкий ритм — найти опору для рук, проверить на прочность, поднять себя и Элеану, подтянуть ногу... И затем все снова.

Они почти достигли пещеры, когда над головой появился большой выступ. Вверх ползти стало некуда. Дождь пошел еще сильнее. Рекк промок до нитки, у Элеаны начались судороги. В отчаянии воин смотрел по сторонам, надеясь обойти выступ, но не заметил ни опоры, ни трещины. Деревья же кончились несколько минут назад.

— В Н'Луууу! — выругался в'орнн.

Вдруг Рекк услышал, что его зовет тэй. Отчаянно махая четырьмя крыльями и лавируя в воздушных потоках, птица

пыталась сохранить равновесие и высоту. Реккк видел, куда тэй направляется — к неприметному островку скал справа. Температура резко снижалась, дождь постепенно превратился в снег. Реккк прищурился и все-таки в пределах видимости не заметил ничего, похожего на опору. Что же задумал тэй? Резкий порыв ветра чуть не сдул воина со скалы, колющие снежинки царапали лицо. Реккк поскользнулся и, услышав, как застонала Элеана, выругался. Пальцы немели от холода и напряжения.

Тэй позвал в'орнна снова. «В Н'Луууру!» — пробормотал Реккк сквозь зубы и потянулся вправо. Пальцы заскользили по скале, и там, где она сливалась с горой, воин нащупал трещину, которую разглядел тэй благодаря прекрасному зрению и выигрышной точке обзора. Вцепившись в расщелину, Реккк проверил ее на прочность и перенес центр тяжести на правую руку. На секунду он повис в воздухе, а от высоты закружилась голова. Вот ноги нащупали крохотный выступ, и беглецы были спасены.

Остаток пути Реккк позволил тэю вести его, и последние сто метров оказались удивительно легкими. Забравшись на выступ, в'орнн взял Элеану на руки и, не обращая внимания на жуткую боль в перенапряженных мускулах, понес ее в пещеру, где уже ждал тэй. Спрятавшись от снега и ветра, в'орнн бережно положил свою ношу на пол.

Оглядевшись, Реккк не нашел ни сухих веток, ни прутьев. Пришлось довольствоваться горсткой полуистлевших костей, которые воин положил рядом с Элеаной. Вставив самый маленький кусочек кости в окумммон, он мысленно разжег огонь. И из прорези окумммона тут же полыхнуло пламя, от которого занялись кости.

Буря продолжала бушевать, окрасив небо в молочно-белый цвет, у пещеры вырос сугроб. Ветер выл, и тэй яростно махал крыльями, чтобы подсушить перья. Элеана застонала, ее бил озноб. Реккк понял, что с молодой женщиной что-то не так.

— Что с ней? — спросил Реккк тэя. — Неужели начинаются роды?

Тэй запел, и в'орнн услышал голос, который звучал в его собственном мозгу.

Голос Нита Сахора.

Ребенок рождается в срок, а вот Элеана больна.

— Почему ты раньше не говорил со мной?

Мои враги повсюду, Реккк. И в этом теле я очень слаб и уязвим.

Реккк коснулся лба Элеаны.

— У нее жар!

Дуурская лихорадка, — проговорил голос Нита Сахора, — лучше ей не станет.

Реккк с удивлением смотрел на птицу, нервно прыгающую то на одной лапке, то на другой.

— Откуда ты знаешь?

Потому что это мы, гэргоны, создали эту болезнь.

— Но зачем? С какой целью?

Так мы одно время пытались бороться с кундалианским Сопротивлением.

Неожиданно Реккк пришел в ярость.

— Ты как-то замешан в создании этой хвори?

Идея принадлежала Ниту Сэттту. Я выступал против и все равно чувствую себя виноватым.

— Значит, ты понимаешь природу этой болезни! — вскричал Реккк. — Сделай что-нибудь!

Сделал бы, если б мог. Говорю же тебе, в этой ипостаси я почти бессилён.

— С твоим окуммонном я сам могу почти все. Скажи, как ей помочь?

Лекарства не существует, мы позаботились об этом.

— В Н'Луууру, если она умрет... — Реккк понял, что дрожит.

Возможно, есть один способ.

— Тогда почему ты молчишь? — заорал Реккк. — В Н'Луууру, к чему гэргонам столько таинственности?

Тебе так только кажется. С другой стороны, Реккк, ты можешь больше, чем тебе кажется. Ты знаешь, что Элевсин Ашера научился верить в Кундалу, ее жителей, их богиню Миину. Мне, Ниту Сахору, пришлось учиться тому же. У тебя самого кундалианская любовница и друзья, которым ты предан.

Держа Элеану на руках, Реккк коснулся губами ее щеки.

— Как все это может помочь Элеане и малышу?

Скажи, ты готов умереть ради них?

— Да, конечно.

Тогда, наверное, это единственный способ. Легенда о самопожертвовании лежит в основе кундалианской веры. Только ценной жизни не-рамахан может наложить заклятие. Другого выхода все равно нет, потому что техномагия гэргонов здесь бесцельна. Что же остается, кроме кундалианской магии?

В густой тени скалы притаился командир взвода Бллед. Он был уверен, что чувствует ровное спокойное дыхание смерти. Не собственной, а тех, кого он преследовал. Стемнело, дождь перешел в густой снег, заглушивший пение птиц, заставивший ветки склониться низко к земле.

Зачерпнув горсть снега, Бллед сунул его в рот. Он не ел уже два дня, с тех самых пор, как оставил свой отряд в лесу, у кундалианской могилы. Желудки разрывались от боли, но, как ни странно, его это радовало. Чувствуя боль, Бллед понимал, что все еще жив. Со своего места, всматриваясь сквозь хлопья снега, он видел отблеск огня, мерцающего в пещере. Странное чувство, которое Бллед испытал, шагая по периметру могилы, его не обмануло. Благодаря внимательности и терпению он напал на след беглецов. Из уважения к почти сверхъестественной способности Хачилара водить погоню за нос командир взвода отослал своих кхагггунов к месту крушения. На самом деле была и другая причина — Блледу хотелось, чтобы вся слава и награда за поимку беглецов достались только ему.

Вокруг бушевала буря, но офицер, казалось, не замечал ни ее, ни собственного одиночества. Воображение рисовало картины битв и разрушения в далеких мирах, где ему довелось побывать. Бллед очень любил вспоминать свой боевой путь и безмерно гордился подвигами. О бесчисленных тускуггун, которыми он походя пользовался, и о собственных детях, никогда им не виденных и не признанных, командир взвода ни разу не вспомнил. Можно было без всякого преувеличения утверждать, что эти дети были для Блледа еще более мертвыми, чем трупы, о которых он то и дело вспоминал. Собственные отпрыски для него просто не существовали.

Что касается черепа *корррая*, то не важно, был ли он у Бллада на самом деле и разговаривал ли офицер с ним. Самое главное, этому верили кхаггуны его взвода. Ведь именно их вера придавала командиру силы, которые поддерживали его в темноте и холоде среди бушующего шторма.

Даже сквозь завывания ветра Реккк слышал, как в висках стучит кровь.

— Кто я, Нит Сахор? Ведь точно не в'орнн.

Кем бы ты ни был, Реккк, это дано понять только тебе.

— Клянусь, что когда-нибудь, пусть даже в другой жизни, я разгадаю все твои загадки. — Воин протянул руку, и тэй сел на ладонь. — Милый тэй, позаботься об Элеане. — Реккк потрогал хохолок на голове у птицы. — Желаю тебе...

Я знаю, чего ты мне желаешь, — песня тэя ласкала слух Реккка, — и желаю тебе того же самого.

— Ты ведь знал, что все получится именно так, правда? — спросил Реккк.

Я молился, чтобы вышло иначе. Непросто осознать то, что даже самые лучшие должны умереть.

— Мне казалось, гэргоны не молятся.

Я молюсь.

Реккк молча кивнул. В последний раз взглянув на бледное, покрытое потом лицо Элеаны, он повернулся и пошел к краю пещеры, где сильный ветер едва не сбил его с ног.

— Правильно? — прокричал он. — Я делаю то, что нужно? Ответь! Дай мне знак!

Ветер выл и хлестал Реккка. Вот бешеный порыв сорвал накидку воина и унес куда-то в непроглядную мглу беспокойной ночи. Реккка заваливал снег. Сколько непростительных поступков он совершил, сколько жизней оборвал по собственной прихоти, как неоправданно жесток был! Реккк очень надеялся, что кундалианская возлюбленная и друзья смогут простить его.

Внезапно он перестал копать в себе и выбросил из головы все предрассудки, злость, колебания и неуверенность. В мыслях остались лишь Элеана и ее малыш. Реккк широко раскинул руки.

— Вот он я! Я твой! Делай со мной, что хочешь! Прошу только, пощади Элеану и ребенка!

Шагнув со скалы в пустоту, Реккк почувствовал, что ветер крепнет, а вихри образуют воронку. Неужели он слышит голос Миины? И вот он падает вниз со скалы, попав в самое сердце бури... Он ждет, что порывы ветра вот-вот разорвут его на куски...

34

ВЫБОР ЭЛЕАНЫ

До Вуали было рукой подать, и Риана должна была услышать ее зов. Но, как ни странно, девушка не различала ничего. В подвешенном состоянии между огнем и водой она чувствовала лишь потоки какой-то силы, исходящие из центра огненного куба. Вуаль притягивала Риану, словно чарующая песня, побуждая вытащить ее из огненного плена.

Тем не менее девушка не спешила.

Действовать следовало очень осторожно. На каждом шагу мог таиться подвох, и огненный куб наверняка тоже не так прост, как кажется. Риана оглядывала его с опаской. Она сумела победить темную воду с помощью волшебного фонарика, выжила в вакууме, наполнив его воздухом. Общая идея казалась ясной — следовало бороться со стихией с помощью противодействующей силы.

Неужели, чтобы достать Вуаль, нужно пустить воду? Риана напомнила себе, что ответ не может быть столь очевиден. Ведь трюк с воздушными пузырями не удался.

Что-то не так. Огненный ларец совсем близко, а она не чувствует жара. Риана пыталась всмотреться повнимательнее, однако ничего не получалось — пламя было таким ярким, что болели глаза.

Существовало несколько заклинаний, с помощью которых можно наколдовать воду, например, Возвратный Поток или Большой Горный Ручей. Впрочем, Риане казалось, что они не помогут. Ведь пламя выглядело столь необычно. А что, если

его не затушить водой? Девушке стало страшно. Как пить дать с огненным ларцом в отличие от вакуума второй попытки не будет. Один неверный шаг — и конец.

Что же делать?

Внезапно Риана вспомнила заклинание Горы Кунлунг. Это заклинание и рамахане, и соромианты относили к колдовству чисто условно. Други использовали его, чтобы достичь душевной гармонии. Заклинание представляло собой нечто вроде тренировки сознания, возведения его на более высокий уровень. Поэтому заклиятие и назвали в честь одной из самых крупных горных цепей Кундалы.

Наложив заклинание, Риана почувствовала, что дух ее возносится, словно на вершину Кунлунг, откуда она смогла поновому взглянуть на хранилище Вуали Тысячи Слез. Девушка видела колодец с черной водой, себя, сидящую по-турецки в грушевидном помещении, и, наконец, огненный ларец.

Увидев точку пересечения трех ручьев, Риана поняла, как решить проблему. Она поднялась, обошла вокруг куба и нащупала пульсацию ручьев в точке пересечения. Используя русла потоков в качестве канала, Риана поднялась по нему к черной воде колодца и направила тонкий ручеек прямо на огненный ларец.

Попав на поверхность куба, черная вода обвила огненный ларец, образовав оболочку, которая постепенно погасила пламя, оставив лишь нежно-розовые угли.

В розоватом обрамлении лежала Вуаль Тысячи Слез.

Вуаль походила на реку, извивающуюся, как змея, и трепещущую, будто знамя на ветру. Она была примерно метр в ширину и три в длину, хотя точно сказать сложно, потому что форма Вуали постоянно изменялась.

Риана осторожно взяла ее в руки. Вуаль казалась прозрачной и полужидкой, потому что слезы Пяти Драконов разделяли тонкие, как паутинка, перегородки. Риана чувствовала, что каждый слой пульсирует, словно внутри него бьется собственное сердце. Девушке почудилось, что она слышит голоса Пяти Драконов, зовущих ее издалека.

Перрнотт не ошибалась. Вуаль была живой и проявляла собственные чувства. Она знала, кто такая Риана, и тут же послала невидимый побег, мгновенно обвивший сердце девушки.

Вуаль знала, в каком положении находится Джийан, и с помощью образов, возникавших прямо в сознании Рианы, объясняла, что следует предпринять.

С вершины скалы командир взвода Бллед увидел, как Реккк подошел к краю выступа, ведущего в пещеру. Потом поднялся ветер, и рэнннона поглотила снежная буря. Бллед даже не смог разглядеть или услышать, как тело Реккка пронесится мимо.

Офицер знал, что ждать осталось недолго. Буран утихнет, и Реккк покажется снова. Когда добыча так близко, обидно терять ее из-за какого-то снега. Однако, поняв, что буря и не думает стихать, Бллед решил подняться к скале. Он думал, как здорово будет прикончить рэнннона и смотреть, как в глазах изменника медленно гаснет свет. Бллед ждал встречи и с подружкой предателя, кундалианской ведьмой, покалечившей звезд-адмирала Олннна Рэдддлина. Другие кхагггуны позавидовали бы почестям, которые выпадут на долю того, кто привезет в Аксис Тэр головы беглецов. Бллед же стремился лишь почувствовать, как пульсируют на ладони их остывающие сердца.

Подогреваемый этой мыслью командир взвода сумел подняться по практически отвесной скале в самый разгар бурана. Ему хотелось добраться до пещеры затемно, пока не стих снег, чтобы застать беглецов врасплох.

Забравшись на выступ, Бллед немного отдохнул, укрывшись за огромным сугробом, и стал искать рэнннона. Насколько хватал глаз, выступ был пуст. Реккк Хачилар наверняка вернулся в пещеру, испугавшись непогоды.

Буря немного затихла, и, выглянув из сугроба, Бллед разглядел вход в пещеру, а чуть выше слева — укромную лошину. Согнувшись в три погибели, офицер пополз к месту, находившемуся примерно в сотне метров от входа. То и дело дуя на пальцы, чтобы не ооченели, Бллед стал подниматься вверх. После восхождения по отвесной скале этот подъем показался несложным.

Поднявшись наверх, Бллед увидел, что лошина переходит в узкий тоннель, один из многочисленных входов в горную пещеру. Рано или поздно тоннель приведет его к беглецам. Бллед бесстрашно пополз вперед и довольно скоро услышал нечленораздельное бормотание. Обнажив ионный меч, он рванулся вперед. С каждым шагом голоса звучали отчетливее.

* * *

Проснись, Элеана, проснись!

Вокруг молодой женщины летал тэй.

Легко коснувшись крыльями ее щеки, он уселся на колено.

Полусон-полубред Элеаны наполнился прекрасным пением, и она открыла глаза. Дуурская лихорадка, терзавшая ее несколько дней, исчезла так же внезапно, как и появилась. Тяжело вздохнув, Элеана схватилась за живот.

— Мой малыш!

Не бойся, с ним все в порядке! — пропел тэй. — *Каким-то чудом лихорадка его не тронула.*

Растерянно заморгав, Элеана оглянулась по сторонам.

— Кто-то меня звал, — проговорила она, обращаясь к себе, — чудесный голос, похожий на волшебную симфонию. Страшно хочется пить!

Открой рот!

— Что?

Ты же говорила, что хочешь пить. Открой рот, Элеана!

Ничего не понимающая Элеана послушно открыла рот. К ее недоумению, тэй тут же просунул в него клюв. Женщина глотнула талой воды.

Еще? — отстранившись, спросил тэй.

— Иди сюда, — позвала Элеана. — Большое тебе спасибо!

На здоровье!

— Не может быть... — покачала головой Элеана. — Ты со мной разговариваешь?

Да.

— Кто ты?

По-моему, ты сама знаешь, Элеана, — пропел тэй. — *Я не умер среди сэсаловых деревьев.*

— Нит Сахор! — в детском восторге прокричала Элеана.

Тэй кивнул.

Я объяснил Тигпен, как переместить мой дух в тело тэя, чтобы спрятаться от врагов.

Элеана вспомнила ужасную ночь, когда они ждали Риану, которая должна была успеть к двери Хранилища. В ту ночь за Нитом Сахором пришли враги, и все подумали, что гэргону конец. Закрыв глаза, Элеана стала вспоминать. Вот смертель-

но раненный Нит Сахор делает тайный знак Тигпен, вот раппа касается маленького черного предмета, который, раздувшись словно парус, расширяется и скрывает их обоих. Теперь Элеана понимала, что случилось.

Она нежно погладила и поцеловала взъерошенные перышки тэя.

— А Реккк знает? — радостно закричала она. — Ты должен все ему рассказать, он так обрадуется!

Реккк знал.

Похолодев от ужаса, Элеана непонимающе покачала головой.

— Что значит «Реккк знал»?

Тэй взволнованно распушил перья.

Не знаю, как тебе объяснить...

— Нет! — Элеана судорожно зажала рот руками. — Нет, нет! — Из глаз полились слезы. — Пожалуйста, только не это!

Он пожертвовал жизнью ради тебя. Другого выхода не было.

— Зачем? — Она попыталась подняться. — Неужели нельзя было поступить иначе?

Потому что ты умирала и...

— Почему он так поступил? Почему он решил, что сможет спасти меня?

Ты бы погибла, Элеана. И ребенок вместе с тобой.

Она перестала дрожать.

— Скажи, что это сон. Скажи, что сейчас я проснусь и увижу Реккка.

Тэй сложил крылышки.

— О Миина, — закрыв лицо руками, зарыдала Элеана и упала на колени. — Зачем ты так? Накажи тех, кто мучает твоих детей. Убей всех в'орннов, кроме Реккка!

Элеана, я тоже горюю о нем. Только не надо отчаиваться. Перед смертью он молился Миине, и Богиня его услышала.

Подняв голову, Элеана удивленно смотрела на тэя.

Реккк отдал жизнь ради тебя и твоего малыша. Это его воля, которую ты должна исполнить.

— Но я хочу, чтобы Реккк был рядом!

Отразившись от стены пещеры, ее крик долетел до Акктона Бллада, скрючившегося, как сонный первиллон, в глубине

туннеля. Проскользнув в пещеру ногами вперед, офицер вытащил ионный меч.

С предостерегающим криком на него бросился тэй. Точным движением меча Блед отсек птице крыло, тэй упал на пол пещеры горкой ярких перьев.

Тем временем Элеана тоже вытащила ударный меч.

— Кто у нас здесь? Кундалианская счетта? Да ты моложе, чем мне казалось. Да к тому же и беременная! — смеялся Блед. Лезвия ионного меча вращались все быстрее, со злобным жужжанием сливаясь в диск. — Где рэннн Реккк Хачилар?

Элеана поднялась, прижимаясь больной спиной к пещерной стене, и положила руки на огромный живот.

— Сначала попробуй справиться со мной.

Блед засмеялся еще громче.

— Вот что происходит с кхаггунами, которые предают свою касту, — они прячутся за спинами женщин. — Он наступал на нее, качая головой. — Судя по твоему виду, ты не сможешь остановить меня ни с помощью меча, ни с помощью заклинания.

Блед замахнулся оружием, Элеана умело парировала его удар, хотя никто не знал, каких усилий ей это стоило. Она тут же поняла, что приступ дуурской лихорадки не прошел бесследно. К тому же из-за беременности сил у Элеаны было меньше обычного. Однако она твердо решила, что родит этого ребенка. Жертва Реккка не должна оказаться напрасной.

Блед нанес новый крученный удар сбоку, и Элеана едва успела поставить блок. Раздался лязг металла. Элеана чувствовала себя неуклюжей. Новая атака вывела ее из равновесия, и, посчитав, что дело сделано, Блед несильно ударил сверху. Элеана легко парировала выпад, но противник был не так прост. Взмах мечом — и образовавшаяся ионная дуга была слишком широкой, чтобы ее блокировать. Вот дуга словно цепь обвила лезвия ионного меча Элеаны, который Блед тут же попытался вырвать у нее из рук. Тренировки Реккка не прошли даром, и разоружить молодую женщину оказалось не так-то просто. Блед бросился к ней и ударил кулаком по коленям. Элеана застонала.

Громко ругаясь, Блéd с силой швырнул ее на стену пещеры. Голова Элеаны запрокинулась, и она едва не потеряла сознание. Заметив это, Блед попытался отнять у кундалианки

ударный меч, что ему почти удалось. В тот самый момент бедра Элеаны болезненно сжались, по ногам потекла густая жидкость, все чувства обострились до предела. Ребенок! Роды начались.

С невиданной силой, порожденной инстинктом выживания, женщина стала отбиваться. Бллед опешил и оказался совершенно не готов к внезапному нападению тэя. Острый клюв ударил офицера в затылок, брызнула кровь, и на мгновение левый глаз перестал видеть. Взыв от боли, Бллед бросился на птицу. Тэй попытался увернуться, но командир взвода ловко его поймал и вырвал второе крыло. Тэй жалобно закричал, а Бллед, сконцентрировавшись на птице, опустил ионный меч.

Тяжело дыша, Элеана высвободила свой меч из ионных цепей и проткнула сердца Блледа. Слабеющий в'орнн устоялся на Элеану, глаза его закатились, и он упал, давясь собственной кровью.

Элеана подняла израненного тэя на колени, тихонько всхлипнула и схватилась руками за живот.

— Я чувствую его! — зашептала она, когда по ногам потекла горячая жидкость. — Нит Сахор, воды отошли, скоро начнутся роды!

По спине катился пот. Новый приступ боли заставил ее раздвинуть ноги. Задрав подол, Элеана поняла, что смотрит на покрытую слизью головку ребенка.

— Нит Сахор, — позвала она, — ты только представь, он решил родиться сейчас! — Элеана смеялась и плакала одновременно. — Сейчас? Что же с ним такое? Ой, как больно! — Рыдая, она гладила головку ребенка. — Он такой нетерпеливый! — Элеана взглянула на раненого тэя. — Ой, Нит Сахор, мне так страшно! Как мне не хватает Реккка! Не могу перестать думать о нем! Но если и ты умрешь!.. В Н'Лууууу, если ты умрешь, я никогда тебя не прощу!

Я здесь, Элеана! — пропел тэй.

Она закрыла глаза, слезы закапали на грудь. «Спасибо, Мина!» — молилась Элеана.

Я умираю...

— Нет, нет, нет! — отчаянно зарыдала молодая женщина.

Мне жаль тебя разочаровывать. Так же как и Реккк, я хотел увидеть твоего малыша. Но в этом теле я оказался так уязвим. Как странно, что кто-то будет по мне скучать...

— Ты не можешь умереть, — отчаянно прошептала Элеана. Бедрa горели огнем, широко раскрыв рот, она старалась дышать между схватками. — Ты должен мне помочь. Сама я не рожу...

Теперь в ее руках были уже голова и плечи. Пол пещеры заливала околоплодная жидкость, темп схваток нарастал. Через секунду показалась грудь. Стены пещеры отражали крики Элеаны, смех и плач. Из-за сильной боли она мечтала, чтобы все скорее кончилось.

— Вот он, — шептала Элеана. — Нит Сахор, он родился! — Она поднесла ребенка к свету — покрытый слизью, младенец больше напоминал крошечного зверька. Прижав его к плечу, кундалианка перерезала пуповину.

Элеана взглянула на новорожденного — крошечное личико было таким бледным, что ее сердце болезненно сжалось. За исключением хохолка черных волос на блестящей макушке младенец казался стопроцентным в'орнном.

— Нит Сахор, почему он не шевелится?

Поднеси его поближе, Элеана.

Трясущимися от страха руками она приблизила ребенка к тэю.

— Что ты чувствуешь?

Он едва дышит.

— Ах, Миина, — рыдала Элеана, — только не это!

У него и в'оррновские, и кундалианское сердца.

— Два набора сердец, — прошептала Элеана. — Так, должно быть, даже лучше.

Чисто теоретически — да. А практика показывает, что в'оррновские сердца начинают подавлять кундалианское.

— Прямо как на Кундале! — Она прижала ребенка к себе. — Нит Сахор, пусть он начнет дышать! Спаси его!

Элеана, даже если бы я не был смертельно ранен, в этой ипостаси мало чем смог бы помочь.

— Ты должен спасти моего ребенка, Нит Сахор! Ты просто обязан!

Есть один способ, — пропел тэй, — он очень опасен и не лишен недостатков.

— Все что угодно! — обезумев от горя, закричала Элеана. — Все что угодно, только спаси его.

Тэй с трудом вскарабкался на безжизненное тело младенца.
Элеана, я должен тебя предупредить...

— Пусть он выживет! — закричала Элеана.

Тэй опустил голову, так что клюв коснулся крошечного черного предмета, привязанного к ноге птицы. Предмет был так мал, что раньше кундалианка никогда его не замечала.

Внезапно чернота надулась, как парус, поглотив всех троих.

— Я уже видела что-то подобное, — прошептала Элеана. — Когда Тигпен спасла тебя от смерти.

Я это и имел в виду.

— Ты хочешь сказать, что...

Это единственный способ спасти твоего ребенка. Так выживем и он, и я.

Элеана запаниковала.

— Нет, Миина, нет, ты не можешь...

Твой ребенок обречен. За себя я не беспокоюсь — я прожил долгую жизнь.

— Зато я беспокоюсь, — сквозь слезы кричала Элеана. — Важна каждая жизнь!

Ребенок еле дышит. Скажи, что мне делать. Элеана, ты одна имеешь право решать.

— Не могу! Я не в праве изображать из себя Богиню и решать, кому жить, а кому нет.

Разве, убив кхаггуна, ты не приняла такое решение?

— Ситуация была совсем иной!

Уверяю тебя, что нет. Кхаггун мертв, и убила его ты, Элеана. Ты приняла решение инстинктивно. Ты снова должна довериться своим чувствам. Жизнь или смерть. Что ты выбираешь?

— Но при чем тут мой ребенок? Что с ним будет, если в его теле будешь жить ты?

Элеана, его мозг уже не функционирует!

— Значит, он мертв! — завизжала она.

Не совсем. Впрочем, еще секунда — и будет поздно. Выбирай прямо сейчас!

Закинув голову назад, Элеана прижала к груди и малыша, и тэя.

— Пусть мой сын живет!

Внезапно ей стало трудно дышать, черный парус упал на них с ребенком, перекрывая воздух. Элеана хотела позвать Нита Сахора, но пропал голос. Словно во сне она посмотрела вниз. Последним, что кундалианка увидела, теряя сознание, был тэй. Острый клюв вырывал перышки и одно за другим укладывал на умирающего малыша. Кожа тэя была черной, как парус, как прямоугольная коробочка, привязанная к ноге. Он и на птицу уже не походил...

35

НАВАТИР

Реккк продолжал падать сквозь частый снег, но так и не достиг земли. Белизна сгущалась, уплотнялась, становилась матовой. Завывание ветра превратилось в монотонный шум. Снег кружился концентрическими кругами, постепенно приобретая иную форму и плотность. В сгустившейся массе возникло какое-то красноватое сияние, интенсивность которого увеличивалась со скоростью циклона. Красноватый оттенок проявлялся все четче, приобретая рубиновый блеск.

Затем из этой багровой дымки показалась морда — огромная, страшная, сияющая. Сначала Реккк увидел зубы, белые, острые, словно бритвы, затем покрытый рубиновыми чешуйками нос с пульсирующими ноздрями и глаза с радужкой в форме полумесяца.

В Н'Луууру! — прошептал он. — Ты кто такой?

«Я Эйг, Священный Дракон Огня».

Дар Сала-ат говорила о тебе. Ты один из Пяти Священных Драконов Миины.

«Хорошо, что ты меня знаешь».

Что такое? Разве я не умер?

«Уверяю тебя, нет».

Тогда зачем ты меня спас? Ведь я решил принести жертву.

«Ты сам меня вызвал. Твоя молитва спустила меня с небес».

Я молился Миине.

«Мы Аватары Великой Богини».

Драконья морда, сначала показавшая Реккку страшной, внезапно стала трагически красивой.

Ты услышал мою молитву!

«Ты дитя Миины, ее жрец и воин».

Реккк чуть не онемел от удивления.

Я думал, этой чести удостоится лишь Дар Сала-ат.

«Правильно».

Тогда я ничего не понимаю! — воскликнул Реккк. — *Ведь я в'орнн!*

«Говорю же, ты дитя Миины, ее жрец и воин».

Какой во всем этом смысл?

«Приход Наватира упомянут в Пророчестве».

Реккк почувствовал, как кровь стынет в жилах.

Но ты должен забрать меня. Моя вера... Я доказал... Я поклялся отдать жизнь ради Элеаны и малыша.

«Твоя вера безгранична, а клятва непоколебима. Это качества истинного жреца и воина, которым ты являешься».

Надеюсь, Миина меня слышит. Нельзя, чтобы Элеана и малыш погибли. Они слишком мне дороги.

«Хотя ты и понятия не имеешь, кем может стать этот ребенок?»

Какая разница!

«Твоя вера безгранична, а клятва непоколебима. Вот доказательство».

Я готов умереть.

Великий дракон обнажил огромные зубы.

«Ты что, вообще ничего не понял? Не время умирать, Наватир. Время служить Миине, кундалианам и в'орннам. Приближается война. Мои братья всеми силами старались ее избежать, но теперь даже они видят, что война неизбежна. Ты Наватир, защитник Дар Сала-ат. Я посвящаю тебя в этот сан и посылаю благословение Миины».

Если я действительно тот самый Наватир, то, умоляю, помоги освободить госпожу Джийан, твою преданную слугу, от пыток архидемона Хоралагии!

«Джийан — возлюбленная Миины, так же как и Дар Сала-ат. Ее судьба в ее собственных руках».

Она и моя возлюбленная! Я не позволю, чтобы ее обидели.

«Ты защитник Дар Сала-ат и на подобные заявления не имеешь права».

Если она умрет...

«Любая война несет с собой перемены, а такая, как та, что надвигается, и подавно. Все, что ты считал истиной, изменится».

Моя любовь к Джийан никогда не изменится и не умрет.

Внезапно Реккк почувствовал, что огромный дракон начинает его поглощать. Они сближались с каждой секундой, вот чудище раскрыло огненную пасть, и Реккк исчез в бездонной глубине. Ему стало очень тепло, будто вместо крови по венам потекла огненная лава. В мозгу шумели, перекрывая друг друга, сотни голосов. А потом наступила тишина. Мертвенная или предсмертная. На мгновение Реккк испугался, что все это сон и он умирает.

Затем вера снова зажгла его кровь, и он почувствовал, как его возносит в глубины Космоса и пронзает поток бурлящей вокруг жизни. Реккк будто комета пронесился по бесчисленным вселенным, наполняясь впечатлениями. В это мгновение весь Космос существовал в его теле.

Элеана качала на руках красивого малыша — своего новорожденного сына. С одной стороны, это был ее малыш, но с другой — в нем теперь было что-то еще. Элеана старалась не думать об этом. По крайней мере пока. Малыш блестел от околоплодной слизи. Негромко напевая, Элеана собралась вытереть его насухо и тут увидела, что с внутренней стороны черной гэргоновской сферы, по-прежнему окружавшей ее с сыном, появилась сеть сиреневых лучей.

Сердце бешено забилося, Элеана вздрогнула и решила перенести ребенка в другое место. В ту самую секунду она заметила, что сиреневые лучи исходят от тела мальчика, поднимаясь к черной сфере. Малыш успокоился, и Элеана стала наблюдать, как околоплодная слизь испаряется, а кожа розовеет. Мальчик вращал глазами, кажется, еще не различая очертаний окружающих предметов. Впрочем, присмотревшись внимательнее, Элеана испуганно закричала. Зрачки новорожденного расширились и сжимались, вот он слегка наклонил голову и в упор посмот-

рел на мать. Крошечные губы изогнулись в улыбке. Малыш радостно загулил и схватил Элеану за палец.

Сеть сиреневых лучей увеличивалась. Элеана коснулась лба ребенка — он был горячим, как печь. Неужели лихорадка? Малыш болен? Похоже, что нет. Ей показалось, будто тело ребенка блестит, а контуры расплываются. Элеана покачала головой, помахав рукой перед глазами. Скорее всего это она заболела, а от суровых испытаний начались галлюцинации.

Однако, когда Элеана вновь взглянула на сына, он выглядел не новорожденным, а шестимесячным.

Сеть сиреневых лучей продолжала расти. Младенец открывал и закрывал рот. Материнский инстинкт подсказал Элеане, что ребенок пытается заговорить.

«Великая Миина, — подумала она, — что происходит?»

Естественно, Элеана знала ответ. Нит Сахор, живущий в теле ее сына, давал о себе знать. Ребенок снова замерцал, контуры расплывались. Элеана подумала, что, наверное, так растут гэргоны, не успевая насладиться детством. Ей стало грустно.

Понимая, что сын теряет годы, не приобретая опыт и переживания, она заплакала. Сквозь слезы Элеана едва видела своего малыша. Она почувствовала, как он шевелится, касается ее лица, и услышала нежный голосок:

— Не плачь, Элеана. Та, что подарила мне жизнь, не должна плакать.

Элеана прижала ребенка к себе, уже трехлетнего. Он менялся так быстро, что она не успевала уследить. Мать обнимала сына, нежно целовала, а он мерцал, рос и взрослел, подгоняемый техномагией гэргонов. Наклонившись к уху Элеаны, мальчик произнес то, что она так давно ждала:

— Мама!

К своему огромному удивлению, Реккк Хачилар, уже в облике Наватира, вернулся в ту же самую пещеру, где оставил больную дуурской лихорадкой Элеану. Ему казалось, что красный дракон перенесет его к Дар Сала-ат в коррушские степи.

Проходя мимо обледеневшей лужи, он увидел себя одетым во все красное — украшенная узором туника, брюки из неизвестной ему блестящей ткани, высокие замшевые сапоги. На

толстом ремне висели два меча в покрытых священными рунами Миины ножнах. На широких квадратных плечах воина была накладка с капюшоном, надувавшаяся словно по собственной воле. Посмотрев в импровизированное зеркало повнимательнее, Реккк сдул успевшие налететь снежинки. Увидев собственное лицо, он почувствовал, что сердца сейчас вырвутся из груди. Хотя рост и ширина тела существенно не изменились, воин походил не на в'орнна, а на кундалианина.

На голове, щеках и подбородке появилась светлая растительность. Реккк с удивлением оглядел короткую светлую бородку. Как здорово, что у него теперь растут волокна, которые кундалиане называют волосами. Да еще в таком изобилии! А глаза теперь похожи на заснеженные вершины Дьенн Марра. Форма головы тоже изменилась — с конической на шаровидную, как у всех кундалиан. Снова и снова Реккк ощупывал свое новое лицо с высокими скулами и пухлыми губами. Он переживал, что новое лицо может не понравиться Джийан, и боялся, что они больше не встретятся.

Услышав голоса, Реккк обернулся. Женский голос он узнал без труда. Это была Элеана, и воин тут же мысленно поблагодарил Миину. Однако второй голос, принадлежавший молодому мужчине, был совершенно ему не знаком. Реккк уже собирался пойти и узнать, с кем говорит Элеана, как почувствовал присутствие другого живого существа.

Он увидел огромного, устрашающего вида зверя, который вылезал из тумана. У него было три пары черных словно деготь ног и удлинненной формы морда. На внутренней стороне длинных ног росли пучки шелковистой шерсти. Длинная шея грациозно изгибалась, а жесткая грива напоминала щетку. Большие золотого цвета глаза светились умом. На лбу рос блестящий витой рог.

— Нарий, — прошептал Реккк. — А я думал, вы остались только в легендах.

Нарий подошел совсем близко и наклонил голову.

— Останься, — попросил Реккк. — Ты меня не боишься?

Нарий фыркнул и потряс чудесной гривой. Реккк потрепал его по боку и вошел в пещеру. Реккк Хачилар не догадался бы, что делать дальше, но Наватир знал.

* * *

Первой Реккка увидела Элеана. Она попыталась загородить сына, который уже превратился в юношу. Он был очень похож на Кургана — угловатое лицо и грубая полоска рта. Но вместо черных, внимательных, как у снежной рыси, глаз отца у него были серо-зеленые очи Элеаны, открытые и полные любопытства, а также нежно-розоватый оттенок кожи. Парень прикладывал компресс к Элеаниному животу. Сама Элеана в перепачканной кровью одежде сидела у стены, вытянув ноги к огню.

— Кто ты такой и что делаешь в пещере? — настороженно спросила кундалианка.

— Это я, Реккк.

— Реккк мертв, — грустно проговорила Элеана, касаясь рукояти меча. — Так сказал тэй, и в любом случае Реккк был в'орнн. А ты, судя по всему, кундалианин.

— Но это я. Меня просто изменили.

Элеана собралась вытащить ударный меч, однако сын остановил ее:

— Послушай, что он скажет. Не торопись принимать решение.

— Кто этот парень?

— Если ты действительно Реккк Хачилар, в чем я очень сомневаюсь, — язвительно проговорила Элеана, — то докажи мне.

Она опустила ионный меч, но отключать его не собиралась. Пещеру наполняло зловещее жужжание ионов.

— Мы прятались в той жуткой могиле среди гниющих трупов, чтобы сбить с толку кхаггунов, — проговорил Реккк.

Элеана широко раскрыла глаза, хоть и не решалась повредить окончательно.

— Хорошо. А когда вылезли, то о чем мы говорили?

— Ты рассказывала, как твой дедушка видел рождение нарий. Молния превратила зверя из черного в белого и осталась во лбу в виде рога.

— Пресвятая Миина! Реккк!

— Элеана, около пещеры бродит нарий. Если хочешь, я покажу тебе. Он и в самом деле очень красив!

— Реккк, почему ты так изменился? Кем ты стал?

— Он отдался в руки Миины, — объявил странный кундалианский парень, — и она превратила его в Наватира, святого защитника Дар Сала-ат.

Реккк с удивлением посмотрел на юношу, а потом опустился на колени перед Элеаной и спрятал ее ослабевшие руки в своих ладонях.

— Элеана, ты жива. Спасибо Миине!

— Ах, Реккк, — она расцеловала его в обе щеки, — как я рада, что ты не погиб!

— Я мог погибнуть, — Реккк гладил ее по волосам и прижимал к себе, — и должен был. — Он покачал головой. — То, что произошло, просто непостижимо. Я не мог позволить тебе и малышу погибнуть. Поэтому молил Миину забрать меня вместо вас. Я спрыгнул с обрыва прямо в снежный шторм, но случилось так, что попал в пасть Эйга, красного дракона. Он говорил со мной, Элеана, и объяснил, что мне еще рано умирать. Миина услышала мои молитвы и избрала меня в Наватиры.

— Реккк, — глаза Элеаны сияли, — ты был рожден именно для этой роли. Ведь раньше ты защищал Нита Сахора.

— А где тэй? — Реккк в упор посмотрел на парня. — А ты кто? Ничего не понимаю! Ты так похож на Кургана Стогггула, и все же глаза у тебя... — Он запнулся, глядя на Элеану.

— Чудо случилось не только с тобой. — Она кивнула. — Все правильно, это мой сын.

— Что? Твой сын должен быть новорожденным, а ему, — Реккк показал на юношу, — уже лет пятнадцать.

— Вообще-то тринадцать, — поправил юноша. — Пятнадцать мне исполнится завтра.

Элеана рассказала, как на них с тэем напал следивший за беглецами кхаггун, который смертельно ранил птицу и вызвал преждевременные роды до того, как кундалианка смогла прикончить нападавшего. Элеана показала, куда Сахор оттащил труп.

— Нит Сахор умирал рядом с моим малышом, — рассказывала она, — и с помощью той же техномагии, которая помогла ему воплотиться в образ тэя, сумел спасти ребенка.

Она показала на голову и сердце своего сына.

— Сахор здесь.

Реккк внимательно разглядывал юношу.

— У него нет ни нейронных отростков, ни цепи... И как объяснить *это*? — Он взъерошил холок черных волос на голове Сахора.

— Я Сахор, хоть и видоизмененный, — проговорил юноша. — Я уже не Нит, потому что живу здесь. Я изменил тело, но и оно оказало на меня сильное влияние. Я ни в'орнн, ни кундалианин. Я другой и останусь таким до конца своих дней. Все правильно, не так ли, Наватир? — Парень показал маленький черный предмет, который сжимал в ладони. — Он подключился к гэргоновской цепи в кундалианском ДНК, и процесс взросления многократно ускорился. Через семь дней, когда я достигну возраста двадцати лет, он снова подключится к моему ДНК и остановит мое старение. — Юноша отложил черный предмет. — У меня нет ни терциевых цепей, ни окуммона. И пусть в моем ДНК есть гэргоновский компонент, я, увы, навсегда отрезан от Космоса. С другой стороны, кажется, у меня присутствуют способности, о которых я даже не подозреваю. А еще у меня кундалианская мать. Похоже, мне очень повезло. — Сахор улыбнулся и потрепал Реккка по плечу. — Рад снова тебя видеть, Наватир.

Реккк мрачно смотрел на юношу.

— Ты все знал. Когда ты убеждал меня искать Миину, ты все знал.

— Точнее, предполагал, — сказал Сахор. — Мое знание Кундалы и ее обитателей сослужило добрую службу. И я всегда подходил к исследованиям очень добросовестно. Так или иначе, я ни в чем тебя не убедил. Несколько лет назад я обнаружил в тебе настоящую преданность жреца. И все же только вера позволила тебе превратиться в Наватира.

Вуаль Тысячи Слез пульсировала вокруг Рианы, повторяя очертания ее тела. Вуаль рисовала девушке За Хара-ат. Древний город был огромным сложным инструментом для самого могущественного колдовства. Город решили построить здесь потому, что в этом месте пересекались все силовые ручьи Кундалы. Каждую из секций города сооружали вокруг площади, под которой находилась по крайней мере одна точка пересечения ручьев. Секции города сообщались между собой и вме-

сте представляли цепь, которая при активизации могла генерировать колоссальную волшебную энергию.

На разных площадях Вуаль можно было использовать по-разному. Чтобы освободить Джийан, следовало выпустить тысячу драконовых слез на Площади Затруднений.

Риана вышла из колодца на Площади Смертельной Опасности. Дул пронизывающий ветер. Летучие мыши исчезли, зато вернулся соромиант.

Читая нараспев молитву, он вышел из тени и, прежде чем Риана смогла защититься, проткнул ее светло-синей стрелой волшебной энергии. Однако девушка заметила, что до точки пересечения ручьев, лежащей глубоко под площадью, рукой подать. Только бы до нее добраться, и она воспользуется силой ручьев. Но Риана чувствовала, как стрела пронзает тело и обвивается вокруг позвоночника. Внезапно девушка оказалась парализованной.

Соромиант подошел к ней, черные зрачки пульсировали. Риана заметила, что колдун старательно обходит силовые ручьи.

— Вуаль Тысячи Слез, — проговорил он, — будет моей. Наконец-то!

Боль потекла по позвоночнику Рианы. Соромиант усиливал заклинание, и девушка почувствовала, как могильный холод вытягивает всю энергию. Вот он прошептал еще что-то, и вторая стрела пронзила саму Вуаль.

— Бесполезно, — выдавила Риана, хоть из-за паралича говорить было очень трудно. — Вуаль мыслит. Она убьет тебя, если попытаешься ее отнять.

— Я не архидемон и не собираюсь отнимать у тебя Вуаль, Дар Сала-ат. — Увидев, как она удивилась, колдун рассмеялся. Его мантия затряслась от хохота. — Да, я знаю, кто ты такая. Кто еще мог поднять в коррушских степях столько шума? Кто, кроме Дар Сала-ат, мог достать Вуаль из священного тайника? — Он улыбнулся, обнажая неестественно крупные резцы. — Я долго и тщательно готовился к сегодняшнему дню и прекрасно знаю, как обойти все препятствия. И тебя, и Вуаль я забираю с собой. А со временем ты будешь делать то, что я прикажу. Как видишь, все очень просто.

— Нет, Талааса, — зазвенел голос с противоположного конца площади, — так тебе не отделаться.

Колдун обернулся на голос, и Риана почувствовала, что леденящий холод немного отпустил. С трудом повернув шею, она увидела, как к ним приближается маленькая фигурка Миннума.

Соромиант затрясся от смеха.

— Что? Из какой подворотни ты вылез? А я-то думал, стервятники давно полакомились твоим трупом.

— Можешь смеяться сколько хочешь!

— Не вмешивайся, Миннум. Твое мнение меня вообще не интересует, ничтожество! Где ты скрывался? Когда все братья томились в ссылке в коррушской глуши, ты сбежал, поджав хвост, и скрылся в какой-то норе. Ты спрятался от всех, даже от наказания.

— Наоборот, я понял, что от Миины не скрыться, и не забыл те грехи, что мы совершили.

— Грехи! — презрительно скривился Талааса. — Какие грехи? Мы сделали то, что нужно!

— Значит, ты все так же надменен и не желаешь видеть правду.

Талааса сплюнул.

— Наш «грех», как ты изволил выразиться, в том, что мы не выполнили нашу миссию. Я постараюсь, чтобы такое не повторилось.

— Значит, ты очень ошибаешься.

— Наш путь единственно правильный! — Талааса затрясся от гнева. — Идиот! Ты только взгляни на то, что осталось от монастырей! Без нас они просто разваливаются. Рамаханам нужен сильный лидер, которым может стать только один из нас. Неужели ты не понимаешь — нас обманывала Мать? Разделение власти между мужским и женским полом в принципе не могло привести ни к чему хорошему. Да и зачем нам делиться властью? Мужчины намного умнее и сильнее женщин. А бабы как жернова на плечах, они опускают нас до своего уровня и ослабляют.

— Ты все сказал? Теперь убирайся! — проговорил Миннум. — Не заставляй убивать тебя.

— Знаешь, Миннум, над тобой всегда все смеялись. Но новая святость вообще превращает тебя в паяца!

Заскрипев зубами, Миннум наложил заклятие. Риана почувствовала, как оно просвистело в воздухе. Талааса тут же блокировал заклинание.

— Это все, что ты можешь, малыш? — Холодная огненная стрела заставила Миннума отскочить. — Если не испугался, подойди поближе, мне есть чему тебя научить. — Вторая стрела опалила зрителю волосы.

Завизжав, Миннум широко раскинул руки. Между ладонями возникла тонкая оранжевая спираль, которая, зашипев, погасла, как костер под проливным дождем.

— Кажется, мне это начинает нравиться! — с горящими глазами заявил Талааса.

Новая стрела полетела прямо в грудь Миннума, который ответил спиралью помощнее. Стрела и спираль встретились на полпути. Дуэль захватила обоих соромиантов. Талааса издал страшный гортанный крик, а на кустистых бровях Миннума появился пот, капельки которого потекли в глаза. Мало-помалу стрела приближалась к зрителю, потому что спираль начала прогибаться в центре.

Предчувствуя скорую победу, Талааса весь отдался дуэли, и Риана почувствовала, что сила сдерживающего ее заклинания немного ослабла. Теперь она могла шевелиться и поворачивать голову, хоть как-то сопротивляясь боли и цепенящему холоду.

Сантиметр за сантиметром Риана тянулась к силовому ручью. Пот так и струился по лицу, а спираль, защищающая зрителя, раскололась почти надвое. Еще секунда — и она пронзит сердце Миннума. Огромным усилием воли Риана коснулась силового ручья и почувствовала, как ее наполняют сила и тепло, мгновенно растопившие холодный луч, парализовавший тело. Осознав, что случилось, Талааса закричал.

В этот самый момент Миннум собрал все мужество и направил на Талаасу собственную стрелу. Увидев это, Риана стала накладывать Переплетение Сосудов, и соромианту пришлось защищаться. Таким образом ей удалось отвлечь колдуна, а холодная стрела Миннума попала в цель.

Талааса упал на колени, его чары рассеялись окончательно, и Риану швырнуло на булыжную мостовую.

— Осторожно! — закричал Миннум, подбегая к ней. — Пригнись!

Слишком поздно. Талааса схватил ее тонкой, как свеча, рукой. Риана еще не оправилась от паралича и без подпитки силового ручья сильно дрожала.

— Ты слишком близко! — кричал Миннум. — Если я наложу заклинание, то задену тебя.

Краем глаза Риана заметила шестой палец на руке Талаасы и, недолго думая, схватила за него. Талааса словно только этого и ждал. Ловкое движение, и Риана ударилась виском о мостовую.

Из глаз посыпались искры, и Риана почувствовала зуд — соромиант накладывал новое заклинание. Ей показалось, что по телу ползет крошечная змея, и девушка, ухватив колдуна за мантию, покатила вместе с ним туда, где ее ждало спасение.

Почувствовав приближение силового ручья, некромант стал отчаянно сопротивляться, пытаясь вырваться. Но Риана не думала его выпускать и, собрав последние силы, перевернулась вместе с колдуном на место, под которым тек ручей.

Талааса широко раскрыл рот, чтобы закричать, однако его тело уже вспыхнуло и загорелось. Пламя было сильным, хотя не источало ни света, ни тепла. Легкое мерцание, похожее на светлячков над ночным озером, переросло во вспышку яркого света, которая через секунду погасла.

Миннум помог Риане встать и стряхнул пыль с ее одежды.

— Пресвятая Миина! — задыхаясь, проговорил он. — Мы чуть не погибли! — Миннум покачал головой, глаза лихорадочно блестя. — Ох, Вуаль Тысячи Слез действительно существует.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Риана и тут же махнула рукой. — Какая разница, тебе ведь нельзя верить.

— Разве я хоть раз соврал тебе? Не припоминаю...

— Миннум, — твердо сказала Риана, — я знаю, что ты соромиант.

— И что?! — вскричал он. — Пусть я соромиант, но не враг Дар Сала-ат!

— Я уже поняла это. — Риана хлопала бывшего зрителя по спине. — Спасибо, что вмешался. Ты очень храбрый!

Вспыхнув, Миннум пробормотал слова благодарности. Кажалось, он сам поражен собственной отвагой.

— Пошли, — тяжело дыша, проговорила Риана. — Чтобы освободить Джийан, мы должны попасть на Площадь Затруднений.

36

ПЕРЕСТРЕЛКА

Лидером отряда Соппротивления, к которому принадлежали Майя и Бассе, был молодой человек по имени Касстна. Маретэн показалось, что он всего на пару лет старше Бассе. Лицо у Касстны было некрасивым — широкое, с мелкими невыразительными чертами и ромбовидными глазами. Массивный плечевой пояс делал партизана неуклюжим. Маретэн сразу поняла, что нет смысла пытаться завоевать доверие Касстны. Она одна из в'орннов, а значит, враг. И все-таки Маретэн принесла в отряд чрезвычайно ценную информацию, которая поможет спасти жизнь многих бойцов. И, возможно, именно за это он ее и возненавидел. Хотя Касстна с готовностью принял то, что передала Рада, было совершенно ясно — партизанский командир не доверяет Маретэн и ждет, что она себя скомпрометирует.

Отряд выступил в полночь, под проливным дождем и ветром, раскачивавшим ветки деревьев. Несколько часов назад Маретэн, Майя и Бассе выбрались из Аксис Тэра по одному из многочисленных туннелей, миновав тщательно охраняемые ворота. На молодой женщине были темная туника, брюки, сапоги и тяжелая накидка, защищавшая от влаги и холода. Слева на поясе висела кобура с пистолетом, который дал ей Сорннн. Двигаясь на чтавре вслед за бойцами Соппротивления, Маретэн то и дело касалась холодного дула, чтобы приободриться и почувствовать себя ближе к Сорннну.

В отряде было двадцать человек, ехавших на сильных чтаврах. С Маретэн никто не разговаривал. Впрочем, как она заметила, молчали вообще все. Во время коротких привалов партизаны запивали водой безвкусный концентрат. На одном из них Майя показала художнице, как держать ионный пистолет, правильно целиться и стрелять.

Бассе, наблюдая за уроками, надрывался от хохота. Однако потом парень предложил Маретэн, вслед за Майей, косячок лааги. Первой мыслью художницы было отказаться, но затем она передумала. Маретэн видела, что Бассе поражен ее

умением ездить верхом, и боялась признаться Майе, что с пятидесяти шагов попадает в многоножку.

Они втроем сидели под навесом еловых веток, слушали, как дождь стучит, словно плотный артиллерийский огонь, и молча курили. Заглянув партизанам в глаза, Маретэн подумала, что им, должно быть, так же страшно, как и ей. А потом она поняла, что в бойцах Сопротивления вообще не осталось страха. Они походили на пустые раковины, на роботов, механически передвигающих ноги и выполняющих команды. Интересно, о чем они думают сейчас в тишине, наедине с собой? Маретэн захотелось обнять Майю и Бассе, сказав, что все будет хорошо. Интересно, в детстве их целовали перед сном? Маретэн показалось, что она слышит дыхание всех членов отряда. Ветер разносил запах елей-куэлло, и художница поняла: лаага обострила все чувства.

Вот подошел Кассна и велел собираться. Через минуту партизаны уже быстро поднимались вверх по склону. Город остался далеко позади. Двигаясь параллельно конвою, бойцы тем не менее держались на разумном расстоянии, чтобы остаться незамеченными. Маршрут конвоя был подготовлен практически безупречно, но слабые места, хотя и малочисленные, все же существовали. Маретэн поразилась, как быстро их обнаружил Кассна. Партизанский командир быстро выбрал позицию, наиболее подходящую для засады.

Это было сухое русло реки чуть западнее Щедрого Запаса и к югу от Встречающихся Долин. На всем пути от Аксис Тэра до Блестящего Барабана кхаггуны, как и обычно, двигались в объезд деревень, как можно дальше от крупных населенных пунктов. Значит, им придется приблизиться к сухому руслу. Основным преимуществом было то, что отряд сможет атаковать, находясь на одном уровне с кхаггунами. Недостатков же было два — во-первых, вдоль русла почти не росло деревьев, а во-вторых, при такой дислокации за спинами бойцов оказывался настоящий тупик — отвесная скала поднималась к более высокому плато.

Тщательный осмотр местности убедил Касснну, что нечего бояться, и последние предрассветные часы были посвящены подготовке к бою. Бойцы Сопротивления были вооружены ионными пушками средней мощности, поэтому оружия вдобавок к мечам и смекалке кундалиан должно было хватить.

Двух партизан оставили прикрывать тылы, остальным Касстна велел прятаться между соснами. Маретэн в приготовлениях не участвовала, потому что ее оставили защищать арьергард вместе с самодовольным кундалианином с глубоко посаженными глазами. Боец подошел к художнице, обнюхал ее, словно гончий пес, и решил держаться подальше. Сквозь предрассветную мглу Маретэн видела, как партизан затягивается лаагой.

Снег перестал несколько часов назад, но температура продолжала падать. Земля покрылась тонкой коркой льда.

Забрезжил рассвет, конвой уже покинул западный арсенал. Маретэн нашла чахлую, запорошенную снегом сосенку и с удовольствием присела, облокотившись на жесткий ствол. Время от времени она видела Майю и Бассе, сновавших туда-сюда, выполняя задания командира. Однажды Маретэн перехватила злобный взгляд Касстны, смело взглянула ему в глаза и даже улыбнулась. Голова просветлела, но молодая женщина все еще чувствовала вкус лааги. Страшно хотелось пить.

Маретэн прислушалась. С юга доносился звук двигателя бронированного грузоволета. Бойцы Сопротивления приготовились. Конвой приближался.

Похоже, второй часовой был вполне доволен поручением, а вот Маретэн не находила себе места. Возбуждение, охватившее художницу в тот момент, когда Майя и Бассе вывели ее из Аксис Тэра, достигло апогея. Поднявшись на ноги, Маретэн стала осматриваться. Ее внимание привлекло плато, располагавшееся выше. Хотя его уже обследовали, молодой женщине было просто необходимо чем-то заняться.

Грохот бронированных грузоволетов звучал отчетливее. Вероятно, их отделял от засады партизан примерно километр. И наверняка кхаггуны намеревались проскочить сухое русло как можно быстрее.

За час Маретэн изучила верхнее плато в малейших деталях. Взглянув на него еще раз, она заметила — там что-то изменилось. Чтобы уяснить, что именно, художнице пришлось всматриваться несколько минут.

Вытащив ионный пистолет, она обернулась, пытаясь отыскать Касстну. Однако все бойцы попрятались за соснами, конвой приближался, и подойти к партизанам Маретэн не решалась. Лучше рассказать второму часовому.

Грохот заполнил сухое русло, эхом отражаясь о скалы. Кинув последний взгляд на верхнее плато, художница бросилась обратно, перебегая от одного дерева к другому. Второй часовой перестал курить, но стоял в той же позе.

В тот момент, когда Маретэн поравнялась с ним, раздались первые залпы ионных пушек. Часовой стоял, облокотившись на сосну, и смотрел в пустоту. Маретэн шепотом начала рассказывать о том, что увидела, но пушечные залпы заглушили ее слова. Молодая женщина похлопала бойца по плечу, парень упал на обледеневшую землю и покатился. В ту же секунду Маретэн увидела, что шея партизана проколота двумя уда-рами ионного кинжала.

Обдумывать, как это могло случиться, было некогда. Выхватив ионный пистолет, художница начала пробираться поближе к верхнему плато. На краю сухого русла начался настоящий бой. Маретэн не стала останавливаться и следить за ходом сражения. Ее терзало сильное подозрение, что место засады стало каким-то образом известно врагу.

Вот она оказалась в пределах досягаемости выстрела. Прижавшись к земле, Маретэн решила взглянуть на плато поближе, и вдруг кто-то сильно ударил ее по виску. Она упала, ударившись плечом и головой о землю. Почувствовав какое-то движение, молодая женщина заметила кхагггуна, который, должно быть, и убил второго часового. Она быстро перевернулась и увидела меч, занесенный над собственной головой. Кхагггун попытался приблизиться, но поскользнулся на льду в нескольких сантиметрах от грудной клетки Маретэн.

На секунду воцарилась тишина. Молодая женщина заглянула в безжалостное, защищенное броней лицо кхагггуна и прочла на нем свой смертный приговор. Почувствовав всепоглощающий страх, Маретэн нажала на спусковой крючок и выстрелила солдату в голову.

Она лежала в луже крови, сердца бешено стучали. Перед глазами был густой туман, ее тошнило и трясло. Это совсем не то, что стрелять по мишеням. Она убила живое существо. Какая-то часть Маретэн взбунтовалась против случившегося. Как она могла совершить подобное? Тут Маретэн вспомнила, как Касстна спрашивал, убивала ли она раньше, и насмешливое замечание Майи: «Да она и блохи не убьет».

Поднявшись на ноги, Маретэн заставила себя перестать дрожать. Вокруг пахло кровью и рвотными массами. Хотелось бежать прочь, не оглядываясь. Только Маретэн знала, что не может так поступить. Внезапно ей снова стало не по себе, кровь будто застыла в жилах. Повернувшись к скале, она увидела нескольких кхаггтунов и поняла, что отряду партизан конец.

Что есть сил Маретэн побежала в самый центр боя. Конвой поднимался на скалу по гравитационному мосту, сопровождающие яростно отстреливались, а кхаггтуны все прибывали и прибывали. Касстна, весь в крови, продолжал выкрикивать приказы. Маретэн начала говорить, что с тыла наступают кхаггтуны, но, увидев, в каком художника состоянии, Касстна решил, что она не в себе. Зарывав словно зверь, он оттолкнул ее. Маретэн рванулась дальше, поскользываясь на тонком льду, падая и спасаясь от пушечных залпов, пока не нашла Бассе. Вокруг, куда бы она ни посмотрела, лежали погибшие бойцы.

Услышав новости, Бассе мрачно кивнул, и они вместе отправились искать Майю. Передвигаясь по сухому руслу, Маретэн и ее спутник видели, как кхаггтуны быстро проходят по гравитационным мостам, поднимаясь на скалу и сверху обстреливая бойцов Сопротивления. Майю они нашли под телами погибших товарищей, которые девушка использовала в качестве редута. Бассе с трудом вытащил ее из импровизированного укрепления. Утреннее небо пылало от пушечных залпов. Кхаггтуны возводили новые мосты, по которым прибывало подкрепление. Оказавшись на том месте, где оставался раненый Касстна, Маретэн, Бассе и Майя увидели, что все остальные бойцы убиты или смертельно ранены. От целого отряда остались только они.

Горный краж кишел кхаггтунами — теми, кто поднялся по мостам, и теми, кто таился в засаде. Бежать было некуда, отступать слишком поздно, оставалось только сдаться.

— Помню свой первый труп, — сказал Олннн. — Это было на Аргггеде-3.

— Я тоже помню Аргггед-3, — кивнул Локкк Виэрррент, блиставший в новом мундире флот-адмирала с нашивкой в виде пятиконечной звезды, символизирующей новую должность. — Настоящая помойная яма.

— Я увидел его в лимновой рощице.

— Да, жуткие были деревья. Страшные шипы, оставлявшие царапины, а иногда и рубцы.

Виэррент и Рада сидели в напичканном оружием звездолете Рэддлина. Мимо проносились огни Аксис Тэра и тысячи лиц горожан, слившихся в одно расплывчатое пятно. Гул двигателя заглушал шум столицы.

— А вот этот аргггедианец среди деревьев чувствовал себя замечательно и весь день отстреливал кхагггунов. Я искал его три с половиной часа. Но вот, поймав на прицел ионной пушки, я нажал на гашетку, и его голова разорвалась на куски. За секунду до этого голова напоминала блестящую луну, а потом превратилась в кровавое месиво... И, знаешь, ничего особенного я не почувствовал.

— И не должен был, — кивнул Виэррент. — По крайней мере в первый раз.

Впереди в кабине пилот и перв-капитан не отрываясь следили за исчезающим городским пейзажем.

Олннн наклонился вперед.

— Вечером того же дня наш отряд бился с аргггедианцами в рукопашную. Я смотрел врагу в глаза, наблюдая, как он содрогается в конвульсиях, как медленно угасает его жизнь. Мне казалось, что все должно идти именно так.

Рада слушала молча. Она чувствовала, как от обоих кхаггггунов исходят такие волны напряжения, что кожа под доспехами зачесалась. Адмиралы придумали, как убрать регента. Кому принадлежала идея, Рада не знала. Зато понимала, что друзья закусили удила. Поэтому они и говорили о смерти так искренне и серьезно, пытаясь разобраться в ее сущности, постичь, по сути, непостижимое. Они были настоящими кхаггггунами — без риска жизнь казалась им просто бессмысленной.

Рада чувствовала, что Олннн говорит быстрее, чем обычно, будто его не слушался собственный язык. Звезд-адмирал сидел, положив левое запястье на колени. Пальцы дрожали, и Рада поняла, что ему страшно. Мужчина и воин, он все равно боялся. Несмотря на бесспорную смелость, Олннн боялся, и это заставило Раду взглянуть на него другими глазами. Рада подумала, что хотя не может принять его злость, то по крайней мере готова с ней смириться.

Звездолет замедлил движение и, описав плавную дугу, стал снижаться. Локкк Визэррент поднялся с места. Рада увидела, что они оказались в темной пустынной части города. Фонари не горели, по улице бродили собаки. Перед тем как выйти, Визэррент многозначительно взглянул на Олнна. Обернувшись, Рада смотрела, как флот-адмирал не торопясь, даже вяло идет по улице. Собаки попятнулись и, пождав хвосты, оскалили зубы. Звездолет набирал высоту, и Рада заметила, как в свете прожектора сверкнули кхаггунские доспехи.

Солдаты направлялись к регентскому дворцу.

Олннн пристально смотрел ей в глаза.

— Ну, расскажешь наконец, что ты придумал? — спросила Рада.

Адмирал подсел к ней. Его тело оказалось так близко, что она чувствовала его тепло, почти такое же сильное, как шум двигателя звездолета. Медленно повернувшись к Раде лицом, Олннн прильнул к ее губам.

Продолжая придерживать ее голову, он зашептал:

— Я все знаю.

Рада непонимающе на него посмотрела, но сердца тревожно забились.

— Я знаю, что ты подсмотрела маршрут движения конвоя. Мы с Локкком Визэррентом составляли его с особой тщательностью. Видишь ли, фактически есть только одно место, где бойцы Сопротивления могут устроить засаду, и мы заранее послали туда несколько кхаггунских отрядов.

— Не понимаю, о чем ты.

Олннн зажал ее ладонь между своих.

— Твои друзья направляются прямо в ловушку, и ты ничем им не поможешь.

Сердца перестали биться. Подумав о Маретэн, Рада чуть не расплакалась.

— Не понимаю, зачем тебе это. Зачем ты предаешь в'орнов, чтобы помочь им?

— Тебе не понять, раз ты говоришь о врагах лишь как о жертвах и трофеях.

— Ты права, — кивнул Олннн. — Мне никогда не понять измены.

— Тогда как называется то, что вы с флот-адмиралом собираетесь сделать сегодня?

— Это не измена!

— Ну конечно!

— Мы патриоты! Смерть регента не принесет в'орнам ничего, кроме пользы.

— Именно поэтому я и помогаю Сопротивлению. В'орнам очень нравится самообман. Любой смерти можно найти оправдание, а потом просто забыть. Механизм доведен...

Олннн ударил Раду по лицу, и она не осталась в долгу.

— Ну отлично. — Женщина прикрыла след от удара ладонью. — Чего и следовало ожидать.

Олннн окинул Раду возмущенным взглядом.

— Мне казалось, ты другая. Я даже начал уважать тебя.

— Сейчас, — усмехнулась Рада, — только раздвину ноги.

— А ты меня предала.

— Неужели все мужчины одинаковые? — воскликнула она. — Дело вообще не в тебе.

— За что ты меня так ненавидишь?

Несмотря на опасность положения, в котором она находилась, Рада рассмеялась.

— Какой же ты дурак!

Олннн схватил ее за плечи.

— До сих пор помню, что увидел в твоих глазах на калллитоте.

— Скорее всего тошноту. Я думала, меня вырвет.

Зарывав от отвращения, Олннн ее отпустил. Они уже снижались над регентским дворцом, и он предостерегающе поднял палец.

— Так или иначе, совсем скоро все изменится. Регент назначил нам встречу в саду. Отличный повод рассказать ему о твоей измене, он будет просто в восторге.

— Зачем тебе это? Если Курган посадит меня в тюрьму и убьет, тебе конец.

— Ничего он не сделает, — хитро улыбнулся Олннн. — Потому что, пока он начнет поздравлять меня с успехом, в сад ворвутся кхагтгуны Виэрррента, перебьют хааар-кэутов, а я прикончу регента.

Звездолет пошел на снижение. Регентский сад ярко освещали фонари, высвечивая коротко постриженные сзасаловые деревья и ажурные изгороди ярким мертвенно-голубым светом. Зброшенное, полуразрушенное гнездо многоножек среди ветвей. Невыкорчеванные пни старых, спиленных много лет назад деревьев. Разлагающийся скелет того, что когда-то было самым большим садом АксисТэра. Нечто, ранее величественное и дикое, теперь стало культурным и каким-то жалким. Большую часть деревьев попросту спилили, ведь, согласно кхаггунским требованиям безопасности, парк должен был просматриваться со всех сторон. Ветер негромко шелестел пожухлой скошенной травой. Повсюду стояла кладбищенская тишина, будто сад скорбел по тем, кого насмерть замучили в пыточных казематах под дворцом.

Рада увидела хааар-кэутов, рассредоточенных по саду. Скрестив руки на груди, Курган Стоггул наблюдал за снижением звездолета. Рядом с ним стоял гвардеец, что-то нашептывая правителю на ухо.

— Как обычно, один телохранитель, — объявил Олннн, — первая мишень для лучшего снайпера Виэррррента.

Звездолет опустился на пожухшую траву. Адмирал разоружил Раду и застегнул на шее фотонный ошейник.

— Ты моя пленница, — прошептал он, — веди себя соответственно.

— Разве мне придется притворяться? — едко спросила она. Правда, когда они собирались выходить, Рада не выдержала: — Не делай этого, Олннн. Еще не время. Вспомни завет. Пока ты не изменишься, тебе не одолеть Кургана. Ты еще недостаточно силен. И ни физически, ни морально не готов...

Олннн ударил ее наотмашь.

— Заткнись, счеттта! — рывкнул он, выталкивая Раду из звездолета. — Мнение предательницы меня не интересует.

Они подошли к регенту, и Курган смерил Раду презрительным взглядом.

— Ты издевалась надо мной, — прошипел он, врезав ей кулаком по лицу. — Что за данные ты мне поставляла? Дезинформацию, над которой потрудились бойцы Сопротивления? — Он снова ударил. На этот раз так сильно, что Рада упала на колени, безвольно откинув голову назад. Она отчаянно жела-

ла, чтобы план наконец начал осуществляться. Молодая женщина поклялась, что больше никогда не встанет на колени.

Курган улыбнулся Олннну.

— Прекрасная работа, звезд-адмирал. До моих хааар-кэутов начали доходить слухи, что в твоей свите появилась вооруженная тускуггун. Они стали сомневаться в твоей преданности, но я-то знаю, что могу верить тебе, как себе самому.

— Спасибо, что верите в меня, регент, — поблагодарил Олннн. — Многие кхагггуну, включая членов командования, завсегдатаи «Кровавого прилива». Огнесортный нумаадис помогает закрыть глаза на многое.

— Закрыть глаза, уши и рты, — кивнул Курган.

Внезапно сад ожил. Снайпер Виэрррента уложил телохранителя Кургана. Остальные хааар-кэуты попали под огонь отряда флот-адмирала. Обнажив меч, Олннн рванулся к Кургану. Регент поспешно отступил, и тут на него бросилась поднывавшая с колен Рада.

— Нет, Рада, назад! — закричал Олннн.

Налетев как бешеная, Рада повалила Кургана на спину и хотела вытащить его кинжал, но правитель схватил ее за большой палец и стал выгибать. Рада сдавила горло регента, и несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Хрустнув, указательный палец сломался, и Рада вздрогнула от резкой боли. Стряхнув ее ладонь с рукояти кинжала, Курган перерезал женщине горло. Рада выгнулась, отчаянно замолотив руками, и регент нанес ей еще несколько ран.

Лицо Олннна превратилось в маску. Обнажив зубы, адмирал кинулся на Кургана.

— Я должен тебя убить, — закричал он. — Это судьба!

И в тот момент, к удивлению адмирала, телохранитель Кургана, которого уложил снайпер Виэрррента, поднялся из мертвых. Очертания гвардейца стали расплывчатыми, покрылись рябью, словно вода, и он превратился в гэргона Нита Батокссса.

Гэргон предостерегающе поднял левую руку, но Олннн не остановился. Он почувствовал, как колдовство Малистры пробудилось в нем, наполняя силой. Малистра давно готовила его к этому событию. Он был волшебным убийцей, которого не остановит ни ионный огонь, ни техномагия гэргонов. Он непобедим!

Меч был в сантиметре от горла регента, когда неведомая сила сбила Олнна с ног и отшвырнула назад. Кости заколдованной ноги раскололись на тысячи мелких осколков, по телу разлился леденящий холод.

С вытянутой левой рукой Пэфорос склонился над адмиралом.

— Ну, что ты чувствуешь, когда с каждой секундой сил становится все меньше? — поинтересовался гэргон.

Олннн хотел ответить, но не смог. Он не понимал, что же произошло. Ведь Малистра говорила, что он обречен на славу. Он вступил в сговор с самым умным представителем верховного командования, имея власть и прекрасную возможность для переворота. Он сумел извлечь пользу из своего положения. Или не сумел? Все перевернулось вверх дном — возможность обратилась в ловушку, а слава вытекала из тела вместе с кровью. Еще одна секунда — и ему конец, он даже не сможет умереть достойно. Олннн повернул голову — Рада лежала рядом, глаза ее неподвижно смотрели куда-то вдаль. Кровь еще не остыла. Адмирал вспомнил, какой она была на калллистоте: мышцы напряжены, маленькая грудь судорожно вздымается, в глазах абсолютная решимость. Олннн подумал, что такой она, наверное, и была на самом деле. Последний судорожный вздох — и Рады не стало.

Олннну показалось, что его тело тает. Будто холод придавал ему живительную силу, а сейчас все ближе смертельный огонь. Едва вращая воспаленными глазами, адмирал посмотрел вниз и к своему ужасу увидел, что кости заколдованной ноги стали желтыми, мягкими и податливыми. С одной стороны из кости появился хвост, с другой — голова. Малистра смотрела на Олнна крошечными испуганными глазками. Через секунду змея превратилась в пепел, и сознание звезд-адмирала едва не помутилось от страшной боли.

Послышались ритмичный грохот и тяжелая поступь кхагтунских сапог. Хриплый голос отдавал приказы. Командовал уже кто-то другой. Сознание покидало Олнна вместе с жизнью.

Рука стала тяжелой, будто весила несколько тонн. Адмиралу страшно хотелось прикоснуться к Раде в последний раз. Вот бы дотронуться до теплой гладкой кожи и умереть! Но единственное, что нащупали слабевшие пальцы, были блестящие верадиумовые доспехи.

Рэдддлин умер, чары Малистры рассеялись, и Пэфорос потерял к адмиралу интерес. В регентском саду порядок приходил на смену хаосу. На помощь пострадавшим хааар-кэутам подоспели два резервных отряда. Кхаггуны Виэрррента оказались в меньшинстве.

— Бойня! — радовался Пэфорос. — Как здорово!

Курган быстро поднялся на ноги.

— Здорово, что с помощью окумммона ты можешь подслушивать разговоры кхагггунского командования.

— Вот что значит принадлежать к касте избранных! — проговорил Пэфорос. — Нит Батокссс считал, что за кхагггунами нужно присматривать, и не ошибся.

Курган заметил, что о Ните Батоксссе архидемон говорит в прошедшем времени, и подумал, что от духа гэргона давно ничего не осталось.

Подошел перв-капитан Квенн с кратким докладом об операции. Всех мятежных кхагггунов перебили, однако их главарь Локкк Виэрррент куда-то исчез. Курган приказал расширить зону поисков, назначив перв-капитана ответственным. Сообщать Кввену, а значит, и всем остальным кхагггунам, что Виэрррента легко найти с помощью окумммона, не было никакого резона, Кургану вовсе не хотелось поднимать излишний шум.

— Посмотри, я весь в крови! — объявил он, поворачиваясь к Пэфоросу.

— Это не твоя кровь, регент, — заметил демон. Непонятный жест — и кровавые пятна исчезли.

Курган пнул труп звезд-адмирала.

— Ты не особо спешил помочь мне.

— Я не ожидал атаки тускуггун, — пожал плечами Пэфорос.

— Надеюсь, в следующий раз ты будешь действовать быстрее, — проворчал Курган.

Архидемон рассмеялся и схватил Кургана за загривок.

— Я уже действую! Я слышу, как поет мой любимый город! За Хара-ат вернулся к жизни! И наконец я знаю, где Вуаль Тысячи Слез! Собирайся! Мы уезжаем. — Пэфорос распахнул пальто. — Хотя стоп. Сначала нужно разыскать Сорннна СаТррэна.

— Прим-агента? — нахмурился Курган. Ему не хотелось, чтобы другие в'орнны знали о существовании Вуали. — Зачем он нам?

— Он знает о заброшенном городе больше, чем кто-то другой, за исключением Бэйи Дас, которые занимаются там раскопками. В этом чертовом теле мне придется потратить много времени, выбивая у них информацию. А Сорнни СаТррэн охотно нам поможет.

Финальная сцена боя предстала перед глазами Маретэн как нарисованная на полотне. Композиция, текстура, краски и перспектива воплотились в группы бегущих кхаггунов, мерцание залпов, отражающихся на забралах, зеленые вспышки ионного огня, бесконечные шеренги новых подкреплений на верхнем плато.

Спрятавшись за сосной, Бассе прицелился из ионной пушки в кхаггуна, перерезавшего глотки уже мертвым бойцам.

— По крайней мере кто-то из них умрет вместе с нами, — процедил он сквозь зубы.

Маретэн положила руку на дуло пушки.

— Подожди, — попросила она, — кажется, я кое-что придумала.

Они оттащили убитого перв-капитана за сосну и быстро сняли с него одежду. Примерив шлем, Маретэн вопросительно посмотрела на кундалиан.

— Ну как?

Бассе кивнул, удерживая пушку Майи, пока та помогала Маретэн надевать доспехи.

Через несколько секунд они вышли из-за пылающей сосны и поспешили к основному мосту, который поднимался к конвою грузолетов. Маретэн держала пушку за спинами Майи и Бассе, которые казались безоружными.

Маршал третьего ранга, охранявший мост, не задал ни единого вопроса, когда Маретэн по рации сообщила ему, что ведет пленных на допрос.

— Да, сэр. А может, позвольте мне поразвлечься с ней, сэр... — сказал он, покосившись на Майю.

Стараясь не обращать на офицера внимания, Маретэн толкнула кундалиан на мост, чувствуя, что сердца вот-вот вырвутся из груди. Они прошли уже половину пути, когда за спиной раздался крик. Обернувшись, в огненном зареве залпов Маретэн увидела командира взвода, отчаянно размахивающего руками.

— Что происходит? — кричал он. — Перв-капитан, кто позволил вам вести кундалиан на борт грузолета?

— Бегите! — закричала Маретэн, швыряя Бассе пушку.

До ближайшего грузолета было рукой подать, когда кхаггуны открыли огонь. К счастью, точечный, а не шквальный. Скорее всего солдаты боялись попасть в грузолеты. Бассе и Майя уже успели подняться на борт, когда залп отсек мост от грузолета, и Маретэн поняла, что падает. Зацепившись за секцию моста, художница повисла в воздухе и, раскачиваясь, удалилась о борт грузолета.

Она посмотрела наверх. Бассе не заметил, что произошло. Он сначала уложил троих оставшихся на борту кхаггунов, а потом принялся за тех, кто приближался к ним по горному хребту. Майя пристально посмотрела на Маретэн, и на секунду молодая женщина испугалась, что партизанка забудет, кто перед ней. Ведь она была в доспехах кхаггунов, которые только что уничтожили целый отряд Соппротивления.

Майя схватила Маретэн за руку и втащила на борт грузолета. Бассе продолжал уничтожать кхаггунов, когда художница бросилась к панели управления. Маретэн имела достаточный опыт вождения пассажирских кораблей, чтобы понять, как управлять грузолетом. Она завела двигатель и включила полную скорость. С оглушительным шумом и грохотом весь конвой поднялся в воздух. Однако из-за точных залпов кхаггунов грузолеты тут же накренились. Не отрываясь от панели управления, Маретэн крикнула Бассе, и партизан возобновил огонь. Его выстрелы уложили нескольких кхаггунов, другие бросились врассыпную.

К тому времени Маретэн уже успела выровнять грузолеты, а Бассе не отходил от пушек, стреляя так яростно, что ответные удары были беспорядочными и неточными. Управлять конвоем из трех грузолетов было непросто, однако они быстро набирали скорость и высоту, оставив место кровавой бойни позади.

Наконец Бассе оставил пушку и вошел в кабину к Маретэн и Майе.

— Куда мы направляемся? — спросила Маретэн. Она сняла тяжелый массивный шлем, и ветер и солнце тут же высушили капельки пота на блестящем черепе. Художнице казалось, что никогда в жизни она не видела такого красивого и яркого пейзажа. Земля будто радовалась их чудесному спасению.

Положив руку ей на плечо, Бассе показал на северо-запад, и Маретэн, полностью освоившись, повела конвой к тенистому массиву Дьенн Марра.

37

НОЧЬ ТЫСЯЧИ СЛЕЗ

Когда у ворот монастыря Плывающей Белизны зазвенел колокольчик, конара Инггрес пошла открывать. Перед воротами на огромном черном чтавре сидели трое. Порывистый зимний ветер затушил фонари. Фигуры странников темнели на фоне блестящих танцующих в воздухе снежинок, свет которых отражался на посеребренных минаретах, гордо поднимающихся над белокаменными стенами. Далеко внизу, в многоярусном Каменном Рубеже, лаяли собаки.

— Чем я могу вам помочь? — спросила Инггрес, держа фонарь высоко над головой.

— Нам нужна конара Урдма, — проговорила красивая молодая женщина с серо-зелеными глазами. Она сидела посередине и наклонилась, чтобы получше рассмотреть конару Инггрес. — Вы ведь не Урдма?

— Нет, — покачала головой Инггрес, — конара Урдма мертва.

Странники переглянулись.

— Что случилось? — спросила девушка.

— Ну, это долгая история. А расскажу я вам ее или нет, зависит от того, кто вы такие. — Инггрес храбро шагнула вперед. — Меня зовут конара Инггрес. А кто вы?

Прежде чем странники смогли ответить, сильный ветер распахнул ворота. Они заскрипели, и чтавр ударил копытом оземь. Огромная голова повернулась к Инггрес, и она увидела, что это не чтавр, а нарий.

— Милостивая Богиня! — Конара упала на колени. — Я молилась не напрасно! — Она встала и благоговейно потрогала

влажную морду нария, на ощупь мягкую, как бархат. Дрожащие пальцы коснулись рога, и конара глубоко вздохнула. — Мы спасены! Явился Наватир верхом на нарии, одном из священных животных Миины, которые исчезли с лица Кундалы почти сто лет назад. — Конара Инггрес дрожала. — Значит... Кто из вас Дар Сала-ат?

— Конара, Дар Сала-ат сейчас в другом месте, — ответил Наватир красивым мелодичным голосом, удивившим конару. Инггрес не меньше, чем его внешность. — Мы ее спутники.

Глаза конары сияли.

— Вы видели Миину! Великая Богиня вернулась!

— Увы, нет, — сказал Наватир. Он был очень высоким, широкоплечим, как в'орнн, однако с кундалианским лицом, на котором светились светло-голубые глаза. У Наватира были белокурые вьющиеся волосы. Правда, больше всего конаре Инггрес понравился его рот — крупный, сочный, свидетельствующий о доброте и великодушии. — Я принес клятву ее эmissару, Эйгу.

— Милостивая Богиня, вы видели красного дракона? — Несмотря на холод, по спине конары катился пот. Казалось, страшные события, начавшиеся с того момента, как она поняла, что Джийан одержима демоном, подходят к концу.

— Именно Эйг послал мне нария, — сказал Реккк, глядя блестящие бока животного.

Конара Инггрес мысленно поблагодарила Миину.

— Одно за другим пророчества сбываются. Но ведь место Наватира возле Дар Сала-ата, — нахмурилась конара. — Где он сейчас?

— Долго рассказывать, — проговорил Реккк. — Можно нам войти? Элеана недавно родила и нуждается в пище и отдыхе.

— Ну конечно! — Конара Инггрес гостеприимно раскрыла ворота и удивилась, взглянув на Сахора. «Еще один престранный кундалианин», — подумала она. У парня были большие сине-зеленые глаза и задумчивый вид волшебника, который совершенно не сочетался с угловатыми, почти грубыми чертами лица. Никогда раньше Конара Инггрес не встречала кундалиан с одним только хохолком. — А где новорожденный?

— Это тоже не объяснишь в двух словах, — сказала Элеана. Она боялась, что рамахана отнесется к ним с недоверием.

Стараясь не смотреть на Сахора, она сказала: — Не беспокойтесь, мой сын жив и здоров.

— Значит, все в порядке, — обрадовалась конара Инггрес. — Вы пришли в подходящий момент. Мне очень нужны союзники.

— А что случилось? — спешившись, спросил Реккк.

— Проходите — и сами все увидите.

Нария путники оставили бродить по огромному двору.

Конара Инггрес провела пришельцев в центральную часть монастыря, где толпились рамахан. В кельях царил беспорядок, особенно в самых отдаленных, где всю мебель передвинули к дверям, ведущим в глубь здания. У этих импровизированных баррикад сидели три чудища, похожие на кошек. Взъерошенная их шерсть была ярко-золотой с черными пятнами. Чудища беспокойно поворачивали гладкие головы, поджав маленькие треугольные уши. Однако при виде незнакомцев они не зарычали, не оскалили зубы.

— Йа-гаары! — воскликнул Сахор.

— Это Сахор, — представила Элеана.

— Понятно, — сказал конара Инггрес, помогая Элеане прилечь на резную софу, которую не успели подтянуть к дверям. — В'орнн с волосами.

— Да, он не такой, как все.

В древних каминах заплесало пламя. Над одним из очагов висел закопченный котелок. Осмотрев Элеану, конара Инггрес подошла к очагу и налила суп в грубую миску. Затем, приготовив смесь из трав, корней и сушеных грибов, она добавила их в бульон и дала Элеане, велев пить небольшими глотками. Молодая женщина послушалась, а потом посмотрела на жавшихся к стенам рамахан. Вид у обитательниц монастыря был подавленный и отрешенный, будто они совсем недавно потеряли близкого родственника. Казалось, от пережитого шока рамахане потеряли счет времени. У самых младших по щекам текли слезы. Они двигались неслышно, словно тени. Безразлично оглядывая незнакомцев, рамахане выполняли свои обязанности со смешанным чувством равнодушия и страха.

— Монастырь переживает тяжелые времена, — сказала конара Инггрес. — Угощайтесь, пожалуйста, — предложила она, — еды хватит всем. — Послушницы подали Реккку и Сахору чаши с дымящимся бульоном.

Сложив руки на груди, конара Ингрес коротко рассказала, как в монастыре появилась одержимая демоном Джийан.

Выслушав конару, Реккк и Элеана многозначительно переглянулись. Элеана заметила, что Реккк вздохнул с облегчением. Услышав, что Джийан совсем рядом, он почувствовал себя сильнее и увереннее.

— Хорошие новости, — обращаясь к конаре Ингрес, сказал Рекккк, и Элеана поняла, что не ошиблась. — Мы потеряли Джийан, когда на нее наложили Маласокку.

— Боюсь, что не могу с вами согласиться, — с горечью проговорила конара Ингрес. — Джийан освободила из магического плена свою сестру, чтобы отдать ее тело брату Хоролаггии. С тех пор они вместе подсаживают рамаханам демонов, которые как-то выбрались из Бездны.

— Живущий в теле Джийан архидемон фактически захватил монастырь? — спросил Наватир.

— Не совсем. Джийан, я имею в виду настоящую Джийан, которая томится в Иномирье, объяснила мне, как оживить йа-гааров. Они убили конару Бартту, послав брата Хоролаггии обратно в Бездну. Однако самого Хоролаггию им едва удастся сдерживать. Кажется, он знает, что я не позволю йа-гаарам растерзать тело Джийан. Хотя Бартту я не пожалела... Монастырь сейчас раскололся на два лагеря, — грустно добавила конара Ингрес. — Часть послушниц примкнула ко мне, другая, гораздо бо́льшая, — к архидемону в облике Джийан. Они утверждают, что видели Дар Сала-ата.

— Это невозможно, — возмущенно воскликнула Элеана, — никого они не видели!

Конара Ингрес приготовила припарку для Элеаны.

— За посланника Богини выдают соромианта. У него черный шестой палец, как и написано в книгах.

Наватир вытер губы.

— Настоящий Дар Сала-ат — девушка.

— Значит, ей будет еще труднее. — Конара Ингрес приложила припарку к животу Элеаны. Раздалось монотонное бормотание — рамаханы начали молиться или плакать. Конара поднялась. — Все считают, что раз Дар Сала-ат — воин, то это должен быть мужчина, и Хоролаггия это ловко использует.

— Тем не менее мы должны попытаться помочь Джийан, — заявил Реккк. Он рассказал, что Дар Сала-ат разыскивала Вуаль Тысячи Слез, с помощью которой можно изгнать Хоролаггию, не навредив Джийан. — Только боюсь, у нее ничего не вышло. Солнцестояние наступает сегодня в полночь, и никаких признаков того, что Дар Сала-ат нашла Вуаль, нет. Если не начать действовать прямо сейчас, то все пропало. Джийан будет обречена, а архидемон получит доступ к ее памяти и всем знаниям, включая Дар.

Конара Инггрес раскрыла рот от удивления.

— Архидемон будет знать Осору!

— Вот именно, — сказал Наватир. — Джийан — моя возлюбленная, я не позволю ей погибнуть. Если Дар Сала-ат не может одолеть Хоролаггию, значит, это сделаю я. Пожалуйста, скажи мне, где она сейчас.

— Нет!

Все посмотрели на Сахора, который допивал бульон.

— Наватир, ты же сам сказал, что вот-вот наступит солнцестояние. Мы не имеем права на ошибку. Ты слишком любишь Джийан и не сможешь обмануть архидемона, — рамахины молчали, опустив головы, — а я смогу.

— И слышать не хочу ни о чем подобном! — рявкнул Реккк.

Понимая, что так они ничего не добьются, конара Инггрес подошла к Сахору.

— Тебе придется завоевать доверие йа-гааров. Без них нельзя даже приближаться к архидемону. — Конара заглянула юноше прямо в лицо. — Что скрывают твои глаза? Ты зеленый юнец, каким кажешься, или намного старше и мудрее любого из нас?

Ответа конара Инггрес не ждала, и это понимали все собравшиеся.

— Нит Батокссс призывает нас, — пождав губы, процедил Курган. — Сорнни СаТрэн, у вас неважный вид. Вы больны?

— Нет, я...

— Отлично. Потому что мы отправляемся в За Хара-ат. Вы ведь ориентируетесь там лучше любого в'орнна. Даже лучше тех баскирских архитекторов, которых мы наняли.

В резиденции Сорннна царил беспорядок, как в гостинице, где постояльцы все время меняются и ни у кого нет лич-

ных вещей. Потолки казались невероятно высокими, а голые стены напоминали пещеру или Ньеобский храм. Оба в'орнна чувствовали себя крошечными и потерянными.

— Скажите, к чему такая спешка? — спросил Сорннн.

— Так хочет Нит Батокссс, — развел руками Курган. — В конце концов, он же убедил Товарищество поддержать наш проект. Так что долг платежом красен.

— Да, конечно. — Сорннн поспешно отвернулся. Из-за недавних событий он никак не мог собраться с мыслями. Прим-агент стал укладывать карты, собственные записи и прочие необходимые вещи. Как хорошо, что ему приходится часто ездить к коррушам и багаж всегда наполовину собран! В тот момент мысли Сорннна были далеко от Аксис Тэра. Как же он отпустил Маретэн?! Но разве он мог ее остановить? Сорннн покачал головой. Сможет ли он когда-нибудь понять эту тускугтун? Скорее всего нет. Но если с ней что-нибудь случится... Об этом Сорннн даже думать не хотел, боясь впасть в отчаяние.

— Все в порядке, — объявил прим-агент, — я готов.

Курган кивнул и направился к двери.

— Одну секунду, регент, — попросил Сорннн.

Курган обернулся, на лице правителя застыла ледяная улыбка. Слушать философские бредни СаТррэна совершенно не хотелось.

— Может быть, как-нибудь в другой раз, прим-агент. Сейчас...

— Поверьте, регент, вас это интересует, — настаивал Сорннн.

— Но Нит Батокссс...

— Особенно перед тем, как отправиться с этим гэргоном по какому-то тайному поручению.

Курган кивнул и со вздохом подошел к Сорннну.

— Надеюсь, это действительно важно.

— Речь пойдет о вашем брате Терреттте, — начал прим-агент.

— В Н'Луууру, с чего вы решили, что меня интересует этот идиот?! Вы испытываете мое терпение. Нам пора!

— Дело в том, — терпеливо продолжал Сорннн, — что Терретт не сумасшедший.

— Вы ошибаетесь. Все геноматекки, которые им занимались...

— Геноматекки исполняют приказы гэргонов.

— Как и все остальные, — раздраженно заметил Курган. — К чему вы клоните?

— Хочу предупредить, что все это узнала благодаря собственной находчивости и настойчивости Маретэн.

— Почему она сама мне не расскажет?

— Думаю, регент, вы сами знаете почему. — Сорннн вспомнил про разговорник Бэйи Дас, который составил его отец, и решил взять его с собой.

— Будьте добры, объясните.

— Она боится.

— Что? Я знаю сестру намного лучше, чем вы. Она никого и ничего не боится.

Неужели в голосе Кургана слышалась гордость, или Сорннну только показалось?

— Она боится, что вы не одобрите того, что она делает.

Черные словно ночь глаза Кургана так и впились в Сорннна.

— Похоже, она вам небезразлична.

— Ну и что? Речь же о Терретте.

— Уверен, что нет.

Сорннн поднял руки.

— Вы правы. Маретэн очень страдает от того, что вы ее презираете. Я думал, что если она сама вам все расскажет, то ваши отношения хоть немного наладятся.

— Прим-агент, вы вмешиваетесь в дела Стоггулов.

— В первый и последний раз, сэр.

— Звучит обнадеживающе.

Сорннн захлопнул сумку.

— Может быть, вам интересно...

— Расскажите, что обнаружила моя сестра, — твердо сказал Курган. — Мне всегда импонировали находчивость и настойчивость.

Бросив быстрый взгляд на дверь, Сорннн кивнул.

— Гэргоны ставили эксперименты на вашем брате, — проговорил он. Повисла тишина, и Сорннн следил за эмоциями, отражающимися на лице регента. — По-прежнему неинтересно, или я могу продолжать?

Курган молча кивнул.

— Кажется, у Терреттта чрезмерно развит ативар, первичная часть в'орнновского мозга. Его размеры были увеличены преднамеренно. Терреттт являлся объектом экспериментов с самого рождения. На такое способны только гэргоны.

Мастерски умеющий врать Курган чувствовал, что Сорннн говорит правду. Он вспомнил «сорочку» Терреттта и свою собственную, хранящиеся в секретной лаборатории Нита Батокссса, и почувствовал, как по спине ползут мурашки. — Что... Она знает, что гэргоны хотели от Терреттта?

Сорннн уже собирался сказать, что Терреттт смог найти семь Порталов, которые тщетно разыскивал Нит Батокссс, но его остановил врожденный инстинкт самозащиты. В игре с такими в'орннами, как Курган, лучше держать туз в рукаве.

— Пока нет.

Вспоминая прошлое, Курган яростно скрежетал зубами. Гэргон воспитывал его с самого детства, никогда не раскрывая своих истинных намерений. В саду на вилле Старого В'орнна Нит Батокссс подсыпал ему какую-то отраву. Ими с братом манипулировали с самого рождения, а может быть — кто знает? — даже раньше! К тому же оказалось, что он плясал под дудку даже не Нита Батокссса, а совершенно иного существа — кундалианского архидемона Пэфороса. Это в десять тысяч раз унижительнее! Курган и не думал жалеть Нита Батокссса — гэргон получил по заслугам. А вот Пэфорос... Коснувшись темного пятнышка в горле, Курган почувствовал, что внутри закипает желание отомстить.

— Не нравится мне здесь, — с содроганием прошептал Миннум, — совсем не нравится.

— Попробуй бороться со своими страхами, — сказала Риана. — Вот-вот наступит солнцестояние, до полуночи чуть больше часа. Чтобы спасти Джийан, мы должны вернуться к Перрнотт как можно скорее. — Девушка только что попробовала переместиться, но в За Хара-ате, как и в Аксис Тэре, у нее ничего не получилось. Оставалось только идти по силовым ручьям обратно — туда, где остались Тигпен и Перрнотт.

Над местом раскопок повисла зловещая тьма. Все строения были связаны воедино, и чувствовалось, что город жив. Ветер

разносил ритмичное дыхание За Хара-ата. Даже после миллионов лет забвения волшебный город и не думал умирать.

Миннум с опаской смотрел через плечо.

— Здесь что-то есть, я чувствую.

— Соромианты?

— Не знаю... Нет, их бы я почувствовал. Они маскируются под призраков в мертвых местах между ручьями. Здесь что-то другое. То, что пугает даже их. — Бывший смотритель музея испуганно огляделся. — А что, если... — Он облизнул губы. — А что, если это архидемон Пэффорос?

— Так или иначе, ты защитишь меня, — ответила Риана, когда они перешли на другой ручей. — Ты же спас меня от Талаасы. — Она прищурилась. — Мне сказали, что Миина пошлет защитника. Может, ты мой Наватир?

— Я? — Миннум смущенно рассмеялся. — Даже не думай, Дар Сала-ат!

— Миннум, ты соромиант, но не отождествляешь себя с другими колдунами. Вернее, даже противопоставляешь их себе.

Смотритель вздохнул.

— Знаешь, когда мы встретились в музее, я не был до конца честен с тобой. Я на самом деле довольно долго жил среди коррушей. Однако уехал, потому что после многих лет тишины и бездействия соромианты решили объединиться.

— Ты сбежал.

— К своему стыду, да. Только что мне оставалось?

Риана, следившая за ручьями, не ответила. Они вышли на площадь, которую девушка совсем не помнила.

Миннум взъерошил волосы.

— Мечта соромиантов, как сказал Талааса, захватить господство над монастырями и рамаханами. — Старик повернулся к Риане. — Послушай, Дар Сала-ат, соромианты не оставят тебя в покое. Они тебя прокляли.

— Так ведь обо мне сказано в Пророчестве!

— Вот и я о том же. — Миннум запнулся. — Они отвергли Пророчества. Некроманты утверждают, будто все, что там написано, ересь и ложь, призванная сбить рамахан с пути истинного и устроить хаос в монастырях. Они утверждают, что однажды это случилось. И то, что это действительно случилось, им очень на руку. У них появились последователи. И их гораз-

до больше, чем тебе может показаться! Впрочем, мне пришлось бежать еще по одной причине. Начав действовать по-своему, соромианты порвали с друзьями и объявили их врагами. А я никогда не порывал с ними.

— Тогда почему ты не отправился к ним в Большой Воорг, вместо того чтобы прятаться в Аксис Тэре?

— Отправился бы, если б мог. Большой Воорг — священное место, мне туда нельзя.

Вдруг Риана приложила палец к губам. Ветер стих, и теперь на улицах За Хара-ата раздавался другой звук. Миннум задрожал. Это был вопль, глухой и низкий.

— Что это? — прошептал он, не обращая внимания на просьбу Рианы молчать. — Здесь что-то не так, говорю тебе. — Смотритель оглянулся. — Чувствую, здесь затаилось что-то злое.

Неужели Пэффорос? Риана устало посмотрела вперед.

— Кто бы это ни был, он там, куда нам нужно.

— Успеем ли мы, если пойдем в обход? — поинтересовался Миннум.

— Похоже, другого выбора у нас нет!

С помощью Третьего Глаза Риана наметила иной путь, который вслед за силовым ручьем уходил налево. Однако не успела девушка сделать и шага, как некое неизвестное существо двинулось ей навстречу. Чтобы убедиться окончательно, Риана слегка отошла в сторону. Повторяя ее движения, существо продолжало приближаться. Похоже, им все-таки придется встретиться.

— Иди туда, — прошептала Риана, подталкивая Миннума влево по перпендикулярной улице.

— А ты?..

— Делай, что я говорю! — скомандовала Риана.

Она смотрела, как Миннум задрожал и неуверенно двинулся вперед. Сердце у девушки подпрыгнуло — существо и не обратило внимания на бывшего соромианта.

— Послушай, Миннум, — сказала Риана, — нам нужна помощь. Поскольку это существо идет за мной, значит, тебе придется разыскать Тигпен и Перрнотт и объяснить, что случилось. Скажи, чтобы ждали меня на Площади Затруднений.

Риана объяснила, где находится площадь, и Миннум кивнул.

— Теперь иди, — скомандовала девушка. — Поторопись!

— Дар Сала-ат...

— Не сейчас. Миннум... — Она осеклась, глаза наполнились слезами.

— Прости, что больше ничем не могу тебе помочь... — Смотритель принялся стучать кулаком по лбу. — За собственные грехи приходится расплачиваться...

— Возможно, поэтому тебя сюда и занесло. — Риана улыбнулась. — Будь сильным и продолжай верить.

Миннум тяжело сглотнул, затем кивнул и слегка приосанился.

— Я отыщу Перрнотт, Дар Сала-ат, не беспокойся.

Смешно подпрыгивая, бывший некромант устремился вниз по улице и через несколько секунд исчез среди пляшущих теней За Хара-ата.

Риана взглянула на того, кто ждал ее впереди среди силовых ручьев, и направилась к Площади Затруднений. Она чувствовала, что существо зеркально копирует ее движения, приближаясь. Однако за какое-то время расстояние между ним и девушкой не сократилось, после чего Риана вздохнула с облегчением. Вуаль безошибочно вела ее вперед. Но, подойдя к площади, Риана почувствовала, что мостовая дрожит под ногами. Внезапно девушка увидела колодец. Нерешительно приблизившись, она заметила, что брусчатка вокруг постамента нетронута, будто колодец находился здесь всегда. Возбравшись на постамент, она заглянула внутрь. Колодец был пуст.

На площади поднялся ветер, свиваясь в подобие гигантской воронки. Риана испугалась. Она уже несколько раз попадала в центр такой воронки, когда пользовалась пальто Нита Сахора. В самый последний момент девушка прыгнула в колодец и, ухватившись за кромку, повисла у внутренней стенки.

На площади появился гэргон. Он поднял руки, и все фонари площади повернулись, осветив его фигуру. Риана удивилась, увидев рядом с гэргоном Кургана и еще одного в'орнна. Вновь нахлынули неприятные воспоминания из детства Аннона, о том дне, когда они подсматривали за Элеаной и Курган ее изнасиловал. Изнасиловал, несмотря на все попытки Аннона оттащить будущего регента от девушки. Зарывав, Риана

на заставила себя переключиться на что-нибудь другое. Например, на то, как зовут второго в'орнна. Порывшись в памяти Аннона, она вспомнила. Это был Сорннн СаТррэн.

«Что нужно гэргону в За Хара-ате?» — подумала Риана. Тут она вспомнила, как Перрнотд говорила, что, пока не обнаружены семь Порталов, архидемону нужны гостевые тела, чтобы жить в нашем мире. Она внимательно посмотрела на гэргона. Он был без шлема, его череп источал странное сияние, освещающая вены, в которых пульсировало желтоватое вещество. Зрачки непрерывно расширялись и сжимались, а рот беззвучно шевелился, будто у марионетки. «Чем не идеальное тело для Пэфороса?» — промелькнуло в мыслях Рианы, и она поняла, что наконец увидела верховного архидемона.

Близилась полночь. Все, что ей нужно, — продержаться незамеченной, пока враги не уйдут в другой район За Хара-ата. Не важно, что искал Пэфорос. Главное, чтобы ему не досталась Вуаль Тысячи Слез.

Сорннн СаТррэн сверялся с картой.

— Нит Батокссс, какая часть За Хара-ата вас интересует?

— Нам нужен колодец, — сказал гэргон глубоким гнусавым голосом, в котором сквозила демоническая энергия. — Такой, как этот, — показал он.

Сердце Рианы чуть не перестало биться. Если ее найдут, то Джийан конец. Переживания и страх вынудили девушку совершить первую ошибку. Она наложила Цветущую Стену, маскирующее заклинание.

— Что такое? — закричал архидемон в облике Нита Батокссса. — Чувствую запах магии!

Услышав стук каблуков о булыжную мостовую, она поняла, что ее вот-вот обнаружат. Ругая собственную глупость, Риана вылезла наружу и притаилась у постамента.

— Кто здесь? — загремел над сонной площадью обеспокоенный голос Пэфороса. — Что за неумелое колдовство?

Риана вытащила гороновое кольцо. Оставалось лишь нанести удар, чтобы пробить броню гэргона. Если убить гостевое тело, Пэфорос попадет обратно в Бездну.

Гэргон не отбрасывал тени, и Риана не могла наложить Сеть Распознавания, которая предупредила бы ее о приближении техномага. Пэфорос стоял на постаменте, прикрывшись

пальто Нита Батокссса. Едва Риана выглянула из убежища, как из бронированных перчаток вылетел мощный ионный залп, и девушку, перевернув вверх тормашками, швырнуло назад. Гороновый жезл выпал из ее рук и покатился по мостовой.

Еще один залп, и она, теряя сознание, растянулась на мостовой. Рядом тут же возник гэргон, который моментально понял, что обмотано вокруг Рианиного тела.

— Вуаль Тысячи Слез! — с горящими глазами закричал Пэфорос. — Ты Дар Сала-ат? *Девушка?* — Он расхохотался. — Только теперь я начинаю понимать, насколько обезумела Миина.

Риана покачала головой, стараясь не слушать. Где же гороновый цилиндр? Увидев, что гэргон поднимает руку, она попробовала пошевелиться, но тело не слушалось. Риана приготовилась к новому ионному залпу. Вместо этого она почувствовала покалывание, свидетельствовавшее о том, что наложено какое-то заклинание. Внезапно ее тело поднялось в воздух, а вокруг стала образовываться клетка из блестящих черных нитей. На каждой нити росли шипы, похожие на терновые.

— Я в огромном долгу перед тобой, Дар Сала-ат, — с издевкой произнес Пэфорос. — Сам бы я ни за что не нашел Вуаль. Ну или не вытащил ее из укрытия.

Архидемон согнул пальцы, и шипы стали вращаться в Риану.

— Сейчас я верну себе то, что принадлежит мне по праву. Рот гэргона скривился в жуткой ухмылке.

— Знаю, ты упряма, Дар Сала-ат, и добровольно Вуаль не отдашь. Впрочем, меня это не волнует. — Пэфорос наклонил голову. — Представляешь, как мучительно гореть живьем? Нет, откуда тебе! Правда, теперь узнаешь. Прямо сейчас!

С шипов закапала едкая жидкость с резким запахом, и Риана заметалась в волшебной клетке. Капли все равно попадали на кожу, оставляя аккуратные жесткие следы-ссадины.

— Что это? — закричал Сорннн, когда они с Курганом вышли на площадь. — Что вы делаете?

Он метнулся в сторону гэргона, но регент тут же схватил его за руку.

— Спокойно! — прошипел он.

— Разве можно оставаться спокойным? Он мучает...

— Он тебя убьет, — проговорил Курган. — Ты этого доби-
ваешься?

Из черных нитей продолжали прорастать шипы. Их было так много, что Риана поняла: ей никуда от них не деться. Густая вязкая жидкость продолжала капать, и кожа загорелась. Боль была такой сильной, что Риана едва не потеряла сознание.

— Совсем скоро ты умрешь, Дар Сала-ат, а Вуаль станет моей! — заявил Пэфорос.

Сахор держал йа-гаара на коротком поводке. Он почти ничего не видел, зато остальные чувства обострились до предела. Сахор все же убедил Ингрес доверить опасное дело ему.

— О страхе мне известно все. Я знаю, что Хоролаггия бо-
ится йа-гааров, это заложено во всех демонах. Доверьтесь мне!

— Довериться в'орнну? — Конара покачала головой. — Хотя почему бы и нет, если он знает демонологию лучше, чем я.

Сахор шел по тускло освещенному коридору, медленно спускаясь к центру монастыря, где обосновался Хоролаггия в облике Джийан. То тут, то там слышался шум, и юноша удли-
нял поводок, позволяя йа-гаару разведать обстановку.словно яркий фонарь, йа-гаар отпугивал ночных хищников. Едва зверь поворачивал страшную голову, как шелест утихал.

Конара Ингрес очень хотела пойти вместе с ним, заявив, что никто не знает монастырь так хорошо, как она. Однако Сахор был непреклонен. Он сказал, что при встрече с архиде-
моном не сможет гарантировать ее безопасность, а поэтому не желает рисковать ее жизнью. Сошлись на том, что конара на-
рисовала подробный план монастыря, который Сахор момен-
тально запомнил.

Кости и мускулы напряглись и вытянулись. Юноша по-
морщился. Несмотря на жуткую боль, сопровождающую ги-
перкинетический рост, Сахор продолжал двигаться вперед. Он понимал: останавливаться нельзя. Первое, что необходимо знать о страхе, это то, что он может подкрасться незаметно. Второе: никогда его не показывать. Для этого со страхом необходимо постоянно бороться. Малейшее послабление — и испуг про-
явится на лице, а потом захватит все существо. Заметив ужас, враг использует его против тебя. А от собственных страхов спастись невозможно.

В теле Сахора гормоны так и бурлили.

Последним, что он видел, покидая территорию конары Ингрес, было лицо Элеаны. Она попыталась встать с софы, и Сахор понял, что еще секунда — и он окажется в объятиях матери. Поэтому юноша резко отвернулся и вышел.

И все же в начале опасного путешествия на вражескую территорию монастыря лицо Элеаны стояло перед глазами Сахора. Нет, не надо никаких объятий! Ведь он будет бояться за нее, а страх может его ослабить... Подобные эмоции Сахор испытывал впервые. Переселение в ребенка совсем не напоминало переселение в тэя. Во-первых, тэй был его собственным детищем, а все его поступки довольно предсказуемыми. За исключением уменьшившихся возможностей заниматься техномагией, он остался тем, кем был всегда, — Нитом Сахором. Во-вторых, сын Элеаны был наполовину кундалианин. Разница чувствовалась сразу — усиление эмоций и ослабление гэргоновских терцевых законов. А сама Элеана! С каждой минутой Сахор привязывался к ней все больше и больше. У него ее кундалианское ДНК. Он уже не Нит и никогда им не станет. Кундалианского в нем ничуть не меньше, чем гэргоновского. К тому же в отличие от бесполой гэргонов он был, несомненно, мужчиной.

Элеана — его мать, это он чувствовал ежесекундно. Сказать, что это чувство было для Сахора новым, значило не сказать ничего. У гэргонов не было матерей. По крайней мере ни о чем подобном Сахор не слышал. Будущих техномагов извлекали из чрева производительницы в состоянии эмбриона, ибо связь с аппаратами и приборами Товарищества была настолько прочной, что подготовка начиналась еще до рождения. Сахора, как и всех гэргонов, готовили в ученые, ведь наука лежит в основе техномагии. Отец рассказывал, что когда-то среди гэргонов встречались артисты, писатели, художники и просто мечтатели. Одним из них и был отец Нита Сахора, который верил, что величайшие прорывы в техномагии обусловлены артистической стороной гэргоновской натуры, угасшей в предыдущем поколении. Отцу казалось, что в его ребенке живет искра художника.

Да только до недавнего времени ничего подобного Сахор не чувствовал.

Теперь он понимал, что существуют понятия более глубокие, чем наука. В противоположность тому, чему его учили,

Космос оказался бесконечно таинственным, так как им управляло вовсе не научное знание. Конечно, в'орнны создали науку, пытаясь объяснить тайны Космоса. Часть секретов им удалось раскрыть, и они построили гравитационные корабли и ионные пушки. Но самые сокровенные тайны, к разгадкам которых даже не приблизились, были и остаются за границами возможностей техномагии.

Сахор был уверен, что Миина знала ответы на все вопросы. Хотя, возможно, подобным знанием обладали и архидемоны...

Коридор вел во двор, на другой стороне которого высился храм, где, по словам конары Ингрес, Хоролаггия готовился уничтожить рамахан. Повсюду юноше чудились призрачные лица, искаженные праведным гневом. Сахор чувствовал враждебность и неприязнь, которые рамаханская Матерь копила веками, не позволяя эмоциям мешать повседневной работе. Все ее труды оказались напрасными. Такой вывод сделал Нит Сахор, тщательно изучив кундалианские письменные источники. Даже самая заботливая мать не способна защитить детей от всех превратностей жизни. Самое большее, что она может сделать, — это научить детей принимать собственные решения. А для этого дети должны уметь отделять плохое от хорошего. Сахор только сейчас понял, что у гэргонов не было родителей, которые могли бы объяснить им эту разницу.

Глухо зарывчав, йа-гаар рванулся по темной пожухлой траве к логову архидемона. За себя Сахор не боялся, однако при мысли о матери у него дух захватывало от беспокойства и тревоги. Так хотелось увидеть ее снова! Он понял, что с момента рождения до сегодняшнего дня они никогда не расставались. В сердце образовалась пустота, которую могла заполнить только Элеана. Сахор смахнул неведомо откуда появившиеся слезы.

Натянув поводок, йа-гаар чуть не сбил юношу с ног. Поднявшись по ступенькам, Сахор вошел в огромные ворота. Прерывистый свет бронзовых ламп не позволял осматривать темные углы, хотя и было заметно, что алтарь из красного нефрита разрублен пополам. Повсюду царили удушающая мгла и дух опустошения. Архидемон Хоролаггия осквернил храм.

Йа-гаар закружился на одном месте, увлекая за собой Сахора.

«Если я сейчас умру, это будет справедливо. Я досконально изучил кундалианские мифы и фактически порвал с Товариществом. Я уже часть истории, и все, что когда-то мне казалось истинным, потеряло свою незыблемость».

— Кто вторгся в святилище Матери?

Сахор увидел Хоролаггию в облике Джийан и ужаснулся, насколько она изменилась. На конечной стадии даже ее прекрасное лицо преобразилось под влиянием архидемона. Теперь она лишь отдаленно напоминала рамахану, которую Сахор знал когда-то.

— Кто не боится страшного гнева Матери? — Хоролаггия гордо вышагивал по мрачному храму. — Точно не конара и вообще не рамахана. — Лицо Джийан исказила жуткая гримаса. — В'орнн? Молодой в'орнн?

Сахор не обратил внимания на слова архидемона, внимательно следя за его передвижением. Джийан спускалась по мраморным ступеням, широко раскинув руки. Сахор ослабил поводок примерно на полметра, и йа-гаар метнулся вперед.

Увидев йа-гаара, архидемон застыл на месте. Васильковые глаза Джийан побелели, будто она внезапно постарела и ослепла.

— Я не Бартта, — нагло сказал Хоролаггия, — меня любят очень многие. Ты не спустишь на меня йа-гаара.

— Я в'орнн, — сказал Сахор. — Почему меня должны волновать кундалиане, какая-то Джийан и прочая ерунда? Архидемоны представляют серьезную опасность. Я отошлю тебя обратно в Бездну. Пусть йа-гаар сколько угодно терзает гостевое тело!

— Какая жуткая несправедливость! — закричал Хоролаггия. — Томиться в заключении несколько миллиардов лет ужасно, но еще хуже, когда на тебя клеветают.

— Скольких рамахан ты убил с тех пор, как выскользнул из Бездны? Оклеветать убийцу достаточно сложно.

— И это говорит представитель расы убийц! — загремел Хоролаггия. — Как ты смеешь грозить мне тюрьмой, когда именно тебя и всех в'орннов нужно заточить в Бездну навечно!

— Нет времени спорить об этике, — заявил юноша. — Ближится солнцестояние и тот момент, когда ты полностью овладе-

ешь духом Джийан. Этого я ни за что не допущу. — Сахор продумал план до малейших подробностей. Бывший гэргон твердо верил, что именно он, а не Наватир должен встретиться с архидемоном. Всепоглощающая любовь к Джийан не позволила бы Реккку спустить на нее йа-гаара и погубила бы остальных.

Все же в самый критический момент Сахор заколебался. Перед глазами возникло лицо Элеаны. А если бы на месте Джийан была она? Позволил бы он йа-гаару растерзать ее на мелкие кусочки?

Промедление оказалось ошибкой. Сахор ослабил свое внимание, а тем временем из-за его спины появился фальшивый Дар Сала-ат, тот самый соромиант, которого заметила конара Ингрес. Рот колдуна шевелился — он накладывал заклинание. Сахор оказался прикован к месту, а йа-гаар повалился на бок и заснул так крепко, что разбудить его оказалось невозможно.

— Ура! Свершилось! — ликовал Хоролагтия, поднимая голову к почерневшему потолку. — Солнцестояние настает, а с ним и конец!

Лишь жуткий запах горелого не давал Риане потерять сознание. Она лежала, свернувшись клубочком, и продолжала гореть. Девушка попыталась вырваться, но с каждой минутой сил оставалось все меньше и меньше. Риана вспомнила, как ей удалось освободить Матерь, и она стала складывать буквы Венча в слова, слова во фразы, а фразы — в заклинание Вечной Звезды. Это оказалось совсем не просто — девушка забывала слова и, слабея, теряла целые фразы. Лишь острая боль не давала ей забыться, и Риана продолжала составлять заклинание. Вот над самой головой появилась Вечная Звезда, начала медленно вращаться, и ее концы подточили нити волшебной клетки. Нити перерезались, а шипы сморщивались и с негромкими хлопками исчезали. Вечная Звезда вращалась все быстрее и быстрее, и наконец первая нить оборвалась. Риана, постанывая от боли, упала на мостовую.

К ней уже шагал Пэфорос, от его ионных перчаток летели, потрескивая, синие искры.

— Ты не уйдешь, Дар Сала-ат, — сказал он, — не сейчас, когда я так близок к цели.

Демон находился всего в двух шагах от девушки.

За его спиной Сорннн, заметив гороновый жезл, поднял оружие и бросил поближе к Риане. Ничего не видя от волшебной кислоты, она услышала, как жезл катится по мостовой, и постаралась до него дотянуться. Жезл ударился об угол плиты, слегка выступающей над всеми остальными, и остановился. Риана по-прежнему не могла дотянуться до магического орудия.

— Что еще за предательство? — Пэффорос оглянулся и послал стрелу ионного огня прямо с грудь Сорннна.

Архидемон снова взглянул на Риану.

Неужели Сорннн СаТррэн убит? Риана не знала точно, однако геройский поступок прим-агента дал ей шанс. Потянувшись, она схватила жезл и, нажав на золотой диск, активизировала его. Жезл отчего-то посветлел, замерцав, и сердце девушки упало. Тем не менее другого оружия не было, и Риана замахнулась на архидемона. Она целилась в бледный череп, но Пэффорос увернулся. Риана на ходу изменила траекторию удара. Жезл задел экзоматрицу, блестящие красные зрачки затуманились, и демон скривился от боли. Защищаясь, Пэффорос поднял руку, а Риана ударила снова, пробив нейронную сеть. Потекло густое желтое вещество, и монстр взвыл.

Небольшое преимущество мало обрадовало Риану. Кожа продолжала гореть, и боль стала нестерпимой. Риане казалось, что все кости превратились в желе.

Она попыталась вонзить жезл глубже. Увы, боль притупила внимание и координацию. Прочитав это в глазах девушки, Пэффорос стал сопротивляться еще отчаяннее. Пошатнувшись, Риана чуть не выпустила из рук оружие. Сжав зубы, она буквально повисла на рукояти, почувствовав, что жезл вонзается в тело гэргона еще на несколько сантиметров.

Пэффорос закричал. Он был так близок к Вуали, и вот что-то помешало ему завладеть ею окончательно! Риане казалось, что она поняла, что мешает архидемону: ее собственная жизненная сила.

Упав на колени, девушка слышала смех. Это смеялся Пэффорос. Он видел, что Риана умирает, а значит, Вуаль Тысячи Слез скоро достанется ему.

Этого Риана допустить не могла.

Гороновый жезл стал совсем блеклым. Еще секунда — он погаснет, и Пэфорос победит.

Порывшись в карманах накидки, полуонемевшими пальцами Риана вытащила фигурку фулкаана. Однажды он активизировал гороновый жезл; возможно, получится и еще раз.

Но прежде, чем она успела поднести фигурку к жезлу, Пэфорс схватил девушку за руку.

— Что это? — закричал он. — Отдай мне!

Риана чувствовала, как от фигурки исходят дрожь и тепло, согревая ладонь. Затем она снова услышала вопль, глухой и низкий, тот, что пугал Миннума.

— В Н'Луууру, что это? — выругался Курган.

Существо приближалось.

Последний раз вспыхнув, гороновый жезл погас, и Риана почувствовала, как на нее обрушивается заклинание архидемона. Сознание слилось с гороновым жезлом. Девушка поняла, что умирает.

Медленно, словно опавший лист, Риана опустилась на склон Дьенн Марра. Раскаленное добела солнце ярко сияло, а небо было таким синим, что болели глаза. На самую вершину опустилось одно-единственное облако. Вот облако сдвинулось и начало снижаться прямо к девушке. Присмотревшись повнимательнее, Риана поняла, что это вовсе не облако, а огромная птица, черно-белая, будто облака. Раскрыв клюв, птица закричала и замахала огромными крыльями. Когтистая лапа подняла Риану в воздух и усадила на спину...

Глухой вопль, сотрясший мертвую тишину За Хара-ата, привел девушку в сознание. Огромная птица снижалась, проносясь мимо руин домов, окружающих площадь. Она летела прямо к Риане, а страшные фиолетовые глаза мгновенно оценили ситуацию.

Теперь она поняла, что это за птица. Фулкаан — спутник и посланник пророка Джихарра. Риана, та настоящая Риана, которая потеряла память перед тем, как в нее влили дух Аннона, знала Джихарра. Она чувствовала на ладони тепло и жжение. Теперь Риана понимала, почему в темноте улиц фулкаан повторял ее движения, — его притягивала каменная фигурка.

Пэфоросу было не до фулкаана. Архидемон уже схватился за Вуаль, отчаянно пытаясь оторвать ее от девушки.

Фулкаан быстро снижался, выпустив когти. В последний момент Пэфорос заметил птицу. Демон запрокинул голову, открыл рот и опалил фулкаана огненным потоком. Огромная птица закричала, но продолжала снижаться. Тогда Пэфорос потянулся и схватил фулкаана затянутыми в перчатки руками. Пытаясь освободиться, фулкаан забил крыльями, а архидемон вырвал из лапы противника коготь и с отвращением отбросил его.

Хотя фулкаану не удалось ранить Пэфороса, он все же отвлек демона. За эти мгновения Риана смогла передохнуть и набраться сил.

Пальцы Нита Батокссса превратились в каменные когти, и он крепко удерживал Вуаль. Риана собралась с силами, хотя их и было недостаточно, чтобы сопротивляться архидемону. Медленно, но верно Вуаль начала разматываться.

Риана подняла руки, однако они онемели окончательно. Еще немного, и мечта Пэфороса осуществится. Вуаль продолжала разматываться, сопротивляться не было сил.

Неожиданно за спиной архидемона показался Курган. В глазах регента горела ненависть. Сначала Риане показалось, что Курган смотрит на нее. Рука правителя поднялась в воздух, и в ней мелькнул окровавленный коготь фулкаана устрашающего размера. Закричав что-то нечленораздельное, Курган воткнул коготь в правый глаз Пэфороса. Архидемон заревел, брызнула кровь, и перед глазами девушки мелькнуло что-то темное и извивающееся — истинный облик Пэфороса.

Риана почувствовала, что чары слабеют, и, собравшись с силами, наложила Житницу Земли, соорудив барьер между Вуалью и тем, кто хотел ее присвоить.

Пэфорос отчаянно завертелся. Риана чувствовала, что даже сквозь боль монстр тянется к ней, пытаясь парализовать заклятием. Девушка смотрела в кровавую глазницу, где копошилось само существо Пэфороса, и наложила Мушиный Глаз — заклинание, вызывающее сумбур в мыслях. Это довольно простое заклинание Кэофу Пэфорос блокирует без труда, однако Риане важно было выиграть время, потому что с каждой секундой к ней возвращались силы.

Она сосредоточилась на раненом глазе Пэфороса — единственной дыре в волшебной броне архидемона, гостевом теле

гэргона — и стала вспоминать тексты двух священных книг «Величайшего Источника» и «Книги Отречения», где упоминалось Глаз-Окно, самая мощная из существующих форм магии. Риане было необходимо заклинание О-Рен Ка, которое открывало Ворота из Красного Нефрита. Это заклинание было очень сложным, потому что нарушало баланс между злостью, похотью и любовью, а при неумелом его наложении часто возникали безумие и хаос.

Начав читать заклинание, Риана запнулась. Чары Пэфороса крепили. Девушка поняла, что нужно торопиться, и, взяв себя в руки, дочитала заклинание.

Сначала не произошло ничего, стояла полная тишина. Внезапно Пэфорос попятился и закрыл лицо руками. Глазница раздвинулась, череп вскрылся, обнажая самого Пэфороса, а подоспевшая Риана вырвала глаз гэргона из орбиты. Техномаг танцевал предсмертную джигу. Хлынула кровь, и связь Пэфороса с этим миром нарушилась. Жизнь гэргона утасла, Пэфорос вскрикнул, вывалился на разбитый череп Батокссса и метнулся в темноту клубком черного тумана. Фулкаан завопил, и огромный клюв схватил Пэфороса, прежде чем демон смог улизнуть.

Обессилев, Риана упала на колени. Желудок поднимался к горлу, от использования О-Рен Ка сильно болела голова. И только тут девушка поняла, что Вуаль куда-то исчезла.

Не веря собственным глазам, Риана решила, что это сон. Однако, подняв голову, она увидела злобную ухмылку Кургана. В руках регент держал Вуаль.

— Как удачно все получилось, Дар Сала-ат! — воскликнул Курган. — Оружие против гэргона само пришло мне в руки.

Они смотрели друг другу в глаза, бывшие друзья, а ныне злейшие враги. Словно произошло столкновение любви и ненависти, верности и предательства.

— Отдай ее мне, — сказала Риана, — ты не представляешь...

— Возможно, и нет, — хитро сказал Курган. — Только это не важно.

Риана поднялась, а Курган выхватил кинжал.

— Иди сюда, — прошипел он, — убить тебя будет проще простого.

Риана бросилась на него, однако голова ее закружилась. Теряя равновесие, она увидела, как к телу приближается кин-

жал. Вдруг у Кургана подогнулись колени, и он без чувств упал на мостовую. Там, где только что стоял регент, Риана увидела Миннума, добела сжавшего кулаки.

— Я же сказал, что не подведу, — проговорил он.

— Спасибо, — чуть слышно прошептала Риана.

Риана подняла Вуаль и задохнулась от восхищения, увидев, как каждая из тысячи слез сверкает ярким бриллиантом. Следуя указаниям Вуали, девушка прошла в центр площади и подняла ее над головой. Затем она связала Вуаль в узел, напоминающий пересечение силовых ручьев под ногами.

Вуаль раскрылась, словно лепестки цветка. Из нее брызнули слезы священных драконов, орошая ночь серебристым фонтаном, пронзая пространство и время, сливаясь с ними. Слезы были повсюду и нигде. Слово серебристые рыбки они подпрыгивали и танцевали, проникая между мирами, измерениями и пространствами, образуя запутанный клубок мгновений, невиданных и, следовательно, никому не известных. Однако эти мгновения все же существовали, имея реальный вес и силу истории.

От Рас Шамры не осталось почти ничего. Хоролаггия вытянул кровь Аватары, опутав ее прочным коконом Маласокки. Каждая нить кокона впивалась в тело, вызывая чудовищную боль. Зимнее солнцестояние приближалось. Секунды таяли, и Джийан чувствовала, как ее жизненная сила капля по капле орошает землю Иномирья.

Смерть приближалась, и Джийан зарыдала. Нет, она оплакивала не себя, смерти она не боялась. Ей было жаль Аннона, которого она погубила собственными руками, и Риану, слабую и неокрепшую, которой пришлось стать сосудом для чужой души. Солнцестояние близилось, и значит, у Рианы ничего не вышло. А раз так, то девушка, без всякого сомнения, уже мертва. Какой ужасный конец для матери, пытавшейся защитить свое дитя!

Джийан подняла опухшие глаза к небу Иномирья и стала ждать, когда за ней прилетит белый дракон, чтобы проглотить целиком и, перемолов волшебными зубами, превратить в пищу для архидемона.

Но Аватара Хоролаггии не появлялась, и колдунья заметила, что красное зарево над горной цепью исчезло, равно как и бесконечные крики многочисленных демонов, пытавшихся прорвать барьер между мирами.

Вместо белого дракона с неба упала серебряная слеза. Сначала одна, а потом еще и еще, поливая Джийан дождем благословенной влаги. Куда бы ни падали слезы, паутина архидемона превращалась в лечебный бальзам, восстанавливавший Рас Шамру.

Перевернутый треугольник превратился в пыль, ознаменовав конец долгого рабства Джийан. Раскрыв длинный клюв, Аватара издала ликующий крик, сотрясший Иномирье до самого основания. Взмыв в грозное небо, Рас Шамра убедилась, что все так, как было раньше, и исчезла.

38

ИЗГНАННИКИ

Масляные лампы перестали отбрасывать кровавый отблеск, и солнечный свет вытеснил из храма душную тьму. Соромиант горел, быстро обугливаясь, его лицо исказилось в предсмертной гримасе.

Хоролаггия куда-то исчез, словно растворился в воздухе.

Едва оправившийся от заклятия йа-гаар почувал свободу и бросился вперед. Сахор не смог бы удержать волшебного зверя, даже если бы захотел.

Огромный прыжок, и йа-гаар, играя мускулами, приземлился рядом с Джийан и стал тереться о ее ноги. Колдунья наклонилась, сунула ладонь прямо в разверстую пасть, и зверь негромко заурчал, совсем как домашняя кошка.

— Ты вернулась, — сказал Сахор.

Джийан, как всегда, цветущая и прекрасная, неторопливо подошла к юноше. Следом за ней покорно брел йа-гаар. Его глаза сияли.

Тигпен проследила за ее взглядом.

— С Сорннном СаТррэнном будет все в порядке. Слезы помогают и ему.

— А что с Джийан? — взволнованно спросила Риана и резко села. — Она жива?

— Ты должна верить, — ответила Тигпен, сворачиваясь клубком возле девушки. — Слезы закапали перед самым солнцестоянием!

Курган пристально смотрел на Риану, и ей стало не по себе. Он не знал, что в ней живет дух его старого друга, кровного врага семьи Стогттулов. И все же несколько месяцев назад, когда они встретились в пещерах под регентским дворцом в Аксис Тэре, правитель почувствовал что-то незримое и непонятное. Риана видела, что ему хочется поговорить с ней, но он сдержался. Потом к регенту подошла Перрнотт, и Курган отвернулся.

Хвост Тигпен отбивал мелкую дробь.

— По крайней мере мы разделились с демонами.

— Хотелось бы верить, — вздохнула Риана.

— О чем ты?

— Они помогали строить город. Мне кажется, это еще не конец.

Фулкаан беспокойно завертел головой, фиолетовые глаза пронзительно смотрели на Риану и Тигпен. Он издал низкий гортанный звук, и девушка коснулась крыла птицы.

Почувствовав беспокойство Тигпен, Риана погладила и ее густой нежный мех.

— Это фулкаан. Кажется, мы с ним встречались, да только я не помню, где и когда.

Услышав крик фулкаана, Риана вскочила. Оглянувшись, она увидела, что Курган исчез. В суете даже Тигпен не заметила, куда делся регент. Риана бросилась к колодцу, Тигпен — следом, заметив, что в нем появилась вода — слезы драконов. Услышав, что ее кто-то зовет, Риана опустила руки в источник. В ту же секунду Вуаль видоизменилась, снова обвившись вокруг ее тела.

Однако колодец недолго оставался пустым. Внезапно на солнце заблестела вода, словно поднявшаяся из неведомого подземного источника. Вода бурлила, и Риана вздрогнула, испугавшись, что Пэфоросу вновь удалось пробраться в этот мир.

Впрочем, она тут же обо всем позабыла, увидев, как из колодца выходит Джийан, а за ней Элеана, кундалианский воин ростом с в'орнна и юноша — полув'орнн-полукундалианин.

Джийан бросилась к Дар Сала-ат и крепко ее обняла.

— Спасибо тебе, Тэйаттт, — прошептала Джийан так тихо, что слышала только Риана. — Я обязана тебе жизнью.

— Так же, как и я тебе, — ответила Риана. — Как вы сюда попали?

— Колодцы образуют единую волшебную цепь, ею просто нужно уметь пользоваться. — Колдунья рассказала Риане о том, что случилось в монастыре Плывающей Белизны и как с помощью колодца в черном келле они попали в За Хара-ат.

— Теперь во главе монастыря конара Ингрес. А нам больше бояться нечего, — добавила Джийан. — Слезы не только отослали обратно в Бездну Пэфороса и Хорелагтию, но и уничтожили низших демонов, которыми были одержимы рамаха-ны. Они даже опечатали Портал, который я случайно открыла, когда нарушила заклинание Нантеры.

— Печать взломана и в Первом Колодезе, — объявила Риана. — Пэфорос проскользнул через тот Портал задолго до того, как ты нарушила Нантеру.

Джийан нахмурилась.

— Как только немного отдохнем, нужно будет отправиться туда и узнать, отчего образовалась трещина.

Обнимая Риану за плечи, волшебница представила ее Наватиру и сыну Элеаны. Далеко не сразу девушка привыкла к новому облику Реккка Хачилара. Благодаря Сахора и Реккка за смелость и отвагу, Риана не спускала глаз с Элеаны. Ее тело вновь стало стройным и упругим, а глаза смотрели смущенно, сердито и настороженно. Тяжелым камнем между ними висела их последняя ссора. И что-то еще. К сожалению, Риана никак не могла понять, что именно. Сколько раз за последние недели она проигрывала в уме сцену примирения? Однако всегда все заканчивалось плохо.

Задержались в городе только Миннум и Сорннн. Они оба чувствовали себя неловко в компании остальных и быстро подружились, высоко оценив взаимные познания в коррушской

культуре и особенно в истории За Хара-ата. Прим-агент сказал, что подумывает остаться, и попросил Миннума помочь в исследовании древней цитадели. Бывший смотритель музея с готовностью согласился, и Сорнни твердо решил не возвращаться в Аксис Тэр.

Сорнни собрался послать сообщение в штаб Сопротивления, чтобы справиться о Маретэн. Ему было дорого все в возлюбленной: ее здоровье и благополучие, целеустремленность и задор. И даже ее страх. Никогда в жизни он не испытывал ничего подобного. Сорнни нравилось думать о том, как сильно изменилась его жизнь. В душе царил покой, будто, уходя, Маретэн оставила ему в подарок свою веру и любовь.

Риана познакомила Джийан и Перрнотт, и между ними тут же пробежала искра взаимной симпатии. При других обстоятельствах их разговор очень заинтересовал бы девушку, но сейчас она могла думать только об Элеане. Оставив новоиспеченных подруг, она подошла к Элеане, которая что-то говорила Сахору. Элеана обнимала сына за талию, однако Сахор, интуиция которого граничила с телепатией, кивнул Риане и, поцеловав мать, отошел к фулкаану. Бывший гэргон успел полюбить всех необычных кундалианских животных, считая их еще одним ключом к тайнам Кундалы, которые он столько лет пытался разгадать.

Риана и Элеана молча смотрели друг на друга.

— Прости, что оставила тебя в таком положении, — начала Риана. — Мне не следовало этого делать.

— Я вижу, как ты смотришь на Сахора, — ответила Элеана. — Ты в нем видишь Кургана. Прошу, не надо его ненавидеть.

— У него твои глаза.

— Сахор не Курган и никогда не станет таким, как он.

Женщины немного отошли в сторону от группы изгнанников, как они себя называли. На востоке небо светлело. Занималась заря, неяркая, хоть и четко различимая в необыкновенно чистом воздухе коррушских степей. Из За Хара-ата можно было увидеть даже Большой Разлом в горах Дьенн Марра, до которого оставалось несколько километров.

— Я думала, ты возненавидишь меня за то, что я тебя обидела.

— Нет, — сказала Риана, — я не могу тебя ненавидеть.

— Тогда почему ты стала такой холодной?

— Я... я боялась.

— Чего? — удивилась Элеана.

Риана понимала, что просто не может ответить на этот вопрос.

— Мы не подруги, — мягко сказала Элеана, — мы никогда не были *просто* подругами.

Риана чуть не задохнулась.

— Когда смотришь смерти прямо в лицо, то непроизвольно меняешься. Меняешься ты сама, темп и смысл жизни. События последних нескольких недель заставили меня это понять. И, несмотря на возможные последствия, мы не должны скрывать то, что чувствуем. — Лицо Элеаны стало трагически красивым. — Когда ты далеко, я постоянно о тебе думаю. Когда ты рядом, мое тело трепещет. — Молодая мать остановилась в нескольких шагах от Рианы. — Пожалуйста, скажи что-нибудь!

«Что я должна сказать?» — спросила себя Риана. «Я тебя люблю» казалось банальным, даже пугающим в самом прямом смысле. Она почувствовала, что кинжал, тот самый, что подарила Аннону Элеана, вдруг резко потяжелел. Риана бессознательно сжала рукоять. Конечно, она больше не Аннон. Да только когда Элеана рядом, когда она так смотрит, сын Джийан снова оживает в теле Дар Сала-ат.

Упрямое молчание Рианы стало ошибкой. По крайней мере потому, что Элеана задала вопрос, который так пугал Риану.

— Почему госпожа Джийан отдала кинжал Аннона тебе?

— Потому что... — Слова застряли в горле Рианы. Вокруг них За Хара-ат возвращался к жизни. Воздух наполнялся легкими вздохами, шевелением, скрипами. Возможно, рассвет разбудил стаю насекомых, а может, это дышала сама заря. Или приходил в себя от многовекового сна древний город. — Потому что ты права. Мы не подруги. И никогда не были *просто* подругами.

Приложение I

ОСНОВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ

Кундалиане:

Джийан — сестра-близнец Бартты; рамахана, любовница
Элевсина Ашеры, мать Аннона Ашеры.

Бартта — сестра-близнец Джийан; рамаханская конара, гла-
ва Деа Критан.

Риана — девушка-сирота, Дар Сала-ат.

Элеана — девушка из предгорья.

Рамаханы из монастыря Плывающей Белизны:

Конара Урдма — рамахана из Деа Критан.

Конара Лиистра.

Конара Ингрес.

Малистра — колдунья Кэофу.

Тигпен — одно из колдовских созданий Миины.

Матерь — верховная жрица Миины.

Курион — саракконский капитан.

Джеррлин — глава общины четвертого аграрного района
(самого крупного из семи районов).

Кашснейл — кундалианский лингвист (мертвый).

Майя — участница Сопротивления.

Бассе — участник Сопротивления.

Касстна — лидер отряда Сопротивления.

В'ОРННЫ

Аннос Ашера — старший сын Элевсина Ашеры.

Курган Стоггул — старший сын Венна Стоггула.

Маретэн Стоггул — младшая сестра Кургана.

Терретт — брат Кургана.

Теттси — бабушка Маретэн со стороны матери.

Сорнн СаТрэн — прим-агент, наследник баскирского Консорциума, торгующего пряностями.

Бронн Паллн — баскир, союзник семьи Стоггулов, претендовавший на пост прим-агента.

Нит Сахор — гэргон.

Нит Батоксс — гэргон (см. также Старый В'орнн).

Рекк Хачилар — в прошлом командир отряда, теперь — рэннн.

Олнн Рэддлин — в прошлом капитан первого ранга в отряде Рекк Хачилара, теперь — звезд-адмирал.

Старый В'орнн — наставник и учитель Кургана; одна из ипостасей Нита Батоксса.

Стой-генерал Локк Виэррент — командующий силами кхаггунов в районе Быстрых Озер.

Крыл-адъютант Мак Вииин — его адъютант.

Гилл Фуллом — уважаемый баскир.

Акктон Бллед — командир взвода.

Перв-капитан Квенн — хааар-кэут Кургана.

Доббро Маннкс — баскирский адвокат, знакомый Теттси.

Петтре Аурр — мать Сорнна СаТрэна.

Рада — тускуггун, хозяйка трактира «Кровавый прилив».

Джесст Веббн — геноматекк, ответственный за «эксперименты по гибридизации».

Кирлл Квандда — дэйрус, друг Сорнна СаТрэна.

Нит Исстал — протеже Нита Батоксса.

Нит Ректор — союзник Нита Сахора.

Нит Сэтт — союзник Нита Батоксса.

Нит Нассам — союзник Нита Батоксса.

Корруши

Пять племен:

Джени Серии — воинственное племя; столица — Бандишир.

Гази Кан — таинственное племя; столица — Агашир.

Расан Сул — торговцы пряностями; столица — Оккамшир.

Бэйи Дас — историки-археологи, живут в основном в Им-Тэре, рядом с раскопками За Хара-ат.

Хан Джад — ремесленники; столица — Шелашир.

Отнам — Гази Кан, член секты Горов.

Мехммер — сестра Отнама.

Паддии — союзник Отнама и Мехммер.

Макктууб — капудаан Гази Канов.

Джихарр — пророк Гази Канов.

Теззиг — первая аджан Макктууба.

Му-Аввул — старейшина Горов.

Перрнотт — рамахана.

Приложение II

СТРУКТУРА В'ОРННОВСКОГО ОБЩЕСТВА

В'орнновское общество имеет строгий кастовый характер и делится следующим образом:

Каста избранных:

Гэргоны — техномаги.

Баскиры — промышленники и предприниматели.

Геноматекки — медики.

Низшая каста:

Кхагггуны — военные.

Месагггуны — инженеры.

Тускугггун — женщины.

Дэйрусы — медицинский персонал, занимающийся умалишенными и мертвыми.

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – “Книги по почте”

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Ван Ластбадер Эрик
Вуаль Тысячи Слез
Фантастический роман

Редактор *Д.Б. Моисеев*
Художественный редактор *О.Н. Адашкина*
Компьютерный дизайн: *А.С. Сергеев*
Компьютерная верстка: *С.Б. Клецов*
Технический редактор *Т.В. Сафариевич*
Младший редактор *Е.А. Лазарева*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»
396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Эрик Ван Ластбадер, открывший отечественному читателю экзотическую магию восточных боевых искусств в потрясающих романах «Ниндзя», «Белый ниндзя» и «Мико», никогда не чурался жанра фэнтези.

Раса ЛЮДЕЙ и раса покоривших их ТЕХНОМАГОВ...

Очень разные — и очень похожие...

Ненавидящие друг друга — но способные иметь ОБЩИХ ДЕТЕЙ...

Согласно древнему пророчеству, победители и побежденные смогут выжить ТОЛЬКО ВМЕСТЕ.

Только — если рожденный от двух враждебных рас овладеет тайной связи между Темной и Светлой магией, обретет древнее Кольцо Пяти Драконов и отыщет Жемчужину магического Знания...

Пророчество ИСПОЛНЕНО.

Принц-«техномаг» Аннон, завладевший телесной оболочкой «человеческой» волшебницы Рианы, следует по Пути Избранного.

Ведь только в теле этой женщины сможет он поднять таинственную Вуаль Тысячи Слез, открывающую посвященному древнюю магию...

Кольцо Пяти Драконов
Вуаль Тысячи Слез
Владыница Жемчужины

ISBN 5-17-026670-7

9 785170 266708